

№ 7 (102) 2011
Выпуск 18

НАУЧНЫЙ РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в 1995 г.

Журнал входит
в Перечень ведущих рецензируемых
научных журналов и изданий,
выпускаемых в Российской Федерации,
в которых рекомендуется публикация
основных результатов диссертаций
на соискание ученых степеней
доктора и кандидата наук

Учредитель:

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего профес-
сионального образования «Белгородский госу-
дарственный национальный исследовательский
университет» (НИУ «БелГУ»)

Издатель:

НИУ «БелГУ».

Издательско-полиграфический комплекс
НИУ «БелГУ»

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору за соблюдением
законодательства
в сфере массовых коммуникаций
и охраны культурного наследия

Свидетельство о регистрации средства массовой
информации ПИ № ФС 77-21121 от 19 мая 2005 г.

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
ЖУРНАЛА**

Главный редактор

Л.Я. Дятченко,
ректор НИУ «БелГУ», доктор социологиче-
ских наук, профессор

Зам. главного редактора

А.П. Пересыпкин,
проректор по научной работе
НИУ «БелГУ», кандидат педагогических
наук

Ответственные секретари:

В.М. Московкин,
профессор кафедры мировой экономики
НИУ «БелГУ», доктор географических наук

Е.Н. Кролевецкая,
доцент кафедры педагогики НИУ «БелГУ»,
кандидат педагогических наук

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
СЕРИИ ЖУРНАЛА**

Главный редактор серии

В.А. Шатовалов,
доктор исторических наук, профессор
(НИУ «БелГУ»)

Заместители главного редактора:

Н.Н. Болгов,
доктор исторических наук,
профессор (НИУ «БелГУ»)

И.Т. Шапохин,
кандидат исторических наук, доцент
(НИУ «БелГУ»)

В.Н. Шилов,
доктор философских наук, профессор
(НИУ «БелГУ»)

Ответственный секретарь

Василенко В.В.,
кандидат исторических наук
(НИУ «БелГУ»)

НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ

Белгородского государственного университета

История Политология Экономика
Информатика

**Belgorod State University
Scientific Bulletin**

**History Political science Economics
Information technologies**

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

- Индоевропейская проблема и Эгеида. **А.Г. Чередниченко 5**
- К проблеме понимания термина «полис». **А.В. Унжаков 16**
- Взгляды Софокла и Перикла на соотношение писаного
и неписаного права. **Н.Н. Володина 22**
- Природный объект в моделировании сакрального пространства
греческих святилищ: к постановке проблемы. **Е.А. Семичева 27**
- Еще раз о должности наместника царства на Боспоре римского
времени. **С.А. Грингоф 32**
- Отечественные исследования жизни и деятельности Климента
Александрийского. **И.В. Зайцева 37**
- К вопросу о варваризации римской армии в IV в. н.э. (по данным
Аммиана Марцелина). **В.А. Дмитриев 44**
- Мифологические сюжеты в поэме Драконция «Похищение
Елены». **Е.Н. Великанова, Е.С. Данилов 56**
- Ритор Хорикий и газская школа. **А.М. Болгова, Н.Н. Болгов 64**
- Питер Браун и его концепция тела, пола и секса в Поздней
античности («Тело и общество: мужчины, женщины
и сексуальное воздержание в раннем христианстве».)
Д.Г. Эюпова 70
- Образование Партии пакистанского народа и оценка
ее деятельности в первые месяцы существования советским
посольством. **И.Б. Дежкин 79**
- Чжу Дэ о проблемах военного строительства в КНР (1949-1954 гг.).
И.Е. Пожилов 87
- Общественное мнение ФРГ об участии в урегулировании
конфликта в Персидском заливе в 1990-1991 гг.
А.А. Боровикова 97

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

- Этнический состав западноевропейцев на русской военной
службе в XVI веке. **О.В. Скобелкин 102**
- Освоение Российским государством своих южных окраин
и основание монастырей в конце XVI – начале XVII веков.
А.И. Папков 110
- Пенитенциарная практика монастырей Вологодской губернии
в конце XVIII – начале XX вв. **А.В. Рожина 116**
- Председатель земской управы и предводитель дворянства:
административный паритет, или борьба за лидерство в уездной жизни
пореформенной России (60 – 90-е гг. XIX в.). **В.А. Шатовалов 123**

Члены редколлегии:

М.Г. Абрамзон, доктор исторических наук, профессор (Магнитогорский государственный университет)

В.И. Бортников, доктор политических наук, профессор (Волынский национальный университет им. Леси Украинки, г. Луцк, Украина)

Н.А. Гаврилюк, доктор исторических наук (Институт археологии Национальной академии наук Украины)

А.В. Глухова, доктор политических наук, профессор (Воронежский государственный университет)

М. Казански, доктор истории (Центр изучения византийской цивилизации, Париж, Франция)

А.В. Коробков, доктор политологии (Университет штата Теннесси, США)

К.Н. Лобанов, доктор политических наук, доцент (Белгородский юридический институт МВД России)

Е.А. Молев, доктор исторических наук, профессор (Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского)

М. Плувиано, доктор истории (Генуэзский университет, Италия)

С.И. Посохов, доктор исторических наук, профессор (Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина, Украина)

И.М. Пушкарева, доктор исторических наук, старший научный сотрудник (Институт российской истории Российской академии наук)

С.Б. Сорочан, доктор исторических наук, профессор (Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина, Украина)

Н.П. Тельнов, доктор истории (Институт археологии Национальной академии наук Молдовы)

И.М. Тодоров, доктор истории, доцент (Великотърновский университет «Св. Кирилла и Мефодия», Болгария)

Э.М. Щагин, доктор исторических наук, профессор (Московский государственный педагогический университет)

Статьи представлены в авторской редакции.

Подготовка к выпуску: *Т.Г. Лагутина*;
оригинал-макет *В.В. Василенко, Н.Ю. Пыленко,*
Н.А. Гапоненко
E-mail: vasilenko_v@bsu.edu.ru

Подписано в печать 22.08.2011
Формат 60×84/8
Гарнитура Georgia, Impact
Усл. п. л. 33,24
Тираж 1000 экз.
Заказ 165.

Подписной индекс в каталоге агентства
«Роспечать» – 18078

Оригинал-макет тиражирован
в издательско-полиграфическом комплексе
НИУ «БелГУ»
Адрес: 308015 г. Белгород, ул. Победы, 85

О соотношении размеров барской запашки и крестьянского надела в Черноземном центре перед отменой крепостного права.

Л.М. Рянский, Р.Л. Рянский 134

Сбор сведений о населении Курской губернии в XIX в.: сотрудничество государства и церкви. **А.И. Дудка 141**

Численный состав сектанства в Российской империи на рубеже XIX – XX вв. (на примере губерний центрального Черноземья).

Е.П. Белоножко, Н.А. Клышнюк 147

Общества содействия распространению образования в Западно-Сибирском учебном округе. **М.П. Войтеховская 158**

Влияние органов общественного управления Курской губернии на структуру городской повседневности в конце XIX – начале XX вв. **М.А. Сергиенко 168**

Некоторые аспекты проблемы историографии дворянской благотворительности в центральном Черноземье второй половины XVIII – начала XX вв. **В.В. Шахов 177**

Провокатор П.А. Крушеван и публикация «Протоколов сионских мудрецов». **И.П. Шорников 189**

Из истории возникновения профсоюзов Терской области. 1905–1907 гг. (по материалам Северной Осетии).

Н.С. Махциева 197

Местная противовоздушная оборона Москвы в первом периоде Великой Отечественной войны. **А.В. Гусев 205**

Начало формирования Курской дуги. **В.Н. Замулин, В.В. Замулин 214**

Куйбышевская партийная организация КПСС периода перестройки (1985 – 1991 гг.): опыт социологического и статистического исследования. **И.В. Сеелев 223**

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТОЛОГИИ

Политика, политическая деятельность, политическое участие: теоретические интерпретации. **Т.С. Болховитина 231**

Феномен российского авторитаризма (к вопросу о его происхождении). **Т.М. Пенская 237**

Государственный совет как модель внеконституционного органа: особенности институционализации на разных уровнях публичного управления. **С.Г. Сергеев 244**

Государственная политика развития Дальнего Востока и Забайкалья в постсоветский период: цели и результаты. **С.А. Сидоров 252**

Проблема институционального политического участия в современной России в контексте перспектив развития гражданского общества. **О.Ю. Шмелева 258**

Политическое доверие в региональном пространстве. **Е.В. Реутов 265**

Россия и Молдова в поиске оптимального формата сотрудничества. **В.В. Огнева, Л.А. Брысякина 273**

Сведения об авторах 279

Информация для авторов 282

№ 7 (102) 2011
Issue 18

SCIENTIFIC PEER-REVIEWED JOURNAL

Founded in 1995

The Journal is included into the list of the leading peer-reviewed journals and publications coming out in the Russian Federation that are recommended for publishing key results of the theses for Doktor and Kandidat degree-seekers.

Founder:

Federal state autonomous educational establishment of higher professional education
«Belgorod National Research University»

Publisher:

Belgorod National Research University,
Belgorod National Research University Press
The journal is registered in Federal service of control over law compliance in the sphere of mass media and protection of cultural heritage

Certificate of registration of mass media
ПИ № ФС 77-21121 May 19, 2005.

EDITORIAL BOARD OF JOURNAL

Editor-in-chief

L.J. Djatchenko,

Rector of Belgorod National Research University, Doctor of sociological sciences, professor

Deputy editor-in-chief

A.P. Peresyppkin,

Vice-rector for scientific research of Belgorod National Research University, Candidate of pedagogical sciences

Assistant Editors

V.M. Moskovkin,

Professor of world economy department Belgorod National Research University, Doctor of geographical sciences

E.N. Krolevetskaya,

Associate professor of Pedagogics department of Belgorod National Research University, Candidate of pedagogical sciences

EDITORIAL BOARD OF JOURNAL SERIES

Editor-in-chief of the series

V.A. Shapovalov,

Doctor of historical sciences, Professor (Belgorod National Research University)

Deputies of editor-in-chief

N.N. Bolgov,

Doctor of historical sciences, Professor (Belgorod National Research University)

I.T. Shatokhin,

Candidate of historical sciences, Associate professor (Belgorod National Research University)

V.N. Shilov,

Doctor of philosophical sciences, Professor (Belgorod National Research University)

Belgorod State University

Scientific Bulletin

History Political science Economics

Information technologies

НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ

Белгородского государственного университета

История Политология Экономика

Информатика

CONTENTS

WORLD HISTORY

The Indo-European homeland problem and the Aegean region.

A.G. Cherednichenko 5

Understanding the term "polis". **A.V. Unzhakov 16**

Views of Sophocles and Pericles on correlation between written and unwritten law. **N.N. Volodina 22**

Natural object in modeling sacral space of Greek holy places: designation of problem. **E.A. Semicheva 27**

Once again about a position of the deputy of kingdom of the Bosporan Kingdom of Roman Age. **S.A. Gringof 32**

Research of life and works of Climent from Alexandria in Russia. **I.V. Zaitseva 37**

To the question of barbarization of the Roman army in IV cent. AD (according to Ammianus Marcellinus). **V.A. Dmitriev 44**

Mythological plots in Dragontius` s poem "The Abduction of Elena". **E.N. Velikanova, E.S. Danilov 56**

Choricus and Gaza school. **A.M. Bolgova, N.N. Bolgov 64**

Peter Brown and his conception of body, sex and sexual relations in Late Antiquity ("The Body and Society: Men, Women, and Sexual Renunciation in Early Christianity"). **D.G. Ehyupova 70**

The Pakistan People Party` s foundation and the Soviet embassy in Pakistan` s appreciation of its activity in the first months of the Party history. **I.B. Dezhkin 79**

Zhu De about problems of military reforms in PCR (1949-1954). **I.E. Pozhilov 87**

German public opinion in regard to participation in the Persian Gulf conflict settlement in 1990-1991. **A.A. Borovikova 97**

RUSSIAN HISTORY

The ethnic structure of West-Europeans in the Russian military service in the XVI century. **O.V. Skobelkin 102**

Development of the Southern borderland by the Russian state and establishment of monasteries in late XVI – early XVII century.

A.I. Papkov 110

Prison practice of Vologda province monasteries from late XIX to early XX centuries. **A.V. Rozhina 116**

Chairman of the district zemstvo council and marshal of the nobility: administrative parity or struggle for leadership in district life of post-reform Russia in 1860-1890s. **V.A. Shapovalov 123**

About correlation of lordly ploughing and peasant allotment in Black-Soil center before abolition of serfdom. **L.M. Ryansky, R.L. Ryansky 134**

Editorial assistant

V.V. Vasilenko,
Candidate of historical sciences
(Belgorod National Research University)

Members of editorial board:

M.G. Abramzon, Doctor of historical sciences, Professor (Magnitogorsk State University)

V.I. Bortnikov, Doctor of political sciences, Professor (Volyn National University named after Lesya Ukrainka, Lutsk, Ukraine)

N.A. Gavrilyuk, Doctor of historical sciences (Institute of Archeology of National Academy of Sciences of Ukraine)

A.V. Glukhova, Doctor of political sciences, Professor (Voronezh State University)

M. Kazanski, PhD in History (Center for History and Civilization of Byzantium, Paris, France)

A.V. Korobkov, PhD in Political Science (Middle Tennessee State University, USA)

K.N. Lobanov, Doctor of political sciences, Associate professor (Belgorod Juridical Institute of Ministry of Home Affairs of Russian Federation)

E.A. Molev, Doctor of historical sciences, Professor (Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevskiy)

M. Pluviano, PhD in History (University of Genoa, Italy)

S.I. Posokhov, Doctor of historical sciences, Professor (Kharkov National University named after V.N. Karazin, Ukraine)

I.M. Pushkareva, Doctor of historical sciences, Senior scientific worker (Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences)

E.M. Shagin, Doctor of historical sciences, Professor (Moscow State Pedagogical University)

S.B. Sorochan, Doctor of historical sciences, Professor (Kharkov National University named after V.N. Karazin, Ukraine)

N.P. Telnov, PhD in History (Institute of Archeology of National Academy of Sciences of Moldova)

I.M. Todorov, PhD in History, Associate Professor (Velikotyrnovo University «St. Cyril and Methodius», Bulgaria)

The articles are given in authors` editing.

Prepared for release: *T.G. Lagutina*;
dummy layout by *V.V. Vasilenko*,
N.Y. Pylenko, *N.A. Gaponenko*
e-mail: vasilenko_v@bsu.edu.ru

Passed for printing 22.08.2011
Format 60×84/8
Typeface Georgia, Impact
Printer's sheets 33,24
Circulation 1000 copies
Order 165.

Subscription reference
in Rospechat` agency catalogue – 18078

Dummy layout is replicated at Belgorod National
Research University Press
Address: 85, Pobedy str., Belgorod, Russia, 308015

Collecting data about population of the Kursk province in XIX century: cooperation of state and church. **A.I. Dudka 141**

Numerical structure of sectarianism in the Russian empire at the turn of XIX to XX centuries (on the example of provinces of Central Black-Soil region). **E.P. Belonozhko, N.A. Klyshnyuk 147**

The societies for promoting education in the West Siberian educational county. **M.P. Voytekhovskaya 158**

Influence of public administration bodies of the Kursk province on urban structure of everyday life in late XIX – early XX centuries. **M.A. Sergienko 168**

Some aspects of the problem of historiography of the nobility charity in Central Black-Soil region in the second half of XVIII – beginning of XX centuries. **V.V. Shakhov 177**

Provocateur. P.A. Krushevan and publication of the “Protocols of the elders of Zion”. **I.P. Shornikov 189**

From history of trade unions` establishment in Ter region in 1905-1907 (on materials of Northern Ossetia). **N.S. Makhtsieva 197**

Moscow local anti-aircraft defence in the first period of the Great Patriotic war. **A.V. Gusev 205**

Start of the Kursk Bulge formation. **V.N. Zamulin, V.V. Zamulin 214**

The Kuibyshev party organization of the CPSU in the reorganization period (1985-1991): experience of sociological and statistical research. **I.V. Seelev 223**

POLITICAL SCIENCE

Policy, political activity, political participation: theoretical interpretation. **T.S. Bolkhovitina 231**

Phenomenon of the Russian authoritarianism (to a question of its origin). **T.M. Penskaya 237**

The Council of State as a model of extra-constitutional body: features of institutionalization at different levels of public administration. **S.G. Sergeev 244**

State policy of development of the Far East and Transbaikalia during the post-Soviet period: the purposes and results. **S.A. Sidorov 252**

Problem of institutional political participation in modern Russia in the context of civil society development prospects. **O.Yu. Shmeleva 258**

Political trust in regional space. **E.V. Reutov 265**

Russia and Moldova in search of optimal format of collaboration. **V.V. Ogneva, L.A. Bryssiakina 273**

Information about Authors 279

Information for Authors 282

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

УДК 94.3

ИНДОЕВРОПЕЙСКАЯ ПРОБЛЕМА И ЭГЕИДА

Статья посвящена ряду аспектов проблемы поиска индоевропейской прародины. Опираясь на данные лингвистической палеонтологии и археологии, привлекая данные индоевропейских этногенеалогических традиций, автор приводит аргументы в пользу локализации прародины индоевропейцев в Эгейском регионе, включая юг Балкан и запад Анатолии, что согласуется с гипотезами В. Георгиева, К. Ренфрю, Дж. Мелларта. Лорд К. Ренфрю сформулировал важную идею, согласно которой ареал обитания этноса-носителя индоевропейского праязыка следует связать с одним из очагов возникновения производящей экономики. Археологические исследования показали, что на юге Балканского полуострова в VII тыс. до н.э. сформировался самостоятельный центр неолитизации. Возможно, памятники неолитических культур Балкан и Эгеиды были созданы носителями говоров первобытного языкового континуума, из которого в конце IV – начале III тыс. до н.э. выделились диалекты индоевропейского праязыка. «отец» истории Геродот зафиксировал факт пребывания в V в. до н.э. в Элладе и на островах Эгеиды помимо эллинов ещё и пеласгов, тирсенов (тирренов), дриопов (Геродот. История. I, 56-58; I, 146; II, 50-53, 56; V, 26; VI, 136-140; VII, 94-95; VIII, 43-44). Можно предположить, что эти этносы были потомками носителей говоров доиндоевропейского языкового континуума. Уже в 1-й пол. I тыс. до н.э. в Эгеиде доминировали эллины, но реликтовые эгейские этносы продолжали соседствовать с ними.

Ключевые слова: индоевропейская проблема, первобытный языковой континуум, Эгеида, индоевропейский праязык, археологические культуры эпохи неолита.

А.Г. ЧЕРЕДНИЧЕНКО

*Белгородский государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
cherednichenko@bsu.edu.ru*

В конце XX – начале XXI вв., когда общественное сознание заполонило великое множество наукообразных мифов, индоевропеистика продолжает свой путь к решению проблемы локализации индоевропейской прародины. На фоне попыток связать прародину индоевропейцев с арктическими областями и датировать возникновение их языка и культуры эпохой верхнего палеолита исследования В.А. Сафронова, О.Н. Трубачева, В.Н. Топорова, И.М. Дьяконова, В.В. Иванова, Т.В. Гамкрелид-

зе, В. Георгиева, Г. Чайлда, М. Гимбутас, К. Ренфрю, Дж. Мэллори и др. представляют большую ценность.

Заметим, что выдающийся британский археолог Гордон Чайлд был сторонником североевропейской локализации прародины индоевропейцев¹. Однако в Европе зона последнего великого оледенения простиралась на север от Судет и Карпат. Ледниковые покровы полностью освободили территории, освоенные затем людьми, только в предбореальное и бореальное время (примерно 10000–7750 лет назад)². Скандинавия, юг которой часто включают в ареал прародины германцев, была, скорее всего, освоена ими вторично, с материка и Ютландского полуострова³. Др.-герм. *skadin-aujo (откуда латинизированное Sca(n)dinavia) этимологически означает “пагубный остров” или “пагубный берег” (“Schaden-au”)⁴. Вряд ли исконная родина могла быть названа пагубным берегом. Наличие общеиндоевропейских названий деревьев (тиса, граба, грецкого ореха), не растущих в Северной Европе, и южных животных (льва) также свидетельствует не в пользу североевропейской локализации индоевропейской прародины⁵.

Западноевропейская локализация прародины индоевропейцев сомнительна не только потому, что на Пиренейском полуострове сохранился реликтовый неиндоевропейский язык басков. Одна из древнейших археологических культур Европы эпохи неолита – культура с керамикой импрессо (в т.ч. с керамикой, выполненной в техниках кардиум, матера; VI–IV тыс. до н.э.), памятники которой найдены на берегах Адриатического, Тирренского и Балеарского морей (прежде всего, в Апулии, на Сицилии, в Лигурии, на юге Франции, в Валенсии), – была связана с балканским центром «неолитизации»⁶. Мегалитические культуры Западной Европы, в т.ч. островов Западного Средиземноморья, имеют тесные связи с более древними неолитическими и энеолитическими культурами Балкан (VII–IV тыс. до н.э.)⁷.

Согласно гипотезе, которую выдвинул сравнительно недавно британский археолог Эндрю Колин Ренфрю, барон Ренфрю из Кеймсторна, протоиндоевропейцы (праиндоевропейцы) примерно за 2000 лет до вторжения в Европу носителей так называемой «курганной культуры» (древнеямной культурно-исторической общности) обитали в Анатолии, и позднее распространились в Греции, Италии, Сицилии, по Средиземноморскому побережью Франции, Испании и Португалии. Ещё одна ветвь протоиндоевропейцев мигрировала вдоль плодородных речных долин Дуная и Рейна в Центральную и Северную Европу⁸. Гипотеза лорда К. Ренфрю во многом согласуется с точкой зрения исследователя неолитических древностей Чатал-Хююка и Хаджи-

¹ Чайлд Г. Арийцы. Основатели европейской цивилизации / Пер. с англ. И.А. Емеца. М., 2007.

² Брей У., Трамп Д. Археологический словарь / Пер. с англ. Г.А. Николаева; под ред. В.П. Алексеева и др. М., 1990. С. 302; Ламберт Д. Доисторический человек: Кембриджский путеводитель / Пер. с англ. В.З. Махлина; под ред. А.Н. Олейникова. Л., 1991. С. 196–197.

³ Клиндт-Йенсен О. Дания до викингов / Пер. с англ. А.П. Саниной. СПб., 2003; Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе: Историко-археологические очерки. Л., 1985. С. 29.

⁴ Трубачев О.Н. Этногенез и культура древнейших славян: Лингвистические исследования. 2-е изд., доп. М., 2003. С. 104.

⁵ Сафронов В.А. Индоевропейские прародины. Горький, 1989. С. 19–20.

⁶ Брей У., Трамп Д. Археологический словарь. М., 1990. С. 22, 91, 101–102, 152, 232; Монгайт А.Л. Археология Западной Европы: Каменный век. М., 1973. С. 198, 256–258, 292–298; Чайлд Г. У истоков европейской цивилизации / Пер. с англ. М.В. Свиридовой-Граковой и Н.В. Ширяевой; под ред. Т.С. Пасек; предисл. А.Л. Монгайта. М., 1952. С. 308–334.

⁷ Марковин В.И. Новейшие вопросы изучения дольменов Западного Кавказа в связи с проблемой их происхождения // *Thracia Pontica. 2* / Ред. Ал. Фол, М. Лазаров, В. Попов, К. Ангелова. Ямбол, 1985. С. 164–178; Монгайт А.Л. Археология Западной Европы: Каменный век. М., 1973. С. 198, 246, 254, 256–273; Николова Л. Поява и разпространение на надгробните могили в Карпато-Балканския регион (ранна бронзова епоха) // *Археология (София)*. Год. XXXIV. 1992. № 3. С. 1–10; Чайлд Г. У истоков европейской цивилизации. М., 1952. С. 334–433; Renfrew C. Before Civilization: The Radiocarbon Revolution and Prehistoric Europe. London, 1990. P. 115–182.

⁸ Renfrew C. The Origins of Indo-European Languages // *Scientific American (New York)*. 1989. № 10. P. 82–90.

лара Джеймса Мелларта⁹. Лорд Ренфрю учел и концепцию своей коллеги по раскопкам в Ситагри в Греции Марии Гимбутас¹⁰.

М. Гимбутас выдвинула гипотезу об экспансии в конце III тыс. до н.э. в Центральную и Южную Европу из степной зоны Приуралья, Поволжья и Северного Причерноморья протоиндоевропейцев, якобы издавна занимавшихся скотоводством в степях Евразии и создавших «курганную культуру». Однако, по мнению большинства финно-угроведов, Приуралье, как и Западная Сибирь, входило в ареал прародины финно-угорских народов¹¹. Особую проблему представляют древние индоевропейские лексические проникновения и заимствования в финно-угорских языках¹². Но они относятся не к праиндоевропейским или праиндоиранским, а ко вполне оформившимся либо индоарийским, либо иранским диалектам, т.е. могут быть датированы I тыс. до н.э. По фонетическим признакам из индоарийских диалектов можно вывести следующие заимствования и проникновения в финно-угорских языках и живых языках:

фин.-угор. *aiva «только» близко индоар. *aiva > др.-инд. eva «так, едва, только, еще, именно»;

венг. gyantar, gyanta «янтарь» восходит к индоар. *yan-t[a]r- «имя деятеля или орудия от глагольного корня yam – держать, сдерживать, соединять», ср. др.-инд. yantar- «возница», yantram «запор, связь»;

фин.-угор. *sapta «семь» восходит к индоар. *sapta «семь», а не к общеиран. *hapta > hafta;

волж.-фин. *sasar «младшая сестра, двоюродная сестра, племянница» ближе к индоар. *svasar, нежели к общеиран. *hvaḥar «сестра»;

фин.-угор. *s'asra / sasra «тысяча» восходит к диал. индоар. числительному *(sa)-jasra, близкородственному др.-инд. sa-hasra(m), или представляет собой результат стяжения индоар. праформы *sa-asra (ср. авест. hazangrem < *ha-zahra-m);

фин.-угор. *s'ata «сто» ближе к индоар. çata-, нежели к общеиран. *sata- «сто»;

фин.-угор. *s'uка «ость, щетина» восходит к индоар. çuka «ость злаков, жало»;

манс. sog, удм. sur «пиво» восходит к индоар. *suru «хмельной напиток» (ср. авест. hura, пехл. hur);

морд. эрзя sed' «мост» толкуется из др.-инд. setu- «плотина, дамба, мост» (индоар. *saitu, но ираноарийск. *haitu);

перм. *med «плата» ближе др.-инд. modha- «добыча, вознаграждение», нежели к иран. mizda- «плата» (особенности отражения вокализма корня позволяют предполагать относительно позднее время заимствования после перехода реликтового *mauda в *mod-);

фин.-угор. *tarna «трава, осока, сено» сопоставимо с др.-инд. tr'na «трава, стебель, соломинка, солома».

Приведенные лексемы свидетельствуют о том, что индоиранские заимствования в финно-угорских языках дают примеры с s в самых разных позициях. В этих позициях в общеиранском s должно было переходить в h: в анлауте перед гласным, в группе sv-, в интервокальной позиции, перед r, в конце слова. Особое отражение (s') получают палатализованные смычные j и ç. Таким образом, индоевропейская или промежуточная индоиранская и финно-угорская прародины вряд ли могли нахо-

⁹ Mellaart J. Anatolia and the Indo-Europeans // Journal of Indo-European Studies (Washington). 1981. Vol. 9. № 1-2. P. 135–149.

¹⁰ Гимбутас М. Балты. Люди янтарного моря / Пер. с англ. С. Федорова. М., 2004. С. 41–59.

¹¹ Краткая история Венгрии: С древнейших времен до наших дней / Отв. ред. Т.М. Исламов. М., 1991. С. 13–14; Чебоксаров Н.Н., Чебоксарова И.А. Народы. Расы. Культуры. 2-е изд., испр., доп. М., 1985. С. 52–53; Юхас П. Тюрко-българи и маджари: Влияние на тюрко-българската култура върху маджарите. София, 1985. С. 46–48.

¹² Грантовский Э.А. Иран и иранцы до Ахеменидов: Основные проблемы. Вопросы хронологии. М., 1998. С. 69–83; Трубачев О.Н. Indoarica в Северном Причерноморье: Реконструкция реликтов языка. Этимологический словарь. М., 1999. С. 125–135.

даться в смежных ареалах. Проблематично определять как протоиндоевропейскую или протоиндоиранскую культуру Синташта (конец III – первая четв. II тыс. до н.э.)¹³ и включать Приуралье в ареал прародины индоевропейцев.

Кроме того, как убедительно доказал В.А. Сафронов, ядро древнеямной культурно-исторической общности* сложилось на рубеже IV–III тыс. до н.э. в Северном Попрутье, в степной полосе восточнокарпатских предгорий, на основе центральноевропейских культур Лендзел и воронковидных кубков, а первые курганные погребения в Сарново и Баальберге могут быть датированы последней третью IV тыс. до н.э.¹⁴. Гипотеза В.А. Сафронова об индоевропейских прародинах стала поворотным моментом в отечественных историко-археологических исследованиях, посвященных индоевропейской проблеме¹⁵. Опираясь на гипотезу Н.Д. Андреева о раннеиндоевропейском праязыке¹⁶, В.А. Сафронов обосновал локализацию раннеиндоевропейской прародины в ареале малоазийской неолитической культуры Чатал-Хююка, связал среднеиндоевропейскую прародину с ареалом энеолитической цивилизации Винча в Подунавье, а позднеиндоевропейскую прародину – с ареалами культур Лендзел и воронковидных кубков в Центральной Европе. Распад праиндоевропейской этнокультурной общности В.А. Сафронов датировал рубежом IV–III тыс. до н.э.

Гипотеза К. Ренфрю в некоторой степени согласуется с концепцией В.А. Сафронова. Однако К. Ренфрю считает, что неолитическая культура Старчево – Кёрёш – Криш – Караново в Подунавье была создана праиндоевропейцами. А В.А. Сафронов полагал, что создатели культуры Старчево – Кёрёш были носителями севернокавказских языков, поскольку они продвинулись на восток, оставляя следы в виде буго-днестровской культуры, датируемой IV тыс. до н.э., а также следы на Днепре, на Дону (в ст. Раздорской), в Калмыкии (Джангр) и в Закавказье (шому-тепинская культура). По мнению В.А. Сафронова, культура Старчево ответственна за неолитизацию Центральной Европы, а Винча – за индоевропеизацию Европы и внедрение более интенсивных методов земледелия. Черты ареальных контактов культур Старчево – Кёрёш и Винча отразились в керамике Винчи, что свидетельствует о мирном сосуществовании носителей этих культур на последнем этапе Старчево IV. Тем не менее, детальное сравнительное исследование культур Старчево – Кёрёш и Винча – дело будущего. Заметим также, что существует гипотеза о центральноазиатском происхождении севернокавказского праязыка, а индоевропейско-севернокавказские праязыковые контакты объясняются, например, проникновением предков индоевропейцев-тохар в Центральную Азию¹⁷.

Главный оппонент Колина Ренфрю Джеймс Патрик Мэллори локализует прародину индоевропейцев в Понтийско-Каспийском регионе, что в значительной степени согласуется с гипотезой М. Гимбутас¹⁸. Однако и М. Гимбутас, и К. Ренфрю, и Дж. Мэллори, и В.А. Сафронов свои концепции построили, опираясь, в первую оче-

¹³ Березкин Ю.Е. Аркаим как церемониальный центр: Взгляд американиста // Проблемы хронологии и периодизации в археологии / Ин-т археологии АН СССР. Л., 1991. С. 29–39; Григорьев С.А. Синташта и арийские миграции во II тыс. до н.э. // Новое в археологии Южного Урала / Уральское отделение РАН. 1996 [Электронный ресурс].

Режим доступа: <http://www.kladina.narod.ru/grigorjev/grigorjev.htm>

* В работах М. Гимбутас и К. Ренфрю древнеямной культурно-исторической общности соответствует «курганная культура».

¹⁴ Сафронов В.А. Индоевропейские прародины. Горький, 1989. С. 190–205.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Андреев Н.Д. Раннеиндоевропейский праязык. Л., 1986.

¹⁷ Бенвенист Э. Тохарский и индоевропейский // Тохарские языки / Под ред. и с вступ. ст. В.В. Иванова. М., 1959. С. 90–108, 155–156; Старостин С.А. Индоевропейско-севернокавказские изоглоссы // Древний Восток: Этнокультурные связи / Отв. ред. Г.М. Бонгард-Левин, В.Г. Ардзинба. М., 1988. С. 112–163; Шапошников А.К. Место Потисья и Паннонии в древнейших этногенеалогических преданиях славянских народов // Slavica Slovaca (Bratislava). 2004. R. 39. Č. 2. S. 97–106.

¹⁸ Мэллори Дж.П. Индоевропейские прародины: Пер. с англ. // Вестник древней истории (М.). 1997. № 1. С. 61–82; Mallory J.P. In Search of the Indo-Europeans: Language, Archaeology and Myth. London, 1992. P. 215–221.

редь, на результаты археологических изысканий, в то время как индоевропейская проблема – преимущественно лингвистическая¹⁹. Кроме того, всё еще не решена проблема построения «генеалогического древа» археологических культур. В.А. Сафронов предложил для решения данной проблемы выделять этническое ядро археологической культуры (керамика, погребальный обряд, металлический инвентарь, тип поселений, укреплений, жилищ, орнаментация на сосудах)²⁰. Однако, чтобы установить генетическое родство археологических культур, необходимо подтвердить генетическое родство их носителей, проведя ДНК-анализ костных останков, обнаруженных в погребениях, т.е. установив ДНК-генеалогию или генеалогию Y-хромосомы создателей той или иной археологической культуры²¹. Масштабных исследований по проблеме ДНК-генеалогии индоевропейцев пока не проводилось.

Тем не менее, К. Ренфрю сформулировал важную идею, согласно которой ареал обитания этноса-носителя индоевропейского праязыка следует связать с одним из очагов возникновения производящей экономики, что согласуется с достижениями лингвистической палеонтологии²². Таким образом, индоевропейская прародина может быть локализована на землях ближневосточного Плодородного Полумесяца, в Анатолии, Эгеиде или на Балканах. Решать индоевропейскую проблему возможно лишь в рамках сравнительно-исторического языкознания, так как из всех базовых знаковых систем протоиндоевропейского этноса реконструируется только индоевропейский праязык. Свообразным индикатором пребывания носителей языка в каком-либо ареале является древняя ономастика региона. Объективно же связать археологическую культуру с носителями языка можно лишь при наличии надписей на артефактах²³.

Что касается времени возникновения индоевропейского праязыка, в палеолите, мезолите и неолите еще не возникли праязыки известных языковых семей. Существовал первобытный языковой континуум (“banana languages”), реликтом которого является «языковая непрерывность» Новой Гвинеи²⁴. Первобытный языковой континуум Старого Света стал распадаться на формирующиеся языковые семьи во 2-й пол. IV тыс. до н.э.

В самом начале III тыс. до н.э. уже обособились шумерская семья (диалекты еме-KU и еме-sal, 30–40 говоров) и афразийская (семито-хамитская) семья, довольно рано разделившаяся на древнеегипетскую группу (1 язык и около 40–50 говоров) и семитскую группу (в посл. трети III тыс. до н.э. зафиксированы клинописью аккад-

¹⁹ Одри Ж. Индоевропейский язык: Пер. с франц. // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 21: Новое в современной индоевропейистике / Сост., вступ. ст. и общ. ред. В.В. Иванова. М., 1988. С. 24–121, 532–533.

²⁰ Сафронов В.А. Индоевропейские прародины. Горький, 1989. С. 56–64.

²¹ Шапошников А.К. Индоевропейский этногенез – свидетельствуют мифология, лингвистика, ономастика и ДНК-генеалогия // Индоевропейская история в свете новых исследований (Сборник трудов конференции памяти проф. В.А. Сафронова) / Отв. ред. Е.В. Яровой. М., 2010. С. 251–262; Клёсов А.А. Происхождение евреев с точки зрения ДНК-генеалогии // Заметки по еврейской истории. 2008. № 1 (92) – 7 (98) [Электронный ресурс].

Режим доступа: <http://u620.17.spylog.com/cnt?f=3&p=1&rn=0.4546501018963074>; Atkinson Q.D., Gray R.D. How old is the Indo-European language family? Illumination or more moths to the flame? // Phylogenetic Methods and the Prehistory of Languages / The McDonald Institute for Archaeological Research. Cambridge, 2006. P. 91–109.

²² Георгиев В.И. Исследования по сравнительно-историческому языкознанию: Родственные отношения индоевропейских языков. М., 1958. С. 242, 247, 272–277; Одри Ж. Индоевропейский язык. С. 24–121, 532–533.

²³ Снодграсс А.М. История Греции в свете археологии: Пер. с англ. // Вестник древней истории. 1992. № 2. С. 32–40.

²⁴ Беллвуд П. Покорение человеком Тихого океана: Юго-Восточная Азия и Океания в доисторическую эпоху / Пер. с англ. Предисл. М.В. Крюкова. Комментар. В.А. Шнирельмана, М.С. Полинской. М., 1986. С. 128–153; История древнего Востока: Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Ч. 1: Месопотамия / Под ред. И.М. Дьяконова. М., 1983. С. 90–93; Молчанов А.А. Посланцы погибших цивилизаций: Письмена древней Эгеиды. М., 1992. С. 59–66; Чебоксаров Н.Н., Чебоксарова И.А. Народы. Расы. Культуры. М., 1985. С. 48–49.

ский, эблаитский языки)²⁵. Ареал семито-хамитской прародины предположительно включал в себя Аравийскую пустыню до Нила, в т.ч. всю Аравию без долин Евфрата и Тигра и нагорий.

Достоверных лингвистических фактов выделения индоевропейских языков из первобытного языкового континуума до рубежа III–II тыс. до н.э. не наблюдается, хотя этот процесс мог начаться в конце IV – начале III тыс. до н.э. С XVIII в. до н.э. появляются памятники старохеттского языка, лувийских диалектов (выполненные иероглифическим письмом), языка линейного письма А на Крите.

Можно согласиться с идеей А.К. Шапошникова о том, что первые родоплеменные группы носителей диалектов индоевропейского праязыка сформировались именно в Эгеиде, включая юг Балканского полуострова и Западную Анатолию, и оттуда начали расселяться по ойкумене²⁶. Еще Владимир Георгиев отмечал, что в бассейне Эгейского моря, на Балканах нет древней неиндоевропейской ономастики и других следов пребывания неиндоевропейцев²⁷. Правда, на острове Лемнос были обнаружены тирренские надписи²⁸. Но тот же В. Георгиев указал на близость языка тирренов-этрусков индоевропейским языкам²⁹. Судя по всему, Эгеида и Западная Анатолия являлись прародиной не только индоевропейских

²⁵ Дьяконов И.М. Языки древней Передней Азии. М.: Наука, 1967. С. 21–29, 35–37, 44–51, 179–189; Дьяконов И.М. Значение Эблы для истории и языкознания // Древняя Эбла (Раскопки в Сирии): Пер. с англ., ит., нем. и фр. языков / Сост. и введение П. Маттиз; Общ. ред. и закл. статья И.М. Дьяконова. М., 1985. С. 318–349; Милитарев А.Ю. Еще раз о происхождении земледелия по данным праафразийской (прасемито-хамитской) лингвистической реконструкции // Вестник древней истории. 1989. № 1. С. 128–131; Милитарев А.Ю., Коган Л.Е. Об агробиологических представлениях древней Передней Азии: Термины «опылять» и «прививать» (растения) в языке древних семитов IV – начала III тыс. до н.э. // Вестник древней истории. 2000. № 2. С. 229–235; Языки Азии и Африки. Кн. III: Языки древней Передней Азии (несемитские). Иберийско-кавказские языки. Палеоазиатские языки / Гл. ред. В.М. Солнцев; Отв. ред. Г.Д. Санжеев. М., 1979. С. 8–17; Языки Азии и Африки. IV. Афразийские языки. Кн. 1: Семитские языки / Отв. ред. И.М. Дьяконов, Г.Ш. Шарбатов. М., 1991. С. 6–16, 70–71, 110–111; Языки Азии и Африки. IV. Афразийские языки. Кн. 2: Кушитские языки. Ливийско-гуанчские языки. Египетский язык. Чадские языки / Отв. ред. И.М. Дьяконов, Г.Ш. Шарбатов. М., 1991. С. 268–269.

²⁶ Шапошников А.К. Горная страна Судакские горы: Древнейшая ономастика Юго-Восточной Таврики // Шапошников А.К. Старый добрый болгарский Коктебель: История, филология, культура. Симферополь, 1999. С. 44–55; Шапошников А.К. Этимологические наблюдения // Этимология. 1997–1999: Посв. 70-летию академика О.Н. Трубачева / Отв. ред. Ж.Ж. Варбот. М., 2000. С. 192–200; Шапошников А.К. Древнейшая ономастика Таврического полуострова. Готия // Київська старовина (Київ). 2004. № 6 (360). С. 74–115; Шапошников А.К. Место Потисья и Паннии в древнейших этногенетических преданиях славянских народов // Slavica Slovaca. 2004. R. 39. Č. 2. S. 97–106; Шапошников А.К. Indoarica в Северном Причерноморье // Вопросы языкознания (М.). 2005. № 5. С. 30–67; Шапошников О.К. Найдавніша ономастика Малої Скіфії // Науковий вісник Чернівецького університету: Збірник наукових праць. Випуск 354–355: Слов'янська філологія. Чернівці, 2007. С. 74–83; Шапошников-Перунко А.К. Этимология некоторых крымско-болгарских диалектных слов // В света на човека: Сборник в чест на проф. д.и.н. Иваничка Георгиева / Съставители и научни редактори Дж. Маджаров, Кр. Стоилов. Т. 2. София, 2008. С. 337–346; Шапошников А.К. Древнейшая ономастика Судакского региона // Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Степанова Е.В., Шапошников А.К. Житие Стефана Сурожского в контексте истории Крыма иконоборческого времени. Симферополь, 2009. С. 298–316; Шапошников А.К. Дионис – *DIUO-NUSOS Диева сноха // Studia Slavica. Вип. 10: Ономастика. Топоніміка: Зб. наук. пр. / Упоряд. і відп. ред.: С. Пахомова, Я. Джоганик. Ужгород, 2009. С. 193–199; Шапошников А.К. Лексический комплекс пеласгического вида в праславянском // Studia etymologica Brunensia 6 / Editorky: I. Janyšková, H. Karlíková. Praha, 2009. S. 303–311; Шапошников А.К. Индоевропейский этногенез – свидетельствуют мифология, лингвистика, ономастика и ДНК-генеалогия // Индоевропейская история в свете новых исследований. М., 2010. С. 251–262.

²⁷ Георгиев В.И. Исследования по сравнительно-историческому языкознанию: Родственные отношения индоевропейских языков. М., 1958. С. 109–110, 144–145, 247.

²⁸ Кречмер П. Тирренские надписи Лемносской стелы // Тайны древних письмен: Проблемы дешифровки: Пер. с англ., нем., франц. и ит. языков / Сост., ред. и предисл. И.М. Дьяконова. М., 1976. С. 335–338.

²⁹ Георгиев В.И. Исследования по сравнительно-историческому языкознанию: Родственные отношения индоевропейских языков. М., 1958. С. 194–197.

этносов, но и близких им по происхождению эгейских тирренов (тирсенов), участвовавших в этногенезе этрусков³⁰.

Сами эллины, вопреки расхожему мнению об их приходе на юг Балкан и острова Эгейского моря на рубеже III–II тыс. до н.э., возможно, из Подунавья или Малой Азии, считали себя потомками коренных обитателей юга Балкан и возводили своё родословие к роду сына Прометея Девкалиона, царя фессалийской Фтии (Аполлодор. Мифологическая библиотека. I, 7, 2–3; Геродот История. I, 56; Гомер. Илиада. II, 681–685; Диодор Сицилийский. Историческая библиотека. IV, 60; IV, 67–68; Фукидид. История. I, 2–12)³¹. «Отец истории» Геродот зафиксировал факт пребывания в V в. до н.э. в Элладе и на островах Эгеиды, не только эллинов, но и пеласгов, тирсенов (тирренов), дриопов и др. (Геродот. История. I, 56–58; I, 146; II, 50–53, 56; V, 26; VI, 136–140; VII, 94–95; VIII, 43–44). Можно предположить, что эти этносы были потомками носителей говоров доиндоевропейского языкового континуума. Уже в 1-й пол. I тыс. до н.э. в Эгеиде доминировали эллины, но реликтовые эгейские этносы продолжали соседствовать с ними. Древнейшая ономастика юга Балкан и других земель бассейна Эгейского моря свидетельствует об индоевропейском происхождении или, во всяком случае, близости индоевропейцам так называемого «догреческого субстрата»³². Например, в древнейшей ономастике Эгеиды зафиксирована «догреческая» или «эгейская» основа *lar-³³. Данную основу сохраняет, например, местное название Λάριο(σ)α, которое встречается в Фессалии, Аргосе, Аттике, на границе Элиды и Ахайи, на Крите, в Лидии, Троаде, Понте, а также в Кампании и стране гетов во Фракии. Полис Λάριο(σ)α в Фессалии имел эпитет Πελασγίς и некогда принадлежал пеласгам. Но основа *lar- является греческой адаптацией и.-е. прототипа *lauar- / *lawar- ‘камень’ (ср. др.-греч. λαας). Примечательно, что миф о восстановлении человеческого рода после «Девкалионова потопа» из камней указывает на связь λαας ‘камень’ и эолийско-фригийского λαός, обозначавшего первоначально сообщество мужчин, тайный мужской союз и даже «мужской дом» (Аполлодор. Мифологическая библиотека. I, 7, 2–3; Диодор Сицилийский. Историческая библиотека. IV, 67)³⁴. Возможно, λαοί обитали в «мужских домах», построенных из камня. Этимологически Λάριο(σ)α – ‘каменные сооружения, каменная крепость’³⁵.

Что касается механизма миграций праиндоевропейцев, как показали исследования Стефана Йорданова, его отражает обряд *Ver sacrum* («священная весна»)³⁶. Во

³⁰ Немировский А.И. Этруски. От мифа к истории. М., 1983. С. 7–61; Немировский А.А. К вопросу об отражении анатолийского этнополитического переворота начала XII в. до н.э. в греческой традиции // Античность: общество и идеи / Отв. ред. О.Л. Габелко. Казань, 2001. С. 6–19; *The Religion of the Etruscans* / Ed. N. Thomson de Grummond, E. Simon. Austin, 2006. P. 1–8.

³¹ Андреев Ю.В. В ожидании «греческого чуда» // Вестник древней истории. 1993. № 4. С. 15–16; Андреев Ю.В. От Евразии к Европе: Крит и Эгейский мир в эпоху бронзы и раннего железа (III – начало I тыс. до н.э.). СПб., 2002. С. 9–10; Гиндин Л.А., Цымбурский В.Л. Прагреки в Трое (Междисциплинарный аспект) // Вестник древней истории. 1994. № 4. С. 19–39.

³² Георгиев В.И. Исследования по сравнительно-историческому языкознанию (Родственные отношения индоевропейских языков). М., 1958. С. 87–110; Гиндин Л.А. Язык древнейшего населения юга Балканского полуострова: Фрагмент индоевропейской ономастики. М., 1967. С. 17–42, 165–170; Гиндин Л.А. Древнейшая ономастика Восточных Балкан (Фрако-хетто-лувийские и фрако-малоазийские изоглоссы). София, 1981. С. 170–188; Откупщиков Ю.В. Догреческий субстрат: У истоков европейской цивилизации. Л., 1988. С. 9–42, 164–186; Huxley G.L. *Achaean and Hittites*. Belfast, 1968. P. 23–29; Huxley G.L. *Minoans in Greek Sources*. Belfast, 1968.

³³ Гиндин Л.А. Язык древнейшего населения юга Балканского полуострова. М., 1967. С. 82–85.

³⁴ Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов / Пер. с фр. Н.Н. Казанского и др.; общ. ред. и вступ. ст. Ю.С. Степанова. М., 1995. С. 295–298; Chantraine P. *Dictionnaire étymologique de la langue grecque: Histoire des mots*. Т. 3: Λ – Π. Paris: Éditions Klincksieck, 1974. P. 609–610, 619–620.

³⁵ Гиндин Л.А. Язык древнейшего населения юга Балканского полуострова: Фрагмент индоевропейской ономастики. М., 1967. С. 60, 82–85; Дуриданов И. Пеласгские топонимы на территории древней Фракии // Этимология. 1997–1999: Посв. 70-летию акад. О.Н. Трубачева / Отв. ред. Ж.Ж. Варбот. М., 2000. С. 40–41.

³⁶ Йорданов Ст. Обичаят «свещена пролет» у прабългарите и механизъмът на преселенията им в Северното Причерноморие и на Балканите // Страници от историята на българите в Северното Причер-

время совершения инициационных ритуалов 50 юношей и 50 девушек (младшие или старшие дети в зависимости от системы минората или майората) покидали родовую общину, чтобы основать новую. Переселенцы путь держали, следуя за священной коровой. Корова, остановившись, указывала место для нового поселения (ср., например, эллинские мифы о странствиях телицы Ио). Балкано-Дунайский регион, в котором помещали индоевропейскую прародину И.М. Дьяконов, Л.А. Лелеков, Армянское нагорье, Закавказье и Северная Месопотамия, где локализовали первоначальный ареал обитания индоевропейцев В.В. Иванов и Т.В. Гамкрелидзе, Циркумпонтийский регион, с которым связывали индоевропейский этно-лингво-культурогенез Н.Я. Мерперт и Е.Н. Черных, судя по всему, были промежуточными прародинами индоевропейцев³⁷.

Реконструкция праиндоевропейской просодики показывает, что в и.-е. праязыке со времени его выделения из первобытного языкового континуума до первого «полураспада» (на *centum* ~ *satəm*) было в лучшем случае два ряда согласных – сильные и слабые (напряженные и ненапряженные, звонкие и глухие), а в худшем – нейтральная оппозиция согласных и по звонкости, и по придыхательности (это – наследие первобытного континуума, в котором $p \sim b \sim m$, $t \sim d \sim n$, $k \sim g \sim \eta$). Просодические признаки еще не перешли на уровень согласных и гласных. Все дальнейшие преобразования и перебои в системе согласных были вызваны особенностями перехода просодического признака на уровень консонантизма при обособлении отдельных дочерних и.-е. языков³⁸.

Представляется вполне удовлетворительным следующее объяснение возникновения и.-е. апофонии (чередования $e - a - o$). Сначала это явление фонеморфологического уровня праязыка зародилось в первобытной системе глагола для различения имперфектных и перфектных форм (соотносимых с номинативной и эргативной конструкциями), а затем, через формы типа германского причастия совершенного вида, проникло в систему имён. Апофония развилась посредством перехода просодических признаков на уровень вокализма (еще небогатого), путем превращения в отдельные фонемы прежних вариантов одной гласной фонемы в зависимости от акцента и фонетического окружения (последующие губные, носовые и плавные согласные, гласные заднего ряда в последующем слове и т.п.). Затем новообразованная лексика подверглась воздействию языковой аналогии, которая несколько редуцировала и унифицировала первоначально пёструю систему. И лишь впоследствии вступил в

номорие / Сост. и отв. ред. П. Тодоров. Велико Търново, 1996. С. 24–40; Йорданов Ст. Проблеми на посттарно-политическата и историческата етнология: Библиография, историографско и проблемно-теоретично проучване. Част първа: Въведение в проблематиката. Велико Търново, 2009. С. 232–251.

³⁷ Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Древняя Передняя Азия и индоевропейская проблема: Временные и ареальные характеристики общеиндоевропейского языка по лингвистическим и культурно-историческим данным // Вестник древней истории. 1980. № 3. С. 3–27; Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Миграции племен – носителей индоевропейских диалектов – с первоначальной территории расселения на Ближнем Востоке в исторические места их обитания в Евразии // Вестник древней истории. 1981. № 2. С. 11–33; Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. К проблеме прародины носителей родственных диалектов и методам ее установления: По поводу статей И.М. Дьяконова в ВДИ, 1982, № 3 и 4 // Вестник древней истории. 1984. № 2. С. 107–122; Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси, 1984. Кн. 1–2; Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Индоевропейцы: О реконструкции индоевропейского праязыка и протокультуры // Наука и жизнь (М.). 1988. № 5. С. 120–128; Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Первые индоевропейцы в истории: Предки тохар в древней Передней Азии // Вестник древней истории. 1989. № 1. С. 14–39; Дьяконов И.М. О прародине носителей индоевропейских диалектов. 1 // Вестник древней истории. 1982. № 3. С. 3–30; Дьяконов И.М. О прародине носителей индоевропейских диалектов. 2 // Вестник древней истории 1982. № 4. С. 11–25; Лелеков Л.А. К новейшему решению индоевропейской проблемы // Вестник древней истории. 1982. № 3. С. 31–37; Мерперт Н.Я. Миграции в эпоху неолита и энеолита // Советская археология (М.). 1978. № 3. С. 9–28; Мерперт Н.Я. Об этнокультурной ситуации IV – III тысячелетий до н.э. в циркумпонтийской зоне // Древний Восток: Этнокультурные связи / Отв. ред. Г.М. Бонгард-Левин, В.Г. Ардзинба. М., 1988. С. 7–36; Черных Е.Н. Циркумпонтийская провинция и древнейшие индоевропейцы // Древний Восток: Этнокультурные связи / Отв. ред. Г.М. Бонгард-Левин, В.Г. Ардзинба. М., 1988. С. 37–57.

³⁸ Герценберг Л.Г. Вопросы реконструкции индоевропейской просодики. Л., 1981.

действие фактор повышенной частотности словоупотребления. Хронологические этапы развития и.-е. апофонии едва различимы во тьме веков. Ясно только, что индоиранская группа обособилась от основного и.-е. ареала еще до фонематизации двух вариантов фонемы типа *a* (в этой группе преобладает вокализм типа *a* с просодическими вариантами), хетто-лувийская группа обособилась чуть позже, когда два варианта корневой фонемы уже превратились в фонемы (вокализм типа *a* и *e*), немного отстоит от этого времени и обособление балтийской группы, первобытный вокализм которой также, похоже, имел только две основные фонемы (*a* и *e*). Еще позже обособились языки армянской, албанской, минойской, данайской групп, в которых фонематизация двух вариантов первичной гласной фонемы проявляется очевиднее (*a*, *e*, иногда *o*)³⁹.

Большая часть и.-е. языковых групп, имеющих вполне оформившуюся апофонию типа *e/o*, обособилась и развивалась в Эгеиде, на Балканах и в Южной Италии с окружающими её островами. Однако выделение индоевропейского праязыка из первобытной «языковой непрерывности» можно отнести, используя археологическую терминологию, не к эпохе неолита, а к энеолиту и эпохе бронзы. Таким образом, создатели неолитических культур Эгеиды были носителями говоров первобытного языкового континуума.

Археологические исследования показали, что на юге Балканского полуострова в VII тыс. до н.э. сформировался самостоятельный центр неолитизации⁴⁰. При раскопках пещеры Франтхи к северо-западу от Портохели в Арголиде получены свидетельства непрерывного обитания там людей от позднего палеолита до неолита⁴¹. В неолитических слоях обнаружены орудия труда из обсидиана, кремния и кости, каменные и глиняные статуэтки. Обсидиан, который был предметом торговли в бассейне Эгейского моря уже в конце VIII тыс. до н.э., добывался на острове Мелос⁴². Анализ обуглившихся остатков растений показал, что в раннем неолите (VII тыс. до н.э.) в Арголиде появился ячмень, в среднем неолите – пшеница. В слоях последней фазы докерамического неолита найдены кости козы и овцы и в значительно большем количестве кости свиньи, что объясняется ее одомашниванием. Памятники докерамического неолита Фессалии, связанные с древнейшими неолитическими культурами Пелопоннеса и Анатолии, датируются 2-й половиной VII тыс. до н.э.⁴³. Памятники неолитических культур на юге Балкан обнаружены в районе Олимпов (’Ολύμπος – ‘гора’, этимологически ‘пуп земли’ < и.-е. *omb(h)-/*ump-, ср. др.-греч. рефлекс ’ομφαλός ‘пуп, острый выступ, стержень, краеугольный камень’⁴⁴), т.е. Олимпа Элидского и Олимпа Фессалийского (Страбон. География. VIII, 3, 30–31). Возможно, почитание Олимпа как обители богов в эллинской и римской традициях, пред-

³⁹ Молчанов А.А. Посланцы погибших цивилизаций: Письмена древней Эгеиды. М., 1992. С. 59–66; Шапошников О.К. Найдавніша ономастика Малої Скіфії // Науковий вісник Чернівецького університету: Збірник наукових праць. Випуск 354–355: Слов’янська філологія. Чернівці, 2007. С. 74–83; Шапошников А.К. Лексический комплекс пеласгического вида в праславянском // *Studia etymologica Brunensia* 6 / Editorcy: I. Janyšková, H. Karlíková. Praha, 2009. S. 303–311.

⁴⁰ Мерперт Н.Я. Миграции в эпоху неолита и энеолита // Советская археология. 1978. № 3. С. 20–27; Мерперт Н.Я. Об этнокультурной ситуации IV–III тысячелетий до н.э. в циркумпонтийской зоне // Древний Восток: Этнокультурные связи. М., 1988. С. 19–23; Монгайт А.Л. Археология Западной Европы: Каменный век. М., 1973. С. 198. Титов В.С. Неолит Греции: Периодизация и хронология. М., 1969. 254 с.; Титов В.С. К вопросу о соотношении этно-лингвистических слоев и культурно-исторических общностей на юге Балканского полуострова // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. Вып. 123: Памятники эпохи энеолита и бронзы. М., 1970. С. 32–41.

⁴¹ Маринович Л.П. Изучение Пелопоннеса в 1967 – 1970 гг. // Вестник древней истории. 1973. № 1. С. 170–171.

⁴² Думас К. Кикладская цивилизация бронзового века в Эгеиде // Вестник древней истории. 1992. № 2. С. 143.

⁴³ Титов В.С. Неолит Греции. М., 1969. С. 214; Renfrew C. Before Civilization: The Radiocarbon Revolution and Prehistoric Europe. London, 1990. P. 106–109.

⁴⁴ Chantraine P. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire des mots. T. 3. Paris, 1974. P. 795, 800–801.

ставления индоариев о существовании священной горы Меру в центре мира, ираноариев – о священной горе Хара Березайти (Эльбурс) восходят к доиндоевропейской древности*.

В греческой Македонии, в долине реки Вистрица, на небольшом холме Неа Никомидии в 60 км к западу от Салоник исследованы слои, представляющие ранний неолит (конец VII – 1-я пол. VI тыс. до н.э.)⁴⁵. Характерные черты культуры Неа Никомидии указывают на тесные связи с Фессалией. В нижних горизонтах Неа Никомидии преобладает керамика с покрывающим наружную поверхность розовым ангобом, сходная с посудой раннекерамического неолита Фессалии. В тесте заметна примесь известняка, как и в фессалийской керамике Протосескля. Почти у всех сосудов есть круглые, овальные, кольцевые или дискообразные основания. Основная форма сосудов – открытая или полузакрытая чаша. Края простые, и лишь у полузакрытых чаш они бывают слегка отогнуты или утолщены. Этот признак характерен и для посуды раннекерамического неолита Фессалии. В Неа Никомидии найдены сосуды с изображением человеческого лица, моделированным на шейке сосуда, ниже края. Аналогии этим сосудам найдены в Пирассосе, где лицо также моделировано в глине, в Хаджиларе, Хассуне, где антропоморфный характер сосуда подчеркивается росписью. Расписная керамика Неа Никомидии украшена красной росписью по кремовому или белому фону. Основные мотивы росписи – треугольники и квадраты с прямыми и иррегулярными краями. Аналогии расписной керамики Неа Никомидии ведут на Пелопоннес, в Немею, и в Юго-Западную Анатолию, в Хаджилар. В Неа Никомидии открыты столбовые дома крупных размеров. Столбы, служившие основаниями стен, ставились в предварительно вырытые и обмазанные глиной траншеи, к каркасу из дубовых балок прикреплялись тростниковые маты, а затем вся конструкция обмазывалась глиной. Подобные сооружения возводились в Фессалии в периоды докерамического неолита и Протосескля. Очень близка к Протосескля пластика Неа Никомидии. Это фигурки с прямым носом, глаза у них вырезаны вкось или переданы в виде зернышек кофе. В Неа Никомидии найдены ядра от пращи из плохо обожженной глины, но нет наконечников стрел, что было характерным для всего древнейшего неолита юга Балкан. Носители неолитических культур Фессалии и Неа Никомидии выращивали пшеницу-однозернянку, пшеницу-двузернянку, ячмень, чечевицу, горох. Таким образом, связи культуры Неа Никомидии в греческой Македонии с более древними неолитическими культурами юга Балканского полуострова и Анатолии (Чатал-Хююк, Хаджилар, ранне-неолитические культуры Пелопоннеса, Фессалии и др.) очевидны⁴⁶. С культурами фессалийского неолита связаны нео-энеолитические

* Первоначально Олимпом именовалась высочайшая в данной местности гора, на вершине которой наблюдались восход и заход небесных светил. У индоевропейцев возник в связи с этим культ гор. Священными считались горные хребты Гем, Демавенд, Гималаи и т.д. Название гор Ἄϊμος (Наemus, Гем, Стара Планина) формально образовано от др.-греч. αἶμα, -ατος «кровь» (< и.-е. *saim – «густая жидкость»), т.е. «кровь Тифона» (Аполлодор. Мифологическая библиотека. I, 6, 3). Но можно предложить этимологию из др.-инд. hema, haima < и.-е. *gheima «зима, снег» (ср. санскр. Hima-laya – «заснеженная (горная) цепь», перс. Demavend < *daimavant-) и трактовать этот ороним как напоминание о пребывании индоиранцев в древности еще и на востоке Балкан. Для названия Наemus можно подобрать также германскую этимологию, сходную с этимологией хоронима Voehaemia < *Voio-haim-ia – «родной дом (кельтского) племени бойев» (ср. др.-англ. hām = англ. home, нем. Heim) или «(горы) Гем бойев».

⁴⁵ Лисицына Г.Н., Филипович Л.А. Палеоэтноботанические находки на Балканском полуострове // *Studia Praehistorica*. 4. София, 1980. С. 5–76; Мерперт Н.Я. Об этнокультурной ситуации IV–III тысячелетий до н.э. в циркумпонтийской зоне // *Древний Восток: Этнокультурные связи*. М., 1988. С. 19–23; Титов В.С. Неолит Греции. М., 1969. С. 195–219; Renfrew C. Before Civilization: The Radiocarbon Revolution and Prehistoric Europe. London, 1990. P. 198–200.

⁴⁶ Мелларт Дж. Древнейшие цивилизации Ближнего Востока / Пер. с англ. и комментарий Е.В. Антоновой; Предисл. Н.Я. Мерперта. М., 1982. С. 107–111; Yakar J. The Indo-Europeans and Their Impact on Anatolian Cultural Development // *Journal of Indo-European Studies* (Washington). 1981. Vol. 9. № 1-2. P. 94–112.

культуры Балкано-Дунайского региона Старчево – Караново, Винча – Плочник и др. (их объединяет сходство монохромной и расписной керамики и т.д.)⁴⁷.

Подводя итоги, отметим, что, скорее всего, памятники неолитических культур Балкан и Эгеиды были созданы носителями говоров первобытного языкового континуума, из которого в конце IV – начале III тыс. до н.э. выделились диалекты индоевропейского праязыка. Названия, тем более, самоназвания, родоплеменных групп носителей вышеназванных говоров не сохранились. Возможно, этногенеалогические предания эллинов сохранили память о носителях говоров доиндоевропейской «языковой непрерывности», обозначив их мифологическими именами гекатонхейров («сторуких», Ἑκατόνχῆροι) и киклопов («круглооких», Κύκλωτες) (Аполлодор. Мифологическая библиотека. I, 1, 1–2). Относительно общего вывода, заметим, что первобытный языковой континуум простирался на всю ойкумену. «Неолитическая революция» была сопряжена с активизацией процессов лингвогенеза (глоттогенеза), поскольку способствовала приросту населения, переселению молодёжи в дочерние общины (по обряду *Ver sacrum*) и появлению торговли (первоначально, меновой). Выделение праязыков известных языковых семей ошибочно удревнять. Реликты первобытного континуума в Средиземноморье и Месопотамии дожили до письменной фиксации.

THE INDO-EUROPEAN HOMELAND PROBLEM AND THE AEGEAN REGION

The article is devoted to some aspects of the Indo-European homeland problem. According to linguistic and archaeological data the author puts in touch the Indo-European homeland with the Aegean region including Western Anatolia and the Southern Balkans (after V. Georgiev, C. Renfrew, etc.). Possibly the Indo-European proto-language was selected from the prehistoric language continuum (“banana languages”) in the end of the IV – the beginning of the III mill. B.C. The exponents of Neolithic archaeological cultures in the Aegean region were native speakers of the dialects of the prehistoric language continuum. The “Father of History” Herodotus fixed the fact of living of the Hellenes, the Pelasgians, the Tyrrheni, the Dryopes etc. in the Hellas and the Aegean isles in the V c. B.C. (Herod. I, 56-58; I, 146; II, 50-53, 56; V, 26; VI, 136-140; VII, 94-95; VIII, 43-44). It is possible to suppose that these peoples were native speakers of the relict dialects of the prehistoric language continuum. In the first half of the I m. B.C. the Hellenes dominated in the Aegean region, but the relict Aegean peoples lived in the neighborhood.

Key words: the Indo-European homeland problem, the prehistoric language continuum, the Aegean region, the Indo-European proto-language, the Neolithic archaeological cultures.

A.G. CHEREDNICHENKO

Belgorod National Research University

e-mail:

cherednichenko@bsu.edu.ru

⁴⁷ Лисицына Г.Н., Филипович Л.А. Палеоэтноботанические находки на Балканском полуострове // *Studia Praehistorica*. 4. София, 1980. С. 5–76; Мерперт Н.Я. Об этнокультурной ситуации IV–III тысячелетий до н.э. в циркумпонтийской зоне // *Древний Восток: Этнокультурные связи*. М., 1988. С. 19–23; Титов В.С. Неолит Греции. М., 1969. С. 200–210; Тодорова Х., Вайсов И. Новокаменната епоха в България (края на седмото – шестото хилядолетие преди новата ера). София, 1993. С. 15–93.

К ПРОБЛЕМЕ ПОНИМАНИЯ ТЕРМИНА «ПОЛИС»

А.В. УНЖАКОВ

*Нижегородский государственный
лингвистический университет*

e-mail: alun18@gmail.com

В настоящей статье рассматривается ряд аспектов общей проблемы понимания термина «полис». На основе анализа текстов источников, историографии, этимологии и семантики делается попытка поиска ответов на вопросы о присущих полису чертах, времени его образования, а также происхождении и эволюции значений данного термина.

Ключевые слова: полис, государство, город, город-государство.

Уже на протяжении века проблема полиса, как основной формы политической и социальной организации античного общества, остается одной из самых ключевых в мировом антиковедении, что вполне закономерно, так как понимание самой греческой цивилизации вряд ли возможно без понимания феномена полиса. Определенную трудность в данном вопросе представляет, однако, вопрос о том, что же именно исследователю следует понимать под этим столь привычным и столь часто употребляемым как в нарративных источниках, так и научной литературе термином «полис»¹. Историография предлагает множество определений полиса, подчас значительно отличающихся друг от друга². Для начала рассмотрим наиболее распространенные.

В последнее время довольно прочно закрепилось определение полиса как города-государства. Этот подход, впрочем, неоднократно подвергался критике со стороны отечественных и зарубежных исследователей. Так, Г.А. Кошеленко отмечает, что при таком определении на первый план выдвигается одна и далеко не самая важная особенность этого социального организма, а именно – сравнительно небольшие размеры территории и объединение ее вокруг одного городского центра³. Ч. Старр, как представитель современной скептической школы, считает некорректным употребление обоих существительных в данном определении (*City and State*) в отношении полиса: слова «город» – поскольку до 600 г. до н.э., по его мнению, в Греции не было настоящих городов со специализированным экономическим сектором; слова «государство» – по причине фундаментального отличия полиса от того, что подразумевается под «государством» со времен Макиавелли⁴. Дж. Дэвис предлагает использовать термин «микростат» (*microstate*) для охвата всего спектра политий, возникших в Греции в Темные века⁵. М. Хансен в своих более ранних работах предлагает отделять друг от друга термины «полис» и «город-государство». Последний, по предложению ученого, следует употреблять лишь в современном анализе

¹ По данным М. Хансена, в списке 2000 наиболее часто употребляемых слов *πολις* занимает 39-е место, опережая даже такие слова, как *ανηρ* – 42-е место; *θεος* – 65-е место. См.: Hansen M.H. *Polis. An Introduction to the Ancient Greek City-State*. New York, 2006. P. 160.

² Исчерпывающий историографический анализ по данной теме выполнен К. Влассопулосом. См.: Vlassopoulos K. *Unthinking the Greek Polis. Ancient Greek History beyond Eurocentrism*. New York, 2007. P. 13-67. См. также: Фролов Э.Д. Рождение греческого полиса. Л., 1988. С. 5-18.

³ Кошеленко Г.А. [и др.] *Античная Греция. Том 1. Становление и развитие полиса*. М., 1983. С. 10-11.

⁴ Starr Ch.G. *Individual and Community. The Rise of the Polis. 800-500 B.C.* New York, 1986. P. 36-37.

⁵ Davies J.K. *The 'Origins of the Greek Polis' Where should we be looking? // The Development of the Polis in Archaic Greece*. London, 1997. P. 14.

Похожий подход встречается в работах начала прошлого века. Р. Виппер, например, полностью заменяет слово «полис» словом «кантон». См.: Випперъ Р. *Исторія Греції въ классическую эпоху IX-IV вв. до Р.Х.* М., 1916.

древнегреческого общества, а сферу употребления слова «полис» предлагается ограничить рамками понимания полиса самими греками⁶.

Мы также придерживаемся мнения, что подход к проблеме понимания полиса должен непременно основываться на представлениях самих греков. Такая установка означает ориентацию на историзм, отказ от модернизации реалий античности. В контексте аутентичных источников полис выступает то как город, то как государство, то как гражданская община, чем, несомненно, полис и являлся. Некоторые сомнения, однако, вызывают трактовки, смещающие акцент на один из этих аспектов. Так, например, на первый план зачастую выдвигается мысль о том, что полис – это *в первую очередь* гражданский коллектив⁷. Нередко в качестве доказательства приводится рассказ Геродота (VIII. 61) о перебранке между Фемистоклом и Адимантом на военном совете греков накануне Саламинского боя, где в ответ на требование Адиманта лишить Фемистокла голоса, так как тот не представляет никакого полиса (Афины были взяты персами), последний заявил, что у его сограждан есть и полис, и земля большие, чем у коринфян, пока имеется у них флот со снаряженными 200 кораблями, ибо нет такого эллинского народа, который мог бы отразить их нападение. Здесь, в частности, представляется не совсем правомерным, цитируя слова Фемистокла, игнорировать мнение его оппонента, который, по-видимому, выражает традиционное для греков этого времени (480 г. до н.э.) представление о полисе (в отличие от Фемистокла, с позиции силы навязывающего свое видение).

Далее, представляется, что далеко не каждое высказывание о полисе, содержащееся у того или иного автора, следует воспринимать буквально и как безоговорочную истину. Зачастую греки (в особенности, такие выдающиеся мастера слова, как Геродот, Фукидид и многие другие) могли в своих работах использовать всевозможные стилистические, ораторские приемы, фигуры речи⁸, чем, по всей вероятности, является нередко цитируемый отрывок из Фукидида (VII. 77. 7), который вкладывает в уста Никия, обращающегося к афинским воинам накануне отступления от Сиракуз, мысль, что *ἀνδρες γὰρ πόλις, καὶ οὐ τεῖχη οὐδὲ νῆες ἀνδρῶν κεναὶ (ведь люди суть полис, но не стены и не корабли без людей)*. Вдобавок к этому, по совершенно справедливому замечанию И.Е. Сурикова, в различных памятниках, относящихся к разным эпохам, мы найдем неодинаковое понимание полиса⁹.

Таким образом, в качестве основных неотъемлемых и равных атрибутов полиса мы считаем правомерным рассматривать и городской уклад, и статус государства, и существование гражданской общины. Соответствующие описания мы читаем у Павсания и Аристотеля. Описывая фокидский Панопей, Павсаний (X. 4. 1) выражает сомнение, что его можно назвать полисом: *τούτοις μὲν δὴ τοιαῦτα ὑπῆρχεν ἐς μνημῆν· σταδία δὲ ἐκ Χαίρωνειας εἰκοσὶν ἐς Πανόλεας ἐστὶ πόλιν Φωκῶων, εἶγε ὀνομασαὶ τῆς πόλιν καὶ τούτους οἷς γέ οὐκ ἀρχαία οὐ γυμνασίον ἐστὶν, οὐ θεάτρον οὐκ ἀγορὰν ἔχουσιν, οὐχ ὕδωρ κатерχόμενον ἐς κρήνην*. То есть, в понимании автора, атрибутами полиса

⁶ Hansen M.H. The Copenhagen Inventory of *Poleis* and the *Lex Hafniensis De Civitate* // The Development of the *Polis* in Archaic Greece. London, 1997. P. 5; Hansen M.H. and Nielsen Th.H. An Inventory of Archaic and Classical *Poleis*. An Investigation Conducted by The Copenhagen Polis Centre for the Danish National Research Foundation. New York, 2004. P. 23.

В своих более поздних работах М. Хансен склоняется к определению полиса как города-государства, называя *citystate* абсолютно точным вариантом перевода слова *polis*. См.: Hansen M.H. *Polis*. An Introduction... P. 58.

⁷ См., например: Фролов Э.Д. Ук. соч. С. 6-7.

⁸ Подобным же образом, малопродуктивной представляется попытка дать исчерпывающее определение современному городу, руководствуясь любыми высказываниями о городе, например: 1) *Весь город вышел на улицы*. 2) *Город – это пробки на каждом шагу*. 3) *Москва и Вашингтон подписали договор о сотрудничестве* и т.д.

⁹ Суриков И.Е. Изучение феномена полиса в западной историографии на рубеже XX-XXI вв.: Копенгагенский центр М. Хансена // *Studia historica*. V. IV. М., 2004. С. 169.

являются правительственные здания, гимнасий, театр, площадь, водоем¹⁰. Далее, Павсаний добавляет, что у них есть границы их области с соседями, и на всефокейское собрание они тоже посылают синедров: ομως δε οροι γε της χωρας εισιν αυτοις εκ τους ομορους, και εκ τον συλλογον συνεδρους και ουτοι λεμλουσι τον Φωκιων. Аристотель в своей дефиниции дает подробное определение полису как коллективу граждан. Развивая свою мысль, он поясняет, что полис есть сообщество (κοινωνια) свободных людей (*Pol.* III. 4. 4. 1279a), однако уточняет, что этой характеристики недостаточно, чтобы общество является полисом: гражданин – это тот, кто может быть судьей и магистратом, и гражданами считаются те, кто участвуют в суде и народном собрании (*Pol.* III. 1. 5. 1275a)¹¹.

Жаркую научную дискуссию вызвала концепция, впервые сформулированная М. Берентом в середине 90-х гг., о безгосударственном характере античного классического полиса. Автор формулирует основную идею следующим образом: полис не был государством, а скорее тем, что антропологи называют «безгосударственным обществом». Под ним понимается эгалитарное нестратифицированное общество, характеризующееся отсутствием аппарата принуждения. М. Берент утверждает, что, в отличие от государства, в полисе право на применение насилия не было монополизировано правительством или правящим классом¹².

Точка зрения М. Берента подвергается жесткой критике, в частности, со стороны А.П. Медведева, который совершенно убедительно доказывает обратное, демонстрируя фактическое наличие вооруженных сил, полицейской системы, полисных денежных систем и прочих атрибутов государства¹³. К близким по своей сути выводам приходит М. Хансен в своей статье, полностью посвященной критике концепции *'stateless polis'*. Опираясь на нарративные и эпиграфические источники, исследователь, в частности, называет 36 видов полномочий, входивших в компетенцию античного полиса¹⁴.

Целесообразно также уделить некоторое внимание развитию значений слова *πολις*, поскольку очевидно, что рассмотрение понятия *πολις* возможно лишь в диахроническом аспекте и в тесной связи с его денотатом в силу того, что эволюция значений слова *πολις* протекала параллельно с развитием самого полиса как города и как гражданского общества. Подтверждением этому может также послужить весьма обширное семантическое поле слова. Так, словарь А.Д. Вейсмана приводит следующие значения: *город; родной город; главный город; главная часть города; совокупность всех граждан; государство (ос. свободное государство); республика*¹⁵. В данном отношении можно выделить нижеследующие основные этапы развития значений.

Для микенцев в период расцвета цивилизации (1450-1200 до н.э.) *πολις* означал «крепость, цитадель», часто обнесенную стеной¹⁶. По всей видимости, слово

¹⁰ Близкое по своей сути определение предлагает М. ван Кревелд в отношении города: «Город – есть перманентное поселение с домами из долговечного материала... В городе имеется храм, агора или форум, правительственные здания...» Далее исследователь выделяет три класса городов: 1) города, управляемые мелкими вождями; 2) города, входящие в более крупные образования; 3) города с самоуправлением. Подробно об этом см.: Crevelde M., van. *The Rise and Decline of the State*. Cambridge, 1999. P. 21-22.

¹¹ О гражданском обществе см.: Строгоцкий В.М. Гражданский коллектив полиса (проблемы становления и особенности развития в архаический и раннеклассический периоды) // *Античный полис*. Межвузовский сборник. СПб., 1995. С. 5-12.

¹² Берент М. Безгосударственный полис: раннее государство и древнегреческое общество // *Альтернативные пути к цивилизации*. М., 2000. С. 235.

¹³ Медведев А.П. Был ли греческий полис государством? // *Античный мир и археология*. Саратов, 2006. Вып. 12. С. 17-32.

¹⁴ Hansen M.H. *Was the Polis a State or a Stateless Society?* // *Even More Studies in the Ancient Greek Polis Centre*. Stuttgart, 2002. P. 17-47.

¹⁵ Вейсман А.Д. *Греческо-русский словарь*. Репринт V-го издания 1899 г. М., 1991. С. 1022; См. также: Дворецкий И.Х. *Древнегреческо-русский словарь*. Т. II. М., 1958. С. 1340.

¹⁶ Scully S. *Homer and the Sacred City*. Ithaca and London, 1994. P. 2.

употреблялось здесь в своем первоначальном смысле, поскольку очевидно, что, с точки зрения этимологии, *πολις* восходит к общеиндоевропейскому праязыку, что подтверждается такими словами-когнатами, сохранившими первоначальное значение, как *pura-(m)* в санскрите, *pilis* в литовском языке¹⁷. Кроме того, понятию *πολις* – «крепость с царским дворцом» могло противопоставляться *αστυ* – «нижняя жилая часть города за стенами цитадели»¹⁸.

В поэмах Гомера (725-700 гг. до н.э.) *πολις* и *αστυ* приобретают несколько иные значения. С. Скалли делает вывод, что денотативные отличия обоих слов зачастую стираются; *πολις* и *αστυ* употребляются в качестве полных синонимов, лишь иногда сохраняя некоторую разницу коннотативных значений, где *αστυ* воспринимается как объект личных чувств, а *πολις* – как нечто общественное и героическое¹⁹. Близкое по своей сути заключение делает Е. Леви: *πολις* у Гомера обычно относится к городу, рассматриваемому с внешней стороны, в то время как *αστυ* – город, видимый изнутри, с акцентом на его жителей²⁰. Вместе с тем, отмечается и то, что в некоторых (хотя и весьма редких) случаях *πολις* у Гомера приобретает значение, уже выходящее за рамки топографического обозначения территории и приближающееся к значению «государство». Так, например, обращаясь к Гектору, Главк призывает его подумать о спасении *πολις* και *αστυ*, т.е. *государства и города*: φραζεο νυν οτλωρ κε πολις και αστυ σαωσης (Il. 17. 144)²¹. О наполнении слова новым смыслом свидетельствует и то, что чужеземцы у Гомера должны идентифицировать себя, называя родной *πολις*, а не *αστυ*. В какой-то степени показательно в данном отношении и то, что *πολις* (или вариант *πτολις*) встречается в «Илиаде» 132 раза; *αστυ* же – лишь 87 раз²².

Некоторые трудности в данный вопрос вносит то обстоятельство, что у Гомера отсутствует слово «деревня», в значении которого автором, очевидно, неоднократно употребляется *πολις*. Так, по всей вероятности, некоторая часть из 23 «полисов», отверженных Ахиллесом за 9 лет осады Трои, городами не являлись. С одной стороны, прав, безусловно, Ю.В. Андреев, отмечающий, что реальной противоположности между городом и деревней в Греции еще не существовало, и сам гомеровский полис был в одно и то же время и городом и деревней²³. Вместе с тем, привлекают внимание наблюдения, сделанные в отношении употребления Гомером слов со значением «священный». По данным С. Скалли, данное слово в отношении полисов употребляется 46 раз в обеих поэмах, что значительно превосходит употребление этого эпитета в описании островов, святилищ, роц, долин и др.²⁴ Священными, однако, не называются ни ойкосы, ни ахейский лагерь, построенный при осаде Трои, хотя последний, очевидно, напоминает своим видом саму Трою – будучи окружен стеной, имеющий агору, управляемый одним царем и т.д. П. Вюльфing-фон Мартиц небезосновательно полагает, что Гомер называет священными места и объекты в соответствии с одним из следующих трех критериев: место культа или оракула; центральная роль в мифологии; часть обширной территории, упоминающейся в мифе²⁵. Эпитет «священный» в отношении поселений в поэмах Гомера может служить своего рода маркером формирующегося полиса, указывая, по меньшей мере, на наличие культа (главного ме-

¹⁷ Интересно отметить, что город «Сингапур», в названии которого содержится тот же корень (*pura-*), среди населения имеет прозвище «крепость льва». См.: Encyclopaedia Britannica 2006. Ultimate Reference Suite. Version: 2006.

¹⁸ Scully S. Op. cit. P. 8.

¹⁹ Ibid.

²⁰ Lévy E. *Astu et polis dans l'Iliade* // Ktema. 1983. Vol. 8. P. 55-73.

²¹ С. Скалли справедливо полагает, что перевод «крепость и город» следует исключить, поскольку Гомер вряд ли отделяет друг от друга эти два понятия. См.: Scully S. Op. cit. P. 9.

²² Ibid. P. 162.

²³ Андреев Ю.В. Греция в XI-IX вв. до н.э. по данным гомеровского эпоса // История древнего мира. Кн. 1. Ранняя древность / Под ред. И.М. Дьяконова. М., 1983. С. 303-304.

²⁴ Scully S. Op. cit. P. 16.

²⁵ Wülfing-von Martitz P. Hieros bei Homer und in der ältern griechischen Literatur // Glotta. 1960. Bd. 38. S. 272-276.

стного божества), возникновение которого, несомненно, является одной из предпосылок формирования полиса. В дополнение, любопытно отметить, что «священными» Гомер называет также стены полиса, его храмы и агору, т.е. он фактически перечисляет основные атрибуты полиса²⁶.

В архаическом и классическом периодах за словом *πολις* закреплены две основные группы значений: *поселение* и *сообщество*. Как поселение полис состоит из домов и зданий, как сообщество – из людей. Проведя огромную работу вместе с Копенгагенским центром по изучению около 11000 случаев употребления *πολις* в архаических и классических источниках, М. Хансен выделяет также следующие субзначения этого слова: в значении «поселение» *πολις* может выступать как синоним *acropolis*, *asty* и *gē* или *chora*; в значении «сообщество» – как синоним *politai*, *ekklesia* или *demos* и *koinonia*²⁷.

Наконец, вкратце остановимся на вопросе о времени образования греческого полиса. Единодушие среди исследователей отсутствует и по данной проблеме. Б. Хэммонд относит возникновение города-государства к середине VII в. до н.э. в силу появления к этому времени в городах органов, состоящих из политических магнатов, которые владели властью, благодаря наличию защитных стен и возможности осуществления согласованных действий, что становилось возможным по причине проживания вблизи центра²⁸.

А. Снодграсс считает VIII в. до н.э. окончательной фазой в образовании полиса, так как это время соответствует двум критериям: возникновению пожертвований и строительству храмов²⁹. А. Снодграсс также делает предположение о заимствовании полисной формы у финикийцев на основании общих черт финикийского и греческого полисов. Ученый предполагает, что по причине глубокого экономического, социального и демографического спада Темных веков греки были вынуждены принимать более прогрессивные формы, одной из которых был полис³⁰.

Мы, однако, склонны считать, что полисное устройство явилось естественной и нечужеродной для греков ступенью социального и экономического развития, о чем, в первую очередь, могут свидетельствовать как наличие в Греции соответствующих топографических предпосылок (многочисленные заливы, бухты и не менее многочисленные горы и горные районы)³¹, так и широкая распространенность городов-государств во многих районах мира за пределами Греции. М. Хансен выделяет 37 разновидностей городов-государств на Ближнем Востоке и в Европе, Азии, Африке,

²⁶ Ср. с приводимым выше описанием Павсания, где набор таких атрибутов расширен (правительственные здания, театр, площадь и др.) и, очевидно, соответствует более поздним представлениям о полисе.

²⁷ М. Хансен отмечает редкое употребление *πολις* в значении «акрополь, укрепление» уже в архаическом периоде, а в римский период лишь философам было известно, что *πολις* когда-то означал «крепость». Подробно об этом см.: Hansen M.H. Polis. An Introduction... P. 56-61. Подобным образом, многие носители русского языка осознают, что слово «город» когда-то означало «огороженную, укрепленную территорию».

²⁸ Hammond B.E. The Political Institutions of the Ancient Greeks. London, 1895. P. 57.

²⁹ Snodgrass A. Archaic Greece. The Age of Experiment. Berkeley – Los Angeles, 1981. P. 33.

³⁰ Ibid. P. 32-34.

³¹ О топографических условиях как предпосылке образования полиса см., например: Ehrenberg V. The Greek State. New York, 1960. P. 5-7. Некоторые исследователи, однако, отрицают первостепенную значимость топографических предпосылок. Э. Фогелин, в частности, приводит пример фригийского, лидийского и персидского завоевания полисов в Анатолии, что, по мнению автора, демонстрирует возможность интеграции полисных территорий в более крупное государство независимо от топографических условий. См.: Voegelin E. Order and History. Vol. II: The World of the Polis. Louisiana, 1964. P. 114. Данный аргумент нам не представляется достаточно убедительным, поскольку, как видно из самих примеров, в основе такой интеграции стояла подавляющая внешняя сила. Кроме того, очевидно, что на этапе формирования синойкизм был единственным интеграционным процессом, который полис был в силах осуществлять.

Центральной Америке в период с IV тысячелетия до н.э. (культура шумеров) до начала XX в. н.э. (Африка)³².

И. Моррис выражает точку зрения, согласно которой возникновение полиса как государства и возникновение города не являлись, в терминах автора, «синонимичными процессами». Более того, исследователь считает, что полис как политическое сообщество возник задолго до появления полиса-города, и граница между «безгородским (*non-city stage*)» и «городским (*city stage*)» периодами проходит в конце VI в. до н.э. Последний, по мнению автора, характеризуется наличием городского центра. Появление же полиса, как государства, относится к 700 г. до н.э. Как несложно посчитать, разница составляет около 200 лет³³.

И. Моррис, однако, не принимает во внимание то, что сами греки считали городом группу из нескольких деревень. Так, описывая Спарту, Фукидид (I. 10. 2) пишет, что та не объединена в единое целое путем синойкизма и не имеет роскошных храмов и общественных зданий, а состоит, подобно древним городам Эллады, из отдельных деревень. Помимо этого, как справедливо отмечает М. Хансен, предложенная И. Моррисом модель подразумевает, что развитие значений слова «полис» проходило так: *цитадель* → *государство* → *город*, а не *цитадель* → *город* → *государство*³⁴. Добавим, что вероятность подразумеваемого семантического сдвига весьма мала, поскольку «крепость» и «государство» не являются смежными понятиями в отличие от метонимических пар: «цитадель» – «город» или «город» – «государство».

Подводя некоторый итог всему вышесказанному, представляется, что решение вопросов истории отдельного полиса непосредственно связано, во-первых, с тем, в каком значении исследователь рассматривает само слово «полис»; во-вторых, (как следует из первого) с тем, какие «полисные» признаки принимаются исследователем во внимание в первую очередь; и, в-третьих, очевидно, что процесс формирования городов-государств протекал неодновременно и почти незаметно на территории Греции. Даже руководствуясь источниками, вряд ли можно с точностью сказать, когда именно греки начали ощущать себя гражданами полиса. Лишь к началу классического периода античными авторами выделяется еще ряд признаков, четко отделяющих полис от деревни, таких как: только полис мог иметь победителя в пан-эллинских играх; только полис мог назначить проксена; только полис мог объявить войну или заключить мир; только полис мог присоединиться к альянсу; только полис мог чеканить монеты и т.д.³⁵ Таким образом, речь может идти о весьма продолжительном и приблизительном периоде времени в отношении конкретно взятого полиса.

UNDERSTANDING THE TERM 'POLIS'

A.V. UNZHAKOV

*Nizhny Novgorod State
Linguistic University*

e-mail: alunt8@gmail.com

The article discusses a number of aspects of the general problem of understanding the term 'polis'. On the basis of analysis of original ancient Greek texts, historiography literature, the word's etymology and semantics, the author attempts to find answers to the questions of inherent features of *poleis*, of the time when *poleis* came into being as well as of the origin and evolution of the meanings of this term.

Key words: polis, state, city, city-state.

³² Hansen M.H. Polis. An Introduction... P. 17-23.

³³ Morris I. The Early Polis as City and State // City and Country in the Ancient World / Ed. by J. Rich & A. Wallace-Hadrill. London, 1991. P. 40.

³⁴ Hansen M.H. Polis. An Introduction... P. 99.

³⁵ Подробно данный вопрос рассматривается М. Хансеном. См.: Hansen M.H. Polis. An Introduction... P. 51-53.

ВЗГЛЯДЫ СОФОКЛА И ПЕРИКЛА НА СООТНОШЕНИЕ ПИСАНОГО И НЕПИСАНОГО ПРАВА

Н.Н. ВОЛОДИНА

*Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского*

e-mail: nnvolodj@mail.ru

В работе рассматриваются противоречия взглядов Софокла и Перикла по вопросу о соотношении неписаных и писаных законов. Сделан вывод о том, что Софокл, придерживаясь традиционных норм, выступает с критикой позиции Перикла.

Ключевые слова: Софокл, Перикл, Креонт, Антигона, писанные законы, неписанные законы, афинское общество.

Греческая трагедия, наряду с историческими произведениями Геродота и Фукидида, является одним из важнейших источников для изучения политической и социально-экономической истории Афин V в. до н.э. Однако исследование конкретных политических реалий на основе произведений греческих драматургов связано с рядом трудностей, одной из которых является их мифологическая основа¹. В произведениях античных трагедиографов действия политических лидеров и основные, наиболее животрепещущие тенденции общественного развития искусно вплетены в сюжет драматических произведений². Тем не менее, детальный анализ дошедших до нас произведений дает немало ценной информации и порой вносит весьма существенные дополнения в уже сложившуюся историографическую традицию. Одним из таких произведений является трагедия Софокла «Антигона».

Софокл по идеологической и литературной направленности являлся поэтом эпохи расцвета Афин. Однако он играл важную роль не только в культурном развитии полиса. В течение жизни Софокл занимал ряд ответственных государственных должностей, будучи, тем самым, тесно связанным с основными политическими процессами эпохи.

Следует отметить, что в современной историографии нет единой точки зрения по вопросу о политическом мировоззрении драматурга и, прежде всего, о соотношении его взглядов с позицией Перикла. Ряд исследователей, основываясь на том, что Софокл, будучи стратегом, вместе с Периклом участвовал в войне против Самоса (Plin. HN. XXXVII.40; Strab. XIV.1. 18; Plut. Nic. 15. 2), а также ссылаясь на определенные изменения в мировоззрении драматурга, считают, что в конце 40-х гг. V в. до н.э. Софокл примкнул к кружку Перикла и был его другом³. Существует, однако, и противоположная точка зрения. Так, И.Е. Суриков⁴ считает, что Софокл, будучи сто-

¹ Суриков И.Е. Архаическая и классическая Греция: проблемы истории и источниковедения. М.: КДУ, 2007. С. 25.

² Существуют, однако, в современной историографии исследования, авторы которых отстаивают иную точку зрения. Так, например, Дж. Хендерсен в статье «Драма и демократия» отмечает, что в трагедиях афинских поэтов рассматриваются лишь общие, универсальные для всех демократических полисов вопросы развития общества, в отличие от античной комедии, в которой находит детальное отражение широкий круг политических, социальных и культурных реалий того времени. См.: Henderson J. Drama and Democracy // The Cambridge Companion to The Age Of Pericles / Edited by Loren J. Samons. Cambridge, 2009. 388 p. P. 187-189.

³ Тронский И.М. История античной литературы. М., 1988. С. 133; Чистякова Н.А., Вулих Н.В. История античной литературы. М., 1972. С. 129; Ярхо В.Н. Софокл. М., 2005. С. 98; Фролов Э.Д. Парадоксы истории – парадоксы античности. СПб., 2004. С. 307.

⁴ Суриков И.Е. Архаическая и классическая Греция: проблемы истории и источниковедения. С. 181; Суриков И.Е. Перикл и Алкмеониды // ВДИ. 1997. № 4. С. 26, 33-34; Суриков И.Е. Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох: Род Алкмеонидов в политиче-

ронником Кимона, никогда не был близок к Периклу и находился с ним, скорее, в напряженных отношениях. В. Эренберг⁵ в работе «Софокл и Перикл» показал, что в плане мировоззренческих установок два этих деятеля были, по сути дела, антиподами. Поддерживая точку зрения В. Эренберга, особое внимание, на наш взгляд, следует обратить на трагедию «Антигона», анализ которой позволяет внести определенные коррективы в обозначенную дискуссию.

«Антигона» была поставлена в 442 г. до н.э. Свидетельством не только художественной, но и общественной значимости рассматриваемых в этом произведении проблем может служить тот факт, что афиняне не удовлетворились присуждением Софоклу первой награды за эту трагедию. На ближайших выборах (в 441 г. до н.э.) они даже вручили ему высшую власть, выбрав поэта стратегом (*Vita Soph.* 9).

Сюжет «Антигоны» Софокл взял из фиванского цикла мифов о царе Эдипе и его потомках. Действие в трагедии разворачивается после смерти Этеокла и Полиника, когда новый правитель Фив, Креонт, приказал с почестями похоронить Этеокла, а Полиника выбросить за крепостные стены на растерзание псам.

Основой проблематики данного произведения является вопрос о соотношении неписаных божественных законов и писаных государственных установлений. Обращение к данной теме является реакцией Софокла на животрепещущий вопрос своего времени, когда в различных кругах афинского общества с особенной остротой обсуждался вопрос о значении неписаного закона – *ἄγραφο νόμος*⁶, прежде всего в связи с необходимостью установления твердого законодательства в новых поселениях⁷. Однако нас интересует не только практическое применение тех или иных норм, но и их соотношение в мировоззрении драматурга. На наш взгляд, рассмотрение данной проблематики позволяет раскрыть ряд расхождений в позициях между Софоклом и Периклом.

Основное содержание трагедии раскрывается в конфликте центральных персонажей: Креонта и Антигоны.

Образ Креонта в рассматриваемой трагедии противоречив, поскольку, с одной стороны, будучи правителем, он заботится, прежде всего, о благе государства:

Кто хочет быть царем, не помышляя
О благе всех; кто истину скрывает
И для кого не выше всех друзей
Отечество, – презрения достойным
Того считаю. Бог свидетель мне:
Молчал ли я когда-нибудь из страха,
Скрывал ли я грозящую беду
И был ли враг отечества мне другом?
О нет, всегда я думал об одном -
О благе общем: для него и близких
Я забывал.

(*Ant.* 180-190, пер. Д.С. Мережковского).

Забота о благополучии граждан проявляется со стороны Креонта-правителя и в виде предостережений о пагубном влиянии денег, разлагающем нравственные устои и ведущем к нарушению государственных постановлений (*Ant.* 313-320). Слова Креонта близки по содержанию к знаменитой «Надгробной речи» Перикла в истории Фукидида (II. 37, 3), где благополучие полиса также провозглашается основным приоритетом для граждан и правителя. Такое сходство может являться, вероятно,

ской жизни Афин VII–V вв. до н.э. М., 2000. С. 198-199, 206-208; Суриков И.Е. Эволюция религиозного сознания афинян во второй половине V в. до н.э. М., 2002. С. 267-268.

⁵ Ehrenberg V. *Sophocles and Pericles*. Oxford, 1954. 187 p.

⁶ Радциг С.И. *Эсхил // История греческой литературы*. Т. 1. М.-Л., 1972. С. 42.

⁷ Тронский И.М. *История античной литературы*. С. 131.

свидетельством того, что в образе Креонта нашли отражение черты, присущие Периклу как политическому лидеру⁸.

Однако рассмотренная характеристика образа Креонта не может быть признана полной, поскольку, с другой стороны, Софокл характеризует правителя как деспота и тирана⁹.

Вся логика событий в трагедии ведет к падению Креонта. Эта мысль выражена уже в первом стасиме трагедии (Ant. 360-375). Самоуверенность и самомнение Креонта приводят его к противоречию с велениями богов и мнением людей (Ant. 733 sqq)¹⁰. Так, по мнению С.И. Радцига, в своем самообольщении правитель мнит себя мерою всех вещей, и падение его означает несостоятельность его взглядов¹¹. Следует отметить, что рассуждения Креонта носят софистическую окраску¹². С точки зрения Софокла, учение софистов было опасно скептицизмом и своим искусством спорить¹³. Мы можем, таким образом, отметить, что песня первого стасима направлена, с одной стороны, против софистов, с другой стороны – против внедрения и применения софистических приемов в политической практике, пагубно влиявших на традиционную полисную идеологию. Начало развития подобной практики относится к периоду политической деятельности Перикла¹⁴, когда софистические и рационалистические идеи высказывались Протагором и Анаксагором, входившими в кружок Перикла.

Чрезвычайно важен тот факт, что у Софокла повторяются не отдельные мысли софистов, а весь комплекс рассуждений Протагора¹⁵. Это можно объяснить тем, что Софокл был достаточно хорошо знаком с его учением¹⁶, а, вводя под конец критику, он обнаруживает свое отрицательное отношение к подобным идеям. Следует, таким образом, предположить, что так же критически относился Софокл и к распространению рационалистических элементов в результате политической деятельности Перикла, осуждая тем самым способствовавшие этому преобразования.

Таким образом, Креонт ставит свое решение выше существующих божественных установлений (Ant. 208-211), в результате чего и карается богами¹⁷.

Рассматривая трагическую судьбу Креонта, творцом которой он во многом является сам (поскольку практически всё зависит от его собственно решения)¹⁸, Софокл тем самым подчеркивает приоритет неписаных законов над индивидуальными решениями, даже если это постановления правителя.

Именно приоритет неписаных, божественных законов отстаивает в трагедии Антигона¹⁹. Ее образ резко отличается от всех существовавших ранее женских образов, встречавшихся в произведениях предшественника Софокла Эсхила. Так, к примеру, Антигона, замышляя похоронить брата и вступая тем самым в открытое проти-

⁸ Webster T.B.L. *Political interpretations in Greek literature*. Manchester, 1948. P. 51.

⁹ Henderson J. *Drama And Democracy*. P. 162; Суриков И.Е. Эволюция религиозного сознания афинян во второй половине V в. до н.э. М., 2002; Ehrenberg V. *Sophocles And Pericles*. P. 126; Ahrens Dorf P. J. *Greek Tragedy and Political Philosophy: Rationalism and Religion in Sophocles' Theban Plays*. Cambridge, 2009. P. 95-96, 114; Winnington-Inman R.P. *Sophocles: An Interpretation*. Cambridge, 1980. P. 125-127.

¹⁰ West S. *Sophocles Antigone and Herodotus Book Three*. Oxford, 1999. P. 124-125.

¹¹ Радциг С.И. К вопросу о мировоззрении Софокла // ВДИ. 1957. № 4. С. 44.

¹² Фролов Э.Д. *Факел Прометея: Очерки античной общественной мысли*. Л., 1981. С. 153.

¹³ Henderson J. *Drama and Democracy*. P. 135; Ярхо В.Н. *Софокл*. М.: Лабиринт, 2005. С. 267; *Античная литература* / Под ред. А.А. Тахо-Годи. 4-е изд. М., 1986. С. 126.

¹⁴ Kerferd G.V. *The Sophistic Movement*. Cambridge, 1984. P. 15.

¹⁵ Радциг С.И. К вопросу о мировоззрении Софокла. С. 47.

¹⁶ Webster T.B.L. *Political interpretations in Greek literature*. P. 52.

¹⁷ Winnington-Inman R.P. *Sophocles: An Interpretation*. Cambridge, 1980. P. 127.

¹⁸ Следует отметить, что подобная тенденция была нехарактерна для творчества Эсхила. Следовательно, драматургия Софокла в рассматриваемый период отражает начало формирования нового представления о роли личности в историческом процессе и о соотношении божественной воли и воли человека.

¹⁹ Ahrens Dorf P.J. *Greek Tragedy and Political Philosophy: Rationalism and Religion in Sophocles' Theban Plays*. P. 117, 138.

воборство с Креонтом, нарушает традиционные представления о роли и месте женщины в семье и в коллективе.

Исмена : Какая ждет нас гибель, если, власть
 Царя презрев, закон его нарушим.
 Мы женщины, не нам вести борьбу
 Неравную с мужчинами: наша доля -
 Пред сильными покорствуя, молчать.
 (Ant. 58-62, ср. также 650-690).

Антигона сильна в своем решении и не боится нарушить «закон человеческий» ради исполнения священных обычаев родства (Ant. 70-76). Тот факт, что решение похоронить брата Антигона приняла лично для себя, не раз подчеркивается Софоклом, что в совокупности со своеобразным отношением героини к семейным традициям²⁰ дает понимание о начале трансформации представлений о роли личности в жизни общества²¹. Следует предположить, что подобные изменения в немалой степени были вызваны не только общими тенденциями развития полисной идеологии, но и конкретными общественными явлениями. Так, на наш взгляд, определенное влияние на Софокла при создании образа Антигоны оказал образ Аспасии – единственной женщины, которая наравне с мужчинами участвовала в кружке Перикла²². Следует отметить, что образ Антигоны наделен необычайной значимостью в трагедии в первую очередь в связи с тем, что она отстаивает незыблемость следования неписанным традиционным законам.

Особую роль в раскрытии проблематики произведения играет рассмотрение сцены допроса Антигоны (ст. 441-460). Последняя объясняет свой поступок как веление «неписанных, незыблемых законов самих богов» – ἀγράλτα κασφαλή θεῶν νόμια (ст. 450-460). А руководит этими законами Правда – Δίκη. Вопрос о значении неписанных законов затрагивается и в «Надгробном слове» Перикла: их неисполнение «навлекает на виновных всеми признаваемый позор» (Thuc. II.37.3, пер. Г.А. Стратановского). Не свидетельствует ли это о схожести позиций Перикла и Софокла? Как отмечает В. Эренберг²³, в речи Перикла имелись в виду законы общественные в отличие от религиозных и нравственных законов Софокла.

Выявленное противоречие во взглядах Софокла и Перикла находит подтверждение при рассмотрении позиции хора в трагедии. На протяжении практически всего произведения хор в лице старейшин безоговорочно поддерживает позицию Креонта и его решение наказать Антигону, нарушившую постановление правителя (218-221, 868-871). В этой связи очень примечательны, на наш взгляд строки:

Σέβειν μὲν εὐσεβεῖα τῆς,
 Κράτος δ' ὅτω κράτος μέλει,
 Παραβάτων οὐδαμὰ λέλει:
 Σε δ' αὐτόγνωτος οργά (Ant. 872-875).

«Чтить погибших – это благочестиво, но никто не может преодолеть власть того, кто властью обладает: тебя губит собственная решительность».

Мы видим, что, признавая, с одной стороны, правомочность поступка Антигоны, с другой стороны, хор подчеркивает невозможность противостояния властным решениям. Поскольку хор в данной трагедии по замыслу Софокла составляют старейшины, следует предположить, что их позиция отражает взгляды определенной части политической элиты Афин²⁴, а именно сторонников Перикла. Выдвижение на первый план государственных постановлений, внедрение рационалистических элементов могут в данном случае свидетельствовать о начале процесса поляризации

²⁰ Griffin J. *Sophocles Revisited*. Oxford, 1999. P. 80.

²¹ Ярхо В.Н. Трагический театр Софокла // Софокл. Драмы / Пер. Ф.Ф. Зелинского; под ред. М.Л. Гаспарова и В.Н. Ярхо. М., 1990. С. 327, 328.

²² Ярхо В.Н. Трагический театр Софокла // Софокл. Драмы. С. 327.

²³ Ehrenberg V. *Sophocles and Pericles*. P. 141.

²⁴ Winnington-Inman R.P. *Sophocles: An Interpretation*. P. 138.

греческого сознания (элита – основная масса населения)²⁵. Подтверждение этому мы находим в словах Гемона²⁶, который заявляет, что народ на стороне Антигоны и не примет решения Креонта (705-710), считая ее поступок подвигом (ἐργὼν εὐκλεεστάτων)²⁷.

Таким образом, анализ трагедии «Антигона» позволяет предположить, что одним из противоречий во взглядах Софокла и Перикла был вопрос о соотношении неписаных божественных и писаных государственных законов. Отдавая приоритет неписаным законам, Софокл, тем самым, демонстрирует своеобразный протест против рационалистических тенденций политики Перикла. Выступая против основных идей софистов, драматург выражает свое несогласие с позицией Перикла по данным вопросам. Поскольку видные философы, входившие в кружок Перикла, как то Анаксагор и Протагор, проповедовали рационалистические идеи, Перикл находился под их влиянием и применял эти положения в своей политической деятельности. Софокл же, проявляя определенную консервативность взглядов, критикует философию софистов и выступает сторонником традиционной религиозности, в то же время, не отрицая начало формирования нового представления о роли личности в историческом процессе. Кроме того, драматург отразил в своем произведении и некоторые тенденции поляризации мировоззрения элиты и народных масс.

IEWS OF SOPHOCLES AND PERICLES ON CORRELATION BETWEEN WRITTEN AND UNWRITTEN LAW

N.N. VOLODINA

*Nizhny Novgorod State University
n.a. N.I. Lobachevsky*

e-mail: nvolodj@mail.ru

An author at this article is research a conflict of opinions of Sophocles and Pericles on a question about correlation of writing and not writing law. A main result of it is into Sophocles as a traditionalist, criticized on position of Pericles.

Key words: Sophocles, Pericles, Kreontos, Antigone, writing low, not writing low, Athenian society.

²⁵ Доддс Э.Р. Греки и иррациональное. СПб., 2000. С. 281.

²⁶ Ehrenberg V. Sophocles and Pericles. P. 64; Ahrensorf P.J. Greek Tragedy and Political Philosophy: Rationalism and Religion in Sophocles' Theban Plays. P. 93.

²⁷ В этой же связи интересно мнение В.Н. Ярхо. Он отмечает, что предпосылки конфликта в этой трагедии, и его глубина, и его разрешение – в одинаковой мере следствие внутренних противоречий, свойственных общественному строю Афин в V в., одним из которых была боязнь вызвать зависть и гнев богов, убеждение в необходимости почитать их и ублажать, – с одной стороны, и полное безразличие к их существованию, опора человека на собственные интеллектуальные возможности и рациональное мышление – с другой. См.: Ярхо В.Н. Трагический театр Софокла // Софокл. Драмы. С. 328.

УДК 94(38)

ПРИРОДНЫЙ ОБЪЕКТ В МОДЕЛИРОВАНИИ САКРАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА ГРЕЧЕСКИХ СВАТИЛИЩ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Е.А. СЕМИЧЕВА

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

e-mail: semicheva@bsu.edu.ru

В статье обозначен один из аспектов проблемного поля античной сакральной топографии – значение природного объекта в моделировании сакрального пространства. Автором намечены методологические основы и перспективные направления работы. Анализ фрагментов текста Павсания, осуществленный на основе обозначенных исторических и культурологических подходов и методов, показал продуктивность выбранной методологии и позволил получить предварительные результаты: классифицировать природные объекты, включенные в организацию сакрального пространства, по степени значимости и типологизировать мифологическое (смысловое) поле по содержанию.

Ключевые слова: сакральная топография, моделирование пространства, иерофания, типология природных объектов.

Современную историческую науку отличает выраженный интерес к сфере сакрального и, в особенности, к тем аспектам этой сферы, которые ранее находились в тени общепризнанных магистральных проблем. Сакрализация окружающей человека природной и социальной среды, формирование особого, свойственного только данному социуму “священного пространства”, в структуре которого выражаются фундаментальные категории культуры, есть неотъемлемая часть картины мира древности. Конкретные средства воплощения такой специальной организации пространства представляют проблемное поле сакральной топографии – относительно нового направления исторических и религиоведческих исследований. И если в истории средневековья и Нового времени эта область уже довольно хорошо разработана в ходе разностороннего анализа как западноевропейских, так и русских памятников, то в антиковедении она пока остается на периферии научного знания.

Конституирующее значение природной стихии для греческого религиозного сознания и глубокая неотъемлемая связь эллинских святилищ с природным ландшафтом очевидна. Однако способы размещения на местности и в конкретном ландшафте специально организованных сакральных участков и сооружений и значение природного объекта в моделировании пространства святилища требуют специального внимания историка.

Прежде всего, необходимо выделить теоретико-методологические основы, адекватные специфике избранной проблематики, обозначить наиболее перспективные, на наш взгляд, векторы ее дальнейшего научного освоения. Методологически значимыми в данном контексте являются:

1. Феноменологическая парадигма религиоведческого знания, которая представлена в трудах Мирчи Элиаде, связанных с исследованием мифологических архетипов освоения земного пространства¹. Противопоставляя мирское – «однородное и нейтральное» пространство сакральному – «существующему реально», «позволяющему обнаружить точку отсчета, сориентироваться в хаотической однородности», он акцентирует внимание на ритуальной (соотносимой с космогонической) деятельности человека, выявляя структурные механизмы преобразования архетипов в конкретные модели организации пространства. В русле заявленной проблематики плодотворна идея об иерофании как ключевой точке отсчета: человек узнает о священном, потому что оно *проявляется*, обнаруживается как нечто отличное от мирского

¹ Элиаде М. Священное и мирское // он же. Миф о вечном возвращении. М., 2000.

(обыденного), как не принадлежащее повседневности. Так, применительно к греческому религиозному сознанию, иерофания, как правило, «опредмечивается» именно природным объектом, ее способы, формы и смысловые интерпретации представляют отдельную научную проблему.

2. Именно с точки зрения метода могут быть полезны, несмотря на значительный хронологический и пространственный разрыв с изучаемой культурной традицией, разноплановые исследования сакральной географии различных регионов Руси – России, которые связаны чаще всего с интерпретацией природных объектов. В качестве значимых характеристик сакрального пространства ученые выделяют топографию объектов, материальные природные или культурные экспликации и мифологическое поле (духовное/вербальное выражение), которое формируется объектами и их топографией².

3. Современные исследования в культурологии и медиэвистике, опирающиеся на «школу «Анналов», ввели в научный оборот понятие «ментальная карта», которое в одном из своих значений есть не что иное, как существующий в сознании образ пространства. Интересно при этом мнение Т.Н. Джаксон, что наряду с «ментальной картой» каждого отдельно взятого человека в обществе на определенном временном срезе существует «ментальная карта», представляющая собой образ пространства, который существует в сознании значительного числа людей и является частью общей картины мира³. При воспроизведении этот образ понятен многим, поскольку наличествует единый категориальный аппарат. Подобная пространственная идентичность человека, заданная границами его культурного опыта, обуславливает возможность сакрализовать пространство в одних и тех же объектах. Эти объекты, сакральные сооружения и, в особенности, их взаимосвязь в данном случае могут выступать как способ освоения пространства, один из главных маркирующих элементов в процессе его структурирования.

4. В силу многоаспектности исследования заявленной проблемы (моделирование сакрального пространства), принципиально важны высказанные И.Е. Суриковым идеи о специфике категории сакрального в пространстве античного полиса⁴. Развивая концепцию биполярного полиса Ф. де Полиньяка, он, во-первых, выделяет «очаги сакрального» в некоем «силовом поле», возникающем между святилищами центра и святилищами границы полисной хоры, и в идеале сакрализирующем всю территорию полиса. Во-вторых, утверждает наличие своеобразных «уровней сакрального» в пространственной структуре полиса, своего рода иерархию объектов в семантически неоднородном поле. Исходя из данного теоретического положения, интересно выявить наличие и роль природных объектов в «очагах» первого порядка, наиболее значимых сакральных комплексах, а также типологизировать природные объекты и связанные с ними сооружения, представляющие «очаги» второго порядка.

С позиций избранной методологии нами начата работа по интерпретации текста Павсания⁵. Выбор данного источника обусловлен его характером: жанр периегезы, цель и компетенции автора, а также широкие географические рамки представляют значительный объем интересующего нас материала. Количество представленных в источнике эпизодов вполне репрезентативно, кроме того, описание

² Семаков Д. Сакральное пространство Средней Пинеги // Экология культуры. Архангельск. № 1 (35). 2005. С. 169-181.

³ Джаксон Т.Н. Путь как способ освоения пространства («Пути» в картине мира средневековых скандинавов) // Восточная Европа в древности и средневековье. Восприятие, моделирование и описание пространства в античной и средневековой литературе. XVIII чтения памяти В.Т. Пашуто. Материалы конференции. М., 2006. С. 45.

⁴ Суриков И.Е. Категория сакрального в пространственной модели античного греческого полиса // Восточная Европа в древности и средневековье. Восприятие, моделирование и описание пространства в античной и средневековой литературе. XVIII чтения памяти В.Т. Пашуто. Материалы конференции. М., С. 183-188.

⁵ Павсаний. Описание Эллады. В 2 т. / Пер. с древнегр. С.П. Кондратьева под ред. Е.В. Никитюк. М., 2002.

различных областей Эллады делает возможным сравнительный анализ. Результаты исследования первых двух книг (30 и 38 примеров соответственно), позволяют говорить, что в большинстве случаев в Аттике как специально выделенные достопримечательности фигурируют водные объекты (реки, источники, болота, колодцы), в 10 сюжетах упоминаются скалы и камни, в 6 – деревья и в 4 – пещеры и расселины в земле. В Коринфике доминирующим природным объектом выступают деревья и рощи, по 13 эпизодов связано с водными и земными (горы, камни, провалы) объектами, в 3 случаях сакрализуется определенная местность и в 1 – природное явление (необычное эхо).

Выделяемые Павсанием природные объекты могут быть условно классифицированы следующим образом:

- упоминание в качестве ориентира или достопримечательности (низкая степень сакральности или ее отсутствие);
- почитание природного объекта;
- сакрализация совокупности природных объектов;
- моделирование сакрального пространства, включающего совокупность природных и культурных объектов.

Природный объект включен в поле мифа, связан с божеством и ритуалом, но степень его собственной сакрализации может быть различной. Так, в Аттике роща, посвященная Аполлону в Гринее, состоящая «как из плодовых деревьев, так и из тех, которые хотя и не приносят плода, но доставляют удовольствие своим ароматом и внешним видом» (I. 21,7); миртовое дерево, все листья которого по всему дереву имеют дырочки, якобы нанесенные Федрой (I. 22,2); масличное дерево – свидетель спора Афины с Посейдоном (I. 27,2) связаны с мифом, но не сакрализованы. Более выраженный сакральный статус имеют Риты – Соляные озера (I. 38,1), посвященные Коре и Деметре. Еще показательнее в Коринфике Гирнефион – местность, заросшая дикой маслиной, ветви которой не разрешается использовать в повседневной жизни, связанная с герооном и различными формами поклонения (II. 28,3-7), описание кипарисовой рощи на акрополе Флиунта, включаемой в ритуал (II. 13,3-4), а также камень, связанный с Аполлоном, который, «звучит как кифара» (I. 42 2).

В некоторых случаях сакральный смысл приобретает именно сочетание объектов, топографическая характеристика. Например, Павсаний упоминает водоем, семантически связанный с горой (I. 40,1) или соотносит гору, священную платановую рощу и реки, определяемые как границы этого особого пространства (II. 36,8 – II. 37,1). Интересен спорный для Павсания эпизод о Герионе и Гилле, основанный на связи необычных костных останков, каменистого выступа скалы (троне) и горной реки (I. 40,1). Совокупность природных объектов также соотносится с ритуальной практикой (II. 24,6), иногда именно ею задается сакральный статус: от очистительных жертв Ореста, связанных, в том числе с водными источниками, вырос лавр, маркирующий пространство наряду с так называемой палаткой Ореста (II. 31, 8-10).

В последней группе взаимосвязь объектов задает определенную структуру сакрального пространства, заключающую в себя специфику моделирования сакрального комплекса. С точки зрения исследователей культурных ландшафтов русской традиции природная экспликация представляет архаичный вариант верований, однако, не исключено, что для греческого религиозного сознания именно эта форма восприятия пространства органична и эволюционирует на разных этапах развития, далеко за пределами архаики. Значимость культурной экспликации, когда природный объект включен в сакральное пространство неразрывной связью с сооружением или преобразован человеческим сознанием дана в 7 эпизодах в Аттике и в 11 – в Коринфике (I. 18,7; I. 39, 1; II. 3, 2-3; II. 15, 2 и др.) . Мифологическая взаимосвязь рощи, рек, источника и болота с дионисийскими ритуалами и статуями божеств является одним из наиболее показательных эпизодов (II. 37, 1-6).

Возможно, что по мере организующей деятельности человека, социализации и упорядочения пространства полиса происходит своеобразное «окультуривание» объекта, и природная экспликация заменяется культурной. Соответственно и у Павсания в центральной части Аттики в сакральном пространстве преобладают культурные экспликации, на окраинах области значительно выше степень распространенности и значение сакрального природного объекта.

Также предварительно может быть типологизирован характер мифологического поля. В исследуемых эпизодах соответствующее смысловое пространство представлено:

- связью с божественными силами;
- ритуальной деятельностью;
- интерпретацией исторических событий;
- маргинальной семантикой.

Как содержательно, так и методологически, особенно важными представляются примеры иерофании, иногда косвенно, а в ряде случаев прямо упоминаемой Павсанием: «...этим источником **проявился** Амфиарай, став уже богом» (I. 34,4). В других эпизодах иерофания подразумевается: когда Плутон похитил Кору, он спустился под землю именно в этом месте (I. 38,5); у этого колодца сидела Деметра после похищения своей дочери (I. 39,1); бог указал им некое дерево (II. 9,7); есть «крученая олива», которую своей рукой привел в такой вид Геракл (II. 28,2) и др. Принципиально важен антропоцентризм мышления грека: часто сакрализуется пространство антропоморфных природных объектов или используется своего рода вегетативный код. Примечателен эпизод, в котором Павсаний связывает изображение на треножнике в пещере (Аполлон и Артемида, убивающие детей Ниобы) и природный объект: причем «вблизи – это крутая скала, ... если встать дальше – плачущая женщина» (I. 21,5).

В ряде случаев отправной точкой сакрализации природного объекта и/или окружающего пространства является ритуал, который ко времени Павсания представляет собой устойчивую религиозную традицию, неразрывно связанную с местностью. Такую смысловую нагрузку имеет подземный естественный ход на участке Афродиты, названной «В садах» (I. 27, 3), трансформируются в ритуал в честь Кору, но сохраняют сакральный статус местности древние таинственные обряды, совершаемые у провала (II. 22, 3).

Интерпретация и мифологизация исторических событий в соотнесении с природными объектами встречается реже. Тем не менее, сочетание мифа и истории Пелопонесской войны стало причиной почитания источника на Марафоне (I. 32, 6), как помощь Артемиды Сотеры в военном походе осмысливается издающая стон скала (I. 40, 2).

Маргинальная семантика топографии имеет значение, поскольку особая роль границы в сакральном пространстве очевидна и иногда оговаривается специально (I. 38,1; II. 28,2).

Кроме того, отдельный интерес для исследования представляет своеобразная иерархия объектов, заданная ценностным отношением самого Павсания. Помимо описания собственно мифологического поля, автор дает эмоциональную оценку объектов от высокой степени почитания: «очень древний и чтимый храм...» (II, XIII. 3-4) до серьезных сомнений в сакральном характере объекта или связанной с ним устной традиции: «Иной мог бы поверить...» (I, XXXVIII,1); «...если кому-нибудь это кажется правдой...» (I, XLIII,2) «В этом большого чуда нет...» (I, XXVI, 4) и др.

Таким образом, проблема выявления роли и места природного объекта в моделировании сакрального пространства представляет перспективную область антиковедческих исследований и имеет междисциплинарный характер. Данные подходы представляются вполне применимыми не только для анализа сакральных очагов в пространстве греческой культуры, но и выявления логики моделирования сакраль-

ных пространственных образов и их «опредмечивания» в ритуальных практиках, что, в свою очередь, позволяет реконструировать культурные универсалии исследуемой эпохи.

Иерофания выделяет из окружающей природной (географической) среды определенную точку, выраженную объектом или объектами. Смысловые интерпретации объекта (осмысление проявившегося), формируемое мифологическое поле обусловлены культурными стереотипами. Географическое пространство трансформируется в сознании человека в сакральное, складывающийся сакральный образ побуждает зафиксировать особый статус пространства в ритуальных практиках и сооружениях. Такой образ с течением времени закрепляется в культурном опыте данного общества, становится органичной частью ментальной карты и транслируется в последующие поколения.

Предварительные результаты: удалось классифицировать природные объекты, включенные в организацию сакрального пространства, по степени значимости и типологизировать мифологическое (смысловое) поле по содержанию. Верифицировать полученные результаты позволит продолжение работы с текстом Павсания (книги III-IX) и последующее расширение источниковой базы.

NATURAL OBJECT IN MODELING SACRAL SPACE OF GREEK HOLY PLACES: DESIGNATION OF PROBLEM

E.A. SEMICHEVA

*Belgorod National Research
University*

e-mail: semicheva@bsu.edu.ru

This article devoted to one aspect of research field of ancient sacral topography. It's importance of natural object in modeling of sacral space. The author marks methodological elements and perspective directions of research work. Analyze of text presented effectiveness of methodology and preliminary results: typology of natural objects and mythological (semantic) field.

Key words: sacral topography, modeling of sacral space, manifestation of the deity, typology of natural objects.

ЕЩЕ РАЗ О ДОЛЖНОСТИ НАМЕСТНИКА ЦАРСТВА НА БОСПОРЕ РИМСКОГО ВРЕМЕНИ

С.А. ГРИНГОФ

*Тулльский государственный
педагогический университет
им. Л.Н. Толстого*

e-mail: gringofsergey@mail.ru

В статье затрагивается одна из малоизученных проблем истории Боспорского царства. Автор на основе эпиграфических источников и исторической аналогии с другими эллинистическими государствами анализирует должность наместника царства (*ο ἐπί της βασιλείας*). В статье делается вывод, что названная должность была одной из самых почетных и важных магистратур в данном царстве.

Ключевые слова: античный мир, государственное устройство, чиновник, царский наместник.

В Боспорском царстве в первые века нашей эры эпиграфические документы свидетельствуют о должности *ο ἐπί τῆς βασιλείας* (КБН, 36, 58, 628, 1051, 1134, 1237, 1249). Необходимо заметить, что название данной должности не встречалось ни на Боспоре при Спартокидах, ни в других эллинистических государствах. Функции этого чиновника до сих пор вызывают оживленную дискуссию в научных кругах.

В.В. Латышев считал эту должность постом наместника царской области, т.е. наместником царя в европейской части Боспора¹. М.И. Ростовцев полагал, что эти чиновники являлись военными агентами римского императора при боспорском дворе, навязанными Римом Боспорскому царству².

В.Ф. Гайдукевич указал, что это звание давалось наиболее приближенным к царю лицам, которые пользовались его особым доверием, они не имели определенных функций, а направлялись по стране с различными ответственными поручениями (КБН, комм. к надп. 1120). С.А. Жебелёв считал ее должностью правителя царской резиденции, т.е. Пантикапея как царского города³. А.И. Болтунова указала, что это – должностное лицо, управлявшее царскими землями, доходы с которых поступали в государственную казну, а земли находились в различных частях царства⁴.

Точку зрения А.И. Болтуновой поддерживает С.Ю. Сапрыкин⁵. В.А. Сидоренко считает, что этот чиновник являлся главным военачальником царства⁶. С таким прочтением согласился В.А. Горончаровский⁷. Н.Н. Болгов рассматривает эту должность как государственный пост типа первого министра или везира, указывая на отсутствие аналогий данной должности во всем мире эллинизма⁸.

Дословный перевод *ο ἐπί τῆς βασιλείας* – «стоящий во главе, начальник царства», что представляется несовместимым, если вспомнить главу эллинистического государства – царя. Однако, такая трактовка этой должности ставит под сомнение сам институт царской власти, которая являлась основополагающим элементом политиче-

¹ Латышев В.В. *Ποιττικά*. СПб., 1909. С. 125.

² Ростовцев М.И. *Эллинизмо и иранство на юге России*. М., 2002. С. 116.

³ Жебелёв С.А. *Северное Причерноморье. Исследования и статьи по истории Северного Причерноморья античной эпохи*. М.; Л., 1953. С. 210.

⁴ Болтунова А.И. *Надпись под статуей из Горгиипии // Советская археология (СА)*. 1958. Вып. 28. С. 113-116.

⁵ Сапрыкин С.Ю. *Боспорское царство на рубеже двух эпох*. М., 2002. С. 179.

⁶ Сидоренко В.А. *Высшие воинские должности на Боспоре во II – начале IV в. н.э. (по материалам эпиграфики) // Боспорские исследования (БИ)*. 2001. Вып. I. С. 139.

⁷ Виноградов Ю.А., Горончаровский В.А. *Военная история и военное дело Боспора Киммерийского (VI в. до н.э. – середина III в. н.э.)*. СПб., 2009. С. 151.

⁸ Болгов Н.Н. *Закат античного Боспора. Очерк истории Боспорского государства позднеантичного времени (IV–V вв.)*. Белгород, 1996. С. 70-71.

ской системы как Боспора, так и ряда других эллинистических государств. Таким образом, данный термин предполагает широкое толкование функций чиновника в этой должности. Поэтому задачей исследования должности наместника над царством является выяснение основных обязанностей такого чиновника и его места в иерархической структуре бюрократического аппарата Боспора.

С этой целью мы сопоставили должность $\acute{\omicron} \epsilon\lambda\iota \tau\eta\varsigma \beta\alpha\sigma\iota\lambda\epsilon\iota\alpha\varsigma$ и должность $\acute{\omicron} \epsilon\lambda\iota \tau\omega\upsilon \lambda\alpha\sigma\upsilon\mu\alpha\tau\omega\upsilon$ в царстве Селевкидов. В селевкидской традиции государство, рассматриваемое как совокупность прав правительства и обязанностей подданных, называлось «Дела» ($\tau\acute{\alpha} \lambda\alpha\sigma\upsilon\mu\alpha\tau\alpha$)⁹. В случае, если нужно было указывать, что речь идет о государстве Селевкидов, это общее понятие связывали с именем определенного царя. Так, например, в декрете Смирны говорится, что Селевк II удостоил почестей этот город за усердие, проявленное «в его делах» (OGIS, 229, стк. 9: $\phi\iota\lambda\omicron\tau\iota\mu\acute{\iota}\alpha\upsilon \eta\upsilon \epsilon\lambda\epsilon\tau\omicron\iota\eta\tau\omicron \epsilon\iota\varsigma \tau\acute{\alpha} \lambda\alpha\sigma\upsilon\mu\alpha\tau\alpha \alpha\upsilon\tau\omicron\upsilon$).

По Полибию восстанавливается биография жестокого и коварного Гермия, «заправлявшего всеми делами государства» $\acute{\omicron} \epsilon\lambda\iota \tau\omega\upsilon \lambda\alpha\sigma\upsilon\mu\alpha\tau\omega\upsilon$ (пер. Ф. Мищенко) при Антиохе III. Также известны имена еще нескольких таких чиновников в государстве Селевкидов. Это упоминавшийся Гермий при Антиохе III, Гелиодор при Селевке IV, Лисий при Антиохе IV и Антиохе V, Аммоний при Александре Бале, Ласфен при Деметрии II, Гераклеон при Антиохе VIII.

Полибий достаточно подробно описал жизнь и деятельность $\acute{\omicron} \epsilon\lambda\iota \tau\omega\upsilon \lambda\alpha\sigma\upsilon\mu\alpha\tau\omega\upsilon$ Гермия. Он родился в городе Карий, властного положения достиг, когда Селевк, брат Антиоха III отправился в поход к Тавру и доверил Гермию управление государством (Pol. V. 41). Аналогичная ситуация сложилась в 48 г. до н.э., когда боспорский царь Фарнак II возглавил военный поход в Малую Азию, он оставляет своим наместником – управлять царством от своего имени – Асандра.

Гермий активно добивался власти и боролся против остальных друзей царя, которые имели некоторое влияние на правителя. $\acute{\omicron} \epsilon\lambda\iota \tau\omega\upsilon \lambda\alpha\sigma\upsilon\mu\alpha\tau\omega\upsilon$ заставил Антиоха начать войну против Кейлесирии, активно разжигал боевые действия против восставшего сатрапа Молона (Pol. V. 42). Гермий также заплатил жалованье солдатам их своих средств (Pol. V. 50), тем самым переманив армию на свою сторону, что говорит о материальных возможностях чиновников такого уровня. После подавления восстания $\acute{\omicron} \epsilon\lambda\iota \tau\omega\upsilon \lambda\alpha\sigma\upsilon\mu\alpha\tau\omega\upsilon$ наложил штраф на Селевкию за участие в бунте в размере тысячи талантов, многих селевкиян пытал и казнил. Царю пришлось вмешаться в «жестокости Гермия частью посредством увещания Гермия, частью собственными мерами» (Pol. V. 54). Например, Антиох уменьшил штраф с Селевкии до 150 талантов.

Впоследствии, $\acute{\omicron} \epsilon\lambda\iota \tau\omega\upsilon \lambda\alpha\sigma\upsilon\mu\alpha\tau\omega\upsilon$ замыслил убить царя, чтобы в звании опекуна малолетнего сына Антиоха III получить верховную власть в свои руки. Это значит, что чиновники такого ранга в случае смерти царя и при несовершеннолетию наследника становились регентами царевича и автоматически правителями государства. После этого в ближнем дворе царя возник заговор против Гермия с участием самого правителя. Вскоре Гермий был заколот, камнями побита его жена и дети (Pol. V. 56). Полибий описал неординарный случай – правитель государства участвует в заговоре против своего ближайшего помощника. Таким образом, можно увидеть объем полномочий чиновников такого уровня в государстве Селевкидов, они занимались военными делами, внешней политикой, судили за государственную измену, инспектировали города.

Э. Бикерман переводит этот титул селевкидского чиновника, как «лицо, надзирающее за государственными делами», причем указывает, что конкретные функции этого лица зависели от доверия царя¹⁰. «Кембриджская античная история» определяет $\acute{\omicron} \epsilon\lambda\iota \tau\omega\upsilon \lambda\alpha\sigma\upsilon\mu\alpha\tau\omega\upsilon$ ($\epsilon\pi\iota \tau\omicron\upsilon \nu \rho\alpha\gamma\mu\alpha\tau\omicron\upsilon$), как везиря или премьер-министра,

⁹ Бикерман Э. Государство Селевкидов. М., 1985. С. 6.

¹⁰ Там же. С. 175.

которые осуществляли общее руководство государством от имени царя¹¹, т.е. чиновник в этой должности являлся вторым лицом в государстве после царя.

Нетрудно заметить, аналогии в титуле между ὁ ἐπί τῶν πραγμάτων и ὁ ἐπί τῆς βασιλείας, между управляющим государственными делами в государстве Селевкидов и наместником над царством в Боспорском царстве.

Весьма вероятно, что сановники такого ранга существовали и на Боспоре, уже во времена правления Спартокидов. Достаточно вспомнить Сопея – друга Сатира I, был «столь дружен с Сатиром, что управлял большой областью и имел попечение обо всех его владениях» (Isocr. XVII. 3-11).

Этнарх Асандр, оставленный управлять царством от имени Фарнака II (Dio Cass. XLII. 9. 46; App. Mithr. 120; Luc. Macr. 17), мог также иметь звание ὁ ἐπί τῆς βασιλείας. Этнарх – понтийское название должности начальника или предводителя племени или группы племен¹². Зачастую титул этнарха в Понтийском царстве заменялся на сатрапа (напр., App. Mithr. 46). Асандр, видимо, являлся командиром военных гарнизонов азиатского Боспора¹³, где себя отлично зарекомендовал во время подавления выступления городов на азиатском берегу пролива¹⁴ и получил назначение на должность наместника царства, хотя и назывался этнархом на понтийский манер при сыне Митридата VI Евпатора. Таким образом, можно с большой долей уверенности утверждать, что чиновники в должности ὁ ἐπί τῶν πραγμάτων в царстве Селевкидов и ὁ ἐπί τῆς βασιλείας в Боспорском царстве занимали аналогичные места в иерархии высших сановников государств.

Эпиграфический материал дает нам имена некоторых ὁ ἐπί τῆς βασιλείας: Марк Ульпий Парфенокл при Савромате I (КБН, 32, 628); бывшие наместники царства Юлий Д... и Юлий Родон при Савромате II (КБН, 1237); Афенодор, сын Селевка при Савромате II (КБН, 1134); Родон, сын Лоллея при Рескупориде IV (КБН, 58); Менестрат, сын Госемфлия при царе Тейране (КБН, 36); Марк Аврелий Андроник при Фарзанасе (КБН, 1051).

Было бы весьма заманчиво соотнести наместника царством Марка Ульпия Парфенокла с безымянным сановником из пантикапейского энкомия¹⁵. Неизвестный вельможа назван воспитателем царя Савромата I, но еще в последние годы правления Рескупорида I он был вызван к императору Домициану для отчета о войне с аланами. Домициан мог вызвать или самого царя, или наследника, или человека, управлявшего царством от имени Рескупорида. Марк Ульпий Парфенокл в должности наместника над царством стал регентом при царевиче Савромате, т.е. этот человек фактически стоял во главе государства на протяжении некоторого времени.

Возможно, именно Марк Ульпий Парфенокл изображен на посвянительном рельефе с изображением полководца в римском панцире конца I в. н.э. (БНР, с. 65-67, № 57). На нем бородатый воин одной рукой держит копье, а другой – широкую плоскую чашу, наклонив ее над алтарем. Рядом с ним изображена маленькая фигурка богини Ники, увенчивающей полководца победным венком. Безусловно, это стела воздвигнута в честь победы, и, видимо, победы 92 г. н.э. Римское имя Марка Ульпия Парфенокла – это граепомен и помен императора Марка Ульпия Траяна, которые он мог получить в награду за службу Римской империи. Если связать с этим человеком ольвийскую эпитафию IPE, I², № 203, то получается, что бурная жизнь Марка Ульпия Парфенокла закончилась далеко от родины, в Ольвии, где он также мог выполнять

¹¹ The Cambridge Ancient History. The Hellenistic World. Vol. VII, part I. New York, 2008. P. 68, 186.

¹² Сапрыкин С.Ю. Структура земельных отношений в Понтийском царстве // Эллинизм: восток и запад. М., 1992. С. 109.

¹³ Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство: государство греков и варваров в Причерноморье. М., 1996. С. 297.

¹⁴ Сапрыкин С.Ю. Боспорское царство на рубеже двух эпох. М., 2002. С. 35.

¹⁵ Vinogradov J.G. Greek Epigraphy of the Black Sea Coast, the Caucasus and Central Asia (1985-1990) // Ancient Civilization from Scythia to Siberia. Vol. I. 1994. P. 68-84; Сапрыкин С.Ю. Энкомий из Пантикапея и положение Боспорского царства в конце I – начале II в. н.э. // ВДИ. 2005. № 2. С. 45-81.

важную военно-политическую миссию вместе с другими знатными боспорцами – Титом Флавием Ахеменом и Адостом, сыном Арсака (IPE, I², №№ 202, 204). Таким образом, Марк Ульпий Парфенокл получил должность наместника над царством, благодаря своим неординарным способностям, верной службой царю и покровительству римских императоров. Необходимо заметить, что объем полномочий чиновника зависел от личного доверия царя.

В надписи 193 г. н.э. во время правления Савромата II упоминаются двое царских наместников с римскими именами Юлий Д... и Юлий Родон, но с эпитетом «бывшие» (КБН, 1237). Ученые, анализируя данную надпись, делают выводы, что война против скифов и сираков была проведена Савроматом II совместно с римским военным командованием; слова «присоединил по договору» означали, что после победы часть завоеванной территории отошла к Боспору, а Рим распространил свою юрисдикцию в юго-западном Крыму вплоть до р. Альма¹⁶. Эпитет «бывший» означает, что данная должность не была пожизненной, такое положение вещей характерно для политической системы позднеэллинистического периода, построенной по образцу персидского двора. Эта системы также известны при дворах Птолемея, Селевкидов, позже в Понтийском царстве¹⁷.

В 249 г. н.э. в Пантикапее воздвигается статуя в честь Аврелия Родона, сына Лоллея, занимавшего должности хилиарха и царского наместника (КБН, 58). Этот человек входил в сословие римских всадников и был «известен августам», весьма вероятно, что эти должности и звания Аврелий Родон получил, благодаря своей близости к римскому императору. Иноземец Аврелий Родон являлся крупным боспорским сановником из ближайшего окружения Рескупорида IV, проявлявшего лояльность по отношению к империи. Его имя Марк Аврелий является частью императорского имени, что позволяет высказать предположение, что Аврелий Родон получил права римского гражданства и римского всадничества при императоре Каракалле после принятия эдикта 212 г., наделявшего правами римского гражданства представителей аристократических родов греческого Востока за их службу в римской армии.

Римские имена высших боспорских чиновников указывают на политическую ориентацию царских наместников. Римская администрация старалась привлечь на свою сторону управленцев, которые могли оказать влияние на политику Боспорского государства. Этим объясняется широкое распространение римских *tria nomina* среди высшей аристократии в эпиграфических материалах. Все же главным фактором получения должности $\omicron \epsilon \lambda \iota \tau \eta \varsigma \beta \alpha \sigma \iota \lambda \epsilon \iota \alpha \varsigma$ являлась близость к царю. Царь именно из числа друзей выбирал себе помощников и доверял им управление царством или частью царства от своего имени.

Нужно заметить, что надписи с упоминанием $\omicron \epsilon \lambda \iota \tau \eta \varsigma \beta \alpha \sigma \iota \lambda \epsilon \iota \alpha \varsigma$ происходят из различных частей царства: Пантикапея, Горгиппии, Танаиса, Тамани, что еще раз говорит о широте полномочий чиновников данного уровня.

Таким образом, должность $\omicron \epsilon \lambda \iota \tau \eta \varsigma \beta \alpha \sigma \iota \lambda \epsilon \iota \alpha \varsigma$ получали главные помощники царя. Функциональные обязанности царского наместника наиболее полно обозначил В.Ф. Гайдукевич: это были царедворцы, исполняющие личные поручения царя (КБН, комм. к надп. 1120), как гражданского, так и военного характера. Именно такого чиновника царь оставлял во главе государства, когда сам возглавлял войско во время военного похода, или когда осуществлял дипломатические функции вне территории Боспорского государства. Можно с большой долей уверенности говорить о деятельности «совета друзей» на Боспоре, который существовал также в государстве Селевкидов¹⁸ и в Вифинском царстве¹⁹.

¹⁶ Виноградов Ю.А., Горончаровский В.А. Военная история и военное дело Боспора Киммерийского (VI в. до н.э. – середина III в. н.э.). СПб., 2009. С. 278-282.

¹⁷ Болгов Н.Н. Закат античного Боспора. С. 73.

¹⁸ Голубцова Е.С. Полис и монархия в эпоху Селевкидов // Эллинизм: восток и запад. М., 1992. С. 62.

ONCE AGAIN ABOUT A POSITION OF THE DEPUTY OF KINGDOM OF THE BOSPORAN KINGDOM OF ROMAN AGE

S.A. GRINGOF

Tula State Pedagogical University

e-mail: gringofsergey@mail.ru

The article illustrates a little known problem of political structure of Bosphorus. The author analyzes the position of the deputy of kingdom (ὁ ἐπὶ τῆς βασιλείας) in the context of Hellenistic civilization using written sources. The post ὁ ἐπὶ τῆς βασιλείας was one of the most honorable and significant magistracies in Bosphorus.

Key words: antique word, state structure, the official, the deputy of kingdom.

¹⁹ Габелко О.Л. История Вифинского царства. СПб., 2005. С. 448-449.

УДК 94(37).07

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КЛИМЕНТА АЛЕКСАНДРИЙСКОГО*

И.В. ЗАЙЦЕВА

*Белгородский государственный
национальный
исследовательский
университет*

e-mail: state@bupk.ru

В работе дается обзор основных направлений и проблем, разрабатывавшихся в отечественной историографии относительно жизни и деятельности св. Климента Александрийского – раннего «отца» Церкви, в творчестве которого достаточно важное место занимали вопросы отношения к античному культурному наследию.

Ключевые слова: Климент Александрийский, церковь, жизнь, деятельность, теология, школа.

Отечественная историография по данной проблематике представлена, в основе своей, работами авторов дореволюционного периода. Этот факт легко объясняется тем, что после революции с приходом власти Советов отношение к проблеме веры и вероисповедания стояло очень остро, и на повестку дня вышли другие исторические вопросы. Говоря о специфике литературы дореволюционного периода, стоит отметить тот факт, что по большей части она была представлена работами представителей церкви, что отложило на ней свой отпечаток. В целом эти работы отличались определённым догматизмом, теологизмом и религиозным консерватизмом. К ним мы можем отнести работы таких исследователей, как архиепископ Иларион (Троицкий) «Очерки из истории догмата о Церкви»¹, «Священное писание и церковь»², «Христианства нет без церкви»³; архимандрит Алексей (Ржаницын) «О преблагословенной Деве Матери Господа нашего Иисуса Христа»⁴; архимандрит Сильвестр (Малеванский) «Учение о Церкви в первые три века христианства»⁵; А. Доброклонский «Александрийская образованность как сфера, благоприятствующая происхождению христианской Александрийской школы»⁶.

В светских работах того же времени выделяются имена А.Н. Мартынова «Нравственное учение Климента Александрийского по сравнению со стоическим»⁷; М.Д. Муретова «Новозаветная песнь любви сравнительно с Пиром Платона и Песней Песней»⁸, «Новый Завет как предмет православно-богословского изучения»⁹; В. По-

* Статья подготовлена в рамках работ по ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы, Госконтракт № П 322 от 28.07.2009 г. «Человек переходной эпохи: Поздняя античность – Ранняя Византия», 2009-2011 гг.

¹ Архиепископ Иларион (Троицкий) Очерки из истории догмата о Церкви. М., 1997.

² Архимандрит Иларион (Троицкий) Священное Писание и Церковь. М., 1914.

³ Архимандрит Иларион Троицкий Христианства нет без Церкви. М., 1992.

⁴ Архимандрит Алексей (Ржаницын) О преблагословенной Деве Матери Господа нашего Иисуса Христа // Всесвятая. Православное догматическое учение о почитании Божией Матери. Сборник работ. М., 2001. С. 32-33.

⁵ Архимандрит Сильвестр (Малеванский). Учение о Церкви в первые три века христианства. Киев, 1872.

⁶ Доброклонский А. Александрийская образованность как сфера, благоприятствующая происхождению христианской Александрийской школы // Чтения в обществе любителей духовного просвещения. Ч. I. М., 1880. С. 220-258.

⁷ Мартынов А.Н. Нравственное учение Климента Александрийского по сравнению со стоическим // Творения святых Отцов в русском переводе: Прибавления. М., 1889. Ч. 43. С. 92-237; М., 1890. Ч. 45. С. 142-177.

⁸ Муретов М.Д. Новозаветная песнь любви сравнительно с Пиром Платона и Песней Песней. Сергиев Посад, 1908.

⁹ Муретов М.Д. Новый Завет как предмет православно-богословского изучения. Сергиев Посад, 1915.

кровского «Disciplina arcana в древней христианской Церкви»¹⁰; П.П. Пономарева «Священное Предание как источник христианского ведения. Учение о Св. Предании в древней, преимущественно восточной, Церкви»¹¹; И.В. Попова «Идея обожения в древне-восточной Церкви»¹², «Тертуллиан. (Опыт литературной характеристики)»¹³; М.Э. Поснова «Гностицизм II века и победа христианской Церкви над ним»¹⁴; И. Реверсова «Очерк западной апологетической литературы II и III вв.»¹⁵; М. Скабаллановича «Хранение догмата в Церкви»¹⁶; П. Соколова «История Ветхозаветных Писаний в христианской Церкви. От начала христианства до Оригена включительно»¹⁷; С. Смирнова «Духовный отец в древней восточной Церкви»¹⁸; В. Троицкого «Гностицизм и Церковь в отношении к Новому Завету»¹⁹; М.М. Троицкого «Суждения св. отцов и учителей второго и третьего века об отношении греческого образования к христианству»²⁰; М. Хитрова «Климент и Ориген – учителя александрийские и их век»²¹, А.П. Дьяконова «Типы высшей богословской школы в древней церкви III-VI вв.»²², работы Н.Н. Корсунского «Иудейское толкование Ветхого Завета»²³ и «Новозаветное толкование Ветхого Завета»²⁴, П. Полянского «Первое Послание святого Апостола Павла к Тимофею. Опыт историко-экзегетического исследования»²⁵, Г.В. Прохорова «Нравственное учение св. Амвросия, епископа Медиоланского»²⁶, А. Садова «Древнехристианский церковный писатель Лактанций»²⁷.

Анализ трудов Климента Александрийского можно найти в работе И. Ливанова «Климент Александрийский и его сочинения»²⁸. В работе А. Сергеевского «Отношение апологетов Восточной Церкви II века к языческой философии» даётся целостная характеристика большинства христианских гностиков и их отношения к античной философии²⁹. В продолжение этой темы, для соотношения взглядов на античное наследие у Климента и других христианских теоретиков нами были использованы работы Н. Штернова «Тертуллиан, пресвитер Карфагенский»³⁰ и К.М. Мазурина

¹⁰ Покровский В. *Disciplina arcana в древней христианской Церкви* // Вера и Разум. 1895. Т.1. Ч.2. С. 22-23.

¹¹ Пономарев П.П. *Священное Предание как источник христианского ведения. Учение о Св. Предании в древней, преимущественно восточной, Церкви*. Казань, 1908.

¹² Попов И.В. *Идея обожения в древне-восточной Церкви*. М., 1909.

¹³ Попов И.В. *Тертуллиан (Опыт литературной характеристики)*. Сергиев Посад, 1913.

¹⁴ Поснов М.Э. *Гностицизм II века и победа христианской Церкви над ним*. Киев, 1917.

¹⁵ Реверсов И. *Очерк западной апологетической литературы II и III вв.* Казань, 1892.

¹⁶ Скабалланович М. *Хранение догмата в Церкви* // Труды Киевской Духовной Академии. Т.3. М., 1910.

¹⁷ Соколов П. *История Ветхозаветных Писаний в христианской Церкви. От начала христианства до Оригена включительно*. М., 1886.

¹⁸ Смирнов С. *Духовный отец в древней восточной Церкви*. Сергиев Посад, 1906.

¹⁹ Троицкий В. *Гностицизм и Церковь в отношении к Новому Завету* // Отд. оттиск из «Богословского Вестника». Сергиев Посад, 1911. С. 24-25.

²⁰ Там же.

²¹ Хитров М. *Климент и Ориген – учителя александрийские и их век* // Странник. 1878. № 3. С. 313-345; № 5. С. 97-110; № 6-7. С. 3-23; № 8. С. 133-144; № 9. С. 273-294; № 10. С. 53-67; 1879. № 7-8. С. 61-85; № 9. С. 305-326; № 10. С. 53-67; 1880. № 6-7. С. 289-334.

²² Дьяконов А.П. *Типы высшей богословской школы в древней церкви III-VI вв. Речь на годовом акте Санкт-Петербургской Духовной Академии 17 февр. 1913 г.* СПб., 1913.

²³ Корсунский Н.Н. *Иудейское толкование Ветхого Завета*. М., 1882.

²⁴ Корсунский Н.Н. *Новозаветное толкование Ветхого Завета*. М., 1885.

²⁵ Полянский П. *Первое Послание святого Апостола Павла к Тимофею. Опыт историко-экзегетического исследования*. Сергиев Посад, 1897.

²⁶ Прохоров Г.В. *Нравственное учение св. Амвросия, епископа Медиоланского*. СПб., 1912.

²⁷ Садов А. *Древнехристианский церковный писатель Лактанций*. СПб., 1895.

²⁸ Ливанов И. *Климент Александрийский и его сочинения* // Православное Обозрение. 1867. Т. 22. №3. С. 342-364.

²⁹ Сергеевский А. *Отношение апологетов Восточной Церкви II века к языческой философии* // Вера и разум. 1886. Т.11. Ч. 1. С. 115-143.

³⁰ Штернов Н. *Тертуллиан, пресвитер Карфагенский. Очерк учено-литературной деятельности его*. Курск, 1890.

«Тертуллиан и его творения»³¹. Все указанные выше труды представителей дореволюционной православной церкви и светской исторической мысли важны для общего исторического фона и для сравнения идей и деятельности Климента Александрийского с другими раннехристианскими богословами.

Среди трудов описанных выше исследователей, выделяется ряд работ, которые имеют наибольшую значимость при изучении данной проблематики. Так, мы выделяем профессора Киевской Духовной Академии С.Л. Епифановича³². Довольно основательно он говорит не только о самом Клименте, но и «о начале Александрийской школы» в целом. Изучив сочинения Климента, он называет его «Протрептик», «Педагог» и «Строматы» «великой трилогией», в которой начертан «ход духовно-нравственного развития язычника, обратившегося ко Христу и проходящего ступени, возвышающие его к христианскому ведению». В этом видел патролог главнейшую заслугу Климента, так как он «первый из александрийцев старался установить связь между философией и христианством, указать пути, ведущие от первой ко второму». Кроме этой работы, важен и другой труд данного автора «Преподобный Максим Исповедник и византийское богословие», в котором встречается информация о последующей преемственности взглядов Тита Флавия Климента³³.

Рассмотрев систематические курсы патрологии, необходимо констатировать огромную значимость для изучения проблем интерпретации Титом Флавием Климентом античного наследия «Полного корпуса лекций по патрологии» ученого Петербургской Духовной Академии Н.И. Сагарды³⁴, который в своей работе дал фундаментальный анализ большинства христианских богословов не только II–III вв., но и более позднего времени.

Еще один представитель СПбДА А.И. Сагарда оставил нам свое исследование более узкой направленности: «Ипотипосы» Климента Александрийского³⁵, опубликованное в 1913 г. в «Христианском чтении» и изданное в том же году отдельной брошюрой. Эта работа представляет собой извлечение из его магистерской диссертации. В ней представлен обширный критический материал, помещенный в подстрочнике, – указание цитат в первоисточнике и ссылки на сочинения преимущественно иностранных исследователей. Также в тексте цитируются источники в оригинале. Среди трудов данного автора выделяется также «Климент Александрийский. «Извлечения из Теодота» и «Избранные места из пророческих книг», в котором он даёт подробный анализ этим двум работам христианского гностика, раскрывая сущность, как интерпретации им христианского наследия, так и античного³⁶.

Важным представляется изучение системного труда по патрологии, составленного русским богословом протоиереем Иоанном Мейендорфом³⁷. В кратких обзорных параграфах достаточно точно дана характеристика рассматриваемым отцам и учителям. Это распространяется и на разделы, посвященные Клименту. Приводя к каждому своему выводу цитату из сочинений этих дидаскалов, доктор богословия заключает о Клименте, что он в своем учении о гносисе нарушает равновесие: «Из его писаний создается впечатление, что богопознание в истинном смысле доступно только немногим образованным и интеллигентным людям, что одним лишь им дано постичь мистические вершины общения с Богом». Значимость данный труд представляет в том контексте того, что автор считал «интересной частью наследия Климента его нравственное учение, адресованное мирянам» (в то время как традиционно,

³¹ Мазурин К.М. Тертуллиан и его творения. М., 1892.

³² Епифанович С.Л. Лекции по патрологии. М., 2010.

³³ Епифанович С.Л. Преподобный Максим Исповедник и византийское богословие. М., 1996.

³⁴ Сагарда Н.И., Сагарда А.И. Полный корпус лекций по патрологии. СПб, 2004.

³⁵ Сагарда А.И. «Ипотипосы» Климента Александрийского // Христианское чтение. №9. 1913. С. 1105–1127.

³⁶ Сагарда А.И. Климент Александрийский. «Извлечения из Феодота» и «Избранные места из пророческих книг» // Христианское чтение. №11. 1914. С. 1286–1302.

³⁷ о. Иоанн Мейендорф. Введение в святоотеческое богословие. Минск, 2007.

«церковные писатели предпочитали писать на морально-аскетические темы, адресуясь в первую очередь к монахам»).

Не меньший интерес представляет собой труд ученого не патролога, а скорее богослова и философа Льва Платоновича Карсавина «Святые отцы и учителя Церкви»³⁸. В нём даётся полная характеристика выдающихся представителей ранехристианской церкви, куда включён и Климент Александрийский. Также интерес представляет такая работа этого автора, как «Римская империя. Христианство и варвары», которая позволила наиболее детально реконструировать картину исторических событий II–III вв.³⁹

Особую значимость представляет собой сочинение церковного историка В.В. Болотова «Учение Оригена о Святой Троице»⁴⁰. Это значительный по своему объёму труд почти в пятьсот страниц, в котором автор, прежде чем перейти к раскрытию непосредственно Оригенова учения о Святой Троице, предлагает нам исследование этого вопроса в эллинско-философской и христианской литературе до Оригена. В целом же диссертация проф. В.В. Болотова поражает своей капитальностью. Подробнейший, глубинный разбор поставленной темы в прекрасном систематическом изложении сопровождается богатейшим критическим материалом, цитацией первоисточников в оригинале. В заключении целый раздел освещает известную автору литературу по исследуемому вопросу на различных языках.

Благодаря такому обширному интересу русских ученых богословов к представителям Александрийской школы, увидели свет отдельными изданиями и монографиями, посвященные истории становления и развития этой школы. Так в 1884 г. в Казани было издано сочинение В.Н. Дмитриевского «Александрийская школа»⁴¹. В нем автор строит свои исследования так, чтобы показать, что, хотя в древней Церкви и существовало «много подобных школ, но над всеми ними возвышается школа Александрийская, и по своей древности, и по своему значению в истории христианской церкви и науки. Значение этой школы для христианства признается всеми историками и писателями, почему-либо касавшимися этой школы». Эту значимость школы автор подтверждает своими исследованиями трудов всех представителей Александрийского богословского училища. В том числе он подробно останавливается на Клименте и Оригене. О первом из них В.Н. Дмитриевский заключает, что принятую на себя задачу «Климент выполнил блистательно», и «оказал незабвенную услугу не только самой школе, но и всему христианству: план христианского образования и воспитания, начертанный им, – это новая христианская энциклопедия науки».

Другой монографией, изданной во второй половине XIX столетия, является труд профессора Киевской Духовной Академии К.И. Скворцева «Философия отцов и учителей Церкви»⁴². Двумя годами ранее глава этого сочинения, посвященная Клименту, была опубликована в журнале «Труды Киевской Духовной академии» под названием «Философия Климента Александрийского»⁴³. Здесь перед нами предстает этот учитель, как самый ревностный искатель истины. Сравнивая Климента с предшествовавшими ему христианскими богословами, К.И. Скворцев заключает: «Ни один из предшествовавших апологетов христианства не изучал с такой любовью отношения веры к знанию, порядка сверхъестественного к естественному, как Климент Александрийский». А потому «философия, по его мнению, должна быть госпожой наук и вместе с тем служительницей богословия». Что же касается духовно-

³⁸ Карсавин Л.П. Святые отцы и учителя Церкви. М., 1994.

³⁹ Карсавин Л.П. Римская империя. Христианство и варвары. СПб., 2003.

⁴⁰ Болотов В.В. Учение Оригена о Св. Троице // Собрание церковно-исторических трудов. Т.1. М., 1999. С. 73–80.

⁴¹ Дмитриевский В.Н. Александрийская школа: Очерк из истории духовного просвещения от I до начала V века по Р. Хр. Казань, 1884.

⁴² Скворцев К.И. Философия отцов и учителей Церкви. Киев, 2007.

⁴³ Скворцев К.И. Философия Климента Александрийского // Труды Киевской Духовной Академии. 1886. №9. С. 59–93.

нравственного учения Климента, то его «нравственные правила часто являются очень строгими, особенно когда он прилагает их к гностику, в котором видит идеал истинного христианина».

На кафедре патрологии Петербургской Духовной Академии на рубеже последних столетий трудился Д.П. Миртов, оставивший после себя подробное исследование нравственного учения Климента. Первоначально это сочинение под названием «Нравственный идеал по представлению Климента Александрийского» было прочитано в качестве реферата в Санкт-Петербургском Философском обществе 12 октября 1899 г. Годом позднее этот реферат был опубликован в журнале «Христианское чтение», и в том же 1900 г. вышел в свет отдельным изданием. В этом кратком сочинении Д.П. Миртов не рассматривает все нравственное учение Климента, а говорит, что, «по мнению Климента, в идеальном христианине находят свое полное и совершенное осуществление не только все предписания христианской морали, но и все то, чего чаяла от совершенного человека и мысль язычника», но при этом он «называет своего идеального человека не мудрецом, как философы, а гностиком».

Надо сказать, что это небольшое по своему объему сочинение послужило ступенью к более основательному труду – «Нравственное учение Климента Александрийского»⁴⁴, – который был защищен как диссертация в 1900 г. и также издан отдельной книгой. О ценности этого сочинения может говорить тот факт, что все известные исследования, посвященные Клименту, как правило, не касаются его педагогики.

Одним из важнейших вопросов, стоявших перед Климентом был вопрос о соотношении веры и знания. Его рассмотрению посвятил свой труд К.Д. Попов, опубликованный в «Трудах КДА» в 1887 г. под названием: «Вера и ее отношение к христианскому знанию по учению Климента Александрийского»⁴⁵. Для раскрытия этой темы автор часто обращался к творениям опытных учителей Александрийской школы, которые первыми проложили мост между истинной верой и истинным знанием. «Ум человека, – приводит автор слова Климента, – есть то око нашей души, которое озаряется лучами божественного Слова». А главный недостаток древней философии христианский философ видел в том, что «она не обладала верой, служащей основой истинного научного знания».

Современная отечественная историография по данной теме представлена работами исследователей, которые мало относятся к церкви, а по большей части являются представителями светской историографической мысли. После этапа советского периода «возрождение» интереса к теме раннехристианских отцов церкви, в целом, и Клименту Александрийскому, в частности, появляется в 90-х гг. XX в. К этому процессу имели отношение такие исследователи, как Е.В. Афонасин «Философия Климента Александрийского»⁴⁶, «Античный символизм и философия образования в «Строматах» Климента Александрийского»⁴⁷, «В начале было...» Античный гностицизм. Фрагменты и свидетельства»⁴⁸, «Значение символизма для достижения истинного гносиса в «Строматах» Климента Александрийского»⁴⁹; О.С. Климков «Опыт безмолвия. Человек в мирозерцании византийских исихастов»⁵⁰; Т.В. Миллер «Ви-

⁴⁴ Миртов Д.П. Нравственный идеал по представлению Климента Александрийского. СПб., 1900.

⁴⁵ Попов К.Д. Вера и ее отношение к христианскому знанию, по учению Климента Александрийского // Труды Киевской Духовной Академии. 1887. № 12. С. 577-616.

⁴⁶ Афонасин Е.В. Философия Климента Александрийского. Новосибирск, 1997.

⁴⁷ Афонасин Е.В. Античный символизм и философия образования в «Строматах» Климента Александрийского. Новосибирск, 1998.

⁴⁸ Афонасин Е.В. «В начале было...» Античный гностицизм. Фрагменты и свидетельства. СПб., 2002.

⁴⁹ Афонасин Е.В. Значение символизма для достижения истинного гносиса в «Строматах» Климента Александрийского. Автореф. дис. ...канд. филос. наук. М., 1996.

⁵⁰ Климков О.С. Опыт безмолвия. Человек в мирозерцании византийских исихастов. СПб., 2001.

зантийская экзегеза 2: отцы Церкви II-III вв.»⁵¹; А.И. Сидоров «Древнехристианский аскетизм и зарождение монашества»⁵²; «Святитель Кирилл Александрийский. Его жизнь, церковное служение и творения»⁵³.

Одним из крупнейших исследователей по наследию Климента Александрийского является В.Я. Саврей. В его работе «Александрийская школа в истории философско-богословской мысли» даётся подробный анализ деятельности школы, начиная от Пантена и заканчивая последними руководителями⁵⁴. Она, после работы В.Н. Дмитриевского является вторым по фундаментальности сочинением о крупнейшей школе в Александрии. Примечательной является статья А.В. Цыб «Учение Климента Александрийского о логосе и традиция античной логософии», в которой речь ведётся о непосредственной рецепции античного наследия и христианства⁵⁵. «Вестник древней истории» предлагает нашему вниманию статью В.В. Бычкова «Эстетические взгляды Климента Александрийского»⁵⁶, в которой речь идёт о воспитании эстетических воззрений у христианского гностика. Данная статья является краткой выдержкой из книги «Эстетика поздней античности»⁵⁷.

Значительный интерес в историографической проблеме данного вопроса представляет статья Ю.В. Бизяевой «Климент Александрийский о соотношении знания и веры», в которой автор даёт характеристику этим двум понятиям и их трактовке Климентом⁵⁸. В статье А.П. Большакова «Раннехристианские апологии: происхождение и содержание» мы находим интересную информацию касательно отношения Климента к ряду античных литераторов⁵⁹. А. Ермаков в статье «Климент Александрийский и его учение о жизни человека» повествует о становлении истинного гностика по мнению Климента и этапах его обучения⁶⁰. Для нас же она представляет интерес, поскольку в ней содержится информация о попытках преподавания Тита Флавия и воспитательных основах его учения. Нравственные и аксиологические основы учения Климента Александрийского рассматриваются в статьях Г.А. Кошеленко «Из истории становления эстетических воззрений раннего христианства»⁶¹ и «Развитие христианской эстетической теории в конце II-III вв. н.э.»⁶².

Таким образом, современного нового исторического исследования климентовской традиции в отечественной историографии нет, хотя существует достаточно много дореволюционных работ, раскрывающих те или иные аспекты рассматриваемой проблематики.

⁵¹ Миллер Т.В. Византийская экзегеза 2: отцы Церкви II-III вв. // Альфа и Омега. Ученые записки Общества для распространения Священного Писания в России. 1994. № 3. С. 73-89.

⁵² Сидоров А.И. Древнехристианский аскетизм и зарождение монашества. М., 1998.

⁵³ Сидоров А.И. Святитель Кирилл Александрийский. Его жизнь, церковное служение и творения. Книга 1. М., 2000.

⁵⁴ Саврей В.Я. Александрийская школа в истории философско-богословской мысли. М., 2006.

⁵⁵ Цыб А.В. Учение Климента Александрийского о логосе и традиция античной логософии // Универсум платоновской мысли: вопросы познания. Процедуры правильного мышления. Докса и ноэсис. СПб., 1997. С. 113-120.

⁵⁶ Бычков В.В. Эстетические взгляды Климента Александрийского // Вестник древней истории. 1977. № 3. С. 69-91.

⁵⁷ Бычков В.В. Эстетика поздней античности. М., 1981.

⁵⁸ Бизяева Ю.В. Климент Александрийский о соотношении знания и веры // Философия и религия. Воронеж, 2002. С. 91-94.

⁵⁹ Большаков А.П. Раннехристианские апологии: происхождение и содержание // Древний Восток и античный мир. Труды кафедры истории Древнего мира исторического факультета МГУ. Вып. 5. М., 2002. С. 151-165.

⁶⁰ Ермаков А. Климент Александрийский и его учение о жизни человека // Церковь и общество на пороге третьего тысячелетия: X Рождественские православно-философские чтения. Нижний Новгород, 2001. С. 249-254.

⁶¹ Кошеленко Г.А. Из истории становления эстетических воззрений раннего христианства // Вестник древней истории. 1964. №3. С. 38-67.

⁶² Кошеленко Г.А. Развитие христианской эстетической теории в конце II-III вв. н.э. // Вестник древней истории. 1970. №3. С. 86-106.

RESEARCH OF LIFE AND WORKS OF CLIMENT FROM ALEXANDRIA IN RUSSIA

I.V. ZAITSEVA

*Belgorod National Research
University*

e-mail: state@bupk.ru

At this article give a digest of main trends and problems, who were research in homeland historiography about of life and works of st. Climent from Alexandria – an early Father of Church. He was gives many opinion at his works to questions about of position to Classic Culture Heritage.

Key words: Climent from Alexandria, Church, life, works, theology, school.

К ВОПРОСУ О ВАРВАРИЗАЦИИ РИМСКОЙ АРМИИ В IV В. Н.Э. (ПО ДАННЫМ АММИАНА МАРЦЕЛЛИНА)

В.А. ДМИТРИЕВ

*Псковский государственный
педагогический университет
им. С.М. Кирова*

e-mail: demetrius@rambler.ru

В статье рассмотрена проблема варваризации римской армии с точки зрения крупнейшего позднеримского историка Аммиана Марцеллина. Выявлены и проанализированы номенклатура варварских этносов, распределение их упоминаний по сохранившимся книгам «Деяний», причины принятия варваров на римскую военную службу, механизм и условия включения варваров в римскую армию, функции, выполнявшиеся варварами в римской армии и Римском государстве. Данные Аммиана Марцеллина подтверждают мысль о том, что в IV в. активно протекал процесс варваризации римской армии; после же битвы при Адрианополе (378 г.) армия Римской империи окончательно превратилась в конгломерат сформированных из варваров боевых частей.

Ключевые слова: Поздняя Римская империя, римская армия, варвары, варваризация, Аммиан Марцеллин.

Проблемы взаимоотношений античной цивилизации и варварской периферии уже давно и разносторонне изучаются как зарубежными, так и отечественными исследователями. При этом особое внимание традиционно уделяется вопросу о варваризации Римской империи, наиболее ярко, в свою очередь, проявившейся в варваризации римской армии¹. Причина этого интереса понятна и легко объяснима: именно усиление варварского элемента в армии стало началом варваризации империи в целом и, в перспективе, одной из главных причин гибели Западной Римской империи.

Важнейшим источником, освещающим затронутую нами проблему применительно к IV в., является сочинение крупнейшего писателя-историка позднего Рима, антиохийского грека Аммиана Марцеллина (ок. 330 – ок. 400), известное под названием «Деяния»². Сохранившаяся часть «Деяний» (книги XIV–XXXI) содержат значи-

¹ Историография этой проблемы крайне обширна. Из наиболее заметных работ можно выделить такие, как: Буданова В.П., Горский А.А., Ермолова И.Е. Великое переселение народов: этнополитические и социальные аспекты. М. 1999; Колосовская Ю.К. Рим и мир племен на Дунае. I – IV вв. н.э. М., 2000; Махлаюк А.В. Процесс «варваризации» римской армии в оценке античных авторов // Античный мир и археология. 2002. Вып. 11. С. 123–129; Античная цивилизация и варвары. М., 2006; Buché-Leclercq A. Manuel des institutions romaines. P., 1886; Vittinghoff F. Zur angeblichen Barbarisierung des römischen Heers durch die Verbände der Numeri // Historia. 1950. Bd. 1. H. 3. S. 389–407; Boak A.E.R. Manpower shortage and the fall of the Roman Empire in the West. Ann Arbor, 1955; Salmon E.T. The roman army and the disintegration of the Roman Empire // Transactions of the Royal Society of Canada. 1958. Vol. 57. P. 43–57; Crump G.A. Ammianus Marcellinus as a military historian. Wiesbaden, 1975; L'armée romaine et les barbares du III-e au VII-e siècle. Rouen, 1993 и др.

² Историография (особенно зарубежная), посвященная Аммиану Марцеллину и его сочинению, огромна. Из наиболее известных работ можно указать следующие: Соколов В.С. Аммиан Марцеллин как последний представитель античной историографии // Вестник древней истории. 1959. № 4. С. 43–62; Неронова В.Д. Отражение кризиса Римской империи в «Истории» Аммиана Марцеллина // Ученые записки Пермского государственного университета. 1961. Т. 20. Вып. 4 (история). С. 71–101; она же. Аммиан Марцеллин о варварах // Ученые записки Пермского государственного университета. 1966. Вып. 143. С. 65–69; Удальцова З.В. Мировоззрение Аммиана Марцеллина // Византийский временник. 1968. Т. 28. С. 38–58; Каждан А.П. Аммиан Марцеллин в современной зарубежной литературе // Вестник древней истории. 1972. № 1. С. 223–232; Дмитриев В.А. Армия и военное дело в сасанидском Иране по данным Аммиана Марцеллина // Записки Восточного отделения Российского археологического общества. Новая серия. Т. II (XXVII). СПб., 2006. С. 397–426; Cart W. A. Quaestiones Ammianae. B., 1868; Mommsen Th. Ammianus Geographica // Hermes. 1881. Bd. 16. S. 602–636; Gimazane J. Ammien Marcellin sa vie et son oeuvre. Toulouse, 1889; Seeck O. Ammianus (4) // Pauly's Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft.

тельный объем информации по военным вопросам, относящейся к современной Аммиану эпохе (353–378 гг.). Особая ценность сведений Аммиана Марцеллина как военного историка обусловлена тем, что он, в отличие от большинства своих коллег, являлся профессиональным воином и непосредственным участником боевых действий, не понаслышке знакомым с ситуацией в римской армии. Кроме того, суждения Аммиана Марцеллина по военным вопросам – это суждения эксперта, поскольку сам он был не просто солдатом, а занимал командные посты, был приближен к императорскому штабу и высшему военному руководству³.

Прежде, чем анализировать конкретные проявления и аспекты варваризации римской армии, рассмотрим вопрос о том, представители **каких именно** варварских этносов, по данным Аммиана Марцеллина, состояли на римской военной службе в IV в.

Сведения Аммиана показывают, что в императорское войско привлекались воинские контингенты 16 иноплеменных народов:

Таблица 1

Номенклатура варварских этносов, представители которых находились на римской военной службе

№ п/п	Этнонимы ⁴	Места упоминания в тексте «Деяний» ⁵
1	2	3
	аламанны (Alamanni)	XIV.10.7,8; 11.11,24; XVI.12.16; XVIII.2.2,7,13; XX.2.5; XXI.3.4,5; 12.16; 13.3; XXII.3.1; 8.49; XXVI.7.4,6; 9.7; 10.7; 8.2; XXIX.1.2; 4.7; XXX.3.3 – 7
	арабы (Arabas) =сарацины (Saraceni) ⁶	XXIII.3.8; 5.1; XXIV.1.10
	батавы ⁷ (Batavi)	XX.1.3; 4.2; XXVII.1.5; 8.7
	«варвары» (Barbari)	XVIII.9.4; XXI.8.1; 10.18 – 19; 12.25; XXIV.1.2; XXVI.7.17
	«германцы» (Germani)	XXV.6.13; 8.1
	герулы (Heruli) ⁸	XX.1.3; 4.2,4; XXV.10.9; XXVII.1.5; 8.7

Neue Bearbeitung, begonnen von G. Wissowa. Hbd 2. Stuttgart – München, 1894. S. 1845–1852; Dautremer L. Ammien Marcellin, etude d'histoire litterataire. Lille, 1899; Klein W. Studien zu Ammianus Marcellinus // Klio. 1914. N. 13; Thompson E.A. The historical work of Ammianus Marcellinus. Cambridge, 1947; Syme R. Ammianus and the Historia Augusta. Oxford, 1968; Crump G.A. Ammianus Marcellinus as a military historian. Wiesbaden, 1975; Austin N.J.E. Ammianus on warfare. An investigation into Ammianus' military knowledge. Bruxelles, 1979; Matthews J. The Roman Empire of Ammianus Marcellinus. Baltimore, 1989. Об отечественной историографии жизни и творчества Аммиана Марцеллина см.: Дмитриев В.А. Аммиан Марцеллин в отечественной историографии // Вестник Псковского государственного педагогического университета. Серия «Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки». 2007. Вып. 1. С. 32–42. Интересно, что авторы наиболее авторитетных работ, посвященных анализу произведения Аммиана Марцеллина с военно-исторической точки зрения – Г. Крамп и, в особенности, Н. Остин – почти полностью обошли вниманием вопрос об отражении в «Деяниях» процесса варваризации римской армии.

³ Crump G.A. Op. cit. P. 4–22; Austin N.J.E. Op. cit. P. 12–21.

⁴ Этнонимы перечислены в алфавитном порядке.

⁵ Приведены только те места, где речь идет о присутствии или явной возможности присутствия тех или иных народов или их отдельных представителей (как правило, занимавших высокие руководящие должности) в римском войске.

⁶ Аммиан сам указывает, что арабов современные ему римляне называют сарацинами (Amm. Marc. XXII.15.2).

⁷ «Батавы», как и «герулы» (см. ниже), являлись в рассматриваемую эпоху не только этнонимами, но и названиями боевых подразделений, сформированных из представителей соответствующих народов (см.: Шувалов П.В. Секрет армии Юстиниана: восточноримская армия в 491–641 гг. СПб., 2008. С. 52–53).

⁸ В тексте Аммиана помимо герулов (*heruli*) фигурируют эрулы, причем встречаются два варианта написания этого этнонима: *eruli* (Amm. Marc. XXV.10.15; XXVII.1.6) и *aeruli* (Amm. Marc. XX.1.3; XX.4.2). Тождество эрулов и герулов в настоящее время не вызывает сомнений (см.: Brandt T. The Heruls. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gedevasen.dk/heruleng.html>).

Окончание табл. 1

1	2	3
	готы (Gothi) ≈скифы (Scythae) ⁹	XX.8.1; XXIII.2.7; XXX.2.6; XXXI.3.5; 4.1; 16.8
	зианны ¹⁰ (Zianni)	XXV.1.19
	иберы (Hiberi)	XXXI.12.16
	иезалензии (Iesalensii)	XXIX.5.44
	квады (Quadi)	XXX.6.1
	лентиензы ¹¹ (Lentientis)	XXXI.10.3, 17
	персы (Persae)	XVI.10.16; XX.11.07; XXIV.1.2,8,9,20 – 21; 2.4,11,20; 5.4; XXVI.5.2
	саксы (Saxones)	XXVIII.5.4
	сарматы (Sarmatae)	XIX.11.7; XXIV.1.2; 4.13, 31; 6.4,13; XXV.5.2; XXVII.5.1,2; 5.9; XXX. 2.4,5; XXXI.7.1,4,5; 12.6; 13.9
	франки (Franci)	XIV.11.21; XV.5.2,6,7,11,15,16,31,33; XVIII.3.2; XXI.8.1; 9.6; XXIV.1.2; 4.13; XXV.5.2; 8.11; 10.6; XXVI.1.6; 4.1; 5.2,9; 9.1; XXVII.2.1; XXX.3.7; XXXI.7.4,5; 8.2; 10.6; 12.15 – 17; 13.10

В случае с «варварами» и «германцами» контекст не позволяет определить, о каких именно народах идет речь. Важно также отметить, что относительно высокая частота упоминания сарматов и персов имеет в некоторой степени формальный характер и связана в основном с тем, что Аммиан неоднократно упоминает двух представителей указанных народов: персидского царевича Ормизда, бежавшего в Рим и находившегося в римском войске во время экспедиции Юлиана Отступника (361–363) в Иран в 363 г.¹² (кн. XXIV), и Виктора, сармата по происхождению, занимавшего высокие командные должности во время того же похода императора Юлиана (кн. XXIV) и восстания готов в 378 г. (кн. XXXI). В то же время мы не сочли возможным игнорировать эти упоминания, поскольку они демонстрируют уровень социальной активности выходцев из того или иного варварского этноса во время нахождения на римской военной службе.

Частота упоминаний Аммианом представителей варварских народов, которых входили в состав римской армии, приведена в диаграмме (рис. 1):

⁹ Аммиан Марцеллин, как и большинство позднеантичных авторов, часто называет готов скифами. Однако в ряде мест (прежде всего, при описании давно минувших исторических событий (например, завоеваний Ахеменидов)) Аммиан под скифами имеет в виду именно скифов (европейских или азиатских); при идентификации скифов-готов и собственно скифов необходимо исходить из контекста, в котором встречается данный этноним.

¹⁰ Зианны (у ранневизантийских авторов (в частности, у Прокония Кесарийского) – цаны) – народ, проживавший на территории Закавказья.

¹¹ Хотя Аммиан отмечает, что лентиензы были «аламанским племенем» (Amm. Marc. XXXI.10.2), тем не менее, он никогда не отождествляет эти этносы. В связи с этим мы рассматриваем лентиензов как отдельный народ.

¹² О персидской экспедиции Юлиана Отступника см.: Sudhaus H. De ratione quae intercedat inter Zosimi et Ammiani de bello a Juliano imperatore cum Persis gesto relationes. Bonn, 1870; Büttner-Wobst T. Der Tod des Keiser Julian // Philologus. 1892. Bd. 5 (51). Hft. 1–4. S. 561–580; Klotz A. Die Quellen Ammians in der Darstellung von Julians Perserzug // Rheinisches Museum für Philologie. 1916. Bd. 71. Hft. 4. S. 461–506; M.F.A. De persische expeditie van keiser Julianus volgens Ammianus Marcellinus. Groningen, 1959; Blockly R.C. Ammianus Marcellinus on the Persian invasion of A.D. 359 // Phoenix. 1988. Vol. 52. P. 244–260; Brok Chalmers W.R. Eunapius, Ammianus Marcellinus and Zosimus on Julian's Persian expedition // Classical Quarterly. 1960. Vol. 10 (54). P. 152–160; Ridley R.T. Notes on Julian's Persian expedition (363) // Historia. 1973. Bd. 22. S. 317–330.

Рис. 1. Количество упоминаний в «Деяниях» варварских народов, представители которых находились (или планировали находиться) на римской военной службе.

В итоговой табл. 2 представлено распределение упоминаний Аммиана Марцеллина о присутствии в римской армии варварских контингентов по всем 18 сохранившимся книгам «Деяний» (XIV–XXXI). Для большей наглядности заполненные числовыми данными ячейки выделены светло-серым фоном; в итоговых строке и столбце затемнены самые высокие значения (превышающие показатель, равный 10).

Какие же выводы можно сделать на основе анализа приведенных данных? Прежде всего, отметим, что наиболее заметную роль в римском войске играли народы, проживавшие в непосредственной близости от границы Римской империи по Рейну (франки и аламанны являются бесспорными «лидерами» среди всех упомянутых Аммианом варваров). И это не случайно: ведь рейнско-дунайский лимес еще со времен первых принцев превратился в зону наиболее интенсивных контактов (носивших, как правило, характер военных конфликтов) римлян и варваров, став, по образному выражению Ф.Ф. Зелинского, *atrium mortis* («вратами смерти») Римской империи¹³. В силу этого обстоятельства варвары-германцы, проживавшие по Рейну, оказывались в наиболее тесных связях с самым романизованным из всех регионом – Галлией – и Римской империей в целом. Именно поэтому «рейнский канал» варваризации играл наиболее значительную роль в общей варваризации Рима, впервые громко заявившей о себе в период кризиса империи III в.

Не случайно и то, что третье по интенсивности упоминания место занимают сарматы. Если франки и аламанны были ближайшими соседями империи на рейнском лимесе, то сарматы находились в столь же тесных связях с Римом на дунайской границе. О глубоком инкорпорировании сарматов в военную систему Поздней империи говорит тот факт, что на протяжении III – V вв., т.е. всей позднеримской эпохи, их крупные отряды находились на римской службе даже в очень удаленных от Дуная провинциях. Известно, например, что отряд сарматов численностью 5,5 тыс. всадников в конце II в. был направлен императором Марком Аврелием (161–180) в Британию, и сарматские части базировались здесь вплоть до середины V в., охраняя римские владения от вторжений скоттов и пиктов. Не менее активной была роль сарматских наемников в Галлии, где они также выполняли пограничные функции. Наибо-

¹³ Зелинский Ф.Ф. Римская империя. СПб., 1999. С. 81–82.

лее ярким напоминанием о пребывании здесь сарматов (известных также под именем аланов) является, в частности, название древнего французского города Алансон, а также такие французские топонимы, как Алесон-Орн, Алэнь-Од, Аллен-о-Бёф, Алленкур и др.¹⁴

Таблица 2

**Упоминания варварских этносов и их отдельных представителей
на римской службе по книгам «Деяний»**

Книги	франки	аламанны	сарматы	персы	герулы	готы	«варвары»	батавы	арабы	лентийцы	«германцы»	зианны	иберы	исезалензии	квалды	саксы	Всего
XIV	1	4															5
XV	8																8
XVI		1		1													2
XVII																	0
XVIII	1	3					1										5
XIX			1														1
XX		1		1	3	1		2									8
XXI	2	2					3										7
XXII		2															2
XXIII						1		2									3
XXIV	2		5	8			1	1									17
XXV	3		1		1						2	1					8
XXVI	5	5		1			1										12
XXVII	1		3		2			2									8
XXVIII																1	1
XXIX		2												1			3
XXX	1	1	2			1									1		6
XXXI	6		5			3				2			1				17
ВСЕГО:	30	21	17	11	6	6	6	4	3	2	2	1	1	1	1	1	113

Вернемся к содержанию итоговой таблицы. Обращает на себя внимание еще один факт: упоминания о находящихся на римской службе варварах сконцентрированы, прежде всего, в книгах XXIV, XXXI и (в меньшей степени) XXVI. Попробуем определить причины столь явной диспропорции.

Повествование в XXIV книге полностью посвящено персидской экспедиции императора Юлиана Отступника 363 г. – одному из центральных сюжетов произведения Аммиана Марцеллина в целом и наиболее масштабной военной акции Юлиана – кумира автора «Деяний».

¹⁴ См.: Сулимирский Т. Сарматы. Древний народ юга России. М., 2008. С. 158–159, 171.

Книга XXXI содержит рассказ о вторжении на территорию Римской империи готов и битве при Адрианополе (378 г.) – переломных событиях в истории империи, завершившихся сокрушительным поражением римской армии, гибелью самого императора Валента и, в чуть более отдаленной перспективе, эпохальным для современников событием – взятием Рима в 410 г. готами.

В книге XXVI Аммиан Марцеллин описывает восстание Прокопия¹⁵ 365–366 гг. – одно из наиболее значимых событий внутриполитической жизни Римской империи в описываемую Аммианом эпоху. В результате поднятого Прокопием на Балканах и в Малой Азии военного мятежа власть управлявшего восточной частью Римского государства императора Валента оказалась в большой опасности, что и обусловило повышенное внимание Аммиана к данному событию¹⁶. В связи с этим XXVI книга содержит значительный объем военного материала, в котором и встречаются многочисленные упоминания о служивших в римской армии варварах.

Учитывая сказанное, несложно сделать вывод о том, что особенно пристальное внимание Аммиана к варварам в XXIV, XXXI и XXVI книгах носит неслучайный характер и является производным от характера излагаемых автором событий. Иными словами, гораздо чаще варвары в римской армии (как и римское воинство в целом) упоминаются в тех местах «Деяний», где идет речь о наиболее значительных военных событиях; «всплеск» количества военных сюжетов в данных книгах привел, соответственно, к «всплеску» числа упоминаний в них о римской армии вообще и служащих в ее рядах варварах – в частности. Следовательно, в кризисных с военной точки зрения ситуациях значение варварского присутствия в армии империи заметно возрастало.

Следующий вопрос, требующий рассмотрения – это **причины**, приводившие к появлению варваров в рядах римской армии. В данном отношении можно выделить два взаимосвязанных комплекса факторов, один из которых имеет внутренний по отношению к Римскому государству характер, а другой – внешний.

Первый из них заключался в постепенно углублявшемся и нараставшем кризисе, в который сползала империя в IV в. Импульс, данный Риму реформами Диоклетиана (284–305) и Константина I (306–337) и открывший для империи «второе дыхание», оказался недостаточно мощным, чтобы полностью преодолеть противоречия, приведшие Римскую империю в конце II в. к кризису, едва не закончившемуся в III в. гибелью Римской державы. Уже к середине IV в. Рим вновь сталкивается с теми же самыми проблемами: снижение хозяйственной активности, дальнейшая натурализация хозяйства, депопуляция, сокращение доходов казны и т.д. Все это (и, в особенности, два последних из названных факторов) усугубило невозможность эффективного военного строительства и комплектования полноценной и боеспособной армии за счет только внутренних ресурсов: для этого не было ни средств, ни людей¹⁷.

Весьма красноречиво говорит об этом Аммиан Марцеллин. Описывая принятие на римскую службу сарматов при императоре Констанции II (337–361), историк отмечает, что «побуждало его [Констанция. – В.Д.] к этому корыстолюбие...»; император рассчитывал, что таким образом он «приобретет много людей, готовых лично нести военную службу, и получит возможность набирать сильных рекрутов, провинциальное же население охотно будет откупаться от личной службы деньгами» (Амм. Марс. XIX.11.7). В другом схожем эпизоде, относящемся к правлению Валента, Аммиан указывает, что император с радостью согласился принять на службу дружины готов по тем соображениям, что империя таким путем «может получить непобедимое

¹⁵ См.: Procopius 4 // Jones A.H.M., Martindale J.R., Morris J. The Prosopography of the Late Roman Empire (далее – PLRE. – В.Д.). Vol. 1. Cambridge, 1971. P. 742–743. См. также: Zos. IV.4.3; 5.1–6.

¹⁶ О восстании Прокопия см.: Курбатов Г.Л. Восстание Прокопия // Византийский временник. 1958. Т. XIV. С. 3–26; он же. К вопросу о территориальном распространении восстания Прокопия // Византийские очерки. 1961. С. 64–92; Hahn I. On the question of the social bases of Procopius' insurrection // Acta antiquae Academiae Scientiarum Hungaricae. 1958. Vol. 6. P. 199–211.

¹⁷ См.: Boak A.E.R. Op. cit.; Salmon E.T. Op. cit. P. 43–57; Crump G.A. Op. cit. P. 47–48; Шувалов П.В. Указ. соч. С. 46–47.

войско, соединив свои и чужие силы, и государственная казна получит огромные доходы из военной подати, которая из года в год платилась провинциями» (Amm. Marc. XXXI.4.4).

Таким образом, приглашая или принимая на военную службу представителей варварских этносов, правители Рима одновременно решали две задачи: укрепляли армию новыми боеспособными частями и экономили бюджетные средства, поскольку варвары, как свидетельствуют данные Аммиана Марцеллина, далеко не всегда не требовали за свои услуги денежного вознаграждения¹⁸, а потому платившиеся поданными Римской империи налоги на содержание армии могли оседать в императорской казне.

Если говорить о факторах внешнего порядка, то главный из них заключался в постоянно растущем давлении варваров на границы империи. Уже император Марк Аврелий в конце II в. не смог сдержать натиск на римские границы извне и был вынужден пойти на уступки врагам империи. Тогда ряды римской армии впервые пополнились крупными варварскими контингентами под давлением объективной необходимости, а не в результате планомерной и целенаправленной политики (Cass. Dio. LXXII.11; SHA. IV.22.1). В течение III–IV вв., с наступлением эпохи Великого переселения народов, ситуация на границах империи продолжала ухудшаться, и в результате принятие иноземных отрядов на римскую военную службу стало регулярной практикой. Аммиан Марцеллин неоднократно сообщает об обращениях варваров к римским императорам с просьбами о разрешении переселиться на территорию империи в обмен на предоставление Риму военных отрядов (Amm. Marc. XIX.11.7; XX.4.4; XXXI.4.1). И хотя формально в роли просящей стороны в данных эпизодах выступают варвары, впечатление это весьма обманчиво: у августов попросту не было другого выхода, кроме как удовлетворить их просьбы.

С этим же фактором (усилением варварской активности на границах Римской империи) было связано и включение иноплеменных воинов в состав римского войска в качестве своеобразной компенсации со стороны варваров за ущерб, причиненный во время нападений на римские владения, за возможность беспрепятственно покинуть пределы империи и вернуться в свои земли после совершенного набега, за возможность проживать на римской территории, за согласие Рима пойти на мир и т.п. (Amm. Marc. XXVIII.5.4; XXIX.5.44; XXX.6.1; XXXI. 10.7).

В целом следует отметить, что в IV в. прием варварских контингентов на военную службу и вообще создание широких возможностей для инкорпорирования варваров в римские социально-политические структуры были для римских официальных властей единственным возможным путем решения «варварской проблемы»¹⁹.

Благодаря Аммиану Марцеллину, мы располагаем определенной информацией и о **механизме** включения варваров в римское войско в IV в. Материал «Деяний» показывает, что, при всем многообразии конкретных вариантов того, каким конкретно образом оказывались варварские отряды на римской службе, существовал, однако, общий для всех подобных ситуаций механизм оформления возникающих между Римом и варварскими племенами военно-политических отношений – это было заключение договоренности, предусматривавшей для обеих сторон взаимные права и обязанности (Amm. Marc. XIX.11.5; XX.4.4; XXVII.5.1; XXVIII.5.4; XXX.6.1; XXXI.4.4; 10.2,17). К сожалению, Аммиан далеко не всегда прямо указывает на факт составления письменного договора при поступлении варваров на римскую службу в тех ситуациях, когда такой документ а priori должен был бы существовать. Строго говоря, историк лишь дважды однозначно сообщает нам о том, что отношения (в том числе и в военной сфере) между римлянами и варварами строились на основе договора (foe-

¹⁸ См. однако: Ермолова И.Е. Римская империя и федераты в IV в. // Новый исторический вестник. 2001. № 4 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.nivestnik.ru/2001_2/3.shtml#_ednref19/

¹⁹ Crump G.A. Op. cit. P. 62–63.

дus): первый из указанных эпизодов касается готов (Amm. Marc. XXVII.5.1), второй – лентииензов (Amm. Marc. XXXI.10.2). Во всех остальных случаях можно лишь, рассуждая по аналогии, подразумевать наличие какого-либо (письменного или устного) соглашения между Римом и тем или иным варварским племенем²⁰.

Условия, на которых варвары соглашались или обязывались предоставлять Риму свои вооруженные отряды, могли быть весьма разнообразными – все зависело от конкретной ситуации, в которой достигалась соответствующая договоренность. Данные Аммиана Марцеллина показывают, что это могло быть:

разрешение поселиться на территории империи (Amm. Marc. XIX.11.7);

отказ обеих или одной из сторон от агрессивных действий в отношении друг друга (Amm. Marc. XIX.11.7);

служба в римском войске при условии, что сформированные из варваров части не будут покидать места постоянной дислокации без своих семейств (Amm. Marc. XX.4.4²¹);

предоставление варварам за службу материальной компенсации в денежной или натуральной форме либо возможности заниматься хозяйственной деятельностью на римской территории (Amm. Marc. XX.8.1; 11.07);

назначение представителей варварской верхушки на высокие государственные или военные должности (Amm. Marc. XX.11.07; XXIV.1.8);

предоставление варварам, потерпевшим поражение от римлян в ходе неудачного набега, возможности беспрепятственно возвратиться на родину в обмен на предоставление Риму рекрутов и (или) материальной помощи (Amm. Marc. XXVIII.5.4; XXIX.5.44; XXX.2.6; XXXI.4.1; 10.17).

Как мы видим, большинство перечисленных условий, по своей сути, носит характер односторонних уступок со стороны Рима. Что касается варваров, то для них в рассматриваемую эпоху ведение боевых действий было элементом повседневности, и потому у нас нет оснований считать их службу в рядах римской армии взваливанием на себя тяжелого дополнительного бремени. Более того, как показывают сведения Аммиана Марцеллина, в этом случае они, помимо явных бонусов, фактически получали в лице империи еще и могущественного покровителя в борьбе со своими врагами из числа тех же варваров. Пожалуй, наиболее ярко эта деталь проявилась в 360 г. в ходе восстания частей, расквартированных в Галлии и состоявших в основном (если не исключительно) из варваров. Герулы, батавы и другие варвары, возмущенные приказом Констанция II покинуть Галлию и отправиться на границу с Персией, прямо говорили в своем воззвании: «Нас гонят на край земли, словно преступников и осужденных. Опять будут в рабстве у аламаннов наши жены и дети, которых мы спасли из прежнего положения после многих кровопролитных битв» (Amm. Marc. XX.4.10). К этому можно лишь добавить, что в победоносных «кровопролитных битвах», упомянутых в тексте воззвания, герулы, батавы и т.д. сражались в составе римской армии и под командованием римских полководцев.

В связи с этим следует, однако, отметить, что варвары, перешедшие на римскую службу, зачастую оказывались в сложном положении: ведь в случае возникновения какой-либо угрозы со стороны римских властей путь на родину был им зачас-

²⁰ С вопросом о наличии договоров между римлянами и варварами тесно связан и вопрос о статусе варваров в соответствии с этими договорами, а конкретнее – можно ли называть их федератами или нет. Эта проблема выходит за рамки настоящей работы, однако отметим, что нам представляется обоснованной точка зрения И.Е. Ермоловой, согласно которой применительно к IV в. и более раннему периоду статус федератов, как правило, не поддается однозначной констатации и четкому описанию (см.: Ермолова И.Е. Указ. соч.).

²¹ Аммиан обращает особое внимание на то, что именно на таком условии варвары, как правило, переходят на сторону Рима и поступают в римскую армию: «...Он [Юлиан. – В.Д.] не мог оставить неогороженным и не высказаться против насилия над теми людьми, которые оставили свои жилища и семейства за Рейном и перешли к нам под тем условием, что их никогда не поведут за Альпы. Он высказывал опасение, что варвары, которые часто при этом именно условия переходят к нам и вступают в ряды наших войск, когда станет известен этот случай, не станут больше переходить к нам» (Amm. Marc. XX.4.4).

тую заказан. Именно в такой ситуации оказался командовавший размещенными в Галлии пехотными частями знатный франк Сильван: после того, как этот военачальник узнал о намерении Констанция II расправиться с ним из-за подозрения в предательстве, он, тем не менее, отказался от мысли искать спасения у своих соотечественников по ту сторону Рейна, справедливо опасаясь быть либо убитым, либо выданным обратно Констанцию за денежный выкуп (Амм. Марс. XV.5.16). Иными словами, после перехода на сторону римлян варвары не могли чувствовать себя в полной безопасности и часто рассматривались римлянами как потенциальные изменники (Амм. Марс. XIV.10.7–8; XXIX.4.7).

Важным является и вопрос о том, какие именно **функции**, помимо чисто военных, выполняли в Римском государстве представители варварских вооруженных контингентов. В этом отношении «Деяния» дают весьма богатый материал. Из слов Аммиана Марцеллина мы видим, насколько разнообразны были возможности карьерного роста для знатных и талантливых варваров. Ниже приведен перечень имен находившихся на римской службе варваров с указанием должностей или официальных поручений, которые они выполняли, составленный на основе данных Аммиана Марцеллина:

Таблица 3

Упомянутые Аммианом Марцеллином варвары, являвшиеся высокопоставленными военными и гражданскими чиновниками

№ п/п	Имена	Этническая принадлежность	Должности (поручения)
1	2	3	4
	Агилон	аламанн	трибун царской конюшни, трибун skutariев, магистр пехоты; по приказу Юлиана руководил осадой Аквилеи во время войны между Юлианом и Констанцием (361 г.) и добился сдачи города без боя ²²
	Бакурий	ибер	трибун sagittariев и skutariев ²³
	Битерид	аламанн	командир высокого ранга ²⁴
	Бонит	франк	участвовал в войне между Лицинием и Константином на стороне последнего ²⁵
	Вадомарий	аламанн	дукс Финикии; командовал римскими войсками в подавлении мятежа Прокопия (365–366 гг.); вместе с комитом Траяном командовал римским войском во время персидской кампании 371 г. ²⁶
	Виктор	сармат	комит, магистр пехоты, магистр кавалерии; командовал арьергардом армии Юлиана во время персидской экспедиции; возглавлял римскую делегацию на переговорах с персидским царем Шапуром II о судьбе Армении (378 г.); командовал отрядом кавалерии в битве при Адрианополе (378 г.) ²⁷
	Виталиан	герул	доместик, комит ²⁸
	Гариобавд	аламанн	вакантный трибун; по поручению Юлиана под видом посла собирал информацию о планах аламаннов при дворе аламаннского царя Гортария ²⁹

²² См. подробнее: Agilo // PLRE. Vol. 1. P. 28–29.

²³ По данным других источников, Бакурий в последствии занимал должности дукса Палестины, комита доместиков, вакантного магистра (см.: Vacurius // PLRE. Vol. 1. P. 144).

²⁴ Скучные данные Аммиана не позволяют точнее идентифицировать должность и статус Битерида; возможно, он занимал пост трибуна (см.: Bitheridus // PLRE. Vol. 1. P. 162). То же самое касается другого знатного аламанна на римской службе – Гортария (см. ниже).

²⁵ См.: Bonitus 1 // PLRE. Vol. 1. P. 162.

²⁶ См.: Vadamarius // PLRE. Vol. 1. P. 928.

²⁷ См.: Victor 4 // PLRE. Vol. 1. P. 957–959.

²⁸ См.: Vitalian // PLRE. Vol. 1. P. 969–970.

Окончание табл. 3

1	2	3	4
	Гортарий	аламанн	командир высокого ранга ³⁰
	Дагалайф	франк	комит доместиков, магистр пехоты, магистр конницы, консул; после смерти Юлиана был одним из руководителей совета по выборам нового императора ³¹
	Латин	аламанн	комит доместиков
	Маларих	франк	трибун гентиллов
	Маллобавд	франк	трибун арматур, комит доместиков; по поручению Констанция II допрашивал Галла перед вынесением последнему смертного приговора; был одним из командующих римской армией во время войны с лентийцами в Реции (378 г.)
	Меробавд	? ³²	магистр пехоты, консул ³³
	Мундерих	гот	дукс пограничной полосы в Аравии ³⁴
	Невитта	? ³⁵	препозит турмы, магистр кавалерии, консул; во время персидской экспедиции Юлиана руководил правым флангом римской армии; после смерти Юлиана был одним из руководителей совета по выборам нового императора ³⁶
	Ормизд	перс	командовал левым флангом римлян во время персидской экспедиции Юлиана; неоднократно вел переговоры с персидскими гарнизонами о сдаче крепостей ³⁷
	Пузей	перс	трибун, дукс Египта ³⁸
	Рихомер	франк	комит доместиков, магистр армии Востока, консул ³⁹
	Сильван	франк	трибун арматур, магистр пехоты; направлен Констанцием II в Галлию для отражения набегов германцев
	Скудилон	аламанн	трибун skutariев; по поручению Констанция II склонил подозреваемого в стремлении к узурпации Галла к отбытию из Антиохии ко двору императора
	Фраомарий	аламанн	трибун нумера аламаннов в Британии ⁴⁰
	Хариетгон	?	комит обеих Германий ⁴¹

Вообще при внимательном прочтении «Деяний» бросается в глаза явное преобладание варварских антропонимов над латинскими или греческими в тех эпизодах, где речь идет о военном руководстве или выполнении каких-либо конфиденциальных поручений, выполняемых по указанию императора или других высокопо-

²⁹ См.: Hariobaudes // PLRE. Vol. 1. P. 408.

³⁰ См.: Hortarius 2 // PLRE. Vol. 1. P. 444.

³¹ См.: Dagalaifus // PLRE. Vol. 1. P. 239.

³² Здесь и далее вопросительным знаком обозначена племенная принадлежность варваров, точная этническая идентификация которых не представляется возможной.

³³ См.: Flavius Merobaudes 2 // PLRE. Vol. 1. P. 598–599.

³⁴ См.: Munderichus // PLRE. Vol. 1. P. 610.

³⁵ По мнению М. Арнхайма, Невитта был франком: Arnheim M.T.W. The senatorial aristocracy in the Later Roman Empire. Oxford, 1972. P. 16.

³⁶ См.: Flavius Nevitta // PLRE. Vol. 1. P. 626.

³⁷ См.: Hormisdas 2 // PLRE. Vol. 1. P. 443.

³⁸ См.: Puseus // PLRE. Vol. 1. P. 755.

³⁹ См.: Richomerus // PLRE. Vol. 1. P. 765–766.

⁴⁰ См.: Fraomarius // PLRE. Vol. 1. P. 372.

⁴¹ См.: Charietto 1 // PLRE. Vol. 1. P. 200.

ставленных лиц. Возникает стойкое ощущение, что уже в современную Аммиану эпоху в руках выходцев из варварской среды оказываются многие не только военные, но и политические рычаги. Подобно тому, как А. Буше-Леклерк, говоря об эпохе Ранней империи, называл легионы «фабрикой римских граждан»⁴², те же легионы применительно к двум последним столетиям Римской империи вполне могут быть названы «лабораторией варваризации империи». Безусловно, речь еще не может идти о варваризации как завершившемся процессе, но до этого оставался один шаг.

Исходя из приведенных данных, можно сделать вывод и о том, что в середине – 2-й половине IV в. варварская элита была уже достаточно глубоко и прочно инкорпорирована в военную, а вслед за ней – в политическую и административную сферы жизни империи и в общественную систему целом. В этой связи автор «Деяний» прямо указывает на тот факт, что пребывание римлян на командных должностях в его эпоху было редким явлением (Amm. Marc. XXXI.16.8). Более того: варварские элементы начинали преобладать над римскими не только в организационном, но и мировоззренческом отношении; ярким проявлением этого можно считать заимствование римлянами боевого клича – одного из важнейших компонентов любой военной культуры, в том числе, разумеется, и римской – у варваров⁴³. Но даже у Аммиана Марцеллина – последовательного патриота Римской империи, сторонника возрождения былого римского могущества и староримских ценностей – нахождение варваров на высших не только военных, но и государственных должностях почти не вызывает негативных эмоций. Хотя автор «Деяний» в ряде случаев критически относится к назначению представителей варварских этносов на высокие посты⁴⁴, а иногда даже поддерживает массовое истребление проживающих на римской территории варваров⁴⁵, тем не менее, чаще всего он без негатива и даже с заметным уважением отзывается о состоящих на римской службе варварах: Сильване (Amm. Marc. XV.5.2), Гариобавде (Amm. Marc. XVIII.2.2), Агилоне (Amm. Marc. XXI.12.16–19) и др.

В то же время следует отметить, что при достаточно высокой степени инфильтрации варварского элемента в римскую элиту иноземцы-варвары сохраняли и определенную степень замкнутости. Так, Аммиан сообщает, что находившийся в Риме варварский отряд размещался в отдельном лагере, располагавшемся на Целийском холме (Amm. Marc. XVI.12.66), а отряды герулов и батавов, находившиеся в римском войске, имели свои боевые знамена (Amm. Marc. XXVII.1.5)⁴⁶. Однако это не нарушает общей картины прочной и разнообразной включенности варваров в военную и другие сферы римской жизни.

В заключение остановимся на вопросе о **направленности изменений**, происходивших в римской армии в IV в. под влиянием присутствия в ней сильного варварского элемента. В современной историографии сложилось вполне устоявшееся представление о том, что в I–III вв. варваризация еще не стала определяющей тенденцией развития римских вооруженных сил и, более того, имела место скорее романизация варваров, поступавших на римскую военную службу, нежели варваризация римлян, но в V–VI вв. варвары уже составляли главную и фактически единственную

⁴² Buché-Leclercq A. Op. cit. P. 293.

⁴³ Аммиан Марцеллин дает колоритное описание того, как заимствованный римлянами у варваров боевой клич звучал на поле битвы: «Римляне подняли по всей линии боевой клич, который становился все громче и громче – он называется варварским словом барит» (Amm. Marc. XXXI.7.11); «Начинаясь в пылу боя с тихого ворчанья и постепенно усиливаясь, клич этот достигает силы звука волн, отражающихся от прибрежных скал» (Amm. Marc. XVI.12.43).

⁴⁴ Так, в одном из мест Аммиан критикует даже императора Юлиана за «позорное возвышение варварской челяди» (Amm. Marc. XXI.12.25).

⁴⁵ С нескрываемой радостью Аммиан сообщает о массовом убийстве служивших в римской армии готов после военной катастрофы под Адрианополем в 378 г.; историк прямо говорит, что это мероприятие римлян имело «спасительные последствия», а приказ о начале избиения готских воинов называет «разумным распоряжением» (Amm. Marc. XXXI. 16.8).

⁴⁶ См. прим. 7.

боеспособную часть римского воинства⁴⁷. Какое же место в процессе превращения римской армии в варварскую орду следует отнести IV веку?

Безусловно, по сравнению с I–II вв. и даже бурным III в. четвертое столетие выглядит явно более «варварским». Однако если сравнить ситуацию в римской армии, описанную Аммианом Марцелином, с одной стороны, и, например, Иорданом, автором VI в. – с другой, то войско империи в эпоху правления ближайших преемников Константина Великого может показаться чуть ли не образцом истинно римской по духу и составу армии. В связи с этим позволим себе предположить, что IV в. стал временем, образно говоря, неустойчивого равновесия римской военной организации в системе координат «романизация – варваризация» с постепенным сдвигом в пользу последней⁴⁸. Роковым же ударом, от которого римская военная машина уже не смогла оправиться и в ближайшее время (по крайней мере, на западе) уступила место конгломерату варварских дружин, лишь формально состоявших на службе Рима, стало уничтожение готами армии императора Валента II (364–378) под Адрианополем в 378 г.⁴⁹ Правителям Восточной Римской империи удалось сохранить костяк своей военной системы и не допустить ее деградации, хотя и здесь варваризация стала если не определяющим, то заметным явлением⁵⁰.

TO THE QUESTION OF BARBARIZATION OF THE ROMAN ARMY IN IV CENT. AD (ACCORDING TO AMMIANUS MARCELLINUS)

V.A. DMITRIEV

*Pskov State Pedagogical
University*

e-mail: demetrius@rambler.ru

In article the problem of barbarization of the Roman army in IV cent. AD from the point of view of the largest historian of the Later Roman Empire Ammianus Marcellinus is considered. The nomenclature of barbarian ethnoses, distribution of their mentions in the remained books of “*Res gestae*”, the reasons of acceptance of barbarians to the Roman military service, the mechanism and conditions of inclusion of barbarians into the Roman army, the functions which were carried out by barbarians in the Roman army and in the Roman state are revealed and analyzed. Information of Ammianus Marcellinus confirm an idea that in the fourth century process of barbarization of the Roman army actively proceeded; after the Battle of Adrianople (378) the army of the Western Roman Empire has definitively turned into a conglomerate of barbarians' squadrons.

Key words: Late Roman Empire, Roman army, barbarians, barbarization, Ammianus Marcellinus.

⁴⁷ См.: Корсунский А.Р., Гюнтер Р. Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение германских королевств (до середины VI в.). М., 1984; Колосовская Ю.К. Указ. соч.; Ермолова И.Е. Указ. соч.; Махлаюк А.В. Указ. соч.; Вольфрам Х. Готы. От истоков до середины VI в. (опыт исторической этнографии). СПб., 2003; Томпсон Э.А. Римляне и варвары. Падение Западной империи. СПб., 2003; Шувалов П.В. Указ. соч.; Grump G.A. Op. cit.

⁴⁸ Г. Крамп, однако, полагает, что вплоть до Адрианополя варварская верхушка, состоявшая в римской армии, была полностью романизованной (Grump G.A. Op. cit. P. 66).

⁴⁹ Как сообщает Зосим, Феодосий, только что получивший титул императора и приступивший к комплектованию новой армии для борьбы с терзающими Балканы готами, был вынужден привлечь на военную службу столь огромное количество варваров, что они стали превосходить своей численностью воинов-римлян (Zos. III.31). Кардинальное значение изменений в римской военной и политической организации, произошедших вследствие Адрианопольской катастрофы, не раз отмечалась в историографии (см. напр.: Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. Т. 1. СПб., 1994. С. 232 – 233; Корсунский А.Р. Вестготы и Римская империя в конце IV – начале V вв. // Вестник МГУ. Серия IX. История. № 3. М., 1965. С. 95; Rémondon R. La Crise de L'Empire Romain de Marc-Aurèle à Anastase. P., 1964. P. 191; Piganiol A. L'Empire Chrétien (325 – 395). P., 1972. P. 363 – 364.

⁵⁰ Шувалов П.В. Указ. соч. С. 49 – 85.

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ СЮЖЕТЫ В ПОЭМЕ ДРАКОНЦИЯ «ПОХИЩЕНИЕ ЕЛЕНЫ»*

Е.Н. ВЕЛИКАНОВА
Е.С. ДАНИЛОВ

*Ярославский государственный
университет им. П.Г. Демидова*

e-mail: velikanova05@mail.ru

e-mail: corax@76.ru

В статье содержится анализ поэмы «Похищение Елены» позднеантичного автора Драконция. Показана трансформация мифологических сюжетов о Елене Троянской. Прослеживается отношение Драконция к своим героям – Елене и Парису. Особенно выделяется традиция оправдания Елены от Стесихора до Дарета Фригийского. Делается вывод о принадлежности Драконция к писателям, которые увидели в поступке Елены и Париса не проявление воли богов, а попрание устоев общества.

Ключевые слова: Карфаген, Драконций, Еврипид, Геродот, мифологическая традиция, Елена Троянская, Парис, Афродита.

Эмилий Блоссий Драконций (ок. 455-505 гг.) был хорошо знаком с произведениями греческих и римских поэтов и писателей, великолепно разбирался в литературных стилях предшествующих столетий, он заимствовал отдельные литературные приемы, например из творчества Статия¹, смело менял структуру известных мифологических сюжетов, подвергая их собственной интерпретации. Драконций – поэт парадоксальный и недооцененный². В его поэтическом наследии сохранились поэмы, как написанные в христианском духе, так и посвященные языческой греко-римской мифологии. Выбор Драконцием тем для своих произведений неслучаен. Как принадлежавшего к римскому миру его не могло не интересовать творчество Вергилия, Сенеки, Овидия, Ювенала и других авторов, ему хорош был знаком, присутствующий в этих произведениях, «языческий менталитет». Поэт оставался верным языческой культуре, мифологическому прошлому Рима³. В то же время, будучи христианином, он понимал общую «неуместность» такой литературы⁴. К поэмам мифологического цикла в творчестве Драконция принадлежат «Медея», «Трагедия Ореста» и «Похищение Елены». Несомненной заслугой этого позднеантичного автора является попытка создать самостоятельное произведение по сюжету о похищении Елены⁵.

Обратившись к хорошо известному в античности мифологическому сюжету, Драконций предложил свое понимание образов Елены и Париса. Главная цель повествования, по авторской установке, будет отличаться от общепринятой, где похищение Елены становится поводом для начала Троянской войны. Основной замысел поэмы Драконций определил как попытку «поведать о похищении преступном, прелюбодействе Париса» (стт. 10-11)⁶. Уже в первых строках автор демонстрирует свое отношение к главному герою. Для него Парис является «вором троянским (ст.1), «гос-

* Статья выполнена в рамках гранта РФФИ 10-06-00140-а «Системный анализ античной государственности на основе информационных подходов и создание проблемно-ориентированных баз данных» и Госконтракта № 16.740.11.0104 «Античная цивилизация: политические структуры и правовое регулирование».

¹ О творческом наследии и заимствованиях в поэмах Драконция см.: Hudson-Williams A. Notes on Dracontius // The Classical Quarterly. Vol. 40. No. 3/4 (Jul. – Oct., 1946). P. 92-100; Pavlovskis Z. Statius and the Late Latin Epithalamia // Classical Philology. Vol. 60. No. 3 (Jul., 1965). P. 164-177.

² Hall J.V. Epyllia from Vandal Africa // The Classical Review. New Series. Vol. 40. No. 1. 1990. P. 56.

³ Литовченко Е.В. Классическая традиция в трудах позднеантичных интеллектуалов: кон. IV – нач. VI вв. Дисс. канд. ист. наук. Тула, 2007. С. 167.

⁴ Ireland St. Dracontius // The Classical Review. New Series. Vol. 47. No. 2. 1997. P. 306.

⁵ Ярхо В.Н. Античный миф на пороге Средневековья: поэмы Драконция // Драконций. Мифологические поэмы / Пер. с лат., вступительная статья, комментарии, приложения и указатель В.Н. Ярхо. М., 2001. С. 5-56.

⁶ Драконций. Похищение Елены // Драконций. Мифологические поэмы / Перевод с лат., вступительная статья, комментарии, приложения и указатель В.Н. Ярхо. М., 2001. С. 122-150.

тем, поправшим права гостеприимца» (ст.4), осквернившим брачный союз (ст.4-5). В соответствии с таким замыслом выстроена и структура поэмы. Хотя произведение и носит название «Похищение Елены», сам сюжет о похищении смещен автором ближе к концу поэмы. Вся глубина нечестивых помыслов Париса достигает своего апогея и раскрывается через действие, т.е. похищение Елены. Предшествующая этому сюжету часть поэмы необходима автору для того, чтобы показать формирование этого преступного замысла. Вкладывая несколько иное содержание в известный миф, Драконций выбирает из него те сюжетные линии, которые в большей степени соответствуют его цели. Мифы о похищении героини в античности были широко распространены – например, похищение Ясоном Медеи. Согласно мифу, сбжавшую с Ясоном Медею преследует Ээт, снарядив корабли и послав своего сына Абсирта с воинами догнать ее. Благодаря третейскому решению царя Алкиноя, войны между «колхами и аргивянами» удалось избежать. Медея же стала супругой Ясона (*Hug. Fab.* 23)⁷. Другой миф рассказывает о похищении Тесеем Ариадны. Он увозит ее с Крита, однако, оставляет на острове Наксос, а в Афины возвращается один (*Hug. Fab.* 43). Не менее известным является миф о похищении Европы Зевсом. На поиски Европы Агенор отправил своих сыновей (*Hug. Fab.* 178). Похищенные героини становились обычно супругами их похитителей. В этих и других, сходных по сюжету, мифах подобное супружество рассматривалось как незаконное. Непременными участниками действия являлись боги и богини, которые поддерживали героев. Но и их участие не оправдывало похищения. Для того, чтобы супружество стало законным, конфликт необходимо было уладить договором между противниками. Следуя за изложением мифа о Троянской войне, Драконций ввел в поэму рассказ о похищении Гесионы. Хотя он и развивается в рамках уже упомянутой мифологической традиции: похищение – погоня – договор, однако имеет несколько особенностей, которые связаны с именем Париса-Александра. Рассказ о похищении Гесионы не является самостоятельным сюжетом. Участие в дипломатическом посольстве к царю Теламону дает возможность Парису приблизить известные события. Для Приама вызволение Гесионы является поводом, чтобы дать возможность Парису проявить себя: «добавить новую славу он жаждет / к почестям предков и вечную память в потомстве оставить / чтобы забыли его жизнь пастушью» (ст. 215-217). Приам не ставит цель начать войну с правителем Саламина Теламоном: «Я не готовлю войну» (ст.223), но, идя навстречу Парису, он находит повод для того чтобы его сын смог отправиться в путь, т.к. праздным сидеть он не желает (ст.224). Таким образом, жажда деятельности – основной мотив поступков Париса-Александра. По настоянию Приама в этой миссии Париса сопровождают три опытных советника. Их участие позволяет избежать войны с Теламоном. И это в целом соответствует представлению Приама о том, что мир значительно лучше состояния войны (ст.223). Это также объясняет столь запоздалую попытку вернуть из плена Гесиону. Но в истории ее похищения есть некоторые отличия от уже упоминавшихся сюжетов. Гесиона была увезена из Трои в качестве трофея, «почетного дара» Геракла Теламону (*Apollod. Bibl.* II.6.4). В Теламоновом царстве, оказавшись на положении пленницы, она не имела права выбора, самостоятельного принятия решения. Отметим также, что миф повествует и о более ранней попытке похитить Елену. Еще до известных событий (бегство с Парисом) она была увезена Тесеем. Вслед за ними в погоню отправились Кастор и Полидевк, которые вернули Елену на родину, а мать Тесея Этру увели с собою в плен (*Apollod. Bibl.* III.10.7). Таким образом, в мифах похищение рассматривается в одном случае как незаконное действие, оскорблявшее достоинство рода и главы семьи, в другом – оно воспринимается как своеобразная компенсация за нанесенное оскорбление или оправдывается «правом войны» (*Drac. De raptu Hel.* 270). В той части поэмы, которая повествует об участии Гесионы, привлекают внимание тот факт, что Приам не имел представления о судьбе своей сестры. До прибытия на Саламин троянцам не было известно о замужестве Гесионы, о ее новом

⁷ Гигин. Мифы / Пер. с лат. Д.О. Торшилова; под общ. ред. А.А. Тахо-Годи. СПб., 2000.

статусе и положении в Теламоновом царстве. Их требования воспринимаются Теламоном как оскорбление. «Возмущенный донельзя» (ст.291), он подозревает прибывших послов Приама в злых намерениях и предупреждает, что «за коварство их рода» троянцам придется опять «пеню платить» (стт. 296, 297). Упрекает их в том, что послы готовы разрушить его брак и семью с Гесионой (ст. 306). В своей ответной речи Полидамант смог успокоить Теламона, и «оттаяло сердце царево» (стт. 327–350). Достижение мира было отпраздновано семидневным пиром. В этом фрагменте Драконций перерабатывает известную мифологическую традицию и все больше от нее удаляется⁸. Поскольку Гесиона на момент прибытия посольства по доброй воле находилась на Саламине, то вопрос о ее возвращении в Трою отпал. Кроме того, Приам должен был признать ее брак с Теламоном как свершившийся факт и предоставить ей приданое – «царства хоть часть одну» (стт. 313, 314). В результате возможность будущей войны оказалась несостоятельной, и послы смогли вернуться в Илион. Примечательно, что в качестве посла на Саламине Парис играет второстепенную роль. В центр же событий он возвращается после отплытия с Саламина. Драконций не случайно ввел в сюжет историю с посольством к Теламону. Оно, по замыслу автора, позволяет Парису оказаться вблизи Пелопоннеса и похитить Елену⁹. Однако Драконций вновь избегает традиционного для мифа развития событий, внося в них интригу. Он перемещает Елену из Спарты на Кипр, и, хотя в начале поэмы он и называет Париса поправшим право гостеприимства и тем самым оскорбившим Менелая (стт. 3–4), но все же своим пребыванием на острове он вряд ли мог оскорбить Менелая как гостеприимца. Прибытие Париса на Кипр – это результат отклонения корабля от курса. Герой оказывается не там, где рассчитывал, поэтому на Кипре он являлся случайным гостем, а его прием там был «внеплановым»¹⁰. Гостеприимцем на Кипре Драконций называет Елену (ст. 446) и переносит из Спарты на остров «дом Атрида» (ст. 449). В это время Менелай пребывал на Крите и не мог оказать «гостеприимного» приема путнику. Это функцию взяла на себя Елена. В соответствии со своими обязанностями гостеприимец должен был предложить гостю жилье, питание и гостевой подарок. Таким образом, прием, оказанный Еленой Парису, относится к «личному гостеприимству»¹¹. Упоминания об оскорблении, нанесенном Менелая, является данью эпической традиции. По мнению В. Шеттера, само по себе перемещение событий из одной области (территории) в другую не представляет собой уникальное явление, однако локализация событий именно на Кипре – единственный случай в литературно-мифологической традиции о Парисе и Елене¹².

В классическом варианте мифологического сюжета о Парисе и Елене встреча этих героев была предопределена волей богини, это был «любезный дар золотой Афродиты» Парису (*Нот.* II. III.64). Киприда пообещала ему супружество Елены, объявив имя его будущей супруги. Он находит повод и отплывает в Спарту, где и происходит встреча с Еленой (*Apollod.* Epit. III.2). В поэме Драконция этот сюжет приобретает отличающуюся от традиции интерпретацию. Не упоминая отдельные события, например, спор богинь, позднелатинский автор смог избежать привычных смысловых связей в мифе, а сам мифологический сюжет превратил в самостоятельную поэму. В событиях поэмы нет зримого, «физического» присутствия Афродиты–Венеры. О том, что богиня будет оказывать ему помощь, мы узнаем из речи Приама, обращенной к Парису (стт. 227–228): «...Посетишь ты попутно дорийские царства / там же супругу тебе подыщет Венера...». Как уже упоминалось, главной целью путешествия Париса

⁸ Schetter W. Dares und Dracontius über die Vorgeschichte des Trojanischen Krieges // *Hermes*. Vol. 115, No. 2 (2nd Qtr., 1987). P. 213.

⁹ Schetter W. Dares und Dracontius. P. 216.

¹⁰ Ковалев П.В. О статусе странников и гостеприимцев в архаическом греческом мире // *Закон и обычай гостеприимства в античном мире. Доклады конференции.* М., 1998. С. 65.

¹¹ Колосовская Ю.К. Гостеприимство как право народов Древнего Рима // *Закон и обычай гостеприимства в античном мире.* С. 53.

¹² Schetter W. Dares und Dracontius. P. 216.

является возвращение Гесионы. После выполнения поручения Приама, корабли Париса отправляются в обратный путь. Но «Африк меж тем налетел с разразившейся бурей вдобавок» (ст. 385) и разметал корабли троянцев, направив корабли Париса на восток. Таким образом, буря, которая, по словам Аполлодора, послана Герой вслед беглецам (Ерп. III. 4), в поэме Драконция предшествует встрече Париса и Елены и гонит флот к Кипру (стг. 425-427): «... между тем, волна с удвоенной силой / грохотом все огласив, корабль сотрясает и гонит / в сторону прочь от других; так достигает он Кипра». Комментируя эти строки поэмы, В.Н. Ярхо предположил, что Драконцием Кипр выбран не случайно, так как в «Киприях» рассказывалось, что корабль Париса вместе с похищенной Еленой отнесло бурей к этому острову¹³. Переосмысливая эту часть сюжета, Драконций не связывает происхождение бури с волей Афродиты, тем самым, внося в события элемент непредсказуемости, так как Парис не знает, выживет ли он в этой буре и куда прибудет корабли (стг. 390-395, слл.): «... снова к несчастью волна накрывает суда еще выше / и повисает над ними, и жалкою гибелью море / им, наступая, грозит, предвещая кораблекрушение...». В поэме шторм имеет символическое значение, являясь важной составляющей частью повествования. Шторм пугает Париса, заставляет его произносить «слезообильные речи». Такое боязливое поведение противоположно поведению моряков в описаниях шторма в других поэмах. Шторм лишь символизирует грозящую опасность, является своеобразным предупреждением Парису, поэтому в столь сильную бурю обошлось без жертв¹⁴. Часть троянского флота ветром отнесло в Ионийское море, другую же – в Эгейское. Такой поворот событий позволил Драконцию освободить Париса от опеки «старцев», которые могли бы помешать его «безрассудным действиям»¹⁵.

Выбор Драконцием Кипра как основного места, где разворачиваются события – не только дань литературной традиции (*Ov. Met.* XVI. 53-88, XVII. 117-124; *Luc. Dial. d. XX*; *Apollod.* Ерп. III. 1-4). Избрав Кипр в качестве места встречи своих героев, он выводит общеизвестный сюжет из традиционного повествования о Троянской войне. Основное символическое значение Кипра заключается в том, что это остров Афродиты. Хотя Афродита–Венера и не выступает явно, она не ведет открытого диалога с Парисом, но нет сомнения в том, что она присутствует. Парис попадает на остров в тот момент, когда справляется священный праздник в честь Дионы (стг. 435-437): «В день этот праздновал Кипр как раз рождение Дионы, / и на алтарь возложить Цитерее свои приношенья / все, что на Кипре живет, торопилось...».

«Диона» – это одно из имен Афродиты¹⁶. Сходное Драконциеву описание праздника рождения Афродиты–Венеры мы находим также и у Овидия. Этот праздник широко справлялся по всему Кипру, а также и за его пределами. Центром его становились алтари «с золотыми крутыми рогами» (*Ov. Met.* X.270-272). Драконций использует здесь один из часто встречающихся эпитетов Афродиты – «Цитера», по названию острова Кифера, где находился древнейший и «самый священный», по выражению Павсания (III.23.1), храм Афродиты. В античной мифологии у Афродиты две «авторитетные генеалогии», давшие начало представлению о двух Афродитах, и соответственно о любви земной и любви небесной, которые противопоставлены друг другу¹⁷. Упоминание Кипра и эпитета «Цитера» в поэме свидетельствует о том, что речь идет об Афродите Урании (Небесной), именно в этом качестве она почиталась на острове¹⁸. Афродита Урания считалась охранительницей и покровительницей уз брака, поэтому в поэме Драконция, не будучи союзницей Париса, она предупреждает о

¹³ См. примечание В.Н. Ярхо 317 к поэме Драконция «Похищение Елены». С. 140.

¹⁴ Simons R. *Dracontius und der Mythos. Christliche Weltansicht und pagane Kultur in der ausgehenden Spätantike. Beiträge zur Altertumskunde. Bd. 186. Leipzig, 2005. S. 263.*

¹⁵ См. примечание 319.

¹⁶ Лосев А.Ф., Тахо-Годи А.А. *Боги и герои Древней Греции. М., 2002. С. 126.*

¹⁷ Рабинович Е.Г. *Мифотворчество классической древности: Numi Homericí. Мифологические очерки. СПб., 2007. С. 310-311.*

¹⁸ Указ. соч. С. 323.

неминуемых тяжелых последствиях его поступка (стт 453-460): «В это же время над берегом, воды реки презирая, / белые лебеди носятся; все замечают голубок, / в воздухе взад и вперед привольно порхающих; коршун / гонится алчный им вслед, настигая в быстром полете, / клекотом громким своим птиц безобидных тревожит; / хищник крылатый бедой угрожает, над ними летая». Лебеди и голуби – символы Афродиты. Появление голубей предвещало Парису свадьбу с прекрасной женщиной, лебедь указывал на то, что она является потомком Юпитера. Коршун вторгается и нарушает легкое и беззаботное порхание птиц, что воспринимается предвозвестием беды (ст. 469: «...война тебе страшная будет приданым!»). Хищные птицы считались врагами голубя и лебедя, связанными с представлениями о супружеской верности и мире. Коршун связан с богом преисподней, а ястреб – птица Марса, что указывало на будущую многолетнюю войну и гибель многих. Но хищные птицы не убивают голубей, а только грозят им опасностью, что является еще одним предупреждением Парису¹⁹. У Драконция Парис отвергает эти неблагоприятные предзнаменования, что не свойственно мифологической традиции и является для нее новшеством²⁰. Только вступая в храм Венеры, Парис обращается к богине, для того, чтобы она помогла ему (стт. 470-480).

Необычен и сам образ Елены. Однако Драконция нельзя считать новатором в трактовке образа Елены. Наряду с общеизвестной гомеровской версией существовало, например, представление о Елене как богине или демоне, рожденном самим Зевсом от Немесиды, что исключало «всякую авантюру со стороны Париса»²¹. В классическом варианте мифа Афродита дала Парису клятву в том, что Елена без памяти влюбится в него (*Hug. Fab.* 92; *Ov. Her.* XVI. 149-152). Автор привносит новое в сюжет: Елена активно проявляет себя, хотя Драконций и не отрицает до конца участие Афродиты (стт. 494-498): «...влюбилась в Париса Спартанка, / жарким Амура огнем охвачена, ибо давно уж / сыну крылатому мать, огненосному богу, велела / сердце Елены пронзить стрелой пылающей тайно». Елена приглашает Париса во дворец. Она поручает своим слугам от ее имени «гостеприимство ему предложить» (стт. 444-446), поддерживает с ним разговор, «хочет Париса речью своей обольстить» (стт. 503-505). Неожиданным в трактовке мифа Драконцием стали доводы Елены в пользу своего похищения²²: «Вот что нам судьбы велят, Юпитер к чему понуждает, / мне повелев быть женой двух супругов и ради второго, / кто бы влюбился в меня, Атрида покинуть при жизни, / смерти его не дождавшись» (стт. 535-539). Следовательно, Елена уговаривает Париса совершить бегство. Активность Елены не позволяет воспринимать ее как «пассивную жертву похитителя»²³. Заметив за собой погоню киприотов во главе с царем Менелаем, Парис предупреждает Спартанку о возможной их гибели. Но Елена, поторапливая Париса («..Что ты шаг замедляешь речами, милый мой царь?» стт. 551-552), настаивает на отъезде, и ее не пугает вероятность военного столкновения соперников, ведь в распоряжении Париса был флот троянцев. В отличие от общеизвестной версии сюжета, оба главных героя в поэме Драконция хорошо представляют последствия поступка. Возвращение кораблей Париса в Трою предвещало будущую войну (стт. 652-654): «Кровью троянской еще обернется приданое, смертью / эллинов обогатится в бегстве чрез лагерь дочь Леды...».

Отношение Драконция к Парису и Елене прослеживается, прежде всего, в оценке героев и их действий. Герои поэмы действуют не столько под влиянием богов, сколько полагаясь на свой собственный выбор. История Париса и Елены представляется позднеантичному автору преступным развратом, заслуживающим отпущения (ст.655). Начиная поэму, Драконций заранее создает определенный образ Париса.

¹⁹ Simons R. Op. cit. S. 265-267.

²⁰ Ярхо В.Н. Античный миф на пороге Средневековья: поэмы Драконция // Драконций. Мифологические поэмы. С. 31.

²¹ Лосев А.Ф. Мифология греков и римлян. М., 1996. С. 33.

²² Ярхо В.Н. Указ. соч. С. 31.

²³ Ярхо В.Н. Указ. соч. С. 32.

Негативно оценивая его, автор превращает героя в отрицательного персонажа: Парис – «вор троянский», «пастух, предпринявший преступное дерзновенье» (стт. 1-2). Заметим, что Драконций не раз подчеркнул, что Парис – это пастух. Упоминание о «низком социальном статусе» появляется в поэме не случайно. Драконций осуждал безудержное стремление Париса утвердиться в качестве царского сына, а также способности, которые он выбирал для этого. «Вредоносный Парис» (ст.30), по мысли Драконция, нарушил нормы морали, принятые в обществе: им были нарушены законы гостеприимства, он совершил прелюбодеяние и подверг сомнению незыблемость брачных уз. Драконций упомянул Энону, которую Парис считает «уродкой» (ст.63). Мотив страдания Эноны и осуждение действий Елены был известен автору и встречается, например, в «Героидах» у Овидия (V. 60-76). Еще одно литературно-мифологическое пересечение в поэмах Овидия и Драконция касается порицания Париса за то, что пастушеская жизнь кажется ему простой и недостойной его (стт. 61-62, 66): «Стадо Парис не взлюбил, ему надоели деревни, / хижины, рощи, луга, источники, реки, свирели,.. / Он пастбища грязью считает...». Елена же осуждается Драконцием за свое непостоянство и стремление к богатству (стт. 535-540).

Наряду с традицией осуждения Елены стоит упомянуть и традицию ее оправдания. «Елена представлена Гомером слабою, но не низкою женщиною; в молодости она поддалась прельщению сладострастия, но природное благородство ее души привело ее к раскаянию и разуму», – так писал об этой героине Фридрих Любкер²⁴. Действительно, процесс оправдания Елены начался вскоре после письменной фиксации эпосов Гомера (VIII в.). По преданию, лирический поэт рубежа VII-VI вв. Стесихор лишился зрения после того, как в своем стихотворении осудил Елену как виновницу Троянской войны; после того как Елена явилась к нему во сне, он сочинил «Палинодию» (опровержение), в которой говорилось, что в Трою был увезен лишь призрак Елены; после этого Стесихор прозрел (*Pl. Phdr.* 243a-b, *Resp.* 586c)²⁵.

Совершенно по-новому взглянул на судьбу Елены Геродот. Елена и Парис (Александр) оказываются в Египте. Египтяне посчитали Александра преступником, соблаздившим жену своего гостеприимца и вместе с ней укравшим сокровища. Чужеземцев для суда приводят к Протею, в Мемфис. Царь оглашает свое решение: Парису и его спутникам велено в течение трех дней покинуть страну, Елена с богатствами остается ожидать законного супруга. Менелай после взятия Илиона появляется в Египте и получает из рук Протея свое имущество и жену (*Herod.* II.112-120). Иначе говоря, Елена играет пассивную роль жертвы коварного соблазнителя.

В ином ракурсе видит историю Елены драматург Еврипид. Первый раз к легенде о Елене он обращается в трагедии «Троянки» (415 г. до н.э.). После разгрома Трои виновница войны, представшая перед Менелаем, побеждена в споре с Гекубой и приговорена к смерти через побитие камнями (*Eur.* *Tro.* 1039). Ее казни мы не видим, она отложена до возвращения в Грецию (*Eur.* *Tro.* 1055-1059). Елена предстает как несчастная жертва чужой воли, людской и божественной (*Eur.* *Tro.* 911-965). Мотив оправдания человека и связанное с ним несовершенство олимпийцев особенно ярко проявились в высказывании латинского автора начала IV в. Арнобия: «Елена была похищена под руководством и по поощрению богов» (*Arn.* *Adv. nat.* I.5. Пер. Н.М. Дроздова). Второй раз мы видим Елену в круговороте невероятных приключе-

²⁴ Любкер Ф. Реальный словарь классических древностей. М., 2001. В 3 т. Т. 2. С. 97. Андре Боннар так начинает свою характеристику Елены, которую можно представить как своеобразный оправдательный вердикт: «Она остается нравственно чистой в сравнении со своим безнравственным любовником, она борется со страстью, внушаемой ей Афродитой, и желала бы отказаться от наслаждения, которое та заставляет ее разделять... Моральная чистота Елены побуждает ее возмутиться против богини» (Боннар А. *Греческая цивилизация*. Т. 1 / Пер. с франц. О.В. Волкова. М., 1992. С. 60).

²⁵ О Стесихоре см.: Стесихор. Фрагменты / Пер., ст. и прим. Н.Н. Казанского под ред. М.Л. Гаспарова // ВДИ. 1985. № 2. С. 217-237 (о Елене – с. 228-232); Зайков А.В. Музыканты в ранней Спарте: создание жанров и противодействие внутренней распри // Вестник Удмуртского университета. 1995. № 2. С. 12-14.

ний, описанных Еврипидом через три года после «Троянок» (412 г. до н.э.) в пьесе «Елена». Согласно возрожденной версии, идущей от Стесихора²⁶, Парис увез в Троию призрак спартанской царицы, сотворенный Герою, а подлинная Елена, сохранявшая верность мужу, была перенесена Гермесом в Египет к царю Протею (*Eur. Hel. 33-64*). Из-под Трои Менелай возвращается с призраком Елены. Он попадает в результате кораблекрушения в Египет, где призрак исчезает, а Менелай встречает подлинную Елену, чьей руки домогается сын Протея, Феоклимен, ставший царем после смерти отца (*Eur. Hel. 400-624*). Героиня с помощью пророчицы Феони, сестры царя, обманывает бдительность Феоклимена и вместе с Менелаем спасается бегством (*Eur. Hel. 820-1450*)²⁷.

По мнению Исократы, именно благодаря Елене эллины смогли прийти к согласию и предприняли совместный поход на варваров (*Isoc. X.67*; ср. *Thuc. I.8.3-9.1*). Дион Хрисостом недоумевал по поводу того, что Елена, считаясь дочерью Зевса, ославлена между эллинов несправедливой молвою за бесстыдство (*Dio Chrys. Or. XVIII.14*). В таком же духе говорит и Елена у Феодекта: «Меня, с обеих сторон происходящую от божественных предков, кто решился бы назвать рабыней?» (*Arist. Pol. 1255a35*)²⁸. В повести вымышленного автора Дарета Фригийского (V-VI вв.) подчеркивается прямодушие и приветливость лаконянки (*Daretis Phrygii. De excidio XII*).

Таким образом, в греко-римский период сложилось, по меньшей мере, два направления в трактовке образов Париса и Елены. Драконций принадлежал к тем авторам, которые увидели в поступке Елены и Париса не проявление воли богов, а попрание устоев общества. Подобная интерпретация мифа стала результатом синкретизма двух идеологий, систем мировоззрения языческого и мировоззрения христианского. В поэме позднеантичного автора ясно заметна нравственная оценка действий героев. Драконций адаптирует сюжет о похищении Елены к представлениям современного ему общества. Идеи трансформации известных образов он черпал из классической греко-римской литературы. Создавая поэму, Драконций комбинировал сюжеты, примыкавшие к общему контексту поэмы. Для того, чтобы сделать поэму более привлекательной для современников – а она была адресована, прежде всего, не германцам-вандалам, а римской части карфагенского общества – он использовал прием замещения одних понятий другими²⁹. Преобразив фабулу мифа, Драконций

²⁶ Круазе А. и М. История греческой литературы / Пер. с фр. В.С. Елисеевой. СПб., 2008. С. 245.

²⁷ См.: Толстой И.И. Трагедия Еврипида «Елена» и начало греческого романа // Толстой И.И. Статьи о фольклоре. М.,-Л., 1966. С.115-127; Борухович В.Г. Египет в классической греческой трагедии // АМА. Вып. 2. 1974. С. 30-31.

²⁸ О божественном почитании Елены см.: Хаксли Дж. Л. Геродот о мифе и политике в ранней Спарте / Пер. с англ. А.В. Колобова // Античность и средневековье Европы. Пермь, 1994. С. 56-57.

²⁹ Драконций оставил нам несколько стихотворных сочинений, в которых мифологические сюжеты, почерпнутые из греческой традиции, соседствуют с чисто римскими реалиями. Мы можем насчитать порядка двух десятков модернизмов, отражающих различные стороны жизни Римской империи. Впрочем, ко времени Драконция некоторые из них превратились в анахронизмы, что не меняет их суть по отношению к героям Эллады. Первая категория модернизмов – это упоминания, касающиеся римских военных институтов. В частности, Драконций, констатируя возвращение Агамемнона домой «после двух люстров», пишет о справленных им триумфах (*Drac. Or. 25*). «Храмы триумфов» предстают и в речи Дорилая к Оресту, сыну убитого Агамемнона (*Drac. Or. 648*). Четыре раза мы встречаем «когорты» (*Drac. Or. 813*; *Med. 578*; *Hel. 549, 602*). Один раз появляется «турма» (*Drac. Ach. 69*). Троянские послы – легаты (*Drac. Hel. 398*) отплывают с острова Саламин на либурнах (*Drac. Hel. 386*), широко использовавшихся во времена Августа. Вторая категория модернизмов – это упоминания, относящиеся к немногочисленным аспектам религиозной практики и общественной жизни. Медея в исполнении своей мести молится солнечному богу Митре (*Drac. Med. 538*), культ которого был широко распространен в поздней Империи. Парис обращается к авгуру (*Drac. Hel. 477*). Его брак с Еленой должен сопровождаться фесценнинами, римскими обрядовыми песнями, но вместо этого «войною рожок угрожает» (*Drac. Hel. 644*). Изменница Клитемestra с оттенком сарказма названа матроной (*Drac. Or. 770*), а ее любовник Эгист – хозяином лупанара (*Drac. Or. 650*). Третья, самая яркая, категория модернизмов – это элементы римского права. Оресту, доставленному на суд афинян, грозит «смерть в мешке» (*Drac. Or. 906*), которая по римским законам была предусмотрена для виновных в убийстве родителей (*Dig. XLVIII.9.9*). Брачный договор, принятый в римском семейном праве, заключается между Язоном и Главкой (*Drac. Med. 479*),

создал из него литературное произведение, отражавшее представления о границах допустимого в действиях человека.

MYTHOLOGICAL PLOTS IN DRAGONTIUS' POEM «THE ABDUCTION OF ELENA»

E.N. VELIKANOVA

E.S. DANILOV

*Yaroslavl State University
n.a. P.G. Demidov*

e-mail: velikanova05@mail.ru

e-mail: corax@76.ru

The article contains an analysis of the poem «The Abduction of Elena» authored by Dragontius, a writer of the late antiquity. A transformation of mythological plots about Elena of Troy is shown. Dragontius' attitude to his heroes, Elena and Paris, is traced. The tradition of the justification of Elena from Stesichorus to Dares Phrygius is specially marked out. The authors of the article draw a conclusion about the belonging of Dragontius to writers who was of opinion that Elena's and Paris' action had not been a demonstration of will of the gods, but violation of foundations of society.

Key words: Carthago, Dragontius, Euripides, Herodotus, mythological tradition, Elena of Troy, Paris, Aphrodite.

связывает Теламона и Гесиону (Drac. Hel. 306). Эак, один из трех судей в подземном царстве, назван юридическим термином quaesitor (Drac. Ach. 36), обозначающим председателя постоянной следственной комиссии. Чуть ниже он уже – цензор (Drac. Ach. 120). Парис играет по воле трех богинь роль претора (Drac. Hel. 31).

РИТОР ХОРИКИЙ И ГАЗСКАЯ ШКОЛА

А.М. БОЛГОВА
Н.Н. БОЛГОВ

*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

e-mail: bolgova@bsu.edu.ru

e-mail: bolgov@bsu.edu.ru

В работе рассматриваются роль и место позднеантичного ритора Хорикия из Газы (VI в.) в контексте развития риторической школы в палестинской Газе, бывшей в ранневизантийское время мощным центром синтеза классической и христианской культуры.

Ключевые слова: риторика, школа, Ранняя Византия, Поздняя античность, Газа.

Хорикий был одним из наиболее видных деятелей Газской школы, которая уходит своими корнями во времена правления императора Зенона (474-491) и быстрыми темпами развивается в царствование Юстиниана (527-565). Расцвет творческих сил Хорикия выпал примерно на вторую четверть VI в. Традиционные термины «школа» и «деятель», однако, здесь не в полной мере применимы, поскольку они подразумевают, что члены школы по определению составляли некую общность. Здесь, вероятно, будет лучше использовать более точное выражение Найджела Уилсона «кружок» или «группа»¹.

Школа характеризуется расцветом риторической, литературной и интеллектуальной греческой культуры. Это был «последний лучик эллинизма в регионе перед мусульманским завоеванием»². Уже в IV в. в *Expositio totius Mundi* (32) говорится о Газе, что там «bonos auditores» – следовательно, мы можем предположить наличие хороших ораторов и учителей, а также – в соответствии с указанием Либанием, Газа стремилась быть «мастерской красноречия» (55.34 *Orat*). Мы естественно склонны читать эти сведения IV в. ориентиром для того, что мы впоследствии назовем Школа Газы. *Scholion* в стихах, написанных одним из членов Школы, Иоанном Газским, описывает город в день достижения Иоанном вершины *logoi*. Другой член школы, Эней из Газы проявляет гордость, когда пишет своему бывшему ученику, что «люди более не плывут в Пирей, влюбленные в Академию, и не посещают часто Ликей, ибо они думают, что Академия и Ликей находятся среди нас» (Ерр. 18)³.

Хотя Газа имела огромное самостоятельное культурное значение в V-VI веках, влияние Александрии, великого египетского научного центра было более значительным. Софист Прокопий из Газы⁴ ссылается на египетский город как «общую мать Логоса» и комментирует его достопримечательности, призывая мужей к их изучению (57 Ерр., 104, 1,19). Эней вспоминает «спортивные состязания с Музами» на берегу

* Исследование подготовлено в рамках работ по ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы, Госконтракт П322 от 28.07.2009 г. «Человек переходной эпохи: Поздняя античность – Ранняя Византия», 2009-2011 гг.

¹ Wilson N.G. *Scholars of Byzantium*. L., 1983. P. 30-31.

² Cicorella F. «Swarms of the Wise Bee»: *Literati and Their Audience in Sixth-Century Gaza* // *Epistulae Antiquae IV*. Louvain – P., 2006. P. 120. О школе в общем, см.: *ibid.* P. 118-126; Stark K.B. *Gaza und die philistaische Kunst*. Jena, 1852. S. 631-645; Seitz K. *Die Schule von Gaza: Eine litterargeschichtliche Untersuchung*. Heidelberg, 1892; Glucker C.A.M. *The City of Gaza in the Roman and Byzantine Periods* / *British Archaeological Reports*. IS, 325. Oxford, 1987. P. 51-57.

³ В это «среди нас» уверенно включается Газа, даже если еще предполагается Смирна, где ученик Энея Феодор преподавал. О фразе и ее главном контексте см.: Massa Positano L. *Enea di Gaza*. *Epistole*. Naples, 1962. P. 106-109.

⁴ Прокопий из этого Вступления должен быть отличен от Прокопия Кесарийского, знаменитого историка времен Юстиниана, чьи претензии на связь с Газой не имеют обоснования (Cameron Av. *Procopius and the Sixth Century*. Berkeley – Los Angeles, 1985. P. 6-7).

Нила, предположительно, в Александрии (Ерр. 15). Он, вероятно, обучался там у философа Гиерокла: в его «Теофрасте» герой Евксифей, который учился у Гиерокла, написан им с себя⁵. Захария Схоластик учился в Александрии, как и Тимофей из Газы, у философа Гораполлона. Хотя Захария, уроженец порта Маюма в Газе, провел большую часть своей жизни вдали от родины, он может рассматриваться здесь в связи со Школой Газы в качестве иллюстрации того, что в конце V столетия влияние Александрии, оказываемое на молодых людей, было сильнее влияния Газы⁶.

Прокопий, учитель Хорикия, вспоминал о своих днях на берегах Нила (Александрия?) в своих письмах (48; 96; 127). И сам Хорикий, в надгробной речи Прокопию (7[VIII].15), рассказывает случай из его жизни, произошедший в городе на соседней «египетской реке», скорее всего, в Александрии: когда Прокопий был еще молод, он победил там ветерана в ораторском конкурсе⁷. К сожалению, эти места не вносят окончательную ясность, действительно ли учился Прокопий в Александрии, хотя с определенной долей уверенности можно именно это предположить (Choricus, Orat. 7.15)⁸.

Что касается самого Хорикия, он упоминает в Orat. 2[II].64, что он принял участие в празднествах вдоль Нила – было это в Александрии и в течение периода обучения (?).

Одним из результатов влияния Александрии явился приход в Газу неоплатонизма, идеи которого легко просматриваются в героях Энея и Захарии Теофрасте и Аммонии, хотя этот пласт никак не освещается текстами, представленными в корпусе⁹.

Риторические способности членов Школы Газы были очень ярко выражены¹⁰. Хорикий символизирует эту особенность Школы отдельно, в том, что он стал «председателем риторики» в Газе, сменив своего бывшего учителя Прокопия¹¹. В своей надгробной речи Прокопию, с ожидаемой гиперболой, Хорикий утверждает, что все софисты считали раннего Прокопия лучшим (7[VIII].5, 16, 31). Этот «новый Демосфен» преуспел как в красноречии, так и в учительском мастерстве (7.7, 10). Он принес большую славу Газе, в результате чего Антиохия, Тир, и палестинская Кесария стали завидовать ей (7.12-13). Когда Прокопий был уже в отставке, Хорикий льстиво говорит, что он часто пытался замедлить своего энергичного предшественника в годы его глубокой старости (7.17). Но мы также знаем, что пожилого Прокопия однажды упрекнули в бездействии и длительном отсутствии публичных выступлений с его стороны; в этой ситуации, Хорикий встал на его защиту, сказав о «свободе от деятельности, которая приходит с возрастом» (Praef. 6 [XI].I).

⁵ См. Colonna M.E. (ed.). *Enea di Gaza, Teofrasto*. Naples, 1958: VII-X.

⁶ О Захарии см.: Minniti Colonna M. (ed.). *Zacharia Scolastico, Ammonio*. Naples, 1973. P. 20, 22-23; PLRE II s.v. Zacharias (Cholastic.) 4. О Тимофее: Seitz K. *Die Schule von Gaza*. S.30; PLRE II s.v. «Timotheus 3». Непонятно, почему Найджел Уилсон (Wilson N.G. *Scholars of Byzantium*. P. 31) полагает, что Тимофея не следует считать членом Школы, на основе того, что «он был учеником Гораполлона, преподававшего в Египте, а позже в Константинополе».

⁷ Litsas F.K. *Choricus of Gaza, An Approach to His Work: Introduction, Translation, Commentary*. Chicago, 1980 (PhD Diss.). P. 217; в приблизительном переводе «Прокопий обучался мастерству риторики и позже он довел его до искусства».

⁸ Aly W. *Prokopius 20* // RE. 23, 1. 1957. S. 261-262.

⁹ Рефлексии Прокопия в его комментариях к Бытию (PG. 87, 1,3) по поводу неоплатонической доктрины происхождения материального мира, от которой отказывались также Эней и Захарий. Отмечают еще критику Прокопием неоплатоника Прокла: Mai A. *Classici auctores e Vaticanis codicibus editi*. V. IV. Rome, 1831. P. 274-275 (=PG. 87, 2, 279); Westerink L.G. *Proclus, Procopius, Psellus* // *Mnemosyne*. 3. 10. 1942. P. 275-280; Whittaker J. *Proclus, Procopius, Psellus and the Scholia of Gregory Nazianzen* // *Vigiliae Christianae*. 29. 1975. P. 309-313.

¹⁰ Seitz K. *Die Schule von Gaza*. S. 36.

¹¹ О публичной поддержке этой должности см. Glucker C.A.M. *The City of Gaza in the Roman and Byzantine Periods*. P. 53; Ashkenazi Y. *Sophists and Priests in Late Ancient Gaza according to Choricus the Rhetor* // Bitton-Ashkelony B., Kofsky A. *Christian Gaza in Late Antiquity / Jerusalem Studies in Religion and Culture*, 3. Leiden – Boston, 2004. P. 199; о смене Хорикием Прокопия см.: Phot. *Bibl. cod.* 160.

К началу VI в. христианизация Газы проходила успешно: это нашло отражение в религиозном составе Школы Газы. Эней, Прокопий и Хорикий – все – христиане¹². В своем «Теофрасте» Эней философствует в манере, совместимой с христианством, нападая на заблуждения, и, через собеседника Евксифея, проявляется его вера в Троицу и Воплощение (Theophr. 44, 67). Прокопий пишет библейские комментарии. Хорикий хвалит уроки библейского толкования Прокопием, по словам которого, «за исключением его одежды, только он был совсем иерей» Кроме того, он хвалит его за следование христианскому вероучению (τα δόγματα της ευσεβείας) и апологетику¹³. В своей критике неоплатоник Прокл указывает на то, что Прокопий уважаем, поскольку имеет авторитет «нашего богослова Григория».¹⁴ Хорикий испытывает почтение (σέβας) к первомученику Стефану, любясь, как он посвятил себя Богу и нашёл мужество умереть за свое благочестие (ευσεβεία) (Orat. 2[II].27).

Но в других своих работах они упускали христианство из виду. Как правило, они описывали их греческую *Paideia* и их христианство в работах, которые не связаны с философско-богословской или библейской тематикой, в полном смысле, следуя классической мифологии, истории и литературе. В мимезисе классических текстов, на которых они воспитывались, они заходят столь далеко, что вызывают богов и клянутся ими¹⁵. Возможно, наиболее яркий пример – панегирик начала VI в. Прокопия к христианскому императору Анастасию, в котором прослеживаются совсем не христианские намёки: Прокопий здесь клянётся Зевсом и приветствует императора как потомка Геракла и Зевса¹⁶. Кроме того, в его *Epithalamium* троим своим ученикам, христианин Хорикий говорит, что он будет молиться богам за брак от их имени (Orat. 5[VI].51), и, по случаю Брумалий Юстиниана, софист сравнивает императора с Зевсом, что никак не говорит о его христианстве (Dialex. 7 [XIII]). В Orat. 8 [XXXII] Хорикий защищает мимы и, между прочим, ряд канонических авторов, от нападения пуританских критиков – которые в те дни были преимущественно христианами¹⁷ – и клянётся «богами» (152), и призывает Диониса в поддержку своей речи (158).

¹² О христианстве Прокопия и Хорикия см. Phot. Bibl, cod 160. Тимоти Бэрнс (Barnes T.D. Christians and the Theater // Roman Theater and Society. Ann Arbor, 1996. P. 178-180) возражает против христианства Хорикия и достоверности сведений Фотия в этом вопросе. Агностический взгляд на религиозность Хорикия см.: Malineau V. L'apport de l'Apologie de mimes de Choricios de Gaza a la connaissance du theatre du VIe siecle // Gaza dans l'Antiquite Tardive: Archeologie, rhetorique et histoire. Salerno, 2005. P. 168; Ц. Кирстену (Kirsten C. Quaestiones Choricianae. Breslau, 1894. P. 6) он кажется убедительным. И трудно не предположить, исходя из фразы в Orat. 3[III], 67 о Деве Марии, что Хорикий был верующим. Конечно, законно встает вопрос о том, подтверждается ли его обращение в христианство.

¹³ Choricus, Orat 7 [VIII], 21: «Иерей» – епископ. Хорикий употребляет это слово в речи к Епископу Маркиану, 50.

¹⁴ Mai A. Classici auctores e Vaticanis codicibus editi. P. 274 (=PG 87, 2. P. 2792h).

¹⁵ См. Aen. Ерр. 1, 5. Эней мог сказать: «Давайте почтим возлияниями бога Гермеса и умершего Геродота» и «Зевс бог дружбы плывет с нами» (Ерр 7 и 8). Когда он писал к пресвитеру (Ерр. 21), то действительно сказал «Бог». Прокопий часто призывает и молится богам в своих письмах. Он мог сказать: «Я надеюсь, что боги будут добры ко мне» или «Зевс даровал эти вещи мне». Эти фразы появляются в его письмах с поразительной частотой. Когда мы видим проблеск христианства в его письмах, это “non in maniera Chiara” (Matino G. Procopio di Gaza, Panegirico per l'Imperatore Anastasio. Naples, 2005. P. 14-15).

¹⁶ Procop. Pan. 2 (13) 3, 6. Точная дата этой речи вызывает споры, см.: Chauvot A. Procopie de Gaza, Priscien de Casaree, Panegyriques de l'empereur Anastase Ier. Bonn, 1986. P. 95-66; Matino G. Procopio di Gaza, Panegirico per l'Imperatore Anastasio P. 28-29. Pan. 3-4 подтверждает набожность Анастасия и его священническую верность долгу, подчеркиваемая его выдвижением на должность антиохийского епископа, но откровенно христианская терминология избегается, см. Chauvot A. Procopie de Gaza. P. 95-96; Matino G. Procopio di Gaza. P. 22-23. Нет ничего христианского, а только эллинистическое в Praef. 1 Хорикия, которая является вступлением к Orat. 1 в честь епископа Маркиана и новой постройки или восстановления церкви св. Сергия.

¹⁷ Эта работа привлекает заслуженное внимание, см. библиографию: Reich H. Der Mimus. V. 1. Berlin, 1903. S. 204-230; Malineau V. L'apport de l'Apologie de mimes de Choricios de Gaza a la connaissance du theatre du VIe siecle, etc. И. Стефанис в 1986 г. подготовил критическое издание с современным греческим переводом и комментариями.

Впрочем, все это своего рода изложение общей истории культуры¹⁸. Тот же Хорикий, которые регулярно приводит, оставляя без комментария, мифологические сюжеты, пишет епископу Газы Маркиану, что он не верит в то, что мифы реальны, и что забавная улыбка – наиболее адекватный ответ на рассказы древних поэтов (Orat. 1[I].6; 2[II].42). Для «подвижных представителей образованной [христианской] группы», использование мифологии было «религиозно нейтральным и эстетически привлекательным»¹⁹. Не все христиане, конечно, были настолько гибкими в такой имитации классических текстов: византийский патриарх Фотий в IX в. жалуется, что, хотя Хорикий и «любит право религии, ... он умышленно вносит в свои произведения языческие басни и рассказы – не знаю, по какой неосторожности – ведь он не должен делать так, если он затрагивает священные темы» (Bibl. cod. 160). Единственным приближением к священному предмету обсуждения «в текстах, представленных в этой книге, являются ссылки на епископа Маркиана и св. Стефана Первомученика в Praef. 2 [II]. Эти ссылки, хотя, как правило, сделаны в хорошем аттическом стиле (τεμνῆν, τὸν ἱερέα, τὸν νεόν)²⁰, и в них Хорикий сравнивает представленное им описание церкви св. Стефана с описанием Геродотом храма Вавилона и проводит параллель между празднованиями по случаю открытия церкви и древних Делосских празднеств, как и в Praef. 1 [I] он заимствует названия древних спартанских и афинских обычаев, комментируя празднования строительства или ремонта церкви св. Сергия в Газе.

Епископ Маркиан был человеком действия; нет никаких указаний у Хорикия, что он был аскетом. Он был строителем и восстановителем зданий и городских стен и обороноспособности, и освободителем города от армий неприятеля. На страницах текста Хорикия он показан современным куриалом в епископальном облачении²¹. Хорикий хвалит прелата сколь за его навыки риторики, столь и за знание религиозного характера – дополнение, безусловно, позволяющее епископу быть настоящим знатоком Священного Писания по сравнению с другими. Как Хорикий, Маркиан учился у Прокопия²². Он даже утверждал, что епископ Маркиан какое-то время руководил школой Прокопия после смерти последнего. Те, кто сделал это утверждение, однако, попытались извлечь выгоду из этого, что вполне оправданно, учитывая потребность в этом для надгробной речи Хорикия к Прокопию. Поднят этот вопрос был, вероятно, только для того, чтобы утвердить хорошее руководство епископа идеальным условием для передачи школы от Прокопия к Хорикию²³. В любом случае, епископ Маркиан принадлежал к элите Газы, группе людей, получивших прекрасное традиционное образование.

Другой важной особенностью христианства Газы, в дополнение к полусветскому городскому духовенству, было большое количество монахов в регионе²⁴. Каким

¹⁸ Т. Бэрнс с этим не соглашается (Barnes T.D. Christians and the Theater. P. 178-181). Мы не склонны пытаться сделать очевидной сложную природу Газской Пайдеи, подытоживая, что мы имеем дело с обращенными, а не с рожденными христианами (Seitz K. Die Schule von Gaza. S. 24); «Aineias 4» // RE I. 1984; 1986. S. 49.

¹⁹ Roberts M. The Use of Myth in Latin Epitaphia from Statius to Venantius Fortunatus // Translations of the American Philological Association. 119. 1989. P. 336 – см. его рассуждение о христианской латинской эпитафии. Seitz K. Die Schule von Gaza. S. 8.

²⁰ Некоторая терминология могла быть взята из окружающего контекста (Orat. 2 [II]. 3, 17, 25, 33, 76). Хорикий никогда не использует христианскую лексику (voces propriae Christianae) – ἐκκλησία, εὐαγγέλιον – в текстах своих работ. Cf.: Ashkenazi Y. Sophists and Priests in Late Ancient Gaza according to Choricios the Rhetor. P. 200, n.32; p. 203, n.59.

²¹ См. в дополнении к Orat. [I] и [II] в основном, 1.7, 78; 2.16, 18-20, 24; cf. 7 [VII], 52.

²² Обучавшие Маркиана: Choricios Orat. 1.6-7; 2.7-9. Прокопий его учитель: 2.7, «где мне взять ... Прокопия» (cf. Ashkenazi Y. Sophists and Priests in Late Ancient Gaza according to Choricios the Rhetor. P. 196).

²³ Litsas F.K. Choricios of Gaza, An Approach to His Work. P. 68, 308, n.66; Ashkenazi Y. Sophists and Priests in Late Ancient Gaza. P. 200-201. Это пассаж к вопросу о Choricios Orat. 7 [VII]. Метафора продолжается из п. 49 и, кажется, предполагает, как отмечено у Litsas F.K. Choricios of Gaza, An Approach to His Work, ad loc., школу Прокопия.

²⁴ О монашестве Газы см. соответствующие статьи: Bitton-Ashkelony B., Kofsky A. Christian Gaza in Late Antiquity; Helevone-Harper J.L. Disciples of Desert: Monks, Laity and Spiritual Authority in Sixth-

образом, если так, относились к ним, знавшие об их существовании такие жители Газы как софисты? Переписка монахов Варсануфия и Иоанна, в Тавате, близ Газы, в первой половине VI в., показывает, что учитель – видимо, философ – консультировался с ними по личным вопросам (Ерр. 664, 778 и др.). Ещё более примечательно то, что Эней из Газы консультировался с монахом Исайей по изучаемым вопросам, как сообщает Захария в биографии Исайи, на основе своей беседы с близким соратником монаха. Когда Энею, «крупному христианину и учёному» было трудно понять Платона, Аристотеля, Плотина, или он не мог получить никакой помощи от знатоков, он шёл к Исайе, который и разъяснял интересующие моменты и давал критику языческих властей, ссылаясь на христианскую веру, хотя был совершенно несведущим в мирском образовании²⁵. Это очень интересный факт, по которому хочется получить больше информации. Но он предостерегает нас от предположения, что христиане вели беседы по вопросам Пайдейи, что было исключительно привилегией городского духовенства. С другой стороны, мы не должны забывать, что монахи и горожане будто населяли разные миры: монах вряд ли имеет те же приоритеты, что и епископ «мирского» склада, таких, как административные и риторические навыки, попадающие в число кандидатов на рукоположение²⁶.

Софисты традиционно занимали несколько внешкольных постов в обществе. В Газе, собственники, составлявшие большинство, публично поддержали председателя риторики, который являлся «рупором города». В Orat. 1 [I] и 2 [II] Хорикия хвалили епископ Маркиан относительно церкви св. Сергия, построенной или отремонтированной, и св. Стефана Первомученика, созданной за годы епископства Маркиана. Эти источники привлекают интерес из-за подробного описания церквей²⁷. Он также даёт эти сведения в надгробной речи на смерть матери епископа, Марии (6 [VII]).

Имеется такая информация о дуксе Палестины Арации и о консуляре Палестины I Стефане в Orat. 3 [III] 535/6 г., и о дуксе Палестины Сумме (Summus) в Orat. 4 [IV] конца 530-х годов²⁸. В похвале, адресованной Сумму, Хорикий говорит по случаю Брумалий Юстиниана (Dialex. 7 [XIII].14) – и, конечно, в основном, хвалит императора – и брату Сумма Юлиану²⁹, агенту императора в Orat. 4.33-4 и в Dialexis 7,15.

Наконец, это было дано Хорикием и в надгробной речи Прокопию Orat. 7 [VIII]. Что касается самого Прокопия, история не была милостива к его панегирикам, хотя мы имеем в своём распоряжении панегирик императору Анастасию, в самом начале которого он уточняет, что он говорит от имени всего города Газы. Мы также знаем, что он, как и Хорикий, был панегиристом епископа Маркиана (Choric. Orat. 7.51), и его последней речью – Εἰς τὸν ὁμοφρόνως ἀρχόντα³⁰ – был, вероятно, панегирик на имперского чиновника.

Как видные софисты и городские представители, Прокопий и Хорикий были представлены в элитных кругах и имели множество местных учеников из высших классов в их школе³¹. А темы их основных сочинений не имеют никакой связи с тем реальным миром, в котором жили их авторы.

Century Gaza. Baltimore – L., 2005; Bitton-Ashkelony B., Kofsky A. The Monastic School of Gaza. Leiden – Boston, 2006.

²⁵ E.W. Brooks, латинский перевод с сирийского (CSCO. Scriptorum Siry, series 3. T. XXV. P. 8).

²⁶ Barsanuph. – Johan. Epp. 808, 809, 813; Helevone-Harper J.L. Disciples of Desert. P. 115-117: «Фигуры, подобные епископу Маркиану, которые появляются из городской аристократии и поддерживают связь и с риторами, и со старейшинами, держатся в русле борьбы взглядов на мир городской элиты и проповедников аскетизма» (ibid. P. 118).

²⁷ О церкви см.: Maguire H. The Half-Cone Vault of St. Stephen at Gaza // Dumbarton Oaks Paper. 32. 1978. P. 319-325; Webb R. The Aesthetics of Sacred Space: Narrative, Metaphor, and Motion in Ekphraseis of Church Buildings // Dumbarton Oaks Paper. 53. 1999. P. 59-74 etc.

²⁸ См. PLRE IIIA s.v. «Aratius»; IIIB s.v. «Stephanus»; II s.v. «Summus».

²⁹ PLRE IIIA s.v. «Iulianus 8».

³⁰ Bekker I. (ed.). Anecdota Graeca. Vol. I. Berlin, 1814. P. 139; Penella R. From the Muses to Eros: Choricus's Epithalamia for Student Bridegrooms // Gaza dans l'Antiquité Tardive: Archeologie, rhetorique et histoire. Salerno, 2005. P. 135-136.

³¹ Р. Коль (Kohl R. De scholasticarum declamationum argumentis ex historia petitis. Paderborn, 1915) подготовил вспомогательный каталог исторических тем в античных декламациях.

**ПРИЛОЖЕНИЕ. Из «Мириобиблиона» патриарха Фотия (IX в.)³².
Cod. 160. Хорикий. Декламации.**

Прочитаны *Декламации* и *Речи* различных видов софиста Хорикия из Газы³³. Он любитель чёткости и чистоты стиля, и если он разглагольствует о какой-нибудь полезной цели, четкость его мыслей никоим образом не ослабевает, так как расширение её непостоянно и никогда не распространяется на весь период. В его письмах объединены характер и искренность, но, в то же время, он не пренебрегает внушением моральных уроков. Как правило, он использует тщательно отобранные слова, хотя и не всегда в их надлежащем смысле; иногда, вследствие неограниченного использования им фигуративного языка, он впадает в холод, а иногда уносится в поэтический стиль. Но он находит свои лучшие проявления в описаниях и хвалебных речах.

Он – сторонник истинной религии и уважает обряды и святые места христиан, хотя по какой-либо причине, высокомерно и без любого оправдания, он неоправданно вводит греческие мифы и языческие истории в свои письма, иногда обсуждая священные вещи. Много писем различных видов находятся в его обращении; читатель встречается с фиктивными, похвальными, и спорными речами, мелодиями, свадебными песнями, и многим другим.

Он процветал во время императора Юстиниана, и был учеником риторика Прокопия³⁴, но не Кесарийского, самого выдающегося человека, который тогда, в соответствии с составом его полезных и ценных исторических работ, оставил после себя бессмертную славу среди всех любителей учености.

В его собственной провинции³⁵ он был связан с другим Прокопием, который учил его риторике, и которому в старости было удовольствие наблюдать за своим учеником и поставить его во главе школы. Многие из его торжественных речей различных видов находятся в обращении и все заслуживают осторожного исследования и подражания. Действительно, целая книга под названием «Переводы Стихов Гомера», в которых форма полностью изменена в различных стилях, достаточна, чтобы показать его энергичные риторические возможности, которыми Хорикий может поражать. Также в его торжественных речах часто были упомянуты христиане, он обсуждал создание ими священных изображений. Смерть его учителя подвигла Хорикия написать прощальную похоронную речь.

CHORICIUS AND GAZA SCHOOL

**A.M. BOLGOVA
N.N. BOLGOV**

*Belgorod National Research
University*

e-mail: bolgova@bsu.edu.ru

e-mail: bolgov@bsu.edu.ru

At this article are research a role and place of late ancient rhetoric writer Choricus from Gaza, 6 cent. AD in context of development of rhetoric school in Palestinian Gaza, who was a strong Early Byzantian Center of synthesis of Classical and Christian Culture.

Key words: rhetoric, school, Early Byzantium, Late Antiquity, Gaza.

³² Перевод Н.Н. Болгова, И.В. Зайцевой.

³³ Процветавший в начале VI в., ученик ритора Прокопия из Газы. Он был номинально христианином, но его точка зрения и манера выражения была языческой. Несколько из его панегириков, прощальных речей на похоронах, свадебных речей, и школьных выступлений сохранилось. См.: Болгова А.М., Харченко О.А. Ритор Хорикий Газский и ранневизантийская высшая школа // Проблемы истории и археологии Украины. Харьков, 2010. С. 83-84.

³⁴ Прокопий Газский (465-528 гг.).

³⁵ Палестина, город Газа.

ПИТЕР БРАУН И ЕГО КОНЦЕПЦИЯ ТЕЛА, ПОЛА И СЕКСА В ПОЗДНЕЙ АНТИЧНОСТИ («Тело и общество: мужчины, женщины и сексуальное воздержание в раннем христианстве»)

Д.Г. ЗЮПОВА

*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

e-mail: ehyupova-diana@yandex.ru

В работе рассматривается концепция главного исследователя Поздней античности, британского историка Питера Брауна в области тела, пола и секса, изложенная в его книге «Тело и общество:...». Подробно рассматриваются взгляды Брауна на указанные проблемы в раннем христианстве, раскрывается природа христианского аскетизма и предпосылки ментального переворота позднеантичной эпохи, приведшего к радикальной смене античной оргиастики на целомудрие и аскетику в отношениях между полами.

Ключевые слова: Поздняя античность, христианство, пол, гендер, секс, тело, аскетизм.

Питер Роберт Ламонт Браун (р. 1935 г.), профессор классической истории, в течение многих лет преподавал в Университете Калифорнии, Беркли, впоследствии – профессор истории института Филипа и Беулы Роллинс в Принстонском университете, является наиболее видным ученым в изучении Поздней античности. Он является автором десятка книг, в том числе: «Августин Блаженный: биография», «Мир поздней античности», «Кульг святых: его рост и функции в Латинском христианстве», «Священство и общество: аспекты христианизации римского мира», «Становление западного христианства» и др. Брауну принадлежит основной вклад в пересмотр традиционных представлений о Поздней античности как об эпохе упадка и рождение идеи континуитета между античностью и Средневековьем, в контексте которого позднеантичная эпоха предстает как единый и динамичный исторический комплекс – Постклассический мир¹.

Одним из наиболее важных аспектов концепции Постклассического мира является концепция гендера в Поздней античности. Впервые опубликованная в 1988 г. книга «Тело и общество: мужчины, женщины и сексуальное воздержание в раннем христианстве» Питера Брауна была новаторской в изучении пола и сексуальных отношений ранних христиан в древнем Средиземноморье и Ближнем Востоке позднеантичной эпохи. Рассмотрев истоки христианского аскетизма, историк далее показывает, как эта идея вступила в жесткий конфликт с традициями античной оргиастики и сексуальной свободы в Поздней античности.

Браун фокусирует внимание на практике постоянного сексуального воздержания, безбрачия и девственности на протяжении всей жизни человека в христианских общинах от I до V в. Главной задачей автора было создание представлений о человеке и обществе, разделявших сексуальное воздержание, подробное исследование отражения этих взглядов среди христианских писателей, как они, в соответствии с концепцией отказа от секса, раскрывали природу сексуальности человека, отношения мужчины и женщины и роль секса в обществе.

Книга «Тело и общество» непосредственно раскрывает взгляды отцов церкви на сексуальность и человеческое тело, взаимоотношения между мужчинами и женщинами. Книга написана в виде интеллектуального путешествия по основным бого-

¹ Ващева И.Ю. Концепция поздней античности в современной исторической науке // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2009. № 6(1). С. 220-231; Болгов Н.Н., Литовченко Е.В. Поздняя античность: специфика эпохи и новые подходы к изучению // Гуманитарная наука в современной России: состояние, проблемы, перспективы развития. Т. 1. Белгород, 2007. С. 47-55.

словско-социальным местам раннего христианства. Главы книги можно рассматривать как изолированные, самостоятельные части, ограниченные хронологическими рамками, так и как определенные сюжеты, взаимосвязанные друг с другом, рисующие единую картину сексуального воздержания в Поздней античности.

Произведение, написанное в конце 80-х гг. XX в., автор дополняет во введениях к новым изданиям современными научными исследованиями и последующими личными открытиями. Автор задается вопросом о том, почему ранние христиане так много писали и уделяли внимания сексу, вопреки тому, что официально мировоззрение христианской религии было направлено на духовную и загробную жизнь.

Браун убежден, что человеческое тело находится в тесной взаимосвязи с обществом и космосом, что эта связь, по сути, представляет собой навязчивую идею, одержимость людей проблемами тела в Поздней античности. Автор подчеркивает, что восприятие тела в Поздней античности радикально отличается от взглядов современного общества на него как на вместилище множества физических потребностей: удовлетворение сексуальных потребностей, потребности в пище и т.п.

Первая часть книги – «От св. Павла до св. Антония» – посвящена рассмотрению отношения к сексу, телу и браку в ранней христианской среде римского мира. Исследование этой проблемы начинается со I–II вв. н.э. в языческом мире, где рождавшееся христианство стало свидетелем постепенно наступавшей определенной сдержанности и терпимости в общественных взглядах. Вторая глава посвящена Палестине времен Иисуса, св. Павла и роли воздержания в неясном и бурном первом столетии христианского движения. Приблизительно к 150 г. отказ от секса уже установился как правило, и стал значимым для многих людей, исповедующих христианство. Эта проблематика подробнее раскрыта в главах 3–6, где изображается картина сексуального воздержания на территориях Средиземноморья, Ближнего Востока, в общинах Лиона, Карфагена и Эдессы.

Как отмечает П. Браун, еще во II в. Гален, римский врач и естествоиспытатель, классик античной медицины, считал, что, мужчины обладают «решающим избытком» энергии и «жизненным духом», который находится в их теле, поэтому они реализовывают свой биологический потенциал сполна, в то время как женщины не обладают таким потенциалом. Последствия таких различий между мужчиной и женщиной сказались позже, когда было закреплено привилегированное положение мужчины над женщиной. Отсутствие «жизненного духа» впоследствии было расценено как недостаток женщины перед мужчиной, закрепившийся в Поздней античности как страх «порчи мужчин» – в «женоподобном» поведении. В то же время, возникла необходимость урегулирования жизни женщины в соответствии с мужскими представлениями.

Древние мыслители разделяли любовь на дурную – удовлетворение сексуального желания (физическую) и хорошую – любовь к Богу (духовную), что проявлялось в целомудрии, которое апостол Павел и различные последователи апостолов, такие как Иустин Мученик, старались взрастить.

Радикальные еретические группы, такие как маркиониты, сирийские энкратиты, а также Татиан, считали, что необходимо установить полный контроль над телом и его удовольствиями через полный сексуальный отказ, и, тем самым, положить конец всей половой жизни, независимо от ее законности в браке или нет. Такие взгляды, по мнению П. Брауна, обозначили новый рубеж в отношении общества к сексу.

На основе анализа множества первоисточников Браун демонстрирует заметную роль женщин в Поздней античности в деле продвижения идеи сексуального отказа в качестве средства постижения Бога. Браун доказывает, что женщины были в значительной степени вовлечены в разные группы христианских движений, членство в которых принимали также и высшие слои аристократии.

К этому периоду относится появление культа святых, как феномена, который получил распространение первоначально среди женщин, а позднее и мужчин; в это

время начинается освящение деяний апостолов, вера в которых была непоколебима, и которая кристаллизуется в христианстве еще во времена гонений.

Во втором разделе книги «Аскетизм и общество в Восточной империи» автор раскрывает традиции духовного руководства, связанного с пустынными отцами, которые приехали в Египет и в другие места, чтобы просвещать новые земли и утверждать аскетическую практику. Эта часть посвящена времени от Константина до конца V в. на Востоке. В главе «Дочери Иерусалима: аскетический образ жизни женщин в IV в.» Браун приводит обилие примеров женщин, вступивших на путь сексуального отречения – это девственница Макрина, сестра Григория Нисского, Мелания Старшая и Олимпиада в Константинополе, которые предпочли остаться вдовами после брака с язычниками.

Третья часть книги «От Амвросия до Августина» делает упор на практику аскетизма на Западе Римской империи, где автор сосредоточивает свое внимание на латинской святоотеческой традиции, с акцентом на знаковые фигуры Амвросия, Иеронима и Августина Блаженного.

Свое повествование автор начинает с предшественника Августина – Амвросия Медиоланского. Амвросий не только стремился защитить непорочное зачатие, но и отстаивал пожизненную девственность в противоположность другим христианам. Браун подчеркивает, что Иероним, который более известен как переводчик Библии в своей первой версии латинской Вульгаты, играет не менее важную роль в зарождении нового отношения к человеческой сексуальности. По мнению Брауна, Иероним внес большой вклад в интерпретацию понятия сексуальности и разграничил апостольские понятия «плоть» и «дух». Автор акцентирует внимание на том, что в этот период происходит необратимый поворот к отрицанию сексуальности человека. Это время Браун выделяет как переходный период развития христианства и характеризует его глубокими переменами сексуальной психологии.

Именно в ранней церкви были заложены основы сексуального отказа. На протяжении всего периода Раннего христианства предпринимались попытки сформировать концепцию сексуального воздержания. Одним из таких примеров является сочинение «Против Иовиниана» Иеронима. Но реакция христианского клира на это была неоднозначна. Многие христиане были сбиты с толку и возмущены столь радикальными предложениями Иеронима, одного из наиболее красноречивых проповедников христианства. Существовали и примеры горечи и разочарования членов аскетического движения. Бывшие монахи из города Верцеллы отказались принять монаха в качестве епископа города и, тем самым, бросили вызов Амвросию, который выдвинул его кандидатуру. Мы встречаем Тибериана, епископа в южной Испании, в коротком и сдержанном упоминании Иеронима. Какое-то время Тибериан был в движении присциллиан. Он даже перенес изгнание. Позже он потерял веру в своих радикальных друзей, воздержание плоти больше не было лозунгом его жизни: «поскольку пес возвращается к своей блевотине», он женился на девственнице, посвященной Христу².

Мы мало знаем о прочных следах античной оргиастики у христиан Поздней античности, но их должно было быть весьма много. Когда Иероним служил секретарем Папы Дамаса в Риме, в 384 г., он засвидетельствовал странные похороны. Муж, уже имевший 20 жен, хоронил жену, которая имела 22-х мужей. Муж возглавлял процессию вокруг ее катафалка, «коронованный и несущий пальму победы, в кругу всех горожан, поющих античный гимн»³.

Столетие спустя, в 495 г., празднества луперкалий – архаичного, языческого обряда, связанного с изобилием и с хорошим поведением городских женщин – были

² Hieron. De viris illustribus 123 // P.L. 23. 711.

³ Hieron. Epist. 123.10 // P.L. 22. 1052-1053.

теперь оживлены частушками о супружеских изменах римского духовенства⁴. В это же время многие римляне были убеждены, что Папа Римский держал у себя женщину-хозяйку, известную в городе как Кондитария – «Сахар и Специя»⁵.

С V в. лидеры христианской церкви начинают развитие новых взглядов. В это время повторно подвергается сильному изменению древнее обозначение понятия «человек», оно было переосмыслено с разных сторон. Христианские понятия сексуальности имели тенденцию отдаляться от личности человека, важна была свобода от мира физиологических потребностей. Вид гениталий, пламенный дух, развязанный в половом акте, больше не рассматривались, как в античном мире, с почтением. Сексуальность не являлась космической энергией, которая связывала людей и с плодородными стадами, и со сверкающими звездами. Ничто более не было более греховно и отрицательно для епископов Западной Римской империи, чем те случаи, в которых человек уподоблялся животному, то есть секс⁶.

Древние римляне знали, что свободный человек, невзирая на строгую гражданскую иерархию, отделявшую его от женщины, в сексе был свободен от иерархии: мог забавляться оральным сексом с ней, или предлагать себя, как женщина, для проникновения своему возлюбленному.

Помимо прочего христианство привнесло много древнееврейских взглядов об особенной сущности человека. Древнееврейский взгляд был склонен не обращать внимания на физические потребности тела, тем самым, оставляя беспокоящие напоминания о духовном родстве человека с животными. Сексуальное возбуждение и прочная, разносторонняя сила сексуальной фантазии привлекали внимание христианских аскетических мыслителей. В своей частной жизни они практиковали постоянный отказ от секса. В обществе их пример имел большой резонанс, что давало много поводов для сарказма от недоброжелателей, но также и распространяло славу об их чудесных деяниях. Иоанн Кассиан ассоциировал непорочность с даром «чистого сердца» и сам демонстрировал в своем теле убывание сексуального желания. Но этот дар был получен через борьбу с сердцем непосредственно в медленном и сложном отказе от плотских желаний. Августин не соглашался с Иоанном Кассианом, он считал, что самые скромные детали опыта сексуальности для тела — эрекция, импотенция, оргазм, и бессознательный позор — отражали духовную несостоятельность желания, более решительного и безвозвратного⁷.

Запреты, взятые из книги Левит, были поддержаны большинством христиан восточного Средиземноморья. Епископ III в. Дионисий Александрийский, ученик Оригена, писал, что нет нужды говорить женщинам в период менструации, чтобы они держались подальше от евхаристии, так как хорошим христианкам не нужны были напоминания о столь очевидном запрете⁸. Временное закрытие доступа к алтарю из-за менструации среди женщин и эякуляции среди мужчин, подчеркивало особое положение людей. Становилось очевидным, что человеческая жизнь находится между природой и обществом. Христиане защищали человеческое сакральное пространство от бесформенного, простого, биологического, от продуктов тела, которые периодически напоминали верующим об их нерасторжимой связи с миром природы.

Человеческое тело больше не было определено как место или звено в большой цепи жизни. Не поощрялось разделять удовольствия, присущие миру животных, которым можно было бы потакать откровенно. В западно-христианской традиции человеческая плоть является в качестве проявления слабой воли. Ее уязвимость для ис-

⁴ Geiasius. Ad Andromachum 2 // Pomarés, G. (ed.). Géglise 1er: Lettre contre les de Lupercales. P., 1959. P. 162.

⁵ Chadwick H. Boethius. Oxf., 1981. P. 32.

⁶ Brown P. The Body and Society: Men, Women, and Sexual Renunciation in Early Christianity. P. 432.

⁷ Ibid. P. 433.

⁸ Dionysius Alexandrin. Canonic. Epist. 2 // Patrologia Graeca. 10. 1281 A.

кушения, смерти, удовлетворения была крайне уместна для конкретизации безвольности и слабости воли Адама⁹.

К середине V столетия повсюду по христианскому Востоку устоялись отношения между мужчинами и женщинами, которые не имели земли и супругов, в больших закрытых мужских и женских монастырях, которые были встроены в песчаное плато Египта, на вершинах гор, затаившись в укромных уголках или между городами, в гротах, вырезанных в утесах или в горных образованиях. Монахи и монахини разъяснили, что, по крайней мере, для некоторых христиан, царство небесное уже наступило: они живут в мире без брака и без частной собственности. При поездке от Иерусалима до Иерихона, в эпоху императора Юстиниана, два молодых сирийских мальчика из хорошей семьи заметили монастыри, взгроможденные на утесах выше реки Иордан: «Кто эти мужчины, которые живут в зданиях там?» – один спросил своего друга. «Да ведь разве ты не знаешь? Они – ангелы Божии»¹⁰.

Количество пустынников, возможно, не было столь большим, как мы склонны думать, но в Афродито в VI столетии было 79 священников, 18 дьяконов, монахов и монахинь, и один столпник отшельник. В городе с плотностью населения меньше чем 2000 налогоплательщиков, это показывает раннее византийское общество с заметным духовным и аскетическим присутствием. Все же город, возможно, больше не защищал не состоящих в браке мужчин, как было в египетской деревне II столетия, где приблизительно у 10% мужчин не было никаких жен¹¹. Главное, что не состоящие в браке мужчины и женщины были теперь причислены к привилегированному классу: как монахи и монахини они не могли бы произвести детей для своего города, но и не могли претендовать на владение землей¹². Они несли в своих непреходящих личностях последний старинный миф о пустыне. Этот миф изменил отношение к телу, оно было лишено прежнего древнего уважения.

Молитвы, вознесенные монахами и посвященными девственницами, связывали небеса с землей в неощутимой цепи заступничества. Человеческая молитва, предлагаемая всем миром одному Богу, заменяла естественную космическую иерархию, которая, как думали, связывала землю через невидимый дух с Богом, который жил среди звезд. Египетские христиане теперь полагали, что высушенные, бесплодные организации монахов и девственниц заставили долину зацвести каждый год¹³. Когда Симеон Столпник постился в Великий пост, горшок чечевицы – его единственная еда в течение сорока дней, которую давали ему, была не съедена; тогда горожане сочли его сытым, и оставили его, но были удивлены и изумлены. Тогда возникли старцы и дьяконы, дававшие часть еды всем людям, с трех часов до девяти они раздавали ее, но еда была не исчерпана. Тогда они отправились к городским вдовам и насыпали им полные подолы¹⁴.

Даже в самых традиционных областях Средиземноморья город начал терять свою древнюю форму. Классическое понятие гражданского сообщества ослабло, это укрепляло христианских жителей городов. Христианские отношения к сексуальности нанесли смертельный удар древнему понятию города как тела. Проповедники надеялись, что тело свойственными для христианина качествами. Это больше не было нейтральное, неопределенное отражение мира природы, секс больше не рассматривался как право на существование, сексуальные отношения больше не подвергались граж-

⁹ Moralia 8.6.8 // P.L. 75. 805 CD.

¹⁰ Leontius Neapol. Vita Symeon. Sanct. Paup. 1 // Festugière A.J.; Ryden L. (eds.). Léonce de Neapolis: Vie de Symeon le Fou. P., 1974. P. 58, 109.

¹¹ MacCoull Leslie S.B. Notes on the Social Structure of late antique Aphrodito // Bulletin de la société d'archéologie copte. 1984. № 26. P. 65-77; Hopkins K. Brother-Sister Marriage in Roman Egypt // Comparative Studies of in Society and History. 1980. № 22. P. 333.

¹² Patlagean E. Pauvreté. P. 338-340.

¹³ Serapion Thmuis. Epist. Monach. 3 // P.G. 40. 929 A.

¹⁴ Vita Symeon. Stylit. // Lent F. (trans.). Journal of the American Oriental Society. 1915. № 35. P. 132.

данскому рассмотрению как статус и польза. Бог создал человеческое тело, и Адам привнес в него двойной позор смерти и вожделения¹⁵.

Новое отношение к наготы показало медленное изменение в коллективном мышлении в позднеантичном мире. Последние римские кодексы об одежде высшего сословия сделали социальное положение своих владельцев более явным, чем когда-либо прежде. Таким образом, они вкладывали в своеобразный футляр тело человека. Больше не демонстрировали тугую мускулатуру тела, признаки атлета и потенциального воина, все это больше не относилось к знаку высшего статуса сословия. Император больше не показывал свою бесспорную власть, позируя в обнаженном виде, таким образом выражая героическую непобедимость и то, что сближало его с бессмертными богами¹⁶. Блеск императорских одежд был смертной человеческой плотью, хрупким материалом, раздираемым теми же самыми страстями и желаниями и подвергающимся тому же самому сексуальному позору, также как и плоть нищего¹⁷.

Тело молодых мужчин больше не обладало периодом откровенно двуполой свободной игры прежде, чем город заставлял молодого человека жениться и стать гражданином. Духовные наставники теперь спрашивали молодого человека, потерял ли он свою девственность. Этот вопрос касался только женщин и возник для них тремя столетиями ранее. Мужчины теперь получили законы для тела, которые непосредственно ограничили их любовные ласки. Тело стало «священным храмом», предназначенным для Бога, к которому прикоснуться можно было только противоположному полу, и только чтобы произвести детей. В IV в. еще прослеживается по поступкам людей двойственное отношение к христианским ценностям, так один из императоров, верный своим привычкам, был изображен в виде статуи с гладкими щеками и тяжелыми волосами, напоминающими имперскую даму¹⁸.

Теперь продукты половых актов не лежали больше в нейтральной зоне, для будущей семьи было заранее определено отрицательное отношение к контрацепции, абортам. К VI столетию отца лишили древнего римского права, которое относилось еще к языческому времени, решать, принимает ли он новорожденного ребенка¹⁹. Тертуллиан лаконично выразил отношение христианства к этой традиции: «Что должно быть человеком, то является человеком»²⁰. Молодожены в античное время не задумывались об этом, зная о контрацепции и абортах²¹.

Изменения города затрагивали самые интимные аспекты жизни в браке. Делался акцент на роль Бога в формировании ребенка с момента зачатия его в матке; сам половой акт должен был избежать рационального контроля. Больше не был важен гражданский этикет, любезность и внимательность в общении, родители не играли роли в формировании характера своего ребенка. Правила евгеники пола провоцировали только гнев Бога. Те, у кого были сношения «как у крестьян», спя вместе по воскресеньям и в другие дни воздержания, породят лишь прокаженных и эпилептиков²².

Наблюдая мир из-за стен христианского домашнего хозяйства, мы видим только бедные человеческие тела в некоей деградации. Нищие были востребованы епископами и духовенством в каждом городе. Они говорили за все человечество – униженное потомство Адама, приближавшееся к Богу по своим страданиям, связан-

¹⁵ Brown P. *The Body and Society: Men, Women, and Sexual Renunciation in Early Christianity*. P. 437-438.

¹⁶ Marrou H.I. *Decadence romaine ou untuquite tardive?* P., 1977. P. 15-20.

¹⁷ Hieron. *Epist.* 77.6 // P.L. 22. 694.

¹⁸ Blanck H. *Wiederverwendung alter Statuen ats Ehrendenkmater bei Griechen und Romern*. Rome, 1969. S. 45, pl. 14-15.

¹⁹ *Codex Justinianus* 8.46.10.

²⁰ Tertullian. *Apologeticum* 9.8.

²¹ Noonan J.T. *Contraception*. Cambridge, 1965. P. 47-146.

²² Caesarius Arelat. *Sermon.* 44.7 // Morin, G. (ed.). *Corpus Christiunorum*. S. Latin. 103. Turnhout, 1953. P. 199.

ное общим позором сексуального вожделения и предназначенное для смерти. В четверг перед Страстной пятницей и во время других праздников бедные шествовали к общественным баням, новый слой граждан требовал общественной благосклонности. В банях они получали ритуальное мытье и массаж²³. Во время шествия они пели псалмы Богу, который, как они думали, был ближе к человечеству, когда его тело было обессилено и не исполняло своих физических функций. Это абсолютно противоречило взглядам в классическом городе. Парадоксально, но физическое тело стало объектом «одержимого сострадания»²⁴, постоянно испытывая жестокие наказания. В уголовных кодексах в Византии было разрешено использование физического наказания, но христиане рассматривали человеческое тело как «символ» сосредоточения божьей кары²⁵.

В конце V – VI столетиях, в то время как глубокие изменения претерпевали политическая и экономическая структуры городов Средиземноморья, одновременно в городе устанавливались христианские понятия. Они сформировали новый смысл общества и человека и его внутреннего мира, закрепили изменения, происходившие еще со времен Марка Аврелия. Это явление пояснил Жак Ле Гофф как «la deroute du corps» – категорический «уход от тела»; таким образом, это обозначило конец древнего мира и начало Средневековья²⁶. Для многих воздержание означало конец тирании «существующего времени». По словам Иоанна Златоуста, возможность пожизненной девственности говорит, что «идея о воскрешении совсем близка»²⁷.

У пустынных отцов дар истинного целомудрия сердца открылся постепенно в осознании волевого отказа от природных излишеств. Со времен Валентина и Оригена до Иеронима и Евагрия Понтийского, возникают предположения, что отношения между полами могут быть исключительно духовные. Но для Августина непреходящее сексуальное желание говорило об отсрочке его надежды на всеобщее Царствие небесное.

Суть моральных страданий христианского аскетизма состояла в факте, что нынешний человек был незаконченной моделью, предназначенной для преобразования в форму удивительного качества. Тело потребовало глубоких изменений и постоянного отказа от себя, если оно хотело обладать возвышенными чертами Христа. В мозаиках, датированных 400 г., римские христиане изображаются еще с классическим изяществом в соответствии с античными пропорциями, там переносятся тела Христа и святых в рай. Тела легче воздуха. Унылое бремя смерти покинуло их, а вместе с ним и физический вес. Они стоят на зеленой траве рая, теперь легко и свободно, и бросают взгляд в глубокой и ясной мечте на своих товарищей²⁸.

В общественном мире городов резкое отсутствие сексуальности в элитах церкви играло важную роль в коллективном образе христианского общества. Это вызвало на передний план целый ряд образов власти и возможностей единения среди западных и восточных христиан римского мира.

В раннехристианской церкви зарождался культ Девы Марии и девственных святых, что говорило об острой потребности в сопричастности к неиспорченным и прекрасным людям. Позднеантичные христиане акцентировали тот факт, что плоть Христа от его девственной матери имела связь естественную и непрерывную с человеческой. Христос был человеческой плотью, преображенной в строгом замысле. Обременительные недостатки, трудно исправляемые в обычных мужчинах и женщинах,

²³ Marrou H.I. *L'origine orientale des diaconies romaines* // *Patristique et Humanism*. P., 1976. P. 97-100.

²⁴ Patlagean E. *Pauvreté*. P. 430; Averincev S. *Notion de l'homme et tradition littéraire à Byzance* // *Studia medievali*. 1977. Ser. 3, 18. P. 25.

²⁵ Аверинцев С.С. *Поэтика ранневизантийской литературы*. М., 1984. С. 60-76; Patlagean E. *Byzance et le blason penal du corps*// *Du Chatiment dans la Cite*. Rome, 1984. P. 421.

²⁶ Le Goff J. *L'imaginaire medieval*. P., 1985. P. 123.

²⁷ Iohan Chrysostom. *De Virgin*. 73.1.6 // *Sources chrétiennes*. 125. P. 35.

²⁸ Gregor. *Nazianz. Orat*. 7.21 // P.G.35. 784 B.

уже отсутствовали в плоти Христа в связи с непорочным зачатием Девы Марии²⁹. Как указал Руфин из Аквилеи, рождение Христа от Марии не было никакой аномалией, также Афина родилась от головы Зевса, прорвав ее уже в готовом облике. В зачатии, рождении и учении Христа каждый человеческий физиологический процесс уважался, за исключением пылкого акта мужского произведения потомства и кровотечения матки во время менструации³⁰. В Поздней античности восприятие удивительного качества непорочного зачатия являлось тем более притягательным, потому что две сильных и обязательных связи нормального человеческого жизненного процесса были вычеркнуты из жизни организма. Жизнь Марии говорила об устойчивости человеческого тела, из которого был вычеркнут беспорядок, внесенный моральным падением Адама³¹. Девственницы церкви берегли свои тела как Мария – не портили их рождением детей, это было тело, «у которого есть знаки пола без его страшного дефекта»³².

Тело Марии было все же более совершенным, чем у других женщин. Ее тело родило ребенка, она кормила грудью как мать; и все же она не перенесла внутренних и внешних искажений. Мария получила слово Божье, она осталась чистой как настоящее золото³³. Подавление ассоциаций о нормальных половых сношениях и рождаемости заставили обратить внимание христиан на отношения, связанные с непорочным зачатием и общими понятиями жизни – воспитанием, сексуальными отношениями, целостности плоти и крови.

Роман Сладкопевец знал, что его собственная плоть была «плотью, извращенной природой». Он говорил, что его тело было столь же слабым, столь же неуловимым, сколько же безудержным, как те причудливые мысли, которые мелькали в его блуждающем уме. Пристально глядя на Тело Христа, он видел в нем все, в чем он испытывал недостаток. И все же он считал его тело плотью сородича, только появившегося из человеческой плоти девственницы³⁴. На символических изображениях VI в. Христос часто держал девственницу на коленях, показывая неразрывно связь с ее человеческой маткой³⁵. Это была связь с плотью, спасенной от всех извращений межличностных отношений. Именно такие взаимоотношения между людьми стали наиболее гармоничными, потому что соединяли в уме отрицательное отношение к половому акту. В гимнах и проповедях этого времени чувствуется большая надежда на скорое прибытие к падшему человеку Бога. Эти явления обозначили новый период в развитии Постклассического мира, Византии³⁶.

Таким образом, книга Питера Брауна совершила своеобразную революцию в понимании гендера в Поздней античности. Смена античного образа жизни христианским, античной сексуальности христианским аскетизмом произошла не в одночасье, а была длительным и сложным процессом, растянувшимся на несколько столетий. За менее чем четверть века, прошедшие после выхода эпохального труда П. Брауна, в мировой науке возникло целое направление исторических исследований гендера в христианском обществе, гендера в Византии. К сожалению, отечественная наука на постсоветском пространстве остается еще почти девственно чистой в разработке данных проблем³⁷.

²⁹ Brown P. *The Body and Society: Men, Women, and Sexual Renunciation in Early Christianity*. P. 444.

³⁰ Rufinus. *Expositio Symboli* 9 // *Corpus Christianorum* 20. P. 146-147.

³¹ Hieron. *Ad amicum aegrotum* 6 // P.L. 23. 83 B.

³² Leander Sevil. *De institutione virginum* // P.L. 72. 880 A.

³³ Maximus Turin. *Sermon*. 97.3 // *Corpus Christianorum* 23. P. 387-388.

³⁴ Roman. *Melod. Hymn*. 20.8.6; 22.8.6 // Grosdidier de Matons J.= Romanos le Melode. *Hymnes* // *Sources chrétiennes* 110, 144. P. 357, 378.

³⁵ Kitzinger E. *Byzantine Art in the Making*. Cambridge, 1977. P. 117-118, fig. 210; также см. коптские ткани с изображением Девы Марии из Кливлендского Музея Искусств: Shepherd D.G. *An Icon of the Virgin: A Sixth Century Tapestry Panel from Egypt* // *Bulletin of the Cleveland Museum of Art*. 1969. № 59. P. 90-120.

³⁶ Brown P. *The Body and Society: Men, Women, and Sexual Renunciation in Early Christianity*. P. 446.

³⁷ Болгов Н.Н., Смирницких Т.В., Сбитнева Ю.Н. *Частная жизнь женщины в Ранней Византии*. Белгород, 2009.

PETER BROWN AND HIS CONCEPTION OF BODY, SEX AND SEXUAL RELATIONS IN LATE ANTIQUITY («The Body and Society: Men, Women, and Sexual Renunciation in Early Christianity»)

D.G. EHYUPOVA

*Belgorod National Research
University*

e-mail: ehypova-diana@yandex.ru

The article deals with Peter Brown's conception, the British main Late Antiquity researcher, concerning the problems of human body, sex and sexual relations (by the book «The Body and the Society...»). The diversity of views on the stated problems in early Christianity are in the focus of the detailed consideration as well as the origin of Christian asceticism and the precondition of mental revolution of the late antique epoch which led to radical change from the antique orgiastic to the chastity and in sexual relations.

Key words: Late Antiquity, Christianity, sex, gender, sexual relations, body, asceticism.

УДК 930.1 (09); 930.9

ОБРАЗОВАНИЕ ПАРТИИ ПАКИСТАНСКОГО НАРОДА И ОЦЕНКА ЕЁ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПЕРВЫЕ МЕСЯЦЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ СОВЕТСКИМ ПОСОЛЬСТВОМ

И.Б. ДЕЖКИН*Липецкий государственный педагогический университет*

В 1967 г. была образована Партия пакистанского народа (ППН), которую организовал яркий пакистанский политик, бывший министр иностранных дел в администрации фельдмаршала Мухаммада Айюб-хана Зульфикар Али Бхутто. Этой партии было суждено трижды в последней трети XX в. находиться у власти, а с 2008 г. она вновь формирует правительство. В конце 60 – 70-х гг. XX в. партия позиционировала себя как левая политическая сила, выражающая интересы рабочих, крестьян, средних слоёв населения, хотя представители землевладельческой аристократии всегда занимали ключевые позиции в её руководстве. На первых порах партия активно использовала социалистические лозунги, однако впоследствии стала проводить весьма умеренную политику, всё более превращаясь в политическую организацию центристского толка. Практически с самого начала своей деятельности ППН превратилась в массовую и влиятельную силу на политической арене Пакистана. И не случайным является то обстоятельство, что сотрудники Посольства СССР в Пакистане сразу заметили новую партию и сделали попытку оценить её характер и программу, хотя до конца и не смогли разглядеть мощный потенциал ППН.

Ключевые слова: Партия пакистанского народа, Зульфикар Али Бхутто, «исламский социализм», Посольство СССР в Пакистане, Л.В. Шебаршин, справка Посольства СССР.

Вот уже на протяжении почти полувека одной из влиятельнейших политических сил Исламской Республики Пакистан, во многом противостоящей набирающему мощь исламскому фундаментализму, является Партия пакистанского народа (ППН), созданная харизматичным Зульфикаром Али Бхутто в конце 1967 г. В XX в. эта партия трижды – в 1971–1977, 1988–1990 и 1993–1997 гг. находилась у власти, но, даже находясь в оппозиции, сохраняла огромную популярность в массах. Особенно велико было воздействие ППН на политическую жизнь страны в конце 60 – 70-е годы, когда её лидером был основатель и первый председатель партии З.А. Бхутто, являвшийся главой государства с 20 декабря 1971 по 12 августа 1973 г., а затем занимавший пост премьер-министра вплоть до военного переворота 5 июля 1977 г. 4 апреля 1979 г. свергнутый лидер Пакистана был казнён, несмотря на протесты международной общественности и бурное возмущение в стране. Партию возглавила его вдова Нусрат, а затем – дочь покойного – Беназир Бхутто, дважды в конце XX в. формировавшая правительство страны, и дважды смещаемая с должности главы правительства президентскими указами. Беназир «очистила» партию от давних соратников своего отца, рассорилась даже с матерью и многими другими близкими родственниками, отказалась от левопопулистской риторики, широко применявшейся прежними руководителями партии и, в итоге, постоянно обвиняемая оппонентами в коррупции и злоупотреблениях, довела ППН до раскола. Однако, выдвижение партией демократических лозунгов в период авторитарного правления генерала Первеза Мушаррафа (1999–2008 гг.) и злодейское убийство только что вернувшейся из вынужденной эмиграции Беназир в декабре 2007 г., возвратило ППН былую популярность. С 2008 г. Партия пакистанского народа вновь у власти, а вдовец Беназир – Асиф Али Зардари занимает пост президента страны.

О создании Партии пакистанского народа было официально объявлено 30 ноября 1967 г. на национальном конвенте в Лахоре, в котором приняли участие три сот-

ни делегатов от провинции Западный Пакистан¹ (в Восточном Пакистане, который скоро в результате сецессии превратится в Народную Республику Бангладеш, деятельность партии Бхутто была практически незаметна). По словам пакистанского исследователя Тарика Али, Бхутто «начал создавать ППН с крохотной горсткой последователей»², включившихся в оппозиционную деятельность вслед за Зульфикаром, ещё недавно занимавшим должность министра иностранных дел, а затем и генерального секретаря правившей тогда партии Мусульманская лига. Среди первых соратников Бхутто были бывший секретарь МИД и посол Пакистана во Франции Джалалуддин Абдур Рахим, занявший в новой партии второй по значимости пост генерального секретаря, бывший студенческий лидер крупнейшего пакистанского города Карачи Мерадж Мохаммад Хан и «слегка неуравновешенный подхалим», – по выражению Тарика Али, – Ахмад Раза Касури. К ним тут же присоединились выходцы из Мусульманской лиги, крупные помещики Гулам Мустафа Хар и двоюродный брат Зульф리카ра – Мумтаз Али Бхутто. «Эта пёстрая группа, – продолжает Тарик Али, – имела мало общего, за исключением лояльности к лидеру и веры в его способность достичь высшей должности в стране»³. Впрочем, очень скоро молодая партия привлекла в свои ряды многих активистов расколотой на враждующие фракции левоопозиционной Национальной народной партии (ННП), которые были недовольны пассивностью одного её крыла во главе Абдул Вали-ханом и проправительственной позицией другого, возглавляемого ультралевым националистом Абдул-Хамидом Бхашани. Когда уже через год Бхутто стал главным трибуном оппозиции действующему президенту Айюб-хану, ППН быстро превратилась в массовую партию с очень пёстрым социальным составом.

С самого начала деятельности ППН её социальную базу составляли крестьяне, рабочие, студенты, средние городские слои, а в руководстве, наряду выходцами из этих социальных групп, особенно широко были представлены землевладельцы и племенная верхушка (к крупнейшим землевладельцам Пакистана относится и семья Бхутто). Последнее, впрочем, характерно практически для всех пакистанских партий – от правых до весьма радикальных левых. Тем не менее, сам З.А. Бхутто характеризовал ППН как «партию рабочего класса, крестьянства и студенчества, партию динамичную, революционную», которая будет бороться «за социализм и перераспределение богатств, за экономическую и социальную справедливость»⁴. Его риторика в тот период сочетала антиимпериалистическую и антикапиталистическую фразеологию с часто употребляемыми социалистическими лозунгами, что не могло не привлекать широкие слои простого народа и мелкобуржуазных групп, страдавших от пережитков феодализма, жёсткой капиталистической эксплуатации в условиях слаборазвитой, зависимой от западных держав экономики. Немалую поддержку партии принесла резкая критика существующей социально-экономической и политической системы, всевластия 22-х богатейших семейств, авторитарной политики режима Айюб-хана, находившегося у власти в 1958–1969 гг.

Тот факт, что ещё недавно З.А. Бхутто сам был одной из видных фигур режима, не мешал ему заявлять, что «правительство против студентов, против рабочих», что «рабочие несчастливы, студенты несчастливы, несчастлива беднота... Везде тирания, репрессии, волнения и расстройство. Все несчастливы, так как все живут в системе эксплуатации. Только Айюб-хан счастлив!». «Если в государстве такие дела, как тогда правительство правит?», – риторически вопрошал он⁵. «Богатства страны, – заявлял Бхутто, – концентрируются в руках 22-х семейств... Вы не найдёте такого и в Америке,

¹ Sharan P. Government of Pakistan. Development Working of the Political System. Meerut, 1975. P. 330.

² Ali T. Can Pakistan Survive? The Death of a State. Hurmond Sworth, 1983. P. 79.

³ Ibid.

⁴ Bhutto Z.A. Awakening the People. A Collection of Articles, Statements and Speeches. Karachi, 1970. P. 233.

⁵ Ibid. P. 45, 162.

хотя... американская экономика – капиталистическая. Разве Мусават – это когда у 22-х семейств богатства всей страны? **Вы** должны иметь участие **в вашем** богатстве, **ваших** заводах... Народ – истинный собственник своих национальных богатств». «Сменить несправедливую, эксплуататорскую систему и покончить с эксплуатацией может только социализм», – утверждал он⁶. Во время избирательной кампании 1970 г. среди предвыборных лозунгов ППН были и такие: «Кто разрушитель храмов капитализма и лендлордизма? Зульфикар Али Бхутто... Восток – красный и левый... Вставайте и очнитесь, бедные люди всего мира!», а ударным слоганом кампании стало требование партии стало требование «роти, макан ор капра» («хлеба, крова, одежды»)⁷.

При этом свою партию Бхутто считал орудием социальных перемен, а не социалистической революции. Он неоднократно подчёркивал, что, хотя ППН и «верит в научный социализм и бесклассовое общество», это не означает, что она должна следовать всему, что имеет место «при коммунистической системе»⁸. В ППН в первые годы её существования очень прочные позиции занимали разного рода левые и ультралевые (среди них и первый генсек партии Дж. А. Рахим), которые высказывались за «советскую форму диктатуры пролетариата», «всеобщую коллективизацию в аграрном секторе», «обобществление средств производства» и даже за «китайскую модель социализма», однако сам Бхутто, занимавший в партии центристские позиции, не разделял подобных подходов. Он отмечал, что «социалистическая экономика не означает коммунистической экономики», что «мы хотим скандинавский тип социализма в азиатских условиях». Оценивая свои взгляды, Бхутто говорил: «Я – настоящий социалист, социал-демократ, который верит в социализм Вилли Брандта или социализм английского типа... Социалистические лозунги в программе ППН не означают коммунизации общества», а «коммунизм – это крайняя форма социализма», – утверждал он⁹. Успокаивая частных собственников, лидер ППН заверял: «Наш социализм не собирается уничтожить частный сектор в экономике. Мы хотим его модернизировать и поставить на здоровую основу»¹⁰. Бхутто подчёркивал также, что он имеет в виду не классический западноевропейский тип «демократического социализма», а особый, «республиканский демократический социализм», соответствующий условиям Пакистана, его традициям и культуре¹¹.

С 1968 г. Бхутто начал регулярно употреблять выражение «исламский социализм» (иногда – «исламский демократический социализм»), стараясь привлечь к ППН как можно больше сторонников в стране, где мусульманская религия и исламские лозунги пользуются огромным влиянием. Он настоятельно подчёркивал, что требования социалистических преобразований в программе ППН не противоречат исламу, в противном случае он не был бы социалистом. «Я – прежде всего мусульманин, а потом – социалист», – говорил Бхутто¹². Он убеждал пакистанцев, что ислам и социализм вовсе не являются несовместимыми понятиями. «На самом деле, – отмечал Бхутто, – первые семена социализма были взлелеяны исламом... Ислам породил принципы и концепцию социализма..., проповедует Мусават (равенство), а социализм является современным способом его достижения... Когда говорят об антагониз-

⁶ Ibid. P. 45, 151, 153, 172, 193.

⁷ Цит. по: Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н. История Пакистана. XX век. М., 2008. С. 247.

⁸ АВП РФ. Ф. 117. Оп. 27. П. 41. Д. 6. Л. 3; Burki S.J. Pakistan under Bhutto. 1971–1977. L., 1980. P. 108; Bhutto Z.A. Speeches and Statements. Oct. 1, 1972 – Dec. 31, 1972. Karachi, 1972–1973. P. 157.

⁹ АВП РФ. Ф. 117. Оп. 23. П. 34. Д. 8. Л. 301; Оп. 24. П. 36. Д. 11. Л. 60; Sharan P. Op. cit. P. 344.

¹⁰ Цит. по: Васькин И. Партия пакистанского народа и её лидер З.А. Бхутто // Специальный бюллетень. Основные проблемы внутривнутриполитического развития и внешней политики Пакистана (1967 г.). № 8 (90). М., 1968. С. 160–168.

¹¹ Шерковина Р. Политическая обстановка в Пакистане в 1968 г. // Специальный бюллетень... С. 24; Ганковский Ю.В. Всеобщие выборы в Пакистане и внутривнутриполитическое развитие страны // Материалы Второго рабочего совещания по проблемам современного Пакистана (февраль 1971, Москва). М., 1971. С. 33.

¹² Там же; Bhutto Z.A. Awakening the People. P. 148.

ме между исламом и социализмом – это пропаганда, вызванная желанием продолжать эксплуатировать народ и высасывать из него кровь»¹³.

Формула ППН, закреплённая в программных документах партии, гласила: «Ислам – наша вера, демократия – наша форма правления, социализм – наша экономика. Вся власть народу!» Учитывая реалии пакистанской жизни, трудно осуждать Бхутто, когда он говорит: «За ислам мы готовы отдать наши жизни. Он – наша религия, основа Пакистана. Это бесспорно, и если какая-либо партия не сделает ислам столпом своей идеологии, это – не пакистанская партия. Это – инородная партия»¹⁴. Российский историк О.В. Плешов считает, что это не даёт оснований обвинять ППН и её лидера в симпатиях к исламскому фундаментализму. ППН была светской партией, а сам Бхутто – образованным светским человеком, понимавшим, однако, что ислам может служить действенным средством в политической борьбе и если им не воспользоваться, то оно будет направлено консервативными улемами против него самого. В определённой мере и религиозные принципы самого Бхутто также повлияли на его видение роли ислама в разрешении противоречий пакистанского общества¹⁵. С этим мнением трудно не согласиться.

Что касается программных установок ППН в вопросе о демократии, то Бхутто говорил, что народовластие не должно подменяться правлением старых эксплуататоров и капиталистов. «Мы, – заявлял он, – боремся за восстановление демократии, которая обеспечила бы защиту прав обездоленных... Поэтому ППН выступает за введение всеобщего, равного, прямого избирательного права»¹⁶. «Демократии, – убеждал он, – мы хотим так же сильно, как социализма... Социализм – высшее выражение демократии»¹⁷. При этом Бхутто обвиняли в том, что он обходил вопрос о форме правления и государственного устройства. Из ответов Бхутто своим оппонентам видно, что для него не было принципиальным, будет ли республика президентского или парламентского типа, как будут распределены полномочия между Центром и регионами. Определённо он лишь высказывался за демократическую республику и федеративное устройство, где Центр должен быть достаточно сильным¹⁸.

Формула «Ислам, демократия, социализм» была конкретизирована в программных документах партии: «Основополагающем документе» 1967 г., принятом на учредительном съезде Партии пакистанского народа, и более развёрнутом «Предвыборном манифесте», выпущенном к первым всеобщим выборам 1970 г.¹⁹ Программа ППН, которую Бхутто характеризовал как «революционную программу революционной партии» предусматривала осуществление широких экономических, социальных и демократических реформ, объективно направленных фактически на капиталистическую модернизацию страны, создание «смешанной экономики» с мощным госсектором и развитой системой социальных гарантий, проведение самостоятельной внешней политики. Она, в частности, предусматривала гарантии гражданских прав и свобод; введение всеобщего образования; национализацию финансов и ключевых отраслей промышленности; установление контроля над ценами; укрепление профсоюзов; обеспечение права на забастовки; установление гарантированного минимума заработной платы; борьбу с безработицей; осуществление аграрных преобразований, предполагающих отмену феодальных форм эксплуатации, перераспределение земли в пользу безземельной и малоземельной сельской бедноты, введение кооперации в сельском хозяйстве. Партия выступала за развитие системы здравоохранения; под-

¹³ Цит. по: Sharan P. Op. cit. P. 330; Bhutto Z.A. *Awakening the People*. P. 53, 179, 193.

¹⁴ Bhutto Z.A. *Awakening the People*. P. 44.

¹⁵ Плешов О.В. *Ислам и демократия*. М., 1997. С. 57.

¹⁶ Bhutto Z.A. *Awakening the People*. P. 77.

¹⁷ Ibid. P. 193, 94.

¹⁸ Rashiduzzaman M. *Pakistan's Election 1970 and Her Constitutional Dilemmas*. Columbia University, 1971. P. 6.

¹⁹ Foundation Document of the Pakistan People's Party. Lahore, 1967; Pakistan People's Party. *The Election Manifesto*. Lahore, 1970.

держку культуры, местных языков; обеспечение независимости судебных органов, автономии университетов, подлинного равноправия полов. В области внешней политики ППН обещала вывести Пакистан из военного блока СЕАТО; пресекать попытки иностранного вмешательства во внутренние дела Пакистана; вернуть Кашмир; развивать дружественные отношения, как со странами Запада, так и с государствами советского блока; особо подчёркивала необходимость укрепления дружбы с Китайской Народной Республикой.

Насколько последовательным был лидер ППН в осуществлении своих обещаний установить социалистический порядок в Пакистане в период своего пребывания у власти? Касаясь этой проблемы, исследователи расходятся во мнениях. Так, С.Н. Каушик и Х.Н. Гардези полагают, что Бхутто никогда не придавал серьёзного значения демократическим и социалистическим лозунгам²⁰. Ф. Джонс, С. Велиж, Р.П. Лонг считают, что бхуттовские обещания социалистической экономики были искренними²¹. Мы полагаем, что если и допустить, что Бхутто был убеждённым социалистом, во всяком случае, в начале своего руководства ППН, то всё же он вряд ли стремился осуществлять социалистические принципы на практике (впрочем, надо понимать, что трактовок социализма великое множество). Во всяком случае, нам представляется несомненным, что З.А. Бхутто испытывал сильное влияние со стороны своих более левых соратников по партии, окружавших его в первые годы существования ППН (таких, как Дж. А. Рахим, Мубашир Хасан, Шейх Мухаммед Рашид, Хуршид Хасан Мир). Они, в значительной степени, определяли социально-экономическую политику правительства Бхутто в период с декабря 1972 по октябрь 1974 г., на который приходятся наиболее решительные преобразования в социальной и экономической сферах, которые когда-либо видел независимый Пакистан.

После реорганизации правительства в октябре 1974 г. и ухода из него, а затем и из партийного руководства, ряда левых и ультралевых деятелей, социалистическая риторика почти исчезает из выступлений Бхутто и из программных документов партии. При Беназир идеологические установки ППН стали всё больше напоминать классические положения умеренного крыла европейских социал-демократов, произошёл почти полный отказ от левопопулистской риторики, а политика партии сместилась от левого центра к центристскому курсу. При этом организационная структура и стиль деятельности партии до сих пор заставляют характеризовать её как партию вождистского типа, что сильно отличает Партию пакистанского народа от традиционных социал-демократических партий Европы.

Образование новой партии во главе с хорошо известным в мире, в том числе и в СССР, блестяще образованным, динамичным и умевшим притягивать к себе массы лидером, к тому же широко прибегавшим к социалистической фразеологии, не могло остаться незамеченным сотрудниками дипломатической миссии Советского Союза в Пакистане. 2 марта 1968 г. вторым секретарём Посольства СССР в Пакистане, кадровым офицером КГБ Леонидом Владимировичем Шебаршиным для Министерства иностранных дел была подготовлена справка «О деятельности Народной партии Пакистана»²². О мотивах, которыми руководствовался Бхутто, создавая новую партию, в документе говорится, что бывший министр не мог довольствоваться второстепенной ролью в какой-либо из существующих политических партий. Он отдавал себе отчёт в том, что все без исключения оппозиционные партии раздираются внутренними противоречиями, их лидеры поглощены борьбой за влияние, партии не пользуются ав-

²⁰ См.: Kaushik S.N. Politics in Pakistan's. With Spec. Ref. to Rise a fall of Bhutto. Jaipur (s.a.). P. 4; Gardezi H.N. The Post-colonial State in South Asia: the Case of Pakistan // Pakistan and Asian Peace. New Delhi, 1985. P. 202.

²¹ См.: Jones P.E. Changing Party Structures in Pakistan from Muslim League to People's Party // Contemporary Pakistan: Politics, Economy and Society. Karachi, 1980. P. 130; Wellisz S. Some Remarks on Pakistan's Economic System. Before, During, and After the Bhutto Period // Ibid. P. 143; Lang R.P. The Land and People of Pakistan. N.Y., 1974. P. 82.

²² АВП РФ. Ф. 117. Оп. 21. П. 31. Д. 9. Л. 64–69.

торитетом в массах и не оказывают ощутимого воздействия на политическую жизнь страны. Вступление в какую-либо из этих партий, замечает аналитик, поставило бы Бхутто в один ряд с политиками старого поколения и лишило бы его самостоятельности. Созданием новой партии, пишет Шебаршин, Бхутто рассчитывал «сплотить вокруг себя те элементы, которые утратили веру в авторитарный режим Айюб-хана и в эффективность старых оппозиционных партий, которые, в какой-то степени, пришли или приходят к выводу о неприемлемости для Пакистана капиталистического пути развития, а также объединить представителей молодого поколения, воспитанного в духе пакистанского национализма и непримиримой враждебности к Индии. Сам Бхутто, – отмечает автор справки, – принадлежит к этому поколению. Его жёсткая позиция в кашмирском вопросе, решительная антииндийская настроенность в период после пакистано-индийской войны [1965 г. – И.Д.] привели к тому, что уже в то время крайние националистические круги молодёжи и интеллигенции, особенно в Западном Пакистане, увидели в нём своего возможного руководителя»²³.

Автор обращает внимание руководства МИД на то, что Бхутто «выдвинул прогрессивную программу внутренних преобразований в стране и своеобразную, в значительной степени конъюнктурную и одностороннюю внешнеполитическую программу». Если в области внутренней политики ППН ставит перед собой в качестве главной задачи «преобразование Пакистана в социалистическое общество»²⁴, то «внешнеполитическая программа партии Бхутто носит наиболее ярко выраженный националистический и антииндийский характер»²⁵. Далее автор справки сообщает, что ППН «категорически отвергает любой путь решения кашмирского вопроса, кроме проведения плебисцита и, более того, поднимает вопрос о правомерности вхождения Ассамы в состав Индии». Известно также, продолжает Шебаршин, что З.А. Бхутто как внутри страны, так и за рубежом давно «приобрёл репутацию сторонника сближения с КНР». Вместе с тем, «партия Бхутто выступает за выход Пакистана из СЕАТО и СЕНТО и отказ от двусторонних военных соглашений с США», – не забывает добавить дипломат²⁶.

В документе указывается, что, «выступая с прогрессивных позиций в социальной и экономической областях», ППН в то же время учла влияние исламской религии в стране и по примеру других политических партий решила использовать это в своих целях. Программа партии суммируется, пишет автор, в формуле «социализм, демократия и ислам». «Бхутто разъясняет, что под социализмом он подразумевает экономическую систему, под демократией – систему правления, подобную той, которая существует в некоторых западноевропейских странах» (при этом, замечает аналитик, намеренно обходится вопросом, за федеративное или унитарное государственное устройство, парламентскую или президентскую форму правления выступает партия), и под исламом понимается «идеологическая система, отвечающая духу пакистанского народа»²⁷. Промежуточными целями ППН, отмечает Л.В. Шебаршин, являются обеспечение основных гражданских прав и свобод, всеобщих и прямых выборов, «что, по существу, совпадает с основным требованием всех остальных оппозиционных партий»²⁸.

Шебаршин подчёркивает, что бывший министр проявляет особую заинтересованность в поддержке студенчества. Он считает, что учащаяся молодёжь может стать одной из решающих политических сил²⁹. Действительно, уже в резолюции учредительного съезда ППН констатировала, что «молодёжь является наиболее ценным достоянием Пакистана» и требовала отмены закона об университетах и всех осталь-

²³ АВП РФ. Ф. 117. Оп. 21. П. 31. Д. 9. Л. 64.

²⁴ Там же. Л. 65.

²⁵ Там же. Л. 66.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. Л. 67, 65.

²⁸ Там же. Л. 65.

²⁹ Там же. Л. 68.

ных законов, «ограничивающих свободу студентов и преподавателей». Да и позднее, в своём первом обращении к нации в качестве главы государства, З.А. Бхутто заверял учащуюся молодёжь в том, что со стороны его правительства не будет какого-либо вмешательства во внутренние дела студенчества, что ему будут предоставлены все возможности для процветания и развития, а «студенчество станет истинным хозяином своей судьбы»³⁰. Надо признать, это своё обещание правительство Бхутто не сдержало, осуществляя в период своего нахождения у власти жёсткий контроль над студенческим движением посредством партийных студенческих организаций и административного давления.

В справке посольства отмечается, что, в целом, Партия пакистанского народа «не представляет собой качественно новой для Пакистана организации», что она, «как и другие оппозиционные партии,... недооценивает будничную пропагандистскую и организационную работу среди населения», являясь, по существу, «пока лишь группой последователей Бхутто». Создав ППН, Бхутто, считает автор справки, «осуществил свою первоочередную цель – обеспечил свою независимость от остальных лидеров оппозиции и добился равного с ними положения»³¹.

Дипломат делает акцент на том обстоятельстве, что первые месяцы существования ППН показали ошибочность некоторых расчётов З.А. Бхутто – в частности, тех, что его партия может явиться тем инструментом, с помощью которого будет достигнуто единство оппозиции. Так, пишет Л. Шебаршин, Бхутто предложил созвать съезд представителей всех оппозиционных партий, однако эта инициатива «встретила холодный приём со стороны, как правых, так и прогрессивных политических деятелей, которые оказались не готовы признать за бывшим министром права на особое место в оппозиции», а некоторые даже подозревали, что создание Бхутто своей партии было чуть ли не инспирировано правительством с целью усиления раскола оппозиционных сил. Не оправдались, утверждает в справке, и ожидания экс-министра и на то, что ППН немедленно привлечёт на свою сторону многих деятелей ведущих оппозиционных партий: Народной лиги, Оппозиционной Мусульманской лиги, Национальной народной партии. С заявлениями о поддержке партии Бхутто выступили, мол, лишь несколько человек в Синде и Лахоре. В справке подчёркивается, что «Бхутто, который побывал во всех крупных городах Западного Пакистана, практически не удалось добиться создания сети местных организаций». Влияние этой поездки на политическую жизнь провинции оказалось невелико. Что же касается Восточного Пакистана, то «там новая партия, – справедливо замечает Шебаршин, – не имеет сколько-нибудь значительного круга сторонников». Далее секретарь посольства приводит мнение представителей местных политических кругов, что Бхутто намерен стремиться к достижению союза с прокитайской группировкой Бхашани в ННП, чтобы расширить своё влияние в провинции через эту партию. Таким образом, делает вывод автор справки, «первые шаги Бхутто в качестве лидера новой партии не дали тех результатов, которые ожидалось его сторонниками»³².

Учитывая всё вышеизложенное, нам представляется, что Леонид Шебаршин не слишком оптимистично оценивал политическое будущее ППН, рассматривая её как заурядную, в целом, партийную группировку. Как известно, время распорядилось по своему, и даже такой крупный аналитик, как тогдашний секретарь советского посольства, а впоследствии глава службы внешней разведки и один из высших руководителей КГБ СССР, не мог в начальную стадию социально-политического кризиса в Пакистане представить, какой силы достигнет волна оппозиционных настроений, вознесшая лидера ППН на вершину политической власти. Впрочем, мы не можем отказать Л. Шебаршину и в наблюдательности. Так, довольно интересно содержа-

³⁰ Замараева Н.А. Студенческое движение в Пакистане. М., 2005. С. 83; Pakistan Times, 21.12.1971.

³¹ АВП РФ. Ф. 117. Оп. 21. П. 31. Д. 9. Л. 69.

³² Там же. Л. 67–68.

щееся в справке указание на то, что правительство проявляет определённое беспокойство по поводу деятельности бывшего соратника президента Айюба, прибегает к различным мерам, чтобы затруднить её. «Проправительственная печать полностью замалчивает выступления Бхутто», всячески пытается дискредитировать его самого и созданную им партию, распуская компрометирующие экс-министра слухи, обвиняя, вместе с правой оппозицией, лидера ППН «в непонимании и неуважении ислама»³³, который является в Пакистане государственной религией. С помощью наёмных хулиганов было сорвано выступление лидера ППН в Мултане 16 января 1968 г., а 18 января была предпринята попытка задержать автомобиль Бхутто во время его поездки по стране³⁴.

Сотрудник посольства предполагает, и с ним трудно не согласиться, что беспокойство правящих кругов объясняется, главным образом, тем обстоятельством, что Бхутто пытается использовать в своих политических целях студентов, то время как «усилия правительства в последние годы были направлены на то, чтобы изолировать студенчество от политической жизни». ППН же «подрывает основы официального курса в этой области»³⁵. Судя по всему, президент Айюб-хан прекрасно понимал, что З.А. Бхутто может «открыть ящик Пандоры», и тогда его режиму может наступить быстрый конец.

Таким образом, мы видим, что рождение новой партии, которая уже через 4 года после возникновения станет не просто правящей, а абсолютно доминирующей в стране силой, было сразу замечено советскими дипломатами, которые проявили к этой организации должный интерес. Хотя представить, что ППН так быстро вырастет из общего ряда фрагментированных и не очень, мягко говоря, популярных оппозиционных партий Западного Пакистана в организацию, увлекшую за собой массы, в марте 1968 г, когда будущий генерал-лейтенант Л.В. Шебаршин представлял свою справку, было действительно трудно.

THE PAKISTAN PEOPLE PARTY'S FOUNDATION AND THE SOVIET AMBASSY IN PAKISTAN'S APPRECIATION OF ITS ACTIVITY IN THE FIRST MONTHS OF THE PARTY HISTORY

I.B. DEZHKIN

*Lipetsk State Pedagogical
University*

Pakistan People Party (PPP) was founded in 1967 by Zulfikar Ali Bhutto, the brilliant Pakistan politician, ex-minister of Foreign Policy in the administration of fieldmarshal Muhammad Ayub-khan. In the last thirty years of XX century this party was to be in power three times, in 2008 it again formed the governance. In the end of 1960–1970 PPP posicionized itself as a left power, expressed the interests of workers, peasants, middle class, though the key positions in its leadership always belong to aristocratic landowners. Firstly PPP actively used socialistic slogans, but later begun to promote moderate policy, became a centrist organization. Just from the very beginning of its activity PPP became a mass and influential actor on the political arena of Pakistan. It is not casual that the staff of Soviet Embassy in Pakistan soon noticed PPP and tried to appreciate its character, programme, though they failed to identify its perspectives and potential.

Key words: Pakistan People Party, Zulfikar Ali Bhutto, “islam socialism”, Embassy of the USSR in Pakistan, Leonid Vladimirovich Shabarshin.

³³ Там же. Л. 68–69.

³⁴ Там же. Л. 68.

³⁵ Там же.

УДК 94(510).092

ЧЖУ ДЭ О ПРОБЛЕМАХ ВОЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В КНР (1949-1954 ГГ.)

И.Е. ПОЖИЛОВ*Тамбовский государственный
университет им. Г.Р. Державина**e-mail: pozhilov1@yandex.ru*

В статье проанализированы основные аспекты военной деятельности Чжу Дэ после 1949 г. Родоначальник Народно-освободительной армии Китая (НОАК) с периода гражданской войны 1946-1949 гг. стал понемногу отходить на «вторую линию» партийного руководства, в том числе в вопросах управления вооруженными силами. Это не означало, однако, отстранения Чжу Дэ от участия в армейских делах. До 1954 г. он по-прежнему номинально являлся главкомом НОАК и зам-председателя Военного совета ЦК КПК, активно разрабатывал доктрину развития и укрепления национальной обороны, помогал преемникам в осуществлении модернизации войск.

Ключевые слова: Народно-освободительная армия Китая, руководство КПК вооруженными силами, Чжу Дэ.

Речь Мао Цзэдуна на церемонии провозглашения КНР 1 октября 1949 г., (если опустить в ней сообразные моменты декларации), казалось, была только и нацелена на то, чтобы ознакомить собравшихся на Тяньаньмэнь с именами тех, кому он доверил важнейшие посты в новом государстве. Действительно, кадровые вопросы были тщательно обдуманы и разрешены им задолго до победы. Если сам Председатель к «ритуальной», по его же собственному выражению, должности главы Народного Китая интереса не испытывал, ибо она ничего не прибавляла к его абсолютной власти в ставшей отныне правящей партии, то с соратниками дело обстояло несколько иначе. Надо было подобрать каждому из них соответствующий его талантам и опыту участок работы. Некоторым, учитывая их заслуги и преклонный возраст, требовалось подыскать что-то вроде синекуры.

Ветеран революции и бессменный главнокомандующий Народно-освободительной армией Чжу Дэ в первую очередь, на его взгляд, заслуживал такой «награды». Поначалу Мао даже предлагал назначить его председателем президиума Центрального народного правительства КНР. Однако должность пришлось занять ему самому. В итоге полководцу достался пост заместителя главы исполнительной власти¹.

Что касается военной работы Чжу Дэ, то этот вопрос оказался гораздо сложнее, чем казалось на первый взгляд, и главкомом НОАК он остался исключительно потому, что пользовался широкой известностью в обществе, не в пример всем остальным партийным и армейским руководителям. Членство в суньятсеновском Тунмэнхуэе и Гоминьдане, участие в двух революциях, генеральский чин в республиканской армии и звание «полного генерала» от Чан Кайши, знакомства с видными общественно-политическими и военными деятелями страны – все это играло на убедительность позитивного имиджа Чжу Дэ в глазах тех, кто колебался или с подозрением относился к новой власти. В то же время его имя всегда ассоциировалось прежде всего с вооруженными силами. Это важное обстоятельство также укладывалось в русло направляемого Мао Цзэдуном процесса выстраивания государственного фасада. С одной стороны, делегирование верховного военачальника в коалиционное правительство было призвано продемонстрировать уважение коммунистов к участникам единого фронта, с другой – дать понять им и противникам режима, что первые не

¹ Чжу Дэ цзышу [Автобиографические записки Чжу Дэ]. Пекин, 2007. С. 314.

должны питать иллюзий относительно пределов компромисса, а вторые – сомневаться в серьезности намерений КПК под корень выкосить контрреволюцию.

Как же полководец ощущал себя после Освобождения в армейских делах? Казалось бы, уж здесь-то он всегда мог найти точку опоры и поднять тонус любимым занятием (помимо поста зам. председателя правительства и главкома НОАК, Чжу Дэ выполнял бесчисленное количество других государственных, партийных и общественных обязанностей). Все, однако же, было не так просто. Хотя, в сущности, ничего неожиданного и непредсказуемого в его военной карьере не случилось. Еще в декабре 1936 г., когда Чжу Дэ на время выбыл из числа действующих полководцев, Чжан Готао мрачно пошутил, назвав его «главкомом без армии». Шутка вполне прозвучала бы и спустя 13 лет.

С завершением масштабных боевых действий в стране руководимая главкомандующим НОАК была поставлена под всеохватывающий контроль Военного совета ЦК КПК и лично Мао Цзэдуна как его председателя. Началась решительная борьба с проявлениями самостоятельности региональных военачальников и разноликостью служебных укладов подчиненных им войсковых группировок, в соответствии с которыми они жили в течение двух десятилетий и сейчас неохотно отказывались от былой вольницы.

В приветствии слушателям Военной академии в Нанкине (июль 1952 г.) Мао Цзэдун подчеркнул, что «в армии должны существовать единое командование, единый порядок, единое штатное расписание, единая дисциплина, единая комплексная боевая подготовка, а также организованность, плановость, точность...». Председатель знал, о чем говорил: в Общей программе Народного политического консультативного совета Китая (Временной конституции КНР) содержались те же положения и даже в той же формулировке, но, как видно, по прошествии трех лет местнические тенденции и разноречивость в НОАК еще не были изжиты. Для Мао, разумеется, абсолютная централизация вооруженных сил под его руководством являлась одной из самых важных политических задач периода. Без полного подчинения центру командования больших военных округов построить «революционизированную [идейно монолитную] армию» было невозможно².

Как следствие, военно-технические, военно-оперативные и вопросы боевой подготовки отводились на второй план, как бы громко о них не заявлялось. В армии опробовались и испытывались на эффективность все новые и новые идеологические кампании и способы «промывания мозгов». Наконец, армия продолжала (в течение последующих 30 лет) оставаться «рабочим отрядом партии», принимая участие в хозяйственном строительстве и не прекращая заниматься самообеспечением жизнедеятельности.

В ходе мероприятий по централизации военной машины КНР фактически перестало существовать Главное командование НОА, превратившись по сути в личный секретариат Чжу Дэ. Несмотря на то, что формально он в течение пяти лет после Освобождения являлся главкомандующим вооруженными силами, на деле его должность иначе как почетной назвать вряд ли представляется возможным. Это, разумеется, не исключало участия Чжу Дэ в военном строительстве, однако же, речь о его некой доминирующей (в сравнении с другими полководцами) и даже просто очень важной роли в данном процессе, как утверждается в отечественной литературе, просто исключается. Нет никаких оснований оспаривать общее мнение китайских историков о том, что с образованием КНР он «из-за преклонного возраста стал постепенно отходить на вторую линию и больше не нес главной ответственности за руководство армией». Причем, это утверждение касается не только оборонной сферы, но и всех прочих, которыми он занимался. В то же время сам Чжу Дэ считал, что «вторая линия» вовсе не означает пребывания на покое и требует также «полной отдачи со-

² Мао Цзэдун цзюньши вэньцзи [Военные документы Мао Цзэдуна]. Т.6. Пекин, 1993. С. 118.

ответственно оставшимся силам». Сил же порой хватало для того, чтобы показывать пример в решении государственных вопросов своим более молодым коллегам.

Организационное и оперативное управление видами вооруженных сил и родами войск отныне взял на себя прежде малозначимый Генеральный штаб, трансформированный сразу после 1949 г. в основной рабочий орган Военного совета. Генштаб под руководством Сюй Сянцзяня занялся и техническим перевооружением НОАК, модернизацией ее структуры и системы войскового обучения.

Через аппарат Военного совета под началом Чжоу Эньляя, Генштаб и командующих военными округами Мао Цзэдун руководил развернувшейся в 1951 г. внутренней тотальной войной с классовыми врагами, которым дали отсидеться до полного разгрома Гоминьдана, а также действиями Корпуса народных добровольцев в Корее. Уничтожительно называя себя профаном в экономических вопросах, в делах военных Мао Цзэдун ничуть не сомневался в своей компетентности и с высшими командирами перестал считаться вообще.

Наиболее показательным примером игнорирования им мнений военачальников служит процесс принятия решений, связанных с началом боевых действий на Корейском полуострове. Корейский конфликт, в который была вовлечена самая современная и мощная армия в мире, побудил Чжу Дэ самым пристальным образом отслеживать эволюционные перемены в способах применения видов вооруженных сил и родов войск в войне, характере боевых действий, оперативно-тактические новации и т.д. Делалось это, разумеется, не ради удовлетворения академического или чисто профессионального интереса – бои шли рядом с китайскими границами. Кто мог с точностью предсказать, изменится ли территориальный масштаб войны или состав ее участников? В этой связи, после тщательного изучения ситуации на корейском фронте и боеготовности НОАК, в первых числах сентября 1950 г. главком направил Мао Цзэдуну аналитическую записку с предложениями по подготовке вооруженных сил к возможному вовлечению их в конфликт.

Примечательно, что даже в преамбуле записки нет ни слова о традиционных преимуществах НОАК, которые сыграли бы определенную роль в борьбе с противником. Все семь изложенных Чжу Дэ рекомендаций сводились к одной, «наиважнейшей задаче»: максимум в течение трех лет завершить модернизацию вооруженных сил по основным их компонентам. В первую очередь речь шла об оснащении ВВС совершенным самолетным парком и подготовке более 10 тысяч военных летчиков, «отобранных из числа бойцов-героев сухопутных войск» в ряде вновь открываемых летных училищ. Вторым по значимости мероприятием главком считал наращивание сил флота, береговой обороны, а также создание частей морской пехоты для защиты приморских направлений. Третья составляющая ударной мощи НОАК – танковые войска. Здесь основным содержанием работы Чжу Дэ называет массовую подготовку кадровых специалистов с тем, чтобы «в случае войны оставалось бы только оснастить войска машинами новых образцов». Остальные задачи, согласно документу, относились к артиллерии, ПВО и войскам боевого обеспечения. Наконец, заключительный пункт письма касался общей линии в перестройке армии на ближайшее время – перестройки «большой части сухопутных сил в новые рода войск»³.

С началом боевых действий КНР в Корее Чжу Дэ включился в работу специального штаба во главе с Мао Цзэдуном, ставшего главным органом оперативно-тактического планирования и «консультирующей Пэн Дэхуая инстанцией»⁴.

Всей душой прикипевший к армии, но вынужденный большей частью заниматься скорее вопросами ее опеки, нежели реальным делом, Чжу Дэ все же хорошо знал, чем живут войска, как идет боевая учеба и готовятся кадры, какова ситуация с переоснащением частей оружием и боевой техникой. Инспекционные поездки в про-

³ Чжу Дэ цзюньши вэньсюань [Избранные военные документы Чжу Дэ]. Пекин, 1996. С. 754-755.

⁴ Гэньчжэ Мао Цзэдун да Тянься [Вместе с Мао Цзэдуном к завоеванию Поднебесной]. Т. 4. Чанша, 2009. С. 18.

винции всегда сопровождалась у него посещением штабов военных округов и отдельных соединений, академий и училищ. Свои соображения по военным вопросам главным образом постоянно направлял в форме докладов в Военный совет или персонально Мао Цзэду.

Встречи маршала с военнослужащими и визиты в войска продолжались (за вычетом 1967-1970 гг.) все оставшиеся годы жизни, какими бы суровыми политическими обстоятельствами они ни были осложнены. Полностью изолировать его от созданной им армии никто не посмел.

Вне зависимости от реального статуса в армейской иерархии Чжу Дэ оставался наиболее компетентным военачальником среди своих коллег и лучше большинства видел насущные проблемы вооруженных сил и пути повышения их боеготовности. Лучше хотя бы потому, что давно воспринимал армию как не делимое на вотчины единое целое. «Регионалы» же, при всех их похвальных попечениях, взирали на нее каждый со своей колокольни. Они так привыкли, и большего от них требовать было неуместно.

НОАК в начале 1950-х гг. представляла собой даже по меркам того времени армию, отсталую не только в техническом отношении и громоздкую организационно, но и из рук вон плохо подготовленную к ведению современной войны с точки зрения оперативно-тактической. О понятии «общевойсковой бой» слышали или знали очень немногие командиры и штабисты. Провести же его на местности являлось задачей практически невыполнимой в силу отсутствия у них навыков организации взаимодействия пехоты и артиллерии, из которых тогда только и состояли вооруженные силы КНР. Если стрелковые подразделения еще были способны обозначить некий боевой порядок, то артиллеристы не умели вести огонь с закрытых позиций, без чего все это не могло именоваться иначе, как партизанский налет. Современные виды сил (ВВС, ВМС) и рода войск (ПВО, БТВ) находились в зачаточном состоянии. Первые авиаполки и отряды боевых кораблей появились в НОАК исключительно благодаря решению высшего руководства о начале подготовки к десантной операции по захвату Тайваня, немыслимой без завоевания господства в воздухе и на море. Будь иначе, неизвестно, насколько бы затянулся этот процесс вообще. Убедительная и быстрая победа в гражданской войне вызвала у большинства командного (особенно старшего) состава преувеличенные представления о возможностях революционной армии сокращать врага, опираясь в основном на испытанные партизанские схемы и высокий моральный дух бойцов (последнее, следует заметить, для вооруженных сил КПК периода войны Освобождения является не таким уж бесспорным фактом хотя бы в связи со значительным пополнением войск политически абсолютно неграмотными крестьянами-новобранцами)⁵.

Чжу Дэ написал с десяток статей и произнес тысячи слов, призывая вооруженные силы к изучению передового военного опыта и овладению новым оружием. А тем временем советские учебники по тактике, пособия и наставления «преспокойно лежали на складах». Лишь в очень немногих соединениях и военно-учебных заведениях стараниями их командиров и начальников, понимавших необходимость всесторонней модернизации войск, наблюдался некоторый эффект, и дело кое-как сдвинулось с мертвой точки⁶.

Наиболее же поразительным в состоянии китайских вооруженных сил 1950-х гг. являлось непонимание ни рядовым, ни командным составом непреложной ценности и необходимости боевых и воинских уставов, без чего регулярная армия немыслима. Пройдя трудный и долгий путь к войскам, уставы НОАК даже в малой мере не воспринимались личным составом как сердцевина организации всей воинской жизни.

⁵ Семенов Г.Г. Три года в Пекине (Записки военного советника). М., 1980. С. 110, 112, 369-370.

⁶ Чжу Дэ сюаньцзи [Избранные произведения Чжу Дэ]. Пекин, 1983. С. 274-278, 298-301, 302-307; Семенов Г.Г. Указ. соч. С. 146.

«...Какого-либо заметного влияния на жизнь армии, – пишет очень склонный к эвфемизмам Г.Г. Семенов, – уставы не оказывали»⁷.

В высказываниях Чжу Дэ, если опустить штампы, заслуживают внимания некоторые моменты, которые объясняют причины застойных явлений в армейской среде и затрагивают более серьезные тенденции в настроениях внутри кадровой прослойки партии. В частности, он говорит о низком образовательном уровне личного состава и командиров, что значительно затрудняло качественное изучение и применение современных вооружений (самолетов, корабельных систем, РЛС и пр.). Особой трагедии, правда, Чжу Дэ в этом не усматривает, поскольку упорная учеба, по его убеждению, непременно даст желаемый результат. Другое дело, как явствует из его выступлений, «высокомерие» и «пренебрежительное отношение у части кадров» к знанию и его носителям – молодым техническим специалистам и бывшим военнослужащим гоминьдановской армии, которые в основном-то и обслуживали сложную боевую технику. Кадровый революционный люмпен с ружьем, как видно, особого желанья учиться не испытывал ни тогда, ни позднее. «Пример» ему в этом показывали многие высшие военачальники, предпочитавшие заниматься любыми партийными, политическими или общественными делами, но не обучением войск и, тем более, не садиться за академическую парту самим⁸.

В одном из выступлений перед младшими командирами Чжу Дэ даже поставил вопрос о «зазнайстве старых военных кадров» в политическую плоскость, назвав это «в высшей степени опасным образом мыслей», так как некоторые из них договорились до того, что, оказывается, «[нашу] партию создала армия»⁹.

Какое-то позитивное влияние на ситуацию разъяснительная работа Чжу Дэ, наверное, имела, но по большому счету она все равно сводилась на нет реальной политикой руководства, явно противоречившей призывам главкома. Достаточно сказать, что в ежегодных планах обучения войск, разрабатываемых в Военном совете ЦК КПК, вообще не предусматривалась оперативная подготовка командного состава и штабов всех уровней, т.е., как отмечает Г.Г. Семенов, эти вещи «считались необязательными»¹⁰.

В начале 1950-х гг. в НОАК прошли массовые репрессии в отношении бывших офицеров армии Гоминьдана, поднимавших восстания и переходивших на сторону КПК в последней гражданской войне, и кого горячо приветствовал тот же Чжу Дэ в своих полных радости телеграммах. «Бывших» не только «вычищали из рядов», но и тысячами расстреливали без суда и следствия¹¹. Главнокомандующий, разумеется, не мог не быть причастным к этим преступлениям, хотя и не разделял классовую ненависти, питаемой некоторыми его соратниками в Политбюро. Прямых доказательств его участия в репрессивных мероприятиях у нас, естественно, нет, зато есть многочисленные свидетельства того, что главком поддерживал и защищал профессионалов независимо от их социального происхождения и «идейных заблуждений прошлого», а также соответствующих рекомендаций сверху. По своей воле оставивших гоминьдановскую армию специалистов, считал он, надо «завоевывать [на свою сторону] и перевоспитывать»¹². В конце концов, Чжу Дэ сам был не из «исконно красных», и что такое «недоверие масс» он знал не понаслышке.

«Пролетаризация» 5-миллионной армии вызвала необходимость создания полноценной системы военно-учебных заведений. Чжу Дэ инициировал эту программу и взял ее под свой личный контроль. К 1957 г. в НОАК было сформировано более 100 военных училищ и академий для всех видов вооруженных сил и родов войск. Одновременно, в 1950-1953 гг. по призыву главкома в частях и соединениях

⁷ Семенов Г.Г. Указ.соч. С. 373-374.

⁸ Чжу Дэ сюаньцзи. С. 327.

⁹ Там же. С. 326.

¹⁰ Семенов Г.Г. Указ. соч. С. 370.

¹¹ Там же. С. 47-48, 60-62.

¹² Чжу Дэ сюаньцзи. С. 276.

развернулось массовое «движение за учебу, культуру, науку и технику», основная цель которого заключалась попросту в ликвидации неграмотности среди личного состава. В результате, согласно официальной статистике, знаниями в пределах начальной школы овладели 100% рядовых бойцов, а на уровень средней школы вышло большинство сержантского состава¹³.

Одной из важнейших проблем военного строительства, которая в своей неподъемности во весь рост встала перед лидерами КНР и постоянно находилась в поле зрения Чжу Дэ (хотя персональной ответственности за ее решение, насколько известно, он не нес), заключалась в необходимости в самые сжатые сроки обеспечить армию современным вооружением и боевой техникой, обучить личный состав применять их в бою. Зачастую в войсках толком не понимали заостренности обращений командования на технической стороне модернизации. Если во вновь создаваемые виды вооруженных сил техника поступала, то совсем другая картина наблюдалась в сухопутных войсках, главной ударной компоненте НОАК. Здесь в большинстве частей, кроме стрелкового оружия, других огневых средств и боевой техники не имелось даже спустя 20–25 лет, не говоря уже о начале 1950-х гг.

Чжу Дэ и его коллеги мало что могли изменить в складывавшейся ситуации, хотя настойчиво пытались радикально переломить ее в лучшую сторону. В сущности, достижения в этой сфере можно охарактеризовать собственными же словами главнокомандующего, не раз говорившего о том, что «теперь не надо бегать за трофеями, сами делаем». В иных условиях и такому можно было бы радоваться. Но настроение портит война в Корее. Столь огромных потерь, как на корейском фронте, вооруженные силы КПК не знали никогда.

Если соотношение по числу убитых и раненых со стороны НОАК и гоминьдановских войск в войне Освобождения составляло 1:5,3, то в войне в Корее («Добровольческий корпус» – Войска ООН) – 1:1,23 (данные, разумеется, китайские). Печально показательным для всех высших военачальников в Пекине стал воздушный налет американских ВВС на передовой командный пункт 112-й дивизии «образцового» 38-го корпуса 5 ноября 1950 г., в результате которого было уничтожено 272 человека, включая 68 офицеров от дивизионного звена и ниже. А как могло быть иначе, если всех «добровольцев» на полуострове поначалу защищал от ударов с воздуха всего один полк ПВО в 36 орудийных стволов?¹⁴

«Слабое владение техникой затрудняет умелое применение тактических приемов, а искусное владение – облегчает. Таким образом, первым делом надо освоить технику, после чего взяться за тактику, а уж затем – за взаимодействие различных родов войск... Нынешняя война в Корее преподнесла нам большой поучительный урок», – твердил Чжу Дэ с трибун. А надломленный пережитым в Корее Пэн Дэхуай фактически подал в отставку, таким образом попытавшись показать руководству, что НОАК к современной войне не готова. «...Наша армия была очень слабо вооружена, – вспоминал маршал. – У нас не было ни авиации, ни, тем более, зенитного прикрывающего от бомбардировок с воздуха. Нас обстреливали из дальнобойной артиллерии и уничтожали с самолетов днем и ночью...»¹⁵.

Горестные сетования полководца на слабое оснащение современным оружием и боевой техникой можно принять. Однако, китайские войска в Корее не имели в достатке даже самых обычных для того времени средств поражения. И гибли там солдаты НОА главным образом не от бомбовых ударов вражеской авиации (7–8% общего урона), в чем долгое время военное руководство КНР пыталось само себя убедить, но в результате артобстрелов (70–80%), поскольку артиллерия «добровольцев»

¹³ Ван Аньпин. Чжу Дэ цзяньшэ сяньдайхуа гофанцзюнь дэ сысян юй шицзянь [Идеи и практика Чжу Дэ относительно строительства современной армии национальной обороны] // Дандэ вэньсянь. 2007. № 1. С. 20.

¹⁴ Го Чжиган, Ли Синьминь. Ган шао ци до [Меньше стали – больше духа] // Цзюньши лиши. 2005. № 10. С. 42–43.

¹⁵ Пэн Дэхуай чжуань [Биография Пэн Дэхуая]. Пекин, 1997. С. 494–495.

из-за малой плотности огня и дальности стрельбы не могла обеспечить подавление огневых точек противника ни на малую, ни на большую глубину¹⁶.

Чжу Дэ, подобно Пэн Дэхуаю, наверняка тоже не снимал с себя вины за неоправданно тяжелые жертвы, но хлопнуть дверью и уйти – это было слишком. Тем более, если знаешь и понимаешь суть вопроса. Традиция героики и самопожертвования («славной» в данном контексте ее назвать язык не поворачивается) – «Меньше стали, больше духа!» – продолжала жить и... побеждать.

Быстрый перевод НОАК на качественно новый уровень оснащения и боеспособности, о чем мечтали не только Чжу Дэ и его боевой соратник, в то время был нереален, как точно так же были неосуществимы планы форсированной модернизации экономики. К тому же в военной сфере как нигде Китай полностью зависел от поставок современной техники из СССР и строительства оборонных заводов в стране по советской документации. Москва в первое время достаточной помощи КНР в этом плане оказать не могла как в силу своих небезграничных экономических возможностей, так и по политическим соображениям. Усиливать военный потенциал нового и непроверенного в деле союзника И. Сталин не спешил. «Младшему брату» поставляли в основном снимавшиеся с вооружения Советской Армии устаревшие образцы или те, что находились на консервации в мобилизационных запасах.

Другим немаловажным фактором торможения роста боевой оснащенности НОАК являлось фанатичное желание Мао Цзэдуна заполучить у Советского Союза ядерное оружие и тем самым отказаться, в сущности, от всех остальных дорогостоящих программ перевооружения, что официально объяснялось (начиная с 1953 г.) необходимостью сократить военные расходы и перенаправить высвободившиеся материальные и финансовые ресурсы на нужды хозяйства и социального развития.

Как и Мао, Чжу Дэ считал для Китая жизненно важной необходимостью иметь атомную бомбу. Но в отличие от Председателя он никогда не занимался циничной пропагандой войны – ни ядерной, ни обычной. В сентябре 1954 г. главком вместе с Пэн Дэхуаем наблюдал на Тоцком полигоне в Оренбургской области за войсковыми учениями Советской Армии с применением ОМП и видел мощнейший на ту пору ядерный взрыв и вызванные им чудовищные поражения. Главное, что он вынес из зрелища, это вывод, к которому вскоре пришел и оставался верным ему пожизненно: «Чем больше стран будут обладать атомным оружием, тем крепче будет мир на земле». Таким образом, маршал стал не противником распространения ядерных вооружений, а одним из первых среди политиков «сторонником предотвращения ядерной войны ядерным же оружием»¹⁷.

Чжу Дэ сразу после Освобождения обратился к пропаганде опыта СССР в военной области и советской военной науки. Как известно, кампания учебы у Советского Союза в Китае 1950-х гг. касалась практически всех сфер общественной жизни. Главком был одним из первых среди китайских руководителей, кто выдвинул лозунг брать пример со страны Октября. 16 июля 1949 г., выступая на учредительном собрании Общества китайско-советской дружбы в Пекине, он призвал «крепить китайско-советскую дружбу, добросовестно учиться у СССР, учиться [советскому] опыту в строительстве, науке и культуре на благо нашей великой родины»¹⁸. А публикацией статьи под многозначным заголовком «Учиться у великой Советской Армии» в журнале «Баи цзачжи» от 6 ноября 1952 г. Чжу Дэ формально дал старт кампании учебы у СССР в военной области. Движение «Учиться у Советской Армии» в НОАК развернулось с особенным размахом. Его итоги и последствия также не назовешь проходными как для многих военачальников, так и для вооруженных сил КНР в целом.

Главнокомандующий, оставаясь как всегда мудрым и осторожным человеком, понимал, что заимствование не может быть слепым и безграничным. «Советские

¹⁶ Го Чжиган, Ли Синьминь. Указ. соч. С. 44.

¹⁷ Чжу Дэ чжуань [Биография Чжу Дэ]. Пекин, 1993. С. 611.

¹⁸ Чжу Дэ няньпу [Биографическая хроника Чжу Дэ]. Т.2. Пекин, 2006. С. 1342.

вооруженные силы, – говорил он на одном из совещаний высшего командного состава, – лучшие во всем мире. Надо упорно изучать и использовать их достижения в стратегическом и оперативно-тактическом искусстве, надо изучать теорию и практические приемы использования ими различных видов оружия, средств связи, инженерного обеспечения, техники; надо изучать лучшие методы обучения и подготовки советских войск. В то же время [наша] народная армия в ходе революционных войн накопила свой богатый и полезный опыт, им следует дорожить и его развивать. Нельзя его отбрасывать и хвататься за все чужое, рассматривая заграничные знания только в хорошем свете. Некоторые вопросы в этой сфере следует очень хорошо обдумывать, а затем решать, как поступать... Полезно умело сочетать свои и другие достижения»¹⁹.

Чжу Дэ в отличие от ряда высших военачальников НОАК (Пэн Дэхуая, Лю Бочэна, Су Юя, Е Цзяньина и др.) прямо не подвергся критике и репрессалиям в ходе фактического подведения итогов оборонного строительства, состоявшегося на расширенном заседании Военного совета ЦК в мае-июне 1958 г. Уже 4 года как он не занимал в армии никаких постов, а, строго говоря, отошел от прямого участия в руководстве военной сферой еще раньше, с июня 1952 г., когда из Кореи вернулся Пэн Дэхуай, ставший ключевой фигурой в вооруженных силах. «В этом году, – процитируем его же высказывание, – у главнокомандующего Чжу дела стали очень важными, он не занимается простыми [армейскими] вопросами»²⁰.

Чжу Дэ присутствовал на этом заседании вместе с Председателем и выступил с речью 28 июня, то есть после Мао Цзэдуна, обрушившегося с уничтожающей критикой «догматиков» от армии. Выступление маршала было безупречным с любой точки зрения. В частности, он сказал, что пусть даже в будущем НОАК по оснащению превзойдет потенциального противника, «политические симпатии и антипатии людей все равно окажутся важнейшим фактором победы или поражения в войне»; вся армия, призывал он, должна серьезно изучать военные идеи Мао Цзэдуна и марксистско-ленинскую военную науку, бороться за модернизацию национальной обороны; «в изучении советского передового опыта нельзя все подгонять под заданные шаблоны», надо сочетать этот опыт с собственной практикой и учиться творчески. Тезисы Чжу Дэ, таким образом, полностью соответствовали сформулированной накануне официальной линии ЦК, гласившей: «В качестве компаса надо иметь военные идеи Мао Цзэдуна, увязывать учебу с практикой Китая, развивать славные традиции НОАК, и на этой основе учиться у Советской Армии»²¹.

В феврале 1953 г. главком в беседе с группой советских военных специалистов не поддержал их проект реорганизации ответственных за боевую подготовку и военно-учебные заведения главных управлений ГШ НОАК по своей схеме, которая совсем не учитывала китайских реалий. «Полностью следовать советскому образцу нельзя»²², – резюмировал он, не вдаваясь в объяснения.

Примером обратного свойства может служить то, что Чжу Дэ (вместе с Чжоу Энъяем и Не Жунчжэнем) всецело выступил в пользу принятия законов о всеобщей воинской обязанности, введении воинских званий, переходе на денежное довольствие командного и начальствующего состава, наградной системе (*сысян чжиду*), также предложенных советскими советниками. Причем на его позиции не сказалось скрытое противодействие «регуляризации» НОАК (законы именно это и означали) со стороны Мао Цзэдуна и прочих многочисленных адептов «добровольческой» армии. Председатель тогда не решился заблокировать проект коренной армейской реформы,

¹⁹ Галенович Ю.М. Россия – Китай – Америка. М., 2006. С. 182.

²⁰ Ван Ячжи. Хуэйгу юй сыкао [Воспоминания и размышления] // Гоцзи чжэнчжи яньцзю. 2005. № 1. С. 108.

²¹ Информационный бюллетень ИДВ АН СССР. Серия А: «Культурная революция» в Китае. Документы и материалы. Вып. 4. М., 1969. С. 203.

²² Ван Ячжи. Указ. соч. С. 107.

но уже с весны 1957 г. начал работу по ее отмене, а его клеветы занялись сбором компромата на тех, кто ее активно продвигал²³.

Главнокомандующий получил причитающуюся ему дозу остракизма за «противодействие» военным взглядам Мао позднее, когда «левые» перешли в наступление на всех фронтах политической борьбы. Тогда ему и припомнили многое из того, что он говорил не для широкой аудитории и что не совсем (или совсем не) совпадало с его июньскими сентенциями 1958 г. Например, такое: «Хорошие традиции нашей армии надо и сохранять, и критиковать. В прошлом офицеры обучали солдат, солдаты обучали офицеров, и это было по-марксистски, мы победили врага. А сейчас надо, чтобы офицеры обучали солдат, чтобы командир дивизии обучал командира полка, нечего связывать себя прошлым опытом». Или: «Нельзя одержать победу в последующих войнах, опираясь лишь на храбрость, надо овладевать техникой; командиры различных рангов должны осваивать искусство современного командования; требуется сочетание храбрости с техникой». Наконец, самое главное «преступление старого паршивца Чжу Дэ», на взгляд бесноватых радикалов, заключалось в том, что политическую работу он ставил в один ряд с тыловой, которые в совокупности должны были «обеспечивать выполнение планов боевой подготовки»²⁴.

С таким, в самом деле «ревизионистским», подходом к армейскому строительству Чжу Дэ не имел шансов реально участвовать в руководстве вооруженными силами. Немалую роль в фактической отставке основателя НОАК сыграл Линь Бяо,ждавший своего часа. В августе-сентябре 1959 г. после Лушаньского совещания ему удалось организовать мощную атаку на Чжу Дэ, но «свалить» подряд двух крупнейших армейских лидеров – такого в планах Мао не было. Будущему преемнику вождя пришлось поумерить свой пыл. Чжу Дэ, тем не менее, лишился поста заместителя председателя Военного совета. Как позднее констатировалось, на этом совещании Чжу Дэ «подвергся ошибочной критике».

Главком всегда довольно невозмутимо держался на публике, какой бы серьезной ни казалась обстановка на том или ином собрании, как бы ни ругали или ни хвалили его. Но бывало и по-другому.

27 сентября 1955 г. Чжу Дэ не смог скрыть переполнявших его чувств торжества и ликования. В тот день Мао Цзэдун вручал старейшему солдату народной армии знаки маршальского отличия и высшие ордена КНР.

Накануне в китайском обществе, живо обсуждавшем готовившиеся изменения в порядке прохождения службы в армии, ходили разные слухи относительно того, кому из известных полководцев будут присвоены самые высшие воинские звания и, разумеется, станет ли Мао обладателем полководческих регалий суперпробы. Любопытно, что народная молва оказалась весьма близка к предварительным решениям на сей счет.

Постоянный комитет ВСНП и Военный совет ЦК КПК представили на рассмотрение Председателю проект указа о введении в вооруженных силах двух категорий высшего воинского звания – главного маршала (генералиссимуса) и маршала КНР. Звание главного маршала предлагалось присвоить Мао Цзэдуну как председателю Военного совета, а остальным его членам (11 человек) – звание маршала. Поскольку Мао не согласился принять жезл полководца номер один, в последнюю редакцию проекта указа были внесены соответствующие поправки, и 23 сентября 1955 г. он вступил в силу. Теперь пункт 1 указа председателя КНР имел другое содержание: в нем речь шла о присвоении воинского звания «маршал КНР» Чжу Дэ. Впоследствии в официальных документах маршалы, как известно, перечислялись по количеству черт в фамильных иероглифах, но по умолчанию Чжу Дэ всегда, как и гласил указ, оставался первым. «В таком приподнятом настроении, как на торжественной цере-

²³ Ван Ячжи. Указ. соч. С. 114.

²⁴ Чжу Дэ чжуань. С. 695-696.

монии в Хуайжэньтане, -- вспоминает Чжу Минь, – я с тех пор его [отца] больше не видела»²⁵.

Чжу Дэ не мог не быть удовлетворен тем, как оценила родина его военные заслуги. И на этом, собственно, можно было бы завершить его полководческую историю. Однако в творческом наследии маршала наше внимание привлекло несколько раз промелькнувшее, но нигде в опубликованном так и не получившее развития упоминание о некоей «добродетельной армии» (*жэньи чжи ши*), в которую со временем, как ему мечталось, могли бы превратиться вооруженные силы КПК²⁶. Что это за армия, и почему выпестованная коммунистами, а значит, «совершенно правильная» НОАК еще далеко не доросла до «добродетельной»?

Ответ на вопрос, очевидно, следует искать в разработанной маршалом несколько позднее, в 1-й пол. 1960-х гг., общей концепции строительства «социализма китайской формы». Как считают историки КНР, именно она стала «исходной платформой» для принятия в постмаоистский период доктрины «социализма с китайской спецификой», которой руководствуется КПК и на современном этапе. Согласно доктрине, партия во главе всех государственных институтов, включая вооруженные силы, центральным принципом своей деятельности должна рассматривать «служение народному благу», а результаты работы – «оценивать мерой удовлетворения его чаяний».

ZHU DE ABOUT PROBLEMS OF MILITARY REFORMS IN PRC (1949-1954)

I.E. POZHILOV

*Tambov State University
n.a. G.P. Derzhavin*

e-mail: pozhilov1@yandex.ru

The article analyzes the main aspects of military activities of Zhu De after 1949. Progenitor of People's Liberation Army of China with the Civil War 1946-1949 became gradually fade into the «second line» of the party leadership, including the armed forces' control. This does not mean, however, the removal Zhu De from participation in military affairs. Prior to 1954 he is still nominally the Commander in chief of the PLA and deputy chairman of the Military Council of the CPC Central Committee, is actively developed the doctrine of the strengthening of national defense, helped the successors to implement the modernization of the armed forces.

Key words: Chinese People's Liberation Army, armed forces Party control, Zhu De.

²⁵ Го Чжиган. Гуаньюй синь чжунго юаньшуай цзюньсянь дэ пиндин вэньти [К вопросу о маршальских званиях в новом Китае] // Цзюньши лишэ. 2007. № 1. С. 33-35; Чжу Минь. Мой отец Чжу Дэ. Пекин, 2006. С. 258.

²⁶ Чжу Дэ сюаньцзи. С. 213.

УДК 94(100-87)

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ ФРГ ОБ УЧАСТИИ В УРЕГУЛИРОВАНИИ КОНФЛИКТА В ПЕРСИДСКОМ ЗАЛИВЕ 1990-1991 ГГ.

А.А. БОРОВИКОВА*Санкт-Петербургский
государственный университет**e-mail:**borovikova.alexandra@gmail.com*

В демократическом обществе при принятии решения об использовании вооруженных сил для урегулирования конфликтов невозможно не учитывать фактор общественного мнения, который часто непосредственно влияет на внутриполитическую дискуссию. Для объединенной Германии первым военно-стратегическим испытанием стал конфликт в Персидском заливе в 1990–1991 гг. Цель данной статьи – определить, как трансформировалось общественное мнение ФРГ по вопросу участия в урегулировании данного конфликта.

Ключевые слова: конфликт в Персидском заливе, общественное мнение, объединение Германии, военная стратегия ФРГ.

Каким образом принимаются решения об участии в международных операциях по урегулированию конфликтов? Если мы считаем государство унитарным актором международных отношений, действующим в соответствии со своими интересами, мы должны быть готовы к тому, что действия руководства страны не всегда могут быть объяснены. Чтобы понять мотивы поведения государства на международной арене, необходимо анализировать внутригосударственные процессы и учитывать взаимодействие противоречащих внутриполитических сил.

По форме правления ФРГ является парламентской демократией с системой пропорционального представительства. Поэтому при анализе решений ее руководства об участии в урегулировании конфликтов важно учитывать не только взаимодействие различных ветвей власти, но и фактор общественного мнения. Как верно указывает известный специалист в области международного права О.Н. Хлестов, «...В демократическом обществе органы государства должны отчитываться за свои действия, тем более такие, вследствие которых жизнь его граждан, носящих военную форму, может оказаться в опасности»¹. Хотя решение об использовании вооруженных сил принимается политическим руководством и в рамках юридических основ, которые существуют в государстве, общественное мнение может создавать предпосылки для решений и влиять на склонность руководства государства к использованию, либо отказу от использования силы. Данный тезис также подтверждает одна из авторов книги «Democratic accountability and the use of force in international law» К.А. Мингст, полагающая, что «намерение демократических правительств использовать силу или угрозу применения силы напрямую и в существенной степени согласуется с уровнем поддержки общества»².

Данная статья анализирует общественное мнение ФРГ об участии в урегулировании конфликта в Персидском заливе, который был первым стратегическим вызовом для единой Германии. В статье показано, как трансформировалось общественное мнение ФРГ по вопросу участия в урегулировании данного конфликта, формируя границы для вмешательства вооруженных сил в процесс международного урегулирования.

Для немецкого общества война в Персидском заливе стала импульсом, спровоцировавшим обсуждение новых потребностей в сфере обороны и безопасности по-

¹ Хлестов О.Н. Ответственность силы // Дипломатический Вестник. Март 2003 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.ln.mid.ru/dip_vest.nsf/

² Mingst K.A. Domestic political factors and decisions to use military forces // Democratic accountability and the use of force in international law/ Ed. by Ku Ch., Jacobson H.K. Cambridge, 2003. P. 70.

сле окончания холодной войны. Характеризуя влияние общества на решения правительства в начале 90-х гг., З. Юхас говорит, что «...общество было готово играть важную роль в принятии решений по внешней политике и политике безопасности»³, и, в то же время, «...желание правительства Германии участвовать в опасных военных миссиях, несомненно, было ограничено вероятной реакцией общества»⁴.

Каково же было отношение немцев к событиям, происходящим в Персидском заливе, и как оно трансформировалось в процессе урегулирования кризиса? Изначально, как и для большинства политических деятелей, для жителей ФРГ конфликт представлялся второстепенным в сравнении с процессом объединения и сопутствующими внутренними проблемами. «Летом 1990 г. для среднестатистического немца гораздо более важными были внутренние проблемы, которые воспринимались намного острее, чем отдаленная война»⁵ – пишет Дж. С. Лантис. К. Келлехер и К. Фишер также полагают, что после объединения Германии вопросы использования силы в международных отношениях для большинства граждан находились в нижней части списка политической повестки дня⁶. «В целом в немецком обществе после окончания холодной войны не было целостных представлений по вопросам безопасности, о роли военной силы в мировой политике и об обязательствах ФРГ по сохранению мира в Европе и за ее пределами»⁷.

Аналогично, в средствах массовой информации события в Персидском заливе освещались как нечто отдаленное⁸. Большинство населения внимательно следило за развитием валютного союза и стабильностью на рынке, важное место отводилось выборам в землях, назначенных на октябрь, и первым общегерманским выборам в декабре 1990 г.

В сознание немцев кризис проникал постепенно, вызывая смешанные настроения. В начале осени 1990 г. опросы общественного мнения показали, что, хотя большинство немцев поддерживают многосторонние усилия по изгнанию иракских войск из Кувейта, еще большее количество людей против непосредственного участия немцев в операции. Около 65% западногерманских респондентов заявили, что вторжение Ирака в Кувейт было нарушением международного права и поддержали усилия ООН по противодействию агрессии. При этом лишь 28% населения ФРГ полагало, что Германия должна участвовать в многонациональной миссии для защиты региона с использованием вооруженных сил, в то время как 70% было против прямого вмешательства Германии⁹. Министр иностранных дел ФРГ Г.-Д. Геншер охарактеризовал реакцию немецкого общества как слабую. Одновременно полагая, что правительство находится в такой же слабой позиции, он сделал вывод, что «участие в войне не стыкуется как с политическими целями, так и с настроениями общества»¹⁰. Р.Д. Асмус приводит в данном отношении характерное высказывание гражданина ФРГ: «Война – это то, что мы оставляем американцам»¹¹. На данном этапе поддержка обществом НАТО как важнейшей структуры, обеспечивающей безопасность ФРГ, достигла исторического минимума, составив всего 53% респондентов¹².

³ Juhasz Z. German Public Opinion and the use of force in the early 1990s // *Public Opinion and the International Use of Force*/ Ed. by P. Everts, P. Isernia. London, 2001. P. 59.

⁴ Ibid. P. 58.

⁵ Lantis J. S. Strategic dilemmas and the evolution of German foreign policy since unification. Westport, 2002. P. 25.

⁶ Kelleher C., Fisher C. Germany // *The defense policies of nations: a comparative study* / Ed. by D.J. Murray, P.R. Viotti. Baltimore, 1994. P. 161.

⁷ Ibid. P. 168.

⁸ Mingst K.A. Op. cit. P. 70.

⁹ “Wir haben die Faust geballt” // *Der Spiegel*. 36/1990 vom 03.09.1990. S. 176–179a.

¹⁰ Genscher H.-D. Statement of Foreign Minister on the meeting of the WEU and EPZ with respect to the situation at the Gulf // *Bulletin*. No. 102. 25.08.1990. P. 858–860.

¹¹ Asmus R.D. German Strategy and Opinion after the Wall 1990–1993. P. 61.

¹² Ibid. P. 60–61.

Как выражение растущего общественного протеста против военных действий в СМИ начали появляться истории о разногласиях в рядах армии. В одном из таких случаев несколько офицеров Люфтваффе, которым было приказано отправиться в Турцию в составе международного контингента, публично выступили с оппозицией правительственным действиям. Они заявили, что дислокация в Турции является неконституционной, так как эта страна еще не подверглась атаке. Поэтому, отправляя туда свои самолеты, Германия как раз может спровоцировать нежелательную реакцию Ирака¹³.

Период с ноября 1990 г. по начало января 1991 г. был отмечен широкомащштабным общественным протестом против участия ФРГ в урегулировании конфликта. Антивоенные демонстрации были проведены в крупнейших городах, и, по подсчетам, 200 тыс. человек собрались в Бонне 26 января 1991 г. для проведения одной из крупнейших акций протеста против войны в Персидском заливе¹⁴.

Однако интенсификация конфликта, как результат игнорирования Ираком резолюций Совета Безопасности, и возникшая угроза для Турции и Израиля изменили отношение к событиям. В течение второй половины января 1991 г. произошла резкая смена в оценке методов урегулирования кризиса. Согласно опросу, проведенному в середине января 1991 г., 79% немцев все еще считали, что применение силы против Ирака будет неправильным. Но другие социологические исследования показали, что 68% населения испытывает страх перед возможностью применения Ираком его химического и бактериологического оружия¹⁵.

Оппозиция немецкого общества использованию силовых методов противодействия агрессии резко сошла на нет после начала воздушной войны и применения Ираком ракет «Скад» против соседних стран, в том числе и Израиля. При активном освещении событий в СМИ, атаки Ирака спровоцировали полную трансформацию убеждений немцев о применении силы в войне. Выражаясь словами Р.Д. Асмуса, «Война в Персидском заливе разрушила иллюзию того, что любой конфликт может быть разрешен мирными средствами...»¹⁶. Ощущение ответственности в немецком обществе резко возросло, и протесты против использования силы в войне с Ираком сменились акциями в поддержку безопасности Израиля, осуждающими причастность Германии к наращиванию военной мощи Ирака¹⁷.

К началу февраля 1991 г. опросы показали, что подавляющее большинство немцев считают необходимым применить силу для изгнания иракских войск из Кувейта¹⁸. Роль ФРГ в урегулировании кризиса также была переосмыслена: 56% немцев поддержали отправку немецких военных в Турцию как выполнение необходимых обязательств в рамках НАТО. 35% были против подобных действий Германии¹⁹. Более того весной 1991 г. в обществе наблюдались сильные проамериканские настроения: 70% населения одобряли крепкие двусторонние связи. Поддержка НАТО как важнейшей структуры для обеспечения безопасности возросла до 69%²⁰.

После завершения процесса объединения кризис подтолкнул немецкое общество к размышлению о будущей роли ФРГ в международной политике. 59% респондентов заявили, что Германия должна проводить более активную внешнеполитиче-

¹³ Operation Wüstensturm; zweiter Golfkrieg – Alliierten gegen Irak: Friedensbemühungen // Archiv der Gegenwart. No. 2. 17–28 January 1991. S. 35266–35267.

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Umfragen zum Krieg // Die Zeit. 25 January 1991. P. 16.

¹⁶ Asmus R.D. Germany's Contribution to Peacekeeping: Issues and Outlook. P. 14.

¹⁷ Lantis J.S. Op. cit. P. 35.

¹⁸ Bedeutung der Bundeswehr seit Golfkrise wesentlich höher eingeschätzt. EMNID – Institut Umfrage // Stichworte zur Sicherheitspolitik. 02/1991. Bundesministerium der Verteidigung. Pressemitteilung 38. 08.02.1991. Bonn.

¹⁹ Ibid.

²⁰ Asmus R.D. German Strategy and Opinion after the Wall 1990–1993. P. 32.

скую линию. В 1991 г. агрессия Ирака побудила 58% респондентов одобрить участие Германии в гуманитарных операциях ООН²¹.

В исследовании общественного мнения ФРГ, проведенном в 1992 г., З. Юхас отмечает еще одну важную черту, характерную для общественного мнения Германии: в восточной и западной частях государства уровень поддержки военных действий в Персидском заливе существенно различался. В новых землях поддержка военной операции была почти на 20% ниже²². Согласно исследованию З. Юхаса, которое представляет более позднюю оценку событий, большая часть населения Германии сочла войну против Ирака оправданной и справедливой, хотя многие и были обеспокоены сопутствующими ущербом. Атаки антииракской коалиции в связи с отказом Ирака подчиниться резолюциям Совета Безопасности, снискали еще большую поддержку²³ (см. табл. 1).

Таким образом, можно выделить тенденции, которые обозначились в обществе в связи с событиями в Персидском заливе. Хотя исследования показали, что более 60% немцев считают применение военной силы против Ирака необходимым²⁴, в то же время население Германии достаточно холодно относилось к перспективе собственного участия в военных операциях. Опросы выявили негативное отношение большинства населения к внесению изменений в Основной закон для использования сил Бундесвера за пределами зоны ответственности НАТО (см. табл. 2)²⁵. По мнению Р.Д. Асмуса, даже самая идеальная операция вне зоны НАТО противоречила политической культуре сдержанности, поэтому у многих немцев вызывала своего рода внешнеполитический диссонанс²⁶. Было очевидно, что в общественном мнении Германии нет четко сформулированных убеждений относительно военно-стратегической концепции государства. Поэтому в момент принятия решений руководство страны вряд ли могло рассчитывать на поддержку твердых действий среди большинства граждан. Примечательно также, что скептическое и негативное отношение населения Германии к участию Бундесвера в операциях было ситуативно и компенсировалось согласием поддержать конкретные военные акции с учетом их легитимности.

В целом, противоречивых оценок и недовольства было не избежать. Споры о действиях правительства были достаточно острыми. Те, кто выступал за военное участие ФРГ, считали, что реакция и отправка солдат в Турцию не были достаточно решительными и демонстрировали нежелание утверждаться с помощью силы в международной политике. С другой стороны, критики участия Бундесвера в операциях полагали, что правительство неправомерно приняло решение по вопросу исторической важности. В итоге, быстрая победа в наземной операции против Ирака сгладила противоречия в обществе, и вопрос утратил свою остроту²⁷.

Общество, как и политическая элита, также не могло однозначно отреагировать на события в Персидском заливе. Точно можно сказать, что граждане ФРГ еще не были готовы участвовать в военных операциях вне зоны НАТО, и, в целом, скептически относились к использованию силы во внешней политике. Поэтому лидерам государства до конца не было понятно, как далеко общество готово идти в поддержке активной роли Германии на международной арене. Несмотря на важность фактора общественного мнения для военной политики государства, нельзя забывать о трудности его правильной и своевременной оценки, а также о реальной необходимости

²¹ Ibid. P. 63.

²² Juhasz Z. Op. cit. P.70.

²³ Ibid.

²⁴ Bedeutung der Bundeswehr seit Golfkrise wesentlich höher eingeschätzt. EMNID – Institut Umfrage.

²⁵ Ibid.

²⁶ Asmus R.D. German Strategy and Opinion after the Wall 1990–1993. P. 61.

²⁷ Spohr Readman K. Germany and the Baltic Problem After the Cold War: The Development of a New Ostpolitik, 1989–2000. London, 2004. P. 89.

принимать во внимание изменчивые, разноречивые, а порой и непоследовательные точки зрения.

Таблица 1

Отношение к миссиям ООН в Ираке²⁸

(на основе данных опроса общественного мнения, проведенного в период с лета по конец осени 1992 г.; общая сумма не всегда составляет 100% из-за погрешности при округлении)

	Военные действия против Ирака обоснованы (%)	Оценка военных действий антииракской коалиции (%)
Западные земли		
Одобрение	61	66
Воздержались от оценки	20	18
Неодобрение	20	15
Общее число респондентов	989	1133
Восточные земли		
Одобрение	44	48
Воздержались от оценки	24	21
Неодобрение	32	31
Общее число респондентов	959	1236

Таблица 2

Отношение немцев к изменению Основного закона²⁹

Октябрь 1990 г. – февраль 1991 г.

Вопрос: «Федеральный канцлер Гельмут Коль настаивает на изменении Основного закона после парламентских выборов, чтобы он разрешал участие вооруженных сил ФРГ в деятельности ООН. Согласны ли Вы с таким политическим курсом?» (%)

	Октябрь 1990 г.		Февраль 1991 г.	
	Западные земли	Восточные земли	Западные земли	Восточные земли
Согласен	24	19	36	16
Не согласен	55	53	49	66
Воздержусь	21	28	15	18

**GERMAN PUBLIC OPINION IN REGARD TO PARTICIPATION
IN THE PERSIAN GULF CONFLICT SETTLEMENT IN 1990 – 1991**

A.A. BORVIKOVA

Sankt-Petersburg State University

e-mail:

borovikova.alexandra@gmail.com

In a democratic society it is difficult to ignore the public opinion with regard to deployment of military forces for conflict settlement, which can directly affect the domestic political discussion. The military conflict in the Persian Gulf in 1990 – 1991 was a first military-strategic challenge for the united Germany. The article aims to identify the transformation of German public opinion regarding participation in the conflict settlement.

Key words: The Persian Gulf conflict, public opinion, German unification, military strategy of the FRG.

²⁸ Juhasz Z. Op. cit. P. 70.

²⁹ Noelle-Neumann E., Köcher R. Allensbacher Jahrbuch der Demoskopie 1994–1992. Munich: K. G. Saur, 1993. P. 962.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

УДК 94(47+57)«15»

ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙЦЕВ НА РУССКОЙ ВОЕННОЙ СЛУЖБЕ В XVI ВЕКЕ

О.В. СКОБЕЛКИН

*Воронежский государственный
университет*

e-mail: olegskob@mail.ru

В статье анализируется этнический состав западноевропейцев на русской военной службе в XVI в. В 1-й четверти столетия источники фиксируют присутствие, главным образом, итальянцев и немцев. Во 2-й половине века в русском войске появляются англичане, голландцы, датчане, французы, шведы и шотландцы. Основной причиной увеличения числа национальностей, чьи представители попадали на русскую военную службу, были Балтийские войны указанного периода.

Ключевые слова: западноевропейцы, военная служба, Россия, XVI век, этнический состав.

Возникновение в Восточной Европе в конце 70-х – 1-й половине 80-х гг. XVI в. нового политического образования – Российского государства, «Русии», «Московии» привело, с одной стороны, к кардинальным изменениям геополитической ситуации на континенте, а с другой – к возникновению в формирующихся структурах нового государства нового типа вооруженных сил. Их специфика обуславливалась теми вызовами, с которыми столкнулось Московское государство на своих границах. Если раньше Московское княжество имело дело лишь с татарами и литовцами, чей военно-технический уровень был практически аналогичен таковому в русских землях и княжествах, то теперь государю «всёа Русии» пришлось выставлять полки против армий государств, до которых уже докатывались волны западноевропейской «военной (или «пороховой») революции»¹. Неслучайно поэтому, что уже с первых лет су-

¹ Подробнее об этом см., например: Ayton A., Price J. L. Introduction: The Military Revolution from a Medieval Perspective // The Medieval Military Revolution: State, Society and Military Change in Medieval and Early Modern Europe. London; N.Y., 1998. P. 1–22; Jones C. New Military History for Old? War and Society in Early Modern Europe // European Studies Review. 1982. Vol. 12. Num. 1. P. 97–108; Parker G. The military revolution: military innovation and the rise of the West, 1500–1800. Cambr.; N. Rochelle; Melbourne; Sydney, 1988.

уществования Российского государства московские власти стали использовать западноевропейских военных специалистов, и с каждым десятилетием эта практика приобретала все большие масштабы.

В XVII в. практически все западноевропейцы в России назывались «немцы» (единственное число – «немчин»). Так они именуется в документах, составленных в московских приказах, воеводских приказных избах, в отписках полковых воевод. Точно также они называются и в челобитных, которые от их имени писали или русские подьячие, или их товарищи-иностранцы, владевшие русским языком. Единственным, кажется, исключением были очень немногочисленные выходцы из Франции: француза в то время называли обычно «француженин», и очень редко – «немчин». Если в документе указывается, «какой земли» данный иноземец («Аглинской», «Датцкой», «Ирлянской», «Шкотцкой» и т. д.), определить его этническую принадлежность несложно. Правда, исключением здесь являются выходцы с территории Империи («Цысарская земля» и «Цысарская область» русских документов), поскольку обилие национальностей среди подданных императора не позволяет отнести «Цысарские земли немчина» к какому-либо определенному этносу. В тех же случаях, когда в источниках упоминание «земли» отсутствует, определение этнической принадлежности служилого иноземца становится попросту невозможным.

Что касается XVI в., то здесь, к сожалению, отечественная источниковая база, содержащая информацию об иноземцах на русской военной службе, чрезвычайно скудна, в силу, прежде всего, того, что материалы делопроизводства до нас практически не дошли. Их отсутствие не могут компенсировать глухие и, как правило, крайне лапидарные упоминания о служивых «немцах» или «фрязах» в летописях и разрядных книгах. В этой ситуации особую ценность приобретают свидетельства иностранцев, побывавших в России в указанный период и включивших в свои сочинения информацию об иноземной составляющей русского войска. Кроме того, ценны эти сочинения еще и тем, что их авторы, рассказывая об иноземцах на русской службе, как правило, указывали либо национальность того или иного лица, либо перечисляли те нации, которые были представлены в иноземной части русского войска.

На русскую военную службу в XVI в. иностранцы попадали четырьмя путями: в мирное время их нанимали за границей русские дипломаты или же они сами приезжали в Россию с целью поступления на службу; во время же многочисленных войн, в которых Московское государство участвовало в указанный период, эти пути, как правило, оказывались перекрытыми, а иноземцы попадали в состав русского войска, переходя из армии противника на русскую сторону во время боевых действий или поступая на службу, оказавшись в русском плену.

Поначалу из числа западноевропейцев в Россию приглашали почти исключительно итальянцев. Первым таким специалистом следует, наверное, считать знаменитого Аристотеля Фиораванти. Его нанял и привез в Россию русский посол Семен Толбузин в 1475 г.²; о нем как о «мастере Аристотеле из Болоньи» упоминает посетивший Москву в 1476–1477 гг. Амброджо Контарини³. Вслед за Фиораванти для работы в России были наняты Павел (Паоло) Дебоссис, отливший в 1486 г. «пушку велику»; мастер Яков, приехавший в 1490 г. (чьи орудия впоследствии использовались при осаде Смоленска) и венецианец Петр, прибывший в Россию в том же году⁴.

В конце XV в. к итальянцам присоединяются немцы. В 1490 г. с посольством Ралевых приехала «целая свита» итальянских и немецких мастеров. Посольство Ралева и Карачарова в Италию в 1499–1500 гг. одной из целей имело приглашение ино-

² Хорошкевич А. Л. Русь и Крым. От союза к противостоянию. Конец XV – начало XVI вв. М., 2001. С. 82.

³ Контарини А. Путешествие в Персию // Барбаро и Контарини о России. М., 1971. С. 227.

⁴ Хорошкевич А. Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI в. М., 1980. С. 238–239; Зимин А. А. Россия на рубеже XV–XVI столетий: (Очерки социально-политической истории). М., 1982. С. 48–49, 74–75. А. А. Зимин полагал, что мастер-оружейник венецианец Пьетро прибыл в Россию в 1494 г. (Там же. С. 74–75.)

странных мастеров, которых русские послы привезли в 1504 г.⁵ Среди всех этих иноземных специалистов были и пушечные мастера-артиллеристы.

Во время русско-ливонской войны 1501–1503 гг. в ходе сражения у оз. Смолин (13 сентября 1502 г.)⁶ на русскую сторону перешел Лукас Хаммерштеттер, командовавший отрядом пехотинцев в войсках Ливонского ордена. По словам Сигизмунда Герберштейна, беседовавшего с ним во время своего второго пребывания в России в 1526 г., он «похвалялся, будто происходит <...> от герцогов брауншвейгских»⁷.

Возможно, что к немцам и итальянцам в начале XVI в. прибавились и шотландцы. В 1507 г. датский король направил в Россию корабль с большим количеством военных грузов, на котором были отправлены в Московию и четверо шотландских мастеров-артиллеристов.⁸ Однако добрались ли они до России и, если да, то чем занимались, остается неясным.

Под 1508/1509 г. одна из разрядных книг упоминает двух итальянских инженеров-фортификаторов: «<...> князь великий <...> Дорогобуж велел делать деревянной и послал с Москвы мастеров, фряз Вартоломея да Машробона»⁹.

В 1513 г. по распоряжению императора Максимилиана из Любека в Россию морем были отправлены отряд пехоты и нескольких итальянцев, имевших опыт в осаде крепостей¹⁰. Пехотинцы, скорее всего, были немцами.

Ситуацию, когда западноевропейцы были представлены итальянцами и немцами, зафиксировал Герберштейн, побывавший в России в 1517 и в 1526 гг.: «Теперь у государя есть пушечные литейщики, немцы и итальянцы, которые кроме пищалей и пушек льют также железные ядра <...>»¹¹.

Но, по-видимому, в конце 10-х – 1-й половине 20-х годов XVI в. итальянцы, все-таки, преобладали среди служилых иноземцев; не случайно Франческо да Колло, который находился в России в 1518 г., отметил, что «итальянцев же прежде всех уважают и любят»¹², а Паоло Джовио, со слов русского посла Дмитрия Герасимова, записал в 1525 г., что именно итальянские мастера отлили множество медных пушек, которые теперь находятся в Кремле»¹³.

Конечно, сведения Герберштейна об этническом составе иноземной части русского войска нельзя считать исчерпывающими. Имперский дипломат упоминает о национальной принадлежности только пушкарей; применительно к другим категориям служилых иноземцев он ничего не говорит об их национальности. В то же время, по данным А. Л. Хорошкевич, этническая картина уже в начале XVI в. была более пестрой: датчане участвовали в обороне Пскова от ливонцев, а в 1513 г. Михаил Глинский нанимал для русского войска воинов в Германии, Польше и Чехии¹⁴. Об одном датчанине – адмирале Северине Нордведе (Норби) – рассказывает и Герберштейн. Однако тот, пробыв в России некоторой время, на службу так и не поступил («здесь пользы от него не было никакой») и был отпущен восвояси¹⁵.

Тем не менее, для первой четверти XVI в., можно, по-видимому, с достаточной долей уверенности утверждать, что среди западноевропейцев на русской службе аб-

⁵ Хорошкевич А. Л.: 1) Русь и Крым. С. 83–84; 2) Русское государство... С. 239; Зимин А. А. Россия на рубеже XV–XVI столетий. С. 48–49, 180.

⁶ Казакова Н. А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV – начало XVI в. Л., 1975. С. 232–233.

⁷ Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988. С. 198.

⁸ Казакова Н. А. Указ. соч. С. 303; Хорошкевич А. Л. Русское государство ... С. 39–40, 239.

⁹ Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 43.

¹⁰ Зимин А. А. Россия на пороге нового времени. (Очерки политической истории первой трети XVI в.) М., 1972. С. 153.

¹¹ Герберштейн С. Указ. соч. С. 116.

¹² Колло Ф. да. Доношение о Московии. М., 1996. С. 58.

¹³ Иовий П. Посольство от Василия Иоанновича, великого князя Московского, к папе Клименту VII // Библиотека иностранных писателей о России. СПб., 1836. Отд. 1. Т. 1. С. 54.

¹⁴ Хорошкевич А. Л. Русское государство ... С. 233.

¹⁵ Герберштейн С. Указ соч. С. 108; 315, прим. 301.

солютно преобладали итальянцы и германцы, а выходцы из других стран и земель Западной Европы, если и были, то, скорее, как единичные исключения из общего правила. Что же касается 2-й четверти столетия, то здесь, к сожалению, в распоряжении исследователя нет источников, которые содержали бы более или менее репрезентативную информацию об иноземцах в русском войске. Лишь во 2-й половине века вновь появляются тексты, позволяющие реконструировать этнический состав иноземцев на русской службе. Анализ этих источников показывает, что на протяжении указанного периода в иноземной части русского войска произошли принципиальные изменения

Во-первых, практически исчезают упоминания об итальянцах. По мнению А. Л. Хорошкевич, связано это было с многочисленными русско-литовскими войнами, которые затрудняли наем военных на Апеннинском полуострове, а также женитьбой польского короля Сигизмунда в 1518 г. на представительнице миланского герцогского дома Сфорца, сделавшей центром притяжения итальянцев Польшу¹⁶.

Правда, Джованни Тедалди, рассказывавший в 1581 г. Антонио Поссевино о России, говорил, что «всего больше у него (Ивана Грозного – О. С.) итальянцев, которых он зовет фрягами и держит за их искусство; за это, по его словам, он их и любит»¹⁷. Тедалди первый раз приехал в Россию в 1551 г. и жил там до 1554 г. Затем, на протяжении последующих десяти или одиннадцати лет, итальянец ненадолго приезжал в Московское государство десять или одиннадцать раз. В момент разговора с Поссевино ему было 78 лет. Учитывая свойства человеческой памяти, можно с достаточной долей уверенности предположить, что основная часть сообщенных им сведений относится к его первой, самой длительной, поездке в Россию, т. е. к 1-й половине 50-х гг. XVI в. Таким образом, обилие итальянцев на службе русского царя, в сравнении с количеством представителей других народов Европы, имело место, скорее всего, в самом начале 2-й половины XVI в.

Какое-то, видимо, очень незначительное, количество итальянцев присутствовало в русском войске и в последующие десятилетия XVI в. Кажется, единственным свидетельством этого служит упоминание Рафаэля Барберини (1565 г.) о двух пленных феррарцах, которые перешли на русскую военную службу и усиленно рекомендовали остаться на службе в России и самому Барберини¹⁸. (Возможно, что именно их имел в виду Тедалди, который в качестве подтверждения «любви» Ивана Грозного к итальянцам, привел случай, когда царь «однажды охотно простил каких-то братьев из Феррары, убивших товарища своего старшины»¹⁹.)

Другой особенностью 2-ой половины XVI в. было резкое увеличение количества выходцев из различных германских государств. Неизвестный автор «Донесения о Московии», сведения которого относятся, в основном, к 1557 г., (т. е., до начала Ливонской войны) говорит, что многочисленная русская артиллерия «ежедневно пополняется немецкими служащими, выписанными сюда на жалование», и что Иван Грозный по военным делам «часто советуется с немецкими капитанами»²⁰. Около двадцати немецких дворян, «знатного рода и хорошего имени» встретил на царском пиру в 1565 г. Барберини²¹. Генрих Штаден, живший в России в 1564–1576 гг., пишет, что «большая часть иноземцев на Москве теперь немцы, черкасские татары и литовцы»²². Сам Штаден, находившийся на русской службе в 1564–1576 гг., тоже был нем-

¹⁶ Хорошкевич А. Л. Русское государство ... С. 226.

¹⁷ Известия Джованни Тедалди о России времен Иоанна Грозного, [записанные с его слов А. Поссевино], СПб., 1891. С. 18.

¹⁸ [Барберини Р.] Путешествие в Московию Рафаэля Барберини в 1565 году // Сын отечества. 1842. № 6. Отд. 1. С. 5.

¹⁹ Известия Джованни Тедалди. С. 18.

²⁰ Донесение о Московии второй половины XVI века. М., 1913. С. 15.

²¹ [Барберини Р.] Путешествие в Московию Рафаэля Барберини в 1565 году // Сын отечества. 1842. № 7. Отд. 1. С. 18.

²² Штаден Г. Записки немца-опричника. М., 2002. С. 84.

цем, уроженцем Вестфалии. Иоанн Пернштейн, среди иноземцев, находившихся на службе Ивана Грозного в 1675 г., помимо поляков, называет только немцев²³. По некоторым известиям раннего сибирского летописания немцы были даже среди жителей строгановских городков и участвовали в походе Ермака²⁴ (хотя, здесь под «немцами» следует видеть, вслед за русскими людьми XVI–XVII вв., скорее всего, западноевропейцев вообще).

А. Л. Хорошкевич полагает, что базой для развития русско-немецких связей служили особенности социально-политического развития России по пути абсолютной монархии, определившего ее враждебность ко всякого рода гуманистическим настроениям, и укрепление контактов с контрреформацией Европы. Сношения с северо-немецкими городами, достигшие своего апогея в 90-х гг. XV в., возобновились после 1509 г. и особенно после 1514 г., в период заключения союза с Тевтонским орденом²⁵. Современник событий Даниэль Принц фон Бухау видел причину в личных пристрастиях Ивана Грозного: «немецких воинов он (Иван Грозный – О. С.) предпочитает всем остальным, и потому, если выходит на войну, особенно много заботится об их наборе и не щадит никаких издержек»²⁶. Однако, представляется, что основной причиной резкого притока германцев в русское войско во 2-й половине XVI в. были Балтийские войны – ливонцы, прежде всего, а также выходцы из других германских государств, служившие в армиях военных противников России, как пленные или как перебежчики попадали сначала в Московское государство, а затем – и на русскую военную службу²⁷.

В росписи «береговой» службы 1572 г. указано, что в большом полку, базой которого был Серпухов, «по вестям», т. е. при получении известий о татарской опасности, помимо дополнительных русских контингентов «быти Юрью Францбеку с немцы»²⁸. Юрий Францбек (или, по-другому, Францбеков) русских документов – это Юрген (или Георг) фон Фаренсбах, уроженец области Вик в Ливонии, в 1570 г., будучи главой охраны посольства от дворянских корпораций Вика и Эзеля к Ивану Грозному, был схвачен русскими властями за грабежи населения, привезен в Москву и посажен в тюрьму. Однако, через какое-то время, он был освобожден и принят на русскую службу²⁹.

Участвовали западноевропейцы и в знаменитой битве на Молодях в том же, 1572-м, году. В памяти воеводе князю М. И. Воротыньскому об организации обороны на Оке, указывалось, что помимо различных категорий русских служилых людей, под его командование направляются и «немцы»; причем, в случае форсирования татарами реки, следовало, для «промыслу» над неприятелем посылать, в том числе и «резвых людей неметцких». В другой памяти, адресованной воеводам М. И. Воротыньскому и И. В. Меньшому Шереметеву, говорится: «Царь и великий князь велел с ними (воеводами – О. С.) быть ротмистру Юрью Францбеку, а с ним наемных немец сто человек; ругодевских 100 ч. с Васильем Шараповым и тем наем дати, а корм им покупать»³⁰.

²³ Пернштейн И. Донесение о Московии Иоанна Пернштейна, посла императора Максимилиана при московском дворе в 1575 году. М., 1876. С. 17.

²⁴ Солодкин Я. Г. Выходцы из Речи Посполитой в Сибири на рубеже XVI–XVII вв. // *Вопр. истории славян*. Воронеж, 2001. Вып. 15. С. 93.

²⁵ Хорошкевич А. Л. Русское государство ... С. 226.

²⁶ Даниил Принц из Бухова. Начало и возвышение Московии. М., 1877. С. 31.

²⁷ Подробнее о влиянии войн 2-й половины XVI в. на ситуацию с иноземцами на русской службе см.: Скобелкин О. В. Ливонская война и западноевропейцы в русском войске // *Балтийский вопрос в конце XV–XVI в. М.*, 2010. С. 207–220.

²⁸ Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 247; Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1982. Т. 2, ч. 2. С. 309.

²⁹ Опарина Т. А. Род Фаренсбахов в XVI веке // *Человек в пространстве и времени культуры*. Барнаул, 2008. С. 50–51, 53.

³⁰ Документы о сражении при Молодях // *Исторический архив*. 1959. № 4. С. 169, 171, 173.

(Эти документы Разряда являются черновиками с многочисленными зачеркиваниями, правками и вставками, подчас неразборчивыми³¹. Учитывая, что знаки препинания при публикации документов XVI в. расставляет публикатор, эта задача сильно усложняется, когда он имеет дело с черновиком. В публикации В. И. Буганова в процитированной мной фразе из памяти Воротынскому и Меньшому Шереметеву точка с запятой поставлена после слов «100 ч.». Однако, на мой взгляд, такое положение этого знака препинания лишает фразу смысла. Именно поэтому я счел возможным поставить точку с запятой после слов «сто человек». В этом случае становится понятным, что речь идет о двух отрядах иноземцев по 100 человек в каждом, один из которых («наемные немцы») «был» с Францбеком, а другой (ругодивские «немцы») – с Шараповым.)

Помимо ругодивских «немцев» в документах о сражении при Молодях в составе русской группировки упоминаются юрьевские немцы, а так же немцы из Вильяна³². Ливонские крепости Нарва (русское название – Ругодив) и Дерпт (русское название – Юрьев Ливонский) были взяты русскими войсками в 1558 г., а Феллин (Вильян) – в 1560 г.³³. Следовательно, все эти немцы, сражавшиеся с татарами Девлет-Гирея, были ливонцами.

Летом 1577 г. русским войскам сдался гарнизон ливонской крепости Лужи (Люцина). Иван IV «велел лужских немец и их жон и детей и людей, пересмотрив и переписав налицо, отпустить их <...> к Москве. А на Москве их велел <...> разобрать, устроить: которые пригодятца в службу, тех устроить поместьи и деньгами, а которые пригодятца в пушкари и в стрельцы, и тех устроить денежным жалованьем и хлебным»³⁴. Через несколько дней на службу были приняты гарнизоны еще двух капитулировавших крепостей – Режицы (Резикие) и Невгина (Динабург)³⁵, видимо, на тех же условиях. В результате и эти группы ливонцев оказались в составе русского войска.

Особенностью этого периода является также и то, что, в связи с многолетними военными действиями и большим количеством захваченных русскими войсками пленных, которые затем поступали на русскую службу, источники среди всех прочих немцев начинают отдельно выделять лифляндцев, а среди них, в свою очередь, подчас отмечают курляндцы³⁶.

Через русский плен на службу попали Ганс Борк, «который некогда был взят в плен в Лифляндии» и который впоследствии командовал сотней немецких конников у Василия Шуйского и не раз переходил от Шуйского к Болотникову и обратно, а также его товарищ Тоннис фон Виссен, «тоже из старых лифляндских пленников». Наверное, военнопленным был и Лас Вейго, «ротмистр из числа немецких военачальников, живших в городе Туле, по большей части ливонцев, пленных немцев и курляндцев», который, по словам Конрада Буссова, в марте 1606 г. на короткое время занял, было, Кромь³⁷.

Третьей особенностью второй половины XVI столетия было то, что на русской военной службе появились представители ряда новых национальностей, которых до этого в России, по-видимому, не было. Причиной тому также были Ливонская и другие Балтийские войны той эпохи.

³¹ См.: Буганов В. И. [Предисловие к публикации] // Документы о сражении при Молодях // Исторический архив. 1959. № 4. С. 167.

³² Документы о сражении при Молодях // Исторический архив. 1959. № 4. С. 173, 175.

³³ Хорошкевич А. Л. Россия в системе международных отношений середины XVI в. М., 2003. С. 216–217, 218, 244

³⁴ Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1982. Т. 2, ч. 3. С. 503–506

³⁵ Зимин А. А. В канун грозных потрясений: Предпосылки первой Крестьянской войны в России / А. А. Зимин. М., 1986. С. 48

³⁶ Горсей Дж. Путешествия сэра Джерома Горсея // Горсей Дж. Записки о России. XVI – начало XVII в. М., 1991. С. 69–70; [Смит Т.] Сэра Томаса Смита путешествие и пребывание в России. СПб., 1893. С. 69–70.

³⁷ Буссов К. Московская хроника, 1584–1613. М.; Л., 1961. С. 149, 91.

Весной 1574 г. во время осады крепости Везенберг многонациональным шведским войском, произошел кровавый конфликт между немцами и шотландцами, стоивший жизни многим сотням солдат и офицеров. В результате множество шотландцев перебежало к русским, сидевшим в осажденной крепости³⁸. Подобным же путем, по сведениям Джерома Горсея, оказалась на русской службе группа иностранцев, которые до перехода служили в шведском войске. В эту группу входило не менее десятка человек (среди них только шотландцев было семеро), и состояла она, как минимум, из шведов и шотландцев³⁹; возможно в нее входили наемники и других национальностей.

Горсей также сообщает, что во время военных действий против шведов в Ливонии русские захватили «много пленных, которых царь отсылал в отдаленные места страны. Там были лифляндцы, французы, шотландцы, голландцы и небольшое число англичан». Все они впоследствии поступили на русскую службу. Кроме того, автор «Путешествий сэра Джерма Горсея» зафиксировал присутствие шведов, голландцев и шотландцев в войсках, направляемых против крымских татар⁴⁰. Так, через плен в число служивых иноземцев попал швед Лоренц Бьюгге (Лауренс Буйк), который «приведен был в Москву пленником из Ливонии при тиране Иване Васильевиче» и к 1607 г. «больше 30 лет жил в России»⁴¹.

Джилль Флетчер, побывавший в России в 1588–1589 гг., отметил наличие «иноземных наемных солдат, как-то: поляков, шведов, голландцев, шотландцев, и проч. <...> голландцев и шотландцев около 150; греков, турок, датчан и шведов, составляющих один отряд, в числе 100 человек или около того»⁴².

Некоторые сведения о появлении новых национальностей среди иноземцев на русской службе во 2-й половине XVI в. можно найти и в русских документах, но уже следующего XVII столетия.

В 1623/24 г. в ведомстве патриарха Филарета рассматривались просьбы служивых иноземцев, желавших перейти в православие, а сами они допрашивались. Подобное происходило и до и после указанного года, но именно от «132-го» года сохранились расспросные речи этих иноземцев, в которых содержатся данные о том, когда (а порой – и как) они сами или их родители оказались в России. 13 ноября 1623 г., 8 февраля и 23 мая 1624 г. иноземцы показали: московский кормовой немчин Адам Матвеев сын Кляусов – «отец де его выехал из Лифлянт при царе Борисе, а он де родился здесь на Москве»; швед Яков Семенов – «выехал при царе Борисе»; «Цысарской земли» Некрас Толмачов – «выехал блаженные памяти при царе Иване Васильевиче всеа Руси»; шотландец Яков Лунев – «отец де ево выехал из Шкотцкие земли блаженные памяти при царе Иване Васильевиче всеа Руси, а он де здесь на Москве родился»⁴³.

Таким образом, в перечень народов Западной Европы, чьи представители были на военной службе в России во 2-й половине XVI в. следует, помимо многочисленных выходцев из различных германских государств и земель (в том числе и с территории Империи) и немногих итальянцев, включить англичан, голландцев, датчан, французов, шведов и шотландцев.

³⁸ Ноздрин О. Я. Шотландский фактор Ливонской войны // Балтийский вопрос в конце XV–XVI в. М., 2010. С. 224–225.

³⁹ Горсей Дж. Указ. соч. С. 107.

⁴⁰ Горсей Дж. Указ. соч. С. 69, 70.

⁴¹ Петрей П. История о великом княжестве Московском // О начале войн и смут в Московии. М., 1997. С. 343.

⁴² Флетчер Дж. О государстве русском. М., 2002. С. 66, 87.

⁴³ Расспросные речи иноземцев и русских, возвратившихся из плена, присланных из Разряда в Патриарший дворцовый приказ для допросов // Русская историческая библиотека, издаваемая Археологической комиссией. СПб., 1875. Т. 2. № 166. Стб. 609, 615, 639–640.

THE ETHNIC STRUCTURE OF WEST-EUROPEANS IN THE RUSSIAN MILITARY SERVICE IN THE XVI CENTURY

O.V. SKOBELKIN

Voronezh State University

e-mail: olegskob@mail.ru

The article examines the ethnic structure of West-Europeans in the Russian military service in the 16th century. The sources of the 1st quarter of the XVIth century reported the presence of the Italians and Germans. In the 2nd half of the century we can see the appearance of the Englishmen, Dutchmen, Danes, Frenchmen, Swedes and Scotsmen in the Russian armed forces. The main cause of that phenomenon was the participation of Russia in the Baltic Wars of the 2nd half of the 16th century

Key words: West-Europeans, military service, Russia, the XVIth century, ethnic structure.

УДК 94(47).04

ОСВОЕНИЕ РОССИЙСКИМ ГОСУДАРСТВОМ СВОИХ ЮЖНЫХ ОКРАИН И ОСНОВАНИЕ МОНАСТЫРЕЙ В КОНЦЕ XVI — НАЧАЛЕ XVII ВЕКОВ

А.И. ПАПКОВ*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет**e-mail: papkov@bsu.edu.ru*

В статье характеризуется сеть православных монастырей, возникших на южной окраине России в XVI столетии в ходе освоения данного региона Российским государством. Определяются основные особенности, отличавшие новые обитатели от монастырей Рязанской и Тульской земель.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, государство, вотчина, епархия, церковь, монастырь.

С присоединением Рязани в 1521 г. завершился процесс формирования территории единого Российского государства. В составе княжества всея Руси были объединены все русские земли, не входившие в состав Великого княжества Литовского. Дальнейшее укрепление международного положения Руси в представлении правящей элиты связывалось с территориальным расширением страны. Наличие недружественных и сильных соседей подталкивало Русь к совмещению своих государственных границ с естественными рубежами (горными массивами, болотами, крупными реками, озерами, морским побережьем), удобными для организации защиты государственной территории от нападений. Консолидация русских земель делала реальной перспективу решения этой задачи. Распространение владений России на протяжении XVI в. и последующих столетий происходило по нескольким направлениям. Одним из важнейших, а нередко и самым основным направлением колонизации, было южное. Здесь, в силу географических особенностей региона (лесостепь и степь), граница России была неустойчивой, в отличие, к примеру, от западных рубежей страны, где прочности обороны способствовало наличие естественных преград: рек, озер, болот и лесов. Кроме того, положение осложнялось постоянной борьбой с агрессивными соседями: Крымским ханством, а в дальнейшем и с Речью Посполитой¹.

Колонизация выливалась в борьбу княжества всея Руси — Российского царства, провозгласившего себя преемником Киевской Руси, с Крымским ханством, считавшим себя преемником Золотой Орды, впрочем, не заявлявшим об этом открыто². Правительственная стратегия состояла в сооружении новых оборонительных рубежей и строительстве крепостей, защищавших земледельческое население. Колонизация южных окраин стала не только народной, но и государственной. Во второй половине XVI в., как только появились силы и средства, Российское царство начинает продвижение на Юг, в лесостепь.

Каждый город, построенный в ходе освоения Юга, становился не просто новым военным укреплением, но и полноценным населенным пунктом, центром колонизации прилегающей территории. Естественно, что в этих российских поселениях должны были строиться православные храмы и монастыри, а также формироваться определенная церковная структура, необходимая для удовлетворения религиозных запросов населения. В исторической литературе обращалось внимание на исключительную роль государства в распространении православия на окраинах страны. При-

¹ См.: Водарский Я.Е. Население России за 400 лет (XVI — начало XX вв.). М., 1973. С. 22—23.

² Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в XVII веке. М.; Л., 1948. С. 41; Хорошкевич А.Л. Русь и Крым после падения ордынского ига: динамика трибунарных отношений // Отечественная история. 1999. № 2. С. 69—77; Ее же. Русь и Крым: От союза к противостоянию. М., 2001. 225—271.

нительно к Сибири и Карелии, упомянутую особенность кратко охарактеризовал митрополит Макарий (Булгаков), который описывал строительство государством церквей в острогах и основание монастырей³.

И.К. Смолич однозначно определил мировоззрение русского человека XVI–XVII вв. как «насквозь религиозное», в результате чего «все события церковной и государственно-политической жизни рассматривались, взвешивались и оценивались с религиозной точки зрения»⁴. Кроме того, по мнению П.В. Знаменского, «даже внешний вид русского города и селения показывали, что религия — господствующая сила в стране; иностранцы видели в русских городах множество богатых церквей и монастырей, слышался неумолкающий звон колоколов, по всем улицам стояли часовни и иконы с зажженными перед ними свечами, прохожие крестились перед каждой часовней, а иные клали земные поклоны <...>, весьма часто совершались крестные ходы»⁵.

Д.И. Багалея затронул вопрос о возникновении монастырей в приграничном районе. Он отметил тесную связь монастырского землевладения с их колонизаторской деятельностью. Тем не менее, основной причиной появления монастырей в неспокойной пограничной зоне исследователь считал сильное религиозное чувство тогдашнего русского человека. По мнению этого историка, в связи с опасностью неприятельских погромов, положение большинства монастырей на первых порах было довольно тяжелым⁶.

После образования единого Российского государства его южные земли, в церковном отношении, подчинялись трем епископам: Рязанскому и Муромскому, Сарскому и Подонскому (Крутицкому), Смоленскому и Брянскому. Смоленская епархия присоединилась к Московской митрополии в 1514 г., в ее состав вошли города, отвоеванные у Великого княжества Литовского в 1500 г.: Чернигов, Брянск, Стародуб и Новгород-Северский. К сожалению, неизвестны точные границы тогдашних епархий Русской Православной Церкви (далее — РПЦ).

Следует обратить внимание и на то обстоятельство, что в силу различных причин, отдельные территории, города или церковные учреждения могли вестись не в самой ближайшей к ним епархии. Так Белевский Спасо-Преображенский монастырь, построенный еще белевскими князьями Солнцевыми-Засекиными в первой четверти XVI в., числился в Крутицкой епархии. Объяснить это можно тем, что к моменту основания монастыря Смоленск еще оставался в юрисдикции Великого княжества Литовского⁷.

Как уже говорилось, большинство монастырей, существовавших на южной окраине страны в XVI в., тяготело к городам⁸. Обстановка постоянных крымских набегов и войн с Великим княжеством Литовским заставляла заботиться о безопасности населения монастырей. Обеспечить ее могли в тех условиях только надежные крепостные сооружения. Однако данное положение не всегда справедливо по отношению к Рязанской земле, а вот, применительно к другим южным приграничным районам, оно вполне достоверно.

В период с 1505 по 1533 г. возник Рязанский Спасский мужской монастырь в честь Благовещения Пресвятой Богородицы (Феодосиева пустынь). Ранее 1519 г. был основан Рязанский Покровский Нищевский мужской монастырь близ села Белоомут на р. Оке, а ранее 1520 г. — Рязанский Спасский Терехов мужской монастырь в честь Воскресения Христова. До 1535 г. возник Рязанский Жерновский на р. Проне мужской монастырь во имя святого великомученика Никиты. С 1584 г. известен Рязанский Радовицкий мужской монастырь во имя святителя Николая. Нет точной даты

³ Макарий (Булгаков). История русской церкви. М., 1996. Кн. VI. С. 61–62.

⁴ Смолич И.К. Русское монашество. М., 1997. С. 76.

⁵ Знаменский П.В. История русской церкви. М., 1996. С. 155.

⁶ Багалея Д.И. Очерки из истории колонизации и быта степной окраины Московского государства. М., 1887. Т. I. 116–117.

⁷ Макарий (Булгаков). Указ. соч. Кн. IV. Ч. 1. С. 194–198; С. 213.

⁸ Макарий (Булгаков). Указ. соч. Кн. IV. Ч. 2. С. 368–384.

появления Рязанского Даниловского мужского монастыря в честь Покрова Пресвятой Богородицы. По предположению А.А. Зимина, основная группа рязанских монастырей возникла еще до XVI в.⁹

В конце XVI в. отмечена хозяйственная деятельность Шацкого Чернева Матвеева Николаевского монастыря (он находился в 20 верстах от Шацка, на р. Цне и был построен в 1584 г.¹⁰. Так, в 1596/97 гг. крестьянин Иван Караченский передал свой бортный ухжей на р. Хопре Черневу монастырю. Ухжей находился при впадении р. Карачана в Хоपर и занимал оба берега Карачана. В нем находились бортные деревья, рыбные и бобровые ловли, стояло «земляное зимовье»¹¹. Вышеуказанный монастырь ведался Рязанской епархией. Помимо упомянутых ранее, в этой епархии к концу XVI столетия насчитывалось еще три монастыря (Николаевский Радовицкий, находившийся в 65 верстах от Рязани, построенный при Иване IV, и два муромских монастыря: Благовещенский и Николаевский Бутылинский)¹². Ранее 1611 г. возник Рязанский Облаченский мужской монастырь в честь Святой Живоначальной Троицы.

По наблюдениям М.Н. Тихомирова, монастырское землевладение было нехарактерно для Рязанской земли. Хотя некоторым рязанским монастырям (Богословскому в Рязани, Солотчинскому и др.), равно как и рязанскому епископу, принадлежали значительные земельные владения. По мнению упомянутого историка, развитие крупного землевладения в Рязанской земле затруднялось ее пограничным положением¹³. Крупнейшими церковными феодалами в Рязанском крае были епископ и Рождественский Солотчинский монастырь, стоявший при впадении р. Солотчи в Оку, в непосредственной близости к Переяславлю-Рязанскому. К монастырю примыкало село, в котором находилось четыре двора монастырских слуг, 12 дворов монастырских детенышей, поваров и служебников, а также 31 крестьянский двор. Под монастырем на р. Солотче стояла мельница¹⁴.

В тульском крае известен ряд монастырей. В их числе Белевский мужской монастырь в честь Преображения Господня (с 1525 г.). Этот монастырь был основан кн. Иваном Васильевичем Белевским. Веневская Николаевская мужская пустынь в честь Богоявления (ранее 1566 г.); Балахинский мужской монастырь в честь Рождества Пресвятой Богородицы (появился до 1571 г.); Веневский Всеволожский мужской монастырь во имя Пресвятой Богородицы (ранее 1578 г.); Каширский Березанский мужской монастырь (Саввина пустынь) во имя святителя Николая (ранее 1578 г.). В 1585 г. была основана Белевская Макариевская Жабынская мужская пустынь в честь Введения во храм Пресвятой Богородицы, а в 1587 г. — Тульский женский монастырь в честь Успения Пресвятой Богородицы. В Никитском конце Тулы находился Предтеченский монастырь с двумя деревянными церквями. Он был обнесен оградой, внутри которой стояли кельи игумена, двух священников, дьякона и 13 монахов. Вышеупомянутый Веневский Никольский монастырь был крупнейшим церковным вотчинником в крае. Монастырю принадлежало с. Бортники с деревней на р. Осетре¹⁵.

По данным И.К. Смолича, в XVI в. в орловской земле было основано два монастыря¹⁶. Всего же в этом районе в XVI в. упоминаются четыре монастыря. Точные даты их основания неизвестны. Это Севская Площанская мужская пустынь в честь Казанской иконы Пресвятой Богородицы, Болховской Рождественский женский монастырь, Мценский мужской монастырь во имя апостолов Петра и Павла и Трубчевский Челский Новопечерский мужской монастырь в честь Преображения Господня.

⁹ Зимин А.А. Россия на пороге Нового времени. М., 1972. С. 225.

¹⁰ Макарий (Булгаков). Указ. соч. Кн. IV. Ч. 1. С. 212.

¹¹ Загоровский В.П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI в. Воронеж, 1991. С. 234.

¹² Макарий (Булгаков). Указ. соч. Кн. IV. Ч. 1. С. 212.

¹³ Тихомиров М.Н. Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 395.

¹⁴ Тихомиров М.Н. Указ. соч. С. 397.

¹⁵ Тихомиров М.Н. Указ. соч. С. 381—383.

¹⁶ Смолич И.К. Русское монашество. М., 1997. С. 123.

В Воронеже, спустя несколько лет после его основания, появляются первые монастыри. Старейший воронежский монастырь — Успенский. Попытка его устройства относится к 1594 г. В августе этого года в Москве за счет казны было приобретено различное церковное имущество: книги, иконы, колокола, церковное вино, ладан и пр. Показателен следующий факт: перечисленное имущество было передано игумену Александру, но при этом воронежскому осадному голове И.Т. Кобякову было предписано: «Как строитель Александр образы, книги и колокола привезет, велеть ему церковь Успения поставить и монастырь ему велеть строить»¹⁷. В данном случае четко прослеживается контроль государства за развитием церковно-монастырской структуры на осваиваемых южных землях. Анализ дозорной книги 1615 г., писцовой и межевой книги 1628–29 гг. позволили В.Н. Глазьеву сделать обоснованное заключение о том, что строителю Александру выполнить указ царя Федора Ивановича о постройке Успенского монастыря в Воронеже не удалось.

В 1615 г. Успенский монастырь располагался за острогом на берегу р. Воронеж. В нем имелась церковь Успения Богородицы с приделом Федора Стратилата. В ней служили «белый» священник о. Варфоломей. При храме имелась колокольня с четырьмя колоколами, подаренными донскими атаманами. Монастырь был окружен дубовым тыном, вне которого стояли келья настоятеля, казначея (которого, как и настоятеля, звали Феодосий), а также старца Романа. Монастырь имел достаточно развитую хозяйственную систему. В нем отмечены две житницы с зерном, поварня, хлебная изба, келарная изба. Около монастыря в слободке жили 37 монастырских бобылей, там же числилось 30 запустевших дворов. У монастыря также имелась вотчина д. Клементьева за р. Воронежем на Тавровском поле. В ней жили дворник, пять работников, 32 монастырских пашенных крестьянина, а девять крестьянских дворов запустели. Монастырю было отмежевано 500 четвертей «худой» земли «в поле», 60 четвертей пашни «в поле», среди наделов пушкарей и затинщиков, а также сенокосов на 800 копен, лес и рыбные ловли.

В начале 1616 г. игумен Феодосий от лица всех насельников Успенского монастыря (два священника и 26 монахов) обратился в Разрядный приказ с просьбой о разрешении переноса монастыря на Казарское городище. В качестве причины переноса называлось неудачное расположение монастыря на берегу реки. По словам челобитчиков, от весеннего половодья разваливаются храмы, подгнили кельи, разрушилась ограда и алтарная стена висит над подмытым водою берегом.

Кроме переноса самой обители, монахи просили взамен пашни на Тавровском поле отмежевать им земли, примыкавшие к Казарскому городищу (ранее эти земли обрабатывались казаками, которые к моменту подачи челобитной «разбежались»), выделить им рыбные ловли на р. Сосне, а также отмежевать монастырскую пашню на правом берегу р. Воронеж от земли пушкарей и затинщиков. Кроме того, челобитчики указывали, что до Смутного времени монастырь получал государеву ругу: денежное и хлебное жалованье, а ко времени составления челобитной время руга уже не выдавалась. Взамен руги они просили предоставить монастырю право сбора пошлины с перевоза и пристани на р. Воронеж. 1 марта 1616 г. из Разрядного приказа воронежским воеводам В.Р. Пронскому и А.В. Лодыгину была направлена грамота, содержащая указание о выполнении всех просьб Феодосия «с братиею», изложенных в их челобитной. 30 марта 1617 г. Успенский монастырь получил луга, лес и рыбные ловли в районе Гольшевского, Телевского и Малышевского затонов при условии платежа двух рублей оброка в год в Москве. Сложнее дело обстояло со сбором пошлин на перевозе и пристани. Трудности возникали, как в связи с неоднократными отказами людей платить ее, так и в связи с деятельностью прежних откупщиков или

¹⁷ Глазьев В.Н. Страницы ранней церковной и монастырской истории города Воронежа и Воронежского уезда // Церковь и ее деятели в истории России. Воронеж, 2001. Вып. 2. С. 51.

других должностных лиц. Достаточно сказать, что за сбор пошлыны монастырю приходилось неоднократно бороться в дальнейшем¹⁸.

В 1613 г. игумен Семион получил царскую грамоту на строительство Борщева монастыря в честь Святой Живоначальной Троицы. Он основал обитель на свои средства. В монастыре действовала церковь во имя Святой Троицы с приделом Николая Чудотворца.

Ранее 1615 г. был основан Карачунский монастырь с церковью во имя Сретения Богородицы Владимирской и храмом Николая Чудотворца. Первое упоминание о нем датируется 6 апреля 1615 г., когда, по челобитью игумена Никона и монахов, в Воронеж была послана грамота с предписанием воеводам «беречь от обид» Карачунский монастырь. На средства атамана Назара Рязанцева в том же году был приобретен колокол, установленный в башне над Святыми воротами. Два колокола приобрел игумен Никон. Около монастыря находился скотный двор. Монастырю выделялось 200 четвертей пашни в поле и сенокосов на 800 копен¹⁹.

Как отметил В.Н. Глазьев, еще один монастырь Воронежского уезда — Спасо-Преображенский Толшевский — появился в Усманском стане на поместных землях детей боярских Пареновых после 1617 г.²⁰ Следует подчеркнуть то обстоятельство, что перечисленные монастыри (Толшевский, Борщевский и Карачунский) выполняли не только свое основное предназначение, а также являлись центрами колонизации прилегающих территорий, но они стали основными элементами системы укреплений, прикрывавших подступы к Воронежу²¹. Кроме того, можно отметить Толшевский монастырь как практически единственный пример основания монастыря на приграничной территории в начале XVII в. частными лицами в своих владениях.

Ранее 1613 г. возник мужской монастырь во имя Сергия Радонежского в Ливнах.

В Курском крае в XVI в. было открыто четыре новых обители. Среди них известная с 1557 г. Богородицкая Глинская пустынь около Путивля, Богородицкая Молчанская пустынь, находившаяся на расстоянии более 20 верст от того же города, Богородицкая Плащанская пустынь, располагавшаяся в полусотне верст от Севска, разрушенная в годы Смуты, а также Коренная Рождественская Богородицкая пустынь, основанная в 1597 г. в 30 верстах от Курска²². С 1608 г. известен Путивльский женский монастырь во имя святителя Николая архиепископа Мир Ликийских. С 1612 г. упоминается Курский мужской монастырь в честь иконы Знамения Пресвятой Богородицы и Курский мужской монастырь в честь Святой Живоначальной Троицы. Последняя обитель находилась в самом Курске и была основана в начале XVII в. строителем Ионою Темкою²³. В 1618 г. в Севске был открыт мужской Преображенский монастырь.

К перечисленным можно добавить Белгородский Никольский мужской монастырь, известный с 1599 г. Вероятно, в сентябре-октябре 1612 г. был основан Троицкий мужской монастырь Тюляфина пустынь в Оскольском уезде. Его основателем был старец Ефрем (в миру Антон Ефимов), при котором была выстроена церковь Живоначальной Троицы на Тюляфиной поляне (отсюда и название монастыря). В монастыре, кроме храма, было пять келий. В одной из них жил строитель, а в остальных размещались старцы Александр, Ефимий, Иов, Авраамий и Макарий.

¹⁸ Глазьев В.Н. Семья Протопоповых в истории Воронежского уезда и местном самоуправлении в XVII в. // Из истории Воронежского края. Воронеж, 2001. Вып. 9. С. 32—38; Его же. Страницы ранней церковной и монастырской истории города Воронежа и Воронежского уезда // Церковь и ее деятели в истории России. Воронеж, 2001. Вып. 2. С. 51—54.

¹⁹ Глазьев В.Н. Страницы ранней церковной... С. 57.

²⁰ Глазьев В.Н. Страницы ранней церковной... С. 59.

²¹ Чесноков Г.А. Градостроительное освоение Воронежского края // Из истории Воронежского края. Воронеж, 2001. Вып. 9. С. 24.

²² Смолич И.К. Указ. соч. С. 123—125.

²³ Макарий (Булгаков). Указ. соч. Кн. VI. С. 132.

За Троицким монастырем числилось шесть крестьянских дворов, погреб и коровник. В вотчину монастырю было выделено 120 четв. земли, из них 23 было отведено под пашню, имелось 20 десятин покосов, а также «звено реки Оскола, от устья речки Холковой до Окуня колодезя, по обе стороны реки Оскола, на берегу, по десятине...» Вдоль реки находились озера с рыбными и звериными ловлями, а также луга²⁴.

В 1591 г. или ранее был основан Тамбовский Турдышевский мужской монастырь во имя Рождества Пресвятой Богородицы. В 1611 г. был основан Тамбовский Добрый женский монастырь в честь Тихвинской иконы Пресвятой Богородицы. Самым южным монастырем, выдвинувшимся далеко в степь, в это время являлась Святогорская Успенская мужская пустынь, построенная в начале XVII в. при слиянии Оскола и Северского Донца²⁵.

Рассмотрев в общих чертах процесс складывания структуры РПЦ в южных уездах Российского царства в конце XVI — начале XVII в., следует отметить, что за достаточно короткое время в данном регионе появился ряд новых монастырей. Большинство из них были небогаты и не могли полноценно существовать без государственной поддержки. Можно отметить определенные отличия монастырей, находившихся в районах, довольно давно освоенных (например, Рязанская или Тульская земли) и монастырей, возникавших в южных уездах Российского царства, освоение которых началось в конце XVI в. Первые имели определенные традиции существования, восходящие еще к временам удельных княжеств, когда были возможны имущественные пожалования частных лиц. В южных же уездах подобных традиций и возможностей не было. Земли и другие владения, необходимые для материального обеспечения своей деятельности, монастыри здесь могли получить только от государства. Государство, в свою очередь, прежде всего, стремилось наделить землями служилых людей, необходимых для обеспечения безопасности границы. Кроме того, на Юге практически отсутствовало крестьянское население, что также тормозило развитие монастырского землевладения. При этом следует помнить, что в рассматриваемом регионе перед монастырями не стояли миссионерские задачи, т.к. здесь практически не было языческого или иноверческого населения.

Можно предположить, что за государственный счет строилось только необходимое (минимально достаточное) для идеологического обеспечения колонизации количество монастырей. Они в рассматриваемое время основывались, как правило, либо в городах, либо вблизи от них, т.е. это были городские монастыри, сильно отличавшиеся от лесных пустыней русского Севера. Большая часть их была основана не по свободному почину отдельных подвижников, а по приказу государственной и церковной властей. Почти все монастыри на осваиваемых землях открывались практически сразу после постройки нового города. Их существование было тесно связано с государственно-политическим значением города, в котором они появлялись. При этом монастыри на Юге в XVI в. редко превращались в крупные хозяйственные структуры, т.к. земли здесь, в первую очередь, выделялись для поместий служилых людей. Поэтому земельные владения монастырей и царские пожалования им были достаточно скромными.

DEVELOPMENT OF THE SOUTHERN BORDERLAND BY THE RUSSIAN STATE AND ESTABLISHMENT OF MONASTERIES IN LATE XVI – EARLY XVII CENTURY

A.I. PAPKOV

*Belgorod National
Research University*

e-mail: papkov@bsu.edu.ru

The article deals with a chain of Orthodox monasteries that were established on the Southern borderland of Russia in XVI century in the course of development of the region by the Russian state. The author reveals the peculiarities that distinguished the new cloisters from monasteries of Ryazan and Tula territories.

Key words: Russian Orthodox Church, state, patrimony, eparchy, church, monastery.

²⁴ Никулов А.П. Старый Оскол. Курск, 1997. С. 165–166.

²⁵ Макарий (Булгаков). Указ. соч. Кн. VI. С. 745–751.

УДК 94 [47+57].083

ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ ПРАКТИКА МОНАСТЫРЕЙ ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XVIII-НАЧАЛЕ XX ВВ.

А.В. РОЖИНА*Сыктывкарский
государственный
университет**e-mail: arojina@bk.ru*

На основе опубликованных и архивных документов рассматривается один из важных аспектов истории России – проблема пенитенциарной практики монастырей. Автор предпринимает попытку изучить «церковное наказание» и развитие взаимоотношений монастырей с церковно-государственными властями в Вологодской губернии в конце XVIII-начале XX вв.

Ключевые слова: Российская империя, Вологодская губерния, Русская православная церковь, монастыри, наказание.

К настоящему времени существуют исследования, посвященные изучению различных аспектов пенитенциарной практики Русской православной церкви и деятельности монастырей в синодальный период. Известно, что наибольшее распространение монастыри-тюрьмы получили на Севере Российской империи¹. При этом, имеется широкий круг неисследованных источников, позволяющих раскрыть региональные особенности проблемы.

Исследование основывается, прежде всего, на делопроизводственных документах архивов г. Великого Устюга, г. Сыктывкара и г. Вологды. Рассматривается период с конца XVIII в., когда завершился процесс приведения епархиальных границ в соответствии с административно-территориальным делением государства, осуществился переход на иной уровень регулирования управления до завершения в 1917 г. синодального периода. Учреждение Святейшего Синода² способствовало сокращению компетенции церковных судов. Их юрисдикции подлежало расследование дел о нанесении обид лицами духовного ведомства по жалобам о личных обидах, за такие преступления, которые оскорбляют священный сан. При нарушениях церковного закона могло последовать наложение денежного штрафа, при значительных преступлениях – исключение «за штат» (то есть отстранение от должности). В дисциплинарной практике духовенства применялось и такое наказание, как задержание в священнослужении. Однако чаще применялось «духовное исправление» в архиерейских домах и монастырях. За преступления, подлежавшие светскому уголовному суду, по отношению к монахам в качестве крайней формы наказания могло использоваться лишение монашеского сана³. За церковным судом оставалось также рассмотрение преступлений светских лиц против религиозного и нравственного закона, за которые уголовные кодексы не налагали уголовного наказания, а предусматривали только ссылку на покаяние в монастырь⁴.

Осуществление монастырской пенитенциарной практики, то есть функции социально-религиозного исправления, было одним из направлений социального служения иноческих обителей в дореволюционной России. Церковное наказание реализовывалось, главным образом, через наложение эпитимии (в делопроизводственных

¹ См., например: Камкин А.В. Православная церковь на Севере России: Очерки истории до 1917 года. Вологда, 1992. С. 35-48; Максимов С. В. Год на Севере. М., 1890. С. 24-25; Павлушков А.Р. Пенитенциарная практика северных монастырей XVIII – XIX вв.: Дис. ... канд. ист. наук. Вологда, 2000. С. 24-168; Пругавин А.С. Монастырские тюрьмы в борьбе с сектантством. М., 1905. С. 11-16; Он же. В казематах. Очерки и материалы по истории русской тюрьмы. СПб., 1909. С. 13-14.

² Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое (Далее ПСЗРИ – 1). Т. VI. 1721 г. № 3718. С. 314-335.

³ Полное собрание законов Российской империи. Собрание Второе (Далее ПСЗРИ – 2). Т. XVI. 1841 г. Отд. 1. № 14 409. С. 244-254.

⁴ Цыпин В.А. Церковное право. Курс лекций. М., Москва. С. 304.

документах конца XVIII–начала XX столетий именуется также «епитимия», «епитимья»⁵) и осуществлялось через отправление духовного или светского лица в отдаленную обитель на определенный срок для исправления посредством выполнения тяжелых работ под надзором монастырского начальства. В формулировках указов зачастую сообщалось о цели и форме ссылки в монастыри: «для усмотрения и исправления», «под начало», «на смирение», «на церковное покаяние», «на черные труды» и другие⁶. Сослать «под начало» фактически означало определить провинившееся лицо под особый надзор кого-либо из числа братии монастыря. Термин «черные работы», часто использовавшийся в указах, налагал на ссыльного обязанности выполнения в монастыре физической работы (например, убирать территорию, работать в поле, печь хлеб, просеивать муку). Спектр таких работ был весьма значителен. Выбор их определялся не только практической целесообразностью, но и зависел от вины ссыльного. За более серьезное правонарушение (обычно, экономического характера) назначались более тяжелые работы⁷.

Монастырская пенитенциарная практика осуществлялась строго в соответствии с российским законодательством и под контролем церковно-государственных властей. Рассмотрим нормативно-правовые основы осуществления монастырской пенитенциарной практики. В конце XVIII – начале XIX вв. наложение церковного наказания было оформлено указами Синода, не входящими в противоречие с «Духовным Регламентом» и «правилами Святых Отцов»⁸. Архивные источники фондов монастырей свидетельствуют о неоднократных фактах наложения церковного наказания епархиальным архиереем⁹. После обнародования указа от 19 октября 1797 г., епископы были уполномочены осуществлять наложение епитимии «не представляя Святейшему Синоду», то есть сами, не делая предварительных представлений¹⁰.

В 1830-1840-х гг. XIX в. было законодательно регламентировано наложение «церковного наказания» за определенные виды правонарушений и преступлений для лиц духовного звания и «гражданских». Указом от 31 августа 1832 г. «О сокращении делопроизводства по Синодальным Конторам и Консисториям» епархиальным архиереям предписывалось не доводить до Синода сведения о наложении епитимии, за исключением случаев «сомнительных, требующих особого разрешения»¹¹. На основании решения епархиального суда епископ назначал сроки «исправления» в монастырях для лиц духовного звания. В 1833 г. Святейший Синод принял указ «О предписании Епархиальным Архиереям, дабы они усугубили бдительность надзора над поведением и нравственностью вверенного им Духовенства»¹². Епархиальному начальству было поручено пересмотреть послужные списки священнослужителей «дьяконовского сана» с целью изучения их поведения, особенно после применения исправительных мер. В случае необходимости предписывалось «избрать строжайшие средства к совершенному исправлению таковых, и для внушения другим должного опасения, употребляя в нужных случаях к таковому примерному взысканию монастырское подначальство», а в случае необходимости разрешалось применить и другие меры наказаний¹³. В «Высочайше утвержденном Уставе Духовных Консисторий»

⁵ См.: Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. 496. Оп. 1. Д. 135. Л. 6-8 об.; Ф. 512. Оп. 1. Д. 307. Л. 9-10, 15; Муниципальное учреждение «Великоустюгский центральный архив» (МУ «ВЦА»). Ф. 364. Оп. 1. Д. 3063. Л. 57; Государственное учреждение Республики Коми «Национальный архив Республики Коми» (ГУ РК «НА РК»). Ф. 232. Оп.1. Д. 220. Л. 16, 25.

⁶ См.: ГАВО. Ф. 512. Оп. 1. Д. 394. Л. 2, 52-53, Д. 411. Л. 1-1 об., Д. 551. Л. 8; Ф. 1041. Оп. 1. Д. 42. Л. 139; МУ «ВЦА». Ф. 23. Оп. 1. Д. 19. Л. 125 об.; ГУ РК «НА РК». Ф. 232. Оп.1. Д. 228. Л. 57.

⁷ См., например: МУ «ВЦА». Ф. 23. Оп. 1. Д. 19. Л. 125-126.

⁸ ПСЗРИ – 1. Т. VI. 1721 г. № 3718. С. 314-335.

⁹ См., например: ГУ РК «НА РК». Ф. 232. Оп.1. Д. – 25. Л. 20 об., 29, 31; МУ «ВЦА». Ф. 364. Оп. 1. Д. 1421. Л. 15, Д. 2944. Л. 1; ГАВО. Ф. 512. Оп. 1. Д. 556. Л. 1-2; Ф. 511. Оп. 1. Д. 50. Л. 70-73.

¹⁰ ПСЗРИ – 1. Т. XXIV. 1797 г. № 18.273. С. 773.

¹¹ ПСЗРИ – 2. Т. VII. 1832 г. № 5585. С. 591-592.

¹² Там же. Т. VIII. 1833 г. № 6360. С. 447-448.

¹³ Там же. Т. VIII. 1833 г. № 6360. С. 448.

последовало четкое предписание порядка наказания за религиозные правонарушения для духовенства, а также для гражданских лиц¹⁴. Среди мер взыскания и исправления, которым могли подвергаться священники и церковнослужители по епархиальному суду, было «временное запрещение в священнослужении, без отрешения от места, но с «возложением епитимии в монастыре или на месте» или «временное испытание в Архиерейских домах и монастырях»¹⁵. Этими мерами «Устав духовных консисторий» упорядочил систему наложения церковного наказания и отбывания «монастырской ссылки».

Для отбывания «духовного наказания» использовались преимущественно отдаленные северные обители Российской империи, расположенные в Новгородской, Архангельской и Вологодской губерниях¹⁶. Исследователь А.Р. Павлушков впервые детально изучил монастыри г. Вологоды и пригорода (Спасо-Прилуцкий мужской монастырь 2-го класса, Свято-Духов мужской монастырь 3-го класса и Горный Успенский девичий монастырь 3-го класса) как место социально-нравственного исправления лиц, обвинявшихся в совершении различных преступлений. В диссертационном исследовании проанализированы источники ГАВО (главным образом из фонда Спасо-Каменного монастыря) и часть архивных документов МУ «ВЦА», при этом монастыри рассмотрены в равной мере как место отбывания наказания для духовных и светских лиц¹⁷. Обращение к фондам архивов г.Великого Устюга (фонды «Канцелярия Велико-Устюгского епископа», «Великоустюгское духовное правление») и Республики Коми (фонд «Троицко-Стефановский Ульяновский монастырь») позволяет расширить источниковую базу исследований и выявить региональную специфику пенитенциарной практики монастырей Вологодской епархии¹⁸. Так делопроизводственные документы демонстрируют, что не только монастыри губернского г. Вологоды, но и отдаленные иноческие обители Вологодской епархии были «популярными» местами для отбывания «церковного наказания».

Широкое распространение в этом регионе получила практика отправления в монастырь священников и церковнослужителей «за нетрезвость и неблагочинное служение». По «Уставу духовных консисторий» исправлению в православных обителях должны были подвергаться лица духовного звания, которые по жалобам прихожан, оказывались «виновными в неисправности по совершению Богослужения и треб и в немиротлюбии» и оказании неуважения к дому Божию «неприличными словами или действием»¹⁹. Духовенство по этим статьям обычно отсылали в Великоустюгский Михайло-Архангельский мужской монастырь 2-класса, Сольвычегодский Введенский мужской монастырь 3-класса²⁰. Известны также случаи пребывания лиц духовного звания на епитимии за такое же правонарушение в Ульяновском Троицко-Стефановском монастыре Усть-Сысольского уезда. Например, в 1894 г. по постановлению епархиального начальства «за нетрезвую жизнь и неисправность по своим обязанностям» там содержались от двух недель до двух месяцев три псаломщика и один священник из Усть-Сысольского и Яренского уездов²¹.

Указы Вологодской духовной консистории свидетельствуют также о неоднократных фактах наложения церковного наказания на священников и дьяков за причинение обид прихожанам. В соответствии с «Уставом духовных консисторий» на церковнослужителей «за причинение обиды словами» налагалось наказание в виде денежного штрафа, а «за причинение тяжкой обиды» предписывалось отправление

¹⁴ Устав духовных консисторий. Спб., 1841, 1883, 1912; ПСЗРИ-2. Т. XVI. 1841 г. Отд. 1. № 14 409. С. 221-263.

¹⁵ ПСЗРИ-2. Т. XVI. 1841 г. Отд. 1. № 14 409. С. 246.

¹⁶ Павлушков А.Р. Пенитенциарная практика северных монастырей XVIII – XIX вв.: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Вологда, 2000. С. 12-17.

¹⁷ Там же.

¹⁸ МУ «ВЦА». Ф. 23, Ф. 364; ГУ РК «НА РК». Ф. 232.

¹⁹ ПСЗРИ – 2. Т. XVI. 1841 г. Отд. 1. № 14 409. С. 247.

²⁰ МУ «ВЦА». Ф. 23. Оп. 1. Д. 19. Л. 63.

²¹ ГУ РК «НА РК». Ф. 232. Оп. 1. Д. 228. Л. 57-59, 62 в.

на епитимию в монастырь или исключение из духовного звания²². Сохранившиеся архивные источники позволили установить, что случаи отбывания «в монастырской ссылке» за оскорбление прихожан в обителях Вологодской губернии тоже были. В 1862 г. в Троицко-Стефановской обители «за причинение обид» крестьянке Авдотье Пантелеевой отбывали месячную епитимию священник Летской Преображенской церкви Иоанн Воскресенский и дьяк этой же церкви Илья Попов²³.

Были известны и случаи внутренних конфликтов среди духовенства. В 1893 г. по резолюции епископа Варсанофия и указу Великоустюгского духовного правления «за причинение оскорблений словами и действиями местному священнику в пьяном виде» отбывал 2-недельную эпитимию в монастыре «на черных физических трудах» псаломщик Пезмогской Прокопиевской церкви Усть-Сысольского уезда Алексей Трубачев²⁴. В то же время были факты несоответствующего поведения и внутри монастырской общины Ульяновской обители. По делу «о разных беспорядках», рассмотренном в духовном правлении и консистории в 1898 г., выяснилось, что три года назад иеромонах Александр «нашел оскорбление действием иеродиакону Аркадию ударив рукою по лицу во время богослужения»²⁵. Возможно, этот случай остался бы неизвестен, но о нем доложил один из свидетелей этого поступка. Послушник Николай Белков, переведенный из Ульяновского в восстановленный Николаево-Коряжемский монастырь Сольвычегодского уезда, не замедлил сообщить благочинному об этом правонарушении. Иеромонаху Александру была предписана епитимия сроком на один месяц, которая вскоре «в виду необходимости в нем при наступлении монастырских полевых работ» была заменена взысканием штрафа в размере восьми рублей в пользу епархиального попечительства²⁶. Этот прецедент из церковного судопроизводства конца XIX столетия демонстрирует смену формы наказания за правонарушение лица духовного ведомства.

Наказание настоятелей монастырей за «упущения по службе» не предусматривалось нормами церковно-канонического права. При этом известны случаи отправления игуменов в Вологодский Спасо-Прилуцкий монастырь за эти правонарушения. Указами консистории был отстранен от должности и направлен «на исправление» в 1826 г. настоятель Белавинской пустыни (за «неспособность быть настоятелем и управлять монастырем»)²⁷, а в 1851 г. та же участь постигла игумена Сольвычегодского Николаево-Коряжемского монастыря (за «непорядочное поведение»)²⁸.

Согласно уставу, монастырская ссылка предписывалась и за другие нарушения. Например, отправлению в монастырь подвергались священнослужители, повенчавшие лиц, состоящих в другом браке или несовершеннолетних²⁹. Однако, эти случаи были очень редки, и в фондах региональных архивов нам не удалось найти свидетельств отбывания наказаний в монастырях Вологодской губернии за эти правонарушения. Необходимо отметить, что устав предусматривал наказание монашествующих лиц за проступки в зависимости от их чина: иеромонах и иеродиакон были подсудны соответственно как священник и диакон, а монах и послушник, как причетник. Они могли подвергаться и другим мерам взыскания, изложенных в «Завещаниях для инока», преданных Святым Василием Великим, во 2-й части «Кормчей Книги», в «Номоканоне» и в «Духовном Регламенте». При этом, бывали случаи принятия решений по «монашествующим» в «индивидуальном порядке». Например, в 1808-1809 гг. было рассмотрено дело о недостойном поведении послушника Троицко-Гледенского монастыря Устюгского уезда Ивана Осонина³⁰. Первоначально, по резолюции епархиального архиерея, по-

²² ПСЗРИ – 2. Т. XVI. 1841 г. Отд. 1. № 14 409. С. 246.

²³ ГУ РК «НА РК». Ф. 232. Оп. 1. Д. 25. Л. 20, 20 об.

²⁴ Там же. Ф. 232. Оп. 1. Д. 220. Л. 13.

²⁵ Там же. Ф. 232. Оп. 1. Д. 255. Л. 10-11 об.

²⁶ Там же. Ф. 232. Оп. 1. Д. 255. Л. 24-25 об.

²⁷ ГАВО. Ф. 512. Оп. 1. Д. 448. Л. 5-5 об.

²⁸ Николаевский Коряжемский монастырь Сольвычегодского уезда Вологодской губернии. Вологда, 1901. С. 11-29.

²⁹ ПСЗРИ – 2. Т. XVI. 1841 г. Отд. 1. № 14 409.

³⁰ МУ «ВЦА». Ф. 364. Оп. 1. Д. 2944. Л. 1-22 об.

следовавшего на рапорт игумена Германа «о пьянственных и прочих неблагопристойных поступках», консистория направила послушника в Устюгское духовное училище «в прислугу». Но после пересмотра дела в присутствии духовного правления, молодой человек 28 лет «от роду», выходец из государственных крестьян, был отправлен «в военную службу»³¹. Это один из редких случаев, когда послушник не был пострижен в монашество, а, напротив, за несоответствующее поведение возвращен в крестьянское сословие с возложением на него рекрутской повинности.

Отдельного рассмотрения требуют дела о гражданских лицах. В главе «О наложении церковной епитимии» устава предписывалось, что «церковное покаяние» на гражданских людей должно налагаться епархиальным начальством или «по приговорам светских присутственных мест». При этом «на основании церковных правил» определялись сроки и «образ прохождения покаяния, по роду поступков и преступлений»³². Архивные источники свидетельствуют о фактах отбывания на епитимии в монастырях Вологодской губернии «гражданскими», однако это весьма редкие случаи. В источниках сохранились сведения о пребывании на «церковном покаянии» крестьян, купцов, военных, мещан и дворян. В Спасо-Прилуцком монастыре наказание несли преимущественно «за отступление от православной веры» (то есть как раскольники). Наибольший пик активности ссылки в эту обитель лиц гражданского ведомства приходился на первую половину XIX столетия³³. Для женщин за прелюбодеяние практиковалась ссылка в Вологодский Горний Успенский монастырь³⁴. После издания Синодом в 1837 г. распоряжения «О мерах борьбы с расколом», эта «девичья» православная обитель активно использовалась как место ссылки за «отступления от веры», а также за длительное отсутствие на исповеди³⁵. В XIX в. за «сектантство» и «раскол» отправляли преимущественно в Вологодский Свято-Духов монастырь, который был местом отбывания наказания главным образом для духовных лиц за уголовные, гражданские и церковные преступления (убийство, укрывательство беглого, кражи, раскол), а также правонарушения (пьянство, неповиновение начальству, самовольные отлучки, неисполнение обязанностей)³⁶. В 1850 г. в делопроизводственных документах зафиксирован случай пребывания на епитимии в том же монастыре трех гражданских лиц³⁷. По мнению историка А.Р. Павлушкова ссылка светских лиц в монастыри во второй половине XIX столетия прекращается. Однако в делопроизводственных документах сохранились сведения о пребывании крестьян в монастырской ссылке Троицко-Стефановском общежительном монастыре³⁸.

Таблица 1

Численность лиц, пребывавших в «монастырской ссылке» в Ульяновском Троицко-Стефановском мужском монастыре в 1860-1917 гг.³⁹

Категории лиц	1860-1869 гг.	1870-1879 гг.	1880-1889 гг.	1890-1899 гг.	1900-1909 гг.	1910-1917 гг.	Всего (1860-1917 гг.)
Священнослужители	4			3			7
Церковнослужители	3	2	1	11	1	2	20
Крестьяне (из них несовершеннолетние)			1	3 (3)			4 (3)

³¹ Там же. Ф. 364. Оп. 1. Д. 2944. Л. 22, 22 об.

³² ПСЗРИ – 2. Т. XVI. 1841 г. Отд. 1. № 14 409. С. 254.

³³ ГАВО. Ф. 512. Оп. 1. Д. 556. Л. 1-2; Д. 551. Л. 8; Д. 516. Л. 18-19, 40-40 об. и другие.

³⁴ Там же. Ф. 511. Оп. 1. Д. 189. Л. 1-4.

³⁵ Там же. Ф. 511. Оп. 1. Д. 50. Л. 90-90 об., 100.

³⁶ Там же. Ф. 1041. Оп. 1. Д. 1. Л. 2, Д. 21. Л. 338, 429, Д. 107. Л. 107, 249, 534.

³⁷ Там же. Ф. 1041. Оп. 1. Д. 42. Л. 139.

³⁸ ГУ РК «НА РК». Ф. 232. Оп. 1. Д. 211. Л. 32а.

³⁹ Там же. Ф. 232. Оп. 1. Д. 20. Л. 20, 20 об., 29, 31, 31 об., Д. 22. Л. 53, 53 об., Д. 25. Л. 20, 20 об., 29, 31, 31 об., Д. 77. Л. 6-7, Д. 131. Л. 60-67, Д. 155. Л. 8-10, Д. 165. Л. 4-6, Д. 203. Л. 26, Д. 211. Л. 23, 23а, 32, 48-49, Д. 220. Л. 13, 16, 25, Д. 228. Л. 35, 36, 38, 38 об., 57, 58, 59, 62 в., Д. 278. Л. 19-20, Д. 301. Л. 4-6, Д. 314. Л. 31-32, Д. 347. Л. 28-30, Д. 348. Л. 39.

Как видно из сводной таблицы, составленной на основе данных о лицах, пребывавших в «монастырской ссылке» в Ульяновском Троицко-Стефановском мужском монастыре с момента его основания в 1860 г. до 1917 г.⁴⁰, эта обитель использовалась преимущественно для «исправления» духовенства. В 1890-1899 гг. в Ульяновскую обитель на отбывание «церковного наказания» было отправлено наибольшее количество лиц (3 – из крестьян, 14 – из духовенства). При детальном рассмотрении дел, оказалось, что крестьяне, пребывавшие в этой обители в 1890-х гг., были несовершеннолетними преступниками, отбывавшими наказание от 40 дней до двух месяцев «за кражу со взломом»⁴¹.

В связи с участвовавшими случаями совершения правонарушений детьми, проблема их распределения в монастыри была рассмотрена в Вологодской духовной консистории и окружном суде в 1897-1898 гг. Настоятелям и настоятельницам рекомендовалось не отказывать в приеме несовершеннолетних преступников, направляемых по решению суда в обители. По резолюции архиерея Вологодской и Тотемской епархии наиболее удобными для помещения «для духовного исправления» детей были выбраны пять мужских монастырей: Дионисиево-Прилуцкий, Павло-Обнорский, Спасо-Суморин, Николаево-Прилуцкий, Троицко-Стефановский. Обители для отбывания наказания распределялись по уездам: первый из них – для преступников из Вологодского и Кадниковского уездов, второй – из Грязовецкого уезда и прилегающей к нему части Тотемского уездов, третий – из Вельского и Тотемского уездов, четвертый – из Устюгского уезда, пятый – из Яренского⁴².

Таблица 2

**Численность лиц, заключенных на епитимию
в Великоустюгском Михайло-Архангельском монастыре в 1890 г.⁴³**

Категории лиц	На каком основании заключены				Преступление / правонарушение			Срок отбывания наказания	
	досечение благочинного	указ духовного правления	распоряжение Синода	резолюция епископа	нетрезвость и неблагочинное служение	оскорбление предпринятием к присяге	растрата «сиротских сумм»	7-9 дней	1-6 месяцев
Священнослужители			1	3	3		1	2	2
Церковнослужители	2	1			2	1		2	1
Итого	2	1	1	3	5	1	1	4	3

В 1890-х гг. происходит ужесточение правил по содержанию в «монастырской ссылке». Указом Вологодской духовной консистории от 11 декабря 1890 г. за № 14 настоятелям монастырей было предписано представлять в конце каждого года ведомость о лицах, содержащихся на епитимии с обозначением времени их поступления, выбытия и поведения⁴⁴. Это облегчает сбор сведений о монастырской ссылке. Ведомость Великоустюгского Михайло-Архангельского монастыря за 1890 г. о лицах, со-

⁴⁰ См. Таблицу 1.

⁴¹ ГУ РК «НА РК». Ф. 232. Оп. 1. Д. 211. Л. 48-49, Д. 228. Л. 38, 38 об.

⁴² Там же. Ф. 232. Оп. 1. Ф. 232. Оп. 1. Д. 255. Л. 7-8 об.

⁴³ МУ «ВЦА». Ф. 23. Оп. 1. Д. 19. Л. 125-126.

⁴⁴ Там же. Ф. 23. Оп. 1. Д. 19. Л. 124, 124 об.

державшихся на епитимии⁴⁵, дает возможность проанализировать данные о категориях лиц, пребывавших на епитимии, основания для их заключения, видах преступлений и правонарушений, сроках отбывания наказаний⁴⁶. Источники содержат сведения о пребывании в обители семи лиц духовного ведомства, из них трое – церковнослужители (дьяконы, причетники, псаломщики). Основанием для заключения в монастырь на епитимию церковнослужителей были донесения благочинных и указы духовного правления, священники несли «монастырское наказание» на резолюции епископа и в редких случаях (за экономическое преступление) – по резолюции Святейшего Синода. При этом, срок отбывания в «монастырской ссылке» зависел от преступления (правонарушения), тяжести вины и составлял от недели до шести месяцев. Максимальный срок был назначен «за растрату сиротских сумм». По этому делу отбывал наказание священник Евлакипай Заварин из Устюжского уезда. По указу Синода Заварин был сослан в монастырь на шесть месяцев. Среди дел по религиозным правонарушениям церковнослужителей особо выделяется случай псаломщика Христорождественской церкви Аполлона Голубева. Указами духовного правления (от 15 февраля 1890 г.) и Вологодской духовной консистории (от 18 декабря 1889 г.) церковнослужитель был определен в Великоустюжский Михайло-Архангельский монастырь «за оскорбление в церкви перед приведением к присяге»⁴⁷, что фактически можно рассматривать как проявление неуважения не только к официальной церемонии, но и как своеобразное выступление против власти.

Таким образом, монастыри Вологодской губернии, подчиненные реализации общегосударственных целей, осуществляли пенитенциарную практику, являясь местом «ссылки» и «духовного исправления» за совершение религиозно-нравственных, уголовных преступлений и правонарушений. Архивные источники отражают сведения о многократных случаях применения в качестве наказания «исправление в монастырях» для белого и черного духовенства, а также для гражданских лиц. Внимание к регламентации осуществления «монастырской ссылки» для несовершеннолетних лиц крестьянского сословия, демонстрирует увеличение случаев их исправления в обителях Вологодской епархии в середине XIX столетия. При этом сохранившиеся делопроизводственные документы демонстрируют преобладание содержащихся на епитимии лиц духовного ведомства и в редких случаях пребывания гражданских лиц. В целом, в законодательстве и делопроизводственных документах Российской империи конца XVIII – начала XX вв. прослеживаются тенденции по увеличению количества дел по религиозным правонарушениям, рассмотренных местными епархиальными властями, что свидетельствует о переложении судебных функций на духовные правления и консистории с наделением их правом наложения монастырской епитимии. Святейший Синод оставил за собой полномочия по решению особо важных духовных и экономических преступлений духовенства.

PRISON PRACTICE OF VOLOGDA PROVINCE MONASTERIES FROM LATE XIX TO EARLY XX CENTURIES

A.V. ROZHINA

Sykttyvkar State University

e-mail: arojina@bk.ru

On the basis of the published and archival documents the author considers one of the prominent aspects of Russian History – the problem of the prison practice of the monasteries. The author makes an attempt to investigate «church punishment» and the development of between monasteries and state-church authorities in Vologda province of late XIXth – early of XXth century.

Key words. Russian Empire, Vologda province, Russian Orthodox church, monasteries, punishment.

⁴⁵ Там же. Ф. 23. Оп. 1. Д. 19. Л. 125, 125 об.

⁴⁶ См. Таблицу 2.

⁴⁷ МУ «ВЦА». Ф. 23. Оп. 1. Д. 19. Л. 125 об.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ЗЕМСКОЙ УПРАВЫ И ПРЕДВОДИТЕЛЬ ДВОРЯНСТВА: АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПАРИТЕТ, ИЛИ БОРЬБА ЗА ЛИДЕРСТВО В УЕЗДНОЙ ЖИЗНИ ПОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ (60-90-Е ГГ. XIX В.)*

В.А. ШАПОВАЛОВ

*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

e-mail: Shapovalov@bsu.edu.ru

В статье рассматривается проблема борьбы за лидерство в уезде между предводителем дворянства и председателем уездной земской управы в пореформенный период. Проанализированы причины децентрализации уездного управления и природа данного конфликта.

Ключевые слова: уезд, предводитель дворянства, председатель земской управы, управление, пореформенный период.

Рассмотрение реализации земской реформы 1864 г. и её влияние на реконструкцию системы уездного управления непременно ставит вопрос о границах административных компетенций предводителя дворянства и председателя земской управы. Во многом это объяснялось отсутствием в уезде единого официального главы, которому бы напрямую подчинялись все руководящие структуры, по примеру губернского предельно централизованного управления во главе с губернатором. При решении многочисленных дел из разных сфер жизнедеятельности, данное положение вызывало массу неудобств и не случайно губернаторы, в частности курский, в 1898 г., когда готовилась реформа местного управления, в официальном отзыве на запрос министра внутренних дел отметил необходимость централизации уездного управления «в лице авторитарного начальника уезда»¹. Несмотря на то, что предводитель дворянства по своему функционалу считался реальным хозяином уезда, в обыденной жизни существовало три фактически независимых субъекта власти: предводитель дворянства, председатель земской управы и уездный исправник – глава полицейского управления². У каждого из них была своя сфера деятельности и свой функционал, который не предусматривал прямого вмешательства не какой-либо другой уездной ветви власти.

Из трех названных центров уездного управления нас интересуют два – предводитель дворянства и председатель земской управы, общепризнанные наиболее влиятельными. В уездах с сильными дворянскими корпорациями исправнику приходилось ладить и с земским предводителем, земским начальником, и с предводителем дворянства, так как в случае столкновения с ними уступать и даже покидать уезд приходилось полицейскому чиновнику³. Предводитель дворянства и председатель земской управы были избираемыми должностями, отражавшими расклад определенных предпочтений в дворянской уездной корпорации. Это было обусловлено тем, что предводитель избирался дворянами уезда на губернском дворянском собрании, а председатели земских уездных управ, как показывают данные по Центральному Чер-

* Работа выполнена при поддержке ФЦП « Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009-2013 годы », Государственный контракт № 16.740.11.0545 от 23.05.2011 г.

¹ Государственный архив Курской области (ГАКО). Ф. 1. Оп. 1 Д. 6440. Л. 45-45 об.

² Шаповалов В.А., Шаповалова И.В. Уездный предводитель дворянства в структуре местного управления в пореформенной России // Российская империя в исторической ретроспективе. Сборник научных трудов V Международной научной конференции. Белгород, 28-29 января 2010 г. Белгород – Чернигов, 2010. С. 156.

³ Зырянов П.И. Социальная структура местного управления. 1864-1914 гг. // Исторические записки. Т. 107. М., 1982. С. 275; Новиков А. Записки земского начальника. СПб., 1899. С. 113.

ноземью, фактически на 100 % состояли из представителей поместного дворянства⁴. В складывавшейся ситуации дворяне, прошедшие определенные выборные этапы, возглавляли уездную сословную корпорацию и земское управление. При этом каждый из них чувствовал поддержку определенной части местного дворянства. Поэтому претензии председателя земской управы на административное лидерство в уезде были далеко небеспочвенными. Причины этих претензий были заложены еще на стадии подготовки и в начале реализации земской реформы. Реформа отмены крепостного права ликвидировала вотчинную административную власть помещиков и объективно встала задача реорганизации как губернской, так и уездной структуры управления. Особое внимание, при этом, уделялось созданию уездной администрации и включению ее в общую бюрократическую систему. В частности, предлагалось ввести коронную должность начальника уезда, ограничив компетенцию уездных предводителей внутрисословными функциями. Такие проекты возникали и накануне реформы 19 февраля 1861 г.⁵ Однако дальше проектов дело не пошло. Снизить статус предводителя дворянства, поставить его в подчиненную роль от коронного чиновника, вызвало бы однозначный негативный отклик в широких поместных кругах и рассматривалось бы как очередное, после освобождения крепостных крестьян, лишение благородного сословия его «законных» привилегий. Поэтому предводителю дворянства был оставлен прежний функционал, но в уезде появился новый центр власти – председатель земской управы, который напрямую не подчинялся предводителю дворянства. Правительство, не прописав в новых реалиях уездного управления, кто является единовластным хозяином решения всех дел, способствовало тому, что каждый из них мог претендовать на эту роль. Предводитель по укоренившейся традиции и своему функционалу, председатель управы – исходя из того, что он являлся избранником представителей всех сословий уезда и отражал суть новой структуры самоуправления. К тому же, для либеральной части дворянства предводитель уже ассоциировался с ушедшей в небытие дореформенной эпохой.

Пресса в ходе подготовки земской реформы однозначно связывала реорганизацию местного управления с руководящей ролью дворянства. Так, в периодическом издании «Наше время» в январе 1862 г. прямо указывалось, что дворянство «имеет значение политическое» и если «к этому прибавить образование», то «дворянство, и по способности и по назначению призвано быть руководителем остальных сословий»⁶. В целом настроения дворянства по реорганизации самоуправления на местах разделились на три направления. Представители либерального направления, считавшие, что с отменой крепостного права в России должны утвердиться и необходимые атрибуты буржуазного правового порядка, выступали, за формальное устранение дворянских привилегий, становившихся в новых условиях опасным анахронизмом, за введение всесословного самоуправления на местах и учреждения центрального совещательного представительного органа. Тенденция к ограничению самодержавия дворянским представительством наметилась среди группы крупной дворянской аристократии, часть которой намеривалась использовать земские учреждения для своего политического влияния. Основная же масса провинциального поместного дворянства, с трудом привыкшая к мысли об утрате своей вотчинной власти, стремилась использовать все возможности для упрочнения своего влияния на местах⁷. Поэтому подавляющая часть местных дворянских корпораций в той или иной форме высказывалась за введение всесословных земских учреждений.

⁴ Настольная книга для уездных предводителей дворянства. СПб., 1902. Т. 1. С. 37-38; Шаповалов В.А. Дворянство Центрально-Черноземного региона России в пореформенный период. М. – Белгород, 2002. С. 209.

⁵ Карелин А.П. Дворянство в пореформенной России. 1861-1904 гг. М., 1979. С. 221.

⁶ Наше время. № 10. 14 января 1862.

⁷ Карелин А.П. Указ. соч. С 209.

Причины интереса помещичьего дворянства к земскому самоуправлению откровенно были высказаны в докладе комиссии по выработке проекта постановления смоленского собрания, состоявшегося в октябре 1862 г. В нем отмечалось, что с отменой крепостного права высшее сословие потеряло свое прежнее исключительное положение и что остается одна возможность «удержать за собой сословное значение и необходимое влияние на общественные дела – стать во главе возникающего земства». При этом, авторы доклада были совершенно уверены в дворянской административной исключительности. «Как бы тесно и уравнительно ни было это соединение, – писали они, – за нами надолго еще останется огромный перевес, который мы приобретаем положением своим, преимуществом умственного и нравственного образования и большей или меньшей привычкой к общественным делам»⁸. С подобной точкой зрения были солидарны и другие губернские дворянские корпорации. Необходимо отметить, что на подобные высказывания у представителей помещичьего дворянства были все основания.

По уровню образованности и административному опыту с дворянством не могла конкурировать ни одна другая сословная общность. С этой управленческой аксиомой были согласны и представители других сословий. Это хорошо просматривалось на заседаниях земских управ и съездов, где лидерство помещичьих дворян никто не пытался оспаривать. Понимало эту социальную реальность и правительство, что было видно на заключительном этапе подготовки земской реформы. По положению о земских учреждениях 1864 г. вся подготовительная работа для открытия земств на местах была возложена в каждом уезде на особые временные комиссии. Во главе этих комиссий стоял временный губернский комитет под руководством губернатора. В состав данного комитета, кроме губернатора, входили все члены особого по земским повинностям присутствия из местных дворян и губернский прокурор. Уездные временные комиссии состояли из председателя – уездного предводителя дворянства, мирового посредника, исправника, чиновника ведомства государственных имуществ и городского головы⁹. Таким образом, вся подготовительная работа по открытию земств в губерниях была возложена фактически исключительно на представителей дворянства.

Все это, в совокупности с помещичьей системой выборов в земские структуры, вполне обоснованно вырабатывало у помещичьих дворян убеждение об институте земства как об одной из сфер уездной жизни однозначно управляемой помещичьим дворянством. Выборы первого трехлетия (1865 – 1868 гг.) подтвердили эти убеждения, во главе земских управ и ее членами в подавляющем числе случаев стали дворяне. Крупный исследователь земских учреждений Б. Веселовский по этому поводу заметил: «При тогдашнем составе земских деятелей, вербовавшихся преимущественно из землевладельцев с высоким цензом, и при той ограниченной компетенции, которая была отведена земским учреждениям по Положению 1864 года, странно было мечтать сделать земство проводником «беспочвенных идеалов». Дальнейшая история подтвердила это, и если первое время «люди с резкими оттенками не имели успеха в земстве», то не изменилось дело и после»¹⁰. То есть, земские структуры находились в руках крупных помещиков.

Подобные взгляды на земство, несмотря на декларацию его сословной природы, было характерным и для первых лиц губернского уровня. Это считалось чем-то самым собою разумеющимся и высказывалось вполне официально. Крупный государственный и военный деятель граф А.Д. Милютин в своих «Воспоминаниях» по этому поводу писал: «При открытии заседания этого собрания (3 января 1865 г. открылось московское губернское дворянское собрание – В.Ш.) московский военный генерал-губернатор Офросимов произнес речь, в которой, желал выразить особенное

⁸ Карелин А.П. Указ. соч. С. 209-210.

⁹ Щербина Ф. Воронежское земство. 1865 – 1889. Воронеж, 1891. С. 53.

¹⁰ Веселовский Б. К вопросу о классовых интересах в земстве. Вып. I. СПб., 1905. С. 1-2.

значение тогдашнего собрания, сказал: «Из среды своей, из вашего именно сословия, предстоит вам, избрание представителей, которым по Всемилошвейше дарованному Вам праву земского самоуправления будут вверены интересы всех сословий губернии».оборот, данный в этой речи предстоящему началу новых земских учреждений, очевидно, был неправильный; из слов генерал-губернатора можно было заключить, что дворянству именно как сословию вверяются интересы всех других сословий»¹¹. Губернские предводители дворянства разделяли подобную точку зрения. Так, на открытии первого Воронежского губернского земского собрания 1 декабря 1865 г., после приветственного слова губернатора к губернским гласным обратился губернский предводитель А.Н. Сомов: «При избрании состава управ в уездах и гласных в губернское земское собрание, доверие всех сословий выразилось в значительном большинстве к дворянскому сословию и, хотя дворянство уже доказало во всех делах, куда призывало его правительство, что оно чуждо сословности, но мы здесь впервые вызваны от всех сословий губернии на служение земскому делу, а избранием поставлены во главе земского управления, а потому на нас лежит правительственная обязанность доказать, что достойны такого признания»¹².

Направленность и тональность данных выступлений фактически тождественна: дворянство призвано правительством и избрано народом, управлять земствами. О всесословном характере управления институтом земств речи не шло¹³. Правда после знаменитого «оппозиционного» московского дворянского собрания 1865 г. и ряда других губернских дворянских собраний, между правительственными структурами и земствами усилятся нотки недовольства друг другом, хотя у верховной власти были опасения насчет оппозиционности земств с самого момента реализации этой идеи.

Такие настроения в значительной части провинциального дворянства способствовали тому, что с учетом отсутствия единого официального главы в уезде, отдельные председатели земских уездных управ стали претендовать на роль глав уездов. Как было выше сказано, председатели видели уже себя избранниками всех сословных общностей уезда, и отсюда, с их точки зрения, предводитель дворянства – избранник собственной сословной корпорации, не мог считаться реальным хозяином уезда. Проблема состояла в том, что и предводитель и председатель оба считали себя ставленниками местного дворянства, но с различным характером претензий на общесословный характер своей власти. Отсюда происходили столкновения, которые были не единичными. Основоположник русской генеалогии, предводитель дворянства Коротоякского уезда Воронежской губернии Л.М. Савелов вспоминал: «Служба мне нравилась, с большинством коротоякских деятелей я был в добрых отношениях, и единственно, с кем, в конце концов, не поладил – это был П.А. Ржевский, бывший при мне председателем управы, но это, по-видимому, происходило в большинстве уездов, так как и предводитель дворянства, и председатель управы каждый считал себя хозяином уезда»¹⁴. Савелов прямо указывает, что в рамках губернии, подобная борьба за власть в уездах была распространенным явлением.

Естественно, что среди помещного дворянства была определенная часть, которая так и не приняла для себя земскую реформу, считая недопустимым представителям благородного сословия делить с кем-либо местное управление. Один из идеологов консервативной части дворянства А. Пазухин доказывал, что только помещное дворянство в нравственном отношении достойно руководить земскими структурами: «На бессословной почве очень быстро народились представители бессословного начала корысти. Если мало еще таких уездов, где земство находится в руках простой шайки негодяев, то не мало уже таких, где на выборы лиц служащих по земству имеют влия-

¹¹ Милютин Д.А. Воспоминания. 1865-1867. М., 2005. С. 46-47.

¹² Щербина Ф. Указ. соч. С. 77.

¹³ Шаповалов В.А. Корпоративное представление провинциального дворянства о сословном характере управления земствами в 60-80-х гг. XIX века // Проблемы истории, философии, культуры. Вып. XIX. М., – Магнитогорск – Новосибирск, 2008. С. 59.

¹⁴ Савелов Л.М. Из воспоминаний. 1892-1902. Воронеж, 1996. С. 56.

ние люди сомнительной нравственности. Там, где помещное дворянство теряет влияние на ход дел, власть очень быстро переходит в грязные руки представителей новых элементов, неразборчивых в выборе средств, борьба с которыми для людей добросовестных невозможна», при этом, с сожалением добавляет: «Значение предводителя дворянства, этого единственного представителя нашего старого служилого сословия пощаженного реформами прошлого царствования, не могло быть предметом спора. Весь ход реформы предрешал, а логическая последовательность требовала или полного упразднения этой должности, или низведения её влияния до нуля...

Главная ошибка в вопросе о реформе местного управления и состоит в том, что земство признавалось за ту силу, которая способна заменить старое помещное дворянство»¹⁵.

В этих рассуждениях представителя «непримиримой» части помещного дворянства важен факт признания, что в ходе земской реформы социальный статус уездного предводителя дворянства снизился. С другой стороны, подавляющая часть помещного дворянства, включая и представителей аристократических фамилий, вероятно, не видела для себя непреодолимой преграды при переходе со службы по дворянским выборам в земские структуры и наоборот. Для них это была «дворянская служба» местному обществу. Например, исследователь тамбовского земства в кратких биографических очерках крупнейших представителей местного земства, в частности кн. Н.Н. Чолокаева, Ф.Д. Хвоцинского, И.Ф. Кузьмина, С.Н. Чичерина, А.Е. Воронцова-Вельяминова, М.В. Неклюдова и др., показала, что с 1865 г. по начало XX века они чередовали свою службу, как в земских структурах, так и по дворянским выборам¹⁶. В редких случаях одно лицо соединяло сразу две важнейшие должности в уезде. Крупный земский деятель Казанской губернии Н.А. Мельников, описывая местных земцев, отмечал: «Губернский гласный от Цивильского уездного земства Александр Арцыбашев. Он был одновременно Цивильским и Ядринским Уездным Предводителем Дворянства и Председателем Цивильской земской управы. Обе эти должности он совмещал несколько трехлетий...»¹⁷. Как видим, активная часть помещных дворян, за исключением определенной части «непримиримых», стремились на службу как в земства, так и структуры дворянских корпораций.

Рассмотрим административный функционал предводителя и председателя, а также их собственные представления о своих должностях, отношение других чиновников к роли двух первых административных лиц уездного уровня.

Исходя из существовавшего законодательства, уездным предводителем мог быть избран потомственный дворянин, отвечающим следующим требованиям:

- быть честного и безукоризненного поведения и не находиться под следствием;
- быть внесенным в дворянскую родословную книгу той губернии, в собраниях дворянства которой он желал участвовать;
- иметь в губернии недвижимую собственность;
- быть не моложе 21 года;
- иметь классный чин или российский орден, или когда он имел аттестат об окончании курса наук в высшем или среднем учебном заведении, или когда он прослужил три года по выборам дворянства или в должностях: мирового посредника, неперменного члена губернского или уездного по крестьянским делам присутствия, участкового или почетного мирового судьи, председателя или члена земской управы, городского головы или члена городской управы;
- по представлении им аттестата или приказа об увольнении с последнего места службы.

¹⁵ Пазухин А. Современное состояние России и сословный вопрос // Русский вестник. Т.175. М., 1885. С. 16, 20-21.

¹⁶ Двухжилова И.В. Социальный состав тамбовского земства (1865-1890 гг.). Тамбов, 2003. С. 111-135.

¹⁷ Мельников Н.А. 19 лет на земской службе. Йошкар-Ола. 2008. С. 39.

Значительно было облегчено участие в выборах высшим чинам гражданского и военного ведомств: действительный статский советник или полковник мог быть избран предводителем независимо от размера недвижимости или даже совсем без нее, если он получал пенсию или аренду в сумме не менее 900 руб. в год¹⁸. И тоже время, законом подчеркивалось: «...дворянству предоставляется избирать в Уездные предводители и такого потомственного дворянина, который, хотя и не соединяет в себе условий, установленных статьею 118, но службою своею и достоинствами заслужил особенное внимание и приобрел доверенность дворянского сословия»¹⁹. В статье 118 оговаривались размеры имущественного ценза и классность чинов. Таким образом, в уездные предводители могли избираться потомственные дворяне всех страт, включая мелкопоместных. Уездный предводитель избирался уездным дворянством в ходе губернского дворянского собрания и утверждался губернатором²⁰.

В рассматриваемом аспекте для нас интересны указания о должностях, носители которых по закону могли занимать должность уездного предводителя. Среди перечисленных была и должность председателя земской управы. Это прямо указывает на более низкий статус должности председателя управы так, как исходя из логики данного закона, она имеет нисходящий вектор управленческого статуса. Хотя нигде не указывалось о прямой подчиненности председателя главе дворянской уездной корпорации.

Административные обязанности уездного предводителя были весьма обширны и подразделялись на две большие сферы. Первая была связана с жизнедеятельностью уездного дворянства. Предводитель отвечал за «хранение и расходование» сумм дворянских, работу уездного дворянского собрания, ведение родословных книг уезда, выдачу дворянам свидетельств, в случае их необходимости, контроль над дворянской опекой, работу посреднической комиссии для полюбовного размежевания дач, состоящих в чересполосном и общем владении. Вторая сфера касалась непосредственно чисто управленческих задач, относящихся к жизнедеятельности всего уезда: председательство в уездном земском собрании, земских избирательных собраниях и съездах, участие в губернском земском собрании, председательствовать в уездных съездах по крестьянским делам, во временной комиссии для составления очередных списков присяжных заседателей по уезду, в уездном по питейным делам присутствии, в уездном по воинской повинности присутствии, в училищном совете²¹.

О характере деятельности уездного предводителя никто не скажет лучше, чем сам предводитель, тем более перейдя на эту должность с должности председателя земской управы. В 1900 г. князь А.Д. Голицин, покидая должность председателя харьковской уездной земской управы и становясь предводителем дворянства этого же уезда, отразил данный факт в своих воспоминаниях: «Но перед тем как с головой уйти в деятельность своей новой должности, мне нужно закончить таковою в качестве Председателя Уездной Земской Управы...

Председательствование на очередном Уездном Земском Собрании явилось концом моей земской деятельности в прямом смысле этого слова и началом моей новой деятельности в качестве Предводителя Дворянства.

Характер ее резко изменился: мне ничего не приходилось разрабатывать, создавать, а лишь руководить и направлять, сообразуясь с законом в области административной деятельности, либо пользою и нуждами в области общественной»²².

Князь непосредственно знал о чем говорил, должность предводителя, в сравнение с председателем управы, имела управленческо-представительский характер,

¹⁸ Свод законов Российской империи. СПб., 1912. Т. IX. Ст. 113, 118, 300.

¹⁹ Свод законов Российской империи. Т. IX. Ст. 300.

²⁰ Малый энциклопедический словарь. СПб., 1909. Т. 2. Вып. IV. С. 1067.; Шаповалов В.А. Дворянство Центрально-Черноземного региона России в пореформенный период. С. 178.

²¹ Свод законов Российской империи. Т. IX. Ст. 382, 384; Справочная книга для уездных предводителей дворянства. СПб., 1887. С. 3.

²² Князь А.Д. Голицин. Воспоминания. М., 2008. С. 148.

так как, председательствуя в различных присутствиях, предводитель не отвечал за их деятельность.

Основной же сферой деятельности предводителя была работа в многочисленных уездных присутствиях. В своих мемуарах кн. С.Д. Урусов, описывая свою работу на посту предводителя дворянства Перемышльского уезда Калужской губернии в конце 1880-х гг., отмечал: «Наиболее ответственные и вместе с тем наиболее почетные обязанности по участию в уездном управлении закон предоставлял уездному предводителю дворянства. Он являлся председателем большинства присутствий, т. е. коллегий, в которых разрешались дела уездного населения. Можно безошибочно утверждать, что обязанности сословного характера (опека, заведование дворянскими суммами) не занимали и одной сотой части времени, посвященного предводителем на прочие дела»²³. Данный отрывок из воспоминаний уездного предводителя знаменателен еще и тем, что здесь прямо указывается, что предводитель участвовал в уездном управлении, а не возглавлял его. Хотя на него законом возлагались наиболее ответственные направления участков работы. То есть, предводитель признавал, что он является одним из субъектов управленческой системы уездной администрации. Ограниченность административной власти в уезде признавали и другие предводители. Кн. М.В. Голицин, в конце XIX – нач. XX вв. бывший дворянским предводителем Елифанского уезда Тульской губернии, по этому поводу подчеркивал: «Структура уездов была следующей: уездный предводитель дворянства по закону председательствовал в ряде уездных учреждений, как будет видно ниже, и был до известной степени главой уезда»²⁴. Другими словами, он не был реальным хозяином уезда. Князь Б.А. Васильчиков, в середине 1880-х гг. бывший предводителем Старорусского уезда Новгородской губернии, так характеризовал свой спектр деятельности: «Предводительская должность всегда представляла широкое поле деятельности для всякого желающего себя посвятить общему делу своего уезда. Как у председателя всех уездных учреждений (кроме полицейских), составленных из коллегий, которые носили звание присутствий, комитетов и т.п., в его руках сходились все нити уездной администрации, а через председательствование в уездном земском собрании он близко соприкасался с земским делом»²⁵. Васильчиков подчеркивает, что вне рамок его компетенции находились вопросы уездного исправника, а с земством он просто соприкасался в силу председательствования в земском уездном собрании.

Предводители в своих воспоминаниях, высоко ставя статус уездного главы дворянской корпорации, тем не менее, прямо указывали на свое «участие в уездном управлении», «до известной степени [являясь] главой уезда», «соприкасаясь с земским делом» и т.п. Другими словами все они сходились к тому, что, несмотря на общепризнанный статус первого лица уезда, их власть не была полной в уезде. Это подтверждали и нижестоящие чиновники. Так, А. Новиков, служащий земским начальником в Тамбовской губернии, писал: «Должность уездного предводителя дворянства самая почетная в уезде и вместе с тем самая трудная. Не имея почти никаких дел личных, предводитель состоит вместе с тем председателем почти всех коллегиальных учреждений уезда... Естественно, что он не работает во всех этих учреждениях; на это в каждом из них есть непреременные члены, как уездный член суда в съезде, инспектор в училищном совете и т.д., но везде он может явиться со своим авторитетным голосом, везде он может прекратить и предупредить возможные злоупотребления...

Хотя в съезде он председательствует и в судебном и в административном заседаниях, но влияние его может быть только личное. В судебных заседаниях уездный член, как юрист, более компетентен: он готовит дела, без него суда быть не может – очевидно, ему и книги в руки; сколько я не знаю предводителей, все они в судебных заседаниях никогда почти не участвуют...» и далее он касается власти предводителя

²³ Урусов С.Д. Записки. Три года государственной службы. М., 2009. С. 159.

²⁴ Князь Голицин М.В. Мои воспоминания. 1873-1917. М., 2007. С. 207.

²⁵ Князь Борис Васильчиков. Воспоминания. Псков, 2003. С. 37.

над земским начальником: «Что касается отношений предводителя к земскому начальнику, то закон дает ему только право ревизий...

Действительно, что может сделать предводитель, если при ревизии найдется что плохое? Написать губернатору, – дело же решит губернское присутствие. Поэтому я никогда не слыхал, чтобы предводители пользовались этим правом, даже при всем желании помочь делу...

Тем более не может предводитель касаться волостных правлений. Тут один начальник, один вершитель судеб крестьянских – земский. Очень ошибаются те, которые думают, что предводитель – все в своем уезде. Наоборот, если предводитель имеет значение, то это – не по закону, а по личному авторитету»²⁶.

А. Новиков, довольно хорошо разбираясь в тонкостях уездного управления, подчеркивает, что должность предводителя считается первой, но во многом, имела исключительно председательствующий статус, «не имея почти никаких дел личных». При этом реального механизма воздействия, кроме ревизионно-контролирующего, он не имел. Отсюда, его статус держался исключительно на личном авторитете.

В глазах дворянства должность предводителя была окружена ореолом бескорыстного служения местному обществу, что придавало ей несомненный авторитет. Так, как уездный предводитель, как и служащие его канцелярии, состоял на государственной службе, но жалованье от казны им не полагалось. Князь С.Д. Урусов писал по этому поводу: «Все без исключения обязанности он нес бесплатно, отдавая свое время, свой труд и отчасти денежные средства, имея взамен лишь сознание приносимой пользы обществу и государству, если не считать получаемых иногда наград в виде крестов, надеваемых на шею в редких случаях, когда приходилось облекаться в мундир. Этот характер службы из «чести» придавал должности предводителя дворянства чрезвычайную привлекательность, окружая её известным почетом и уважением»²⁷. Председатель же земской уездной управы получал, по местным меркам, неплохое жалование.

Высокий общественный статус предводителя дворянства во многом был обусловлен тем, что его носителями являлись представители самых уважаемых и богатых дворянских фамилий уезда. Несмотря на то, что закон в особых случаях позволял избирать уездного предводителя из среды мелко поместного дворянства, игнорируя его «непроходной имущественный ценз, в реальной жизни это не происходило. Существовала фактически непреодолимая социально-психологическая дистанцированность у представителей верхних страт дворянства от низших. В этом отношении так же выгодно отличались и должность председателя земской управы так, как многие из них были в свое время предводителями дворянства. То есть, как было показано выше, одни и те же представители уважаемых в уезде фамилий занимали поочередно должности по дворянским выборам и в земских структурах.

При этом, предводитель дворянства и председатель управы часто были соседями по имениям, ведя исключительно помещичий образ жизни, редко появляясь в уездном центре для исполнения своих функциональных обязанностей. Председатель земской уездной управы В.А. Авеский вспоминал: «Из начальствующих лиц обычно никто в городе не жил: и предводитель дворянства, и председатель управы проживали всегда в своих поместьях, время от времени приезжая в город на заседания»²⁸. Для местных дворян они оба являлись представителями собственной помещичьей касты, при том, верхних её подгрупп. На их памяти, сегодня один из них мировой судья, завтра – предводитель дворянства, другой – депутат дворянского собрания, затем – председатель земской управы. В сознании уездного общества существенную роль играла уже не столько должность конкретного дворянина, а его деловая хватка, умение

²⁶ Новиков А. Записки земского начальника. СПб., 1899. С. 133-134.

²⁷ Урусов С.Д. Указ. соч. С. 160.

²⁸ Авеский В.А. Земство и жизнь (записки председателя земской управы) // Исторический вестник. 1912. № 1. С. 158.

отстаивать интересы уезда, не на последнем месте и готовность накрыть стол для избранных благородного сословия уезда. Другими словами, все определял авторитет личности. В отдельных же случаях, должность уездного предводителя переходила из поколения в поколение в рамках определенного дворянского рода, что было отражением корпоративного традиционализма в поместной среде к статусу предводителя. Например, в Воронежской губернии И.А. Звягинцев в 1879-1881 гг. – бобровский уездный предводитель, его сын Владимир в 1897-1898 гг. занимал так же эту должность, родной племянник Владимира Н.А. Звягинцев в 1890-1901 гг. – новохоперский уездный предводитель²⁹.

Вся хозяйственная сфера деятельности земских структур была изложена во второй статье «положения о губернских и уездных земских учреждениях, Высочайше утвержденного 1 января 1864 г.»³⁰. Она была, по рамкам уезда, довольно обширна, конкретна, важна и включала в себя: земские сборы, дорожная, подводная, постоянная (для проезжающих чиновников и проходящих войск) повинности, забота о продовольственной безопасности, развитии торговли, промышленности, сельского хозяйства уезда, медицины и образования, содержания мест заключения. От председателя земской управы реально во многом зависела степень пореформенной модернизации поместного дворянства, крестьян и других представителей сословных сообществ уезда.

Земскую реформу, в практической плоскости, провинциальные дворяне восприняли, со слов С. Н. Терпигорева «...с двух точек...с «завиральной», как выражались в тридцатых и сороковых годах, и потом с чисто наживной.

Как уже это совмещалось в наших головах, этого, конечно, никто никогда не объяснит...

Очень много ждали мы от земских учреждений с завиральной точки зрения, но гораздо больше бежали у нас слюнки, когда мы начинали смотреть на них с «экономической». Эта сторона казалась несравненно привлекательнее «завиральной»³¹. Исходя из авторской сути цикла очерков «Оскуднение» Терпигорева «завиральными» ожиданиями являлись непрерывные утверждения в поместной среде об особой роли дворянства в российском обществе. Авторский тезис «Очень много ждали мы от земских учреждений с завиральной точки зрения» все-таки в реальной действительности себя во многом оправдал. Дворянство прочно и надолго возглавило все земские структуры. Экономические ожидания, в силу ограниченных законом возможностей земств, не могли в полной мере оправдать себя. Но все эти надежды у помещиков проектировались через призму функциональной деятельности уездной земской управы. Во главе с председателем.

В то же время, дворяне-помещики часто видели в земских гласных из разночинной бюрократии, как и в представителях коронной уездной администрации, нежелательного конкурента уже в первые пореформенные годы. В этом и проявилась противоречивая политика большей части помещиков в отношении к земским структурам, с одной стороны, явное желание самостоятельно руководить ими, с другой, – свести на нет какое-либо влияние недворянского происхождения земских служащих, гласных и уйти от опеки и контроля со стороны аппарата предводителя и уездной коронной администрации. В этом клубке управленческих противоречий и формировалась система взаимоотношений уездного предводителя и председателя земской управы. Отсюда, конфликты земских органов, в которых руководящие должности занимали представители поместного дворянства, с коронной бюрократией и чиновниками дворянской корпорации по-прежнему оставались одним из основных типов столкновений в сфере местного самоуправления. Особенно характерны здесь были

²⁹ Савелов Л.М. Указ. соч. С. 102; Государственный архив Воронежской области (ГАВО). Ф. 29. Оп. 1. Д. 3844 Оп. 1. Д. 105.

³⁰ Реформы Александра II. /сост. Чистяков О.И., Новицкая Т.Е. М., 1998. С. 212-213.

³¹ Терпигорев С.Н. (Атава С.). Собрание сочинений. Т. 1. Ч. 1. СПб., 1899. С. 335.

вертикальные типы конфликтов, связанные с жесткой бюрократической иерархией, которую еще больше усилило «Положение» 1890 г.³², сделав ставку в вопросах местного самоуправления на поместное дворянство. В реальности, это не дало существенных результатов. Князь В.П. Мещерский вынужден был с грустью признать, что все попытки Александра III возродить дворянство, были «воззванием к мертвецу»³³. Тем более, когда к концу пореформенного периода произошло резкое сокращение дворянского фонда земель, утрачивались основания и возможности дворянской корпорации на главенство в управлении уездом, и намечалась тенденция к охлаждению интереса уездных предводителей к управленческой деятельности³⁴. Именно в конце 90-х гг. XIX в., как было показано выше, Л.М. Савелов, будучи уездным предводителем, отмечал повсеместный характер борьбы за власть в уездах между предводителем и председателем управы³⁵. Как показывают воспоминания уездных предводителей, на рубеже XIX – XX вв. предводитель уже в редких случаях был реальным хозяином уезда. В частности, М.М. Осоргин, вспоминая свою работу в должности калужского уездного предводителя, перечисляя местных уездных предводителей, называет только одного из них, кто был хозяином уезда: «В то время самым выдающимся и деятельным был предводитель Жиздринского уезда Николай Петрович Булгаков... Он был настоящим хозяином и глава своего уезда, без него там никто ничего не предпринимал»³⁶. Про других он этого не мог сказать.

Однозначного ответа на характер функциональных отношений уездного предводителя и председателя земской управы дать не возможно. Во-первых, должность предводителя оставалась самой почетной и это признавали все другие субъекты уездной власти. Но именно в характере почетности данной должности и была заложена природа ограниченности власти предводителя по отношению к другим руководителям уездного уровня, что и являлось основой для возможных управленческих конфликтов. Предводители, на основании статьи № 43 «Положения о губернских и земских учреждениях», председательствовали в уездных земских собраниях³⁷, но не руководили земскими учреждениями. Председатели управ, в сложившейся правовой ситуации, осознавали свою служебную самостоятельность и самодостаточность. Отсюда, статусность должностей предводителя и председателя управы, в каждом конкретном уезде, определялась авторитетом их носителя. Тем более, в широких помещичьих кругах не было сомнения, что земство – всесословный орган самоуправления, руководимый дворянством. Князь Б.А. Васильчиков по этому поводу отмечал: «Внешние признаки кажущегося засилья явственнее всего проявились в поместной земской жизни, где деятели, принадлежащие к дворянству, несомненно, преобладали. Но и тут это было результатом не столько действия законов о земском представительстве и тем более какой-либо сословной политике, сколько результатом фактического положения вещей – те, кто сменили дворян в качестве земских деятелей, в большинстве случаев вовсе не проявляли вкуса к общественной деятельности, и эта служба фактически оставалась почти монополией дворянства»³⁸. Для жителей уезда предводитель и председатель управы были местными помещиками, которые на определенном этапе своей карьеры нередко переходили со службы в земских учреждениях в структуры дворянской корпорации и наоборот. На обыденном уровне, в личном плане, это могло несколько уравнивать статусность рассматриваемых должностей.

³² Земское самоуправление в России. 1864-1918. Кн. I. 1864-1904. М., 2005. С. 267.

³³ Там же. С. 265.

³⁴ Шатохин И.Т. Кризисные явления в местном управлении Российской империи на рубеже XIX – XX вв. // Проблемы Отечественной истории: источники, историография, исследования. СПб.; Киев; Минск, 2008. С. 376.

³⁵ Савелов Л.М. Указ. соч. С.56.

³⁶ Осоргин М.М. Воспоминания. М., 2009. С. 463.

³⁷ Реформы Александра II. С. 219.

³⁸ Князь Борис Васильчиков. Указ. соч. С. 89.

Правительство не могло не осознавать ущербность системы уездного управления. Пойти же на упразднение должности уездного предводителя, в пользу коронного чиновника, оно не могло. Это означало бы отказ от сословной опоры на дворянство в вопросах местного самоуправления, что в итоге вызвало бы широкое недовольство в дворянских кругах. Подобная административная реформа имела бы серьезные политические последствия. Трансформировать функционал предводителя в сторону хозяйствующего субъекта, облаченного не только председательствующими функциями, означало бы отказ от традиционной службы предводителя «из чести» и приравнивала бы его к коронному чиновнику, лишив привилегий третейского судьи.

После отмены крепостного права нельзя было не пойти на всесословный характер местного самоуправления. Верховная власть решила посредством куриальной системы выборов поставить во главе земств представителей поместного дворянства, до конца не определив возможные последствия фактически равной статусности предводителя и председателя. При этом, правительство полагалось на консервативную природу института уездных предводителей, видя в них противовес либеральным земским деятелям. Но пореформенная межсословная эмансипация и буржуазная трансформация дворянства привели к серьезной либерализации политических взглядов у части дворянства. В неопубликованных мемуарах члена Государственного Совета, тамбовского помещика В.М. Андреевского есть примечательный сюжет: «Большое оживление по всей России вызвало образование в 1902 году уездных и губернских комитетов для обсуждения мероприятий, направленных к поднятию сельскохозяйственной промышленности... на первом же заседании (Тамбовского губернского комитета – В.Ш.) возглавляемые Темниковским уездным предводителем Новосильцевым левые заявили, что прежде чем говорить о вопросах экономических, надо поставить вопрос о форме правления, ибо без ограничения самодержавия конституцией никакие улучшения проблемы сельского хозяйства не спасут России»³⁹. Пусть и в значительно меньшей степени, чем в среде земцев-конституционалистов, но и в среде уездных предводителей стали появляться сторонники кардинального ограничения самодержавия.

В ходе земской реформы 1864 г., введение должности уездного председателя земской управы, неподконтрольного предводителю и избираемого, как правило, из поместных дворян, однозначно уменьшило роль и влияние предводителя в уездной жизни. Их фактический функциональный паритет на первый план выводит личный авторитет, что в свою очередь, являлось причиной борьбы за лидирующую роль в уезде. Как видно из воспоминаний уездных предводителей, такая борьба имела широкое место. Тем не менее, трудно назвать предводителя и председателя управы управленческими антагонистами. Скорее, к ним подойдет термин, которым характеризовали западников и славянофилов в 40-50-е гг. XIX в. – «друзья-враги». Являясь выходцами из одной сословной среды, нередко соседями, решая фактически одни и те же задачи, они часто конфликтовали, исходя из собственных представлений и отстаивая интересы определенной части помещиков уезда.

CHAIRMAN OF THE DISTRICT ZEMSTVO COUNCIL AND MARSHAL OF THE NOBILITY: ADMINISTRATIVE PARITY OR STRUGGLE FOR LEADERSHIP IN DISTRICT LIFE OF POST-REFORM RUSSIA IN 1860-1890S

V.A. SHAPOVALOV

*Belgorod National Research
University*

*e-mail:
Shapovalov@bsu.edu.ru*

The article deals with the problem of leadership in a district (uezd) between marshal of the nobility and chairman of the district zemstvo council in post-reform period. The author analyzes the reasons for decentralization of local governance and nature of the conflict.

Key words: uезд (district), marshal of the nobility, chairman of the district zemstvo council, governance, post-reform period.

³⁹ Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. Р 5328. Оп. 1. Д. 7. Л. 23.

УДК 94 (47). 084

О СООТНОШЕНИИ РАЗМЕРОВ БАРСКОЙ ЗАПАШКИ И КРЕСТЬЯНСКОГО НАДЕЛА В ЧЕРНОЗЕМНОМ ЦЕНТРЕ ПЕРЕД ОТМЕНОЙ КРЕПОСТНОГО ПРАВА

Л.М. РЯНСКИЙ
Р.Л. РЯНСКИЙ

*Курский государственный
университет*

e-mail: rianskij@mail.ru

e-mail: juilar1300j@gmail.com

Авторы статьи предлагают новые подходы к изучению значимого, но дискуссионного вопроса о соотношении размеров барской запашки и крестьянских наделов в середине XIX в., основанные на выборочном изучении первичных массовых источников.

Ключевые слова: крестьяне, помещики, барщина, крестьянские наделы, выборка, первичные источники, крепостная деревня, Черноземный центр.

Вопросы о наделах и повинностях крестьян давно занимали и продолжают занимать видное место в историографии российской крепостной деревни, но, на наш взгляд, они до сих пор остаются недостаточно изученными как в масштабах Европейской России, так и в рамках Центрально-Черноземного района (Воронежская, Курская, Орловская, Рязанская, Тамбовская и Тульская губернии). Правда, благодаря исследованию Б.Г. Литвака историки теперь располагают вполне надежными данными о размерах предреформенного надела во всех шести губерниях Черноземного центра¹. Однако о размерах наделов в начале XIX в. и последующие десятилетия имеются сведения лишь по отдельным помещичьим имениям. Что же касается размеров барской запашки, по которым можно судить об интенсивности барщинной эксплуатации крестьян, то они носят во многом условный характер. В материалах Редакционных комиссий приводятся сведения об общей площади помещичьей земли без выделения пашни, и поэтому исследователям приходится вводить в свои расчеты различные поправочные коэффициенты, с тем чтобы хоть приблизительно определить размер барской запашки. Практически то же можно сказать и относительно показателей размеров барской запашки и надела за конец XVIII в., выводимых путем обработки сведений Экономических примечаний к Генеральному межеванию. Наконец, предпринимавшиеся попытки использования для этих целей данных губернаторских отчетов за 40 – 50 гг. XIX в. о посевах хлебов на помещичьих и крестьянских полях позволяют получить лишь грубые, по существу экспертные оценки, которые нуждаются, по меньшей мере, в уточнениях путем сравнения их с более надежными данными².

Выход из сложившейся, по сути дела, тупиковой ситуации нам видится в мобилизации вполне достоверных сведений, содержащихся в хозяйственной документации по максимально возможному количеству помещичьих имений и применении при их обработке выборочного метода исследования с целью экстраполяции полученных результатов на генеральную совокупность. Первоочередному изучению подлежат источники, относящиеся к середине XIX в. Это необходимо для того, чтобы установить степень достоверности полученной информации посредством ее сопоставления с данными достаточно достоверных источников, в частности уставных грамот, относящихся к кануну реформы 1861 г. В дальнейшем, в случае достижения позитивных результатов, можно будет приступить к обследованию аналогичных документов, относящихся к более ранним периодам.

¹ Литвак Б.Г. Русская деревня в реформе 1861 года. Черноземный центр 1861–1895 гг. М., 1972.

² Ковальченко И.Д. Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в. М., 1967. С. 277, 279; Тюгаев Н.Ф. Крепостная деревня Мордовии в конце XVIII – первой половине XIX века. Саранск, 1975; Рянский Л.М. Хозяйство помещичьих крестьян Черноземного центра в период кризиса феодализма в России (по материалам Курской губернии). Дис. ... канд. ист. наук. Курск, 1979. С. 46–49.

В нашем распоряжении имеются данные о размерах барской запашки по 55 имениям и пашенного надела по 59 поместьям за 1841 – 1860 гг., расположенных во всех шести губерниях Черноземного центра. Они почерпнуты из хозяйственной документации личных фондов помещиков и дел об опеке дворянских имений, хранящихся в центральных и местных архивах³.

Всю совокупность имеющихся данных, по нашему мнению, можно расценивать как естественную выборку. Сохранность выявленных документов была обусловлена случайными причинами. При отборе имений мы стремились избегать какой бы то ни было тенденциозности. Не включались в базу данных лишь те источники, которые либо не поддавались обработке, либо содержали недостаточно достоверные сведения. В частности, пришлось отказаться от использования документов, в которых указывалась только помещичья пашня, но не сообщалось, какое количество барской запашки приходилось на тягло или на мужскую душу. Большинство поместий принадлежало мелким и средним помещикам, что соответствовало стратификации дворянства изучаемого региона. Они располагались, как уже отмечалось, на территории всех губерний Центрального черноземного региона. Все сказанное является основанием для применения выборочного метода в отношении данных о размерах барской запашки и наделной пашни по имеющейся в нашем распоряжении совокупности помещичьих имений.

Проанализируем сначала данные о размерах барской запашки и крестьянского надела в расчете на тягло. Они имеются по 40 и 36 имениям соответственно. Именно эти показатели помещики считали для себя наиболее важными, и потому они получили отражение в тогдашней литературе и периодике. Тягло как окладная и производственная единица было тесно сопряжено с количеством земли, скота, работников и другими параметрами крестьянского хозяйства. В состав одного тягла обычно включались взрослые работник и работница. Если лошадь у крестьянина отсутствовала, то тягло считалось «пешим».

В конце 1840-х гг. выяснением вопроса о количестве барской запашки и наделной пашни, приходящихся на одно тягло в Воронежской, Орловской, Тамбовской и Тульской губерниях, занималось Лебедянское общество сельского хозяйства. На годовом собрании общества в 1850 г. все присутствовавшие помещики сошлись во мнении, что «2-десятичная пропорция на тягло... в нашем краю у всех хозяев принимается нормою... а где много земли, там хозяева дают крестьянам еще несколько более против господских двух десятин в поле» (т.е. 6 дес. в трех полях – Л.Р. и Р.Р.)⁴. В Курской губернии 6 дес. в трех клинах также считались «настоящей мерой», при которой «неуправки не будет»⁵. Обработка указанного количества неудобренной пашни, по-видимому, была вполне посильной для крестьян. По мнению членов Лебедянского общества сельского хозяйства, на тучных черноземах, которые легко обрабатывались и не требовали удобрения, каждое тягло могло поднять и 9 дес. в трех полях барской запашки и столько же наделной земли⁶. Таким образом, помещики Центрального Черноземного района считали своего рода эталоном площадь в 6 дес. бар-

³ Государственный архив Воронежской области. Ф. 167. Оп. 1. Д. 218, 3114, 3982, 5188; Государственный архив Курской области. Ф. 68 (уставные грамоты); Ф. 294. Оп. 1. Д. 266, 398, 406, 493, 552, 554, 555, 614, 641, 646, 694, 707, 743, 783, 794; Ф. 59. Оп. 2. Д. 2192, 3220, 3223, 3228, 3543, 3601, 3642, 3644, 4142, 4327, 4974, 6721, 6727, 6857, 7012; Государственный архив Орловской области. Ф. 70. Оп. 1. Д. 3; Российский государственный архив древних актов. Ф. 1290. Оп. 3. Д. 825; Оп. 4. Д. 2068; Государственный архив Тамбовской области. Ф. 164. Оп. 1. Д. 10, 15, 29, 68; Государственный архив Тульской области. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 81; Село Каменка и Каменская волость Тамбовской губернии. Особое прибавление к Сборнику статистических сведений по Тамбовской губернии. Тамбов, 1866. С. 2–26; Ковальченко И.Д. Крестьяне и крепостное хозяйство Рязанской и Тамбовской губернии в первой половине XIX века. (К истории кризиса феодально-крепостнической системы хозяйства). М., 1959. С. 159, 164 и др.

⁴ Цит. по: Хок С.Л. Крепостное право и социальный контроль в России. Петровское, село Тамбовской губернии. Пер. с англ. М., 1993. С. 28.

⁵ Журнал Министерства государственных имуществ. 1852. Ч. 44. С. 95–96.

⁶ Хок С.Л. Указ. соч. С. 29.

ской запашки и 6 дес. наделной пашни, приходящихся на одно тягло. Сопоставим с этим «эталоном» выборочные оценки данных показателей.

Обработка информации по 40 имениям для барской запашки и по 36 имениям для пашенных наделов крестьян позволила получить следующие результаты.

Таблица 1

**Размеры барской запашки и крестьянской наделной пашни
на тягло в помещичьих имениях Черноземного центра
в 40 – 50-х годах XIX в.**

Параметры	Барской запашки (дес.)	Наделной пашни (дес.)
Средние значения	5,148	6,046
Доверительные интервалы для средних значений при вероятности:		
0,71986 ($\approx 72\%$)	4,638 – 5,686	5,727 – 6,365
0,76200 ($\approx 76\%$)	4,587 – 5,709	5,695 – 6,397

Итак, как свидетельствуют данные табл. 1, средние значения размеров барской запашки и крестьянских наделов достаточно близки к экспертным оценкам членов Лебединского общества сельского хозяйства, которые, очевидно, имели хорошее представление по рассматриваемому вопросу. Уже одно это обстоятельство, на наш взгляд, является довольно весомым доводом в пользу достоверности выборочных оценок, особенно по крестьянскому наделному землепользованию. Вместе с тем данные Таблицы 1 указывают на превосходство надела над барской запашкой. Степень вероятности (надежности) такого заключения достигает почти 76%: значение верхней доверительной границы для среднего показателя размеров барской запашки (5,709 \approx 5,7 дес.) практически не пересекается, а лишь соприкасается со значением нижней границы для среднего показателя размеров крестьянского надела (5,695 \approx 5,7 дес.). Небезынтересно выяснить, как распределились рассматриваемые показатели в выборке. В имениях, где размер барской запашки не достигал 6 дес. на тягло, насчитывалось 66,9% крестьян, правда, почти у трети из них показатель находился в пределах от 5 до 5,6 дес. Распределение по наделу было по существу зеркальным распределению по барской запашке. Наделом в 6 и более дес. пользовалось 68,5% крестьян.

Анализируя тягловые параметры, мы преследовали преимущественно историко-экономические цели. Гораздо большее научно-познавательное значение имеют данные о размерах барской запашки и пашенного надела, рассчитанные на душу мужского пола, по которым можно более уверенно судить о степени эксплуатации барщинных крестьян и их обеспеченности землей. Как уже указывалось, такие данные имеются для барской запашки по 55 имениям, а для крестьянского надела – по 59 имениям. Результаты их обработки представлены в табл. 2.

Таблица 2

**Размеры барской запашки и крестьянской наделной пашни
на душу мужского пола в помещичьих имениях
Черноземного центра в 40 – 50-х годах XIX в.**

Параметры	Барской запашки (дес.)	Наделной пашни (дес.)
Средние значения	1,819	2,279
Доверительные интервалы для средних значений при вероятности:		
0,79945 ($\approx 80\%$)	1,554 – 2,084	2,109 – 2,449
0,95450 ($\approx 95\%$)	1,377 – 2,261	1,995 – 2,563

Данные табл. 2 свидетельствуют о том, что более точным является показатель размеров крестьянского надела. Даже при уровне надежности 95% интервальные значения для средней оценки (2,3 дес.) весьма узкие – статистическая погрешность составляет менее 0,3 дес. (0,284), против 0,4 дес. (0,442) оценки по барской запашке. Иначе говоря, точность показателя надела достигает 12,5%, а барской запашки – 24,2% при очень высоком уровне надежности. Сопоставим выборочный средний показатель размеров надела с показателем, выведенным на основе сплошного изучения уставных грамот. По данным Б.Г. Литвака, в Черноземном центре предреформенный надел барщинных крестьян составлял 3,3 дес. всех угодий на мужскую душу⁷. Лишь уставные грамоты Курской губернии раскрывают структуру душевого надела – 2,8 дес. всех угодий, в том числе 83,7% пашни, 6,6% усадебной земли, 2,2% выгона, 7,1% покоса, 0,3% леса и кустарника, 0,1% конопляников⁸. Курская губерния была самой малоземельной и распаханной в Черноземном центре. В других губерниях доля сенокосов и других угодий в крестьянском наделе должна была быть выше.

Таблица 3

Распределение земельных угодий в Черноземном центре в 1861 г.⁹

Губерния	Душ муж. пола	Пашня		Сенокос и пр. удобные		Лес		Неудобная	
		тыс. га	на душу	тыс. га	на душу	тыс. га	на душу	тыс. га	на душу
Воронежская	860,436	3842	4,47	1298	1,51	593	0,69	857	1,00
Курская	782,199	3038	3,88	460	0,59	446	0,57	702	0,90
Орловская	612,960	2551	4,16	421	0,69	1103	1,80	598	0,98
Рязанская	609,085	2315	3,80	400	0,66	977	1,60	518	0,85
Тамбовская	799,089	3862	4,83	900	1,13	1238	1,55	659	0,82
Тульская	492,261	2192	4,45	331	0,67	285	0,58	288	0,59

Как видим, в Курской губернии были самые низкие показатели количества сенокосов и прочих удобных земель и леса. Поэтому вполне обоснованным представляется повышение доли этих угодий в составе надела барщинных крестьян Черноземного центра до 20% (0,6 дес.). Тогда их пашенный надел составит 2,4 дес. на мужскую душу, что очень близко к значению выборочной средней оценки (2,3 дес.).

Поскольку выборочные средние показатели размеров надела и барской запашки получены в основном по данным одних и тех же имений и первый из них довольно точен, то и второй показатель должен обладать тем же достоинством. Разумеется, это утверждение нуждается в дополнительной аргументации.

С первого взгляда средняя оценка размеров барской запашки (1,8 дес. на мужскую душу) кажется заниженной. В литературе чаще всего приводятся данные, близкие к верхней интервальной оценке (2,3 дес.). Однако в середине XIX в. действительно существовали очень крупные имения с невысокой «нормой» барской запашки. К их числу относилось присутствующее в выборке Ракитянское имение Юсуповых, где размер барской запашки составлял 1,2 дес., Бутское имение Гагариных (1,6 дес.), Ивановское имение Бяратинских (1,3 дес.). Таких имений в Черноземном центре было не слишком много, но в них проживало огромное количество крестьян, что не могло не оказывать влияния на формирование среднего показателя. В пользу вероятности указанного в табл. 2 среднего размера барской запашки свидетельствует и сравнение результатов двух выборок. В данном случае роль меньшей «пробной» выборки играют данные по рассмотренной выше совокупности имений численностью

⁷ Литвак Б.Г. Указ. соч. С. 77.

⁸ Там же. С. 101.

⁹ Цветков М.А. Изменение лесистости Европейской России с конца XVIII столетия по 1914 год. М., 1957. С. 115; Данные о количестве мужского крестьянского населения взяты из: Дружинин Н.М. Русская деревня на переломе 1861 – 1880 гг. М., 1978. С. 8.

40 единиц. По этой выборке, среднее значение размеров барской запашки составило 1,868 дес., а интервальные, при 95%-ной вероятности, – от 1,358 до 2,379 дес. Как видим, в обеих выборках средние значения почти совпадают, а доверительные интервалы для оценки по меньшей выборке (1,358 – 2,379) целиком поглощают аналогичные показатели большей, а значит, и более точной выборки (1,377 – 2,261 дес.). Следовательно, выборочная средняя явно стремится к генеральной средней, о чем свидетельствует сужение доверительных интервалов с ростом численности выборки за 1841 – 1860 гг.

Теперь перейдем к рассмотрению чрезвычайно значимого вопроса о соотношении барских запашек и крестьянских наделов, ибо от него зависело распределение рабочего времени барщинных крестьян. По данным, приведенным в Таблице 1, крестьянские наделы в расчете на тягло превосходили барские запашки с вероятностью почти 76%. По душевым показателям это доказывается с еще большим уровнем надежности, приближающимся к 80%. Уместно также напомнить, что средний показатель размеров надела обладает весьма высокой точностью, а потому целесообразнее ориентироваться именно на средние значения по обоим параметрам. В этом случае доля барской запашки равнялась 44,4%, надела – 55,6% (в расчете на тягло – 46 и 54%).

Предреформенный надел является конечным результатом эволюции крестьянского надельного землепользования, и, как мы видели, он не только по своим размерам превышал барскую запашку, но и в целом был достаточным для нормального функционирования крестьянского хозяйства. Можно, пожалуй, согласиться с оценкой степени достаточности надела, данной Редакционными комиссиями: «в факте преобладающего надела практически выразилось долголетним опытом дознанное соотношение между крестьянскими нуждами и местными средствами, служащими к их удовлетворению»¹⁰. Полученные нами данные противоречат необычайно живучему в отечественной историографии тезису о широком наступлении помещиков на крестьянские наделы, вплоть до их полной ликвидации, в первой половине XIX в., но зато согласуются с выводами исследователей, специально изучавших динамику крестьянского надела. «Конечно, каждый исследователь, имеющий дело с первоисточниками, без труда укажет десятки примеров хищнического хозяйствования помещиков, отбиравших у крестьян наделы, доводивших их до полного разорения и нищеты. Однако эти примеры не отражают ведущих явлений в барщинной деревне Центральной России в первой половине XIX в. Усиление эксплуатации и ухудшение положения крестьян находили свое главное выражение не в массовом обезземеливании, а в росте барской запашки и увеличении барщины», – отмечал В.И. Крутиков¹¹.

Думается, простой констатации наличия самого процесса роста барской запашки и увеличения барщины еще недостаточно для вывода об их тяжести для крестьянских хозяйств. Барская запашка могла начинать свой рост чуть ли не с нулевой отметки и не достигать высокого уровня даже перед реформой 1861 г. (подобное, к примеру, наблюдалось в Бутском имении Гагариных). По нашему мнению, это обстоятельство необходимо учитывать исследователям, изучающим взаимосвязи между признаками на основе применения математических методов. Полученные нами данные свидетельствуют о том, что средние размеры барской запашки в Черноземном центре хотя и были достаточно высокими (1,8 дес. на душу), но все же меньшими, чем принято было думать, и уступали средним размерам крестьянского надела пашни (2,3 дес.). Исходя из соотношения между двумя данными показателями, равно как аналогичными тягловыми параметрами, можно полагать, что на всем протяжении первой половины XIX в. барщина отнимала у крестьян меньше половины рабочего времени.

¹⁰ Скребицкий А. Крестьянское дело в царствование императора Александра II. Т. II. Бонн на Рейне. 1865/66. С. 1378.

¹¹ Крутиков В.И. Об изменении размера наделов помещичьих крестьян в первой половине XIX в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1969. Киев, 1979. С. 160.

Существуют и другие методики расчета рабочего времени барщинных крестьян, являющиеся, вероятно, более точными. И.Д. Ковальченко для выяснения данного вопроса изучил хранящиеся в личном фонде Гагариных наряды на господские работы, представляющие собой донесения в московскую контору «о количестве тягол, назначавшиеся на господские работы ежедневно или в течение недели в целом». Исследователь насчитывал в течение года 280 рабочих дней, принимая их за 100% рабочего времени, либо общее количество тягло-дней (количество рабочих дней, умноженное на количество тягол). В весенне-летний период в рабочее время включались 6 дней в неделю; считалось, что крестьяне работали и в праздники¹². Обработав данные указанных источников, Ковальченко получил следующие результаты. В Покровском имении мужчины работали на барщине в 1854/55 хозяйственном году 55,8% рабочего времени, в том числе в весенне-летний период 56,6%, а в 1857/58 г. – соответственно 57,0 и 53,4%. В Петровском имении в 1854/55 г. барщина отняла у крестьян-мужчин 57,2% рабочего времени. В Бутском имении в 1849/50 г. аналогичный показатель составлял 55,5% (летом 56,6%). Автор заключает, что барщина отнимала у крестьян три пятых их рабочего времени и более¹³.

Приведенные данные вполне достоверны, но только в отношении работников, состоящих в тягле. Однако в крестьянских дворах были не только тягловые, но и затыгловые работники, и их, по нашему мнению, также следует учитывать при выведении общего годового баланса рабочего времени барщинных крестьян. Произведем соответствующие перерасчеты рабочего времени в 1854/55 хозяйственном году по Петровскому имению. По данным Ковальченко с 17 августа 1854 по 25 января 1855 г. крестьяне работали на барщине 71 день из 124, т.е. 57,2% рабочего времени. В 1856 г. на одно тягло приходилось 1,4 работника мужского пола¹⁴. Увеличив общее рабочее время (124 дня) на 40%, получаем значение 174 (дня). Следовательно, у всей взрослой мужской рабочей силы, имевшейся в крестьянских хозяйствах, барщина поглощала 40,8% (71:174), или две пятых рабочего времени. Кроме взрослых работников, в крестьянских дворах имелись и «полуработники» (лица мужского пола от 14 до 18 и от 60 до 65 лет и женского – от 12 до 16 и от 55 до 60 лет), которые могли привлекаться к работе на барщине лишь эпизодически, а в основном трудились в крестьянском хозяйстве.

В других имениях Гагариных барщина также отнимала у крестьян, по видимому, менее половины рабочего времени, потому что в Покровском имении на одно тягло приходилось 1,3 работника, а в Бутском – 1,1. Наличие затыгловых работников было, по всей вероятности, широко распространенным явлением в Черноземном центре. По сообщению Ю.Ф. Самарина, в Тульской, Рязанской, Пензенской и Курской губерниях «в частных малоземельных имениях, где вся земля давно разорбрана, где нет запасной, число тягол... не увеличивается... Можно встретить дома, состоящие из 5 женатых работников и несущие только 2 или 3 тягла»¹⁵. Приведенное наблюдение Самарина подтверждается документально. Так, например, в вошедших в выборку Петропавловском имении Логофета на тягло приходилось в среднем 1,9 работника мужского пола, в Андреевском Андреева – 1,7, в Цукановском Сафонова – 1,8 (все эти поместья находились в Курской губернии).

Полученные в процессе исследования данные приводят нас к выводу о том, что в трудах советских и дореволюционных историков народнического и либерального толка допущено много преувеличений в отношении эксплуатации барщинных крестьян. Как правило, эти историки относились к свидетельствам современников избирательно, отдавая предпочтение сообщениям самого негативного свойства и иг-

¹² Ковальченко И.Д. Крестьяне и крепостное хозяйство Рязанской и Тамбовской губерний в первой половине XIX века. (К истории кризиса феодально-крепостнической системы хозяйства). М., 1959. С. 145.

¹³ Там же. С. 145–148.

¹⁴ Подсчитано по: Ковальченко И.Д. Указ. соч. С. 164; Его же. Русское крепостное крестьянство... С. 116.

¹⁵ Цит. по: Игнатович И.И. Помещичьи крестьяне накануне освобождения. СПб., 1910. С. 145.

норируя или, в лучшем случае, недооценивая свидетельства противоположной направленности, хотя последние подчас и заслуживали не меньшего доверия, чем первые (по крайней мере, не доказано обратное). Вот как, к примеру, характеризовал барщину в одном крупном тамбовском имении очевидец: «нельзя считать, чтобы тогдашняя барщина подъедала хозяйство самих крестьян. Она усиливалась в рабочую пору, но если выгоняли на работу лишний раз против положения (то есть против трех – четырех дней в неделю), то давались потом льготные дни или устраивали угощение, род помочи <...> Дикостей крепостного произвола над крестьянами – за целых десять и более лет, особенно у отца моего, я положительно не видел и не хочу ничего приукрашивать в угоду известной тенденции»¹⁶.

Несколько слов о практиковавшейся помещиками в первой половине XIX в. урочной системе. Обычно в исторической литературе она трактуется односторонне – лишь как «улучшенное средство выжимания трудового пота». Однако в этой системе были и свои преимущества, и не только для помещиков, но и для крестьян. В помещичьих имениях размеры уроков были различными. В имении тамбовского помещика Бунина при трехдневной барщине в течение рабочего дня работнику полагалось вспахать 0,5 казенной десятины, скосить 1 хозяйственную десятину ржи или 0,5 казенной десятины овса¹⁷. Это была, конечно, серьезная нагрузка на крестьянина, но с другой стороны, у него после выполнения урока появлялась возможность скорее вернуться домой: «Помимо того, что крестьяне стараются поскорее окончить уроки, чтобы иметь больше времени для своих работ... урочная система дает возможность расчетливым хозяевам знать, сколько рабочих и какое время потребуется для той или иной работы»¹⁸. Если ориентироваться на размеры уроков в имении Бунина и исходить из трехпольного севооборота и среднего размера барской запашки в 6 дес. на тягло, то можно сделать вывод, что основные работы по полевой барщине могли быть выполнены крестьянами в достаточно короткие сроки и, стало быть, даже у тягловых работников оставалось время для выполнения полевых работ в своем хозяйстве.

Авторы далеки от мысли, что им удалось разрешить большую и сложную исследовательскую задачу с исчерпывающей полнотой, хотя полученные в ходе исследования результаты статистически обоснованы и не противоречат данным, содержащимся в достаточно надежных источниках. Поэтому предложенный подход к изучению проблемы представляется перспективным и его, по нашему мнению, целесообразно использовать не только применительно к середине XIX в., но и к более ранним временным отрезкам. Главный конкретно-исторический вывод заключается в том, что уровень эксплуатации барщинного крестьянства в Черноземном центре был ниже, чем считалось раньше, и он, судя по всему, вряд ли превышал производственные возможности крестьянского хозяйства.

ABOUT CORRELATION OF QUANTITY OF LORDLY PLOUGHING AND PEASANT ALLOTMENT IN BLACK-SOIL CENTER BEFORE ABOLITION OF SERFDOM

L.M. RYANSKY
R.L. RYANSKY

Kursk State University

e-mail: rianskij@mail.ru

e-mail: juilar1300j@gmail.com

The authors of article invite new approaches to study significant but some time vexed question about correlation of quantity of lordly ploughing and peasant allotment in the middle of the 19th century that based on the sampling study of primary mass sources.

Key words: peasants, landlords, corvee, peasant allotment, sample, primary sources, serf, village, Black-Soil Center.

¹⁶ Цит. по: Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. 1. СПб, 1999. С. 407.

¹⁷ Игнатович И.И. Указ. соч. С. 128.

¹⁸ Там же. С. 129.

21-772+3.07:31(470.323/324)»18/19»

СБОР СВЕДЕНИЙ О НАСЕЛЕНИИ КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ В XIX В.: СОТРУДНИЧЕСТВО ГОСУДАРСТВА И ЦЕРКВИ

А.И. ДУДКА*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет**e-mail: dudka@bsu.edu.ru*

Прослежена эволюция учета населения на территории Курской губернии силами Духовной Консistorии РПЦ и священнослужителей иных конфессий, Губернского Статистического Комитета и сотрудников других государственных органов в XIX в.

Ключевые слова: население; церковная статистика, Курский Губернский Статистический Комитет.

Петр I Указом от 14 апреля 1702 г. «О подаче в Патриарший духовный приказ приходским священникам недельных ведомостей о родившихся и умерших» заложил основы ведения актов гражданского состояния в России¹

Следующей важной вехой в истории их документирования стал 1722 г., когда было установлено обязательное ведение метрических книг по приходам. До 1917 г. они сохраняли свое значение весьма надежного источника.

Важной фигурой признавался священник, который в метрических книгах регистрировал даты рождения и крещения младенцев, бракосочетания и смерти с целью – «ведать о количестве всего Российского государства людей рождающихся, и в брачное супружество совокупляющихся и умирающих»².

Решение об организации Статистического отделения при Совете Министерства внутренних дел и Губернских Статистических Комитетов под председательством гражданских губернаторов от 20 декабря 1834 г. положило начало истории возникновения и развития российской государственной статистики. Два года спустя, в 1836 г., был образован Курский Губернский Статистический Комитет. С этого времени он «осуществлял сбор сведений, проверял их, приводил в однообразный порядок, вносил их в таблицы по полученным от Статистического отделения министерства формам, составлял по сведениям точные описания губернии в целом или отдельно по некоторым отраслям хозяйства, промышленности и торговли»³. В 1842 г. была значительно расширена программа по статистической отчетности губерний и введены разделы по важнейшим областям экономической жизни: о развитии промышленности, сельского хозяйства и торговли, а также о населении.

Значительная часть требуемой информации Курскому Губернскому Статистическому Комитету поступала от Духовной Консistorии. Их сотрудничество носило постоянный и достаточно систематический характер. Более того, имеются свидетельства зависимости деятельности органа светской власти от священнослужителей: 30 сентября 1844 г. чиновники писали: «Статистический Комитет неоднократно просил консисторию о доставлении статистических сведений, но не получив таковых по сие время имеет в производстве работ совершенную остановку»⁴.

¹ Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 4. С. 192.

² Елпатьевский А.В. К истории документирования актов гражданского состояния в России // Актовое источниковедение. М., 1979. С. 58.

³ Сводный статистический сборник Курской области. Статистический сборник / Под ред. Ю.В. Донченко. Курск, 2002. С. 6.

⁴ Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. 20. Оп. 2. Д. 198. Л. 1–10б.

По данным Курской консистории, в 1841 г. общая численность жителей Курской губернии составила 1 558 273 чел., в 1842 г. – 1 549 904 чел., а в 1843 г. – 1 566 159 чел.⁵

Эти сведения конкретизирует информация офицеров Генерального штаба, обследовавших Курскую губернию в середине XIX в. Они сообщали: «...Жителей мужского пола считается 813 839, женского 837 555, обоюбого пола 1 651 394»; среди которых были 1 269 937 великорусов, 380 188 малороссиян и 1076 цыган, «а прочих иноплеменных едва ли наберется до 213 обоюбого пола душ»⁶.

Статистический Комитет Министерства Внутренних Дел в начале 1854 г. циркулярным письмом «О должном направлении действий Губернского Статистического Комитета» от 30 декабря 1853 г. № 190 за подписью министра внутренних дел генерал-адъютанта Д.Г. Бибикова определил порядок организации сбора и обработки статистических сведений в Губернском Статистическом Комитете; расходы на производство в комитете («не свыше 1000 р. в год»), порядок назначения членов и членов-корреспондентов и их обязанности. Основная цель деятельности нового органа заключалась в представлении «правительству полных и точных сведений о современном состоянии административно-статистических предметов в губернии»⁷.

Начальники губерний должны были действовать преимущественно через Губернские Статистические Комитеты, а в выписке из журнала Статистического Комитета от 5 декабря 1853 г. отмечалось, что «важнейшим пособием для начальников губерний к приобретению статистических сведений должны служить губернские правления, городская и земская полиция, а также другие местные управления»⁸. В состав Комитета входили: курский гражданский и военный губернаторы, а также «непременные члены» – губернский прокурор, губернский предводитель дворянства и председатель Казенной палаты. Им «предстояло озаботиться не о прибавлении новых предметов для собирания, а об указании средств к обработке уже поступающих материалов; собирание сведений возобновлять ежегодно, так, чтобы по всем предметам данные выражали современное их состояние»⁹.

Расширялись полномочия Комитета, в его состав вводились новые члены, представлявшие весьма важные сферы жизнедеятельности губернского общества. Членами-корреспондентами Курского Губернского Статистического Комитета стали «статский советник Звягинцев, полковник гвардии князь Барятинский, камер-юнкер Денисьев, курский городской голова Иванов, рыльский городской голова Аристархов и др.» Распоряжением курского архиепископа Илиодара в члены Губстаткома был назначен член Консистории протоиерей Петр Александров и управляющий Курской палатой государственных имуществ Григорий Колокольцев¹⁰.

В Циркуляре Статистического Комитета при Министерстве Внутренних Дел «О должном направлении действий Губернских Статистических Комитетов» № 190 от 30 декабря 1853 г., отмечалось: «Все статистические сведения, которые не принадлежат исключительно ни одному департаменту, должны быть собираемы непосредственно Комитетом. К числу такого рода сведений относятся: пространство земли с означением качества ее и употребления, народонаселение с показанием числа народа по вероисповеданиям, состоянием и полом, хозяйство и промышленность, народное образование и нравственность и т.д.»¹¹

Циркуляром Министерства внутренних дел от 26 мая 1854 г. «О назначении от разных ведомств в Статистический Комитет» определялись Члены комитета. 28 ап-

⁵ ГАКО. Ф. 20. Оп. 2. Д. 198. Л. 3–6 об.

⁶ Военно-статистическое обозрение Российской империи: Курская губерния. Т. 3, Ч. 3. СПб., 1850. С. 37.

⁷ ГАКО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 18. Л. 1-10б.

⁸ Там же. Л. 2.

⁹ Там же. Л. 1-1 об.

¹⁰ Там же. Л. 21-21 об.

¹¹ Там же. Д. 58. Л. 53.

реля 1855 г. в качестве членов-корреспондентов Курского Губернского Статистического Комитета были утверждены 19 человек.

В Курской губернии статистикой занимались Губернский Статистический Комитет и оценочно-статистический отдел Губернской земской управы. Губернский Статистический Комитет представлял государственную статистику, основанную на официальных донесениях и отчетах учреждений. Оценочно-статистический отдел представлял земскую статистику, базировавшуюся на обследованиях, переписях, опросах.

Курский Губернский Статистический Комитет публиковал собранные сведения о прошлом Курского края, в частности, «Памятные книжки Курской губернии». «Цель губернской памятной книжки вообще, состоит в том, чтобы познакомить читателей с предметами, заслуживающими в губернии особенного внимания. Предметы эти весьма разнородны; в круг их могут входить: географические и исторические очерки края, археологические изыскания, биографии замечательных людей, живших и действовавших в описываемом крае, достопримечательности края, статистические данные, основанные на официальных документах и наконец, для практического удобства местных жителей, адреса служащих в губернии лиц» – т.е. сведения весьма разнородного содержания. «Курская памятная книжка, представляя собою систематический сборник разнообразных сведений о губернии, может доставить материал для ученых, административных, хозяйственных и коммерческих соображений и служить путеводною нитью или указателем для разного рода справок. Кроме этой ближайшей цели, Курская памятная книжка имеет еще и отдаленную цель, а именно: она, как издание, время от времени возобновляемое, будет сокровищницею и хранилищем постоянно накапливающихся сведений о губернии, и со временем может служить материалом для истории и статистики государства»¹². Так, например, в сведениях о 10-й народной переписи по Курской губернии отмечалось наличие «мужского пола 860698, женского пола 855167, всего 1715 865 душ обоого пола»¹³.

Губерния относилась к великорусским, что подтверждалось следующими данными Памятной Книжки Курской губернии на 1860 год: «При сравнении цифры народонаселения православного обоого пола с народонаселением других вероисповеданий оказывается, что вообще по губернии, на 104 души народонаселения православного, приходится 1 единоведец»¹⁴. Их потребностям соответствовало следующее положение: «В городах Курской губернии на одно богослужбное здание, средним числом приходится 1047 душ, а в селениях 1975 душ. ...По сведениям, доставленным Курскою Духовною Консисториею, в губернии состояло в 1858 г. церквей каменных 400, деревянных 562, итого 962; в 1859 г. устроено вновь деревянных 2, а вместо ветхих деревянных, вновь каменным зданием 14. Таким образом, в настоящее время, церквей каменных 414, деревянных 550, а всего 964»¹⁵.

В середине XIX в. правительство опиралось в сборе сведений на православное духовенство, поскольку ввиду малочисленности прихожан других вероисповеданий священнослужители иных конфессий в Курской губернии отсутствовали, что подтверждается материалами той же «Памятной книжки Курской губернии»: «Духовенства католического, протестантского и магометанского в Курской губернии в настоящее время вовсе нет»¹⁶.

Ситуация стала меняться в 60-е годы, когда в 1863 году в Польше произошло крупное восстание, подавленное правящей властью. Часть из 45000 сосланных его участников поселили в Курской губернии под надзором жандармерии. Постепенно поляки стали обживать, покупать и строить дома, расположенные по улицам, ныне названными: Семёновская, Золотая, Марата. Так как католического храма в Курской

¹² Памятная книжка Курской губернии на 1860 год. Курск, 1860. С. I-III.

¹³ Там же. С. 272.

¹⁴ Там же. С. 273.

¹⁵ Там же. С. 274.

¹⁶ Там же. С. 273.

губернии ещё не было, то первые богослужения проводились в частных домах Гриневских, Валевских, Гладковских. 15 июля 1864 г. католики попросили курского губернатора об учреждении их прихода и назначении священника. Министерство внутренних дел дало отказ (№ 1652 от 2 августа 1864 г.), мотивируя его тем, что в Курске проживает всего 80 католических семей, а для учреждения прихода необходимо насчитывать не менее 100 дворов.

Постепенно католический приход возрос до 3382 человек и в 1868 году он был зарегистрирован. В 1885 г. о. Георгий Мотузза был назначен в Курск настоятелем католического прихода. К этому времени в Курске проживало 1583, а в губернии – 3382 католика, что дало основание о. Георгию обратиться к губернским властям за разрешением на постройку храма, но получил его только в 1891 г.

Строительное отделение губернского правления рассмотрело проект и смету на постройку Курского римско-католического храма и утвердило их 4 июня 1891 г. приказом за № 610. Документы были направлены в канцелярию губернатора фон Вайля после того, как прошение о. Г. Мотуззы о постройке храма поддержала Могилёвская Архиепархия, а также не было возражений со стороны Курской Духовной Православной Консистолии. 13 июля 1891 г. в МВД, отделение Департамента духовных дел по различным конфессиям и вероисповеданиям рассмотрело план, смету на постройку Курского римско-католического храма и дало согласие на его постройку. В 1896 году строительство костёла было завершено и 15 августа того же года, в торжество Успения Божией Матери (по григорианскому календарю) храм был освящён во имя Успения Божией Матери.

Однако вопрос учета курского населения далеко не всегда решался просто. Так, управляющий делами в сообщении в Центральный Статистический Комитет 1 июля 1879 г. отмечал: «...В последнее время стали чаще и чаще обнаруживаться в составляемых Комитетами таблицах по движению населения как отступления от установленных норм, так и необстоятельная сводка цифровых данных, и притом замечается сильное замедление в доставлении этого материала в Центральный Статистический Комитет». К числу наиболее важных недостатков, замеченных в сведениях о движении населения, он относил следующие: «1) Иноверцы нередко не распределяются по городам и уездам. А представляются общим итогом по губернии, иногда даже без разделения по исповеданиям. 2) В таблицах, относящихся до иноверцев, замечаются крупные пропуски, обнаруживающиеся в особенности в том случае, если сделать сопоставление данных за несколько лет. Так, например, в одном году показано 1000 родившихся или умерших каких-либо иноверцев, а в следующем году число их составляет лишь несколько десятков или даже иноверцы совсем не показываются»¹⁷. Управляющий делами Комитета указывал на «крупные ошибки и даже несообразности, происходящие от небрежности сводки ведомостей, служащих материалом для таблиц...» Центральный Статистический Комитет обращал особое внимание губернских комитетов на необходимость «самой тщательной сводки таблиц и своевременного доставления их». С целью получения наиболее полной и объективной информации Губернским Комитетам было предложено присылать (кроме готовых таблиц о движении населения) ведомости, на основании которых составлялись сами таблицы, а также описи к этим ведомостям «по прилагаемой форме – для православных, иноверцев в каждом уезде и городе по приходам, за исключением, впрочем, тех мест, где иноверцы не имеют своих приходов, как в некоторых Великороссийских губерниях; в этом случае опись должна быть составлена по городам и уездам»¹⁸.

Переписка между Центральным и Курским Губернским Статистическим Комитетом была интенсивной и охватывала различные вопросы содержания и координации работы. Министерство Внутренних Дел в осуществлении сбора статистических сведений взаимодействовало с Духовным ведомством на основе «правил и форм о

¹⁷ ГАКО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 58. Л. 53.

¹⁸ Там же.

порядке доставления Центральным Статистическим Комитетом сведений от местного православного духовенства»¹⁹

Сотрудничество между светскими и церковными структурами осуществлялось на разных уровнях. Оно происходило на основе установленных законом правил, при этом стороны четко определили круг вопросов, в решении которых они взаимодействовали, а также обязанности сторон. По докладу Обер-Прокурора Святейшего Правительствующего Синода 4 ноября 1865 г. было принято следующее положение: «Духовные Консистории составляют из хранящихся в них церковных книг и актов и сообщают Губернским Статистическим Комитетам и прочим местам статистические сведения по Духовному ведомству, сообразно особым о том Указам Святейшего Синода», однако «всякие другие требования со стороны мест и лиц посторонних ведомств, относительно извлечения Консистории из церковных книг и актов и доставления к ним каких-либо особых статистических сведений, кроме предписанных Святейшим Синодом, оставались Консисториями без исполнения»²⁰.

Стремясь установить порядок в данной сфере отношений, Консистория выражала готовность оказывать содействие «Губернским Статистическим Комитетам и прочим местам, а также лицам, командируемым в губернии от Главных Управлений, в случае надобности извлечь какие-либо особые статистические сведения из хранящихся в Консистории церковных книг и актов», предлагая командировать в Консисторию «своих чиновников для извлечения потребных сведений в самой Консистории, в присутствии чиновников оной, обязанных наблюдать за сохранностью книг и актов». Со своей стороны, Секретарь Консистории обязан был оказывать содействие командируемым (например, «объяснять им способ составления, достоверность, полноту тех книг и актов, значение принятых для оных форм, предъявлять сделанные в Консистории, для представления высшему начальству, извлечения из церковных книг и актов, если таковые уже составлены и по содержанию своему могут быть нужны для командированного чиновника и т.п.»)²¹

Выражая готовность к сотрудничеству, Обер-Прокурор Святейшего Синода уведомлял Министра Внутренних Дел отношением от 12 мая за №2799, что «Святейший Синод, препроводив Епархиальным Преосвященным по экземпляру составленных Центральным Статистическим Комитетом форм ведомостей по этому предмету, поручил им, чтобы они вменили в обязанность духовенству своевременно доставлять, по принадлежности, требуемые сведения, согласно изъясненным в формах правилам», а также просил, чтобы Комитет, «по соглашению с гг. Благочинными, доставлял им ежегодно и своевременно необходимое количество печатных бланков сих ведомостей, для включения в оные приходскими священниками требуемых сведений, и затем, по получении их обратно от Благочинных на обязанности Комитета будет лежать дальнейшая разработка сих сведений»²². Консистория выражала просьбу только вносить в таблицы собранные сведения, но не обобщать их, полагая, что это лучше могли бы сделать сотрудники штата Статистического Комитета²³.

К выполнению полученных распоряжений священнослужители отнеслись с большой ответственностью. Так, 4 января 1868 г. Фатежский Благочинный Священник Григорий Гуленицкий выражал озабоченность тем, что «близится время представления статистических сведений, а печатных таблиц еще не получено» и просил далее Статистический Комитет «для 11 приходов моего округа выслать таблицы»²⁴. Такую же обеспокоенность проявлял и Благочинный священник Павел Зеленин, об-

¹⁹ ГАКО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 58. Л. 1.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² Там же. Л. 47.

²³ Там же. Л. 29-30.

²⁴ Там же. Л. 11.

ратившийся в Губернский Статистический Комитет с просьбой о высылке ему 30 экземпляров печатных таблиц²⁵.

Курский Губернский Статистический Комитет наладил взаимодействие в сборе сведений с римско-католическим и лютеранским священниками. 24 декабря 1866 г. курский губернатор А. Жедринской сообщал в Министерство Внутренних Дел: «Сведения о родившихся, умерших и вступивших в браки, по вероисповеданиям православным и единоверческому затребованы мною от православных приходских священников, сведения же эти о лицах римско-католического и лютеранского исповедания затребованы от местных римско-католического священника и лютеранского пастора»²⁶.

Однако в Государственном архиве Курской области о сотрудничестве с этими священнослужителями имеется значительно меньше сведений, чем о контактах с православными священниками, что, во многом объясняется незначительностью числа приверженцев других конфессий и малочисленностью их приходов.

Стремясь собрать наиболее полную информацию, губернатор привлек к данной работе чиновников полицейского ведомства, обязав, например, Курского Полицеймейстера и уездных исправников собрать сведения о раскольниках и о лицах иудейского и магометанского исповеданий²⁷.

Таким образом, имеющиеся источники свидетельствуют о том, что в Курской губернии документирование актов гражданского состояния не уходило из поля зрения государственных органов. Первоначально с этой задачей справлялись священнослужители Русской православной церкви в лице Духовных Консистерий, а с созданием структур российской государственной статистики они взяли на себя основную часть работы, не отказываясь от сотрудничества со священнослужителями.

COLLECTING DATA ABOUT POPULATION OF THE KURSK PROVINCE IN XIX CENTURY: COOPERATION OF STATE AND CHURCH

A.I. DUDKA

*Belgorod National Research
University*

e-mail: dudka@bsu.edu.ru

The evolution of civil registration in the XIXth century in the Kursk region was retraced by the Spiritual Consistory of the Russian Orthodox Church and other churches, The Statistics Committee of the Kursk Government and other state agencies.

Key words: population, church statistics, the Statistics Committee of the Kursk Government.

²⁵ ГАКО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 58. Л. 2.

²⁶ Там же. Л. 4.

²⁷ Там же.

УДК 94(47).081/94(47).083

ЧИСЛЕННЫЙ СОСТАВ СЕКТАНТСТВА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ. (НА ПРИМЕРЕ ГУБЕРНИЙ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ)

Е.П. БЕЛОНОЖКО
Н.А. КЛЫШНЮК

*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

e-mail: belonozhko@bsu.edu.ru

В статье исследуется численный состав сектантства в обществе Российской империи на рубеже XIX–XX веков. Авторы определяют и детально рассматривают численный состав сектантства на примере губерний Центрального Черноземья. Также дается оценка проблеме статистического анализа сектантства в Российской империи на рубеже XIX–XX веков.

Ключевые слова: Российская империя, сектантство, численный состав, губернии Центрального Черноземья.

Начало статистическим исследованиям численности русских сектантов и сектантских общин в Российской империи было положено еще в начале XIX века. Активный сбор количественных данных о сектантах и сектантских общинах начался в период царствования Николая I. С его воцарением коренным образом изменилось отношение правительства к раскольникам и сектантам, в особенности, к духоборам, хлыстам, скопцам, молоканам. К 40-м гг. XIX в. правительство убедилось, что все частные репрессивные меры, предпринимавшиеся в изобилии против раскольников и сектантов не достигали цели и, несмотря на многочисленные наружные присоединения к единоверию и православию многих раскольников, общее число раскольников и сектантов отнюдь не уменьшалось и даже, наоборот, во многих местах росло. Поэтому решено было предпринять систематическое изучение раскола и сектантства на местах с целью последующего установления наиболее рациональных и радикальных мер борьбы с ним¹.

Вместе с этим широкое и систематическое исследование численности сектантства в Российской империи стало возможным лишь на рубеже XIX – XX веков. Наиболее известным и полным источником сведений как о населении страны, его занятиях, бытовых особенностях, так и о вероисповедном составе являются всеобщие переписи. Среди них наиболее полную и достоверную информацию о населении России дают материалы Первой всеобщей переписи населения Российской империи, проведенной 28 января 1897 г.² Особенностью данной переписи является то, что она дала возможность собрать одновременно на всем пространстве империи, по одной общей программе и при однородных приемах и требованиях, громадный и ценный материал, относящийся в том числе к вероисповедному составу населения³.

Распределение населения Российской империи по вероисповеданиям в целом по России на основании данных Первой всеобщей переписи населения империи 1897 г. показывает такую картину: православие с единоверцами исповедуют 87.384.480 (69,5 % относительно общего количества населения), старообрядцы и раскольники (сектанты) – 2.173.738 (1,7 %), католики – 11.410.927 (9,1 %), протестанты – 3.743.209 (3,0 %), остальные христиане – 1.221.511 (1,0 %), магометане – 13.889.421 (11,1 %), ев-

¹ Корнилов А.А. Курс русской истории XIX века. М., 2004. С. 121.

² Морозова Э.А. Некоторые результаты анализа данных Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. по Центрально-Черноземным губерниям // Актуальные инновационные исследования: наука и практика. 2010. № 4 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.actualresearch.ru/nn/2010_4/Article/history/morozova.htm

³ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Издание центрального статистического комитета министерства внутренних дел. IX. Воронежская губерния. Тетрадь 1. / Под ред. Н.А. Тройницкого. СПб., 1901. С. 1.

реи – 5.189.401 (4,1 %), остальные нехристиане – 645.503 (0,5 %)⁴. Из этих данных следует, что в России не считая того, что большинство населения исповедует православие, видное место по количеству последователей занимают религии магометанская, католическая и иудейская; протестанты также составляют численно значительную массу, которая, однако, несколько теряется в общей массе населения и едва достигает 3 % общей численности населения. Большой интерес представляют данные о распределении по вероисповеданиям населения отдельных составных частей империи. Так в Европейской России картина распределения населения по вероисповеданиям такова: православие с единоверцами 76.468.957 (81,8 %), старообрядцы и раскольники (сектанты) – 1.727.358 (1,8 %), католики – 4.338.777 (4,6 %), протестанты – 3.240.921 (3,5 %), остальные христиане – 55.253 (0,1 %), магометане – 3.555.635 (3,8 %), евреи – 3.765.766 (4,0 %), остальные нехристиане – 320.069 (0,3 %)⁵. Благодаря этим данным видно, что православие исповедует большинство населения Европейской части России. Далее по убыванию числа последователей занимает место католическая, иудейская и магометанская религии, после которых также выделяются последователи протестантизма, лишь за немногим уступающие своим числом.

Губернии Центрального Черноземья: Воронежская, Курская, Орловская и Тамбовская – относятся к числу средних губерний Европейской России. В виду этого распределение населения по вероисповеданиям в Европейской России в большинстве своем зависит и объясняется числовым значением в этих губерниях. Поэтому для получения более точных данных о численном составе российского сектантства на рубеже XIX – XX вв. мы обратим свое внимание на две губернии Центрального Черноземья – Воронежскую и Курскую.

Еще во второй половине XIX века существовали официально опубликованы данные относительно численности иноверцев, раскольников и сектантов по губерниям. Так в географическо-статистическом словаре Российской Империи, составленным по поручению русского географического общества её действительным членом П.П. Семеновым приводятся такие данные. В Воронежской губернии в 1860 году при численности населения губернии в 1.974.406 человек отмечалось такое количество «иноверцев»: раскольников – 11.470, католиков – 695, протестантов – 1.979, евреев – 337 и магометан – 114⁶. В губернии же Курской при числе населяющих её жителей в 1.898.597, количество неправославных было следующим: единоверцев – 3.507, раскольников – 9.763, католиков – 293, протестантов – 356, евреев – 146⁷. Таким образом, на период начала 60-х гг. XIX века числовое значение неправославных относительно всего населения двух губерний можно представить в процентном соотношении (табл. 1).

Таблица 1

**Процентное соотношение неправославного населения
в Воронежской и Курской губернии в 60-х гг. XIX в.**

	Численность населения губернии	Раскольники, %	Римско-католики, %	Протестанты, %
Воронежская губерния	1.974.406	0,6	0,03	0,1
Курская губерния	1.898.597	0,6	0,01	0,01

⁴ Большая энциклопедия. Словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания. Т. XX. Пуль-Саль / Под ред. С.Н. Южакова. СПб., 1906. С. 457.

⁵ Большая энциклопедия. Словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания. Т. XX. Пуль-Саль / Под ред. С.Н. Южакова. СПб., 1906. С. 457.

⁶ Географическо-статистический словарь Российской империи. Т. 1. / Сост. П. Семенов и др. СПб., 1863. С. 550.

⁷ Географическо-статистический словарь Российской империи. Т. 2. / Сост. П. Семенов и др. СПб., 1865. С. 867.

В другом статистическом сборнике третьей четверти XIX века, в «Статистическом обозрении Российской империи», составленном В. Де Ливроном, приводится следующий состав народонаселения Российской империи по вероисповеданиям за 1867 год. Так в Воронежской губернии при общем населении губернии в 2.068.998 православных с единоверцами – 2.051.420, раскольников – 19.947, римско-католиков – 1.183, протестантов – 2.746. В Курской же губернии при общем населении губернии в 1.866.859 православных с единоверцами – 1.844.943, раскольников – 20.281, римско-католиков – 713, протестантов – 353⁸. Данные сведения в процентном соотношении выследят следующим образом (табл. 2):

Таблица 2

Процентное соотношение неправославного населения в Воронежской и Курской губернии в за 1867 год.

	Численность населения губернии	Православные с единоверцами	Раскольники, %	Римско-католики, %	Протестанты, %
Воронежская губерния	2.068.998	99,0	0,6	0,06	0,02
Курская губерния	1.844.943	98,7	1,0	0,04	0,02

Для определения численного состава сектантов в Воронежской и Курской губернии конца XIX и в особенности начала XX вв. воспользуемся материалами нескольких источников: во-первых, «Первой всеобщей переписью населения Российской империи 1897 г.» и, во-вторых, ежегодными официальными «Обзорами Курской» и «Обзорами Воронежской» губерний.

Численный состав распределения населения по верованиям в Воронежской и Курской губернии на момент проведения первой всероссийской переписи и, изложенный в изданных тетрадях отдельно по губерниям⁹, позволяет уже более детально ознакомиться со статистическими данными (табл. 3):

Таблица 3

Распределение населения Воронежской и Курской губернии по верованиям на период 28 января 1897 г.

	Православные и единоверцы	Старообрядцы и уклоняющиеся от православия	Римско-католики	Лютеране	Реформаторы	Баптисты	Менониты	Англичане
Воронежская губерния	2.508.662	14.805	2.159	2.193	42	-	1	6
Курская губерния	2.340.243	21.237	3.231	1.350	31	2	2	2

Обзор этих цифровых данных по материалам первой всеобщей переписи по губерниям¹⁰ выявил следующее процентное соотношение населения по вероисповеданиям (табл. 4):

⁸ Статистическое обозрение Российской империи / Сост. В. Де Ливрон. СПб., 1874. С. 2, 16-17.

⁹ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Издание центрального статистического комитета министерства внутренних дел. IX. Воронежская губерния. Тетрадь 2. / Под ред. Н.А. Тройницкого. СПб., 1901. С. 66-67; Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Издание центрального статистического комитета министерства внутренних дел. XX. Курская губерния. Тетрадь 1. / Под ред. Н.А. Тройницкого. СПб., 1904. С. 101-102.

¹⁰ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Издание центрального статистического комитета министерства внутренних дел. IX. Воронежская губерния. Тетрадь 2. / Под ред.

Таблица 4

**Процентное соотношение распределения населения Воронежской
и Курской губерний по верованиям на период 28 января 1897 г.**

	Православные, %	Старообрядцы и уклоняющиеся от православия, %	Римско-католики, %	Протестанты, разных вероисповеданий	Иудеи, %	Магометане, %	Прочие исповедания, %
Воронежская губерния	99,11	0,58	0,09	0,09	0,11	0,01	0,01
Курская губерния	98,7	0,90	0,14	0,06	0,18	0,02	Менее 0,01

«Обзоры губерний» являясь приложением к ежегодным отчетам губернаторов включали в себя актуальную информацию о всей социально-экономической жизни в губернии в отчетный период, в том числе и информацию по расколу и сектантству.

«Обзоры Воронежской губернии»¹¹ конца XIX – начала XX вв. показывают такую картину численного состава населения губернии по вероисповеданиям (табл. 5):

Таблица 5

**Распределение населения по вероисповеданиям
в Воронежской губернии на рубеже XIX – XX вв.**

Год	Численность населения губернии	Число раскольников-старообрядцев	Число сектантов
1	2	3	4
1883	данные отсутствуют	13.066	2.565 (молокан, духоборцев и т.п. – 2.491; скопцов, шалопутов и т.п. – 74)
1892	данные отсутствуют	12.828	3.222 (молокан, духоборцев и т.п. – 3.165; скопцов, шалопутов и т.п. – 57)
1896	данные отсутствуют	11.894	3.452 (молокан, духоборцев и т.п. – 3.364; скопцов, шалопутов и т.п. – 88)
1897	2.546.255	12.649	3.577 (молокан, духоборцев и т.п. – 3.497; скопцов, шалопутов и т.п. – 80)
1902	2.807.929	12.705	4.047 (молокан, духоборцев и т.п. – 3.788; хлыстов, скопцов, шалопутов и т.п. – 257)
1904	2.934.034	13.389	3.351 (молокан – 2.297; штундистов – 507; толстовцев – 25; скопцов – 58; хлыстов – 464)
1905	3.012.831	13.705	5.090 (молокан, духоборцев и т.п. – 3870; скопцов, хлыстов и т.п. – 1.220)

Н.А. Тройницкого. СПб., 1901. С. VII; Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Издание центрального статистического комитета министерства внутренних дел. XX. Курская губерния. Тетрадь 1. / Под ред. Н.А. Тройницкого. СПб., 1904. С. VI.

¹¹ Обзор Воронежской губернии за 1883 год. /Б.т.л./; Обзор Воронежской губернии за 1892 год. /Б.т.л./; Обзор Воронежской губернии за 1896 год. Воронеж, 1897; Обзор Воронежской губернии за 1897 год. Воронеж, 1898; Обзор Воронежской губернии за 1902 год. Воронеж, 1903; Обзор Воронежской губернии за 1904 год. Воронеж, 1905; Обзор Воронежской губернии за 1905 год. Воронеж, 1906; Обзор Воронежской губернии за 1906 год. Воронеж, 1907; Обзор Воронежской губернии за 1907 год. Воронеж, 1908; Обзор Воронежской губернии за 1908 год. Воронеж, 1909; Обзор Воронежской губернии за 1909 год. Воронеж, 1910; Обзор Воронежской губернии за 1910 год. Воронеж, 1911; Обзор Воронежской губернии за 1911 год. Воронеж, 1912; Обзор Воронежской губернии за 1912 год. Воронеж, 1913; Обзор Воронежской губернии за 1913 год. Воронеж, 1914; Обзор Воронежской губернии за 1914 год. Воронеж, 1915; Обзор Воронежской губернии за 1915 год. Воронеж, 1916.

Окончание табл. 5

1	2	3	4
1906	3.096.978	13.282	5.430 (молокан, духоборцев и т.п.. – 4.108; скопцов, хлыстов и т.п. – 1.322)
1907	данные отсутствуют	13.658	5.320 (молокан, духоборцев и т.п.. – 4.196; скопцов, хлыстов и т.п. – 1.124)
1908	3.206.179	13.955	5.319 (молокан, духоборцев и т.п.. – 4.239; скопцов, хлыстов и т.п. – 1.080)
1909	3.262.632	15.231	4.851 (молокан, духоборцев и т.п.. – 4.432; скопцов, хлыстов и т.п. – 429)
1910	3.287.912	15.226	6.024 (молокан, духоборцев и т.п.. – 4.968; скопцов, хлыстов и т.п. – 1.056)
1911	3.457.920	14.010	6.282 (молокан, духоборцев и т.п.. – 5.543; скопцов, хлыстов и т.п. – 739)
1912	данные отсутствуют	14.928	6.886 (молокан, духоборцев и т.п.. – 6.473; скопцов, хлыстов и т.п. – 413)
1913	3.569.932	15.629	6.464 (молокан, духоборцев и т.п.. – 6.137; скопцов, хлыстов и т.п. – 327)
1914	3.621.907	15.825	6.364 (молокан, духоборцев и т.п.. – 6.085; скопцов, хлыстов и т.п. – 279)
1915	3.669.505	15.898	6.705 (в т.ч. баптистов – 2.545; молокан – 852; скопцов (в т.ч. «новоизраильтян») – 741; штундо-толстовцев – 20; адвентистов – 2)

На основании представленных «Обзоров Воронежской губернии» можно сделать вывод о степени прироста населения Воронежской губернии и числе старообрядцев и сектантов на рубеже XIX-XX вв.: 1) общий ежегодный прирост населения Воронежской губернии составляет $\approx 1-3\%$; 2) ежегодное увеличение численности раскольников-старообрядцев носит непостоянный характер, т.к. иногда наблюдается обратная ситуация с их ежегодным количественным уменьшением по сравнению с предыдущими годами (1892, 1896, 1906, 1910); как правило ежегодный прирост числа старообрядцев составляет $\approx 2-5\%$; 3) ежегодное увеличение численности сектантов также не всегда носит постоянный характер, т.к. иногда наблюдается обратная ситуация с их ежегодным количественным общим уменьшением по сравнению с предыдущим периодом (1902, 1909, 1913, 1914); общее ежегодное увеличение численности сектантов обычно составляет $\approx 5-15\%$.

Таким образом, наиболее активным по степени увеличения числа приверженцев может считаться процесс увеличения численности сектантов, который превышает собой степень увеличения числа населения губернии и числа старообрядцев.

Согласно «Обзорам Курской губернии»¹² рубежа XIX-XX вв., численность раскольников-старообрядцев, сектантов и общая численность населения губернии представлена в табл. 6.

На основании официальных материалов можно сделать вывод о степени прироста населения Курской губернии и увеличении числа раскольников и сектантов на рубеже XIX-XX вв.: 1) общий ежегодный прирост населения Курской губернии составляет $\approx 1-3\%$; 2) общее ежегодное увеличение численности раскольников на $\approx 2-5\%$; 3) общее ежегодное увеличение численности сектантов на $\approx 10-20\%$. Как видим, наиболее активным по степени увеличения числа приверженцев является про-

¹² Обзор Курской губернии за 1884 год. Курск, 1885; Обзор Курской губернии за 1902 год. Курск, 1903; Обзор Курской губернии за 1903 год. Курск, 1904; Обзор Курской губернии за 1904 год. Курск, 1905; Обзор Курской губернии за 1906 год. Курск, 1907; Обзор Курской губернии за 1908 год. Курск, 1909; Обзор Курской губернии за 1909 год. Курск, 1910; Обзор Курской губернии за 1910 год. Курск, 1911; Обзор Курской губернии за 1911 год. Курск, 1912; Обзор Курской губернии за 1914 год. Курск, 1915; Обзор Курской губернии за 1915 год. Курск, 1916.

цесс увеличения численности сектантов, который превышает степень увеличения числа населения губернии и числа старообрядцев.

Таблица 6

Распределение населения по вероисповеданиям в Курской губернии на рубеже XIX – XX вв.

Год	Численность населения губернии	Число раскольников-старообрядцев	Число сектантов
1884	2.341.743	данные отсутствуют	данные отсутствуют
1902	2.574.306	21.022	355 (штундистов – 100; толстовцев – 13; скопцов – 180; хлыстов – 62).
1903	2.626.987	21.643	558 (штундистов – 188; толстовцев – 14; скопцов – 271; хлыстов – 85).
1904	2.680.950	22.589	571 (штундистов – 206, штудо-толстовцев – 14, скопцов и хлыстов – 351)
1906	2.797.544	22.343	720 (штундистов – 339; толстовцев – 12; скопцов – 157; хлыстов – 55)
1907	данные отсутствуют	23.814	данные отсутствуют
1908	2.889.939	25.000	1.050 (адвентистов (субботников) – 27; штундистов (штудобаптистов) – 610; скопцов и хлыстов – 365; иоаннитов – 48).
1909	2.912.296	более 25.000	2.116 (адвентистов – 35; баптистов – 1078; штудо-толстовцы – 483; скопцы и хлысты – 520).
1910	2.917.240	25.000	2.116 (адвентистов – 35; баптистов – 1078; штудо-толстовцы – 483; скопцы и хлысты – 520)
1911	2.959.208	данные отсутствуют	данные отсутствуют
1914	3.121.160	26.409	3.400
1915	3.154.501	27.261	3.400

Сравнив степень прироста населения Воронежской и Курской губерний и процесс увеличения в них числа раскольников и сектантов можно предположить, что стремительное увеличение численности сектантства, превосходящие по своей степени число ежегодного увеличения населения губернии, не всегда зависит от естественного прироста, а может объясняться привлечением новых членов со стороны или православного, или раскольнического населения. В «Обзорах Воронежской губернии» духовенство и православные миссионеры обращают особое внимание на пропаганду сектантами своих лжеидей среди православного населения, распространение у православных сомнений в истинности православного вероисповедания. Кроме этого они говорят о способах пропаганды и тайном прозелитизме сектантами в удаленных с позиции русской церкви местах территории губернии¹³.

Вопросу статистики старообрядцев и сектантов помимо внимания со стороны правительства, также обращало ученое сообщество, которое ставило своей целью установление достоверности статистических данных. Не только самим сбором данных о числовом составе сектантов, но и их научным анализом, а также систематизацией и объяснением полученных официальных статистических данных в XIX – начале XX в. занимались многие исследователи, в том числе А.А. Корнилов, П.Н. Милоков, А.С. Пругавин, А.М. Эткинд и др.¹⁴.

¹³ Обзор Воронежской губернии за 1909 год. Воронеж, 1910. С. 56-57; Обзор Воронежской губернии за 1913 год. Воронеж, 1914. С. 55; Обзор Воронежской губернии за 1915 год. Воронеж, 1916. С. 52.

¹⁴ Корнилов А.А. Курс русской истории XIX века. М., 2004; Милоков П.Н. Очерки по истории русской культуры: в 3 т. Т. II. М., 1994; Эткинд А. Хлыст. М., 1998.

Если в самом начале статистического анализа раскола правительство довольствовалось лишь официальными сведениями о числе раскольников и раскольничьих монастырей, скитов, молелен, то в конце 40-х годов XIX в. оно уже получило возможность более или менее основательной проверки этих данных при помощи материалов, собранных на местах специально командированными лицами. Эти материалы, указали на неверность цифровых данных относительно распространенности раскола и сектантства в народе. Оказалось, что официальные данные преуменьшают эту распространенность. А.А. Корнилов пишет, что, вероятно, число сектантов в России в 40-х годах XIX в. было не менее миллиона душ¹⁵. В качестве аргумента исследователи приводят известные примеры большого отличия официального числа сектантов от действительного в таких губерниях как Вологодская, Костромская, Саратовская, Тамбовская, Черниговская, Ярославская и др¹⁶.

По официальным ведомостям, число раскольников и сектантов между 1826 и 1855 гг. было от 700.000 до 800.000 человек и лишь однажды (в 1837 г.) показано было в 1.003.000 человек. По утверждению генерала Н. Н. Обручева, имевшего доступ к секретным правительственным данным, число раскольников и сектантов не могло быть меньше 8 млн. человек¹⁷. Число сектантов, зафиксированное в ведомостях по отдельным губерниям единицами, десятками, редко сотнями и еще реже многими тысячами, на самом деле считалось в некоторых губерниях десятками и даже сотнями тысяч¹⁸.

В 1863 году были изданы «Статистические таблицы Российской Империи», изданные по распоряжению министра внутренних дел. В них, высчитали, что всех старообрядцев и сектантов в России до 8.000.000 человек, в том числе: последователи поповщины – 5.000.000, беспоповцы поморского толка – 2.000.000, федосеевцы, филипповцы, бегуны – 1.000.000, молокане и духоборцы – 110.000, хлысты и скопцы – 110.000 – итого 8.220.000 человек¹⁹. Разбирая эти статистические данные Ф.Е. Мельников замечает, что в этих сведениях опущена целая отрасль сект, составляющих середину между поповщиной и беспоповщиной. Это именно Спасово согласие, распространенное во всех губерниях и определенное Мельниковым в 200.000 последователей. Поэтому, едва ли общее число старообрядцев и сектантов к началу 80-х гг. было менее 10 млн. человек²⁰.

Исследуя сектантство XIX века, А.М. Эткинд отмечает, что согласно большинству оценок, хлыстовство во второй половине XIX в. было третьей верой русского населения России, уступая по своему распространению только православию и старообрядчеству. Так, французский этнограф Ж.-Б. Северак в 1906 г. по косвенным данным оценил численность лишь хлыстов в 175 тысяч²¹.

Отмечая низкое качество статистических данных, П.Н. Милоков писал: «В действительности, если только принять во внимание рост населения, численность раскольников (старообрядцев и сектантов) должна была подняться к 1900 г. до 20.000.000, а к 1907 г. до 25.000.000. Сектантов из них было до 6 млн.»²². В 1904 г. А.С. Пругавин относительно российской статистики писал: «Наша статистика раскола и сектантства, без всякого преувеличения, всегда была в самом жалком состоянии»²³.

¹⁵ Корнилов А.А. Курс русской истории XIX века. М., 2004. С. 121.

¹⁶ Корнилов А.А. Курс русской истории XIX века. М., 2004. С. 123; Милоков П.Н. Очерки по истории русской культуры: в 3 т. Т. II. М., 1994. С. 233-234; Эткинд А. Хлыст. М., 1998. С. 35-36.

¹⁷ Корнилов А.А. Курс русской истории XIX века. М., 2004. С. 122.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Милоков П.Н. Очерки по истории русской культуры: в 3 т. Т. II. М., 1994. С. 233; Раскол-сектантство. Материалы для изучения религиозно-бытовых движений русского народа, собранные А.С. Пругавиным. Выпуск первый. Библиография старообрядчества и его разветвлений. М., 1887. С. 79.

²⁰ Эткинд А. Хлыст. М., 1998. С. 35; Раскол-сектантство. Материалы для изучения религиозно-бытовых движений русского народа, собранные А.С. Пругавиным. Выпуск первый. Библиография старообрядчества и его разветвлений. М., 1887. С. 80.

²¹ Эткинд А. Хлыст. М., 1998. С. 38.

²² Цит. по: Милоков П.Н. Очерки по истории русской культуры: в 3 т. Т. II. М., 1994. С. 234.

²³ Цит. по: Эткинд А. Хлыст. М., 1998. С. 36.

Следует обратить внимание на тот факт, что мнение некоторых исследователей относительно достоверности статистических данных Первой всероссийской переписи населения Российской империи 1897 года также неоднозначно. До сего времени мнение историков о достоверности её результатов не устоялось. Современные исследователи данных Первой всеобщей переписи населения Российской империи, отмечая недоверие к материалам переписи, приводят характерное высказывание А.Н. Котельникова: «Я никогда не решусь искать в опубликованных материалах первой всеобщей переписи населения каких-либо доказательств научной гипотезы. В моих глазах труды отдела переписи навсегда останутся сборником цифровых данных, имеющих весьма сомнительное значение для статистики России»²⁴. Данное высказывание фактически выступает квинтэссенцией недоверия к данным переписи. Не будучи убежденный в точности изданных материалов переписи 1897 г. и не видя сколько-нибудь надежных способов их проверки, А.Н. Котельников вообще отрицал их научную значимость²⁵. Беглый взгляд на процесс проведения переписи тоже позволяет усомниться в достоверности статистических данных. Так, например, при первом, подготовительном этапе (декабрь 1896 – январь 1897 гг.) счетчики обходили хозяйства и заполняли переписные листы, которые затем просматривались заведующими переписными участками. При этом в городах применялся метод самосчисления (в усадьбах и городских домовладениях, а также на заводах счетчик лишь приносил, забирал и проверял переписные листы, а их заполнение проводили соответственно владельцы, арендаторы, хозяева), а в сельской местности – использовался метод опроса (переписные листы заполнялись счетчиком при опросе каждого хозяйства)²⁶. А.П. Чехов, являющийся не только современником данного события, но и работником данной переписи в своих письмах так о ней отзывался: «Счетчики работали превосходно, педантично до смешного. Зато земские начальники, которым вверена была перепись в уездах, вели себя отвратительно. Они ничего не делали, мало понимали и в самые тяжелые минуты сказывались больными»²⁷.

Исследование религиозной жизни в Воронежской и Курской губернии в XIX – XX вв. тоже дают основания для определенной доли скептицизма в адрес официальных данных численного состава старообрядчества, а в особенности сектантства.

Согласно ежегодным «Обзорам...» Воронежской и Курской губернии, можно установить, что крупнейшими представителями инакомыслия в губерниях Центрального Черноземья на рубеже XIX-XX вв. являлись старообрядческие толки (поповцы, беспоповцы и беглопоповцы), рационалистические (адвентисты, баптисты, духоборы, толстовцы, штундисты) и мистические секты (скопцы, хлысты). С конца XIX по начало XX в., также как и во всей России, в Воронежской и Курской губерниях прослеживается общее увеличение числа, как раскольников, так и сектантов.

В 1856 г. в Курской губернии, согласно представленному в МВД отчету, проживало 16.530 раскольников. Однако, в том же отчете курский губернатор делает оговорку, что действительное количество староверов и сектантов значительно превышает официальные цифры. По мнению чиновников МВД, занимавшихся вопросом

²⁴ Цит. по: «Морозова Э.А. Некоторые результаты анализа данных Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. по Центрально-Черноземным губерниям // Актуальные инновационные исследования: наука и практика. 2010. № 4» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.actualresearch.ru/nn/2010_4/Article/history/morozova.htm

²⁵ «Морозова Э.А. Некоторые результаты анализа данных Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. по Центрально-Черноземным губерниям // Актуальные инновационные исследования: наука и практика. 2010. № 4» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.actualresearch.ru/nn/2010_4/Article/history/morozova.htm

²⁶ Первая всеобщая перепись Российской империи в 1897 году [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kalugastat.ru/vpn2010/DocLib4/%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%BF%D0%B8%D1%81%D1%8C2.htm>

²⁷ Цит. по: Чехов А.П. Письмо А.С. Суворину. 8 февраля 1897, Москва // Собрание сочинений. В 12 т. Т 12. М., 1985. С. 324.

«раскола» в Курской губернии, реальная численность местного «раскола» в конце XIX в. вдвое превысила официальную и приближалась к 50 тыс. человек²⁸.

Таким образом, нужно учитывать, что при работе со статистическими данными число раскольников и сектантов, представленное в официальных статистических документах, не в полной мере отражает действительное их количество, и по мнению ряда исследователей является заниженным.

Исследователи статистики сектантов в целом по Российской империи XIX века отмечают, что разница между официальными и реальными данными объясняется тем, что и полиция, и духовенство были заинтересованы в сокрытии истинного числа сектантов и раскольников. Полиция находила в скрытой помощи преследуемых, путем их сокрытия, верный источник дохода²⁹. Духовенство же, помимо этого мотива, боялось показывать действительные цифры, т.к. за этим последовал бы выговор за недостаточную бдительность и активность. Оно обычно показывало прошлогоднюю цифру³⁰, уменьшая её несколько, чтобы доказать своё рвение³¹.

Кроме этого, немаловажным является тот факт, что сами представители всех инакомыслящих форм вероисповедания всегда старались избежать государственного надзора на протяжении всего рассматриваемого периода и поэтому часто скрывали свою конфессиональную принадлежность, о чем также упоминается в «Обзорах...» как Воронежской, так и Курской губернии³² и прочих документах³³.

Более того, часто сектанты прибегали к своеобразной мимикрии. В первую очередь это относилось к членам сект, признаваемых в России «особо вредными», а в дальнейшем «изуверскими». Представители данных сект маскировались под православных христиан, открыто посещали православные приходы. Например, курский миссионер И. Дмитриевский писал о скопцах Корочанского уезда Курской губернии, что они были более «православными», чем обычные прихожане – постоянно посещали богослужения, истово крестились, жертвовали деньги на нужды церкви³⁴. В некоторых «Обзорах Воронежской губернии» отмечается, что в действительности количество раскольников и сектантов, которое числилось в отчетном году, по всей видимости, было больше. Причина этого в том, что многие из сектантов скрывают свою принадлежность к сектантству (особенно последователи тайных сект) и лицемерно выдают себя официально за православных³⁵.

²⁸ Шутаев Ю.В. Религиозное инакомыслие в российской провинции второй половины XIX – начала XX в. в зеркале статистических данных // Пятое Дамиановские чтения (материалы Всероссийской научно-практической конференции, ч. 2). Курск, 2008. С. 37.

²⁹ Миллюков П.Н. Очерки по истории русской культуры: в 3 т. Т. II. М., 1994. С. 233; Ракидин А.И. Скопческие процессы (фрагменты истории изуверской секты) // Загадочные преступления прошлого, 2004 (Интернет-версия) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://murders.ru/Sk_pr.html.

³⁰ Ср.: Обзор Курской губернии за 1909 год. Курск, 1910. С. 69; Обзор Курской губернии за 1910 год. Курск, 1911. С. 73-75; Обзор Курской губернии за 1914 год. Курск, 1915. С. 78; Обзор Курской губернии за 1915 год. Курск, 1916. С. 55.

³¹ Миллюков П.Н. Очерки по истории русской культуры: в 3 т. Т. II. М., 1994. С. 233; Шутаев Ю.В. Религиозное инакомыслие в российской провинции второй половины XIX – начала XX в. в зеркале статистических данных // Пятое Дамиановские чтения (материалы Всероссийской научно-практической конференции, ч. 2). Курск, 2008. С. 36; Эткинд А. Хлыст. М., 1998. С. 39.

³² Обзор Воронежской губернии за 1904 год. Воронеж, 1905. С. 52; Обзор Воронежской губернии за 1905 год. Воронеж, 1906. С. 51; Воронежской губернии за 1908 год. Воронеж, 1909. С. 58; Обзор Воронежской губернии за 1907 год. Воронеж, 1908. С. 56; Обзор Воронежской губернии за 1911 год. Воронеж, 1912. С. 54; Обзор Курской губернии за 1902 год. Курск, 1903. С. 56; Обзор Курской губернии за 1903 год. Курск, 1904. С. 44-45.

³³ См.: Распределение старообрядцев и сектантов по толкам и сектам. Разработано Центральным Статистическим Комитетом Министерства Внутренних Дел. /Б.м./, 1901. С. 2.

³⁴ Шутаев Ю.В. Религиозное инакомыслие в российской провинции второй половины XIX – начала XX в. в зеркале статистических данных // Пятое Дамиановские чтения (материалы Всероссийской научно-практической конференции, ч. 2). Курск, 2008. С. 36.

³⁵ Обзор Воронежской губернии за 1908 год. Воронеж, 1909. С. 58; Обзор Воронежской губернии за 1911 год. Воронеж, 1912. С. 54.

Одновременно с этим следует отметить и другую особенность мистических сект, а в особенности скопцов и хлыстов. В обрядовой сфере данные группы очень схожи и часто главным отличительным признаком скопцов от хлыстов было наличие телесных повреждений. Так, в «Обзорах Курской губернии» часто отмечался данный факт, и также добавлялось: «Разграничить точно последователей двух мистических сект невозможно вследствие затруднительности распознавания их одних от других, т.к. незначительное количество скопцов имеет плотское оскотление, большинство же из них признают оскотление духовное (так называемые ново-скопцы), а по внешнему виду, обряду, жизни и лицемерно усердному отношению к православной церкви ничем не отличаются от хлыстов, с которыми часто живут в одних пунктах»³⁶.

Стремительное оживление сектантского движения, как в России вообще, так и в губерниях Центрального Черноземья в частности, в начале XX в. объясняется введением в 1905 г. манифеста «Об укреплении начал веротерпимости». Данный манифест поставил на легальное положение все секты, кроме «изуверских» (хлыстов и скопцов), и также позволил улучшить положение старообрядцев³⁷. Данный манифест фактически позволил стать открытыми сектантам и раскольникам, вплоть до официальной организации общин и самостоятельного ведения метрических записей своих прихожан. Особенный успех выпал на долю «библейских христиан», или «евангелистов», как они стали себя называть, а также баптистов и адвентистов³⁸. Текст «Обзоров Воронежской губернии» подтверждают оживление религиозного движения по причине дарования светской властью полной или частичной религиозной свободы сектантам. В них описываются, что религиозное движение наблюдалось среди хлыстов, штундистов и других сектантов, которые под влиянием слухов о веротерпимости стали усиленно ходатайствовать перед светской властью о даровании свобод и особенно права беспрепятственно устраивать свои собрания с пением сектантских стихов, свободно проповедовать свое учение и пр³⁹. Одновременно с этим отмечается, что «заметное увеличение числа сектантов может объясняться тем, что при объявлении... свобод религиозного исповедования многие, прежде скрывающие свое сектантство, теперь стали исповедовать его явно»⁴⁰.

Подводя итоги, нужно отметить, что вопросу численного состава сектантства в Российской империи уделялось довольно пристальное внимание. Статистические данные по сектантству в России, а также отдельно по Центральному Черноземью и по губерниям позволяют увидеть широкую картину религиозного движения инакомыслия в целом и сектантства в частности. Вместе с этим следует обратить внимание, что статистические материалы о численности сектантов как по России, так по губерниям Центрального Черноземья, на рубеже XIX-XX вв. не могут считаться единственно верными. Нужно учитывать некоторые факторы, влияющие как на отсутствие истинных сведений о сектантах у священников и миссионеров (по причине скрытности, конспирации и мимикрии ряда сектантов), так и влияющих на фиксирование в официальных документах ненастоящих, неточных сведений о числе сектантов (продажность, и страх перед начальством). Все эти факторы влияют на то, что официальные данные о численности старообрядцев и сектантов по всей России не только не показывают истинное их количество, но серьезно отличаются от их действительного числа.

³⁶ Обзор Курской губернии за 1906 год. Курск, 1907. С. 44; Обзор Курской губернии за 1908 год. Курск, 1909. С. 70-71; Обзор Курской губернии за 1909 год. Курск, 1910. С. 69; Обзор Курской губернии за 1910 год. Курск, 1911. С. 73-75.

³⁷ Именной Высочайший указ, данный Сенату, «Об укреплении начал веротерпимости», 17 АПРЕЛЯ 1905 г. [Электронный ресурс].

Режим доступа: http://www.rspp.su/pravoslavie/raznoe/ukaz_veroterpimost.html.

³⁸ Никольский Н.М. История русской церкви. М., 2004. С. 476.

³⁹ Обзор Воронежской губернии за 1904 год. Воронеж, 1905. С. 53.

⁴⁰ Цит. по: Обзор Воронежской губернии за 1905 год. Воронеж, 1906. С. 51.

NUMERICAL STRUCTURE OF SECTARIANISM IN THE RUSSIAN EMPIRE AT THE TURN OF XIX TO XX CENTURIES (ON THE EXAMPLE OF PROVINCES OF THE CENTRAL BLACK-SOIL REGION)

E.P. BELONOZHKO
N.A. KLYSHNYUK

*Belgorod National Research
University*

e-mail: belonozhko@bsu.edu.ru

In article the numerical structure of sectarianism in a society of the Russian empire on a boundary of the XIX-XX centuries is investigated. Authors define and in details consider numerical structure of sectarianism on an example of provinces central Black-Soil region. Also the estimation is given to a problem of the statistical analysis of sectarianism in the Russian empire on a boundary of the XIX-XX centuries.

Key words: the Russian empire, sectarianism, numerical structure, provinces of the Central Black-Soil region.

ОБЩЕСТВА СОДЕЙСТВИЯ РАСПРОСТРАНЕНИЮ ОБРАЗОВАНИЯ В ЗАПАДНО-СИБИРСКОМ УЧЕБНОМ ОКРУГЕ

М.П. ВОЙТЕХОВСКАЯ

*Томский государственный
педагогический университет*

e-mail: vojtehovskaja@mail.ru

В Западной Сибири, лишенной возможности развития земств, многие функции по распространению образования выполняли общественные объединения. Общества содействия распространению образования сыграли значительную роль в развитии просвещения в Сибири и являлись ярким доказательством стремления местного населения к формированию основ гражданского общества.

Ключевые слова: образование, государственная политика, общественные объединения, Западно-Сибирский учебный округ.

В России второй половины XIX – начала XX веков распространение образования государством и обществом воспринималось как одна из важнейших задач дальнейшего развития. Государство реализовывало образовательную политику главным образом через Министерство народного просвещения (МНП) и подчиненные ему структуры, но довольно большое распространение по всей России имели учебные заведения Святейшего Синода, Императрицы Марии (мариинские), военного, финансового и прочих ведомств, подчиненных МНП только в обязательной части содержания образования. Общество осуществляло попечение о нуждах образования через негосударственные учебные заведения, в том числе земские, и разного рода просветительные общества.

Западно-Сибирский учебный округ в составе Тобольской и Томской губерний, Семипалатинской и Акмолинской областей (до 1897 г. в составе округа находилась Семиреченская область) был учрежден 1 июля 1885 г. К этому времени на огромной территории Западной Сибири находилось всего 690 учебных заведений с 25 тыс. учащихся и 2053 педагогов¹. Промышленным и культурным центром региона был Томск, первый университетский город Сибири, в котором и находился центр учебного округа. В 1883 г. на 24 томича приходился один учащийся, что превышало показатели Петербурга и Москвы в три раза². Между тем, общие показатели грамотности в регионе были почти вдвое ниже, чем в европейской части России. По переписи населения в 1897 г. процент грамотных (умеющих читать) сибиряков едва достигал 16%³.

Территории, вошедшие в состав Западно-Сибирского учебного округа, отличались низкой плотностью населения: в среднем 3 человека на версту. Это обстоятельство часто ставило перед правительством вопрос о финансовой целесообразности открытия государственных школ, малочисленность учебных заведений была и во многом остается отличительной чертой сибирской школы. В этих условиях дело просвещения часто попадало в сибирской глубинке либо в руки священнослужителей (церковь, в отличие от школы, была в любом населенном пункте России), либо в частные и общественные руки. Сибирь обязана появлением первых светских школ политическим ссыльным – декабристам, народникам и т.д. Многие из них в сибирской

¹ См.: Краткий обзор деятельности Западно-Сибирского учебного округа за первое двадцатипятилетие его существования. 1885 г. – 1910 г. Томск, 1910. С. 6, 31-33.

² Ляхович Е. С., Ревушкин А. С. Университеты в истории и культуре дореволюционной России. Томск, 1998. С. 439.

³ См.: Общий по Империи свод результатов разработки данных Первой Всеобщей переписи населения, произведенной 28.01.1897. Спб., 1905. Т.1. С. 16,24.

ссылке оставили активную политическую деятельность и переключились на мирную, социально значимую созидательную работу по распространению образования.

По национальному составу население территорий Западно-Сибирского учебного округа было неоднородным: здесь проживали представители более 100 народностей. Коренными жителями Сибири были татары, остяки, самоеды, вогулы, зыряне и др., но в Тобольской и Томской губерниях преобладало русское население – до 91,5 %. Кроме коренных жителей в этих губерниях было довольно много переселенцев: немцев, латышей, эстонцев и др. В Акмолинской и Семипалатинской областях коренными жителями большинства уездов являлись киргизы и казахи: в Акмолинской области они составляли 54% населения и вели преимущественно кочевой образ жизни, в Семипалатинской области доля местного кочевого населения превышала 80%. Вплоть до первой мировой войны на всей территории округа – 2 881 847,2 тыс. кв. верст располагалось всего 30 городов, в которых проживало 9,2 % населения; около 75 % были жителями сельской местности, а 16-17 % населения вели кочевой образ жизни⁴. Этим объясняется значительное преобладание – 86 % – сельских начальных училищ от общего числа учебных заведений округа по данным за 1913 год. И хотя число учебных заведений за 33 года существования учебного округа выросло более чем в 4,5 раза, а число учащихся в 7,4 раз, общие показатели по Сибири значительно отставали от средних по Российской империи. По данным о состоянии народного образования, полученным в результате однодневной школьной переписи 18 января 1911 г., в России процент учащихся к населению составлял 3,85, что являлось нижним показателем по Европе⁵. В это же время процент учащихся в Западной Сибири составлял всего 1,35 % (1,4 % и 1,67 % – в Томской и Тобольской губерниях; 1,18 % и 0,7 % – в Акмолинской и Семипалатинской областях соответственно)⁶.

В 43 губерниях центральной части России, как известно, широкое распространение получили земские школы, удельный вес которых в составлении составлял до 60-80 % от общего числа учебных заведений. Всего к 1911 г. в России было 27 486 земских школ. В Сибири, лишенной возможности развивать земское образование, многие функции земств по заботе о развитии просвещения выполняли культурно-просветительские и благотворительные общества. В 1898 г. таких обществ в России насчитывалось 135, к 1905 г. – около 200⁷, в ходе первой русской революции, а особенно в последующий за ней период легальное общественное движение значительно усилилось.

В одной только Томской губернии, согласно информации Памятной книжки на 1910 г., насчитывается более 50 обществ «просветительской» направленности⁸. В Омске по данным местной прессы в 1909 г. было зафиксировано свыше 30 просветительских и благотворительных обществ⁹. Несколько десятков обществ было создано и с разной степенью эффективности действовало в Тобольской губернии и Семипалатинской области. Число обществ и численность их членов постоянно менялись в зависимости от разных причин как внешних, так и внутренних, однако эти цифры всегда оставались значительными. По подсчетам сибирского исследователя С.В. Макаруча в период с 1907 г. до революции 1917 г. в Сибири и на Дальнем Востоке действовало не менее 130 обществ культурно-просветительского характера¹⁰.

Размах культурно-просветительского общественного движения был вызван рядом объективных и субъективных обстоятельств: необходимостью распространения

⁴ См. по: Статистический ежегодник России. 1914 г. Пг., 1915. Отд. 1. С. 33-57.

⁵ Чехов Н. В. Народное образование в России с 60-х годов XIX века. М., 1912. С. 220.

⁶ Подсчитано по: Краткий обзор деятельности Западно-Сибирского учебного округа за первое двадцатипятилетие его существования. 1885 г. – 1910 г. Томск, 1910. С. 33; Статистический ежегодник России. 1914 г. Пг., 1915. Отд. 1. С. 33-57.

⁷ См.: Ежегодник внешкольного образования. Вып. 1. М., 1907. С. 279-287.

⁸ Памятная книжка Томской губернии на 1910 г. Томск, 1910. С. 129-135.

⁹ Макаруч С.В. Культурно-просветительские общества в городах Сибири и Дальнего Востока (1907 – февраль 1917 гг.) // Проблемы культуры городов России. Омск, 1996. Ч. 1. С. 81.

¹⁰ Там же.

образования, а чаще – ликвидации неграмотности и отсутствием земств; отдаленностью от столицы и относительно высокой концентрацией «политически неблагонадежных», но интеллектуально одаренных и широко образованных людей; стремлением местной интеллигенции – главных инициаторов обществ – к реализации интеллектуального потенциала и объединению творческих сил для служения великой цели народного просвещения; отвлечение более или менее состоятельных жителей и их супруг социально значимой деятельностью от угнетающей тоски сибирской провинции; широким общественным признанием благотворительности и благотворителей...

Вопросы развития культурно-просветительных обществ нашли отражение еще в дореволюционной литературе, большей частью публицистического характера, целью которой было не столько научное изучение их истории, сколько распространение и популяризация опыта¹¹. Информация о деятельности сибирских просветительных организаций нашла отражение в центральной периодической печати конца XIX в.¹² В Сибири отчеты о деятельности обществ публиковались, а особый интерес исследователей вызывали вопросы взаимоотношений обществ с представителями властей на местах¹³ и личности наиболее известных общественных ревнителей народного образования¹⁴.

В советской историографии, согласно сложившимся идеологическим установкам, преобладали критические оценки деятельности дореволюционных культурно-просветительных обществ¹⁵. С конца 1980-х гг. в исторической науке начался новый период, исследователям был открыт доступ к архивным источникам, дореволюционной периодической печати и литературе. Современные исследования опираются на изложение исторических фактов на широкую источниковую базу, рассматриваются различные стороны общественной жизни дореволюционной Сибири, в том числе – легальных негосударственных объединений, участия в их деятельности представителей различных политических партий и социальных сил, значения просветительских обществ в формировании демократической гражданской культуры¹⁶.

¹¹ См например: Вахтеров В.П. Народные чтения // Русская школа. 1896. № 4. С. 116-147, № 5-6. С. 214-246, № 7-8. С. 231-255, № 9-10. С. 127-171, № 11. С. 117-159, № 12. С. 117-150; Чарнолуцкий В.И. Частная инициатива в деле народного образования. Социальное значение, типы, основные вопросы и очерные практические задачи свободных просветительных общественных организаций в современной России. СПб., 1910. 193 с; Чехов Н.В. Народное образование в России с 60-х гг. XIX в. М., 1912; Тихомиров М. Сельские просветительные общества // Для народного учителя. 1913. № 1. С. 35-40; № 4. С. 23-27; Медынский Е.Н. Методы внешкольной просветительной работы. Пг., 1915. и др.

¹² Абрамов Я. Хроника народного образования // Русская школа. 1892. № 5-6, 9; 1894. № 5-6; 1895. № 5-6; 1897. № 7-8; 1898. № 3, 10; Он же. Просветительные общества в провинции // Русская школа. 1896. № 11. С. 76-105, №12. С. 104-116.

¹³ См. например: Попов И.И. Культурно-просветительная деятельность сибирского учителя // Для народного учителя. 1907. № 8. С. 7-10; Потанин Г.Н. Культурно-просветительные организации // Город Томск: Сб. ст. Томск, 1912. С. 90-100; Карпова Н.М. Низшее образование // Там же. С. 44-59; Голубев П. Общество попечения о начальном образовании в Барнауле // Алтай, 1890. С. 296-298 и др.

¹⁴ Обский, Штильке В.К. // Сибирские вопросы. 1908. № 3-4. С. 69-72; Козьмин Н.Н. М.В. Загоскин и его значение в истории развития сибирской общественности // Очерки прошлого и настоящего Сибири. СПб., 1910. С. 161-229; Крекнин Г. Ревнитель света П.И. Макушин. 50 лет просветительной деятельности в Сибири. Томск, 1916.

¹⁵ См. например: Краеведение // Сибирская советская энциклопедия / Под ред. М.К. Азадовского. Новосибирск, 1931. Т. 2. Стб. 973-974.; Просвещенцы // там же. Материалы IV тома Сибирской советской энциклопедии. Новосибирск, 1937. Стб. 536-537.; Боженко Л. Коммунистическое просвещение трудящихся Сибири. Томск, 1963. С.6 и др.

¹⁶ См. например: Толочко А.П. Политические партии и борьба за массы в Сибири в годы нового революционного подъема (1910-1912 гг.). Томск, 1989; Плотников А.Е. Культурно-просветительские организации в Сибири (конец XIX – нач. XX вв.) // История культуры советского общества. Омск, 1990.; Харусь О.А. Либерализм в Сибири начала XX в. Идеология и политика. Томск, 1996; Костенков П. П. Общество попечения о начальном образовании в Барнауле / П. П. Костенков, И. Н. Никулина // Энциклопедия Алтайского края. Барнаул, 1997. Т. 2. С. 254.; Ноздрин Г. Благотворительные общества дореволюционной Сибири // Вопросы истории Сибири XX в. Новосибирск, 1998; Горелова Ю.Р. К вопросу о просвещенческо-педагогической деятельности Сибирской интеллигенции. Томское «Общество содействия физическому развитию» // Гуманитарное знание. Ежегодник. Серия «Преемственность». Омск,

Культурно-просветительские объединения разных направлений – распространения просвещения, попечения о начальном образовании, физического развития, любителей художеств, устройства народных чтений, самообразования, изучения Сибири, любителей садоводства и древонасаждений, пчеловодства, трезвости и т.п. – в своей деятельности ставили схожие цели и задачи объединения финансовых и интеллектуальных усилий местной интеллигенции, представителей органов самоуправления, властей и всех желающих в распространении культуры, образования и науки. Использовались различные формы работы: объединение исследователей по истории, географии и культуре Сибири; благотворительные акции в пользу отдельных школ, малоимущих учащихся, педагогов; научно-популярные лекции по наиболее актуальным проблемам; издание за счет обществ периодических изданий и учебной литературы; организация и содержание библиотек, школ, выставок и т.д.

Каждое общество должно было зарегистрироваться, составить собственный устав. Общества, связанные с распространением образования и науки, кроме того, должны были согласовывать с попечителем Западно-Сибирского учебного округа план основных мероприятий, составлять и публиковать ежегодные отчеты о своей деятельности. В качестве образца уставов общественных организаций МНП 5 июля 1894 г. был утвержден Устав обществ взаимного вспомоществования учащим и учившим в начальных народных училищах, в 1904 г. в Устав были внесены незначительные поправки¹⁷. Подобный документ представлял и Устав обществ вспомоществования нуждающимся учащимся, принятый 27 ноября 1897 года Министерством внутренних дел¹⁸.

Согласно уставам численность, религиозная, профессиональная и половая принадлежность, социальный статус лиц, пожелавших вступить в общество, не регламентировались. В члены общества не принимались проходящие службу низшие военные чины; учащиеся военного, морского и духовного ведомств; ссыльные и лица, права которых были ограничены судом. Все члены общества были поделены на почетных, действительных и членов-соревнователей. Почетными членами становились лица, занимавшие высокое положение и имевшие общественный статус: губернаторы, директора народных училищ, профессора, почетные граждане, крупные благотворители и предприниматели. Попечитель Западно-Сибирского учебного округа Л.И. Лаврентьев состоял почетным членом нескольких благотворительных обществ в Омске, Семипалатинске, Ишиме, Кузнецке¹⁹.

Действительными ставились все члены общества, регулярно вносившие в кассу установленный взнос. Обществами содействия распространению образования Западно-Сибирского учебного округа взнос был определен в размере 1-5 рублей в год. Действительными членами могли стать лица, освобожденные от взноса, но бесплатно оказывавшие профессиональную помощь обществу (врачи, юристы, педагоги) или граждане, взявшие на себя заботу об одном или нескольких бедных учениках. Действительные члены, внесшие в кассу общества сумму в несколько раз превышающую ежегодный членский взнос, назначались пожизненными членами общества.

Соревнователями являлись те члены обществ, которые вносили в кассу сумму ниже установленного минимального годового взноса, но частично брали на себя обязанности действительных членов общества. Члены-соревнователи были ограничены в правах: не имели решающего голоса на общих собраниях и не избирались в правление общества.

2002. Вып. 5. С. 125-133; Дегальцева Е. А. Научно-просветительные общества // Дегальцева Е. А. Общественные неполитические организации Западной Сибири (1861-1917 гг.). Барнаул, 2002. С. 192-229; Попов, Д.И. Культурно-просветительные общества в Сибири в конце XIX начале XX вв.: Монография под ред. Толочко, А.П. Омск, 2006. и др.

¹⁷ Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 126. Оп. 2. Д. 1866. Л. 40.

¹⁸ ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 1776. Л. 174.

¹⁹ ГАТО. Ф. 126. Д. 1776, Д. 2898.

Административные обязанности исполняло переизбираемое каждые 2-3 года общим собранием общества Правление – 7 – 9 человек. Члены Правления избирали из своего состава председателя, товарища (заместителя) председателя, секретаря и казначея. Решения Правления принимались голосованием, при равенстве голосов перевес давал голос председателя. Главной обязанностью Правления являлось руководство общественной организацией: регулирование поступлений и распределения денежных средств, составление смет и отчетов использования доходов, контроль над выполнением обязанностей членами общества, созыв общих собраний и исполнение постановлений, принятых общим собранием.

Правление общества не могло самостоятельно, без голосования на общем собрании, принимать решения относительно предстоящих расходов и выдачи крупных денежных пособий. Для контроля за финансовой деятельностью общества создавалась специальная ревизионная комиссия из членов самого общества. Основными источниками дохода выступали членские взносы; пожертвования; средства, вырученные от проведения публичных мероприятий, в том числе, благотворительных лотерей. Все средства представляли неприкосновенный и расходный капиталы. Неприкосновенными являлись крупные пожертвованные под специальным условием средства. Этот капитал, как правило, хранили в банках, использовали только по назначению, а проценты с капитала пополняли общую казну общества или также расходовались по основному назначению. Расходный капитал составляли все остальные поступления, которые тратились на нужды образования по принятой общим собранием смете.

Первые общества содействия распространению образования в Западной Сибири были открыты в Томске: «Томское общество вспомоществования учащимся» (1873 г.)²⁰ и «Общество попечения о начальном образовании» (1882 г.). Впоследствии подобные общества были открыты во многих городах региона. Состав обществ содействия распространению образования в Западной Сибири насчитывал от 8 до 800 членов, наибольший процент среди них составляли преподаватели различных учебных заведений и лица духовного звания. Наиболее многочисленными являлись общества, деятельность которых направлялась на развитие просвещения в целом. Примером тому «Общество попечения о народном образовании в г. Новониколаевске» (по данным за 1915 г. – 800 членов²¹), «Общество попечения о начальном образовании в г. Семипалатинске» (по данным за 1903 г. – 355 членов)²²; «Общество взаимного вспомоществования учащим и учившим в учебных заведениях Тобольской губернии» (до 320 членов)²³.

Условно общества содействия распространению образования по основному направлению их деятельности можно объединить в несколько групп. Как уже отмечено выше, самыми многочисленными – от нескольких десятков членов до сотен (в зависимости от размеров населенного пункта) были Общества попечения о начальном образовании. Такие общества в Западно-Сибирском учебном округе были созданы в городах Томске, Омске, Семипалатинске, Бийске, Каинске, Барнауле, Новониколаевске, Колывани, Ишиме, Акмолинске, Кокчетаве, в Змеиногорском округе, на станции Атбасарская 1-го отдела Сибирского казачьего войска²⁴ и др.

По инициативе обществ материально поддерживались начальные школы, оказывалась финансовая помощь малоимущим учащимся и педагогам начальных школ. Но самой действенной формой «попечения» была организация воскресных

²⁰ Данные об обществе см.: ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 2599. Лл. 8-14; Д. 2898. Л. 19.

²¹ Сибирская жизнь, 1915. № 272. С. 2.

²² Данные об обществе см.: ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 1776. Лл. 89-96; Д. 1866. Лл. 60-85; Д. 2943. Лл. 2943. Лл. 294-297.

²³ Данные об обществе см.: ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 1776. Лл. 2-25; Д. 1866. Лл. 13-39; Д. 2331. Л. 29; Д. 2943. Лл. 245-247.

²⁴ Сведения об обществах см.: ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 2442. Лл. 15, 40; Д. 2599. Лл. 15-17, 18, 25, 30-38, 41-43; Д. 2778.; Д. 2943. Лл. 203-206, 294-297; Государственный исторический архив Омской области (ГИАОО). Ф. 270. Оп. 1. Д. 23. Л. 17.

школ, специфика которых заключалась в направленности на взрослое население или детей преимущественно из крестьян и мещан, не имеющих возможности получения образования бесплатно и во внерабочее время²⁵. Преподавателями таких школ становились члены обществ – педагоги местных начальных и средних школ, которые оказывали образовательные услуги без оплаты труда. Название школ происходило от времени обучения по воскресным и праздничным дням, по 3-4 часа. Первые воскресные школы в Сибири (мужская и женская) были открыты в г. Томске 11 января 1881 года по инициативе педагогов местных школ при поддержке известного общественного деятеля П.И. Макушина, в то время председателя училищного совета; смотрителя уездного училища П.А. Буткеева и директора гимназии Б.И. Сциборского²⁶.

Следующими по времени открытия после томских школ являлись: в 1888 г. – курганская смешанная воскресная школа; в 1894 г. – мужская и женская воскресные школы в Тобольске, женская – в Омске, мужская – в Тюмени; в 1897 г. – две воскресные школы для совместного обучения мужчин и женщин в Барнауле и одна в Петропавловске; в 1898 г. – совместные школы в Ишиме и Омске. В начале XX в. воскресные школы были открыты в Бийске (мужская, 1900 г.), Тобольске (вторая женская, 1901 г.), Семипалатинске (смешанная, 1902 г.), Кузнецке (смешанная, 1902 г.). Поскольку организация воскресных школ была новым делом, возникали разного рода проблемы. Так, курганская воскресная школа в 1890 г. была закрыта из-за отсутствия учащихся, и вновь воскресные школы в городе открылись в 1895 г. – женская и в 1898 г. – мужская. Тобольская мужская воскресная школа в 1896 г. была закрыта, а тюменская – в 1895 г. преобразована в женскую. Омская школа с 1900 г. была разделена на две: мужскую и женскую²⁷.

К началу XX в. в Западно-Сибирском учебном округе действовало 17 городских воскресных школ (4 – мужских, 7 – женских и 6 – смешанных), но это число могло быть больше, если бы были удовлетворены все прошения обществ об учреждении школ. Так, не была открыта воскресная школа в Каинске, об учреждении которой ходатайствовало местное Общество попечения о начальном образовании²⁸. В Барнауле воскресная школа могла начать работу на четыре года раньше, в 1893 г., если бы раньше было удовлетворено ходатайство Общества попечения о начальном образовании²⁹. Ишимское общество попечения о начальном образовании в течение двух лет ждало решения от епископа Омского и Семипалатинского об открытии школы, но оно было принято только после личного визита в Омск представителя от общества. Не было дано разрешение и на создание воскресной школы в городе Таре Тобольской губернии³⁰.

Точных сведений о количестве воскресных школ в сельской местности не имеется из-за кратковременности их существования. Известны лишь отрывочные сведения о некоторых, созданных по общественной инициативе. Так, попечительством комитета по народной трезвости в 1903 г. были учреждены две воскресные школы в селе Бронниковском и деревне Соколовой Тобольской губернии; по местной общественной инициативе с 1903 г. работали воскресные школы в селах Каменском и Тугулым Тюменского уезда³¹.

В большинстве случаев воскресные школы содержались на средства обществ и частные пожертвования, но иногда поступали деньги из городского бюджета. Собственных зданий воскресные школы не имели в силу нерациональности использования помещения только в выходные дни. Арендуя здания начальных училищ, воскресные школы часто меняли свои адреса³².

²⁵ Вольфсон Д. Сибирские воскресные школы. Томск, 1903. С. 228.

²⁶ Жан-Жан, Томская воскресная школа // Сибирский Вестник, 1902 г., № 52. С. 2.

²⁷ Вольфсон Д. Сибирские воскресные школы. Томск, 1903. С. 221-225.

²⁸ ГАТО. Ф. 126. Оп. 1. Д. 494. Л. 10.

²⁹ ГАТО. Ф. 126. Оп. 1. Д. 680. Л. 3.

³⁰ Вольфсон Д. Сибирские воскресные школы. Томск, 1903. С. 213, 226.

³¹ ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 1777. Л. 33.

³² Жан-Жан, Томская воскресная школа // Сибирский Вестник. 1902 г. № 52. С. 2; Вольфсон Д. Сибирские воскресные школы. Томск, 1903. С. 82; Он же. Воскресные школы в Томске // Сибирский на-

Сначала воскресные школы посещали люди неграмотные, но постепенно эти школы стали привлекать лиц с элементарными знаниями, что позволяло расширять программу обучения, вводить новые дисциплины, давать азы научных знаний. Большую часть учащихся составляли женщины. В силу разного уровня подготовленности учеников, а также существенных возрастных различий система преподавания в воскресных школах строилась по разным принципам: групповая или предметная, что обеспечивало удобство восприятия учащимися учебного материала. В основе программ большинства воскресных школ была программа одноклассной приходской школы, но преподаватели расширяли ее, исходя из запросов и потребностей учеников. Создавались дополнительные вечерние классы с расширенной программой на уровне высших начальных училищ МНП (например, при томской и тобольской женских воскресных школах) В тюменской женской воскресной школе была открыта специальная старшая группа, в которой готовили учениц на звание учительниц школы грамоты³³.

Сибирские воскресные школы, созданные обществами попечения о начальном (народном) образовании, имели большое социальное значение, благодаря их работе значительное количество людей получило начальное образование, что позволило повысить общий уровень грамотности в Сибири.

Подобно воскресным школам развитию образования способствовали вечерние курсы для взрослых, которые также открывались по инициативе обществ в небольших населенных пунктах. Занятия проводились в помещениях местных школ педагогами этих же учебных заведений. В 1900 г. вечерние курсы были открыты в нескольких селах Томского, Мариинского, Каинского и Барнаульского уездов³⁴.

Помимо обществ попечения о народном образовании, существовали общественные объединения внешкольного образования и воспитания. Например, Курганское общество внешкольного воспитания, Общества содействия устройству бесплатных библиотек-читален в ряде городов, Томское Общество содействия физическому развитию и т.п.³⁵ Интересный опыт общественных инициатив представлен открытием просветительскими организациями народных детских садов. Так, в Томске в начале XX в. существовала общественная организация «Ясли», которая создавала приюты для ухода за детьми от 1 месяца до 7 лет малообеспеченных родителей – крестьян и рабочих – с 6 до 20 часов, а в летний период – с 4 до 21 часа. В задачи приюта входили присмотр, кормление, уход за детьми, в случаях необходимости оказание медицинской помощи. В 1912 году на итоговом собрании общества было решено пригласить учителя для проведения занятий с детьми и организовать прием детей более старшего возраста³⁶. Формирование системы дошкольного воспитания в России началось именно с частной инициативы, и тем более кажется интересным внимание сибирской общественности к этой форме внешкольного образования.

Среди обществ содействия народному образованию самое большое распространение получили общества вспомоществования и попечения нуждающимся учащимся. Отдельные общества заботились об учащих всей губернии или отдельного города, например: Томское общество вспомоществования учащимся (1873 г.), Общество попечения об учащих в учебных заведениях г. Кургана (1891 г.), Общество

блюдатель 1902 г. кн. 12. С. 143; Он же. Воскресные школы в Томске // Сибирский наблюдатель 1902 г. кн. 4 С. 90.

³³ Вольфсон Д. Сибирские воскресные школы. Томск, 1903. С. 83, 189, 191, 199.

³⁴ ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 1375. Л. 21.

³⁵ ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 2898. Лл. 1-6, 22; Д. 2943. Лл. 203-206; Горелова Ю.Р. К вопросу о просветительно-педагогической деятельности Сибирской интеллигенции. Томское «Общество содействия физическому развитию» // Гуманитарное знание. Ежегодник. Серия «Преемственность». Омск, 2002. Вып. 5. С. 125-133.

³⁶ Из деятельности общества «Ясли» за 1903 и 1904 годы // Сибирская жизнь. 1905. № 79. С. 3; В приюте «Ясли» // Сибирская жизнь. 1909. № 201. С. 3; В обществе «Ясли» // Сибирская жизнь. 1912. № 65. С. 5.

вспомоществования учащимся в г. Ялуторовске (1891 г.), Общество вспомоществования нуждающимся (недостаточным) учащимся в г. Таре (1896 г.), Кузнецкое общество вспомоществования нуждающимся учащимся (1899 г.), Мариинское общество вспомоществования нуждающимся учащимся (1902 г.) и др.³⁷

Некоторые общества распространяли свою заботу на учащихся учебных заведений определенного уровня. Так существовали общества вспомоществования нуждающимся учащимся начальных школ в городах Кольвани, Тобольске, Тюмени, Туринске; в Ишимском уезде; в Малокрасноярской, Самохваловской, Бергамакской и Кондратьевской волостях Тарского уезда. Общества вспомоществования нуждающимся учащимся средних учебных заведений существовали в Бийске, Ишиме и др.³⁸

Распространенным явлением было создание обществ помощи учащимся конкретных учебных заведений: Томской, Тобольской, Омской мужских гимназий; Томской Мариинской, Курганской Александровской, Тюменской, Омской первой, Омской второй, Омской О.Я. Хвориновой женских гимназий; слушательницам Сибирских высших женских курсов в г. Томске; воспитанникам Омской учительской семинарии; Томского, Петропавловского реальных училищ; Семипалатинских мужской прогимназии и женской гимназии и др.³⁹

Помощь обществ нуждающимся ученикам выражалась, главным образом, в полной или частичной оплате за их обучение, бесплатной выдаче учебных пособий или продаже книг по сниженным ценам, в обеспечении учащихся одеждой, обувью, пищей, жильем, в оказании на средства общества медицинской помощи и выдаче денежных пособий. При решении вопроса об оказании материальной поддержки учащимся во внимание принимались не только их финансовое состояние, но и поведение, успехи в учебе. Денежные пособия сибирских обществ обычно выдавались в размере от 5 до 30 рублей. Количество учеников, которым оказывалась помощь, зависело от доходов общества. Так, по данным 1902 г. Общество вспомоществования нуждающимся учащимся в Семипалатинских мужской прогимназии и женской гимназии оплатило обучение 31 ученика. Кузнецкое общество вспомоществования нуждающимся учащимся внесло плату за 17 учащихся городского училища⁴⁰. По отчетам Общества вспомоществования ученицам Томской Мариинской женской гимназии в 1911 году общество выдало пособие 158 девочкам⁴¹, а в 1912 году уже 180 ученицам⁴². Существовавшее в Томске Общество вспомоществования учащимся выдавало ссуды студентам Томского университета и Технологического института, в 1912 г. их сумма составила более 8 000 рублей. По инициативе общества организовывались студенческие столовые и буфеты⁴³.

Значительный интерес вызывают культурно-просветительные общества вспомоществования педагогам (учащим и учившим). К примеру, в Уставе одного из таких обществ – Акмолинской области, отмечается, что «общество имеет целью помогать нуждающимся учащим и учившим в начальных народных училищах и другого рода низших учебных заведениях (без различия ведомств, в ведении которых они находятся) Акмолинской области денежными пособиями и другими видами помощи»⁴⁴. К другим видам помощи, относилась работа по распространению в педагогических кругах новинок литературы, знаний о достижениях в методике преподавания, организация съездов учителей и т.д.

³⁷ Об обществах см.: ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 2599. Лл. 3-7, 8-14, 47; Д. 2943. Лл. 203-206, 245-247.

³⁸ Об обществах см.: ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 2898. Лл. 9-10, 22; Д. 2943. Лл. 203-206, 245-247.

³⁹ Об обществах см.: ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 1630. Лл. 1-4, 68; Д. 1866. Л. 8; Д. 2331. Лл. 5-9, 13-28, 43; Д. 2599. Лл. 44, 50; Д. 2898. Лл. 6-9, 11-13; Ф. 193. Оп. 2. Д. 5. Лл. 16, 22; Д. 3207. Лл. 289-290.

⁴⁰ ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 1776. Лл. 82-156.

⁴¹ Сибирская Жизнь. 1912 г. 31.01. № 25. С. 4.

⁴² ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 2898. Л. 12 в.

⁴³ ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 2898. Л. 19 г.

⁴⁴ Устав Общества взаимного вспомоществования учащим и учившим Акмолинской области. Омск, 1898. С. 1.

Общество взаимного вспомоществования учащим и учившим Томской губернии направило своих делегатов за счет общественных средств для участия в I Всероссийском съезде представителей учительских обществ взаимопомощи, проходившем в декабре 1902 г. – январе 1903 г. в Москве⁴⁵. Поддержка преподавателей, кроме того, выражалась в оказании медицинской помощи, организации отдыха учителей. Так, Обществом взаимного вспомоществования учащим и учившим в учебных заведениях Тобольской губернии был организован санаторий в одном из сел Тарского уезда для летнего отдыха учителей начальных школ⁴⁶.

В отчетах Общества взаимного вспомоществования учащим и учившим Акмолинской области содержится информация об организации и финансировании из общественных средств специальной библиотеки и педагогического музея, краткосрочных педагогических курсов. По инициативе Общества с 20 июля по 15 августа 1897 г. в Омске проводились курсы для учителей станичных и поселковых школ Сибирского Казачьего войска. Курсы получили поддержку попечителя Западно-Сибирского учебного округа и генерал-губернатора, который даже выдал из войсковых сумм пособие на командировки учителям в размере 250 рублей. Курсы были организованы при первой в Сибири Омской учительской семинарии и представляли собой настоящую школу передового педагогического мастерства. Специально для курсантов была организована образцовая начальная школа с тремя отделениями, учебными принадлежностями и пособиями. Курсанты в составе 27 учительниц и 4 учителей, командированных войсковым начальством, сначала изучали теоретический курс, затем наблюдали процесс работы в школе опытных педагогов и сами проводили пробные и показательные уроки. Параллельно с обучением учителя-курсанты работали в педагогическом музее и библиотеке, проводили педагогические конференции по наиболее актуальным проблемам⁴⁷.

Таким образом, Общества взаимной помощи педагогов отчасти выполняли функции профессиональных союзов и демонстрировали высокую степень организованности учительства, даже в отдаленных от центра регионах России.

Кроме названных выше обществ содействия распространению образования в Западно-Сибирском учебном округе существовали Общества помощи отдельным учебным заведениям. Примером тому – Общество для доставления средств Сибирским высшим женским курсам⁴⁸, Общество содействия вечерним общеобразовательным курсам в г. Томске⁴⁹, Общество содействия высшим историко-филологическим курсам и т.д.⁵⁰. К началу XX в. при большинстве средних учебных заведений состояло благотворительное общество или комитет. Были созданы и с разной степенью эффективности работали общества распространения образования среди определенных групп населения по национальному, религиозному или другому признаку. Например, в Томске было создано «Общество для распространения образования среди мусульман г. Томска и его окрестностей»⁵¹ и отделение Общества распространения просвещения между евреями России⁵².

С ростом образовательных потребностей сибирского населения увеличивалось и число народных чтений, организуемых различными обществами. Так, газета «Сибирская жизнь» неоднократно отмечала, что народные чтения Общества попечения о народном образовании в Томске пользовались популярностью и проходили при переполненных аудиториях⁵³. В 1914 году насчитывалось около 350 пунктов проведения

⁴⁵ ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 1776. Лл. 19-22.

⁴⁶ ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 1866. Лл. 13-39.

⁴⁷ ГИАОО. Ф. 435. Оп. 1. Д. 1. Лл. 9 об.-17.

⁴⁸ ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 2587. Л. 3.

⁴⁹ Сибирская жизнь. 1912. № 224. С. 2-3.

⁵⁰ Сибирские вопросы. 1910. № 34-35. С. 81.

⁵¹ ГАТО. Ф. 126. Оп. 2 Д. 2599. Л. 52.

⁵² Сибирская жизнь. 1909. 9 дек.

⁵³ Сибирская жизнь. 1912. № 21. С. 2; Сибирская жизнь. 1913 г. № 88. С. 3.

народных чтений, главным образом, актовые залы и аудитории различных учебных заведений. Всего за год было прочитано более 2 500 лекций⁵⁴. Активную роль в распространении просвещения сыграло Общество содействия распространению бесплатных библиотек-читален в Томской губернии, основанное в 1901 г. под председательством П.И. Макушина. А первая библиотека, открытая обществом в 1902 г. находилась в селе Судженском. Всего за 10 лет Обществом были учреждены 274 библиотеки в селах Томской губернии⁵⁵.

Общества содействия распространению образования в Западно-Сибирском учебном округе сыграли значительную роль в решении поставленных ими задач и являлись ярким доказательством стремления местного населения к формированию основ гражданского общества.

THE SOCIETIES FOR PROMOTING EDUCATION IN THE WEST SIBERIAN EDUCATIONAL COUNTY

M.P. VOYTEKHOVSKAYA

Tomsk State Pedagogical University

e-mail: vojtehovskaja@mail.ru

Social unions performed a lot of functions concerning the growth of education in Western Siberia because this region lacked the ability to develop zemstvos. The societies for promoting education took a remarkable part in the development of enlightenment in Siberia and proved the ambition of the residential population to form civil society foundations.

Key words: education, state policy, social unions, West Siberian Educational County.

⁵⁴ См.: ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 3084.

⁵⁵ Сибирская жизнь. 1912. № 262. С. 4-5.

ВЛИЯНИЕ ОРГАНОВ ОБЩЕСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ НА СТРУКТУРУ ГОРОДСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.*

М.А. СЕРГИЕНКО

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

e-mail: Sergienko@bsu.edu.ru

Статья посвящена изучению городской среды Курской губернии в рамках антропологически ориентированного исследовательского подхода. На основе широкого круга источников предпринята попытка установить роль органов общественного управления в формировании городского пространства. Уделено внимание внешнему облику провинциальных городов.

Ключевые слова: благоустройство городов, городское самоуправление, городская среда, повседневность, провинциальные города.

Изучение города и городской жизни является одним из традиционных направлений для отечественной исторической науки. Однако внимание большинства исследователей сосредоточено на изучении темпов, факторов и форм урбанизации в их конкретно-историческом развитии. Поэтому на региональном уровне остается малоизученной история городской повседневности. Процесс трансформации повседневной городской жизни был напрямую связан с деятельностью органов общественного управления, в компетенцию которых входило, в частности, принятие мер противопожарной безопасности, строительство и эксплуатация городских предприятий, содействие развитию торговли и промышленности, внешнее благоустройство, обеспечение санитарного надзора. В рамках регионального подхода представляется актуальным изучение такого аспекта истории городской повседневности, как влияние деятельности местных властей на состояние городской среды. Изучение взаимодействия власти и городского пространства в условиях модернизационного развития Российской империи, когда формировалось новое культурное пространство городской среды, позволяет раскрыть один из наиболее важных аспектов истории повседневности провинциального города.

Законодательство Российской империи рассматриваемого периода решение всех проблем повседневного функционирования города, как сложного социально-экономического организма, передало органам городского общественного самоуправления. Поэтому анализ делопроизводственной документации органов городского самоуправления Курской губернии позволил выявить ряд основных направлений деятельности, позволяющих представить их влияние на состояние городского пространства, а, следовательно, и на повседневную жизнь населения.

Одним из важнейших направлений в деятельности органов городского самоуправления Курской губернии являлось благоустройство. В условиях начавшейся в пореформенное время модернизации более сложной становится инфраструктура городского хозяйства. Политика местных властей была направлена на изменение городского пространства в соответствии с элементарными запросами населения. Деятельность по благоустройству включала в себя следующие мероприятия: поддержание в чистоте городских площадей и улиц, устройство систем канализации и водопровода, развитие транспорта и освещения, и т.д. Результативность и приоритетность

* Статья выполнена при финансовой поддержке Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг., в рамках реализации мероприятия № 1.2.2 Проведение научных исследований научными группами под руководством кандидатов наук, государственный контракт № П659 от 10 августа 2009 г.

этих мероприятий во многом была обусловлена инициативой и личной заинтересованностью представителей выборных органов власти и полиции.

Во многом уровень благоустройства городов определялся состоянием городских улиц, поэтому одной из насущных являлась проблема их покрытия. Недостаток средств бюджета не позволял замостить все улицы даже губернского города, притом, что цены на камень были сравнительно невысоки. И это несмотря на то, что вымощенная улица перед домами возвышала ценность квартир. Однако собственники жилья не торопились принимать участие в расходах по устройству мостовых и замощению улиц. Стараниями городского головы П.А. Устимовича в начале 1870-х годов в Курске было проложено лишь несколько асфальтовых тротуаров, но недостаток средств не позволял заасфальтировать их в полном объеме¹. Решить данный вопрос стало бы возможным при условии замены натуральной денежной повинностью. Но недоверие горожан и боязнь нового налога не позволяли городской думе принять подобное постановление.

Одной из наиболее злободневных в губернии являлась проблема поддержания чистоты на улицах городов, поэтому данный вопрос часто обсуждался в заседаниях городских дум и управ. В 1874 году Курской городской думой были изданы обязательные постановления для жителей города относительно благоустройства². Правила регламентировали порядок очистки улиц от мусора, ограничивали временные рамки уборки улиц и площадей. Горожанам предписывалось проводить мощение и перемощение улиц в сухое время года³. В зимнее время года они обязывались очищать улицы от лишнего снега и вывозить его в установленное управой место. Постановления касались и устройства тротуаров, которое производилось также за счет домовладельцев. Горожане, проживавшие на незамощенных улицах, имели право на их вымощение лишь с письменного разрешения городской управы. С одной стороны, это тормозило частную инициативу, но с другой, позволяло выдерживать единообразие во внешнем виде городских улиц. Предусматривались административные меры воздействия по отношению к домовладельцам, не исполняющим постановления. Так, например, если хозяин испорченной мостовой не приступал к ее ремонту, то исправления производили за счет управы, взыскивая затраченные средства с нерадивого домовладельца⁴.

Исходя из содержания обязательных постановлений городских дум следует, что причиной неблагоприятной санитарно-эпидемической обстановки в городах Курской губернии являлся не только дефицит финансовых средств, но и низкий культурный уровень большинства горожан. Поэтому основное внимание уделялось изданию обязательных постановлений, регламентирующих соблюдение элементарных санитарных норм. Так, приговором Белгородской городской думы от 10 декабря 1874 года воспрещался вывоз и свалка навоза и других нечистот во дворах, на улицах и площадях⁵. Обязательные постановления, изданные Суджанской городской думой 28 февраля 1879 года, запрещали торговцам убивать скот во дворах, мясных рядах и, вообще, в границах города. Всем обывателям также предписывалось содержать в чистоте улицы, дворы, помойные ямы⁶. Обязательные постановления Курской городской думы «не позволяли спускать на улицу помой, всякую грязную или зараженную воду, остающуюся от какого-либо торгового производства или хозяйства, промывки рыбы и пр.»⁷.

¹ Моисейченко И.Н. Курское Александровское образцовое городское училище и деятельность его основателя. М., 1885. С. 109.

² Обязательные постановления Курской городской думы. Курск, 1913. С. 1.

³ Там же. С. 2.

⁴ Там же.

⁵ Курские губернские ведомости. 31 января 1875. № 8. С. 1.

⁶ Там же.

⁷ Обязательные постановления Курской городской думы. Курск, 1913. С. 3.

Следует заметить, что даже состоятельные горожане не проявляли особого рвения к улучшению внешнего облика дворов и прилегающих территорий, не говоря уже о малоимущих слоях населения. Например, в Белгороде даже крупные домовладельцы не уделяли внимание ремонту тротуаров, которые были в выбоинах, зимой в гололедице, что вызывало трудности в передвижении по городу⁸.

Чистота в городах зависела не только от деятельности городских властей, но и от сознательности рядовых обывателей. В губернском городе еще 27 марта 1879 года были изданы обязательные постановления для жителей города о мерах предупреждения распространения заразных болезней⁹. Постановления касались вопросов соблюдения горожанами и владельцами торговых заведений санитарных норм. Согласно им город делился на 16 санитарных участков, находящихся в ведении участковых попечителей. В круг их обязанностей входил непосредственный контроль над исполнением жителями города обязательных постановлений. Информацию о нарушениях санитарных норм, о фактах продажи недоброкачественных продуктов питания участковые попечители доводили до сведения полиции. Городской управе предоставлялись сведения о мероприятиях по очистке дворов бедных жителей за счет средств городского бюджета. В обязанности попечителей входила безвозмездная раздача малоимущим горожанам дезинфицирующих средств. О возможных фактах появления заразных болезней попечители сообщали непосредственно председателю санитарно-исполнительной комиссии. Каждый попечитель санитарного участка являлся одновременно и членом исполнительной комиссии. Заседания санитарной комиссии проходили через каждые две недели. Каждый попечитель докладывал членам комиссии обо всех фактах нарушения санитарных норм на его участке за истекший период и о мерах, которые были приняты для устранения недостатков.

Низкий уровень культуры большинства горожан наглядно иллюстрируют некоторые мероприятия городских общественных управлений губернии. В феврале 1908 года на антисанитарное состояние Курска обратил внимание губернатор. По его рекомендации в целях предупреждения возникновения и распространения холеры полиция совместно с курским губернским врачебным инспектором, его помощником и курским городским врачом произвели осмотр домов и прилегающих к ним улиц¹⁰. В результате рейда только лишь 29 февраля 1908 года было составлено 43 протокола за неопрятное содержание дворов, помойных ям и ретиранных мест¹¹. Размер штрафа составлял от 3 до 100 руб.¹² Применение штрафных санкций сказалось положительно. За период с 13 по 20 декабря 1908 года за неопрятное содержание дворов оштрафовали лишь 11 домовладельцев.

Согласно предписаниям курского губернатора периодическому осмотру комиссией в составе помощника пристава и помощника врачебного инспектора Курска подвергались общественные отхожие места у Бурнашева моста, базарные лавки и городские дома для контроля над соблюдением санитарных норм¹³.

Недостатки в деятельности органов городского управления вызывали беспокойство и у жителей уездных городов. В «Историческом очерке города Корочи», подготовленном к 1908 году особое внимание уделялось дефектам в управлении городским хозяйством¹⁴. Одним из существенных недостатков признавалось отсутствие мостовых и тротуаров, что значительно осложняло передвижение по городу в дождливое время. Другой стороной проблемы являлось резкое подорожание воды в распутицу. В жалком состоянии находилась базарная площадь, располагавшаяся в самом центре города и заваленная навозом. Несмотря на плачевное санитарное состояние

⁸ Курская быль. 5 января 1910. № 3.

⁹ Обязательные постановления Курской городской думы. Курск, 1913. С. 9.

¹⁰ ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7872. Л. 2.

¹¹ Там же. Л. 8.

¹² Там же. Л. 42.

¹³ Там же. Д. 1040. Л. 113.

¹⁴ Там же. Л. 528.

города, власти не принимали каких-либо существенных мер к исправлению ситуации. Действия ограничивались, главным образом, протоколами и распоряжениями полицейских, что не всегда находило поддержку со стороны населения. В 1907 году по городу вышло распоряжение полиции о заравнивании улиц и тротуаров, которое встретило активный протест со стороны городского населения. Недовольство объяснялось тем, что мнению горожан обязанности по очистке улиц и устройству мостовых были приняты на себя городской думой за ежегодный взнос с городского населения. Из разъяснений городской думы следовало, что с 1904 года при увеличении налога с недвижимых имуществ определили по 600 руб. ежегодно на устройство новых тротуаров, тогда как ремонт уже существующих возлагался на самих обывателей. Между тем, вся деятельность думы в течение двух лет ограничилась лишь прокладкой досок на протяжении двух кварталов по Рождественской ул. и одного квартала по Харьковской ул. Еще хуже обстояли дела с освещением городских улиц. Ночью обывателям приходилось передвигаться на ощупь, в результате горожане получали переломы рук и ног, и даже гласные носили с собой фонари.

Конечно, одной из причин недостатков в деятельности органов городского самоуправления можно усмотреть в ограниченности финансовых средств. Но, например, при сравнении деятельности властей по преобразованию городского пространства Обояни, Суджи и Корочи, то при меньших доходах городского бюджета властям Обояни и Суджи удалось в большей степени преуспеть в области городского благоустройства.

Городские думы, не обладая всей полнотой исполнительной власти, взаимодействовали в контроле над выполнением населением обязательных постановлений с городской полицией. Полицейские следили за своевременной очисткой городских улиц, содержанием в чистоте дворов, проверяли наличие правильно устроенных туалетов. В 1892 году курский полицмейстер неоднократно предъявлял требования к городской управе по благоустройству. В их числе: перемощение улиц, установка и ремонт фонарей и ламп, замощение Луговой площади и ремонт на этой площади колодца, перемощение рыбных и мясных рядов на Красной площади, устройство будок для торговли съестными припасами, упор и очистка берегов р. Кура, замена негодных пожарных лошадей¹⁵. В ответ на это, управа сообщила губернатору, что поскольку требования по благоустройству обязательны, то они исполнялись по мере наличия средств и в пределах сметных ассигнований думы. Например, были очищены берега р. Кура, негодные к езде пожарные лошади заменены новыми, уличные фонари отремонтировались, улицы частью перемощены, частью перемощались и т.п. Что же касается требований о замощении площадей, об устройстве будок для продовольственных товаров и «обжорных рядов», то управа сообщила, что, «несмотря на полное сочувствие подобным желанием, за неимением свободных к этому средств и за отсутствием сметных определений думы сделать чего-либо в этом отношении не может»¹⁶. К тому же, требования полицмейстера по благоустройству города, не являлись обязательными для городской управы.

Во многих городах полиция несла ряд обязанностей не только по охране общественной безопасности, но и по городскому благоустройству, санитарной части, контролю за исполнением обывателями обязательных постановлений, издаваемых городскими общественными управлениями и т.д.

Отмечались и случаи возникновения конфликтных ситуаций между членами органов общественного управления и полицейскими служащими. В ноябре 1895 года на имя губернатора поступил рапорт полицейского урядника 9 участка 2 стана Курского уезда Титова, в котором он докладывал, что по личному приказанию пристава 2 стана обратился к члену Курской городской управы С.А. Сергееву с заявлением о необходимости ремонта дороги на городской земле, пролегающей от шоссе мимо дома

¹⁵ Там же. Ф. 54. Оп. 1. Д. 59 а. Л. 42.

¹⁶ Там же. Л. 41.

Кольцова на село Мокву, а также о посадке раки на этой дороге¹⁷. По словам Титова, Сергеев, выслушав данное обращение, в присутствии швейцара городской управы Авдеева сказал ему: «Сукин сын, паршивый солдатишка будет распоряжаться городской управой! Эта полиция вечно, где нужно сажень хворосту, требует двадцать. Пошел вон!» Однако член Курской городской управы Сергеев отрицал данное обвинение. По его версии он спокойно объявил Титову, что после соответствующего осмотра дороги, она будет немедленно исправлена. Между тем, Титов, неудовлетворенный таким ответом, стал настоятельно требовать о безотлагательном отпуске в его распоряжение из городского леса 30 сажень хвороста для устранения рытвины около дома Кольцова. Но, по мнению Сергеева, для устранения рытвины вполне достаточным являлось от 2 до 3 сажень хвороста, с чем Титов не согласился. Поэтому Сергеев заметил уряднику, что не его дело вмешиваться в распоряжения члена управы по делам города, и что для этого есть другие лица, с которыми он и будет вести переговоры по данному вопросу. Причем никаких оскорблений полицейскому не наносилось. Согласно 31 ст. Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, за оскорбление полицейских или других стражей во время исполнения ими должностных обязанностей, виновные подвергались, в случае нанесения словесного оскорбления, аресту не свыше одного месяца или денежному взысканию не свыше 100 руб. Исходя из объяснения Сергеева, Курское по земским и городским делам присутствие усмотрело в его словах прямое оскорбление урядника, а так как он являлся членом городской управы, то на основании 151 ст. Городового положения 1892 года материалы данного дела были переданы на рассмотрение министра внутренних дел.

Усугубляло ситуацию в городах губернии нерадивое отношение производителей и продавцов пищевой продукции к соблюдению элементарных санитарных норм. Еще в 1885 году Курская городская дума обратила внимание на нарушение санитарных норм со стороны торгующих продовольственными продуктами и напитками в заведениях и на базарах. Во многих трактирах, постоянных дворах, гостиницах использовалась грязная посуда, продавалась несвежая провизия и испорченные напитки¹⁸. В городской думе отсутствовала определенная система действий против подобных нарушений. В мае 1911 года по поручению губернатора подкомиссия Курской губернской санитарно-исполнительной комиссии под председательством врачебного инспектора произвела осмотр пивного завода германского подданного А.И. Квилиц¹⁹. В результате осмотра обнаружили, что грязные заводские воды выходили из фильтров по 2 желобам в р. Тускарь. Анализ образцов воды выявил содержание вредных для здоровья азота и серы. Анализ готовой продукции, т.е. пива, выявил содержание в нем осадков дрожжей и хмеля, что указывало на недостаток фильтрации. Владельцу завода был назначен месячный срок для ликвидации нарушений. Нужно отметить, что ранее он уже подвергался штрафу в размере 300 руб. за нарушение санитарных норм.

Подобная ситуация была характерна и для уездных городов. 30 июня 1910 года корочанский уездный исправник совместно с городским врачом А.И. Ромашиковым произвели осмотр булочной владельца пекарни В.В. Фесенко на улице Веселой²⁰. Помещение, где производилась продажа хлеба и гастрономических товаров, содержалось в грязном виде. Полки, на которых располагался хлеб, были пыльные и неопрятные. Весы были покрыты плесенью, а остатки колбасы издавали зловоние. Помещение пекарни также находилось в ужасном состоянии: формы для хлеба поржавели, повсюду были разбросаны мусор и прелые тряпки. В кладовой при пекарне был навален всякий хлам, а в жидкости, используемой для глазировки печенья, вообще

¹⁷ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1287. Оп. 33. Д. 2218. Л. 172.

¹⁸ Моисейченко И.Н. Курское Александровское образцовое городское училище и деятельность его основателя. М., 1885. С. 117.

¹⁹ Государственный архив Курской области (ГАКО). Ф. 302. Оп. 1. Д. 582. Л. 45.

²⁰ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 10406. Л. 191.

была найдена мертвая мышь²¹. В.В. Фесенко за антисанитарное состояние булочной неоднократно привлекался к судебной ответственности. Но, к сожалению, это не сказалось положительным образом на его профессиональной деятельности.

Подобные осмотры производились в отношении всех торговых заведений, как частных, так и принадлежащих городским управам. В основном, в отношении нерадивых владельцев применялось наказание в виде штрафов. Например, 1 августа 1915 года по постановлению Курской городской управы за антисанитарное содержание постоянных дворов подверглись штрафу С.В. Тихонов на 50 руб. и О.В. Наумов на 200 руб., а также И.П. Воронов за антисанитарное содержание чайной – на 100 руб.²²

Особого регулярного надзора требовало скотобойное дело. Городские скотобойни в первую очередь преследовали цель охраны здоровья населения и предотвращения эпизоотий. Например, согласно обязательным постановлениям Суджанской городской думы от 16 февраля 1893 года убой скота производился исключительно на городской скотобойне. Предназначенный к убою скот, а также привозимые мясные продукты проходили освидетельствование ветеринарного врача²³.

Осложняли санитарную ситуацию в городах и ярмарки, загрязняющие базарные площади. Например, в июне 1912 года в Рыльск по распоряжению губернатора прибыл губернский врачебный инспектор для проверки сообщения, размещенного в одной из курских газет об антисанитарном состоянии городской базарной площади, а также торговых и промышленных заведений Рыльска²⁴. Комиссия в составе губернского инспектора, городского головы, уездного исправника, членов уездной управы, врачей произвели осмотр. В результате с согласия начальника местной тюрьмы решили привлекать к очистке Базарной площади арестантов. Торговцам, неоднократно привлекавшимся к ответственности за нарушение санитарных требований, запретили выставлять товары перед лавками. Кроме того, за антисанитарное состояние были оштрафованы владелец пиво-медоваренного завода Г.Ф. Гронвальд и заведение прохладительных напитков и фруктовых вод Красовицкого.

Также органы городского самоуправления уделяли внимание развитию коммунального хозяйства. В городах губернии предпринимались попытки для развития водопроводной, и электрической сетей, системы канализации. Наиболее распространенным нововведением в городской жизни являлся водопровод. В Курске он был сооружен в 1873 году на средства концессионера, и поэтому город не нес расходов по его эксплуатации и ремонту²⁵. На момент ввода в эксплуатацию водопровода на территории городского поселения числилось 5010 домовладельцев. В районе магистрали городского водопровода около 1200. За период с 1873 по 1910 годы к водопроводной сети присоединили лишь около 80 домов. Число уклонившихся от присоединения составляло около 400 домовладельцев, которые отказывались преимущественно из-за нежелания нести расходы по устройству водоснабжения. Между тем, в городе существовала практика выдачи малоимущим горожанам билетов на право бесплатного пользования 4 ведрами воды в день. Например, в 1898 году каждый день выдавалось из городских бассейнов 25000 ведер воды, в год их количество достигало 912500 ведер²⁶.

В уездных городах жители использовали для хозяйственных и бытовых нужд речную воду и воду из артезианских колодцев. К концу XIX в. лишь в уездном Белгороде функционировал водопровод. За пользование водой из водопровода взималась плата в пользу городских доходов. За неуплату денег в городскую казну за пользование водой владельцы подвергались угрозе отключения водопровода. В первом десятилетии XX в. в Белгороде водопроводом были снабжены только 15% зданий²⁷.

²¹ Там же.

²² Курская быль. 1915. 1 августа. № 202.

²³ ГАКО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 685. Л. 27.

²⁴ Там же. Д. 602. Л. 6.

²⁵ Там же. Д. 1979. Л. 47.

²⁶ Курская газета. 1898. 20 января. №19. С. 1.

²⁷ Государственный архив Белгородской области (ГАБО). Ф. 22. Оп. 1. Д. 69. Л. 25.

Одной из насущных проблем в деятельности органов городского самоуправления являлась электрификация губернского Курска, а в перспективе и уездных городов. В городах Курской губернии освещали улицы в основном керосиновыми фонарями. В конце XIX в. в Белгороде появляется газовое освещение, которое использовалось как на улицах, так и в крупных общественных зданиях. В частных домах газовое освещение почти не использовалось. Для газового освещения улиц в городе устанавливались дуговые фонари.

Долго и сложно решался вопрос уличного освещения в губернском городе. В Курске не был устроен газопровод, потому дуговые фонари не использовали, из-за чего городские улицы оставались практически не освещенными. В помещениях применялись керосиновые лампы. Лишь в результате неоднократных переговоров и срывов положенных сроков со стороны брюссельского анонимного общества «Курский трамвай», которое заключило с Курской городской думой контракт на устройство постоянной сети электрического освещения, было достигнуто соглашение по устранению недостатков и ввода в эксплуатацию электрической станции к 3 октября 1904 года²⁸. Таким образом, вопрос о создании базы для электрификации губернского города был решен. Согласно заключению думской юридической комиссии, срок ввода в эксплуатацию электрической станции был продлен сначала до 15 августа 1904 года, после чего она должна была перейти в собственность городской управы. Но и этот срок был перенесен на 15 сентября, а позднее на 15 октября 1904 года²⁹.

Проблема с электрификацией возникала и в уездных городах. На страницах газеты «Курская быль» в январе 1915 года в рубрике «По нашему краю» вышла в свет анонимная заметка белгородского обывателя «Жалоба о семи клеветах», в которой оценивалась деятельность городского головы Муромцева³⁰. Автор статьи обращает внимание и на проблемы, связанные с электрификацией Белгорода. По заявлению городского головы контракт на устройство в городе электрического освещения был заключен городской управой с «православным купцом Окуневым». Тогда как газета «Новое время», не называя фамилии, указывала, что электрическое освещение в городе проводил еврей. Но более всего обывателей возмущала такса на проведения электричества. Лампа с одним рожком с учетом права на ввод, присоединение и прочее обходилась горожанам в 8-10 руб., тогда как лампа с 5 рожками обходилась в 40-50 руб. Естественно, что далеко не каждый обыватель мог позволить себе подобную «роскошь».

Одним из главных событий, изменивших повседневную жизнь губернского города, являлся пуск первого в Центральном-Черноземье электрического трамвая. Торжественное открытие движения состоялось в субботу 18 апреля 1898 года при многочисленном скоплении народа. Первая трамвайная линия проходила от Херсонских шпиль до Московских шпиль и имела протяженность 4,9 км. На линии были расположены 13 остановок. Весь маршрут трамвай проходил за 25 минут. Ежедневно на линию выпускались 8-9 вагонов. Прицепные вагоны использовались редко и только в летний период. Скорость движения была ограничена 12 км/ч. Время движения летом было с 7 ч. до 22 ч., зимой с 8 ч. до 21 ч. В вечернее время для освещения вагонов и пути перед вагоном использовались керосиновые лампы: одна висела в салоне, другая стояла на буфере вагона. Недостаток пассажиров курский трамвай не ощущал. Такса за проезд составляла 8 коп. (за проезд по двум улицам) и 5 коп. (за проезд по одной улице), что было намного ниже таксы извозчиков, составлявшей 50 коп. До 1917 года курский трамвай перевозил около 30 тыс. пассажиров в год³¹. Жителями же уездных городов приходилось довольствоваться гужевым транспортом.

²⁸ Государственный архив Белгородской области (ГАБО). Ф. 22. Оп. 1. Д. 69. Л. 256.

²⁹ Там же. Лл. 82, 163, 174.

³⁰ Курская быль. 1915. 9 января. № 7. С. 4.

³¹ Шпаков И.В. Трамвайные звонки в столице соловьиного края: как это было // Пантограф. 2009. № 5. С. 22-25.

Горожане обращались за помощью к курским газетам, пытаясь привлечь внимание властей к антисанитарному состоянию городских улиц. Особо ярким критиком деятельности органов городского самоуправления выступала газета «Курская быль». Следует учитывать, что газета, которая пестрела заметками о недостатках деятельности и в целом о «бездеятельности» органов городского самоуправления в городах губернии отличалась крайне правыми взглядами, что, соответственно, накладывало отпечаток на материалы прессы. Повышенное внимание издания вызывали проблемы благоустройства в городах губернии. Например, в январе 1915 года газета сообщала, что вдоль задней стены женского монастыря по 2-й Сергиевской ул. выливались не только помой, но и различные нечистоты и отбросы³². Особую обеспокоенность вызывало состояние одного из самых многолюдных и центральных мест Курска – площадки и проулка около Фроловской церкви, где помещалась так называемая «толкучка»³³. Несмотря на то, что в этом проулке находилось уездное полицейское управление, правление и больница общества покровителей животных и некоторые торговые предприятия пройти по тротуарам мимо здания и ограды церкви не представлялось возможным ни женщинам, ни детям, т.к. тротуары эти являлись излюбленным местом для «остановок» посетителей «толкучки». Ранее в этом проулке была стоянка ломовых извозчиков, затем стоянку перевели в другое место, надеясь этим улучшить санитарные условия проулка. Но эта мера оказалась бесполезна, так как в городе существовала насущная потребность постройки общественных ретирад. Следует отметить, что любая публикация на страницах губернских газет не оставалась без внимания местных властей, и по результатам исследований предпринимались меры к устранению беспорядка.

В городах губернии остро ощущалась нехватка финансовых средств для удовлетворения насущных потребностей городского благоустройства. Например, в сентябре 1875 года белгородский городской голова Н.П. Слатин обратил внимание думы на неудовлетворительное состояние общественного благоустройства, и на тот объем финансовых средств, которыми в данный момент располагал город для удовлетворения своих потребностей. Учитывая сложившуюся ситуацию, голова отказался от жалования по должности городского головы на 1875 год в сумме 3000 руб. и предоставил его в распоряжение общественного управления для решения неотложных проблем городского хозяйства³⁴. Согласно ст. 2 Городового положения 1892 года в компетенцию городского общественного управления входило «попечение о лучшем устройстве городского поселения»³⁵. Но деятельность управ в сфере благоустройства зачастую сводилась в основном к постройке и ремонту общественных зданий. Одной из причин такого положения дел являлась и сложившаяся кризисная ситуация с финансами во многих городах губернии.

Итак, под воздействием модернизационных процессов, происходящих в России на рубеже XIX – начале XX вв., интенсивно меняется внешний облик и степень благоустроенности городов. Определенная роль в данном процессе принадлежала органам общественного управления, отвечающих за внешнее благоустройство, санитарное состояние, противопожарную безопасность городов, строительство и эксплуатацию городских предприятий. Развитие капиталистических отношений на территории Курской губернии в конце XIX – начале XX вв. выдвинуло на первый план такую проблему, как создание принципиально новой системы коммуникаций. Деятельность органов общественного управления была направлена на изменение городского пространства, но отсутствие необходимых инвестиций тормозило инициативу органов городского самоуправления. Рост территории и городского населения потребовал обратить внимание на расширение уже имеющихся и введение в эксплуатацию новых водопроводов

³² Курская быль. 1915. 19 января. № 17. С. 3.

³³ Там же. 21 января. № 19. С. 3.

³⁴ Курские губернские ведомости. 1875. 29 сентября. № 75. С. 2.

³⁵ ПСЗРИ. Собрание 3-е. № 8708 от 11 июня 1892 г. Городовое положение. Т. XII. Ст. 2.

и электростанций. И хотя были достигнуты незначительные успехи, но в условиях ограниченного финансирования и эти факты можно признать успешными.

Одним из самых сложных и болезненных вопросов являлось поддержание чистоты на городских улицах и другие вопросы в области благоустройства. Активно проводилось замощение улиц, особенно в губернском городе. Благоустройство городов губернии напрямую зависело от состояния бюджетов. Вместе с тем, требовалось сотрудничество населения и городских властей, так как штрафные санкции не всегда носили успешный характер. Существенно осложняли финансовую ситуацию возрастающие расходы городов на содержание полицейских команд при сокращении дотаций казны на эти цели. Отсутствие у городских дум принудительной власти, заставляло их прибегать к помощи полиции. Кроме того, городской полицмейстер осуществлял надзор за проводимыми думой мероприятиями в сфере благоустройства.

Анализ материалов прессы позволяет отметить в исследуемый период возрастающий интерес обывателей к проблемам городского благоустройства и трансформации городского пространства. Жители не оставались равнодушными к насущным проблемам развития городского хозяйства, о чем свидетельствуют заметки на страницах газет. Замечания со стороны обывателей позволяли привлечь внимание местных властей к наиболее злободневным вопросам, и как следствие активизировали деятельность городского самоуправления по решению насущных проблем. Однако изменение облика городов Курской губернии было возможным лишь благодаря совместным усилиям государственной и местной властей, а также деловой прогрессивной части населения.

INFLUENCE OF PUBLIC ADMINISTRATION BODIES OF THE KURSK PROVINCE ON URBAN STRUCTURE OF EVERYDAY LIFE IN LATE XIX – EARLY XX CENTURIES

M.A. SERGIENKO

*Belgorod National Research
University*

e-mail: Sergienko@bsu.edu.ru

The article is devoted to study of the urban environment in the province of Kursk with the help of anthropological approach. On the basis of a wide range of source the author tries to reveal the role of public administration in the formation of urban space. She focuses on appearance of provincial cities.

Key words: improvement in cities, city hall, urban environment, everyday life, provincial towns.

УДК 94(470.32):323.311:364.054.3»17/19»

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ ДВОРЯНСКОЙ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ В ЦЕНТРАЛЬНОМ ЧЕРНОЗЕМЬЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII – НАЧАЛА XX ВВ.

В.В. ШАХОВ*Белгородский юридический институт МВД России***e-mail:***Schahov.slava@yandex.ru*

Статья посвящена рассмотрению некоторых аспектов проблемы историографии дворянской благотворительности в Центральном-Черноземном регионе со второй половины XVIII до начала XX веков. Предпринята попытка классификации материалов, в том или ином количестве содержащих информацию о благотворительной деятельности представителей высшего сословия, по трём периодам: дореволюционному (до 1917 г.), советскому (1918 г. – первая половина 1980-х гг.) и современному (со второй половины 1980-х гг. – до наших дней). По каждому периоду выделяются общие тенденции и анализируются особенности.

Ключевые слова: благотворительность, вотчина, гуманизм, дворянин, историография, культура, мировоззрение, обычай, общество, сословие.

В XVII столетии быт в дворянских вотчинах и поместьях был очень простым. И хотя в результате преобразований Петра Великого европейские нравы, иноземная литература, языки и идеи Просвещения, вошедшие в быт высшего общества, в значительной степени обогатили его, большая часть провинциального дворянства в первой половине XVIII века жила по преданиям своих предков¹. Помещичьи дома были похожи друг на друга и отличались только размерами. Стены были бревенчатыми, обои имелись только у очень богатых представителей сословия; из мебели довольствовались деревянными скамьями, покрытыми коврами, стулья были редки, а кресла относились к предметам исключительной роскоши. Зато благодаря дешевизне продуктов стол накрывался обильный. Зажиточность определялась, в основном, нарядами, посудой, лошадьми, экипажами и числом дворовых людей. Дворовые небыли роскошью для помещика, они требовались для защиты от разбойников и набегов со стороны родовитых соседей².

Кроме всего прочего негативное влияние на формирование личностных качеств дворянина оказывало крепостное право, порождавшее порочные нравы: оно обеспечивало его дешевым трудом, предоставляя много свободного времени которое как правило, тратилось на охоту, выпивку, а также судебные тяжбы, тянувшиеся годами и служившие наряду с охотой наиболее интересной темой для разговоров.

Но, нельзя забывать о том, что большая часть исконно русского дворянства была представлена глубоко верующими православными христианами, следовательно, мотивы, побуждавшие этих людей к благотворительности, во многом определялись Евангельским учением о милостыни и словами Иисуса Христа об отношении к ближнему: «Блаженны милостивые, яко тии помилованы будут. Продайте имение ваше и дайте нищим, не скрывайте себе сокровище на земле...»³.

Учитывая особенности формирования мировоззрения провинциального дворянина-помещика, можно предполагать о возможности возникновения особых, уни-

¹ Поликарпов В.С. История нравов России. Восток или Запад / В.С. Поликарпов. Ростов н/Д., 1995. С. 95.

² Богословский М. Быт и нравы русского дворянства в первой половине XVIII в. / М. Богословский // Научное слово, 1904. Кн. VI. С. 36.

³ Благотворительная Россия. История государственной, общественной и частной благотворительности в России. СПб., 1901. С. 1.

кальных, свойственных лишь определённым территориям направлений, форм и видов благотворительной деятельности. В связи с необходимостью поиска этих особенностей мы и обращаемся к изучению дворянской благотворительности в Центральном Черноземье, а именно к историографическому аспекту проблемы.

Исследования, посвящённые данной теме, можно условно классифицировать по трём периодам: дореволюционный (до 1917 г.), советский (1918 – первая половина 1980-х гг.) и современный (со второй половины 1980-х гг. – до наших дней).

В дореволюционной историографии предпринимались попытки обобщить и систематизировать материал, посвящённый благотворительной деятельности. В.И. Межов попытался собрать воедино литературу о благотворительности, вышедшую в России в период царствования Александра II. Результаты его работы были изложены в 1883 году в «Библиографическом указателе книг и статей на русском языке, вышедших в России в период царствования императора Александра II, с приложением каталога библиотеки Императорского Человеколюбивого общества»⁴, который содержит информацию об изданиях, посвящённых дворянской благотворительности в Центральном Черноземье. Сюда вошли монографии, отчёты различных благотворительных обществ, статьи периодической печати.

Немалый интерес представляет статистический очерк Н.Н. Кафтанова «Общественная благотворительность в России к 1889 г.»⁵, в котором автор среди прочих описывает благотворительные общества и заведения, организованные при участии дворян Центрально-Черноземного региона России. В частности, речь идёт о Липецком дамском попечительном о бедных обществе; Темниковском Тамбовской губернии благотворительном обществе; богадельне для призрения неимущих и престарелых в г. Моршанске Тамбовской губернии; Бутурлинской богадельне Бобровского уезда Воронежской губернии. Очерк интересен тем, что в нём даётся характеристика данных заведений с указанием имён учредителей, количества призываемых, расходов на их содержание.

В.Ф. Дерюжинский в работе «Заметки об общественном призрении», вышедшей в 1893 году, приводя в качестве примера зарубежный опыт организации общественного призрения и предлагая взять его на вооружение при выработке нового законодательства о благотворительности в России, всё-таки выделяет отдельным параграфом вопрос об организации частной благотворительности и делает вывод, что «как бы ни была хорошо организована помощь бедным со стороны государственных и общественных учреждений, они не в силах удовлетворить вполне той потребности, какая существует в этой помощи, следовательно, для частной благотворительности остаётся широкое поле деятельности»⁶.

Достаточно большое внимание в дореволюционной историографии уделялось развитию законодательной базы благотворительности. В №10 журнала «Русское богатство» за 1896 г. дана оценка достижениям земств в области благотворительности. В своей статье «Практическая и законодательная подготовка мер общественного призрения» Е.Д. Максимов делает вывод о том, что имеющиеся законы не в состоянии обеспечить развитие благотворительных действий. Приводя обширные статистические данные, автор говорит о необходимости сопоставления размеров нищенства и преступности и взаимосвязи этих двух социальных явлений⁷. Определённый интерес представляет работа Е.Д. Максимова «Особые благотворительные ведомства и учреж-

⁴ Благотворительность в России. Библиографический указатель книг и статей на русском языке, вышедших в России в период царствования императора Александра II, с приложением каталога библиотеки Императорского Человеколюбивого общества / сост. В.И. Межов. СПб., 1883.

⁵ Общественная благотворительность в России к 1889 г. / сост. Н.Н. Кафтанов. М., 1888. С. 35, 52, 54.

⁶ Дерюжинский В.Ф. Заметки об общественном призрении. М., 1893. С. 79-80.

⁷ Максимов Е.Д. Практическая и законодательная подготовка мер общественного призрения // Русское богатство. 1896. №10. С. 19–50.

дения», в которой рассказывается о благотворительной деятельности представителей царской семьи⁸.

В «Очерке истории развития и современного положения общественного призрения в России», напечатанном в сборнике «Общественное и частное призрение в России» в 1907 году, Максимов выдвигает тезис о появлении государственного призрения в эпоху Петра I⁹. Становление государственной системы благотворительности теснейшим образом связано с возникновением «особоуправляемых» (находящихся под покровительством представителей царской семьи) благотворительных обществ и заведений, тем более что отделить государственную благотворительность от дворянской очень часто не представляется возможным, т.к. в основе функционирования системы государственного призрения лежала как инициатива, так и материальная поддержка со стороны представителей высшего сословия.

Работа В.И. Ильинского «Благотворительность в России (история и настоящее положение)»¹⁰ представляет интерес как аналитический обзор исторического процесса становления и формирования системы благотворительности в России и за рубежом. Кроме того, автор даёт сравнительную характеристику и выделяет особенности в области отечественного и зарубежного законодательства о благотворительности.

Важное место в историографии дворянской благотворительности занимает работа В.О. Ключевского «Добрые люди Древней Руси», в которой историк раскрывает причины, побуждавшие представителей высшего сословия к благотворительной деятельности. Василий Осипович приводит в качестве примера Фёдора Ртищева. Этот человек, по мнению Ключевского, «умел подняться до способности соболезновать людскому несчастью, как общему злу, и бороться с ним, как со своим личным бедствием»¹¹.

К.К. Победоносцев видел выход из усложнившейся на рубеже XIX – XX вв. ситуации с благотворительностью в совершенствовании управления благотворительными обществами¹². Он построил свои заметки как комментарий к деятельности комиссии по пересмотру законодательства об общественном призрении.

Большую роль в развитии меценатства и благотворительности сыграла деятельность членов императорской фамилии, которая распространялась на всю территорию империи прежде всего через деятельность отделений обществ, учрежденных русскими царями или их родственниками. С этим связан факт возникновения особоуправляемых благотворительных организаций и заведений, находившихся под непосредственным контролем членов царской семьи. Их деятельность описывалась в отдельных публикациях и очерках, а также в целых сборниках, в которых обобщался опыт всех российских губерний, в том числе и Центрально-Черноземных¹³.

Перечисленные издания по большей части были посвящены вопросам, связанным с историей возникновения благотворительности в России, её законодательным основам и перспективам. Систематизируя накопленный опыт лишь по хронологическому или территориальному принципу, исследователи, как правило, не выделяли конкретные направления, формы и виды благотворительной деятельности.

Рассматривая историографию дворянской благотворительности, попытаемся выделить издания, посвященные конкретным направлениям в ней.

⁸ Максимов Е.Д. Особые благотворительные ведомства и учреждения. СПб., 1903.

⁹ Максимов Е.Д. Очерк истории развития и современного положения общественного призрения в России // Общественное и частное призрение в России. СПб., 1907. С. 1-68.

¹⁰ Ильинский В.И. Благотворительность в России (история и настоящее положение). СПб., 1908.

¹¹ Ключевский В.О. Добрые люди Древней Руси. М., 1902.

¹² Победоносцев К.К. Опыт организации общественного призрения в России. СПб., 1898.

¹³ См., например: Ведение учреждений императрицы Марии. Исторический очерк. 1797 – 1897. СПб., 1897; Очерк деятельности Совета Императорского Человеколюбивого общества за 100 лет. 1816-1916 гг. СПб., 1916; Сборник сведений по состоящему под Августейшим покровительством Её Величества Государыни Императрицы Александры Фёдоровны попечительству о домах трудолюбия и работных домах. Вып. III. Описание отдельных учреждений трудовой помощи. СПб., 1901.

Одним из главных направлений дворянской благотворительности было призрение детей и женщин. Этим проблемам посвятили свои исследования М.Д. Путерен, С.Э. Термен, Н. Жердев и другие. В работах перечисленных авторов предпринимается попытка проследить историю развития детского призрения, проблем, остро стоящих на рубеже XIX и XX столетий, а также совокупности путей их решения. Так, в «Историческом обзоре призрения внебрачных детей и подкидышей и настоящее положение этого дела в России и других странах»¹⁴ М.Д. Путерена дается описание подходов к решению задач помощи нуждающимся детям через призму деятельности государственных органов (приказов, земств) с учётом участия дворянских сословных организаций и частных лиц. Пристального внимания заслуживают работы Г.Я. Щербинина, посвященные детскому призрению в сельской местности. В них автор рассматривает историю развития сельских приютов, немалую роль в организации которых играло местное дворянство. Автор начинает своё повествование с 1892 г., уделяя особое внимание фактической части, например, обучению детей и трудовому воспитанию¹⁵.

Большое значение имело такое направление, как организация трудовой помощи нуждающимся, которое получило наибольшее распространение в 90-е годы, что было связано с обострением проблемы безработицы. Такие исследователи, как В.В. Гаген, В.И. Герье, Г.Г. Швитгау, рассматривая трудовую помощь как особую форму решения социальных задач, стоящих перед обществом, писали о необходимости создания государственной системы трудовой поддержки. Вместе с тем данными авторами отмечалась необходимость привлечения в это дело частных средств¹⁶. Важное значение для изучения учреждений трудовой помощи имеет «Сборник статистических сведений по состоящему под Августейшим покровительством Её Величества Государыни Императрицы Александры Фёдоровны Попечительству о домах трудолюбия и работных домах»¹⁷, в котором рассказывается о домах трудолюбия в Курске, Воронеже, Ельце, Орле.

Большое внимание уделялось вопросам организации призрения престарелых, инвалидов и других категорий социально незащищённого населения.

Сущность деятельности и назначение такого вида благотворительных заведений, как приют, раскрывает в своей статье «Богадельни и дома призрения» В.В. Степанова: «Богадельня служит источником постоянного благотворения; она предназначена не для случайных просителей, а для известного подбора нуждающихся – престарелых, увечных и тому подобных – и имеет целью оказать им помощь не случайную, а прочно обеспечивающую их судьбу»¹⁸. Говоря о неспособности приказов общественного призрения решить проблему бедности, автор высказывает мнение об укреплении принципа возложения обязанностей по устройству богаделен на городские и сельские сословные общества. Кроме того, Степанова упоминает об устройстве особых условий для призрения дворян, помещаемых в богадельни¹⁹.

Проблема поддержки престарелых и неспособных к труду людей существовала в России всегда. Решалась она, как правило, путём организации благотворительных заведений закрытого призрения, таких как богадельни, приюты и т.д. После 1861 г. в дворянской среде всё большее значение принимает практика выдачи денежных пособий и пожизненных пенсий нуждающимся представителям сословия. Но эта практика на начальном этапе не была упорядоченной и законодательно регулируемой. Изменения социально-

¹⁴ См.: Путерен М.Д. Исторический обзор призрения внебрачных детей и подкидышей и настоящее положение этого дела в России и других странах. СПб., 1908; Термен С.Э. Призрение несчастно-рожденных в России. СПб., 1912.

¹⁵ Щербинин Г.Я. К вопросу об организации земледельческих приютов для сельских сирот. Пг., 1915.

¹⁶ Швитгау Г.Г. Трудовая помощь в России. Ч. 1-2. Пг., 1915.

¹⁷ Сборник статистических сведений по состоящему под Августейшим покровительством Её Величества Государыни Императрицы Александры Фёдоровны Попечительству о домах трудолюбия и работных домах. СПб., 1901. С. 123-143. См. также: Общедворянская организация помощи больным и раненым воинам. М., 1914-1915.

¹⁸ Степанов В.В. Богадельни и дома призрения // Общественное и частное призрение в России. СПб., 1907. С. 141.

¹⁹ Там же. С. 149.

политической обстановки в стране обусловило начало перехода на качественно новый уровень в сфере благотворительности. Следствием этого стало появление новых форм социальной поддержки, наиболее перспективным из которых, как показала практика, явилось пенсионное страхование. Наибольший подъём интереса к данной проблеме пришёлся на конец XIX – начало XX в. Среди работ указанного периода можно выделить, например, «Пенсии престарелым или страхование на случай старости» А.Ю. Вегнера, где автор, указывая на недостаточность филантропии и общественного призрения высказывает мнение, которое, на наш взгляд, в полной мере выражает основную задачу пенсионного страхования: «Общество обязано потерпевшим от недостатков современного социального строя гарантировать известный социальный минимум достойного человеческого существования»²⁰.

В кратком руководстве для врачей «Страхование на случай болезни в России» Н.А. Вигдорчик даёт определение тому страхованию. «Страхованием в широком смысле слова можно назвать всякую организованную взаимопомощь. Если известная группа лиц оказывает своим членам помощь в нужде не случайно, а по заранее намеченному плану, то такая организация представляет собой организацию страховую»²¹. Кроме того, автор выделяет формы, виды и основные функции страхования, что позволяет судить о высоком уровне разработанности данной проблемы.

Об организации народного образования в Центральном Черноземье и степени участия в нём дворянского сословия говорят такие издания, как, например, «Текущая школьная статистика Курского губернского земства»²²; «Народное начальное образование в Курской губернии» И.П. Белоконого, который говорит о том, что в данной области за 30 лет существования Земства было сделано очень мало²³. Основу начального образования в губерниях продолжали составлять школы, организованные местными помещиками для крестьян своего имения. Такая инициатива была вызвана повышением требований к уровню организации помещичьих хозяйств, что обнаруживало необходимость увеличения численности квалифицированного управленческого персонала. В связи с этим уже в начале первой четверти XIX столетия в помещичьих кругах начинается конкретная деятельность по организации школ, в которых крестьяне могли бы овладеть элементарными навыками чтения, письма и счёта. Для исследования данного направления во внутрисословной дворянской благотворительности большое значение имеют «Обзоры Курской губернии» за различные годы, т.к. в них содержится интересный статистический материал по поводу количества неимущих дворянских детей, получавших образование в пансион-приютах, а также о суммах и количествах стипендий получаемых ими из сословных фондов²⁴.

Важнейшими для изучения развития дворянской благотворительности в Центрально-Черноземном регионе являются местные работы, вышедшие во второй половине XIX – начале XX вв. Один из примеров – заметки о развитии благотворительности, приведенные в Курских сборниках²⁵, где секретарь Курского губернского статистического комитета Н.И. Златоверховников даёт анализ проблемам благотворительности в Центральном Черноземье. Сюда же следует отнести работы А.А. Танкова «Летопись дворянства Курской губернии» и «Исторический очерк деятельности Курского общественного клуба»²⁶, содержащие краткую информацию по рассматриваемой проблеме. Несмотря на это, они могут служить одним из источников для изучения развития дворянской благотворительности, т.к. содержат разнообразный фактический материал по исследуемой проблеме.

²⁰ Вегнер А.Ю. Пенсии престарелым или страхование на случай старости. Харьков, 1907. С. 9.

²¹ Вигдорчик Н.А. Страхование на случай болезни в России. СПб., 1914. С. 1.

²² Текущая школьная статистика Курского губернского земства. Курск, 1902.

²³ Народное начальное образование в Курской губернии / сост. И.П. Белоконого. Курск, 1897. С. 1.

²⁴ См.: Обзор Курской губернии за 1906 год. Курск, 1907. С. 99; Обзор Курской губернии за 1910 год. Курск, 1911. С. 102; Обзор Курской губернии за 1914 год. Курск, 1915. С. 104.

²⁵ Курский сборник. Вып. I. Курск, 1901. С. 64.

²⁶ Танков А.А. Исторический очерк Курского общественного клуба. Курск, 1913.

Немалый интерес представляет региональный сборник «Труды Курской губернской учёной архивной комиссии», в котором содержатся статьи, посвящённые частным случаям благотворительной деятельности со стороны отдельных представителей дворянского сословия Центрального Черноземья. В частности, речь идёт об опубликованных духовных завещаниях генерал-лейтенанта Булгакова и вдовы надворного советника Авдотьи Телегиной, в которых дворяне завещали подданным принадлежащее им имущество и даровали свободу некоторым крепостным²⁷.

Сюда же можно отнести «Историко-статистический очерк Белгорода с уездом» А.М. Дренякина, изданный в Харькове в 1882 г. В работе автор рассказывает о «Белгородском женском училище второго разряда», которое было открыто 12 ноября 1860 года «по мысли Белгородского дворянства»²⁸.

Особый интерес представляет отчёт Воронежского попечительного общества о прислуге за 1911 г. Цели и задачи общества заключались в том, чтобы поощрять прислугу, хорошо выполнявшую свои обязанности и долгое время работавшую на одном и том же месте, а также оказывать воспитательное воздействие на прислугу, не отвечающую требованиям. В отчёте высказывается мысль о том, что «прислуга составляет низший класс общества, но нельзя смотреть на неё с презрением, как на рабов»²⁹. Всё это свидетельствует об эволюции духовной культуры российского дворянства и приоритете гуманистических настроений в его среде.

Таким образом, можно сделать вывод, что первый, дореволюционный, период историографии имеет достаточно большое значение для исследования благотворительной деятельности представителей дворянского сословия. Тем не менее, несмотря на наличие фактического материала, в большинстве своём все исследования имеют описательный характер. Прослеживается отсутствие анализа и обобщений по вопросам, относящимся к теме. Исследователи на данном этапе не предпринимали попыток выделить дворянскую благотворительность как отдельную проблему, упоминая о ней лишь в контексте рассмотрения таких видов благотворительной деятельности, как государственная, общественная и частная.

Историография исследуемого вопроса в советское время находилась под влиянием официальной идеологии. Главной особенностью стало следование курсу, заданному классиками марксизма-ленинизма, чьи труды и определяли отношение к тому или иному процессу российской истории. По мнению В.И. Ленина, благотворительность – «это ни что иное, как помощь неограниченного правительства, которая не нужна народу»³⁰. Подобного рода отношение основателя социалистической державы к благотворительности во многом и определило степень внимания к данному вопросу. Тем не менее было бы неправильным говорить, что на протяжении более чем 70 лет XX в. исследуемой нами теме не уделялось никакого внимания.

Основная тенденция в исторической науке по отношению к благотворительности, на наш взгляд, наглядно проиллюстрирована Н.П. Ерошкиным в работе «Крепостническое самодержавие и его политические институты (первая половина XIX в.)». В статье под названием «Элементы социальной демагогии крепостнической России. Царская благотворительность и её органы» автор приходит к выводу, что «величественный фасад царской благотворительности, демагогически рекламируемой как «помощь» народу, прикрывал подлинные объекты этой благотворительности – экономическую поддержку помещиков-дворян и субсидирование крепостнического государства»³¹.

Ярко выраженной идеологической окраски удалось избежать А.П. Корелину. В монографии «Дворянство в пореформенной России 1861-1904 гг.» автор уделит особое

²⁷ Труды Курской губернской учёной архивной комиссии. Курск, 1915. Вып. II. Ч. 1.

²⁸ Дренякин А. М. Историко-статистический очерк Белгорода с уездом. Харьков, 1882. С. 26-27.

²⁹ Отчёт Воронежского попечительного общества о прислуге за 1911 г. Воронеж, 1912. С. 1.

³⁰ Ленин В.И. Избранные сочинения. В 10 т. М., 1987. Т. 2. С. 102.

³¹ Ерошкин Н.П. Крепостническое самодержавие и его политические институты (первая половина XIX в.). М., 1981. С. 180.

внимание основным направлениям деятельности дворянских учреждений, а именно дворянским опекам и обществам³².

Главной особенностью материалов, в которых затрагивалось развитие благотворительности в Центральном Черноземье, было рассмотрение её как одной из составляющих социокультурной жизни России. К числу таких относится, например, книга «Из истории Центрально-Черноземного края» и ряд других³³.

Также представляется важным выделить издания по истории городов и губерний данного региона России, в частности Курска. В рамках исследуемой нами темы интересна книга «Курск. Очерки истории города», опубликованная в Воронеже и содержащая ряд фактов о благотворительности³⁴. Одна из классификаций делит благотворительность по направлениям деятельности, выделяя в числе прочих помощь медицине. В советский период вышла работа М.А. Язвина, которая была посвящена теме развития здравоохранения в целом. Поскольку автор рассматривал историю данного направления (как известно вклад дворян-благотворителей в его развитие достаточно велик), то в данном издании можно найти информацию, проливающую свет на один из аспектов нашего исследования³⁵.

Подводя итог историографическому обзору периода 1917 – середины 1980-х гг., следует отметить, что говорить о полном отсутствии изданий по исследованию благотворительности нельзя. Однако в это время историческая наука получила крайне скудный фактический материал по проблемам дворянской благотворительности, а количество изданий, вышедших в указанные годы несоизмеримо мало для того, чтобы можно было говорить о величине вклада советской историографии в изучение обозначенной проблемы.

Третью часть историографического обзора по теме дворянской благотворительности составляют работы, вышедшие со второй половины 80-х гг. XX в. Именно с этого времени интерес к истории российской благотворительности возрождается вновь.

Следует отметить, что по мере становления новой формы экономических отношений, приведшей к росту социальной дифференциации в обществе, возникла необходимость в возобновлении благотворительной деятельности, но уже под обобщающим названием – социальная работа. На базе этого возникло отдельное направление в науке, специализирующееся на исследовании различных форм благотворительной деятельности с целью поиска путей решения современных задач, используя исторический опыт в данной сфере. В связи с этим материал для исследования приходится искать в трудах по истории социальной работы в России.

Переходя к современным исследованиям, в первую очередь стоит обратить внимание на работы, посвящённые историографии российской благотворительности. Первые исследования относятся ко второй половине 90-х гг. Среди них можно выделить, например, «Благотворительность в России. Историографические аспекты проблемы»³⁶ В.Г. Афанасьева и А.Р. Соколова. Авторами была предпринята попытка систематизации исследований по истории благотворительности в России от самых истоков её зарождения на основе хронологического подхода.

Немалый вклад в исследование историографии российской благотворительности внесён Г.Н. Ульяновой. В своих работах она пытается разобраться в том, какова доля заимствованного из зарубежного опыта в современной российской системе социального призрения. В итоге исследователь приходит к выводу о том, что «приоритет в постановке проблемы изучения российской благотворительности принадлежит,

³² Корелин А. П. Дворянство в пореформенной России 1861-1904 гг. М., 1979. С. 160-178.

³³ См. например, Степанский А.Д. Самодержавие и общественные организации России на рубеже XIX – XX вв. М., 1980.

³⁴ См.: Климов И.А. Курская губерния во второй половине XIX в. // Ученые записки КГПИ. Курск, 1968. Т. 47. Ч. II или Черменский П.И. Прошлое Тамбовского края. Тамбов, 1961.

³⁵ Язвин М.А. Очерки по истории здравоохранения Курской области. В 3 ч. Воронеж, 1965.

³⁶ Афанасьев В.Г. Благотворительность в России. Историографические основы проблемы. СПб., 1998.

как это ни парадоксально, американским исследователям-русистам»³⁷. Но автор не отрицает существование национального опыта и задаётся целью его реконструкции с последующим поиском путей практического применения в современных условиях.

Интерес представляет также работа Е.З. Чикадзе «Аналитический обзор литературы о благотворительности», в которой автор предложил несколько иной подход к изучению историографии проблемы, разделив её на исторические, современные, теоретические, эмпирические исследования и периодические издания. Проанализировав исследования как зарубежного, так и национального опыта, исследователь приходит к заключению о том, что «в научном дискурсе нет единого представления о благотворительности, о том, какого характера помощь следует относить к благотворительной, каковы должны быть её формы, кто является субъектом благотворительности и какова её роль в истории»³⁸.

А.В. Власова в статье «Российская благотворительность: историографические основы проблемы» высказывает мнение о том, что «почти вся научная литература о благотворительности в России, вышедшая в 80-е – начале 90-х гг., принадлежит американским исследователям»³⁹, и предлагает обратиться к изучению направлений и форм отечественной благотворительности на более качественном и профессиональном уровне.

Несмотря на всю значимость и научную ценность этих работ, стоит отметить, что все они, используя, как правило, хронологический подход, не заостряют внимание на выделении конкретных проблем, в том числе и региональных, одной из которых является дворянская благотворительность в Центральном Черноземье.

Трудно переоценить вклад в изучение истории Российской благотворительности, внесённый фундаментальными исследованиями таких авторов, как А.Н. Боханов, П.И. Нещеретний, М.В. Фирсов, Б.Н. Миронов и др.

Книга А.Н. Боханова «Коллекционеры и меценаты в России» помимо обширного фактического материала, дающего представление о развитии меценатства в России, обращается к мотивам, побуждавшим жертвовать свои личные финансовые средства. В данной работе автор рассматривает преимущественно буржуазию. Но для нас она также представляет интерес. Дело в том, что большинство предпринимателей стремилось любым путём получить дворянский титул, чтобы приобрести определённый социальный статус и не отстать от моды. Для многих из них благотворительность являлась единственным средством достижения этой цели⁴⁰.

Особого внимания заслуживают исследования П.В. Власова. В книге «Благотворительность и милосердие в России»⁴¹ автор значительное внимание уделяет таким вопросам, как причины возникновения благотворительности, подробно рассматривает историю её развития в России, деятельность отдельных личностей, представителей государственных, всероссийских благотворительных обществ и их губернских отделений. Большое внимание уделено сословной благотворительности. П.В. Власов, как и ряд других авторов, считает, что «реформы Александра II дали толчок дальнейшему развитию российской благотворительности и позволили привлечь к ней новые общественные силы»⁴².

³⁷ Ульянова Г.Н. Новейшая американская историография российской благотворительности (обзор) // Отечественная история. 1995. № 1. С. 108-118; Ульянова Г.Н. Исследования истории российской благотворительности: реконструкция национального опыта и возможности его применения в современных условиях // Благотворительность в России. Социальные и исторические исследования. СПб., 2001. С. 65; Ульянова Г.Н. Изучение истории благотворительности в России: тенденции и приоритеты (1989-2002 гг.) // Благотворительность в России. Социальные и исторические исследования. СПб., 2003. С. 16-29.

³⁸ Чикадзе Е.З. Аналитический обзор литературы о благотворительности в современной России (1990-2000 гг.) // Благотворительность в России. Социальные и исторические исследования. СПб., 2001. С. 107.

³⁹ Власова А.В. Российская благотворительность: историографические основы проблемы // Милосердие и благотворительность в российской провинции. Екатеринбург, 2002. С. 2.

⁴⁰ Боханов А.Н. Коллекционеры и меценаты в России. М., 1989. С. 7.

⁴¹ Власов П.В. Обитель милосердия. М., 1991.

⁴² Власов П.В. Благотворительность и милосердие в России. М., 2001. С. 177.

Значительный интерес представляет работа П.И. Нещеретниго «Исторические корни и традиции развития благотворительности в России». Ценность исследования заключается в попытке автора выделить культурно-исторические предпосылки зарождения и развития благотворительности посредством анализа исторического опыта, накопленного в данной области ещё с древних времён, что очень важно при определении духовно-нравственных и психологических основ формирования мировоззрения дворянина-благотворителя. Но главная заслуга автора состоит в том, что он попытался выделить основные формы благотворительности, проследив их эволюцию «от милостыни к общественному призрению и до организованной государственной системы социальной защиты, сочетающейся с различными видами общественной и частной благотворительной деятельности»⁴³.

Большой интерес представляет сборник «Антология социальной работы» (в 5 т.) М.В. Фирсова. Наиболее важная для нас информация содержится в 1 и 3 томах. В 1 томе «История социальной помощи в России»⁴⁴ представлены статьи разных лет издания под авторством известных исследователей, таких как Е. Максимов, Г. Кони, В. Троицкий и др. В книге отражён исторический путь развития благотворительности на Руси. В ней содержится важная, в том числе и документальная, информация о деятельности особоуправляемых благотворительных обществ и учреждений, рассказывается о благотворительной деятельности дворян. Третий том «Антологии социальной работы» посвящён такой важной проблеме, как социальная политика и законодательство в социальной сфере. Содержащийся в нём материал даёт представление о динамике социальных проблем в их исторической связи, где центральным элементом выступает благотворительность как социокультурное явление⁴⁵.

Следует, на наш взгляд, выделить ряд исторических исследований, в которых отдельные главы либо параграфы посвящены дворянской благотворительности в контексте изучения самого сословия. Среди работ такого плана можно отметить монографию И.В. Фаизовой «Манифест о вольности и служба дворянства в XVIII столетии»⁴⁶. В данной работе интерес представляет анализ деятельности дворянской корпорации, а также информация о практике пенсионного обеспечения дворян-отставников. В частности, высказывается мнение об отсутствии упорядоченной системы в деле распределения пенсий и зависимости их размера от чина, звания и приближённости претендента к верховной власти.

Работа Б.Н. Миронова «Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.)» содержит ценную информацию о разделении дворян на страты по имущественному цензу. Миронов наглядно показывает, что не все дворяне жили одинаково и имели равные возможности, а некоторые из них даже нуждались в материальной поддержке. Говоря о складывании дворянской корпорации, исследователь отмечает, что «образование дворянства также приобрело сословный характер, и дворяне стремились дать своим детям образование в закрытых учебных заведениях, предназначенных специально для благородного сословия»⁴⁷.

В исследовании Е.П. Белоножки и А.Н. Мошкина «Борьба российского государства, Церкви и общества с женскими и детскими социальными патологиями (вторая половина XIX – начало XX вв.)», авторы выделяют гендерное направление в отечественной благотворительности второй половины XIX в., связанное с призрением

⁴³ Нещеретний П.И. Исторические корни и традиции развития благотворительности в России. М., 1993.

⁴⁴ Антология социальной работы. В 5 т. История социальной помощи в России / сост. М.В. Фирсов. М., 1994. Т. 1.

⁴⁵ Антология социальной работы. В 5 т. Социальная политика и законодательство в социальной работе / сост. М.В. Фирсов. М., 1995. Т. 3.

⁴⁶ Фаизова И.В. Манифест о вольности и служба дворянства в XVIII столетии. М., 1999. С. 155-157.

⁴⁷ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). СПб., 2000. Т. 1. С. 82-523.

материнства и детства. Эта информация необходима при изучении деятельности дворянских опеков в области поддержки дворянских вдов и малолетних детей⁴⁸.

Интерес вызывает исследование К.В. Кузьмина и Б.А. Сутырина «История социальной работы за рубежом и в России». Авторы выделяют объект, субъект благотворительности, дают определения открытой и закрытой систем призрения, приводят основные виды социальной помощи, такие как постоянное, срочное, временное попечение, трудовая помощь и др. Дворянская благотворительность фигурирует здесь как одно из направлений в общей системе⁴⁹.

Немалое значение имеют работы, вышедшие не так давно, например, «История социальной работы в России»⁵⁰ В.П. Мельникова и Е.И. Холостовой, где анализируется становление системы государственного призрения, общественной и частной благотворительности в пореформенный период.

В «Очерках истории благотворительности» Т.Б. Кононова выделяет деятельность организаций, отдельных представителей дворянского сословия (Н.П. Шереметев и др.), анализирует благотворительность по основным направлениям, уделяя внимание особо управляемым организациям⁵¹.

Важное место в современной историографии дворянской благотворительности занимают исследования и публикации, написанные на материалах Центрального Черноземья и посвященные изучению истории отдельных губерний и дворянских родов. Так, например, в книге «Борисовка. Исторические очерки» рассказывается о вкладе Н.П. Шереметева в распространение образования среди крепостных, для чего в марте 1805 г. он издал распоряжение об организации в крупных вотчинах школ на 20-30 человек. Дети – будущие актёры крепостного театра графа Шереметева – также имели возможность получать специальное образование⁵².

Следует отметить социально-экономический и историко-культурный очерк И.Г. Пархоменко «Белгородская губерния», из которого можно узнать о деятельности графа Шереметева. В его имении – слободе Борисовка – зародился иконописный промысел, для поддержания которого граф присылал из Петербурга опытных живописцев, которые обучали иконописи борисовских крестьян⁵³.

Л.Г. Карабутов в книге «По дорогам минувших столетий» даёт историческую хронику Волоконовского района. Автор рассказывает о пожертвованиях, сделанных дворянами на различные нужды. Из хроники известно о деятельности в сфере народного образования дворянина министра народного просвещения Е.П. Ковалевского, который организовал Валуйское педучилище, занимался вопросами женского образования и подготовкой народных учителей⁵⁴.

Следует отметить книгу В.В. Пенского, Т.М. Пенской «Очерки истории Белгородской губернии (XVIII в.)». В ней, несмотря на акцент, сделанный авторами в пользу социально-экономического аспекта, есть интересная информация о развитии просвещения и культуры в губернии. Рассказывая о повышенном внимании государства к духовному образованию в XVIII в., исследователи сообщают о решении Сената об обязательном обучении дворянских детей не только чтению Часовника и Псалтыри, но и катехизису⁵⁵.

⁴⁸ Белоножко Е.П., Мошкин А.Н. Борьба российского государства, Церкви и общества с женскими и детскими социальными патологиями (вторая половина XIX- начало XX вв.). М., 2003.

⁴⁹ Кузьмин К.В., Сутырин Б.А. История социальной работы за рубежом и в России (с древности и до начала XX в.). М., 2005. С. 13-14.

⁵⁰ Мельникова В.П., Холостова Е.И. История социальной работы в России. М., 2005.

⁵¹ Кононова Т.Б. Очерки истории благотворительности. М., 2005.

⁵² Борисовка. Исторические очерки. Белгород, 2000. С. 101.

⁵³ Пархоменко И.Г. Белгородская губерния (Социально-экономический и историко-культурный очерк). Белгород, 2001. С. 83.

⁵⁴ Карабутов Л.Г. По дорогам минувших столетий: Историческая хроника Волоконовского района. Белгород, 2003. С. 52, 68.

⁵⁵ Пенская Т.М., Пенской В.В. Очерки истории Белгородской губернии (XVIII в.). Белгород, 2004. С. 189.

Особую ценность для нашего исследования и исторической науки вообще имеет коллективная монография «Эволюция сословной структуры общества Центрального Черноземья в пореформенный период (на примере Курской губернии)» под редакцией В.А. Шаповалова, вышедшая в 2005 г. Интерес вызывает первая глава, в которой прослеживается эволюция дворянского сословия в рамках социального законодательства Российской Империи и условиях пореформенной модернизации помещного хозяйства. Исследуя дворянскую корпорацию, Шаповалов обосновывает особую роль в ней сословных обществ и института губернаторов⁵⁶.

В 2007 г. вышла книга З.Т. Прокопенко «Дворянский род Говорухо-Отроков из слободы Таврово». В работе рассказывается о заслугах Якова Николаевича Говорухо-Отрока – видного земского деятеля в Курском крае, избравшегося гласным Белгородского земского собрания, председателем Белгородской уездной земской управы. В 1896 Говорухо-Отрок предложил земской управе принять от него в качестве пожертвования 660 квадратных саженой земли для постройки на ней школы в деревне Таврово. За заслуги в деле развития образовательных заведений и распространения народного просвещения уездное земское собрание учредило 2 стипендии имени Якова Николаевича для гимназисток Белгородской женской гимназии⁵⁷.

Нельзя обойти вниманием диссертационные исследования как общероссийского, так и регионального уровня, посвященные изучаемой проблеме. Например, Ю.В. Коробейников в диссертации на соискание учёной степени кандидата исторических наук «Исторический опыт осуществления общественной помощи нуждающимся органами местного самоуправления России в 1864-1917 гг.»⁵⁸ попытался проанализировать исторический опыт деятельности органов местного самоуправления (городских земств и городских общественных управлений) в области призрения нуждающихся категорий населения.

Диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук О.В. Сёмина «Становление государственного призрения в России в XVII веке (историко-социальный аспект)» представляет интерес содержащимся в ней анализом терминологического аппарата, связанного с феноменом благотворительности. Сопоставляя мнения исследователей, автор предлагает свой вариант определения благотворительности, считая, что «это помощь, имеющая вид факультативной, то есть добровольной деятельности, которая оказывается определённым категориям населения»⁵⁹. Подводя итог исследованию, Сёмин делает вывод, о том, что в XVII веке «преимущественное право на получение социальной помощи и её наибольшую величину имели те категории населения, которые составляли опору существовавшего социального строя»⁶⁰.

В диссертации на соискание учёной степени кандидата исторических наук «Становление общественного призрения пореформенный период (на примере Московской губернии)» С.П. Коновалова прослеживается процесс становления благотворительности и общественного призрения как системы организованной социальной помощи нуждающимся со стороны государства и общества в России. Выделяя основные направления государственной и общественной помощи, автор приходит к выводу, что «в пореформенный период призрение нуждающихся развивается от частного к государственному и от него к согласованию действий государственного, общественного и частного призрения»⁶¹.

⁵⁶ Эволюция сословной структуры общества Центрального Черноземья в пореформенный период (на примере Курской губернии) / под ред. В.А. Шаповалова. Белгород, 2005. С. 50, 52, 53.

⁵⁷ Прокопенко З.Т. Дворянский род Говорухо-Отроков из слободы Таврово. Белгород, 2007. С. 41-42.

⁵⁸ Коробейников Ю.В. Исторический опыт осуществления общественной помощи нуждающимся органами местного самоуправления России в 1864-1917 гг.: дис. ... канд. ист. наук; Северо-Кавказский государственный технический университет. Ставрополь, 2003.

⁵⁹ Сёмин О.В. Становление государственного призрения в России в XVII веке (историко-социальный аспект): дис. ... канд. ист. наук; Московский государственный социальный университет. М., 2005. С. 18.

⁶⁰ Там же. С. 135.

⁶¹ Коновалова С.П. Становление общественного призрения в пореформенный период (на примере Московской губернии 1861-1917 гг.): дис. ... канд. ист. наук; Московский государственный социальный университет. М., 2005. С. 103.

Л.С. Гатилова в диссертации на соискание учёной степени кандидата исторических наук «Благотворительность в российской провинции в конце XIX – начале XX в. (на материалах губерний Центрального Черноземья)» предлагает две достаточно обширные классификации благотворительных учреждений в Курской губернии: одну по направлениям деятельности (призрение, дешевое и бесплатное обучение, дешевое и бесплатное проживание, дешевое и бесплатное пропитание, трудовая и лечебная помощь), а другую – по учредителям самих обществ (церковная, государственная, частная, мещанская, дворянская)⁶².

Р.Н. Балицкий в диссертации на соискание учёной степени кандидата исторических наук «Меценатство и благотворительность в Центральном Черноземье в конце XIX – начале XX вв.»⁶³ проделал большую работу по анализу широкого круга источников и литературы. В результате автору удалось проследить динамику развития меценатства и благотворительности в регионе, а также установить степень участия в них государства, различных организаций и частных лиц, в том числе и дворянского сословия.

Заканчивая историографический обзор, следует сделать ряд выводов.

Историография дореволюционного периода имеет достаточно большое значение для исследования благотворительной деятельности представителей дворянского сословия. Тем не менее, несмотря на наличие фактического материала, большинство исследований имеют описательный характер. Прослеживается отсутствие анализа и обобщений. Исследователи на данном этапе не предпринимали попыток выделить дворянскую благотворительность как отдельную проблему.

В период с 1917 до середины 1980-х гг. говорить о полном отсутствии публикаций о благотворительности нельзя. Однако в это время историческая наука получила крайне скудный материал по проблеме дворянской благотворительности, а количество изданий, вышедших в указанные годы несоизмеримо мало для того, чтобы можно было говорить о значительной роли советской историографии в изучение обозначенной проблемы.

Говоря о современной историографии, стоит отметить преобладание положительных тенденций. Повод судить об этом даёт всё увеличивающееся в последнее время число работ, посвящённых различным аспектам благотворительности. Авторы предлагают свои подходы к вопросу классификации направлений, форм и видов благотворительной деятельности с последующим их анализом.

Несмотря на ценность выводов, которые можно найти в опубликованных работах, а также рост интереса историков и общества, следует сказать, что многие аспекты проблемы дворянской благотворительности еще не получили полного и должного освещения, в частности, региональный.

SOME ASPECTS OF THE PROBLEM OF HISTORIOGRAPHY OF THE NOBILITY CHARITY IN CENTRAL BLACK-SOIL REGION IN THE SECOND HALF OF XVIII – BEGINNING OF XX CENTURIES

V.V.SHAKHOV

*Belgorod Legal Institute
of the Ministry of Internal
Affairs of Russia*

*e-mail:
Shahov.slava@yandex.ru*

The article is devoted to consideration of some aspects of a problem of a historiography of nobiliary charity in Central Black Earth region from second half XVIII prior to the beginning of XX century. Attempt of classification of materials in this or that quantity (amount) containing the information on charities of representatives of the maximum (supreme) estate on three periods is undertaken: pre-revolutionary (till 1917), Soviet (1918 – first half 1980th) and modern (since second half 1980th – up to now). On each period the general tendencies are allocated and features are analyzed.

Key words: charity, an ancestral lands, humanism, nobleman, a historiography, culture, outlook, custom, a society, estate.

⁶² Гатилова Л.С. Благотворительность в российской провинции в конце XIX – начале XX в. (на материалах губерний Центрального Черноземья): дис. ... канд. ист. наук; Курский государственный педагогический университет. Курск, 2001.

⁶³ Балицкий Р.Н. Меценатство и благотворительность в Центральном Черноземье в конце XIX – начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук; Курский государственный университет. Курск, 2004.

УДК 94(47).083 "1903"

ПРОВОКАТОР П.А. КРУШЕВАН И ПУБЛИКАЦИЯ «ПРОТОКОЛОВ СИОНСКИХ МУДРЕЦОВ»

И.П. ШОРНИКОВ*Приднестровский
государственный
университет им. Т.Г. Шевченко**e-mail: 5ok5@bk.ru*

П.А. Крушеван – первый публикатор главной фальшивки XX века – «Протоколов сионских мудрецов». В статье показывается, как редактор-издатель петербургской газеты «Знамя» оказался жертвой многоходовой комбинации тайной полиции, направленной на внедрение в общественное сознание «Протоколов». П.А. Крушеван распознал фальшивку, несмотря на это, он позволил проманипулировать собой. Автор анализирует характер участия и мотивы, двигавшие П.А. Крушевана на публикацию поддельного текста. В статье говорится о месте «Протоколов» в общественно-политической жизни России в начале XX века.

Ключевые слова: «Протоколы сионских мудрецов», «охранка», газета «Знамя», П.И. Рачковский, П.А. Крушеван.

В исторической литературе кишиневский публицист Павел Крушеван, будущий «черносотенец», известен как вдохновитель Кишиневского погрома 1903 г. Менее изучена его роль в публикации поддельного документа, повлиявшего на идеологию основных праворадикальных движений Европы и Америки в XX в., – «Протоколов сионских мудрецов». Самым ранним печатным вариантом этого текста был вариант, опубликованный в номерах от 28 августа (10 сентября) до 7 (20) сентября 1903 г. в редактируемой П.А. Крушевном петербургской газете «Знамя»¹. Хотя позднее исследователями был разыскан русский текст «Протоколов», относящийся к 1901 г., первой его публикацией стала все же публикация в газете «Знамя». Степень участия Крушевана в этом преступлении заслуживает специального рассмотрения.

Публикация «Протоколов» в «Знамени» представляла собой завершение многоходовой секретной операции. Согласно версии их происхождения, разработанной известным разоблачителем тайн охранки журналистом В.Л. Бурцевым², «Протоколы» сфабриковала группа полицейских агентов по указанию начальника зарубежного отдела Департамента тайной полиции П.И. Рачковского. Действовал ли он по заданию своего руководства, или по собственной инициативе – этот вопрос остается дискуссионным. Среди российских революционных эмигрантов, за которыми следили сотрудники Рачковского, в то время заведующего агентурой Департамента полиции в Париже, имелось много евреев. Немало их было и в рядах немецкой и французской социал-демократии, и других левых партий. И те, и другие яростно критиковали царское правительство. 6 июня 1891 г. Рачковский предложил начальству в Петербурге, развернув кампанию дискредитации, пресечь в зародыше всякую симпатию к евреям и обелить любые меры, принимаемые против них в России. Начальство колебалось. Санкция якобы была получена только в 1894 г., когда во Франции развернулась антисемитская кампания, связанная с «делом» А.Дрейфуса, офицера французского Генштаба, ложно обвиненного в шпионаже в пользу Германии.

Исполнение замысла П.И. Рачковский поручил своему агенту сотруднику газеты «Фигаро» Матвею Головинскому, российскому журналисту, волею судьбы заброшенному в Париж. Резидент учел его хорошее знание французского языка, а так-

¹ Знамя. 1903. № 190. 28 августа /10 сентября. С. 2; №191. 29 августа /11 сентября. С. 2; № 192. 30 августа /12 сентября. С. 2; № 193. 31 августа /13 сентября. С. 1–2; № 194. 1/14 сентября. С. 1–2; № 195. 2/15 сентября. С. 1–2; № 196. 2/15 сентября. С. 2; № 197. 4/17 сентября. С. 2; № 200. 7/20 сентября. С. 2.

² Некоторые исследователи выражают серьезные сомнения в причастности российской тайной полиции к созданию «Протоколов» (Степанов С. Черная сотня. М., 2005. С. 514, 515).

же наличие связей среди французской интеллигенции, и привлёк к сотрудничеству в качестве литературного редактора политических фальшивок. Важную роль в изготовлении «Протоколов» сыграл и другой агент охраны, Иван Манасевич-Мануйлов, крещёный еврей. Основными источниками их «вдохновения» стали памфлет французского писателя Мориса Жоли «Диалог в аду между Макиавелли и Монтескье, или Макиавеллистская политика в XIX веке», изданный в Брюсселе в 1864 г., упомянутый выше памфлет «На еврейском кладбище в Праге» из романа Германа Гедше «Биарриц», некий служебный текст из архива русской полиции и памфлет, написанный эмигрантом из России, бывшим чиновником министерства финансов крещёным евреем Ильей Ционом, личным врагом министра С.Ю. Витте. Первый вариант «Протоколов» был составлен на французском языке³.

Если уже согласие руководства Департамента полиции на фабрикацию «Протоколов» остается сомнительным, то продолжение операции шеф зарубежной политической разведки определенно законспирировал от начальства. В 1895 г. рукописный экземпляр русского перевода «Протоколов» с соответствующей легендой о его похищении в Париже у некоего еврея Шапиро был передан прокурору Московской синодальной конторы Ф.И. Степанову, который отпечатал его на гектографе в 100 экземплярах. Затем распространение текста застопорилось на два года. Однако текущие события подкрепляли иллюзию о его достоверности. В августе 1897 г. в Базеле состоялся Первый сионистский конгресс. В этом «кагале» евреев, собравшихся со всего света, отмечает историк В.Скуратовский, легко было увидеть прообраз тайной сродки колен Израилевых. 9 декабря 1901 г. в своём орловском имении Золотарёво писатель С.А. Нилус закончил перевод текста ПСМ на русский язык. Возникла также потребность в публикации фальшивки, вызванная недовольством правых кругов политикой либерального премьер-министра С.Ю. Витте, якобы, проводящего «еврейские интересы». А.И. Келеповский, чиновник для особых поручений при Московском генерал-губернаторе великом князе Сергее Александровиче, к которому обратился Степанов, позволил напечатать «Протоколы» в губернской типографии⁴. Теперь их можно было раздавать в аристократических салонах.

Но для легализации фальшивки и ее массового тиражирования инициаторам операции был необходим авторитетный печатный орган. Таковым могла стать respectable «умеренно-правая» петербургская газета «Новое Время». Но предложение, сделанное ее главному автору «консервативному либералу» М.О. Меньшикову, было им и, очевидно, ее владельцем и редактором А.С. Сувориным отвергнуто. Они поняли: политика, направленная на усиление противостояния русского народа и инородцев, плохо сочетается с идеей гармонизации отношений между ними⁵. 1 мая/20 апреля 1902 г. в газете была опубликована статья М.О. Меньшикова «Заговоры против человечества». Статья была исполнена скепсиса по отношению к некоей светской даме, предложившей автору ознакомиться с «Протоколами», и к самим «Протоколам». Сомневаясь в подлинности последних, М.О. Меньшиков противопоставляет им вполне реальную опасность со стороны «волшебного круга страшных утопий» — от «пан-британизма» и «пангерманизма» до «панмонголизма», оставляя сочинение и распространение «Протоколов» на совести «людей с повышенной температурой мозга»⁶. Таким образом, первая попытка публикации фальшивки века не удалась, хуже того, привела к утечке информации о ней. Директором Департамента полиции в это время являлся либерал А.А. Лопухин. П.И. Рачковский, позволивший

³ Резник С. «Протоколы сионских мудрецов» шагают во второе столетие. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.vestnik.com/issues/2003/1001/win/rezник.htm>

⁴ Скуратовский В. Проблема авторства «Протоколов сионских мудрецов». Киев, 2000 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://krotov.info/history/20/1900/skuratovsky_2.htm

⁵ Коцюбинский Д.А. Русский национализм в начале XX столетия. Рождение и гибель идеологии Всероссийского национального союза. М., 2001. С. 259.

⁶ Скуратовский В. Указ. соч. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://krotov.info/history/20/1900/skuratovsky_2.htm

себе несанкционированные Департаментом действия в России, был отозван из Парижа и отправлен в отставку.

Но Лопухин дезорганизовал политический сыск. Как жаловался один из руководителей охраны генерал А.В. Герасимов, охранное отделение стало «карикатурой на тайную полицию»⁷. Ветераны охраны не доверяли руководителю Департамента полиции, профессионально малокомпетентному и политически сомнительному. Вскоре, в 1905 г., А.А. Лопухин разоблачил группу служащих МВД во главе с ротмистром Комиссаровым, лично известным Николаю II в связи с его заслугами «по тайному добыванию документов во время войны с Японией», уличенных в том, что наладили печатание «погромных» листовок в помещении полиции на Фонтанке, 16. Не довольствуясь ликвидацией тайной типографии «черносотенцев», Лопухин передал в кадетскую газету «Речь» секретные служебные материалы о ней⁸, что представляло собой нечто худшее, чем нарушение служебной этики. В 1909 г. А.А. Лопухин, уже отставленный от должности, совершил преступление, выдав революционерам полицейского агента Е.Ф. Азефа, руководителя Боевой организации эсеров. Таким образом, опасения охранников оправдались. Не отвечало требованиям службы и большинство функционеров тайной полиции. Позднее, в 1905 г., служащие Охранного отделения С.-Петербурга, устрешенные революционерами, проявляли неподчинение и грозили начальству забастовкой⁹.

Однако у П.И. Рачковского, как видим, оставались в охране и единомышленники. Вероятно, в это время в поле их зрения и оказался редактор-издатель кишиневской газеты «Бессарабец» П.А. Крушеван, попытавшийся весной 1902 г. использовать в политических целях «ритуальную» версию одного убийства. Не исключено, что внимание охранников к П.А. Крушевану привлек П.И. Рачковский, уроженец города Дубоссары, интересовавшийся политическими событиями в родных краях. Крушеван мог тиража ради напечатать «Протоколы...». Но при публикации фальшивки в провинциальном издании шансов на ее широкое распространение по стране было немного. Возможно поэтому участники «группы Рачковского» подсказали Крушевану мысль об учреждении в Петербурге общероссийской праворадикальной газеты и предоставили для этого средства. Летом 1902 г. Крушеван, располагая крупной суммой, переехал в столицу и учредил газету «Знамя», а в Москве затеял издание своей книги «Бессарабия». В 1903 г., после Кишиневского погрома, двойным конспираторам из «группы Рачковского» подыграла либеральная пресса, создавшая П.А. Крушевану репутацию его вдохновителя, а покушение П. Дашевского – вероятно, организованное тайной полицией, – создало редактору «Знамени» ореол жертвы. Но главное, именно тогда, весной-летом 1903 г., стала настоятельной необходимостью идеологического противодействия кампании либералов, развернутой по поводу Кишиневского погрома.

Конспираторы из охраны могли исподволь готовить Крушевана к роли публикатора фальшивки века, но они не могли сыграть на патриотических чувствах редактора и прямо предложить ему для публикации сомнительный текст. Репутация охраны у российской интеллигенции была крайне низкой. «Тяжело признаваться, – вспоминал тот же А.В. Герасимов, – мне редко приходилось встречать людей, которые были бы готовы из убеждения, а не для извлечения материальных выгод оказывать нам активную поддержку в деле борьбы против революции. А революционеры, которые стремились не только свергнуть правительство Царя, но и решительно боролись против самих основ существующего строя, всюду встречали поддержку и сочувствие»¹⁰. Публикация М.О. Меньшикова лишней раз свидетельствовала о нежелании интеллигенции сотрудничать с охранкой. Подставлять себя по просьбе чинов тайной

⁷ Герасимов А.В. На лезвии с террористами. М., 1991. С. 8.

⁸ Степанов С. Указ. соч. С. 172,173.

⁹ Гейфман А. Революционный террор в России. 1894-1917. М., 1997. С. 60.

¹⁰ Герасимов А.В. Указ. соч. С. 55.

полиции под удар либеральной прессы, террористов, а может быть и юстиции, Крушеван не стал бы ни за какие деньги. Поэтому сам факт публикации фальшивки в крушевановской газете свидетельствует в пользу того, что с охранкой Крушеван связан не был. «Кроме Нилуса, – сообщает русский писатель-эмигрант Б.И. Николаевский, – «Протоколы» были опубликованы еще и Бутми. Последний опубликовал их даже раньше Нилуса (в августе 1903 г. в газете «Знамя», кот[орый] издавал известный Крушеван)»¹¹. Иными словами, публикацию «Протоколов» в «Знамени» писатель считал «заслужкой» подольского помещика Г.В. Бутми де Кацмана, а не Крушевана.

Текст «Протоколов» был передан редактору при посредстве Г.В. Бутми. Это не означает, что экономист – яростный критик политики премьер-министра С.Ю. Витте был связан с Департаментом полиции. Г.В. Бутми мог получить текст «Протоколов» от их переводчика С.А. Нилуса, выступившего, как предполагают, также автором предисловия¹². Сам П.А. Крушеван честолюбиво полагал, что инициативная роль в деле публикации «Программы завоевания мира евреями» принадлежала ему. В газете «Друг», в 1909 г., где в связи с внезапной смертью владельца, появились материалы о его заслугах, публикация «Протоколов» ставилась ему в особую доблесть. Сообщалось, что первоначально материал был предложен газете «Новое Время», но там побоялись «мести евреев», а вот Крушеван не побоялся. Так как закон запрещал «натравливать одну часть населения на другую», то Цензурный комитет печатать «Протоколы» запретил. Но Крушеван якобы нашел ход к министру внутренних дел В.К. Плеве. Тот некоторое время колебался, но потом дал добро на публикацию, предусмотрительно уехав в отпуск, чтобы, в случае скандала, его при этом не было¹³.

Когда же получил текст «Протоколов» их публикатор? Профессор славистики Римского университета Чезаре де Микелис, автор книги «Несуществующая рукопись: исследование "Протоколов сионских мудрецов"», высказывает мнение, что П.Крушеван воспользовался «Протоколами» при подготовке апрельского погрома 1903 г. в Кишиневе. Тем не менее, заключил исследователь, дата окончания работы над текстом – август 1903 г. Для подтверждения своей точки зрения де Микелис обращает внимание на то обстоятельство, что Нилус первую публикацию «Протоколов» датировал 1902-1903 гг., а не 1901 г., как следует из его же собственных слов. На наш взгляд, текст «Протоколов» был передан Крушевану не до погрома, а летом 1903 г., после покушения П.Дашевского. Будь текст в его распоряжении ранее, Крушеван проявил бы свою осведомленность о его содержании в своих газетных выступлениях. Но этого не произошло. В тактическом плане публикация в сентябре 1903 г. заведомо скандального текста, среди прочего, была призвана сбить волну критики в адрес правительства, поднятую либералами¹⁴ в связи с Кишиневским погромом.

Для нравственной оценки содеянного П.А. Крушеваном важно выяснить верил ли он сам в подлинность «Протоколов»? Столь умный политик как Уинстон Черчилль, ознакомившись с текстом «Протоколов» в 1919 г. на Версальской мирной конференции, сказал, что ему теперь ясно, что произошло в России и кто направляет большевистских главарей. А влиятельная английская газета «Таймс» написала в номере от 8 мая 1920 г.: «Неужели мы все эти трагические годы вели борьбу за уничтожение, искоренение немецкого владычества лишь для того, чтобы обнаружить за ним другое, более опасное, поскольку более тайное? Неужели, напрягая все силы нации, мы избежали гнета «Всегерманского союза» только для того, чтобы попасть в тенета «Всеиудейского союза»? Предположительно, они написаны евреями и для ев-

¹¹ Платонов О. Терновый венец России – Загадка Сионских протоколов. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://modernlib.ru/books/platonov_oleg_anatolevich/zagadka_sionskih_protokolov/read_38/

¹² Знамя. 1903. № 190. 28 августа /10 сентября. С. 2; № 191. 29 августа /11 сентября. С. 2; № 192. 30 августа /12 сентября. С. 2; № 193. 31 августа /13 сентября. С. 1–2; № 194. 1/14 сентября. С. 1–2; № 195. 2 /15 сентября. С. 1–2; № 196. 2/15 сентября. С. 2; № 197. 4/17 сентября. С. 2; № 200. 7/20 сентября. С. 2.

¹³ Друг. 1909. № 175.

¹⁴ См.: Солженицын А.И. Двести лет вместе (1795-1995). Ч.1. М., 2001. С. 329-335 и др.

реев. Если так, то при каких обстоятельствах они были созданы, для решения каких внутриеврейских проблем?». В подлинность «Протоколов» верил «верховный правитель» России А.В. Колчак. Текст «Протоколов» едва ли не наизусть знал Адольф Гитлер. Много позднее, после всех разоблачений, в их подлинность верили Гамаль Абдель Насер, Ясир Арафат, Саддам Хусейн. Психологическую основу этого парадоксального доверия столь многих деятелей еще в 1934 г. попытался объяснить Б.И. Николаевский. «Автор «Протоколов», – отметил он в личном письме, – несомненно, талантлив, и он нащупал самые больные места тогдашней России. Когда наваждение спало и автора этого всюду называли по имени (Нилусом), в антисемитских русских кругах говорили: «Пусть «Протоколы» – апокриф. Но они гениально схватили правду о евреях. Если Сионских мудрецов нет, то они могли быть, должны быть». Как литератор, именно таким образом должен был мыслить и Павел Крушеван. Наиболее корректным представляется мнение американского историка Э.Джаджа. «Действительно ли верил Крушеван в эту клевету или нет, – отмечает он, – но в любом случае считал ее полезным орудием в кампании по организации народа на большой крестовый поход против еврейской «угрозы»¹⁵.

Важные данные для ответа на поставленный выше вопрос дают результаты текстологического исследования «Протоколов», проведенного Чезаре де Микелисом¹⁶. Текст фальшивки, как известно, состоит из 24 «протоколов». Но де Микелис отмечает, что число параграфов «Протоколов», равное 22, соответствует числу глав Апокалипсиса, а иные варианты числа параграфов соответствуют числу глав в той или иной книге Библии, имеющей деление на главы. Причем вариант с 22 параграфами характеризуется публикатором (Крушеваном) как краткий, с сокращениями. Таким образом, Крушеван позволил себе сокращение предоставленного ему текста. Вариант, опубликованный в 1905 г. С.А. Нилусом, восходит, как показывает де Микелис, прямо к русскому тексту «Протоколов» 1901 г. и не связан с публикацией Крушевана.

Анализируя разницу в написании слова «гоевский» и «гойский» (то есть – не еврейский), де Микелис обращает внимание на присутствие в тексте таких украинизмов, как препозиция «в», трансформирующаяся в «у» в преконсонантной позиции. Наличие такого рода украинизмов приводит автора к выводу, что в публикации Крушевана мы имеем дело с текстом, наиболее близким к протографу перевода, в то время как в последующих изданиях текст приводился в соответствие с русской языковой нормой. Но переводчик «Протоколов» С.А. Нилус был уроженцем центральной России. Внести в ее текст украинизмы, полагает итальянский славист, могли бессарабец Крушеван, знавший русский язык в его южнорусском варианте, и Г.В. Бутми де Кацман, уроженец Подолии. Мы вправе предположить, что Крушеван по редакторской привычке не только сократил полученный им вариант «Протоколов», но позволил себе его править. Опубликованный Крушеваном вариант «Протоколов», показывает Ч. де Микелис, – наиболее аутентичный вариант, в котором четко различимы следы украинизмов и лингвистических аномалий, а также способы компиляции глав. Именно этот вариант, полагает он, был самым близким к «каноническому». Текст, который учитывает и аномалии варианта Крушевана и прочие особенности, де Микелис называет «нормализованным текстом». Внесенные им редакционные изменения, – но не сокращения! – и Крушеван, и последующие публикаторы могли объяснять уточнением перевода с французского.

Таким образом, Крушеван в подлинность «Протоколов» не поверил. Об этом свидетельствует сам факт его вторжения в текст, – его сокращение, но не редакторская правка перевода. Публикатор, опираясь на данные текстологического анализа, утверждает Чезаре де Микелис, понял, что текст не аутентичен, то есть не сочинен

¹⁵ Джадж Э. Пасха в Кишиневе: анатомия погрома. Кишинев, 1998. С. 45.

¹⁶ De Michelis Cezare G. The non-existed manuscript: A study of the Protocols of the Sages of Zion / Translated by Richard Newhouse. Lincoln; London, 2004. (См. рец.: Леонид Кацис. Текстология «Протоколов сионских мудрецов»).

конкретными евреями или масонами. Итальянский исследователь опровергает атрибуцию «Протоколов» Т. Герцлю, Ахад Гааму, Папюсу, Нилусу. Сторонникам «Протоколов», отмечает он, доказательств аутентичности и не требовалось. Им было достаточно правдоподобия, то есть некоторого соответствия повествования тем историческим событиям, которые они считали предзнаменованиями явления антихриста или Змия, в сочетании с их страхом перед «мировым господством» евреев. Схема всемирного заговора, как она сложилась в «Протоколах», утверждает исследователь, имеет вполне русские корни. Де Микелис приводит обширный список русских сочинителей подобных текстов и обращает внимание на то, что если в первых изданиях текста, например у Крушевана, в названии фигурировали франкмасоны и сионские мудрецы, то с 1905 г. «масонство» постепенно исчезло с титульных листов изданий «Протоколов», хотя в самом тексте этот элемент остался. Использование в качестве жупела франкмасонства в сочетании с неправославными религиозными движениями, полагает де Микелис, было давней традицией русских консервативных кругов.

Но публикация заведомой фальшивки, повторим, влекла угрозу судебного преследования. После убийства революционерами ряда царских сановников и нападения П. Дашевского на него самого Крушеван должен был считаться также с риском быть убитым революционными террористами. Обладая достаточным политическим опытом, он не мог этого не понимать. По той же причине охранники не могли использовать его «втемную» либо открыто – апеллируя к его патриотическим чувствам. Но в их действиях имелся точный психологический расчет. Содержание «Протоколов» отвечало взглядам П.А. Крушевана, а как политик он должен был оценить их пригодность для использования в целях идейной консолидации государственно-охранительных сил на почве борьбы с «еврейским заговором». По мнению В.Скуратовского, для Крушевана публикация «Протоколов» представляла собой также «журналистское» завершение-продолжение его «раздраженной» беллетристики. Это была и его эмоциональная реакция на покушение на его жизнь и газетную травлю, устроенную либералами после погрома в Кишиневе. Движимый азартом борьбы, но и рассчитав ожидаемый политический эффект, Крушеван сознательно предал гласности фальшивку. Что касается участия Крушевана в их первой публикации, то автор статьи в «Краткой еврейской Энциклопедии» высказывает подозрение, что «предисловие и послесловие к первой публикации были написаны, по-видимому, самим Крушеваном, а, кроме того, в «Знамени» была напечатана статья от переводчика, принадлежавшая перу С. А. Нилуса»¹⁷.

П.А. Крушеван должен был рассматривать свой поступок как ответный ход в информационной войне, развязанной российскими и зарубежными либералами по поводу Кишиневского погрома. Он понимал, что публикация фальшивок, предсудительная в системе нравственных координат русской интеллигенции, по стандартам Запада, на которые ориентировались либералы, представляла собой приемлемый метод политической борьбы. Их использование было там обыденным делом уже с начала XIX столетия: вспомним хотя бы крупнейшую фальшивку XIX века – поддельное «Завещание Петра Великого», пущенное в оборот в 1812 г., накануне вторжения армии Наполеона в Россию. Сами российские либералы, как явствует из эпизода с поддельным циркуляром В.К. Плеве, якобы направленным в Кишинев накануне погрома 1903 г., использовали те же методы. Долговременного влияния «Протоколов» на идеологию европейских правых Крушеван предвидеть не мог. Вынужденный действовать, говоря его словами, «их же оружием», сожалений о содеянном он и позднее не высказывал.

Предпринимаемые в связи с публикацией «Протоколов» попытки представить Россию как родину современного антисемитизма безосновательны. Гораздо раньше, чем в России, с середины XIX в., антисемитизм стал набирать силу на Западе. Как отмечает израильская исследовательница истории «Протоколов» Хадасса

¹⁷ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.istorypedia.com/26/202/1629326.html>

Бен-Итто, мысль о том, что евреи действительно намереваются завладеть миром, узурпировав экономическими средствами политическую власть, начала обретать популярность вначале в сознании французского общества. Должно же было существовать какое-то объяснение тому, что евреи, не имеющие ни собственной страны, ни земли, которую они могут называть своей родиной, столь преуспевают и в большинстве свободных профессий, и в мире финансов. Так зародился и начал обретать черты достоверности миф о международном еврейском заговоре. Библией французских антисемитов стала книга Эдуарда Дрюмона «Еврейская Франция». Вышедшая в 1886 г., она в течение нескольких лет выдержала не менее 200 изданий! По странам Европы распространяли также «Речь раввина» – памфлет «На еврейском кладбище в Праге», выдержку из 13-томного романа «Биарриц», опубликованного в 1868 г. в Германии Германом Гедше под псевдонимом «сэр Джон Ретклифф». Российские изготовители фальшивки работали в Париже, опираясь на высшие «достижения» французских и германских антисемитов. Таким образом, утверждение Чезаре де Микелиса о «вполне русских» корнях схемы всемирного заговора, представленной в «Протоколах», несостоятельно. Корни эти были западного происхождения.

В конце 1905 г. «Протоколы» были представлены вниманию Николая II и произвели на него самое сильное впечатление. Император отдал распоряжение об их тиражировании. Но по настоянию А.А. Лопухина, тогда еще шефа Департамента полиции, министр внутренних дел П.А. Столыпин поручил двоим жандармским офицерам расследовать происхождение «Протоколов». Подделка была выявлена, в результате расследования доложены Николаю II. Разгневанный император якобы начертал резолюцию: «“Протоколы” должны быть изъяты из обращения. Нельзя защищать благородное дело грязными способами»¹⁸. Как и демарш Меншикова-Суворина, резолюция императора, если она действительно была наложена¹⁹, выражала нравственную позицию не столько российской власти, сколько русской общественности. Однако приказ был уже невыполним, изъять «Протоколы» из обращения было невозможно. Хотя достоверность этой истории вызывает сомнения, Российское правительство к подготовке и распространению «Протоколов» действительно было непричастно.

Дальнейшее распространение текста фальшивки также осуществляли лица из круга Крушевана. В декабре 1905 г. выходит в свет брошюра «Корень наших бед» с подзаголовком «Где корень современной неурядицы в социальном строе Европы вообще и России в частности. Отрывки из древних и современных протоколов Всемирного союза франкмасонов», представляющая собой расширенную версию публикации П.А. Крушевана. Хотя вышла она без выходных данных, историки установили, что издал ее соратник Павла Крушевана Георгий Бутми (Кацман). По-видимому, это издание стало основой изданной в том же году в Москве И.И. Пашковым брошюры «Древние и современные протоколы собраний сионских мудрецов». В декабре 1905 г. в Царском Селе выходит вторым изданием книга С.А. Нилуса «Великое в малом и антихрист как близкая политическая возможность» (первое издание вышло в 1903 г.), в составе которой были напечатаны «Протоколы сионских мудрецов», в предшествующем издании отсутствовавшие (цензурное разрешение от 28 сентября 1905 г.). Именно эта книга, а не публикация Крушевана в «Знамени» закрепляет за «Протоколами» их каноническое название и вводит их сначала в российский, а затем и мировой идеологический обиход.

Расчеты на прекращение пропагандистской эксплуатации темы Кишиневского погрома, вероятно, имевшиеся у Крушевана, не оправдались, кампания в зарубежной прессе была продолжена; новый импульс ей дал судебный процесс над погромщиками, проведенный правительством в Кишиневе без должного информационного

¹⁸ Норман Кон. Благословение на геноцид. С. 82.

¹⁹ Эта история была впервые опубликована В.Л. Бурцевым в его книге «Протоколы сионских мудрецов»: доказанный подлог». (Париж, 1938. С. 105-106).

обеспечения. В «черте оседлости» под влиянием этой пропаганды после Кишиневского погрома стали создаваться еврейские «отряды самообороны»²⁰. Но распространение «Протоколов Сионских мудрецов» способствовало идейной консолидации правых радикалов. В опубликованной в ноябре 1905 г. избирательной программе «Русского собрания» говорилось: «п. 9. Еврейский вопрос должен быть разрешен законами и мерами управления особо от других племенных вопросов в виду продолжающейся стихийной враждебности еврейства к христианству и нееврейским национальностям и стремлении евреев к всемирному господству»²¹. В «Поучении» московского митрополита Владимира, зачитанном по всем церквям московской епархии 16 октября 1905 г., прямо говорится о «тайных, секретных протоколах»²². Участникам «черносотенных» политических формирований, возникших в 1905-1906 гг., «Протоколы» заменяли тексты программных документов. Публикация «Протоколов», полагает В. Скуратовский, представляла собой одновременно и иррациональное, и логическое завершение всей предшествующей идеологической биографии Крушевана, и производных от нее коллизий, предшествующих 1903 г. Публикация «Протоколов» является его главным преступлением не только против евреев, но и против гражданского согласия в России.

Рассмотренные факты свидетельствуют о том, что Крушеван опубликовал полученный текст, понимая, что это – фальшивка. Он мог догадываться и о причастности охраны к ее изготовлению, но позволил проманипулировать собой, выступив в качестве политического провокатора. И все же абсолютизировать зло, содеянное Крушеваном, оснований нет. Во-первых, великий князь Сергей Александрович, генерал П.И. Рачковский, назначенный в 1905 г. вице-директором Департамента полиции, Г. Бутми де Кацман, другие деятели правого лагеря, заинтересованные в распространении «Протоколов», могли изыскать и другие возможности предать их гласности. Во-вторых, начало поистине всемирному распространению фальшивки положила все-таки не газетная публикация Крушевана, а выход в свет в 1905 г. книги С.А. Нилуса «Великое в малом и антихрист как близкая политическая возможность».

PROVOCATEUR P.A. KRUSHEVAN AND PUBLICATION OF THE «PROTOCOLS OF THE ELDERS OF ZION»

I.P. SHORNIKOV

*Transnistrian State University
n.a. T.G. Shevchenko*

e-mail: 5ok5@bk.ru

P.A. Krushevan – the first publisher of major forgery of the twentieth century – the «Protocols of the Sages of Zion». The article shows that Editor-publisher of the newspaper «Znamya» was a victim of a multi-way combinations of the secret police, aimed at introducing into the public consciousness of the Protocols. However, despite the fact that Krushevan recognize a fake, he allowed a manipulated by him. The author analyzes the nature of participation and motives driving the P.A. Krushevan when he publishing a forged text. The article says about the place of «Protocols» in the political life of Russia at the beginning of XX century.

Key words: Protocols of the Sages of Zion, «Secret police», newspaper «Znamya», P.I. Raczkowski, P.A. Krushevan.

²⁰ См.: Солженицын А.И. Двести лет вместе (1795-1995). Ч.1. М., 2001. С. 335-338 и др.

²¹ Цит. по: Острецов В. Черная сотня и красная сотня. (Правда о Союзе Русского Народа). М., 1991. С. 4.

²² Костомаров Г. Д. Черная сотня под флагом религии в 1905 г. М., 1931. С. 17.

УДК 331.881(471.65) (09)

ИЗ ИСТОРИИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПРОФСОЮЗОВ ТЕРСКОЙ ОБЛАСТИ. 1905–1907 ГГ. (ПО МАТЕРИАЛАМ СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ)

Н.С. МАХЦИЕВА*Северо-Осетинский
государственный
университет**e-mail: Ardoz@mail.ru*

Первая русская революция 1905–1907 гг. стала мощным ускорителем возникновения профессиональных союзов, которые оказали большое влияние на организованность рабочих и служащих, их боевитость в борьбе за социальные и трудовые права. С первых дней революции профсоюзы Терской области выступали организаторами экономических и политических стачек, являлись движущей силой развития общества. Данная статья посвящена истории возникновения первых профессиональных союзов Северной Осетии.

Ключевые слова: Первая русская революция 1905–1907 гг., профсоюзы, Терская область.

В начале XX века в России, а также в Терской области появились массовые профессиональные союзы – организации рабочих и служащих, развернувших борьбу за свои социально-экономические и трудовые права. С первых дней профсоюзы Терской области выступали организаторами экономических и политических стачек, являлись движущей силой развития общества. Изучение исторического опыта российского профдвижения, а также профсоюзного движения в Терской области имеет большое теоретическое и практическое значение, особенно сегодня, когда профессиональные союзы действуют в новых политических и социально-экономических условиях.

В статье использованы сборники материалов о первой русской революции на Северном Кавказе, в Терской области и городе Владикавказе¹. Однако, в данных изданиях почти полностью отсутствуют документы, характеризующие возникновение и деятельность массовых организаций в период наивысшего подъема революции: рабочих клубов, профсоюзов, советов уполномоченных, комитетов горской бедноты и т. п. Автор данной статьи на документальном материале и имеющейся литературе впервые рассматривает появление первых профессиональных союзов в Северной Осетии и их участие в революционных событиях.

Первая русская революция (1905–1907 гг.) стала мощным ускорителем возникновения профессиональных союзов, которые оказали большое влияние на организованность рабочих и служащих, их боевитость в борьбе за социальные и трудовые права. Многие профсоюзы открыто выражали свою приверженность к тесной связи с социал-демократическими партиями².

Массовое создание профсоюзов началось в октябре – декабре 1905 года, когда революционное движение рабочего класса достигло высшего подъема. Рабочие широко использовали возможности относительной свободы, проявившиеся в связи с опубликованием царского Манифеста 17 октября 1905 года, для создания своих профессиональных организаций.

Профессиональные союзы создавались явочным порядком, они действительно стали революционным завоеванием рабочего класса, отстаивающим в борьбе с ца-

¹ История революционного движения на Тереке. № 1. Пятигорск, 1924; 1905 год во Владикавказе. Сборник материалов. Владикавказ, 1925; 1905 на Северном Кавказе. Сборник статей и материалов. № 1. Ростов – Краснодар, 1926; Северная Осетия в революции 1905–1907 гг. Сборник документов и материалов. Орджоникидзе, 1955; Революция 1905–1907 годов на Тереке. Документы и материалы. Т. 1. Орджоникидзе, 1980.

² 1905–1907 годы в профессиональном движении. I-я и II-я Всероссийские конференции профессиональных союзов. М., 1905.

ризмом требования свободы слова, собраний, союзов. Они вели активную работу по вовлечению в свои ряды новых рабочих, укреплялись организационно, разрабатывали уставы и программы действий.

В отличие от центральных и промышленных областей России в Терской области специфические условия не позволяли широко развернуть рабочее и профессиональное движение.

Во-первых, не было достаточных сил в большевистской группе Терской областной социал-демократической партийной организации; мало было кадров рабочих из-за слабо развитой промышленности. Во-вторых, на классовые и сословные противоречия здесь наслаивались противоречия религиозные, особенно национальные. Многонациональность, пестрота обычаев, традиций, религий – все это мешало сплочению трудящихся в единый отряд для борьбы против царского самодержавия. Поэтому первый профессиональный союз на Северном Кавказе – «Союз служащих Владикавказской железной дороги» был создан не по местной инициативе, а как следствие дальнейшего роста сплоченности железнодорожников страны, при непосредственной инициативе ростовских железнодорожников.

Союз железнодорожников, образовавшийся в середине 1905 года в Москве, уже к концу года проник почти во все края и области страны, стал образцом сплочения трудового народа в борьбе с царским самодержавием. Этот союз сыграл исключительно важную роль в развитии профсоюзного движения в национальных областях Северного Кавказа и, в частности, в Северной Осетии.

Владикавказская железная дорога, которая соединила города Ростов и Владикавказ, была проложена по территории Северной Осетии в 1875 году³. Многочисленный отряд Владикавказских железнодорожников в конце XIX и в начале XX века состоял в основном из крестьян, покинувших селения в поисках заработка. Вначале дирекция дороги принимала на работу только русских. Однако в эпоху империализма, особенно в период I-ой мировой войны, стали нанимать рабочих из коренного населения и представителей других наций.

Каждый, поступающий на дорогу, должен был иметь разрешение на это от местной полиции. Любого железнодорожника увольняли с работы по требованию жандармерии без объяснения причин. Бесправное положение рабочих на Владикавказской железной дороге вынуждена была признавать даже царская администрация. Так, в 1903 году черноморский губернатор, ознакомившись с попавшейся к нему в руки расчетной книжкой рабочего дороги, послал секретное письмо главному начальствующему гражданской частью на Кавказе, в котором он писал: «В ней, что ни параграф правил, то прямое нарушение закона»⁴. В расчетной книжке не были указаны сроки найма, размер заработной платы, основания для начисления ее и сроки выплаты, не определены права и обязанности рабочих, не установлены время начала и окончания работ, не названы праздничные дни, не перечислены правила производства сверхурочных работ. В заключение секретного письма губернатор указывал, что «в нарушение «Устава промышленного» и других законов администрация дороги присваивает себе судебные функции и является судьей в своем собственном деле»⁵.

Зарплата рабочих Владикавказской железной дороги была низкой, едва хватало на существование, в то время как труд начальствующего состава оценивался очень высоко. По официальным данным, служащие и рабочие дороги получали в начале XX века следующую зарплату в месяц: управляющий дорогой – 1750 рублей, начальник службы – 875, начальник главных мастерских – 500, слесарь или кузнец – 28, молотобоец – 20, кочегар – 15, стрелочник – 16, переездной сторож – 14 рублей. Женщины за равный труд с мужчинами получали гораздо меньше. Например, теле-

³ История Северо-Осетинской АССР. М., 1959. С. 213.

⁴ Перегон-столетие. Ростов-на-Дону. 1964. С. 69.

⁵ Там же. С. 70.

фонист получал 21 рубль 60 копеек; телефонистка – 12 рублей 50 копеек, переездной сторож – 14 рублей, а женщина-сторож – только 3 рубля⁶.

Бичом для рабочих были штрафы. Еще в 1886 году принятый закон «О штрафах» значительно усилил фабричный надзор за условиями труда и пресекал самоуправство предпринимателей в назначении штрафов, которые штрафовали даже, как свидетельствуют документы за «внеуместное философствование». Такая формулировка штрафа позволяла допускать полнейшее беззаконие, издевательство над рабочими. Штрафовали за опоздание с представлением рапорта – удерживали один рубль, за оскорбление представителя администрации – 5 рублей, за небрежное отношение к служебным обязанностям – 2 рубля⁷.

Несмотря на огромное количество несчастных случаев, не было никаких административных лиц, которые следили бы за соблюдением элементарных правил охраны труда. Исключительно плохими были жилищные условия железнодорожников. Рабочие живут «...чуть ли не в чуланах, до того железнодорожные квартиры далеки от своего назначения...»⁸.

В царской России не было государственного страхования. На Владикавказской железной дороге, как и на других дорогах, существовала так называемая пенсионная касса, средства которой состояли из обязательных ежемесячных отчислений из заработной платы штатных рабочих и служащих. Таким образом, труженики сами, своими средствами обеспечивали небольшие пенсии тем, кто уже по старости не мог больше работать.

Грубое отношение администрации к рабочим, бесконечные штрафы, низкие заработки, тяжелые условия жизни и работы – все это вызывало возмущение у рабочих и служащих дороги, спланивало их, развивало классовое самосознание. Они начинали понимать, что для борьбы за свои права им необходимо иметь собственные организации. Однако до 1906 года всякие рабочие союзы в России были запрещены. В условиях революционного подъема, несмотря на запрет властей, в России началось возникновение профессиональных союзов.

В июне 1905 года собрался II Всероссийский съезд профсоюза железнодорожников, в котором участвовали и делегаты от Владикавказской железной дороги. На III Всероссийском съезде этого профсоюза, состоявшемся в сентябре – октябре 1905 года, уже были приняты не только экономические, но и политические требования⁹. Основные из них сводились к следующему: увеличение заработной платы до нормы, которая необходима для удовлетворения материальных и духовных нужд рабочего и его семьи; установление 8-часового рабочего дня; установление государственного страхования; бесплатное обучение детей рабочих в школах; свобода собраний, сходок, союзов, организаций, слова, печати и стачек; неприкосновенность личности и их жилья созыв учредительного собрания, избранного на основе всеобщего, прямого и тайного голосования¹⁰.

13 октября 1905 года рабочие главных мастерских Владикавказской железной дороги собрались для обсуждения требований, выработанных III съездом своего союза. Собрание полностью поддержало все требования, выдвинутые съездом. На этом же собрании было избрано организационное бюро профессионального союза рабочих и служащих дороги. Выборы в бюро производились не от количества рабочих и служащих, а от всех служб управления; так как этих служб было много, то в бюро оказалось большинство служащих – 35, и только 20 – рабочих¹¹. Председателем бюро избрали делопроизводителя И. Шведова – противника политической борьбы, стре-

⁶ Перегон-столетие. Ростов-на-Дону. 1964. С. 73.

⁷ Там же. С. 71.

⁸ Донская речь, 1905 г. 25 августа.

⁹ Серый Ю. Странички прошлого. Ростов-на-Дону, 1965. С. 35.

¹⁰ Там же. С. 36.

¹¹ Труды Первого делегатского съезда служащих владикавказской железной дороги. Ростов-на-Дону, 1905. С. 6.

мившегося ограничить деятельность союза защитой экономических интересов железнодорожников. Этот состав бюро существовал недолго.

В начале октября 1905 года на наиболее крупных станциях состоялись делегатские съезды рабочих и служащих, на которых было решено организовать «Союз служащих Владикавказской железной дороги». В Ростове-на-Дону был выработан Устав этого союза, на основе которого на всех станциях, где имелись паровозные депо, создавались отделения союза¹². Такие отделения появились на станциях Баланджары, Дербент, Петровск, Грозный, Беслан, Минеральные Воды, Кавказская, Тихорецкая, Ростов. Ими руководили выборные бюро. Общее руководство деятельностью этого союза осуществляло бюро Ростова-на-Дону, которое именовалось «Центральным»¹³.

23–27 октября 1905 года в Ростове-на-Дону состоялся I съезд союза. На нем присутствовало 214 делегатов с правом решающего голоса от всех крупных станций и депо дороги¹⁴. Рабочих делегатов было меньшинство (40 процентов), остальных представляли инженеры, техники, конторщики, начальники станций и другие служащие.

Неоднородность состава делегатов сказалась на ходе работы съезда. При обсуждении вопроса об организационном строении профсоюза мнения делегатов разошлись. Так, служащие и инженерно-технические работники стояли за самостоятельные союзы по профессии, т. е. за мелкие, раздробленные союзы. Это предложение встретило дружный отпор со стороны рабочих, которые заявили, что подобные предложения направлены к разобщению железнодорожников, в то время как они нуждаются в тесном сплочении.

Съезд решил образовать единый союз железнодорожников на Северном Кавказе. Председателем бюро Центрального союза был избран С. Рейзман¹⁵.

Таким образом, первый профессиональный союз возник явочным путем на железнодорожном транспорте. Это объясняется тем, что железнодорожники в тот период представляли наиболее массовый, сплоченный, передовой отряд трудящихся. Их сплочению и организованности способствовали имевшиеся у них средства информации и связи. Железнодорожники имели возможность ежедневно быть в курсе всех политических новостей, знать, как развиваются события на Московско-Казанской железной дороге, рабочие которой стали инициаторами Октябрьской всеобщей политической стачки, вовремя поддерживать требования центральных профсоюзов.

Деятельность профсоюзов того периода отличали их боевой характер, стремление увязать экономические требования об улучшении положения рабочего класса с борьбой политической. Главными средствами борьбы профсоюзов того периода были стачки, массовые политические забастовки. Борьба профсоюзов против царского самодержавия способствовала общему подъему революционного движения, вовлечению в него широких масс трудящихся.

Накал революционных событий в стране наступил в октябре-декабре 1905 года. Революционными выступлениями была охвачена и Осетия. В декабре 1905 года забастовали рабочие городских предприятий, горняки Садонских рудников¹⁶.

Особенно организованно забастовка началась среди железнодорожников. 7 декабря 1905 года Ростовское центральное бюро профсоюзов Владикавказской железной дороги, исходя из резолюции профсоюзной конференции 29 железных дорог в Москве, приняло решение: объявить всеобщую политическую забастовку. Вначале этой забастовкой руководили большевики Ростова-на-Дону. Но, когда связь по железной дороге между Ростовом и Минеральными Водами была прервана, руко-

¹² Труды Первого делегатского съезда служащих владикавказской железной дороги. Ростов-на-Дону, 1905. С. 7.

¹³ Керимов И.К. История профсоюзного движения в Дагестане. Махачкала, 1963. С. 14.

¹⁴ Серый Ю. Странички прошлого. Ростов-на-Дону, 1965. С. 38.

¹⁵ Керимов И.К. История профсоюзного движения в Дагестане. Махачкала, 1963. С. 16.

¹⁶ Революция 1905–1907 годов на Тереке. Документы и материалы. Т. 1. Орджоникидзе, 1980. С. 10.

дство перешло в руки Минераловодского забастовочного комитета. Революционные события конца 1905 года на территории Северной Осетии происходили под влиянием Ростовского, а потом Минераловодского забастовочного бюро профсоюза железнодорожников, которым руководили Бакшаков и Шульце¹⁷.

С его помощью стачечные комитеты были организованы на всех крупных депо и железнодорожных станциях, в частности, в Бесланском паровозном депо и на станции, а также на Владикавказской станции и ремонтном участке. Были созданы боевые дружины, в которые входили не только железнодорожники, но и рабочие, крестьяне тех населенных пунктов, через которые проходила железная дорога. Так, 22 декабря 1905 года специальным поездом осетинские дружинники прибыли на станцию Минеральные Воды и влились в состав боевых дружин забастовочного комитета¹⁸. Некоторые из участников осетинской дружины попали в декабре 1905 года из Ростова-на-Дону в Москву¹⁹ и участвовали в декабрьском вооруженном восстании.

Наибольший размах декабрьская политическая забастовка железнодорожников Северного Кавказа получила в Минеральных Водах, на станциях Баланджары и Дербент. Включились в забастовку также железнодорожники Владикавказа, Беслана, Эльхотово. Во Владикавказе разместился штаб специального корпуса железнодорожной жандармерии, присланной для подавления забастовки, и это сковало действия забастовщиков в Осетии.

Царская охранка не оставила без внимания организаторов забастовки в Осетии. Ей удалось установить, что председателем Бесланского забастовочного бюро был Илья Иванович Богданов²⁰, работавший на станции телеграфистом. Активными его помощниками были телеграфисты Александр Евграфович Егоров²¹, служащий Михаил Григорьевич Семенов²², помощник начальника станции Беслан Анатолий Казимирович Каминский, резервуарщик станции Эльхотово Савва Васильевич Ярославцев и многие другие.

Все организаторы забастовки были отданы под суд и на 2-3 года сосланы в отдаленные губернии. Царские власти не посмели применить к осужденным более строгие меры, так как опасались нового революционного взрыва народных масс.

Политическая забастовка на Владикавказской железной дороге способствовала подъему революционного движения в Северной Осетии. В Алагире и Алагирском ущельях началось восстание. 22–23 декабря 1905 года около 400 вооруженных крестьян прибыли в Мизур и Садон. К повстанцам присоединились рабочие Мизурской фабрики, складов, Садонского рудника. В результате администрация рудника бежала²³.

В 1906 году, как и по всей стране, в Терской области начались демонстрации и забастовки в знак протеста против судебных расправ над участниками революции.

Многие забастовщики бежали в горы, в отдаленные селения, чтобы скрыться от преследований властей. Среди скрывавшихся было немало русских, которых местные жители-осетины, пренебрегая опасностью, укрывали от полиции. 22 января 1906 года ротмистр Кубатиев с группой казаков выехал в горы на поимку участников забастовки. Как стало известно жандармам, в селении Далагкау скрывалась группа русских революционеров. Однако жители селения отказались выдать их полиции. Среди тех, кто оказал сопротивление ротмистру и отказался выдать казакам участников забастовки, были Е. Бригаев – сельский учитель и будущий драматург, Н. Арбиев, Д. Гуриев и другие²⁴.

¹⁷ Центральный государственный архив РСО-Алания (ЦГА РСО-А). Ф. 120. Оп. 1. Д. 7. Л. 87

¹⁸ История СОАССР. Советский период. Орджоникидзе, 1966. С. 285.

¹⁹ Из Осетии в декабрьском вооруженном восстании в Москве участвовали член партии с 1905 г. Саханджери Мамсуров, К.Н. Дигуров, Б.И. Тотров и др. Газета «Волна», 29 апреля 1906 г., журнал «Мах дуг», 1957. № 10. С. 60.

²⁰ ЦГА РСО-А. Ф. 120. Оп. 1. Д. 7. Л. 147.

²¹ ЦГА РСО-А. Ф. 120. Оп. 1. Д. 7. Л. 10

²² ЦГА РСО-А. Ф. 120. Оп. 1. Д. 6. Л. 6.

²³ История Северо-Осетинской АССР. М., 1959. С. 287.

²⁴ ЦГА РСО-А. Ф. 24. Оп. 1. Д. 27. Л. 36.

Итак, анализируя все события и факты, можно сделать вывод, что зарождение и развитие профсоюзов в Северной Осетии явилось неотъемлемой частью всероссийского профессионального движения.

Однако необходимо отметить, что структура построения железнодорожной профсоюзной организации несколько отличалась от образовавшихся потом других профсоюзов Осетии. Бесланское районное отделение профсоюза железнодорожников было создано в основном по инициативе ростовчан и входило составной частью в единый союз Владикавказской железной дороги. Это отделение на правах групп объединяло железнодорожников не только станции и депо Беслан, но и Владикавказа, а также некоторых мелких станций и разъездов на территории Осетии.

Пример организации союза железнодорожников явочным путем был поучителен. Многие рабочие и служащие видели в этих рабочих объединениях свое будущее, поэтому неудержимо стремились к такому объединению. Царское самодержавие, напуганное революционными событиями, вынуждено было предоставить трудящимся элементарные демократические права. В этих целях 4 марта 1906 года в соответствии с Манифестом 17 октября 1905 года были введены в действие, так называемые, Временные правила о профессиональных обществах, учреждаемых для лиц, занятых в торговых и промышленных предприятиях, или для владельцев этих предприятий²⁵ в соответствии с которыми существование и деятельность профсоюзов легализовалась, но жестко регламентировалась²⁶.

Царское правительство, разрешая образовывать общества и союзы, предоставляло им право только мирного разбирательства «недоразумений», организации экономической взаимопомощи. Статья 10 указывала на то, что союзы «не могут в своей деятельности преследовать цели политические...», статья 11 давала праву министру или главному управляющему закрыть общество или союз, если они усмотрят, что деятельность их «отклонялась от устава»²⁷. Согласно «Правилам», процедура образования общества или союза предусматривала много предварительных условий: необходимо было выработать вначале устав, решить организационные вопросы, подать прошение в губернские правления, ждать некоторое время решения и внести определенную сумму для публикации в печати сообщения о создании общества или союза²⁸. В то же время для закрытия союза достаточно было мнения одного фабричного инспектора или решения административных властей губернии.

Итак, издавая закон о профсоюзах, царские власти ставили своей целью не столько удовлетворить требования рабочих, сколько ограничить деятельность уже существующих рабочих организаций, взять их под свой контроль, подчинить надзору полицейских органов. Изданием закона царское правительство надеялось обезвредить союзы – направить их на решение экономических вопросов, отвлечь тем самым массы от политической борьбы.

Таким образом, союзы были официально разрешены, Рабочие, их доверенные получили возможность собираться, совместно обсуждать наболевшие вопросы и выступать со своими требованиями. В профсоюзах, в этих исторически неизбежной и необходимой организации пролетариата, трудовые массы проходили первую школу сплоченности и классового самосознания.

Первыми на путь создания профессиональных союзов, охватывающих всех рабочих одного производства без учета профессий и цехов, встали металлисты, печатники и текстильщики Петербурга, Москвы, Харькова, Владикавказа и других городов. Там были сосредоточены наиболее крупные предприятия, объединяющие большое число цехов. Особенно в период стачек в процессе экономической борьбы рабо-

²⁵ ЦГА РСО-А. Ф. 199. Оп. 1. Д. 269. Л. 17-35.

²⁶ Полное название закона – «Временные правила о профессиональных обществах, учреждаемых для лиц, занятых в торговых и промышленных предприятиях, или для владельцев этих предприятий».

²⁷ ЦГА РСО-А. Ф. 199. Оп. 1. Д. 269. Л. 20.

²⁸ Свод законов Российской империи. СПб., 1906. Т. XXVI. Ст. 27479.

чие оказывались связанными гораздо прочнее в рамках предприятия и более ошутимо чувствовали результаты совместных действий. Пополнение и укрупнение союзов шло постепенно.

Первыми, кто после опубликования «Временных правил об обществах и союзах» решил создать свой профессиональный союз в Северной Осетии и городе Владикавказе, были портные²⁹. 24 марта 1906 года А. Д. Берзан, А. М. Горденев, Н. И. Залиев, А. И. Шведенков и Е. И. Копылова подали начальнику Терской области прошение о создании общества³⁰. Власти Терской области, рассмотрев документы, представленные портными, по формальным мотивам отказали их просьбе. Однако несколько позже союз портных все-таки был создан. За портными решили организовать свое общество приказчики. Они образовали группу под руководством Семена Логвинова, которая выработала устав и вместе с прошением направила его начальнику Терской области³¹.

Канцелярия начальника не торопилась с рассмотрением этой просьбы. После истечения положенного двухнедельного срока рассмотрения прошений группа приказчиков, ссылаясь на те же «Временные правила», пишет новое заявление, в котором указывает: «что на основании пункта 9 и 12 «Временных правил о профессиональных обществах, учреждаемых для лиц в торговых и промышленных предприятиях от 4 марта 1906 года, мы, нижеподписавшиеся, представляем при этом Устав подлежащего утверждению общества, объявляем по прошествии законного срока открытым в городе Владикавказе профессиональное общество приказчиков»³².

Это общество просуществовало до первой мировой войны. Оно имело свою кассу взаимопомощи, открыло клуб. На это общество царские власти смотрели, как на безобидное учреждение, которое дальше небольших экономических требований не пошло³³.

За приказчиками решили создать свое общество студенты, приезжавшие в Осетию на каникулы из Москвы и других городов России. 17 июня 1906 года группа студентов подписала прошение об образовании своего общества, целью которого ставила в частности: «...оказать материальную поддержку нуждающимся студентам, доставлять членам общества возможность проводить свободное время в обмене мыслей по научным вопросам...»³⁴. Однако власти хорошо знали, к чему приводит «обмен мыслями» среди учащейся молодежи, поэтому они нашли формальные мотивы отказа от создания студенческого общества³⁵.

Во Владикавказе было создано «Общество взаимопомощи служащих в правительственных, общественных и частных учреждениях»³⁶, председателем правления которого долгое время был И. Г. Маслов, а членами правления – И. И. Антонович, Н. П. Волков, А. А. Карадинский, И. Ф. Джаковский. Этот союз в своем уставе предусматривал денежную помощь членам союза. При правлении была образована касса взаимопомощи. Кроме материальной взаимопомощи, члены этого союза обсуждали и профессиональные вопросы, касающиеся в основном режима работы³⁷.

Царские ставленники в Осетии особенно осторожно относились к образованию профессиональных союзов в рабочей среде. Первыми решили объединиться рабочие и служащие типографий. В подлиннике прошения печатников написано: «Прилагая при сем проект Устава союза тружеников печатного и газетного дела в г. Владикавказе, покорнейше просим утвердить его в определенных правилами от

²⁹ ЦГА РСО-А. Ф. 199. Оп. 1. Д. 47. Л. 3.

³⁰ Там же. Л. 4.

³¹ Там же. Д. 39. Л. 2.

³² Там же. Л. 3.

³³ Владикавказ в Октябрьские дни. Владикавказ, 1927. С. 42.

³⁴ ЦГА РСО-А. Ф. 199. Оп. 1. Д. 14. Л. 3.

³⁵ Там же. Л. 4-5.

³⁶ Там же. Д. 103. Л. 43.

³⁷ Там же. Д. 96. Л. 3.

4 марта 1906 года двухнедельный срок. Июля 18 дня 1906 г.»³⁸. Однако, к моменту подачи прошения печатники не предъявили деньги на печатные публикации об образовании союза. Все это дало основание канцелярии начальника Терской области отказать в создании союза³⁹.

Этот профессиональный союз существовал некоторое время нелегально, без разрешения властей. Через три месяца он закрылся⁴⁰.

В годы первой русской революции в Северной Осетии был создан союз учителей⁴¹.

Таким образом, царские власти всячески тормозили организацию союзов, а часто и срывали их создание, в особенности, если объединяться решали рабочие. Жестоко подавляя революционные выступления в стране, укрепляя свои пошатнувшиеся позиции, самодержавие стало ликвидировать последние остатки куцых свобод, данных народу.

В конце 1906 – начале 1907 годов наблюдалось новое оживление стачечного движения рабочих Терской области. В феврале 1917 года бастовали рабочие Садона и Мизурской обогатительной фабрики, в мае произошли волнения среди воспитанников Ардонской духовной семинарии⁴².

На Тереке причины поражения I-ой русской революции были те же, что и в России, но они усугублялись еще и колониальным положением области. Уровень промышленного развития был здесь более низким, а рабочий класс не очень многочисленным и менее организованным.

Влияние социал-демократических организаций, возникших в области позже, чем в центре страны, было недостаточным. Кроме того, были значительные особенности в классовом, сословном строе, в религии. Эти социально-политические различия правительство использовало в борьбе против революции. Однако, несмотря на это революция 1905-1907 гг. оказала большое воздействие, как на революционное, так и на профсоюзное движение народов Терской области. В середине 1907 г. на всем Северном Кавказе действовали легальные и нелегальные профсоюзы.

Итак, создание профсоюзов положило начало этапу организованной борьбы широких масс трудящихся Северной Осетии, объединявшихся для совместных, согласованных выступлений в защиту своих экономических прав и интересов. Опыт, приобретенный рабочим классом и его профессиональными организациями в годы первой народной революции в России, был использован в дальнейшей борьбе с самодержавием и предпринимателями.

FROM HISTORY OF TRADE UNIONS` ESTABLISHMENT IN TER REGION IN 1905-1907 (ON MATERIALS OF NORTHERN OSSETIA)

N.S. MAKHTSIEVA

North Ossetian State University

e-mail: Ardoz@mail.ru

The First Russian revolution of 1905-1907 became the powerful accelerator of occurrence of trade unions, which have rendered the big influence on organization of workers and employees, their fighting spirit in struggle for the social and labour rights. From first days the trade unions of Tersaja area acted as organizers of economic and political strikes, they were motive power of development of a society. Given article is devoted to history of occurrence of the first trade unions in Northern Ossetia.

Key words: First Russian Revolution of 1905-1907, trade unions, Ter region.

³⁸ ЦГА РСО-А. Ф. 199. Оп. 1. Д. 13. Л. 4.

³⁹ Там же. Л. 8.

⁴⁰ Владикавказ в Октябрьские дни. Владикавказ, 1927. С. 44.

⁴¹ Научный архив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований. Труды Первого Всесетинского учительского съезда, состоявшегося в г. Владикавказе с 10 по 16 июля 1917 г. С. 11.

⁴² Революция 1905-1907 гг. на Тереке. Т. 1. Орджоникидзе, 1980. С. 23.

УДК 355.58

МЕСТНАЯ ПРОТИВОВОЗДУШНАЯ ОБОРОНА МОСКВЫ В ПЕРВОМ ПЕРИОДЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

А.В. ГУСЕВ*Костромской государственный
технологический университет*

Раскрыта роль Московского городского комитета партии, исполкома Моссовета, штабов и формирований местной противовоздушной обороны города по подготовке населения, объектов экономики и жилого сектора к противовоздушной и противохимической обороне. Показана роль групп самозащиты МПВО, объектовых формирований и гражданского населения в ходе ликвидации последствий воздушных налетов немецко-фашистской авиации в первом периоде Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: местная противовоздушная оборона, воздушный налет, защита населения, убежище, ликвидация последствий, группа самозащиты.

Суровая участь была уготована гитлеровцами Москве – столице нашей Родины, исконному оплоту российской государственности, науки, культуры, православия. Вот, что свидетельствовал начальник генерального штаба сухопутных сил Германии Ф. Гальдер: «Непоколебимо решение фюрера сравнить Москву и Ленинград с землей, чтобы полностью избавиться от населения этих городов»¹. Овладению Москвой, как важнейшим центром коммуникаций и оборонной промышленности, гитлеровское командование придавало исключительное значение. «Захват этого города, – указывалось в плане «Барбаросса», – означает как с политической, так и с хозяйственной стороны решающий успех».

Военно-воздушным силам командование вермахта отводило особо важную роль в обеспечении захвата столицы. Москва стала главным объектом действий фашистской авиации в летне-осенней кампании 1941 года. Гитлер требовал от своих ВВС, чтобы они массированными налетами разрушили Москву. Выполняя требования фюрера, командование гитлеровских военно-воздушных сил создало мощную авиационную группировку в составе 3, 28 и 54-й бомбардировочных эскадр, 53-й бомбардировочной эскадры «Легион-Кондор», 55-й бомбардировочной эскадры особого назначения «Гриф» и 100-й бомбардировочной группы. Эскадры группировки имели большой боевой опыт – они в свое время бомбили города республиканской Испании, Польши, Франции, Англии, Югославии и Греции. Экипажи самолетов были укомплектованы отборными, опытными летчиками и штурманами, многие из которых имели звание полковника, хорошо подготовленными к длительным полетам ночью. Специальная авиационная группировка была объединена во 2-й воздушный флот под командованием генерал-фельдмаршала Кесельринга. Общая численность группировки составляла – 1680 боевых самолетов². Все это наглядно свидетельствовало о том, что ВВС Германии готовы были на деле реализовать замысел Гитлера, который он озвучил на совещании в штабе группы армий «Центр»: «Там, где стоит сегодня Москва, будет создано огромное море, которое навсегда скроет от цивилизованного мира столицу русского народа».

Москва с первых дней Великой Отечественной войны готовилась к защите населения и объектов от нападения с воздуха. 22 июня 1941 года на совещании руководящих работников исполкомов городского и районного Советов, начальников служб местной противовоздушной обороны (МПВО), председатель исполкома Моссовета

¹ Гражданская защита. 2001. № 5. С. 1.

² Безымянный В.М., Лаврентьев В.И., Сливин И.П. На страже Московского неба. М., 1968. С. 93.

поставил задачу усиления обороноспособности Москвы, приведения в полную боевую готовность всех формирований МПВО и организации мер защиты города от воздушного нападения. В тот же день по городской радиосети был объявлен приказ № 1 по МПВО города Москвы и Московской области заместителя председателя исполкома Моссовета, начальника МПВО С.Ф. Фролова, в котором говорилось: «В связи с угрозой воздушного нападения на город объявляю в г. Москве и Московской области с 13 часов 22 июня 1941 года угрожаемое положение»³. Всему населению, руководителям предприятий, учреждений и домоуправлений города и области предписывалось точно выполнять правила МПВО и привести в боевую готовность убежища. В приказе были определены первоочередные меры местной ПВО, указаны сигналы оповещения населения. Каждый член Исполкома Московского городского Совета получил определенный участок работы, а именно: Королев Д.Д. – осуществление контроля за городским транспортом, за перевозкой топлива и продовольствия в условиях воздушного нападения; Яснов М.А. – руководство аварийно-восстановительной службой МПВО; Майоров П.В. – руководство строительством убежищ; Федин И.А. – обеспечение населения продовольствием; Смирнова М.Г. – организация эвакуации детей и детских учреждений в безопасные районы страны⁴.

На суженном заседании исполкома Моссовета 23 июня 1941 года было принято решение о проведении противовоздушной учебно-боевой тревоги в городе. На нем также обсуждались вопросы о дополнительном производстве противопожарного оборудования, о проведении проверки состояния и готовности групп самозащиты МПВО на предприятиях, в учреждениях, организациях и домоуправлениях к обезвреживанию зажигательных бомб и борьбе с пожарами. Основная тяжесть организаторской и практической работы по проведению защитных мероприятий и ликвидации последствий нападения с воздуха лежала на штабе и службах МПВО г. Москвы. Главными направлениями в работе штаба МПВО столицы являлись организация следующих мероприятий: строительство укрытий; подача сигналов об опасности воздушного нападения врага; защита людей; создание системы наблюдения и разведки; организация спасательных работ; организация аварийно-восстановительных работ. Таким образом, все вопросы, связанные с непосредственной защитой населения и объектов от воздушного нападения находились в поле зрения городских органов власти и штабов МПВО районов. Для решения задач противовоздушной обороны широко привлекались силы и средства организаций, учреждений, предприятий и практически все трудоспособное население города. Основная тяжесть по защите населения, объектов народного хозяйства, жилых домов Москвы ложилась на медико-санитарную, противопожарную и аварийно-восстановительную службы. Они предназначались для выполнения основного объема работ в возможных очагах поражения. Важными были службы связи и оповещения, охраны общественного порядка и безопасности, светомаскировки, противохимической защиты и др.

Основными формированиями медико-санитарной службы были отряды первой медицинской помощи (ОПМ), стационарные пункты медицинской помощи, медико-санитарные команды и роты участковых формирований, санитарные дружины и санитарные посты на предприятиях, в учреждениях, учебных заведениях, домоуправлениях. На отряды возлагалось оказание первой врачебной медицинской помощи непосредственно в очагах поражения, определение тяжести ранения и эвакуация пострадавших в лечебные учреждения. Медико-санитарные роты и сандружины выполняли в очагах поражения самые трудоемкие работы. Они разыскивали пострадавших, извлекали их из-под завалов, оказывали первую доврачебную помощь и эвакуировали раненых в ОПМ или в лечебные учреждения города.

Борьба с пожарами требовала организационной перестройки противопожарной службы и более широкого привлечения для борьбы с зажигательными авиабом-

³ Вечерняя Москва. 1941. 22 июня.

⁴ Котлуков К.Г. и др. Гражданская оборона вчера и сегодня. М., 1975. С. 23.

бами самого населения. Пожарная охрана в столице была военизирована, участковые противопожарные команды реорганизованы в пожарные роты и взводы. В домоуправлениях создавались домовые и квартальные пожарные команды. На крышах жилых домов устанавливалось дежурство противопожарных звеньев групп самозащиты и граждан проживающих в этих домах.

Аварийно-восстановительная служба занималась устранением повреждений оборудования промышленных предприятий, ликвидировала разрушения и повреждения на сетях и станциях водопровода и канализации, предотвращала затопления и загазованность убежищ при разрушении зданий, восстанавливала проезды и мосты, организовывала переправы.

Служба связи и оповещения базировалась на существующих городских сетях и узлах телефонной связи столицы, а также на специальных средствах связи КП Московской зоны ПВО. Для оповещения населения об опасности нападения с воздуха использовались городские радиотрансляционные сети и электросирены установленные на крышах домов.

Служба охраны общественного порядка создавалась на базе органов милиции. Однако главным источником ее силы являлись общественные организации и активное участие в охране порядка самого населения. Звенья охраны порядка групп самозащиты, бригады содействия милиции несли патрульную службу, вели борьбу с нарушителями порядка и уголовными преступниками, способствовали поддержанию паспортного режима, светомаскировки и обеспечивали мобилизацию усилий всего населения столицы на ликвидацию последствий нападения с воздуха.

Большой вклад в общее дело внесли службы убежищ, светомаскировки и другие. Например, звенья убежищ оказывали помощь населению в момент подачи сигнала «Воздушная тревога». Они занимали свои посты в убежищах и организованно распределяли людей по отсекам, следили за порядком в убежищах, принимали меры к оказанию помощи заболевшим. Бойцы этих звеньев всегда поддерживали в надлежащем санитарном состоянии убежища, убрали и проветривали их, проверяли исправность оборудования.

Много внимания уделяли городские власти вопросам маскировки и светомаскировки столицы. МГК ВКП(б) и Моссовет приняли экстренные меры, чтобы быстрее замаскировать Москву, оградить ее от налетов немецко-фашистской авиации. В течение первых двух дней войны в городе было введено полное затемнение, проведена маскировка многих улиц, площадей, крупных зданий и корпусов предприятий. С особой тщательностью по проектам Д. Чечулина и А. Щусева москвичи замаскировали Кремль, Мавзолей и прилегающие к ним площади. На Кремлевской стене, Красной и Ивановской площадях нарисовали дома и деревья. Приметный ориентир – излучину Москвы-реки – забили баржами и плотами с ложными сооружениями, покрыв их маскировочными сетями⁵.

Сложившаяся в начале войны структура служб МПВО столицы в дальнейшем показала свою надежность и эффективность, особенно в ходе ликвидации последствий первых массированных воздушных налетов немецкой авиации на Москву.

С начала войны Московский Совет развернул работу по созданию дополнительных формирований МПВО и групп самозащиты жилых домов. На базе управлений исполкома Моссовета было создано: 5 аварийно-восстановительных полков; транспортный полк; 29 отдельных батальонов; специализированный батальон связи⁶. В течение недели на предприятиях и в домоуправлениях было создано: 285 команд самозащиты; 5 тысяч санитарных команд. Создавались посты воздушного наблюдения, оповещения и связи. За действиями вражеской авиации наблюдение производилось из следующих постов: 19 городских наблюдательных постов; 220 район-

⁵ Советская Россия. 1984. 24 октября.

⁶ Каммерер Ю.Ю., Караулов В.С., Лапиров С.Е. Москве – воздушная тревога. Местная ПВО в годы войны. М., 1991. С. 13.

ных наблюдательных постов; 375 постов приема донесений. Кроме этого, была создана целая сеть наземных наблюдательных постов, выставленных группами самозащиты жилых домов, предприятий и учреждений⁷. Много сделал Моссовет по совершенствованию и расширению средств защиты населения города. По его поручению в течение недели архитекторами В.П. Лагутенко, И.И. Ловейко, К.К. Орловым, и др. были разработаны проекты коллективных бомбоубежищ, к сооружению которых тут же приступили строители ряда трестов совместно с жителями Москвы. И если, к началу войны город располагал 700 убежищами и 2613 бомбоубежищами общей вместимостью 400 тыс. человек, то к концу 1941 года было подготовлено: 1029 газубежищ; 6215 бомбоубежищ; 19 500 землянок и щелей; 23, 3 км. линий метро приспособлено под убежища. Всего в защитных сооружениях можно было укрыть 1600 тыс. человек. Принятые Моссоветом и руководителями предприятий меры по МПВО значительно повысили готовность объектов города и гражданского населения к первым массированным налетам вражеской авиации.

30 июня исполком Моссовета принял постановление «Об обязанностях граждан, руководителей предприятий, учреждений, учебных заведений и управляющих домами г. Москвы по противовоздушной обороне». В постановлении были определены обязанности жителей города по соблюдению светомаскировки, знания способов тушения зажигательных авиационных бомб и пожаров, сигналов ПВО и правил поведения при воздушной тревоге⁸. Большое значение в деле мобилизации населения Москвы на повышение боевой готовности МПВО имело постановление Совнаркома СССР от 2 июля 1941 года «О всеобщей обязательной подготовке населения к противовоздушной обороне»⁹. 5 июля 1941 года вышло постановление Государственного Комитета Обороны СССР № 26 «О реорганизации службы МПВО г. Москвы». В постановлении ставилась задача по созданию в Москве 4-х полков, 1-го батальона и 2-х отдельных рот МПВО: 1-й полк – восстановления зданий и ликвидации завалов; 2-й полк – восстановления дорог и мостов; 3-й полк – восстановления водопроводно-канализационного хозяйства; 4-й полк – аварийно-восстановительный по энергетическому и тепловому хозяйству; отдельный аварийно-восстановительный батальон по газовому хозяйству; отдельная специализированная аварийно-восстановительная рота связи. Городские участковые команды районов были реорганизованы в 25 батальонов при штабах районов МПВО численностью 23 800 человек¹⁰. МГК ВКП(б), Моссовет изыскивали все возможные средства для обеспечения формирований необходимой техникой и инструментами. На заседании Моссовета 8 июля 1941 года на эти цели было выделено 5 млн. рублей¹¹. По заданию исполкома на ряде предприятий местной промышленности было налажено производство необходимых инструментов для пожаротушения. Для усиления противопожарной обороны города 9 июля исполком принял постановление «Об организации комсомольского полка по противопожарной обороне» в количестве 5 тыс. человек¹². Моссовет принимал срочные меры для увеличения источников водоподачи. 14 июля он обязал управление дорожно-мостового строительства проверить готовность к водоподаче все естественные и открытые водостоки, а также в срочном порядке создать водозаборы¹³. Формирования МПВО очистили их, улучшили подъездные пути к ним, выстроили 875 искусственных водоемов, обмазали огнезащитной краской деревянные строения¹⁴.

⁷ Алещенко Н.М. Московский Совет в 1941-1945 гг. М., 1980. С. 64.

⁸ Там же.

⁹ Правда. 1941. 2 июля.

¹⁰ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 644. Оп. 1. Д. 1. Л. 88-89.

¹¹ Алещенко Н.М. Указ. соч. С. 64.

¹² Выстояли и победили. С. 91-92.

¹³ Алещенко Н.М. Указ. соч. С. 65.

¹⁴ Каммерер Ю.Ю. и др. Указ. соч. С. 14.

Таким образом, к началу налетов немецко-фашистской авиации на столицу, Москва имела хорошо организованную и оснащенную необходимой техникой МПВО. Она включала: 18 городских служб; 6000 команд предприятий и жилых домов¹⁵; 5 отдельных специализированных полков и батальонов; 25 районных городских батальонов; 3-й инженерно-противохимический полк; отдельную аварийно-восстановительную роту связи. Для борьбы с пожарами были подготовлены: 12 736 противопожарных команд на предприятиях численностью 205 220 человек; противопожарные звенья в группах самозащиты. Для оказания помощи пострадавшим были подготовлены: все медицинские учреждения города; 5000 санитарных дружин на предприятиях; 36 медико-санитарных рот городских батальонов; 127 травматологических отрядов и другие подразделения. Для наблюдения за действиями авиации противника и возникавшими очагами поражения было создано 230 вышковых наблюдательных постов. Система МПВО столицы насчитывала до 650 тысяч бойцов.

В ходе первого массированного налета фашистской авиации на Москву, который состоялся в ночь с 21 на 22 июля 1941 года около 60 немецким бомбардировщикам удалось прорваться к городу и сбросить 30 фугасных и 5 тыс. зажигательных бомб. Груз, сброшенный фашистскими летчиками, не причинил больших повреждений, а там, где произошли взрывы и пожары, бойцы МПВО, противопожарных команд совместно с жителями быстро ликвидировали загорания. 23 и 24 июля массированные налеты повторились. В них участвовало несколько сот бомбардировщиков. Но и они не принесли гитлеровцам желаемых результатов. Советские летчики, воины ПВО преградили вражеским самолетам путь на Москву, а бойцы МПВО и жители столицы успешно справлялись с фашистскими «зажигалками» и теми повреждениями, которые удавалось нанести вражеским бомбардировщикам. Например, упавшая на площади Белорусского вокзала фугасная бомба повредила водовод большого диаметра. Вода хлынула к метро, где укрывалось много женщин и детей. В район бедствия спешно прибыли бойцы аварийно-восстановительного батальона под командованием доктора технических наук М.Н. Шестакова. Почти пять часов шел напряженный «бой», но водовод был исправлен и катастрофа предотвращена.

В борьбе с возникавшими пожарами героически проявили себя противопожарные подразделения. Формирования МПВО быстро обезвреживали зажигательные бомбы и ликвидировали загорания, не давая им превратиться в пожар. На музей-усадьбу Л.Н. Толстова в Москве упало более 30 зажигательных бомб. Не подоспей своевременно люди – и исторический памятник сгорел бы. Сотрудники музея Ф.П. Теодорович, В.Д. Гусева, Ф.Д. Зубарев и другие бойцы МПВО ликвидировали опасность. Некоторые из них при этом получили сильные ожоги, но остались на своем боевом посту¹⁶. Управдом Т.Я. Голубева лично потушила 66 зажигательных бомб, управдом Е. Худякова – 60, комсомолец Студенцов – 17, сторож Михайлов отразил огонь от склада с горючим¹⁷. Исключительную самоотверженность проявила пожилая женщина, М.Г. Нестерова. Она возглавила команду МПВО дома. В одном из налетов лично сбросила с крыши около 150 «зажигалок». Дважды была ранена осколками, но не ушла с поста, пока не кончился налет. Почти 2/3 сброшенных зажигательных бомб и возникших от них загораний было ликвидировано бойцами первичных формирований МПВО¹⁸.

Пожарные в дни первых налетов работали буквально на износ. Четыре-пять раз в сутки объявлялись тревоги, они буквально изматывали силы. В ночь на 22 июля на командный пункт поступили сообщения о возникновении 1900 загораний. Наиболее крупные пожары охватили район Красной Пресни, Хорошевского шоссе, Белорусского вокзала, а также Волхонку и Кузнечный мост. В те дни Белорусский вокзал

¹⁵ Каммерер Ю.Ю. и др. Указ. соч. С. 9.

¹⁶ Котлуков К.Г. и др. Гражданская оборона вчера и сегодня. М., 1975. С. 34.

¹⁷ Московский большевик. 1941. 1 августа.

¹⁸ Беспримерный подвиг. М., 1968. С. 375.

занимал в Московском железнодорожном узле самую ответственную позицию. От него ежечасно отходили на фронт эшелоны с войсками, вооружением, боеприпасами, горючим, продовольствием. С фронта приходили поезда с ранеными и беженцами. Фашисты яростно бомбили составы на подходах к вокзалу. Взрывались вагоны со снарядами, цистерны с горючим, пылали платформы с лесоматериалами. Ночь напролет шло сражение с огнем. Нестерпимая жара и едкий дым, осколки рвущихся снарядов не остановили бойцов и командиров 11-й и 13-й военизированных пожарных частей. Караул 11-й части во главе с Г. Власкиным сумел приостановить распространение огня на служебные и станционные постройки. Пакгаузы, ценные грузы и подвижной состав отстояли пожарные 13-й части. Несколько кварталов Хорошевского шоссе превратилось в сплошное пожарище. С четной стороны горели деревянные бараки и магазины. По другую сторону шоссе, вдоль подъездных путей Белорусской железной дороги, горели склады. Здесь самоотверженно занимались тушением загоревшихся пожарные 28-й и 29-й частей. Дружно работали группы самозащиты, помогая пожарным командам МПВО. Домохозяйки, пенсионеры и подростки смело вступали в единоборство с зажигалками, сбрасывали их щипцами, баграми с крыш, забрасывали песком, бросали в бочки с водой. И если до войны считалось, что брать зажигательную бомбу надо только щипцами, то на практике оказалось, что во время воздушного налета со щипцами возиться некогда и тогда москвичи хватали «зажигалки» руками в защитных рукавицах или использовали для этого лопаты¹⁹. Организованно и оперативно действовали во время налетов аварийно-восстановительные полки и батальоны. Их возглавляли специалисты в области энергетики, строительства и городского хозяйства²⁰.

23 июля Московское управление НКВД сообщило: «Всего в г. Москве от зажигательных бомб возникло 1141 пожар и загорание, из которых значительная часть своевременно ликвидирована. Из них: на оборонно-промышленных объектах – 24; на объектах военного ведомства – 18; на особо важных объектах – 14; на объектах железнодорожного транспорта – 6; на объектах хозяйственного значения – 259; в научных и культурно-зрелищных учреждениях – 175; в жилом секторе – 646. От пожаров и разрушений пострадало 943 человека. Из них: убито – 213; тяжело ранено – 353; легко ранено – 377»²¹. Значительную роль в своевременном обнаружении очагов поражения сыграли вышковые наблюдательные пункты. На крышах домов, водопроводных башнях строилась небольшая будка, в которой устанавливался телефон, приборы разведки и размещался дежурный наблюдатель. Хорошо изучив расположение улиц, промышленных объектов, он передавал на КП МПВО района сложившуюся обстановку. На основе донесений вышковых наблюдателей, штабы МПВО районов высылали наземную разведку и принимали меры по ликвидации очагов поражения. Работа наблюдателей позволяла штабам МПВО действовать быстро и в соответствии с обстановкой. Команды направлялись по точному адресу и тратили минимум времени на розыск очагов поражения.

Правительство высоко оценило героическую работу бойцов МПВО и населения столицы. 23 июля был объявлен приказ НКО СССР «Об итогах отражения первого налета вражеской авиации на Москву». В нем давалась высокая оценка действий всех участников отражения фашистских самолетов и ликвидации имевшихся пожаров. Всем участникам воздушной обороны Москвы была объявлена благодарность, наиболее отличившиеся были представлены к правительственным наградам²². 30 июля Указом Президиума Верховного Совета СССР еще 159 защитников Москвы были награждены орденами и медалями²³.

¹⁹ Гражданская защита. 2001. № 5. С. 20.

²⁰ Там же.

²¹ Военно-исторический журнал. 1991. № 1. С. 12.

²² Правда. 1941. 23, 24 июля.

²³ Выстояли и победили: Сб. документов и материалов. М., 1966. С. 96.

По мере приближения фронта к Москве и усиления сопротивления войск Красной Армии фашистское командование увеличивало массированные налеты на столицу. Всего с 22 июля по 15 августа 1941 года на Москву было произведено 18 ночных налетов. В восьми из них участвовало от 120 до 200 бомбардировщиков в каждом, а в остальных – по 50–80. Летчики-истребители и зенитная артиллерия ПВО успешно справились с поставленной задачей: основная масса бомбардировщиков не смогла прорваться к городу. Из 1700 самолетов, участвовавших в налетах, к столице прорвалось лишь около 70. За это время истребительной авиацией и другими средствами ПВО было уничтожено около 200 немецких самолетов²⁴. За этот период фашистской авиацией было сброшено 215 фугасных и около 77 тыс. зажигательных бомб. Но благодаря быстрым и умелым действиям формирований МПВО и групп самозащиты фашистским стервятникам не удалось нанести столице серьезный ущерб.

Как показал опыт первых воздушных налетов, особую опасность в пожарном отношении представляли деревянные строения Москвы. Даже в центре столицы теснилось множество деревянных домов. Еще больше их было за границами Садового кольца: в Сокольниках, Самотечных переулках, на Мещанских улицах, в Ленинской слободе, на Тверских-Ямских улицах, на Хорошевском шоссе, на Потылихе, в Лефортове. Деревянные и бревенчатые кварталы Москвы – это самые огнеопасные соседи оборонных предприятий, научно-исследовательских институтов. 11 августа в целях ограждения военных объектов от возможных пожаров исполком принял постановление о сносе деревянных построек, расположенных около важнейших предприятий²⁵. Большую опасность для жизни населения столицы представляли не взорвавшиеся немецкие бомбы. Обезвреживанием таких боеприпасов занимались части МПВО Москвы, дело это было сложным и крайне опасным. Трудность борьбы с ними заключалась в том, что они имели новые, еще не знакомые нашим пиротехникам взрыватели. Недоставало специальных ключей для обезвреживания бомб. Людям приходилось подчас извлекать взрыватели непригодными для этого инструментами. Стояла задача научить пиротехника обезвреживать бомбы. С этой целью командир 3-го отдельного инженерно-противохимического полка МПВО полковник Н.М. Буров организовал проведение занятий по изучению устройства вражеских бомб и конструкции их взрывателей, поиску безопасных способов их извлечения и уничтожения. Эти задачи решались в основном на практической работе по обезвреживанию бомб. Командир инженерного батальона капитан С.Ф. Педаев первым в полку начал опасную работу. 26 июля 1941 г. он обезвредил фугасную бомбу на станции Угрешская, чем обеспечил регулярное движение поездов. 7 августа Педаев извлек с 7-ми метровой глубины и обезвредил фугасную бомбу весом в 1000 кг, упавшую на одну из улиц столицы. 14 ноября 1941 года на территории московского аэропорта он разоружил еще 6 бомб. За первые месяцы войны капитан Педаев лично обезопасил и подорвал 35 фугасных бомб. На счету воинов его батальона к началу 1942 г. было 306 обезвреженных бомб²⁶. Так же бесстрашно действовали командир роты старший лейтенант А.Г. Ковалев, обезвредивший за первые шесть месяцев войны 30 фугасных бомб, политрук П.И. Сироткин и многие другие. За первый период войны личный состав полка обезвредил 7768 бомб, снарядов и мин²⁷.

Моссовет принимал дополнительные меры по усилению противопожарной безопасности города, так 30 августа 1941 года исполком своим постановлением обязал управляющих домами, руководителей предприятий привести в порядок чердаки домов, а также необходимый противопожарный инвентарь. Отделу местной промышленности было дано задание срочно изготовить 5 тысяч комплектов специальной одежды и 15 тысяч касок для пожарного комсомольско-молодежного пол-

²⁴ Центральный архив Министерства обороны (ЦАМО). Ф. 741. Оп. 199008. Д. 10. Л. 11.

²⁵ Воробьев Е.З. Указ. соч. С. 48.

²⁶ Военно-исторический журнал. 1968. № 4. С. 56.

²⁷ Там же.

ка. Особое внимание исполком уделил вопросу водоснабжения города и обеспечения пожарных команд насосами ручного действия. Он обязал управление водоканализационного хозяйства в течение двух недель построить 100 скважин малого заложения с насосами ручного действия²⁸. 4 сентября 1941 года исполком принял постановление об изъятии у госучреждений, предприятий и граждан дополнительно 277 мотоциклов для укомплектования мотоотрядов штаба местной ПВО, участвовавших в тушениях пожаров.

В ночь на 19 октября состоялось срочное заседание ГКО СССР. С целью мобилизации усилий войск и населения города на отпор врагу ГКО СССР принял постановление «О введении в Москве и пригородах осадного положения»²⁹. Москва стала прифронтовым городом. Уход 400 тыс. москвичей на фронт, эвакуация более миллиона жителей на восток, мобилизация десятков тысяч на строительство оборонительных укреплений и, наконец, непосредственная близость фронта – все это до предела осложнило деятельность МПВО. Значительная часть личного состава формирований МПВО вместе с населением столицы строила оборонительные укрепления под Москвой, сооружала доты, блиндажи, противотанковые препятствия в городе, превращая его в неприступную крепость. За месяц, с 21 октября по 20 ноября 1941 года, в самый напряженный период битвы за Москву, вражеская авиация произвела на нашу столицу 54 налета, в которых участвовало 2000 самолетов, сбросивших на Москву 657 фугасных и 19 тыс. зажигательных бомб. В этот критический для Москвы период бойцы подразделений МПВО помимо своей основной деятельности по ликвидации последствий воздушных налетов немецко-фашистской авиации, привлекалась и к работе на оставшихся в городе предприятиях, которые производили оружие и боеприпасы. Аварийно-восстановительные полки МПВО в считанные дни приспособили заводы, производившие железобетонные конструкции и мирную химическую продукцию, для выпуска взрывчатки и снаряжения ей боеприпасов. В результате фронт стал получать с московских предприятий больше оружия и боеприпасов.

21 ноября исполком рассмотрел вопрос о состоянии бомбоубежищ и газоубежищ в городе. На тот момент в столице имелось 6618 бомбоубежищ на 1,2 млн. человек и 1267 газоубежищ на 218 985 человек. Исполком Моссовета обязал районные советы и Мосжилуправление до 1 декабря 1941 года оборудовать каждое убежище не только как место для укрытия, но и для отдыха москвичей в момент налета вражеской авиации. К концу 1941 года в Москве действовало более 9 тыс. пожарных команд, численностью почти 200 тыс. человек, более тысячи групп самозащиты – около 108 тыс. человек³⁰. Это они – добровольцы пожарных команд и групп самозащиты – в дни налетов фашистской авиации погасили 42 тыс. загораний и 2 тыс. пожаров, обезвредили 40 тыс. зажигательных бомб, спасли сотни жителей, оказали помощь 6 тыс. пострадавших³¹. Разгром фашистов под Москвой и изменение обстановки в нашу пользу привели к тому, что с января 1942 года налеты на столицу стали более редкими, а с весны 1942 года немецкое командование уже не делало попыток нанесения ударов по Москве.

Таким образом, можно сделать вывод, что система МПВО столицы со своей задачей по защите населения и объектов от воздушного нападения в основном справилась. Созданные на базе управлений исполкома Моссовета аварийно-восстановительные полки и отдельные батальоны МПВО решали самые сложные, специализированные задачи ликвидации последствий вражеских налетов, восстановления систем первоочередного жизнеобеспечения города. Личный состав групп самозащиты жилых домов успешно и самоотверженно тушил зажигательные бомбы и не давал возможности разрастания возгораний, вплоть до прибытия профессио-

²⁸ Алещенко Н.М. Указ. соч. С. 70.

²⁹ Комаров Н.Я. Указ. соч. С. 94.

³⁰ Алещенко Н.М. Указ. соч. С. 72.

³¹ Битва за Москву: Сб. воспоминаний. М., 1968. С. 464.

нальных пожарных команд. Медико-санитарные формирования МПВО разыскивали пострадавших, извлекали их из под завалов, оказывали первую доврачебную помощь и эвакуировали раненых в отряды первой медицинской помощи. Подготовленные стационарные и простейшие защитные сооружения, станции и линии метро, приспособленные для укрытия населения, позволяли одновременно укрыть более 1600 тыс. человек. Всего с 21 июля 1941 года по апрель 1942 года в налетах на Москву принимало участие 8600 вражеских самолетов. К городу прорвалось 234. Силами ПВО уничтожено 1392 самолета, из них 1076 авиацией³². Сигнал воздушной тревоги в Москве подавался 141 раз. На столицу было сброшено около 100 тыс. зажигательных бомб и 1610 фугасных. Многие сотни бомб упали на ложные объекты, не принеся городу никакого вреда. В результате налетов фашистской авиации на Москву мы понесли потери, но далеко не такие, на которые рассчитывал враг. Человеческих жертв было 1295, раненых – 5406 человек, разрушено предприятий частично – 112 и полностью – 2, жилых домов частично – 257 и полностью – 156. Во время воздушных налетов вражеской авиации в городе возник 1541 пожар, но только 17 объектов сгорело полностью. Ни один военный объект от бомбардировок не пострадал³³. Столь незначительным в масштабе войны потерям и разрушений во многом способствовали умение и оперативность, с какой действовали боевые части и формирования МПВО. Более 700 крупных пожаров успешно ликвидировала противопожарная служба. Команды МПВО предприятий и жилых домов участвовали в ликвидации почти 3 тысяч очагов поражения, обезвредили около 40 тысяч зажигательных бомб, потушили около 2000 мелких пожаров и множество загораний, расчистили более 1000 завалов.

Выступая в июне 1942 года А.С. Щербаков дал высокую оценку работе личного состава МПВО: «Население Москвы вместе с бойцами МПВО героически отстояло свой родной город от вражеских налетов. И вы, товарищи, видите свою столицу целой и невредимой, видите свою родную Москву, по прежнему, преисполненной решимости довести войну до победного конца»³⁴. Доблесть и отвага тех, кто отстоял Москву во время воздушных налетов, достойно оценена Советским правительством. 227 тысяч москвичей, входивших в формирования МПВО, награждены медалями «За оборону Москвы», а 577 наиболее отличившихся бойцов и командиров награждены боевыми медалями и орденами³⁵.

MOSCOW LOCAL ANTI-AIRCRAFT DEFENCE IN THE FIRST PERIOD OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

A.V. GUSEV

*Kostroma State University
of Technology*

The article deals with the role of Moscow Municipal Party Committee, the executive committee of the Moscow Soviet, staffs and formations of the local anti-aircraft city defence in preparing people, objects of city economy and dwellings for air and gas attacks. Self-protection groups of local anti-aircraft defence, object formations and civil population and their role in eliminating the aftermath of the German-fascist air attacks in the first period of the Great Patriotic War are viewed in the article.

Key-words: local anti-aircraft defence, air attack, civil defence, dugout, eliminating the aftermath, self-protection group.

³² Там же. С. 39.

³³ Москва – фронту. 1941-1945. С. 107-108.

³⁴ Каммерер Ю.Ю., Караулов В.С., Лапиров С.Е. Указ. соч. С. 39.

³⁵ Там же. С. 40.

НАЧАЛО ФОРМИРОВАНИЯ КУРСКОЙ ДУГИ*

В.Н. ЗАМУЛИН
В.В. ЗАМУЛИН

*Курский государственный
университет*

*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

e-mail: valery-zamulin@yandex.ru

e-mail: v.zamulin@yandex.ru

Воронежско-Касторненская наступательная операция в нашей историографии рассматривается в неразрывной связи с событиями под Сталинградом. Однако, она имела прямое отношение и к другой грандиозной битве. В статье на основе архивного материала и печатных источников раскрывается значение разгрома немецкой группы армий «Б» в этой операции на формирование Курской дуги. Показаны основные просчёты, допущенные при её проведении, а также опыт, извлеченный советским командованием из боёв под с. Касторным и реализованный в ходе отражения немецкого наступления на Курской дуге 5-16 июля 1943 г.

Ключевые слова: с. Касторное, с. Горшечное, Курская дуга, наступательная операция, Курская битва, окружение.

Новый 1943 г. начался с мощного наступления войск Красной Армии по всему советско-германскому фронту. К середине января эпицентр боёв сместился на воронежско – курское направление. В результате Острогожско – Россошанской наступательной операции войсками центра и правого крыла Воронежского фронта, а также и левого фланга Брянского был образован, так называемый воронежский выступ противника, вершина которого была обращена на восток. Его основание располагалось по рекам Кшень и Оскол, и составляло 130 км, а глубина – 100 км. Оборонялись здесь заметно потрепанные 2-я немецкая и 2-я венгерская армии.

По данным нашей разведки, группировка неприятеля в воронежском выступе насчитывала около 12 дивизий – до 125 000 человек (около 1000 минометов, 1100 орудий и 65 танков). С воздуха её прикрывали 300 самолетов¹. Северный и восточный участки выступа (от ж.д. Ливны – Мармыжи до устья р. Воронеж) удерживали 7 и 13 армейские корпуса (ак) 2 немецкой армии (всего около 8 дивизий), а южный – группа «Зиберт» (две дивизии 3 ак венгров и немецкие части). Оперативных резервов противник не имел.

Конфигурация линии фронта для вражеских армий была крайне невыгодна. После завершения Острогожско – Россошанской операции от Оскино до Сватовое образовалась брешь в 200 км, прикрыть которую командование ГА «Б» оказалось не в состоянии. Коммуникации 2А, шедшие через Касторное, оказались под угрозой. Это позволяло советской стороне не только окружить силы двух армий неприятеля, овладеть важным районом, но и создать предпосылки для развития наступления, сохранив тем самым инициативу в своих руках.

Вечером 18 января 1943 г. Воронежский фронт ещё не завершил полное уничтожение острогожско-россошанской группировки врага. Однако, находившийся в его войсках начальник Генерального штаба РККА генерал армии А.М. Василевский направил в Ставку ВГК соображения о проведении новой наступательной операции – Воронежско – Касторненской и уже 20-го они были одобрены. Предусматривалось встречными ударами с севера и юга трёх армейских группировок двух фронтов окружить и разгромить 2-ю немецкую и 2-ю венгерскую армии под Касторным и очистить железную дорогу Елец – Валуйки. Предполагалось, что к концу операции враг

* Статья подготовлена на основе результатов научно-исследовательских работ по государственным контрактам № 14.740.11.0208 и № 16.740.11.0105.

¹ Морозов В.П. Западнее Воронежа. М., 1956. С. 93.

отойдёт за рубеж Советский, Ефросиновка, Ястребовка, Александровна, Русская Холань, Ольховатка.

Для реализации этого замысла с левого крыла Брянского (командующий генерал-лейтенант М.А.Рейтер) привлекались 13 и 38А, а с правого фланга Воронежского (генерал-полковник Ф.И.Голиков) – 40 и 60А. В общей сложности в операции планировалось использовать около 250000 человек, более 4000 орудий и миномётов, более 700 танков и 527 самолётов².

Главный удары предполагалось нанести под основание выступа по направлениям, сходящимся на Касторное: с севера (из района юго-восточнее Ливны) 13А генерал-майора Н.П. Пухова, а с юга (из района Роговатое – Погорелое) 40 А генерал-майора К.С. Москаленко. Эти армии должны были создать не только внешний, но и внутренний фронт окружения за счёт своих вторых эшелонов, выдвинутых на рубеж р.Тим. Справедливо считая южную часть выступа наиболее уязвимым участком обороны противника, Ф.И. Голиков отвёл ведущую роль в операции 40А. Для прорыва обороны венгров в её полосе была создана высокая плотность артсредств – до 130 стволов на 1 км. Параллельно для рассечения группировки по частям и отвлечения сил с направления главного удара готовились перейти в наступление на Нижнюю Ведуту: 38А генерал-лейтенанта Н.Е.Чибисова и 60А генерал-майора И.Д.Черняховского.

Советское командование считало, что важную роль в операции сыграют растерянность врага и низкий моральный дух его войск после Сталинграда, но этот фактор сработал не в полной мере. Хотя в полосу армий, включённых в ударные группировки фронтов было выдвинуто 72% стрелковых, все танковые соединения и 90% артиллерии, а каждой из дивизий первого эшелона нарезали небольшие участки для прорыва (от 4,5 до 6 км), как отмечал бывший начальник штаба Воронежского фронта генерал-лейтенант М.И. Казаков «с самого начала операции боевые действия приобрели напряжённый характер»³.

Особенно тяжёлыми оказались первые пять суток. По плану все армии должны были перейти в наступление разновремененно: 40А – 24 января, через сутки – 60А, а 13 и 38А – 26 января. В первый эшелон К.С. Москаленко вывел три соединения: в центр боевого порядка – 25 гв. стрелковую дивизию(сд) генерал-майора П.М.Шафаревича, слева от нее 309 сд – генерал-майора М.И.Меньшикова, а справа 183 сд – генерал-майора А.С.Костицына. В полосе первых двух дивизий должен был атаковать 4 тк генерал-майора А.Г.Кравченко. Он получил задачу: после прорыва обороны пехотой, стремительным ударом во взаимодействии с 25 гв.сд взять крупный узел дорог ст. Горшечное. Таким образом, должны были возникнуть условия для стремительного рывка к Касторному и быстрому созданию внутреннего «кольца» окружения.

Но в первый же день операции с утра погода резко испортилась, провести артподготовку и надёжно подавить огневую систему противника не удалось. Бои приняли затяжной характер. Обороняясь, враг на отдельных участках даже переходил в контратаки. Обстановка в полосе 40А начала хотя и с трудом, но постепенно меняться лишь после ввода в бой корпуса Кравченко. Хотя глубокий снег лишил танкистов манёвра, вынуждал двигаться лишь по дорогам и атаковать опорные пункты врага «в лоб», за первые два часа боя танкисты преодолели оборону на глубину 6–8 км и к 15.00 достигли района Лебяжье. А уже в сумерках части 25 гв.сд овладели сёлами Ново- и Старо-Меловое, продвинувшись на глубину до 16 км, что было более чем в два раза ниже запланированного. Остальные же соединения топтались на месте. Особенно упорно дрался неприятель в полосе 183 сд у с. Синие Лепяги. В целом же хотя войска 40А в первый день наступления не смогли выполнить поставленной задачи, удар Воронежского фронта имел важное значение для развития наступления.

² Великая Отечественная война, 1945-1945. Кн. 2. М., 1998. С. 161.

³ Казаков М.И. Над картой былых сражений. М., 1971. С. 156.

Командование ГА»Б» правильно определило намерение советской стороны и свои возможности. Уже во второй половине 24 января оно начало отводить 7 ак из Воронежа за р.Дон. Командарм И.Д.Черняховский отдал приказ немедленно перейти к преследованию врага и на рассвете войска 60А полностью очистили Воронеж от оккупантов.

Утром 25 января выдалось погожим и командование Воронежским фронтом смогло начать ранее запланированную артподготовку. После огневого налёта ударные группировки 40А перешли в решительное наступление. 81 сп майора П.К.Казакевича 25 гв.сд и приданная этой дивизии 96 танковая бригада (тбр) генерал-майора В.Г.Лебедева в первой половине дня, сломив сопротивление немцев, освободили сёла Болото и Нижние Борки и тем самым открыли путь на Горшечное, чем успешно воспользовался 4 тк. Решительным рывком танкисты в сопровождении батальонов Казакевича смяли заслоны и, ворвавшись на станцию, полностью очистили её от неприятеля.

Однако этот успех не смог кардинально повлиять на оперативную обстановку в полосе 40А, хотя её стрелковые дивизии за день и продвинулись на 10-18 км через главную полосу обороны врага. На это повлияли два основных фактора: немцы и их союзники упорно дрались за каждое село и дом, а 4 тк был вынужден остановиться. Соединение исчерпало все запасы горючего, а высланные цистерны застряли в снежных заносах. Для расчистки дорог были мобилизованы не только войска, но и местное население. А с наступлением сумерек для переброски горючего была задействована авиация⁴. Однако, для дальнейшего движения корпуса требовалось удвоить поставляемый объём горючего, но такой возможности не было. Время для наступления было упущено и наступление на Касторное пришлось отложить. Тяжело развивалось и начавшееся в этот день из района Яблочное в направлении Нижняя Ведуга наступление 60А, к вечеру она продвинулась лишь на 2-3 км.

Пытаясь использовать продвижение соседей и отход немцев из Воронежа, утром 25 января генерал-лейтенант М.А.Рейтер отдал приказ 38А на сутки раньше начать наступление передовыми отрядами на встречу 60А у Нижней Ведуги. Однако, ожидаемых результатов это не принесло. Перейдя в атаку только в 16.30, т.е. перед сумерками, части армии Чибисова даже не вклинились в оборону немцев.

Таким образом, к исходу вторых суток, несмотря на то, что фактически в бой были введены три ударные группы обоих фронтов, развитие операции шло с трудом. Заметных результатов удалось добиться лишь войскам Москаленко. Причин было несколько. По данным разведки командование 2А вывело на правый берег Дона части 7ак и бросило их против 40А. В это время основные силы противника, оборонявшие восточный участок выступа, готовились к отходу на рубеж Семилуки, Голосновка (40км западнее Воронежа). Поэтому Ф.И.Голиков должен был более активно использовать успех войск Москаленко и ввести в полосу его армии для развития наступления: во-первых, её второй эшелон, во-вторых, перегруппировать часть сил 60А. Но это не было сделано.

Вместе с тем, негативное влияние на ход наступления оказывало неспособность штабов соединений Воронежского фронта наладить чёткую связь и управление войсками⁵. Стремясь сохранить ударную группировку и набрать необходимый темп наступления руководство фронтов направило всем командирам соединений приказ: улучшить взаимодействие, прекратить лобовые атаки на опорные пункты, блокировать их и продолжать стремительный прорыв в глубь обороны неприятеля. Однако отдать приказ не значило перестроить мышление командиров. Но грозные директивы ситуацию в корне не меняли. Так, вечером 28 января при подходе к Горшечному один из полков 25 гв. сд попал под удар своих самолётов, 20 человек было ранено.

⁴ Центральный Архив Министерства обороны РФ (ЦАМО РФ). Ф. 203. Оп. 353678. Д. 1. Л. 14.

⁵ ЦАМО РФ. Ф. 417. Оп. 6924 сс. Д. 14. Л. 6.

«Ошибка нашей авиации не была случайной,- вспоминал П.М.Шафаревич. – Как выяснилось, ни пехота, ни лётчики не воспользовались сигналами оповещения»⁶.

26 января Ставка ввела в бой все силы, запланированные для проведения операции – в наступление перешла 13А Брянского фронта. Командарм Н.И. Пухов решил прорывать оборону противника 8, 132, 307 и 148 сд в «коридоре» между реками Кшень и Олым (18 км по фронту). На Касторное предстояло двигаться только первым трём соединениям, а четвертая дивизия получила приказ: прикрывая правый фланг ударной группировки, создавать внешний фронт окружения.

В 8.00 началась артподготовка и примерно через сорок минут все четыре соединения первого эшелона двинулись вперед. В первые часы атаки, помимо прорыва обороны, передовым частям армии было крайне важно с ходу овладеть сильно укрепленными сёлами на флангах ударной группировки – Ломигоры и Борки. Контроль над ними являлся важным фактором для успешного развития наступления. Однако, 148 и 8 сд овладеть ими сходу не смогли. Успех наметился лишь в центре, в полосе 307 сд. «Локомотивом» здесь выступила 118 тбр подполковника Л.К. Брегвадзе. Прорвав с ходу оборону немцев между Ломигоры и Борки, танкисты устремились вперед. Комдив немедленно ввёл в прорыв лыжный батальон с задачей: выйти к сильному узлу сопротивления с. Волово, но войска сдерживала угроза на флангах. Командарм решил усилить удар 8 сд генерал-майора И.И.Иванова на Борки и в 13.00 из-за её левого фланга бросил в бой два стрелковых полка и лыжный батальон 15 сд генерал-майора А.Н.Слышкина. Это решение сыграло важную роль, в ночь на 27 января части двух дивизий разгромили гарнизон в Борках. И хотя продвижение ударной группировки 13А вперед за день не превысило 6-8 км, фронт прорыва увеличился до 22 км, что позволяло ввести в бой значительные силы. Столь же напряжённые боевые действия вела и 38А. К вечеру её войска достигли рубежа: Березовка, Олымчик, Голосновка. Таким образом, обе армии, хотя и прорвали оборону 2А на глубину до 7 км, но развить успех им пока не удавалось.

Сложной продолжала оставаться обстановка и на Воронежском фронте. Войска правого крыла 40А продолжали в с.Синие Липяги, 4 тк в ожидании ГСМ по прежнему бездействовал в Горшечном, 25 гв.сд с 96 тбр начавшая с утра расширять «коридор» пробитый 4 тк, лишь к исходу дня овладела с. Нижне – Гнилое, а 60А увязла в позиционных боях у сёл Ивановка, Прокудинское, Парнишное, Кочетовка, Семидесятское. В ходе наступления этой армии помимо объективных проблем, возникли серьёзные субъективные. *«И.Д. Черняховскому не хватало опыта для руководства войсками такого крупного объединения, как армия, и на первых порах он подрастерялся, – отмечал А.М.Василевский⁷.*

В этот момент для развития наступления могли сыграть важную роль лыжные батальоны (учитывая их подвижность), которыми располагал фронт. Но, к сожалению, значительная часть бригад были собраны наспех, многие бойцы и командиры не только не имели необходимых навыков ведения боя на лыжах, но и просто не умела ходить на них. Поэтому командование было вынуждено использовать их как обычных стрелков.

Таким образом, и на третий день операции перелома добиться не удалось. Противник ещё имел возможность отвести значительную часть сил из намечавшегося окружения. Вечером 26 января расстояние между передовыми частями войск Рейтера и Голикова было ещё довольно внушительным – 60 км. Войска Брянского фронта продвинулись лишь на 7 км, ударная группировка Воронежского – примерно на 10 км, а 60А – на 5-8 км, да и то лишь на отдельных направлениях. Однако полностью спасти 2А уже оказалось невозможно – решение об отводе её из воронежского выступа было принято с очевидным запозданием. В этот момент 7 ак был скован в районе Воронежа и переброска его в зимних условиях, под натиском наступающего

⁶ Шафаренко П.М. На разных фронтах. М., 1978. С. 127.

⁷ Василевский А.М. Дело всей жизни. Кн. 1. М., 1988. С. 307.

Воронежского фронта оказалась крайне сложным. Хотя командование ГА»Б», прилагало к этому все усилия.

Ставка ВГК в общем верно оценивала обстановку на стыке двух фронтов, считая положение противника критическим. Вместе с тем, в её действиях начали проявляться и негативные моменты. Уже к исходу 26 января Москва считала разгром группировки в районе Касторное делом решенным. *«Вечером... в очередном телефонном разговоре с Верховным Главнокомандующим... было принято решение о ходе наступления после взятия Касторного, – вспоминал А.М. Василевский⁸.*

Прогнозирование развития оперативной обстановки – это прямая обязанность военачальников. Однако, стремясь полнее использовать инициативу, перешедшую после Сталинграда и на плечах отходящего неприятеля как можно дальше продвинуться вперёд, советская сторона постепенно начала терять чувство реальности. И первым серьёзным сигналом этого стала именно Воронежско – Касторненская операция. В момент, когда главная задача операции ещё не была решена, а наступление развилась с большим трудом, в место усиления направления главного удара для скорейшего создания плотного кольца вокруг довольно многочисленной группировки и условия по недопущения её деблокированию, советское командование занялось планами дальнейшего наступления на запад не имея серьёзных резервов, соединениями уже месяц не выходявшими из боёв. Подобная спешка, недооценка противника и переоценка собственных войск, начавшие проявляться в решениях Ставки и, продолжившие усиливаться сначала не позволят полностью уничтожить «котёл» под Касторным, а затем приведут к разгрому наших войск (в том числе и Воронежского фронта), в марте 1943 г. на Украине.

Главную роль 27 января на обоих фронтах сыграли танковые соединения, которые советское командование массировало на направлении главного удара. Стремясь развить наметившийся успех, М.А. Рейтер вечером 26 января отдал приказ 13А продолжить наступление и ночью, чтобы не допустить закрепления немцев на заранее подготовленном рубеже Воловчик, Волово, Липовчик. А Ф.И. Голиков распорядился бросить все силы на доставку горючего 4 тк. И.И. Пухов перед рассветом ввёл в прорыв подвижную группу под командованием своего заместителя генерал-майора М.И. Глухова. Её основу составляли 129 тбр полковника Н.В.Петрушина и аэросанный отряд. Пройдя через порядки 307 сд, группа устремилась к Волововому. Но на его подступах была остановлена частями 82 пд. На усиление командарм направил 4-й армейский лыжный отряд майора А.П.Завьялова. Разделив группу на две части, М.И. Глухов наносит одновременно два фланговых удара по селу. В разгар боя начала подходить и 307 сд. В результате к 12.00 этот последний крупный опорный пункт на пути к Касторному был взят.

Однако ситуация в полосе 13А по прежнему оставалась сложной. 148 сд продолжала штурмовать Ламигоры, а разрыв между её левым флангом и дивизиями первого эшелона увеличился до 15 км. В это время разведка обнаружила подтягивание немцами свежих сил из района реки Тим. Возникла угроза правому крылу ударной группировки. Исходя из этого, Н.И. Пухов решил приостановить движение на юг второго эшелона армии (280, 211,74 и 81 сд) и развернуть его на запад с задачей: выйти на рубеж Советский – Мармыжи, создав тем самым внешний фронт окружения, а задачу взять Касторное – поставил подвижной группе. На её усиление он передал 118 тбр, а для закрепления успеха планировалось использовать 307 сд. К исходу дня соединения первого эшелона 13А заняли рубеж: Воловчик, Волово, Липовчик, танковые бригады овладели Большое и развили успешное наступление на Куликовку, которая располагалась в 15 км от Касторного. Таким образом, пройдя за двое суток до 25 км и нанеся поражения частям 13 ак, войска Брянского фронта к исходу 27 января находились уже на подходе к Касторному.

⁸ Василевский А.М. Дело всей жизни. Кн. 1. М., 1988. С. 307.

Используя успех 13 А, под напором которой немцы начали отходить в юго-западном направлении, перешла к преследованию неприятеля 38А. Как уже отмечалось, первоначально её войскам предстояло ударом на Нижнюю Ведугу рассеять окрещаемую группировку, но замысел реализовать не удалось. Поэтому Ф.И.Голиков приказал перенацелить её на Касторное для усиления удара. Наступая в новом направлении, армия за 27 января продвинулась вперёд до 15 км.

Успешно действовала и главная ударная группировка Воронежского фронта и тоже благодаря решительным действиям танкистов. После получения горячего из подразделений 4 тк и 40А был сформирован сводный отряд, который возглавил командир 45 тбр подполковник П.К.Жидкова. С рассветом он двинулся из Горшечного на север, к исходу дня ворвался на станцию Касторная Нов. и вышел на южные подступы к Касторному. В тоже время основные силы корпуса к этому времени подходили к селу Бычѣк. Таким образом, соединение Кравченко перекрыло противнику пути отхода на юго-запад. И хотя дивизии 40А на её правом фланге по-прежнему пытались взять Синие Липяги, а на левом – завязали бои за Старый Оскол, к исходу суток обстановка кардинально изменилась, окружение вошло в стадию завершения.

Наряду с упорным сопротивлением противника на развитие операции по прежнему отрицательное влияние оказывали проблемы с управлением войск. Определённая инертность мышления и нерешительность комдивов просматривалась в 60А. Большинство из них не смогли выработать эффективную тактику ведения боёв, и по-прежнему наносили фронтальные удары пехотой по узлам сопротивления. В результате командование 2А незначительными силами (частью группы «Зиберт»), сковав главную группировку армии, продолжало упорно обороняться в полосе соседней 40А и отводить войска из намечавшегося «котла». Начав наступление из района Яблочное 60А за день продвинулись лишь на 4-5 км и вышли на рубеж: Рудкино, Никольское, Красный.

На Брянском фронте успешной боевой работе мешали иные проблемы, но тоже связанные с управлением войсками. Из приказа командующего 13А №05/оп от 28 января 1943 г.: *«К числу недостатков..., отношу: пренебрежение некоторыми начальниками штабов дивизий радиосредствами связи, ...штабы дивизий связь на новых КП заранее не готовят, при переезде теряют связь со штабом, ...командиры дивизий, уезжая вперед, находясь при одном из своих полков, теряют управление остальными полками»*⁹.

28 января войска трёх ударных группировок 13 и 40А продолжали продвигаться к Касторному. В то же время часть их сил уже действовали в западном направлении с целью создания внешнего фронта окружения. Утром подвижная группа Глухова завязала бой за Касторное. С юга и запада на него двинулись 129 тбр и лыжники отряда Завьялова к северо-западным окраинам вышла 118 тбр. Вскоре с юга подошёл сводный отряд 40А. Окружённый враг дрался за каждый дом, наступавшим не хватало сил, прежде всего пехоты, а 307 сд помочь не могла, ведя бой юго-западнее Куликовки с прорывавшимся отрядом 82 пд численностью в 1500 человек. В помощь танкистам командарм направил 8 сд, которая во второй половине дня нанесла удар вдоль железной дороги, вышла на северные окраины Касторного. Однако закрепить успех удалось лишь к исходу суток, когда город полностью был блокирован частями всех трёх армий (13, 38 и 40А). Таким образом, к исходу 28 января «котёл» юго-восточнее Воронежа приобрёл реальные очертания. В окружение попадали семь дивизий (57,68, 75, 88, 323, 340 и 377 пд) одной из лучших в вермахте 2А, а также две дивизии венгров – 6-я и 9-я. Не могли не радовать советское командование и первые результаты. По данным штаба Воронежского фронта с 25 по 29 января было пленено 22000 немецких и венгерских военнослужащих. Но полностью удержать и уничтожить взятого в кольцо врага не удалось. Прорыв подвижного и сводного отрядов фронтов в Касторное и выход дивизий 40А на рубеж: Горшечное, Быково, Ефросиновка не пе-

⁹ ЦАМО РФ. Ф. 417. Оп. 6924 сс. Д. 14. Л. 6.

рекрыли основные пути отхода противника. Между Касторное и Быково оставался разрыв в 25 км, который не контролировался советскими войсками. Такой же промежуток образовался и между Горшечное и Старым Осколом, после выхода 4 тк к Горшечному. Прикрыть его командование 40А своевременно не успело, да и войск на всё не хватало. По данным же нашей разведки основные силы окружённых находились именно в этом районе: юго-восточнее Касторное в «треугольнике» Верх. Турово, станция Нижнедевицк, Вязноватка и могли использовать для прорыва оба «коридора». Вместе с тем, следует отметить низкую активность 38 и 60А по расчленению группировки.

Не в полной мере учтя эти факторы, а также упорство врага, Ставка, до завершения основной фазы Воронежско-Касторненской операции, потребовала от командования фронтов развернуть наступление на Курск и Харьков. Еще 21 января, в разгар уничтожения острогожско-россошанской группировки, генерал армии А.М. Василевский и генерал-полковник Ф.И. Голиков доложили в Москву свои сообщения о плане дальнейших действий Воронежского фронта после завершения Воронежско – Касторненской операции. По их замыслу предполагалось к 30 января развернуть по линии от Старого Оскола до Уразово основные силы фронта и нанести ими три удара по сходящимся направлениям на Харьков. Эта идея была закреплена вечером 26 января решением И.В. Сталина.

Исходя из указаний Ставки в наиболее драматичный момент операции – 28 января, Ф.И. Голиков отдал приказ войскам: уничтожить «котёл» юго-восточнее Касторное и одновременно выдвинуть соединения правого крыла фронта на рубеж рек Тим и Оскол, для перехода наступления 1-2 февраля на харьковском и курском направлениях. 38А предстояло нанести удар на Обоянь, 60А – на Курск, а 40А – на Белгород и далее на Харьков. Таким образом, завершение операции отходило на второй план, а ликвидировать якобы полностью деморализованной тридцати пяти тысячной группировки в течение двух-трёх суток получила одна лишь 38А, которая насчитывала лишь 27500 личного состава¹⁰. Это был явный просчёт и в оценке численности врага, и в состоянии собственных войск. Так, 25 гв.сд из-за высоких потерь была вынуждена в это время вместо трёх стрелковых батальонов в каждом полку сформировать по два¹¹.

А противник сдаваться на милость победителям не собирался. С 29 января по 1 февраля дивизии правого крыла Воронежского фронта продолжали уничтожать окруженного врага и одновременно готовились к проведению новой операции. В это время наиболее ожесточённые бои развернулись с прорывавшимся неприятелем в районе Горшечное. Станцию оборонял усиленный полк 25 гв.сд, но удержать её не смогли. Командование 2А активно искало пути отхода. Не сумев вырваться через р.Тим, оно 31 января нанесло удар в направлении Мантурово-Солнцево – Обоянь. Заняв Горшечное, противник вывел из окружения части шести дивизий, и только в ночь на 5 февраля уже двумя соединениями – 25 гв. и 206 сд станцию удалось отбить.

Таким образом, завершить ликвидацию «котла» 1 февраля, не удалось. Враг дрался упорно, приковав к себе силы всей армии Чибисова и частично Москаленко. Лишь 60А и частично 40А смогли выйти на исходные рубежи и 3 февраля двинулись на запад, участвуя одновременно в двух наступательных операциях (завершая Воронежско-Касторненскую и начиная Харьковскую). Фактически, как отмечает, полковник В.П. Морозов, ликвидация окруженных войск двух армий превратилась не в их истребление, а в выдавливание из «котла»¹².

Негативное влияние на боевую работу войск при уничтожении «котла» с началом наступления на Харьков оказало отсутствие единого центра управления. Хотя и после объединения всех сил в этом районе под командованием генерал – лейтенан-

¹⁰ ЦАМО РФ. Ф. 203. Оп. 2777. Д. 66. Л. 25; Ф. 393. Оп. 9005. Д. 107. Л. 32.

¹¹ Шафаренко П.М. На разных фронтах. М., 1978. С. 128.

¹² Морозов В.П. Западнее Воронежа. М., 1956. С. 108.

та Н.Е. Чибисова, проблемы с управлением полностью не были решены, командарм не проявил должной инициативы и распорядительности. В результате до 30000 человек вырвались из окружения и их добивали уже по дороге к Обояни. Впоследствии этими силами противнику удалось укрепить подвижную оборону и на Украине, и южнее Орла до прибытия свежих войск из Франции и начала контрудара 19 февраля, благодаря которому полностью было остановлено наше зимнее наступление на юге.

И, тем не менее, Воронежско – Касторненская операция вошла в историю Великой Отечественной войны как одна из успешных. Задуманная первоначально как оперативная, она переросла в стратегическую наступательную. В результате по линии Тим – Чернянка – Купянск, протяженностью в 400 км, оборона противника рухнула, и воссоздать её он был уже не в состоянии. Красная Армия, продвинувшись на 240 км, освободила несколько десятков населённых пунктов и разгромила 11 немецких и венгерских дивизий. В общей сложности немцы лишились более 83 000 военнослужащих. Особенно большие потери понесли их союзники. Как отмечено в журнале боевых действий верховного главнокомандования вермахта: «Ход событий в полосе 2-й венгерской армии за несколько дней привёл к полнейшему её развалу»¹³. Таким образом, были созданы условия для освобождения крупных промышленных и административных центров СССР и прорыва к Днепру.

За этот успех нашему народу пришлось заплатить дорогую цену. Так, только по данным штаба Воронежский фронт, с 24 января по 1 февраля 1943 г., его соединения лишились убитыми, пропавшими без вести и ранеными более 33000 человек, треть из этого числа, более 11500, пришлась на 40А¹⁴.

Воронежско – Касторненская вместе с Острогожско – Россошанской стали первыми после победы под Сталинградом операциями, закончившимися окружением больших группировок врага. Мощные удары, нанесенные Красной Армией по ГА«Б», удерживавшей значительную часть юго-западного направления советско-германского фронта, поставили это стратегическое объединение вермахта на грань катастрофы, чем успешно воспользовалось советское командование. В исторической литературе встречается утверждение о том, что Воронежско-Касторненская операция окончилась 2 февраля 1943 г., фактически же боевые действия Воронежского фронта по ликвидации «котла» под Касторным завершились только 17 февраля с выходом его войск в район Обояни. Это подтверждает в своих воспоминаниях и А.М. Василевский: «...Из-за невероятно тяжёлых зимних условий завершение ...операции несколько затянулось. Преследуя и уничтожая остатки вражеской группировки «Зиберт», советские войска за 15 дней наступления продвинулись с боями на 130 км»¹⁵.

Важным итогом операции явилось то, что уже в ходе её завершающего этапа начал формироваться так называемый Курский выступ, ставший в июле 1943 г. эпицентром грандиозной битвы на Огненной дуге. В боях под Касторным советское командование приобрело бесценный опыт, который был использован уже при подготовке Курской битвы. Наиболее значимыми выводами явились: во-первых, обязательное наличие стратегических резервов при проведении и оборонительных, и наступательных операций, во-вторых, неукоснительное соблюдение принципа последовательного выполнения стоящих задач в операциях и, в-третьих, обязательный учёт состояния своих войск и их возможностей при планировании боевых действий. Уже 9 апреля 1943 г. был образован Резервный фронт, объединивший все стратегические резервы Ставки, а 12 апреля на совещании у И.В.Сталина – решился вопрос о переходе в районе Курска к преднамеренной обороне, т.к. Красная армия ещё не добилась качественного превосходства над противником. Эти решения заложили фундамент нашей будущей победы под Курском.

¹³ Великая Отечественная война, 1945-1945. Кн. 2. М., 1998. С. 166.

¹⁴ ЦАМО РФ. Ф. 203. Оп. 8695. Д. 45. Л. 18.

¹⁵ Василевский А.М. Дело всей жизни. Кн. 1. М., 1988. С. 309.

START OF THE KURSK BULGE FORMATION

V.N. ZAMULIN
V.V. ZAMULIN

Kursk State University

Belgorod National Research University

e-mail: valery-zamulin@yandex.ru

e-mail: v.zamulin@yandex.ru

Voronezh-Kastornoe offensive operation is usually considered by our historiography in appliance to events around Stalingrad. However it has relation with another great battle as well. Using archive documents and published materials, we disclose impact of German Army Group B defeat in the course of this operation on the Kursk Bulge formation. Main oversights of its carrying out are shown as well as an experience obtained by the Soviet command in the course of fights at Kastornoe. This experience was realized during German offensive repulsion at the Kursk Bulge in period July 5-16, 1943.

Key words: Kastornoe, Gorshechnoe, Kursk Bulge, offensive operation, battle of Kursk, encirclement.

УДК 908 (470) "1985/1991"

КУЙБЫШЕВСКАЯ ПАРТИЙНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ КПСС ПЕРИОДА ПЕРЕСТРОЙКИ (1985-1991 ГГ.): ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО И СТАТИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

И.В. СЕЛЕВ*Тольяттинский
государственный
университет**e-mail: seeleviv@mail.ru*

Изучены различные аспекты развития Куйбышевской партийной организации КПСС в период политики перестройки 1985-1991 гг. Рассмотрен ее социальный и возрастной состав, динамика численности. Раскрываются причины выхода коммунистов из партии и падения ее авторитета среди населения области. Рассмотрены методы борьбы Коммунистической партии с зарождавшимися неформальными политическими объединениями. Освещены основные противоречия в идеологии двух предвыборных платформ КПСС перед XXVIII съездом партии.

Ключевые слова: КПСС, Куйбышевская партийная организация, перестройка, идеология, неформальные политические объединения.

Изучение КПСС в целом и областных партийных организаций в частности, в период перестройки, представляет большой интерес. Именно в конце 1980-х годов в РСФСР стала зарождаться современная политическая система с ее многопартийностью. Этот процесс происходил на фоне угасания старой политической модели, существовавшей в стране на протяжении более семидесяти лет.

Последний год перед началом политики перестройки Куйбышевская партийная организация закончила, не испытывая каких бы то ни было серьезных проблем ни в идеологической сфере, ни с численностью своего состава. Отдел организационно-партийной работы сообщал, что в 1984 году, Куйбышевская областная партийная организация зафиксировала рост своих рядов. Кандидатами в члены партии было принято 7539 человек. Из них Куйбышевский горком принял 2901 кандидата, Тольяттинский – 1363, Сызранский – 415, Новокуйбышевский – 300 кандидатов, остальные горкомы и райкомы КПСС показали более скромные результаты, но, тем не менее, в каждом наблюдался рост численности. Наименьший показатель продемонстрировал Хворостянский районный комитет – 37 кандидатов. Среди принятых в члены КПСС преобладали рабочие – 61,4%, колхозники составили лишь 8,7% от общего числа кандидатов. 71,1% от всех принятых были членами ВЛКСМ¹. Таким образом, за год до начала перестройки, Куйбышевская партийная организация не испытывала недостатка в новых членах и существенно пополнила свои ряды. Начало политики перестройки, имевшей своей целью ускорение социально-экономического развития страны и достижение на этой основе нового качественного состояния общества², также не отразилось на динамике роста партийной организации. Ее численность продолжила стабильно расти, ежегодно увеличиваясь в среднем на 7500 человек, вплоть до 1988 года, когда наметилось существенное снижение заявок на вступление в партийную организацию (см. табл. 1).

¹ Самарский областной государственный архив социально-политической истории (СОГАСПИ). Ф. 656. Оп. 189. Д. 265. Л. 9-10.

² Горбачев М.С. Избранные речи и статьи. М., 1985. С. 3.

Таблица 1

**Динамика численности Куйбышевской партийной организации
в период с 1985 по 1989 гг³.**

Год	Всего членов и кандидатов в члены партии	Принято в кандидаты партии за год
1985	242348	7553
1986	244855	7585
1987	247464	7350
1988	248010	4898
1989	242864	2776

Сравнивая возрастной состав кандидатов вступающих в Куйбышевскую партийную организацию в 1985 и 1989 годах выясняется, что в семи выделяемых возрастных категориях, а именно: кандидаты до 20 лет, 21-25 лет, 26-30 лет, 31-40 лет, 41-50 лет, 51-60 лет и старше 60 лет, наибольшее снижение произошло в возрастной категории до 20 лет – в шесть раз. В категориях 21-25 и 26-30 лет количество принятых в кандидаты уменьшилось более чем в пять раз и в 2,5 раза соответственно. А вот в возрастной категории 31-40 лет, снижение количества вступающих в КПСС не столь резкое – на 69,5%. А возрастные категории 41-50 лет и 51-60 лет показали рост на 6% и в десять раз (с 1 до 10 принятых в кандидаты) соответственно. Приведенные цифры говорят о падении авторитета КПСС к 1990 году, прежде всего среди молодежи до 30 лет и среди людей среднего возраста до 40 лет, тогда как люди более старшего возраста продолжали активно вступать в партию, что и пятью годами ранее в начале перестройки. Так, если в 1985 году количественно преобладали кандидаты в возрасте 21-25 лет и 26-30 лет – 3169 и 2444 соответственно, то в 1989 году наибольшее число вступающих относилось к возрастным группам 26-30 лет и 31-40 лет – 934 и 974 соответственно. То есть потенциальный кандидат в партию «постарел» на десять лет.

В период с 1985 по 1989 год резко изменился состав кандидатов на вступление в ряды КПСС по социальному положению. За 1985 год по количеству кандидатов преобладали рабочие – 4643 человека, затем служащие – 2259 человек и крестьяне – 651 человек⁴. В 1989 году картина изменилась следующим образом: кандидаты из рабочих – 809 человек, служащих – 1684 человека, крестьян – 283 человека⁵. Таким образом, количество вступающих в ряды КПСС рабочих с 1985 по 1989 год уменьшилось более чем в 5,5 раз. Количество служащих желающих вступить в ряды Куйбышевской партийной организации снизилось лишь на 25,5%, что вывело данную социальную группу на первое место по количеству кандидатов на вступление в партию. И без того небольшое количество кандидатов от крестьян снизилось в 2,3 раза.

Таблица 2

Динамика численности горкомов Куйбышевской партийной организации⁶

Городские комитеты КПСС	Численность на 1 января 1986 г.		Численность на 1 января 1990 г.		Изменение численности к 1990 г. (%)	
	Всего членов	Принято Кандидатов	Всего членов	Принято Кандидатов	Всего членов	Кандидатов
1	2	3	4	5	6	7
Куйбышевский	105057	2910	107883	992	+2,6%	-66%
Тольяттинский	37392	1380	42188	449	+11,3%	-67,5%
Сызранский	14829	415	14707	179	-0,8%	-56,9%

³ Составлено по: СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 189. Д. 249. Л. 1; Оп. 192. Д. 224. Л. 1; Оп. 195. Д. 172. Л. 1; Оп. 197. Д. 159. Л. 1; Оп. 197. Д. 370. Л. 1.

⁴ СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 189. Д. 249. Л. 1.

⁵ СОГАСПИ Ф. 656. Оп. 197. Д. 370. Л. 1.

⁶ Составлено по: СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 189. Д. 249. Л. 5,6,60б.,7; Оп. 197. Д. 370. Л. 4,8,12,19, 28, 32,34,49.

Окончание табл. 2

1	2	3	4	5	6	7
Новокуйбышевский	8511	300	8338	59	-2,0%	-80%
Жигулевский	4699	120	4619	30	-2,0%	-75%
Отраденский	3684	118	3648	37	-1,%	-68,65%
Октябрьский	3013	90	2888	26	-4,15%	-71,1%
Кинельский	2750	100	2710	50	-1,5%	-50%
Всего:	179935	5433	186981	1822	+3,8%	-66,5%

Понять причины столь резкого снижения авторитета партии и уменьшения числа желающих вступить в ее ряды, могут результаты социологического исследования проведенного в декабре 1989 года в г.Куйбышеве. В опросе приняли участие 608 коммунистов, работавших на различных предприятиях и в учреждениях города и 100 работников аппарата пяти райкомов (Красноглинского, Кировского, Октябрьского, Самарского, Советского) КПСС. Опрос рядовых коммунистов показал, что 68,3% опрошенных считали, что авторитет партии в обществе может быть оценен как «скорее низкий» и «низкий». Причиной тому 47,5% видели в совмещении постов партийных и советских руководителей. По мнению 26,6% опрошенных существенное понижение авторитета партии связано с процессом освещением «белых» пятен в истории страны и партии.

По мнению опрошенных, повысить авторитет партии могли, прежде всего, следующие меры: ликвидация некоторых привилегий аппарата – 83,0%; демократизация внутрипартийной жизни – 79,9%; сокращение аппарата – 71,9%; усиление связи партийных органов с массами – 84,4%; обновление партийного аппарата на местах – 68,6%⁷.

Главными причинами выхода из КПСС рядовые коммунисты считали: разочарование в коммунистических идеалах – 39,6%; разочарование в прошлой деятельности КПСС – 46,4%; отсутствие в настоящий момент преимуществ для пребывающих в партии – 22,4%; по объективным возможностям (возраст, здоровье и т.д.) – 21,4%; несогласие с сегодняшней политической линией партии – 14,1%.

Рядовым членам партии было предложено также оценить деятельность партийных руководителей по пятибалльной шкале. В результате, были получены неутешительные результаты: областной комитет получил 2,63 балла (промышленные предприятия – 3,2); городской комитет – 2,09; районный комитет – 2,19. Кроме того, 47,9% простых коммунистов отметили, что практически не увидели изменения стиля и методов партийной работы с начала политики перестройки.

Сравнительный анализ позиций 2-х групп опрошенных (рядовых коммунистов и работников аппарата) показал, что в целом они совпадают. А по ряду позиций аппарат отличался даже большей резкостью и остротой в оценках. Сделанный идеологическим отделом обкома, на основании результатов опроса, вывод был весьма пессимистичным: авторитет КПСС невысок, кредит доверия к ней таял, нарастало критическое отношение к работе партийных организаций, их руководителям и руководящим органам; нарастал кризис стиля работы аппарата⁸.

Исходя из данных социологического опроса, в ходе которого было опрошено 730 коммунистов городов Куйбышева и Новокуйбышевска, к маю 1990 года, право свободного выхода из партии поддерживали 83,4% коммунистов. Если бы к моменту опроса было принято решение о праве свободного выхода из партии, то 6,4% немедленно покинули бы ряды КПСС; 37,9% приняли бы решение в зависимости от обстановки в партии и обществе; 49,1% остались бы в рядах КПСС⁹. Что говорит о глубоком кризисе в рядах партии.

⁷ СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 197. Д. 559. Л. 18.

⁸ СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 197. Д. 559. Л. 19.

⁹ СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 197. Д. 559. Л. 35.

Массовый выход членов партии из рядов Куйбышевской партийной организации, а также снижение числа желающих вступить в КПСС, проходило на фоне начавшейся политической борьбы. На 1988 год приходится зарождение в большинстве регионов страны, в том числе и в Куйбышевской области, так называемого неформального движения¹⁰. Этот процесс мог быть вызван, в частности, сменой приоритетов в пользу неформального содержания человеческой сущности перед юридической, нормативной формой, их сковывающей¹¹. К концу 1990 года в г.Куйбышеве уже насчитывалось порядка 10-12 достаточно крупных «политизированных самодеятельных формирований»: Демократическая партия России (ДПР), Социал-демократическая партия России (СДПР), Оргкомитет Народного фронта (ОКНФ), Социал-демократический клуб (СДК), Оргкомитет Народного фронта содействия перестройке (НФСП – впоследствии распался на две организации), Эколого-политический клуб «Альтернатива», Дискуссионно-политический клуб «Гласность», группа Карлова, группа «Пролетарий», Рабочая партия диктатуры пролетариата (большевиков) (РПДП(б)), Объединенный фронт трудящихся (ОФТ). Кроме них в городе имелся ряд мелких политизированных формирований и отдельных лиц, являвшихся пропагандистами того или иного направления в политической идеологии. Идеологический отдел Куйбышевского обкома КПСС характеризовал политические формирования и партии города как: «представителей безответственной оппозиции, неспособной предложить реальную программу управленческих действий по достижению тех ценностей, которые они пропагандируют. Преимущественно – это объединения дилетантов».

Основным политическим оппонентом КПСС в борьбе за власть считался блок «Демократическая Россия», ядро которой составляла Демократическая партия России. Политическое соперничество с оппозиционными партиями предполагалось строить не на конфронтационной основе, а посредством демонстрации некомпетентности непроработанных инициатив блока. Позитивные предложения, которые могли быть внесены блоком «Демократическая Россия», КПСС планировала использовать. Подобная тактика должна была: а) предотвратить правую радикализацию оппозиционных партий; б) не допустить конфронтации КПСС с «Демократической Россией», что могло повлечь за собой ослабление их обеих и усиление радикально настроенных партий; в) отсутствие сотрудничества КПСС с «Демократической Россией» возложило бы всю ответственность по руководству процессом перехода к рынку на КПСС, так как в общественном сознании он ассоциируется с субъектом власти, что в перспективе могло привести к еще большему ослаблению КПСС¹².

Формы сотрудничества с «политизированными формированиями» предлагались следующие:

– во-первых, представителей новых партий следовало ввести в комитеты по приватизации на правах наблюдателей;

– во-вторых, представителям КПСС следовало проводить консультации с лидерами партий блока «Демократическая Россия» с тем, чтобы выносить на рассмотрение сессий городского совета и областного совета заранее согласованные предложения.

– в-третьих, КПСС следовало дистанцироваться от радикально настроенных партий в средствах массовой информации.

В идеологическом отделе считали, что если КПСС пойдет на конфронтацию с «Демократической Россией», то в ней самой произойдет откат на леворадикальные позиции, что, соответственно, усилит выход из партии.

Прогнозировалось также, что по мере реализации экономической программы по переходу страны к рыночной экономике «500 дней», начавшейся 1 ноября 1990 года, следует ожидать быстрого подъема влияния радикалов РПДП(б) и стачкомов,

¹⁰ Матвеев М.Н. Власть и общество в системе Советов народных депутатов. Самара, 2005. С. 124.

¹¹ Астахов Е.В. Становление многопартийности в СССР: некоторые аспекты. Харьков, 1991. С. 25.

¹² СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 197. Д. 564. Л. 34.

т.к. например, общая сумма повышения цен в 1990 году должна была составить 160 миллиардов рублей¹³. Кроме того, факторы быстрого подъема авторитета рабочих радикалов должны были складываться из инерционного состояния общественного сознания и негативных социальных последствий приватизации. Важным обстоятельством, способствующим росту популярности рабочих радикалов, должно было стать сохраняющееся институализированное положение догматического социализма в средствах массовой информации, в партийных структурах, а также попытки сохранения пропагандистского клише о приоритете рабочего класса для КПСС. Последнее, по мнению заместителя председателя идеологической комиссии обкома КПСС, реально не соответствовало действительности.

В связи с ростом влияния рабочей оппозиции предлагалось проводить политику по следующим направлениям:

– организация средних слоев в профессиональные и политические союзы, под эгидой КПСС и во взаимодействии с советами.

– усиление работы по размежеванию рабочей оппозиции. В этом направлении открыть информационные шлюзы для представителей КПСС, придерживающихся демократических убеждений.

– перехват у рабочих радикалов анализа и выведения в широкие массы моментов социальной несправедливости при проведении приватизации, защита интересов рабочих против радикальных мер со стороны «Демократической России», доминирующей в парламенте России.

– вытеснение радикалов из стачкомов следует вести не непосредственно КПСС, так как это будет давать обратный эффект, а предоставляя возможность для этого пропагандистам ДПР, СДПР, Демплатформы и людям, пользующимся неформальным авторитетом в рабочей среде¹⁴.

Быстрый рост числа неформальных политических объединений и усиление их авторитета вызывали тревогу в обкоме КПСС. Для анализа тенденций политической ситуации в г. Куйбышеве, в ноябре 1990 года было проведено социологическое исследование, в ходе которого опрошен 41 лидер политизированных формирований города. 48% опрошенных считали, что политическая ситуация в городе развивается независимо от воли и усилий какой бы то ни было из политических организаций. 29,6% опрошенных считали, что ситуация контролируется хотя бы отчасти.

Субъект власти в области, по мнению лидеров политизированных формирований, отождествлялся с: обкомом КПСС – 72,7%, с Облсоветом – 36,4%, с руководителями предприятий – 27,3%. Такой разброс мнений мог свидетельствовать о том, что в области не было единого субъекта власти, а существовало несколько локальных центров власти, и их влияние было не равнозначным.

В своих ответах лидеры политических формирований города разошлись во мнениях, касательно оценки степени самостоятельности властных структур. Местные органы власти в своих решениях и действиях, по мнению опрошенных: полностью самостоятельны – 20,7%, относительно самостоятельны – 44,8%, полностью зависят от центральных органов – 34,5%.

Причем, по оценкам респондентов местные органы власти полностью самостоятельны по отношению к правительству и парламенту РСФСР и в их конфликте с союзными органами однозначно занимают позицию последних. Вместе с тем, для всех опрошенных характерно то, что ответственность за все действия, совершаемые местными органами власти, они возлагают на них независимо от того, на каком уровне принимались решения.

По оценкам лидеров политических формирований г.Куйбышева деятельность местных органов власти, то есть обкома КПСС, областного и городского совета и его исполнительных органов, руководителей предприятий, выражает интересы следую-

¹³ Рыжков Н.И. Главный свидетель. М., 2009. С. 142.

¹⁴ СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 197. Д. 564. Л. 35.

щих социальных групп: бюрократии КПСС – 72,4%, хозяйственных руководителей госпредприятий – 38%, работников сферы торговли – 20,7%, кооператоров – 17,2%, дельцов теневой экономики – 17,2%, интеллигенции – 13,8%, офицерского корпуса МВД, КГБ, Армии – 10,3%, рабочих – лишь 6,9%.

Степень вероятности спонтанных выступлений масс в ноябре 1990 года оценивалась лидерами политизированных формирований как весьма невысокая. Такие выступления считали невероятными – 26,7% опрошенных, маловероятными – 36,7%. Очень вероятными их считали лишь 16,7% опрошенных (преимущественно к такому мнению склонялись лидеры левой части политического спектра). В случае же начала таких выступлений, по мнению опрошенных, они были бы направлены против органов КПСС¹⁵.

Несмотря на кризис в партии, коммунисты, оставшиеся в рядах КПСС, в большинстве своем, продолжали верить в партию и соглашались с ее принципами и устройством. Об этом свидетельствуют результаты социологического опроса, проведенного в городах Куйбышеве и Новокуйбышевске в апрель-май 1990 года.

62,5% опрошенных считали, что КПСС способна вывести страну из кризиса. Высказываясь о праве партии на лидерство, 60,2% выступали за борьбу на равных условиях с другими общественно-политическими формированиями. А 36,0% полагали, что партия возглавила перестройку, и только она должна идти в авангарде.

В вопросе о принципах демократического централизма 11,8% считали нужным отказаться от него. 80% высказались за сохранение принципа демократического централизма, его обновление в рамках демократизации на основе власти партийных масс.

На вопрос о партийном аппарате и его роли 73,1% высказались за его сохранение, но полагали необходимым его преобразовать на основе компетентности, оптимальности по численности и строгого подчинения выборным органам. 17,4% признали необходимым отказаться от аппарата как инструмента власти и перейти на самоуправление в партии¹⁶.

Процесс демократизации в стране затронул и КПСС, которая перестав быть монолитной, в преддверии XVIII съезда партии раскололась на платформы. Это противоречило Уставу КПСС, в котором говорилось что: «нерушимый закон жизни КПСС – идейное и организационное единство, монолитность ее рядов»¹⁷, что еще более ослабило пошатнувшиеся позиции партии. Серьезная политическая борьба развернулась между Платформой ЦК КПСС и Демократической платформой. Сторонники Демплатформы инициировали выход коммунистов из КПСС, причем вышедшие из партии члены, не пытаясь найти альтернативу, оставались вне каких бы то ни было политических формирований¹⁸.

Идеологические разногласия между двумя платформами партии были существенны. Члены Платформы ЦК КПСС подтверждали верность «творческому духу материалистического мировоззрения и диалектической методологии Маркса, Энгельса, Ленина», «приверженность социалистическому выбору и идеям Октября», заявляли, что оставаясь на позициях рабочего класса, всех трудящихся, вместе с тем отказываются от упрощенного классового подхода, противопоставляемого общечеловеческим и общечеловеческим ценностям.

Сторонники Демократической платформы, в свою очередь, требовали полного отказа от классового подхода, приоритета общечеловеческих ценностей над классовыми, пересмотра представлений об исторической миссии рабочего класса, о диктатуре пролетариата, о неизбежности и необходимости социалистических революций¹⁹.

¹⁵ СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 197. Д. 564. Л. 29.

¹⁶ СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 197. Д. 559. Л. 34-35.

¹⁷ Устав Коммунистической партии Советского Союза. М., 1987. С. 8.

¹⁸ СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 197. Д. 564. Л. 31.

¹⁹ СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 197. Д. 559. Л. 6.

Численность сторонников Демократической платформы в городе Куйбышеве была не высокой и к ноябрю 1990 года составляла порядка 30 человек²⁰. Куйбышевский обком КПСС считал их клубом партийных инакомыслящих, стремившихся институализироваться в партию. А Демплатформу рассматривал как «достаточно рыхлое образование», состоявшее из политических романтиков²¹.

Куйбышевские коммунисты неоднозначно относились к образованию платформ и фракций внутри КПСС: 26,2% считали, что фракции и платформы недопустимы как подрывающие единство партии; 37,0% высказывались за свободу идейных платформ, но недопустимость фракций со своей организацией и дисциплиной; 22,6% – за признание разнообразия платформ и самостоятельность фракций²².

30,9% куйбышевских коммунистов читали демократическую платформу. Из них 11,4% она нравилась более чем платформа ЦК КПСС. Для 31,9% она была в чем-то хуже, в чем-то лучше. 13,6% отнеслись к ней отрицательно²³.

20 июля 1991 г. был принят указ «О прекращении деятельности организационных структур политических партий и массовых общественных движений в государственных органах, учреждениях и организациях РСФСР». Этим Указом был нанесен сильнейший удар по основе КПСС – первичным партийным организациям. По мнению ЦК КПСС принятый указ нарушал одно из основных положений, провозглашенных во Всеобщей декларации прав человека – право свободно придерживаться любых политических и иных мировоззренческих взглядов и состоять в организациях, действующих в рамках закона, а также противоречил законодательству СССР, игнорируя, в частности, закон «Об общественных организациях и объединениях»²⁴. Обком КПСС воспринял Указ, как «сигнал к атаке на сердцевину партии, на ее первичные организации»²⁵.

Секретариат ЦК КПСС, сформулировав стратегию поведения в сложившейся ситуации, серьезное внимание уделил финансовому вопросу. Предлагалось установить контроль над партийными взносами с тем, чтобы они шли в партийную кассу, поскольку считалось, что после департизации коллективов появится много желающих направить их по другим каналам. Кроме того, следовало принять меры к тому, чтобы находящиеся в распоряжении парткомов материальные ценности партии, не подвергались экспроприации и были возвращены соответствующему горкому, райкому партии. В случае невозможности прямого их возврата рекомендовалось реализовать имущество с перечислением средств горкому, райкому партии. Еще одним опасением было закрытие расчетных счетов крупных партийных организаций с целью воспрепятствования их деятельности. Чтобы предупредить такую возможность, следовало переместить остатки денежных средств и финансовых расчетов в партийный комитет²⁶.

В начале августа 1991 Самарский областной комитет Коммунистической партии также сформулировал рекомендации для сохранения и обеспечения деятельности партийных организаций в условиях департизации коллективов. В частности, в организациях, которые не подпадают под действие Указа Президента РСФСР, рекомендовалось сохранить первичные парторганизации в прежнем виде. Горкомам, райкомам партии, первичным парторганизациям, в кратчайшие сроки обсудить создавшееся положение в связи с изданием Указа, на заседаниях бюро, собраниях коммунистов определить формы и методы дальнейшей деятельности.

В чрезвычайных случаях в тех первичных организациях, где выборные органы (партком, партбюро, секретарь) оказались дезорганизованы действиями политиче-

²⁰ СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 197. Д. 564. Л. 28.

²¹ СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 197. Д. 564. Л. 31.

²² СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 197. Д. 559. Л. 35.

²³ СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 197. Д. 559. Л. 34.

²⁴ СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 197. Д. 619. Л. 105.

²⁵ СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 197. Д. 619. Л. 111.

²⁶ СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 197. Д. 674. Л. 71-72.

ских противников или спасовали перед их натиском, рекомендовалось назначить временных парторгов горкома, райкома партии. До образования выборного органа парторги партийных комитетов должны наделяется полномочиями этих выборных органов (учет коммунистов, прием членских взносов, проведение партийных мероприятий). Одной из важнейших задач парторгов должно было являться создание в данных трудовых коллективах инициативных групп коммунистов для работы по восстановлению деятельности парторганизаций. Наряду с этим высвобождаемые работники первичных парторганизаций могли направляться за счет средств партийного бюджета на обучение с целью получения новой профессии.

Следовало рекомендовать горкомам, райкомам партии в целях закрепления кадров, развития их инициативы, привлечения на работу в партийные органы людей, способных действовать в современной общественно-политической обстановке. Устанавливать в необходимых случаях ставки зарплаты работникам по верхнему пределу вилки должностных окладов, ввести в практику совмещение должностей всеми категориями работников партийных комитетов, устанавливать надбавки к должностным окладам за ученую степень, за высокий профессионализм и особое отличие при выполнении работы²⁷.

Таким образом, к началу осуществления в стране политики перестройки Куйбышевская партийная организация была монолитной и многочисленной структурой. Рост партийных рядов в области продолжился и впервые годы реформ. Но, постепенное разочарование рядовых коммунистов в своих руководителях и партийном аппарате, а также всеобщая демократизация и гласность, обнажившие многочисленные проблемы, обусловили начало всестороннего системного кризиса внутри областной партийной организации. Кризис проявился как в массовом выходе коммунистов из партии и потере ею авторитета среди населения, так и в расколе партии на идеологические платформы. Образование неформальных политических объединений и потеря КПСС монополии на политическую деятельность лишь усилило отток членов из рядов областной партийной организации. А целенаправленные меры политических лидеров РСФСР по ослаблению КПСС привели, в частности, к деморализации и роспуску первичных партийных организаций области. Эти процессы подготовили крушение правящей партии в стране.

THE KUIBYSHEV PARTY ORGANIZATION OF THE CPSU IN THE REORGANIZATION PERIOD (1985-1991): EXPERIENCE OF SOCIOLOGICAL AND STATISTICAL RESEARCH

I.V. SEELEV

Togliatti State University

e-mail: seeleviv@mail.ru

Various aspects of development the Kuibyshev party organization of the CPSU during the period of a policy of reorganization are studied 1985-1991. Its social and age structure, dynamics of change of number is considered. The reasons of an exit of communists from party and falling of its authority among the area population reveal. Methods of struggle of communist party with arising informal political associations are considered. The basic contradictions in ideology of two pre-election platforms of the CPSU before XXVIII congress are shined.

Key words: CPSU, the Kuibyshev party organisation, reorganisation, ideology, informal political associations.

²⁷ СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 197. Д. 619. Л. 113.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТОЛОГИИ

УДК 321.02: 323.22/28

ПОЛИТИКА, ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ПОЛИТИЧЕСКОЕ УЧАСТИЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Т.С. БОЛХОВИТИНА

*Брянский филиал Орловской
региональной академии
государственной службы*

e-mail: info@bforags.brk.ru

Автор рассматривает политику как сферу политической деятельности граждан, социальных общностей и групп; отмечает многообразие видов политической деятельности; обосновывает, что интерес, связанный с властью и властеотношениями, вызывает политическую активность, которая является источником политического участия; доказывает, что политическое участие предполагает совершение акторами осознанных акций; заключает, что политическое участие есть нормативно оформленное действие, контролируемое властью.

Ключевые слова: политика, политический интерес, политическая деятельность, политическое участие.

Как многомерное явление общественной жизни категория «политика» неоднозначно трактуется в науке. В современной политико-философской литературе можно выделить несколько методологических подходов к определению сущности политики.

1. Институциональный подход связан с изучением политики как деятельности институтов государства (Е. Сэйт, Д. Истон), он направлен на изучение управленческих структур, распределение власти между ними, изучение законодательных процессов и т.п.¹

2. Деятельностный подход к политике сосредоточивает внимание на проблеме формирования, удержания и использования власти, поиске ответа на вопросы «кто что получает, когда и как» (Г. Лассуэл). Представители этого направления строят концепцию политического человека, стремящегося к максимизации власти (Р. Даль). В данном случае политика рассматривается как вид социального поведения индивидов и их групп, характеризующийся мотивациями, связанными с участием во властвовании. Дж. Понтон и Л. Гилл обосновывают, что политика представляет собой «способ уяснения и упорядочения общественных дел»².

¹ Sait E.M. Political institutions: A Preface. New York, 1938. P. 49.

² Даль Р. О демократии. М., 2000; Lasswell H. Politics: Who gets What, When, How (With Postscript). Ohio, 1964; Ponton G., Gill P. Introduction to politics. Oxford, 1982. P. 6.

3. Плюралистический подход к политике исходит из определения политики как согласования интересов. Это достигается путем переговорного процесса, поиска компромиссов, сотрудничества власти с различными общественно-политическими силами. Политика становится средством сглаживания противоречий, снижения уровня конфликтности в обществе, механизмом выбора политических целей из множества конкурирующих альтернатив на основе общих ценностей, что обеспечивает принятие властных решений, имеющих поддержку большинства граждан, способствует поддержанию политической стабильности в обществе. Д. Хелд, представитель данного направления, объясняет политику как явление всеобщей взаимосвязи социальных групп, институтов и обществ, обусловленное всеми видами жизнедеятельности людей в их общественной и частной форме. По его мнению, именно поэтому политика находит свое выражение в сотрудничестве, переговорах, «борьбе вокруг использования производства и расширения ресурсов»³.

4. Либеральный подход к политике акцентирует внимание на необходимости ограничения использования власти в политике, поскольку неограниченная власть всегда ведет к произволу, волюнтаризму, разнузданности. Произвол власти проявляет себя в праве власти издавать законы, различного рода предписания, принимать решения в собственных интересах. С учетом это приоритетной задачей изучения политики становится исследование источников и механизмов ограничения власти. Г. Аллано считает немаловажным разработку технологий реализации власти в рамках допустимых ограничений, связанных с контролем за принятием публичных решений⁴.

5. Системный и структурно-функциональный подходы рассматривают политику как саморегулирующуюся систему, существующую в более широкой социальной среде и выполняющую ряд функций по отношению к ней. В связи с этим задачей политической науки, как отмечает Т.А. Алексеева, является выявление и идентификация важнейших политических функций, анализ того, как «изменения в одной части политической системы сказываются на других частях и системе в целом»⁵. Г. Алмонд, Дж. Пауэл, к примеру, указывают на такие функции политики как артикуляция, агрегация интересов, выделение приоритетных интересов, принятие и реализация политических решений, политическое рекрутирование, политическая социализация, политическая коммуникация⁶.

Сопоставляя различные методологические подходы, точки зрения, автор приходит к выводу о том, что политика есть атрибутивное свойство современного общества, его центральная политическая категория. Способ, каким существует политика, есть деятельность, вне которой нет политики, т.к. именно деятельность является причиной, составом и следствием политического процесса. По своему содержанию политическая деятельность представляет собой множество явлений и процессов. Их совокупность составляет политическую жизнь. В ней прямо или опосредованно участвуют огромные массы людей, движимые определенными политическими потребностями, интересами и целями. Тем самым общественная жизнь политизируется, социальные отношения и связи приобретают политическую окраску и направленность.

Важнейшими элементами, определяющими характер, содержание и формы политической жизнедеятельности, выступают: а) субъекты политической деятельности (социальные общности и группы, индивиды, создаваемые ими общественно-политические организации, политические институты); б) объекты политической деятельности; в) политические отношения; г) политические потребности и интересы; д) политическая культура; е) политическое сознание.

³ Даль Р. Полиархия, плюрализм и пространство // Вопросы философии. 1994. № 3. С. 37-38; Held D. *The Models of Democracy*. Cambridge, 1987. P. 183.

⁴ Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р. Сравнительная политология сегодня. Мировой обзор. М., 2002. С. 18-20.

⁵ Алексеева Т.А. Политика // Новая философская энциклопедия. В 4 т. Т. 3. М., 2001. С. 274-275.

⁶ Almond C.A., Powell G.B. *Comparative Politics: A theoretical Approach* N.Y., 1996. P. 185 - 195.

Политическая жизнь осуществляется посредством действий многочисленных субъектов политики. К этим действиям относятся все те виды индивидуальной или коллективной деятельности, которые направлены на достижение политических целей или решение политических задач. Л.С. Санистебан отмечает, что политическое действие означает «сознательное и добровольное вмешательство отдельного человека или группы в отношении власти и подчинения данной системы»⁷, следовательно, политическим действием является сознательная и целенаправленная деятельность, имеющая политическое значение. При этом агенты политического действия вступают между собой в различные отношения – как конфликтные, так и солидарные. Как свидетельствует опыт, в сфере политики преобладают общие действия, хотя любое коллективное действие предстает в виде совокупных целенаправленных действий индивидов.

Политическая деятельность предполагает:

- участие субъектов политики в выработке решений, связанных с реализацией соответствующих политических интересов;
- функционирование общественно-политических организаций, политических партий, их участие в деятельности органов государственной власти;
- участие политических акторов в различных политических акциях, направленных на достижение целей формирования, распределения и использования власти.

Политическая деятельность предстает, таким образом, как пульсирующий процесс взаимодействия многочисленных участников. Она являет собой множество пересечений политических субъектов, в которых воспроизводятся отношения политической власти, реализуется участие различных сил в борьбе за право участвовать в осуществлении государственной власти, выражаются и защищаются интересы различных социально-политических групп, развиваются процессы объединения людей в политические организации. Такое многообразие политической деятельности связано, во-первых, со сложностью институционального поля политики в современном обществе, т.е. наличием разнообразных политических институтов, которые ориентируют людей на совершение различных политических действий; во вторых, со сложностью мотивационной структуры граждан, ввиду несовпадения их политических предпочтений и ценностных ориентаций.

В политической деятельности отражается степень осознания политических потребностей, их влияния на политическую власть, т.е. степень их господства и подчинения. Уровень развитости деятельности акторов политики находит свое выражение в совокупности используемых ими средств, методов, приемов воздействия на политический процесс, образующих способы политической деятельности. Один из способов связан с потребностью формирования общей воли для поддержания порядка согласования противоречивых интересов, другой – с потребностью в артикуляции и агрегации групповых интересов через непосредственное или опосредованное влияние на конкретный процесс политического властвования. Эта потребность дает начало политическому участию. Последнее следует рассматривать как весьма динамичную форму взаимодействия различных социально-политических сил по поводу политической власти и управления.

Политическое участие представляет собой вовлеченность членов общества в определенные политические отношения, движимые различными интересами. Благодаря последним, политическая деятельность получает большую целеустремленность и остроту, кристаллизуются властные отношения; активнее идет процесс формирования партий, более «прозрачными» становятся условия, пути и способы оптимизации политических процессов⁸.

Мерой политического участия выступает политическая активность общества, через нее субъект политики заявляет свое право на удовлетворение потребностей,

⁷ Санистебан Л.С. Основы политической науки. М., 1992. С. 45.

⁸ См. Мухаев Р.Т. Теория политики. М., 2005. С. 310-311.

выражаемое в определенном уровне притязаний на власть, либо на участие в ее осуществлении, либо на поддержку, помощь и защиту ее институтов.

В зависимости от различных объективных и субъективных причин уровень этих притязаний и иницируемой ими деятельности может быть высоким или низким. В первом случае субъект политики характеризуется как активный, во втором – как пассивный, индифферентный. Иначе говоря, политическая активность характеризует деятельность не только со стороны ее самодвижения, но и со стороны интенсивности. Выражая интенсивность проявления политической дееспособности субъектов, она выступает как их мера. В этом контексте политическую активность можно определить как показатель проявления политической деятельности, которая выражает социальную значимость и масштабы проводимых в процессе этой деятельности изменений в социально-политической среде и в самом субъекте. Данный показатель дает возможность оценить насколько субъект выходит за рамки принятой в данной политической системе норм выполнения того или иного вида деятельности, а также понять насколько данная деятельность оказывает влияние на состояние политической структуры общества, механизмы осуществления политического властвования и политического участия, модели политического поведения. Политическая активность служит критерием и мерой интенсивности политического участия и политического поведения.

Еще Платон и Аристотель анализировали участие и неучастие граждан в делах полиса для выявления причин перехода от одной формы государственного устройства к другой, в разработке формы идеального правления. Аристотель, рассуждая о понятии «гражданин», определял его через неперемное участие во власти и управлении⁹. Интерес к проблеме политического участия возрождается в Новое время, но первоначально категория «политическое участие» выступала лишь как субсидиарное средство описания и создания идеальной модели политической стратегии для правителя (Н. Макиавелли)¹⁰, носителей суверенитета и различных образов правления (Ж. Боден)¹¹, форм и принципов правления (Ш. Монтескье)¹², природы общественного договора, форм правительства и народного суверенитета (Ж.Ж. Руссо)¹³. В Новейшее время категория «политическое участие» стала ключевой в работах классиков марксизма, где участие в политике связывалось с понятием «классовая борьба», вовлечением широких масс в политику (К. Маркс, Ф. Энгельс)¹⁴.

В.И. Ленин считал оправданной нормой политической жизни выполнение всеми гражданами функций по управлению делами государства и общества. В частности, он писал о необходимости прямого, «обеспеченного законами участия всех граждан в управлении государством»¹⁵.

Представители либерального учения (Т. Джефферсон) распространили равенство на участие во власти на всех людей без исключения. Государство в условиях демократии рассматривалось ими как нейтральный институт, основные функции и полномочия которого определяются совместными решениями граждан и направлены на защиту индивидуальных прав и свобод¹⁶.

⁹ Аристотель. Политика // Антология мировой политической мысли. В 5 т. Т.1 М., 1997. С. 111.

¹⁰ Макиавелли Н. Государь. М., 1995.

¹¹ Боден Ж. Метод легкого изучения истории // Антология мировой политической мысли. В 5 т. Т. 1. М., 1997. С. 304–305.

¹² Монтескье Ш. О духе законов // Антология мировой правовой мысли. В 5 т. Т. 3. М., 1999. С. 110–115.

¹³ Руссо Ж.Ж. Об общественном договоре или принципы политического права // Антология мировой правовой мысли в 5 т. Т.3. М., 1999. С. 130–132.

¹⁴ Маркс К. Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 гг. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Издание Второе. Т. 7. Гл. 6., М., 1956; Энгельс Ф. Франция и президентские выборы // Там же. Т. 6. С. 132 – 133.

¹⁵ Ленин В.И. Проект и объяснение программы социал-демократической партии. М., 1967. С. 106–107.

¹⁶ Джефферсон Т. Заметки о штате Виргиния // Антология мировой политической мысли. В 5 т. Т. 1. М., 1997. С. 532–539.

Как видно, «участие политическое» интерпретировалось предельно широко. Уточнение понятие «политическое участие» начало активно проводиться с 60-70 гг. XX столетия. Внимание к проблеме объяснялось разногласиями в представлениях исследователей о роли, функциях и необходимости такого участия как с позиций политической системы, так и с точки зрения самих граждан.

История показала, что усложнение государственного устройства, демократизация общественной жизни, увеличение числа партий не ведут к росту активности участия граждан в политической жизни. Свидетельство тому – низкий уровень доверия к политическим институтам, снижение электорального участия.

Проблемы пересмотра и корректировки понятия «участие политическое» обсуждались в работах С. Вербы, Н. Ная, Дж. Пауэлла, А. Лейпхарта и др. Введение в научный оборот категории «политическое участие» было связано со стремлением развести конструктивные и деструктивные, легальные и нелегальные формы политической активности. С. Верба и Н. Най считают, что «политическое участие» относится к деятельности граждан, которые стремятся более или менее открыто влиять на процесс формирования персонального состава государственных должностных лиц или на предпринимаемые нами действия¹⁷. Отечественные ученые Р.Т. Мухаев, А.П. Цыганков также полагают, что политическое участие предполагает совершение акторами осознанных действий, оно исключает незаконные формы политического поведения¹⁸. Это означает, что политическое участие есть контролируемое режимом политическое поведение. При этом способы такого контроля в условиях различных режимов существенно различаются. В условиях демократии говорить об одностороннем использовании режимом института политического участия было бы недостаточно – с не меньшим успехом можно говорить и об обратном воздействии. Демократическое политическое участие выступает одновременно основой институционализации и стабильности режима. Наоборот, в условиях авторитаризма, – как пишет С. Хантингтон, – политическое участие, если оно имеет место, осуществляется на мобилизационной основе, без действительного осознания участниками их социальных и политических интересов¹⁹.

В демократическом обществе участие в политике – свободное, инициативное, действенное в решении вопросов, затрагивающих существенные интересы граждан. Такое участие обеспечивается определенными государственно-правовыми институтами, нормами и процедурами, составляющими основы демократического правового режима. Важнейшими агентами политического участия при этом выступают политические партии, общественно-политические организации, а основной формой – выборы. Если в авторитарном обществе часть граждан полностью или частично отстраняется от участия в политике, то тоталитарное стремится к мобилизационному вовлечению в ритуальные действия поддержки режима. В этом случае политическое участие играет роль орудия индоктринации и контроля со стороны правящей группы. Если в недемократических обществах запрещены все формы протеста, то в демократическом обществе допускаются такие формы протеста как митинги, демонстрации, шествия, пикетирование и т.п.

Участие в политической жизни выступает показателем самоопределения личности, ее востребованности, осуществления ею своих прав, выражением понимания человеком своего социального статуса и возможностей. Граждане включаются в политическую деятельность в зависимости от характера решаемых вопросов, их компетенцией, потребностей и политической ситуации.

Допуская определенную условность, можно выделить три уровня участия граждан в жизнедеятельности. Первый уровень предполагает принятие гражданином

¹⁷ Huntington S. Political Order in Changing Societies. New Haven, 1968.

¹⁸ См.: Мухаев Р.Т. Теория политики. М., 2005. С. 310-319; Цыганков А.П. Современные политические режимы: структура, типология, динамика. М., 1995.

¹⁹ Verba S., Nie N. Participation in America: Social Equality and Political Democracy. New York, 1972. P.2.

норм политической системы, правовых предписаний. В этом случае индивид выступает как подданный законопослушный гражданин, не проявляющий недовольства по отношению к политическому режиму и стремящийся к его активной поддержке. Второй уровень предполагает совместные действия граждан в целях достижения групповых интересов, к примеру, по осуществлению местного самоуправления. В таком случае гражданин соотносит свои действия с интересами определённой социальной группы. Третий уровень отражает нацеленность граждан на решение государственных вопросов. Диапазон проявления данного уровня достаточно широк и определяется фактом активного участия в обсуждении законопроектов, участия в референдумах, выборах. Данный уровень политического участия требует политических знаний, правовой и политической культуры личности. Таким образом, политическая участие, будучи производным от политики, представляя особый вид политической деятельности, органично связано с демократическими процессами, неотъемлемой частью которых выступают выборность, свобода слова, равенство прав и свобод человека и гражданина, открытая публичная политика, связанная с реальным влиянием населения на политические элиты и структуры власти.

POLICY, POLITICAL ACTIVITY, POLITICAL PARTICIPATION: THEORETICAL INTERPRETATIONS

T.S. BOLKHOVITINA

*Bryansk Branch of Orel
Regional Academy
of Public Service*

e-mail: info@bforags.brk.ru

Policy is considered by the author as a field of political activities of a citizen, social communities or social groups; he notes the diversity of kinds of political activities; he proves that political activity, which is the source of political participation, is caused by the interest, related to the authority and authoritative relations; he proves, that political participation presupposes the accomplishment of realized by the actors actions; he concludes that political participation is a normative completed action, controlled by the authority.

Key words: policy, political interest, political activity, political participation.

УДК 321.17; 321.61 (470+571)

ФЕНОМЕН РОССИЙСКОГО АВТОРИТАРИЗМА (К ВОПРОСУ О ЕГО ПРОИСХОЖДЕНИИ)

Т.М. ПЕНСКАЯ

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

e-mail: penskaya@bsu.edu.ru

Объектом исследования в данной статье является феномен российского авторитаризма как характерной черты российской государственности, начиная с эпохи позднего Средневековья. Цель работы заключается в изучении особенностей формирования авторитарной традиции в политическом и общественном российском сознании и выяснении причин его устойчивости, а также его роли в формировании Российского государства и общества.

Ключевые слова: авторитаризм, история России, Российское государство, политические традиции.

Приступая к работе над статьей, автор исходил из того, что ни один народ, ни одна культура, ни одна цивилизация изначально не предрасположена к авторитарному режиму правления. Естественно, что внутри каждого общества всегда существуют различные тенденции и потенции, в том числе и авторитарная, однако возможность их реализации на практике, утверждение в качестве ведущей, системообразующей зависит от конкретно-исторических обстоятельств, в которых складывается и развивается данное общество. Вне всякого сомнения, авторитаризм, деспотизм и тирания не являются порождением отдельных личностей и даже целых общественных групп и слоев. Авторитаризм не возникает из ничего, из пустоты подобно *Deus ex machina*, и не может висеть в воздухе, не имея соответствующей опоры. Эта тенденция, существуя внутри общества в скрытом, эмбриональном состоянии, развивается лишь при определенных условиях. В принципе, нет сомнений в том, что прошлое общества определяет его настоящее и будущее. И, поскольку всякое общество, любая культура является результатом длительного процесса формирования характерных именно для данного общества черт и институтов, то, естественно, авторитаризм в России возник не сразу, а в результате сложения определенных объективных и субъективных факторов. Но где, когда и при каких обстоятельствах дремавшая внутри русского общества авторитарная тенденция вышла из состояния «анабиоза» и начала разворачиваться? Что обусловило ее победу над всеми остальными? Была ли она порождением отдельных лиц, как полагают некоторые авторы, или же все-таки авторитаризм победил не потому, что этого хотели московские государи, церковные иерархи, мелкое дворянство или кто-либо еще, а в силу стечения обстоятельств, воздействия сложного комплекса внешних и внутренних факторов? Именно поэтому представляется интересным проследить процесс формирования авторитарной традиции в российском обществе «*ab ovo*», с того момента, когда началось складывание этого общества – т.е. фактически с того момента, когда на территории Восточной Европы начала формироваться Древнерусское государство – предшественник современного Российского государства, предложив свою версию развития событий и генезиса русского авторитаризма.

Прежде всего, отметим, что Древнерусское государство и государство Российское, его преемник, формировалось в сложных и в целом неблагоприятных природных условиях. Достаточно суровый климат, в массе своей малопродуктивные почвы, невыгодное стратегическое положение – все это накладывало свой отпечаток на развитие государственности на Руси и затем в России. И если в раннем Средневековье проблема неадекватности имевшихся в распоряжении киевских князей ресурсов задачам государственного строительства еще не была столь острой хотя бы потому, что средства для внешней экспансии и внутренней реорганизации во многом получались за счет успешной эксплуатации покоренных племен и народов или дани, полученной

от проигравших войну соседней, то позднее решать свои проблемы за счет соседней стало намного сложнее, если вообще возможно. Находившаяся на европейской периферии, вдали от основных центров политической, экономической и культурной жизни Европы, христианского мира в целом, Русь оказалась в ситуации, когда, решая свои проблемы, она могла опираться практически только на свои собственные силы¹. А их в силу отмеченных относительно неблагоприятных условий, было не так уж и много. Особенно это относится к Северо-Восточной Руси, ядру будущего Российского государства.

Чрезвычайно важную роль в развитии авторитарной традиции сыграло ордынское нашествие и попадание Северо-Восточной Руси в орбиту ордынского влияния. На наш взгляд, прав был А.Б. Каменский, который писал, характеризуя процесс становления Российского государства, что на его «...нравах, как и на вновь возникавших политических традициях, не могло не сказываться влияние ордынских образцов. Это были образцы централизованного государства со строго иерархизированным милитаризованным обществом с деспотическим режимом и развитой инфраструктурой подавления и управления населением. Степень влияния этих образцов на Московскую Русь опять же невозможно выразить математически, но само оно было неизбежным уже потому, что новое государство создавалось таким, чтобы его политические структуры могли успешно конкурировать с ордынскими...»². Исторический опыт взаимоотношений Руси и Орды показывал – для того, чтобы победить Орду и ее преемников (прежде всего Крымское и Казанское ханства), освободиться от политической и иных форм зависимости от нее, нужно было, прежде всего, разгадать секрет ее непобедимости и затем воспользоваться им. Секрет же успеха Орды заключался, прежде всего, в милитаризации ее государственного и общественного устройства со всеми вытекающими отсюда последствиями.

При этом, правда, не стоит забывать о том, что, согласно последним исследованиям, власть ордынских ханов, равно как и сама Орда, не были столь уж сильными, как представлялось ранее. Абсолютной была власть хана только как военного предводителя, тогда как в остальных случаях она была достаточно ограниченной. И, видимо, не случайным было то обстоятельство, что и на Руси военная централизация наступила прежде, чем политическая и экономическая.

Серьезную угрозу для независимости формирующегося Российского государства представляло Великое княжество Литовское, которое, воспользовавшись ослаблением Древней Руси в XIII веке, сумело серьезно расширить свои границы за счет включения в свой состав западных, юго-западных и большей части юго-восточных русских земель. На этом князья из рода Гедиминовичей не собирались останавливаться и не оставили планов присоединения к своим владениям и оставшейся независимой части Руси – во всяком случае, северо-западной.

Таким образом, к исходу Средневековья, к моменту, когда на северо-востоке Русской земли складывалось Российское государство, для него сложились достаточно неблагоприятные условия. Задачи, которые стояли перед ним, были весьма обширными, тогда как ресурсы, находившиеся в его распоряжении – ограничены. Российское государство и общество формировалось и развивалось, прежде всего, как аграрное, сельское хозяйство было основной отраслью экономики. Однако сельское хозяйство средневековой России не могло не быть крайне примитивным и малопродуктивным. «...Природа для Западной Европы, для ее народов была мать; для Восточной Европы, для народов, которым суждено было здесь действовать – мачеха...» – совершенно справедливо отмечал С.М. Соловьев³. Вследствие этого рассчитывать на

¹ О кризисе древнерусской государственности см., например: Макаров Н.А. Русь в XIII веке: характер культурных изменений // Русь в XIII веке. Древности темного времени. М., 2003. С. 5-11.

² Каменский А. Б. Российская империя в XVIII в: традиция и модернизация. М., 1999. С. 27.

³ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 13. // Соловьев С.М. Сочинения. Кн. VII. М., 1991. С. 8.

сколько-нибудь серьезный экономический подъем русской деревни за счет ее внутренних резервов было невозможно.

Какие последствия это имело для Российского государства? Вне всякого сомнения, самые негативные. Низкая урожайность имела своим следствием небольшой размер того прибавочного продукта, который государство могло изъять у крестьянина на свои нужды, не доводя его до голодной смерти. Однако это автоматически вело к возникновению проблемы выбора – что важнее, интерес всего государства в целом или же частный интерес определенной общины, интерес государственный или же интерес партикулярный, перспектива или же удовлетворение сиюминутных запросов. Не стоит забывать о том, что на первых порах Российское государство существенно отличалось от того образа восточной деспотии, которую рисовали в своих записках о России XVI – XVII веков иностранцы, поэтому в пору говорить о формировании в западном общественном сознании устойчивой «черной легенды» о России как стране с тиранической властью государя, подлинной восточной деспотии, стране «рабов, стране господ». Это негативный образ, возникший из-за непонимания особенностей формирования и развития российского государства и общества в эпоху Средневековья, и по сей день продолжает отравлять отношения между Западом и Россией⁴.

Самое примечательное в этом то, что эта легенда зарождается тогда, когда монархия в России вовсе не была абсолютной, а самодержавие в его позднем понимании еще только делало первые шаги. На первых порах своего существования Российское государство, Московия, никак не могла считаться деспотическим государством. И что с того, Иван Грозный в своем послании князю Андрею Курбскому утверждал, что московские государи «...жаловати есмя своих холопей вольны, а и казнити вольны же...»⁵ Для реального воплощения в жизнь этой формулы ни у Ивана III, ни у Василия III, ни даже у самого Грозного не было реальных сил. Этому требованию не соответствовал достигнутый к тому времени реальный уровень политического, экономического и социального развития Российского государства и общества, где формирующийся аппарат центральной власти дополнялся на местах сильными элементами местного самоуправления. Государство пока было относительно слабым, а власть, по замечанию Н.Н. Покровского, «базировалась не на единственном понятии «государство», а на двух понятиях – «государство» и «общество», на продуманной системе не только прямых, но и обратных связей между ними...»⁶. Крепнущей власти московского государя противостояли достаточно мощные силы, препятствовавшие его быстрому превращению в тирана и деспота. Это и православная церковь, и боярство, и служилый люд, посадские и даже черносошное крестьянство. Другое дело, что спокойное отношение москвитов к таким деспотическим изречениям своего монарха нельзя считать проявлением их извечных рабских наклонностей. Российское самодержавие было выстрадано многовековым опытом исторического развития русского государства и общества. Подданные московского царя инстинктивно чувствовали, что только могучий, грозный государь, был способен содержать сильную армию, мог обеспечить внутреннюю и внешнюю «тишину», спокойствие, стабильность, необходимое для нормальной жизни общества.

И это государство, которое можно смело назвать «недоцентрализованным», в конце XVI века вступает на путь достижения великодержавного статуса. В силу стечения исторических обстоятельств к тому моменту, когда Москва в целом завершила процесс формирования ядра русской государственности, под натиском турок-османов пала Византийская империя и балканские православные государства. Россия осталась единственным независимым православным государством, и православие с самого начала играло в его жизни чрезвычайно важную роль. В каком-то смысле слова, сказанные английским историком Н. Хеншеллом в отношении Франции позднего

⁴ См., например: Филюшкин А.И. Василий III. М., 2010. С. 236-241.

⁵ Послания Ивана Грозного. СПб., 2005. С. 30.

⁶ Алексеев Ю. Г. Государь всея Руси. Новосибирск, 1991. С. 5.

Средневековья как страны, в которой «король правил не национальным государством, его подданные не обладали развитым национальным самосознанием...»⁷, имели самое непосредственное отношение к России конца XV – начала XVI века. В отсутствие развитого национального чувства именно православие, по словам российского историка А.Б. Каменского, «...было важнейшим условием, идеологической базой создания новой государственности», и именно оно «... обеспечивало единство русских людей и играло роль, аналогичную той, какую в течение многих веков играл иудаизм для евреев диаспоры»⁸.

Это неизбежно вело к тому, что Россия формировалась как государство в известном смысле теократическое, и, поскольку Московия как и всякое молодое государство, стремилось занять свое, вполне определенное место в политической структуре Европы, установить равноправные отношения с соседями, именно в православной религиозно-государственной доктрине искали московские книжники ответ на возникший вопрос «Кто мы? Зачем пришли в этот мир?». Пытаясь разрешить эту проблему, они выработали теорию «...о признании великого князя Владимирского суверенным «царем», не уступающим в могуществе и благочестии византийскому императору», о «православном великом самодержавстве», центральными, стержневыми идеями которой были перемещение центра православного христианства в Москву, превращение Русской земли (под которой понимались владения московского государя) в землю «истинного православия» и возвеличивание как русской православной церкви, так и правителей Российского государства»⁹. Под пером русских книжников Москва стала трактоваться как «новый центр православной ойкумены», а ее государь – как «вселенский», единственный царь, заступивший место последнего византийского императора. «Москва, – писал Б.А. Успенский, – осмысливается как Новый Константинополь и Третий Рим»¹⁰.

Обретенный новый статус ко многому обязывал. Как отмечал А.А. Горский, истинный, «правой» царь может быть только суверенным правителем, он не может подчиняться никакому другому государю¹¹. Окончательное освобождение от ордынского ига стало первым шагом на пути практической реализации новой политической доктрины растущего Российского государства, после чего последовали следующие. Москва должна была неизбежно вступить в борьбу с осколками Золотой Орды, где правили наследники прежних ордынских царей, наследники Чингис-хана. Кроме того, как единственные независимые православные государи, московские правители возложили на себя тяжелое бремя покровительства над всеми православными. Стремление же Москвы оказывать поддержку православию везде, где это будет необходимо, обязательно должно было рано или поздно вызвать конфликт с соседями – Османской империей и Великим княжеством Литовским, объединенным личной унией с Польским королевством. Ведь и там, и там значительная часть подданных придерживалась православного вероисповедания.

Неизбежным было и обострение противоречий с католическим Западом, которые были не только следствием старого спора католицизма и православия, начавшегося еще до того, как «Великая схизма» 1054 года расколола христианский мир. Заявив о себе как о единственных законных претендентах на византийское наследство, русские получили как составную его часть и негативное отношение к Западу, к «франкам».

Это чувство избранности, одинаковое для западного и византийского мироощущения, неизбежно вело к антагонизму, непониманию между представителями двух миров, двух цивилизаций при встрече друг с другом. И этот антагонизм по на-

⁷ Хеншелл Н. Миф абсолютизма. СПб., 2003. С. 14.

⁸ Каменский А. Б. От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII века. Опыт целостного анализа. М., 1999. С. 27-28.

⁹ Клосс Б. М. Избранные труды в 2-х т. Т. 2. М., 2001. С. С. 151-152, 155-156, 161-162.

¹⁰ Успенский Б. А. Царь и патриарх. М., 1998. С. 14.

¹¹ Горский А. А. Русь. От славянского Расселения до Московского царства. М., 2004. С. 305.

следствию перешел к русским. В самом деле, в Москве не могли не связать падение Византийской империи с Флорентийской унией 1439 г., в результате которой Византия согласилась на церковную унию с Римом и признала верховную власть римского папы в религиозных вопросах (и в перспективе – в политических), пойдя на серьезные уступки латинянам. Русская же земля, сохранив в чистоте истинную веру, принятую прадедами от византийцев, не только выжила, но и вскоре после этого вернула себе независимость, освободившись от ордынского ига и превратившись в одно из сильнейших государств Восточной Европы. Такой метаморфоз не мог не вызвать у русских чувства своей избранности, особой роли хранителей и защитников истинного православия, истинной веры в океане неверных, схизматиков и еретиков. Мессианизм и чувство избранности, постепенно набравшие вес в Москве, привели к рождению знаменитой концепции «Москва есть III Рим, два Рима пали, а четвертому не бывать». И подобно тому, как на небе не могло быть больше одного Бога, так и на земле не могло быть больше одной Империи. Но могла ли согласиться с такой постановкой Европа?

В принципе нет особых возражений против высказанного американским исследователем С. Хантингтоном мнения, суть которого заключается в том, что, начиная с 1500 года формирующиеся государства Запада «представляли собой многополюсную международную систему в пределах западной цивилизации. Они взаимодействовали и конкурировали друг с другом, вели войны друг против друга. В то же время западные нации расширялись, завоевывали, колонизировали и оказывали несомненное влияние на все остальные цивилизации...»¹². Это влияние носило не только мирный характер. Напротив, в ту эпоху оно осуществлялось намного чаще посредством вооруженной агрессии, военным путем. Войны же между цивилизациями всегда носили ярко выраженный антагонистический характер. Как правильно подметил еще сто лет назад русский военный историк и теоретик Н.П. Михневич, «...войны однокультурных народов всегда более или менее нерешительны; войны разнокультурных – всегда роковые...»¹³.

Именно такого рода межцивилизационный конфликт и разгорелся в конце XV века на востоке Европы между, с одной стороны, Москвой, претендовавшей на статус единственного наследника Византийской империи, а с другой Польшей и Литвой как окраиной западного мира и осколками Золотой Орды – Казанским и Крымским ханствами. Копившиеся веками противоречия и претензии разрядились в многолетнем конфликте, ставкой в котором было безо всякого преувеличения победа или смерть, устранение геополитического конкурента. Противостояние Речи Посполитой и Российского государства стало главным событием второй половины XVI и XVII веков. Эта длившаяся десятилетиями борьба вынудила обоих противников напрячь все свои силы, и наложила неизгладимый след на оба государства и общества. В менее богатой и развитой культурно и экономически России это выразилось в том числе и в ускорении процессов становления авторитарной традиции.

Таким образом, суровый климат, особенности географического и стратегического положения, сложные политические и экономические условия, в которых складывалось и затем развивалось Российское государство, способствовали утверждению авторитарной традиции как системообразующей. Россия была вынуждена пойти по пути развития самодержавия как формы политической организации, в которой интересы государства стояли превыше всего. Нельзя забывать и о том, что эта тенденция была освящена авторитетом православной церкви, что для консервативного, строящегося на соблюдении традиций, социума, каким было долгое время (вплоть до 50 – 60-х годов XX века) российское общество, имело огромное значение. В самом деле, если на Западе и в поздней Византийской империи церковь играла роль противовеса росту авторитарных тенденций в политике монархии, то в России, судя по

¹² Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003. С. 16.

¹³ Михневич Н. П. Стратегия. Кн. 1. СПб., 1906. С. 36.

всему, все выглядело несколько иначе. В этом отношении особый интерес представляет замечание, которое сделал Г.П. Федотов, анализируя причины победы Иосифа Волоцкого в споре с нестяжателями. По его мнению, победа Иосифа была предопределена «...созвучием его дела национально-государственному идеалу Москвы с ее суровой дисциплиной, напряжением всех социальных сил и закреплении их в тягле и службе. Последнее объяснение легкой победы осифлян – в торжестве национально-государственных задач над внутренне-религиозными...»¹⁴. Русская православная церковь формировалась вместе с Российским государством и имела ярко выраженный национальный характер, что, естественно, ставило ее в определенную зависимость от государства, делало ее позиции в противостоянии растущей силе монархии уязвимыми. В какой-то степени эта уязвимость была связана также и с особенностями самой православной церкви, которая, будучи «надмирной» структурой и не обладая необходимыми инструментами для вмешательства в мирские дела, нуждалась в помощи и содействии государства. Однако эта нужда могла быть повернута и другой стороной, что и случилось в конечном итоге на самом деле. Русская церковь не смогла стать настоящим противовесом формирующемуся абсолютизму и авторитаризму, подчинившись власти и став ее послушным инструментом.

В конечном итоге, благодаря совокупному воздействию всех этих факторов, авторитарная тенденция в России победила. В течение XVI – XVII веков на востоке Европы постепенно складывается «служилое» государство, в котором частные интересы были подчинены государственному. Трудно не согласиться с мнением М.Д. Карпачева, который отмечал, что «скудость ресурсов, связанная с отсталостью экономических отношений, при высоких государственных потребностях побуждала самодержавие проводить жесткую регламентацию общественной жизни. Государственные интересы в России всегда доминировали над общественными, иначе власть просто не смогла бы сконцентрировать в своих руках необходимые средства...»¹⁵.

Подводя общий итог всему вышесказанному, выскажем предположение, что формирование авторитарной традиции в политической жизни российского общества связано было со стремлением Российского государства завоевать доминирующие позиции в Восточной Европе как залога успешного развития. В условиях нехватки соответствующих ресурсов изыскать эти ресурсы можно было только путем последовательной концентрации власти в руках монарха, олицетворявшего собой государство. Именно эта концентрация власти позволила Петру I, совершив консервативную «революцию», завершить процесс формирования империи, великой державы. Одновременно завершился и процесс формирования авторитарной традиции, начавшийся, по нашему мнению, в эпоху кризиса древнерусской государственности. Успех, достигнутый Петром и его предшественниками, «освятил» эту традицию, продемонстрировал ее потенциал и задал те рамки, в которых предстояло развиваться российской государственности и обществу в будущем. В известной степени можно согласиться с мнением, высказанным Е.Г. Плимаком и И.К. Пантиним, которые писали, что «...Петр I не просто «прорубил окно в Европу», он создал, на наш взгляд, сам «архетип», или «генотип» развития России, при которой задачей самодержавного абсолютизма становилось прежде всего и помимо всего создание и поддержание военного могущества страны ради обеспечения своих каких угодно: геополитических, панславистских, империалистических, а позже всемирнокоммунистических притязаний. Менялись «формации», системы и режимы, имена и деяния властителей, но сама нацеленность их политики и дипломатии оставалась прежней...»¹⁶

¹⁴ Федотов Г. П. Трагедия древнерусской святости // Федотов Г. П. Святые Древней Руси. М., 2003. С. 579.

¹⁵ Карпачев М. Д. «Каким был народ, таким было и государство». Материалы круглого стола «Российский старый порядок: опыт исторического синтеза» // Отечественная история. 2000. № 6. С. 92.

¹⁶ Плимак, Е. Г., Пантин, И. К. Драма российских реформ и революций. М., 2000. С. 15.

Очевидно, что и сегодня, когда Россия снова пытается вернуться в клуб «великих держав», откуда она «выпала» в начале 90-х годов минувшего столетия, у авторитарной традиции есть определенные шансы возродиться снова, тем более что прошло не так уж и много времени, и она еще не успела стать забытой, перевернутой страницей в истории Российского государства и общества.

PHENOMENON OF THE RUSSIAN AUTHORITARIANISM (TO A QUESTION OF ITS ORIGIN)

PENSKAYA T.M.

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
penskaya@bsu.edu.ru*

The object of research in this article is the phenomenon of the Russian authoritarianism as characteristic line of the Russian statehood since an epoch of the late Middle Ages. The work purpose consists in studying of features of formation of authoritative tradition in political and public consciousness of the Russian society and finding-out of the reasons of its stability, and also its role in formation of the Russian state and a society.

Key words: history of Russia, the Russian state, political traditions, authoritarianism

УДК 321:342.4

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОВЕТ КАК МОДЕЛЬ ВНЕКОНСТИТУЦИОННОГО ОРГАНА: ОСОБЕННОСТИ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ НА РАЗНЫХ УРОВНЯХ ПУБЛИЧНОГО УПРАВЛЕНИЯ

С.Г. СЕРГЕЕВ*Поволжская академия
государственной службы
им. П.А. Столыпина**e-mail: vestnik@pags.ru*

Представлены и проанализированы особенности структурирования модели Государственного совета как совещательного внеконституционного органа на всех уровнях публичного управления в Российской Федерации. Показана вариативность конкретных форм рассматриваемой модели политического института.

Ключевые слова: внеконституционные политические институты, публичное управление, совещательный орган.

Функционирующий с сентября 2000 года Государственный совет Российской Федерации является показательным примером внеконституционного политического института, предназначенного выполнять комплекс задач в сфере государственного управления, объективно определяемых федеративным устройством современного Российского государства. За минувшее десятилетие он достаточно органично «вписался» в новую («постельцинскую») конфигурацию политического управления и наглядно продемонстрировал справедливость того, что «политический порядок всегда базируется на некоей властной иерархии, создающей необходимую для его воспроизводства политическую организацию»¹.

В условиях построения пресловутой «вертикали власти» Государственный совет стал формой во многом вынужденного, но все же конвенционального участия региональных лидеров в общенациональной властно-политической жизни после того, как руководством страны было принято знаковое решение об их удалении из «верхней» палаты Федерального Собрания. Поэтому вряд ли стоит говорить о «нестабильности положения Госсовета в его нынешнем виде»². Напротив, Государственный совет используется главой государства в качестве площадки, с которой озвучиваются политически значимые инициативы. На его регулярно проводимых заседаниях действительно обсуждаются вопросы, имеющие общегосударственное звучание, а принятые решения, что было неоднократно продемонстрировано, порой приобретают широкий политический резонанс.

Безусловно, не стоит переоценивать значимость этого внеконституционного образования, учрежденного волей главы государства. В то же время, нельзя обойти вниманием тот факт, что Государственный совет стал заметным элементом институционального дизайна политической системы Российской Федерации, а его параметры и ресурсный потенциал требуют отдельного аналитического осмысления.

Как институционализируемая модель кооперирования властной элиты, Государственный совет транслируется на все уровни публичного управления. Его дубликаты или же принципиальные подобию фиксируются на субрегиональном (федеральных округов), региональном, местном (муниципальном) «этажах» власти. В связи с этим представляется важным в позиционном и сравнительном аспекте исследовать и отметить общие родовые черты и частные детали данного вида внеконституционного политического образования. Значимыми параметрами будут являться:

¹ Панов П.В. Политический порядок и проблема воспроизводства власти: институт преемника // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2010. Том 6. № 3. С. 20

² Кузнецов И.И. Политические механизмы разделения властей в современной России / под ред. д-ра полит. наук, проф. А.А. Вилкова. Саратов, 2010. С. 178.

формальный статус, особенности формирования и состава, характер принимаемых решений и способ их юридического оформления. Это позволит показать политическую природу, определить место, роль и предназначение рассматриваемой институции в системе публичного управления.

В новейшей истории Российского государства структура под названием «Государственный совет» на короткий срок появилась в начале 1990-х годов. Формально работавший под эгидой руководителя государства, Государственный Совет при Президенте России (1991-1992 годы) фактически возглавлялся Государственным секретарем и в политическом отношении подменял собою высший государственный исполнительный орган – Правительство России, являясь очевидно внеконституционным образованием – своеобразным «старшим правительством»³.

Действующий в настоящее время Государственный совет Российской Федерации также ассоциируется с президентско-исполнительной властью. Он действительно может быть охарактеризован как наглядное воплощение «коллегиального совещательного корпуса региональных лидеров, возглавляемого и управляемого Президентом»⁴. Заседания Совета проходят под председательством главы государства, а членами по своей должности являются высшие должностные лица (руководители высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации. Кроме того, по решению Президента РФ в состав Государственного совета могут быть включены лица, ранее замещавшие должности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и имеющие большой опыт публичной (государственной и общественной) деятельности.

Таким образом, персональный состав Совета совершенно однозначно связывает этот институт с государственной исполнительной властью. Сформулированный вывод уверенно подтверждается часто повторяемой практикой приглашения на заседания Государственного совета членов Правительства Российской Федерации, в результате чего фактически получается расширенное совещание высших должностных лиц федеральной и региональной исполнительной власти, проводимое под председательством главы государства.

В то же время, возможность такого формата работы не указана в Положении о Государственном совете. С другой стороны, федеральный конституционный закон о Правительстве РФ, так же, как и Глава 6 Конституции России не предусматривают каких либо форм участия этого высшего органа федеральной исполнительной власти в работе рассматриваемого нами внеконституционного образования. Таким образом, в данном случае институциональная внеконституционность Государственного совета усиливается/дополняется внеконституционностью процедурной.

Думается, что невключение членов федерального Правительства в состав Государственного совета, как и отсутствие в законах и подзаконных актах процедурных норм, регламентирующих их участие в работе совещательного органа, не случайно. Имеющееся де-факто положение вещей создает главе государства дополнительные возможности для политического маневра и выстраивания своеобразной системы политических «сдержек и противовесов» внутри единой системы государственной исполнительной власти.

Важнейшим фактором здесь является право Президента России председательствовать на заседаниях Правительства РФ и заседаниях Государственного совета Российской Федерации. Используя его, глава государства в случае необходимости может политически противопоставить федеральному Правительству Государственный совет

³ Федорин В. Выбор пути: Появлению правительства реформаторов в ноябре 1991 года предшествовало десять лет подготовки, два месяца политических маневров и неделя колебаний // Форбс. 2010. № 03 (72). С. 113.

⁴ Чернов Г.Ю. Политико-ориентированный подход к социально-массовым явлениям: философский анализ // Социум и власть. 2010. № 3(27). С. 38.

как коллегиальный орган формального представительства региональной исполнительной власти, добиваясь тем самым желаемого для себя решения. Организуя на базе внеконституционного органа «расширенное» заседание с приглашением членов Правительства РФ, глава государства не только расставляет политические приоритеты, но и отчетливо демонстрирует свои тактические (реже – стратегические) предпочтения в пользу регионов.

Справедливости ради следует сказать, что в политической практике российского государственного управления встречается и «обратный» формат – когда под председательством Президента РФ проводятся расширенные заседания федерального Правительства, на которые приглашаются высшие должностные лица субъектов Российской Федерации – члены Государственного совета. В таком случае глава государства «прозрачно намекает» российским регионам на то, что необходимо чутко прислушаться к пожеланиям Федерального центра.

Параллельное или же в определенных формах совместное функционирование конституционного (Правительство РФ) и внеконституционного (Государственный совет РФ) органов свидетельствует не просто об одновременном и конкурентном существовании «федерального» и «регионального» правительств в современной России. Такая схема политической организации исполнительной власти в стране позволяет главе государства, как единственному реальному, обладающему значимыми ресурсами связующему звену между общенациональным и региональным уровнями публичной власти, успешно осуществлять «ручное» управление. Это тем более интересно, что Президент России имеет решающее слово в определении не только персонального состава обоих органов, но и их политической судьбы. Институционально противопоставленные друг другу, Правительство и Государственный совет Российской Федерации создают дополнительные возможности осуществления политического маневра для главы государства.

В федеративном государстве интересы Центра и регионов «увязываются» либо путем их гармонизации, либо посредством политического лавирования. Поскольку говорить о гармонизации применительно к российским реалиям было бы чрезвычайно смело, то следует констатировать, что институциональная и процедурная формы существования Государственного совета РФ способствуют повышению управляемости современного Российского государства. При этом нельзя забывать, что по мере выкристаллизовывания взаимно (для Центра и субъектов Федерации) приемлемой и стабильной национальной модели федерализма место, роль и статус Государственного совета РФ будут существенно преобразовываться.

На сегодняшний день рассматриваемый нами внеконституционный политический институт формально не выполняет никаких властных функций и имеет статус совещательного коллегиального органа, содействующего «реализации полномочий главы государства по вопросам обеспечения согласованного функционирования и взаимодействия органов государственной власти»⁵. Его решения принимаются путем обсуждения и голосования. Они оформляются протоколом и не имеют какой-либо обязательной юридической силы, хотя немаловажным является допущение, что «при необходимости решения Государственного совета оформляются указами, распоряжениями или поручениями Президента Российской Федерации»⁶. Таким образом, в случае трансформации юридического статуса этого внеконституционного органа наиболее вероятно его законодательное (например, федеральным законом – подобно Общественной палате РФ) оформление, наделение формальными властными (скорее

⁵ п.1 Положения о Государственном совете Российской Федерации, утвержденного Указом Президента РФ «О Государственном совете Российской Федерации» от 01 сентября 2000 года № 1602 (действует в ред. от 12 марта 2010 года) // СЗРФ. 2000. № 36. Ст. 3633; 2010. № 11. Ст. 1195.

⁶ п.18 Положения о Государственном совете Российской Федерации, утвержденного Указом Президента РФ «О Государственном совете Российской Федерации» от 01 сентября 2000 года № 1602 (действует в ред. от 12 марта 2010 года) // СЗРФ. 2000. № 36. Ст. 3633; 2010. № 11. Ст. 1195.

всего – весьма ограниченными) полномочиями с приданием права издавать самостоятельные акты (возможно – постановления, подобно Правительству РФ).

Появление на общенациональном уровне самостоятельного органа, представляющего интегрированные интересы региональной исполнительной власти, существенным образом изменит институциональный ландшафт федеративного государства. Это будет способствовать не только развитию российского федерализма, но и укреплению отечественной государственности в целом, создавая дополнительные стабилизирующие факторы, имеющие институциональную природу.

Начиная с 2000 года, в институциональной подсистеме политической системы Российской Федерации происходит процесс трансляции однородных внеконституционных политических институтов с верхних на нижние этажи публичного управления. Так, с течением времени аналоги Государственного совета РФ появились в федеральных округах, были учреждены на региональном (субъектов Федерации) и местном (муниципального района) уровне власти. Производимое институциональное копирование органично укладывается в логику построения «вертикали власти» в ее широком понимании – как устройства и функционирования системы публичного управления в Российской Федерации. При этом точность копирования изначального образца тем более высокая, чем выше уровень публичного управления.

Так, в соответствии с указом Президента РФ «О советах при полномочных представителях Президента Российской Федерации в федеральных округах»⁷ в каждом федеральном округе (за исключением Южного) создавался совещательный орган, «содействующий реализации полномочий главы государства по обеспечению согласованного функционирования и взаимодействия федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов Российской Федерации». Даже формулировки, используемые в данном указе Президента РФ, практически дословно повторяют положения из указа о федеральном Государственном совете.

Так же, как и Государственный совет РФ, совет при полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе формируется путем назначения «по должности».

В силу занимаемых ими формальных статусных позиций его членами являются высшие должностные лица (руководители высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации, входящих в состав федерального округа. Здесь очевидно прослеживается полная аналогия с членством в федеральном Государственном совете. При этом де-факто получается, а де-юре закрепляется, что одни и те же должностные лица «автоматически» входят в составы внеконституционных совещательных органов, учрежденных на высших – общенациональном и субрегиональном – этажах государственного управления. С одной стороны, это дублирует и усложняет осуществление управленческих воздействий, осуществляемых через федеральный и субрегиональный совещательный орган. С другой – позволяет более тщательно отрабатывать вопросы общенационального значения путем предварительного их обсуждения в окружных советах.

Несмотря на значительное сходство, политическое должностное представительство, воплощенное в членстве на уровне федерального округа, не дублирует общенациональный образец, а является более разнообразным. Помимо высших должностных лиц субъектов Федерации в состав совета при полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе включаются представитель Министерства регионального развития Российской Федерации и заместитель Генерального прокурора Российской Федерации по соответствующему федеральному округу. По нашему мнению, круг наделенных членством в окружном совете «федералов» было бы логично дополнить представителями Министерства юстиции, Мини-

⁷ Указ Президента РФ «О советах при полномочных представителях Президента Российской Федерации в федеральных округах» от 24 марта 2005 года № 337 (действует в ред. от 22 марта 2010 года) // СЗРФ. 2005. № 13. Ст. 1139; 2010. № 13. Ст. 1451.

стерства внутренних дел, Министерства по делам гражданской обороны и чрезвычайных ситуаций, а также Федеральной службы безопасности.

Интеграция федеральных чиновников в субрегиональный уровень государственного управления позволяет более продуктивно осуществлять центр-макропериферийные прямые и обратные связи. Это объективно способствует повышению эффективности взаимодействия разноуровневых властных государственных структур, имеющих свои интересы в пределах федерального округа.

В целом, институциональная связка «Государственный Совет РФ – окружные советы при полномочном представителе Президента РФ – федеральные органы исполнительной власти (в лице их представителей)» создает условия для успешной предварительной проработки политического решения в совещательно-консультативном режиме. Это особенно важно ввиду того, что соответствует общемировому демократическому тренду в политике, получившему название «soft power» («мягкая сила»).

Обзор вопросов, выносимых на обсуждение советов при полномочных представителях Президента РФ в федеральных округах, говорит о том, что эти совещательные органы в центре своего внимания на сегодняшний день держат не политические, а социально-экономические вопросы.

Широко распространена практика проведения совместных заседаний указанных советов с иными структурами – например, с межрегиональными экономическими ассоциациями⁸ или другими консультативными советами, работающими при полномочных представителях главы государства⁹. В работе анализируемых совещательных органов принимают участие политически значимые фигуры – например, первый вице-премьер Правительства РФ¹⁰, секретарь Совета Безопасности России¹¹.

Как и в случае с Государственным советом РФ, решения совета при полномочном представителе Президента РФ в федеральном округе принимаются на его заседании путем обсуждения и оформляются протоколом. Однако, в отличие от модельного образца, здесь уже не предусмотрена возможность того, что при необходимости они могут быть оформлены какими-либо нормативно-правовыми актами или стать основой для законодательной инициативы какого-то субъекта, обладающего таким правом. На наш взгляд, это служит дополнительным подтверждением ранее сформулированного нами и оценочно-правового по своему значению тезиса о внеконституционности федерального округа как институционализированного территориального образования¹². В то же время, протокол заседания совета при полномочном представителе Президента РФ в федеральном округе, может быть направлен, например, в Правительство РФ¹³. Тем самым создаются дополнительные возможности реализации единой внутренней политики по линии исполнительной ветви государственной власти.

⁸ 18 февраля 2011 года в Красноярске проведено совместное заседание совета при полномочном представителе Президента РФ в Сибирском федеральном округе и совета межрегиональной ассоциации «Сибирское соглашение».

⁹ 06 февраля 2019 года в Уфе состоялось совместное заседание совета при полномочном представителе Президента РФ в Приволжском федеральном округе и Общественного совета по развитию институтов гражданского общества в Приволжском федеральном округе.

¹⁰ 08 февраля 2011 года на выездном заседании совета при полномочном представителе Президента РФ в Южном федеральном округе выступил первый заместитель Председателя Правительства РФ В. Зубков.

¹¹ 07 октября 2009 года в форме заседания совета при полномочном представителе Президента РФ в Сибирском федеральном округе было проведено выездное совещание Секретаря Совета Безопасности РФ.

¹² Сергеев С.Г. Федеральный округ как частный случай внеконституционного института: правовые, управленческие и политические особенности // Политические, экономические и социокультурные аспекты регионального управления на Европейском Севере: материалы IX Всероссийской (с международным участием) научно-теоретической конференции (16 апреля 2010 года, г. Сыктывкар): в 3-х частях. Сыктывкар, 2010. Ч. II. С. 176-179.

¹³ Сегодня состоялось выездное заседание Совета при полномочном представителе Президента Российской Федерации в южном федеральном округе Владимире Устинове [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ufo.gov.ru/news/1742>

Принципиальная схема создания совещательного органа, включающего в свой состав руководителей структур более низкого уровня публичного управления, нашла свое воплощение и в субъектах Федерации.

Возглавляют такие региональные внеконституционные (внеуставные) политического образования высшие должностные лица субъектов РФ, что является прямым заимствованием модельных принципов руководства внеконституционным институтом, воплощенными на общенациональном и окружном уровнях. Вместе с тем, следует отметить вариативность самих институциональных форм воплощения модели Государственного совета в различных российских регионах. Это обстоятельство непосредственно отражается в особенностях персонального состава совещательного органа, действующего в том или ином субъекте РФ.

Так, например, в 2006 году в Ленинградской области был создан Совет глав муниципальных образований и глав администраций муниципальных образований при Губернаторе Ленинградской области¹⁴. Его состав формируется по представлению комитета по взаимодействию с органами местного самоуправления Ленинградской области и утверждается Губернатором Ленинградской области. Особенностью представительства в совете является «двухуровневость»: уровень муниципальных районов представляют 17 глав муниципальных районов и глав администраций муниципальных районов, уровень городских и сельских поселений представляют 17 глав поселений и глав администраций поселений от каждого муниципального района. Один раз в два года предусматривается ротация персонального состава Совета.

Вышеизложенный способ формирования внеконституционного (внеуставного) института примечателен тем, что позволяет инкорпорировать в совещательный орган руководителей и исполнительных (главы администраций муниципальных образований), и представительных (главы муниципальных образований) органов местного самоуправления. Он учитывает специфику действующего федерального закона¹⁵, который допускает вариативность порядка замещения этих должностей и вырастающую из нее возможность принадлежности должностных лиц к той или иной «ветви» муниципальной власти.

Решения Совета носят рекомендательный характер и оформляются в форме резолюции, содержание которой учитывается в деятельности Губернатора и Правительства Ленинградской области.

Иной формат институционально аналогичного органа наблюдается в Пермском крае. В этом субъекте Федерации при Губернаторе создан и действует Совет глав городских округов и муниципальных районов¹⁶. Как видно из названия, в орган не входят главы муниципальных администраций, то есть представительство муниципальных органов власти в нем изначально более ограниченное, чем в случае с советом Ленинградской области. Аналогичное ограничение представительства имеется в Ханты-Мансийском автономном округе¹⁷.

¹⁴ Положение о Совете глав муниципальных образований и глав администраций муниципальных образований при Губернаторе Ленинградской области, утвержденное Постановлением Губернатора Ленинградской области от 26 апреля 2006 года № 62-пг «Об образовании Совета глав муниципальных образований и глав администраций муниципальных образований при Губернаторе Ленинградской области» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.lenobl.ru/gov/law/governor/post_62

¹⁵ Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 06 октября 2003 года № 131-ФЗ (действует в ред. от 20 марта 2011 года) // СЗРФ. 2003. № 40. Ст. 3822; 2011. № 13. Ст. 1685.

¹⁶ Совет глав городских округов и муниципальных районов при Губернаторе Пермского края. Создан в соответствии с Постановлением губернатора Пермской области от 08 мая 1997 года № 172. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://admin.permkrai.ru/municipal/council/>

¹⁷ Постановление Губернатора Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 04 марта 2002 года № 32 «О Совете глав муниципальных образований Ханты-Мансийского автономного округа – Югры» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.admhmao.ru/news/new_zak/2002/03_01

Актуальной тенденцией в Российской Федерации сегодня является отказ от прямых выборов глав муниципальных образований, которые в таком случае возглавляли бы исполнительный орган муниципалитета. Если в Пермском крае все главы муниципальных образований будут избираться из числа депутатов представительного органа местного самоуправления, то, следовательно, региональный совет, руководимый высшим должностным лицом субъекта РФ, ассоциированным с исполнительной ветвью государственной власти, в качестве «рядовых» членов будет включать лиц, принадлежащих не к исполнительной, а к представительной муниципальной власти. Хотя принцип разделения властей на муниципальном уровне может не соблюдаться, тем не менее, такая ситуация представляется абсурдной: государственная исполнительная власть в совещательных формах организует муниципальную представительную власть. Кроме того, следует помнить, что изначально модель Государственного совета виделась как дополнительный элемент несущей конструкции именно исполнительной «вертикали власти». Таким образом, уже на уровне субъектов Федерации внеконституционный институт может иметь внутреннее устройство, дисгармонирующее с изначальной идеей, в соответствии с которой он и создавался.

Решения Совета глав городских округов и муниципальных районов при Губернаторе Пермского края имеют рекомендательный характер и оформляются протоколами.

Перенос института Государственного совета с федерального на иные этажи публичной власти не ограничивается уровнями государственной власти (федеральных округов и субъектов Федерации). «Двухуровневость» организации муниципальной власти в Российской Федерации, о которой уже говорилось выше, создает условия для формирования муниципальных внеуставных органов, воспроизводящих модель Государственного совета на местном уровне. Поскольку муниципальное образование, имеющее статус муниципального района, включает в себя муниципальные образования, имеющие статус городского или сельского поселения, то это обстоятельство позволяет создавать на районном (более высоком) уровне внеуставные совещательные органы, включающие в свой состав муниципальных руководителей более низкого звена.

Так, в Киришском муниципальном районе Ленинградской области действует Совет глав администраций муниципальных образований городских и сельских поселений Киришского муниципального района¹⁸. Он выполняет совещательные и координирующие функции, связанные с выработкой решений, касающихся комплексного социально-экономического развития муниципального района.

Таким образом, модель Государственного совета как внеконституционного политического института в современной России реализуется на всех уровнях и даже подуровнях публичного управления. Хотя ее конкретным воплощениям ни в одном из случаев не приданы властные полномочия, она позволяет довольно эффективно координировать деятельность представителей «близлежащих» этажей власти (федеральный-региональный, субрегиональный-региональный, региональный-муниципальный, районный-поселенческий).

На каждом из уровней публичного управления модель имеет отличительные особенности своего конкретного воплощения. Однако везде она выстраивается по принципиально схожей схеме как в институциональном, так и в функциональном измерении. Имеющиеся различия носят частный характер и не влияют сколь либо заметно на принципы организации и функционирования внеконституционного политического института. Как показывает анализ, применение модели Государственного совета способствует сглаживанию разделения властей не только по «вертикали»,

¹⁸ Совет глав администраций муниципальных образований городских и сельских поселений Киришского муниципального района. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.admkir.ru/catalog.php?catID=2.9&PHPSESSID=d68134ad5d37d595a0e63227b7125ee8>

но и по «горизонтали». Это вполне соответствует утвердившейся на сегодняшний день логике консолидации российской Власти как внутренне цельного феномена.

THE COUNCIL OF STATE AS A MODEL OF EXTRA-COSTITUTIONAL BODY: FEATURES OF INSTITUTIONALIZATION AT DIFFERENT LEVELS OF PUBLIC ADMINISTRATION

S.G. SERGEEV

*Volga Region Academy
for Civil Service
n.a. P.A. Stolypin*

E-mail: vestnik@pags.ru

Features of structuring a model of the State Council as an advisory extra-constitutional body at all levels of public administration in the Russian Federation are presented and analyzed. The variability of certain forms of the political institution model is revealed.

Key words: extra-constitutional political institutions, public management, an advisory body.

УДК 323:332.1 (571.6+571.54/55)

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА РАЗВИТИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА И ЗАБАЙКАЛЬЯ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД: ЦЕЛИ И РЕЗУЛЬТАТЫ

С.А. СИДОРОВ*Хабаровский пограничный
институт ФСБ России**e-mail: sidorov1061@yandex.ru*

В статье представлен анализ выполнения государственных программ развития Дальнего Востока и Забайкалья. Автор приходит к выводу, что недостаточное финансирование программы развития региона приводит к негативным тенденциям: сокращению промышленного потенциала, населения, сохранению сырьевой направленности экономики. Выход из ситуации – в сбалансированности азиатского и европейского векторов политики России.

Ключевые слова: политика, программа развития, кризис, Дальний Восток, Забайкалье.

Вся история освоения и развития Дальневосточного региона неразрывно связана с активной государственной политикой. Дальний Восток исторически развивался при пристальном внимании государства.

Отказ государства в начале 90-х годов от своих обязательств и вообще от проведения какой-либо акцентированной экономической политики на Дальнем Востоке привел к катастрофическим последствиям как для региона, так и для России.

Если в начале 90-х гг. вывоз продукции в другие регионы страны составлял 75% регионального выпуска, а доля экспорта – только 6%, то к середине 90-х годов в результате кризиса, неостребованности дальневосточной продукции и сжатия национального рынка, доля вывоза на национальный рынок сократилась до 10%, а доля внутрирегионального потребления составила 75%. Кроме того, доля экспорта увеличилась до 15%.

Кризис и последующая стагнация развития здесь были более длительными и глубокими, чем в среднем по России. К 2002 году промышленный потенциал Дальнего Востока уменьшился по сравнению с 1991 годом на 46,2% (против 35,1% – по России), объем валовых инвестиций сократился на 69% (против 66,8% – по России). Эти и другие особенности постсоветской России вызвали необходимость формирования новых представлений о содержании региональной политики¹.

В «Основных положениях региональной политики Российской Федерации», утвержденной в 1996 году указом Президента РФ, под региональной политикой понимается система целей и задач органов государственной власти по управлению политическим, экономическим и социальным развитием регионов страны, а также механизм их реализации.

Вместе с тем, региональная политика не может быть единой, стандартной для всех российских регионов, что определяется их неоднородностью в природно-климатическом, ресурсном, политическом, экономическом, социальном, этническом, религиозном и других аспектах².

Кроме того, важнейшим элементом государственной политики в отношении развития Дальнего Востока и Забайкалья с 30-х годов прошлого столетия были и остаются целевые программы.

По мере усложнения задач, которые ставились и решались в регионе, по мере умножения государственных приоритетов степень реализации заданий этих программ постоянно снижались.

¹ Текущий архив Правительства Хабаровского края. Ф 881. Оп п/х, Д. 8.1. С. 68-71.

² См.: Арсентьева И.И. Российские регионы в системе национальной безопасности. М., 2008; Ишаев В.И. Россия в глобальном мире. Хабаровск, 2007.

Таблица 1

Выполнение инвестиционных заданий программ развития Дальнего Востока и Забайкалья за период с 30-х годов XX в. по настоящее время

Документы, решение	Выполнение заданий, %
Постановление ВЦИК и ЦК ВКП(б) 1930 года	130
Постановление ЦК КПСС и Совмина ССР 1967 года	80
Постановление ЦК КПСС и Совмина ССР 1972 года	65
Государственная целевая программа на 1986-2000 гг.(1987)	30
Президентская программа на 1996-2005 гг. (1996)	30
Федеральная целевая программа «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья на 1996-2005 и до 2010 (19 марта 2002)»	10
Федеральная целевая программа «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья на 1996-2005 и до 2010 (2004)»	25,7
Федеральная целевая программа «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья на 1996-2005 и до 2010 (2006)»	87,5
Федеральная целевая программа «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья на период до 2013 (от 21.11.2007)»	98,0
Федеральная целевая программа «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья на период до 2013 (16 июня 2008)»	76,6
Федеральная целевая программа «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья на период до 2013 (10 января 2009)»	86,6

Источник: Ишаев В.И. Россия в глобальном мире. Хабаровск, 2007. [Электронный ресурс]. Режим доступа: [http //www.asoc.fareast.ru](http://www.asoc.fareast.ru)

Еще в 1992 была разработана и в 1996 году утверждена Президентом РФ Программа социально-экономического развития Дальнего Востока и Забайкалья, реализация которой до 2005 года должна была способствовать выравниванию ситуации. Причем Президентская программа развития региона на период до 2005 года должна была решить ряд кардинальных задач, в том числе:

- создание равных условий социально-экономического развития для региона, и в первую очередь, за счет решения проблем транспортных и энергетических тарифов;
- активная интеграция региона в Тихоокеанском бассейне;
- обеспечение устойчивой работы топливно-энергетического комплекса;
- структурная перестройка экономики региона с учетом требований внутреннего и внешнего рынков;
- закрепление населения и содействие росту жизненного уровня.

Однако этот сценарий в современных условиях оказался не реализуем. Уже в 2000 году население ознакомили со второй редакцией программы развития. То, что Правительство не собирается оказывать региону государственную поддержку в необходимом объеме, видно и в новой, откорректированной Программе. Откорректированная Программа «стоит» в 5,6 раза меньше, чем прежняя³. За время реализации Программы (1996-2001 гг.) валовой региональный продукт сократился на 12,3%, объем промышленной продукции уменьшился на 10%. Также из-за недостатка бюджетного финансирования сдерживается выполнение Программы газификации Сахалинской области, Хабаровского и Приморского краев⁴. В рыбной про-

³ См. Ишаев В.И. О реализации ФЦП экономического и социального развития Дальнего Востока и Забайкалья за 1996-2001 гг.; Текущий архив Губернатора и Правительства Хабаровского края. Ф. 746. Оп 1 Д. 2-2, 2-3. С. 9.

⁴ Текущий архив Губернатора и Правительства Хабаровского края. Ф. 819. Оп п/х Д. 8-2. С. 18.

мышленности Дальневосточного бассейна из-за крайней (до 70%) изношенности рыбопромыслового флота, роста тарифов, отсутствия государственной поддержки объемы улова рыбы и добычи морепродуктов, ниже установленных Программой на 16,5%. Кроме того, негативная тенденция была отмечена и в сельском хозяйстве региона. Выполнение расчетных показателей Программы по производству основных видов сельхозпродукции составило от 40% до 82%. Темпы роста производства на Дальнем Востоке и в Забайкалье в 1999-2001 гг. были ниже, чем в среднем по Российской Федерации.

В дальнейшем удельный вес Дальнего Востока в российских параметрах в 2001 г. существенно сократился по отношению к 1996 г. Практически ни по одному важнейшему параметру не удалось к 2001 году реализовать программные намерения. Численность населения не стабилизировалась. К началу 2002 года регион потерял по сравнению с 1991 годом 1 млн. 227 тыс. человек, или 12% постоянного населения. Тарифы на электроэнергию превысили 1,7 раза от среднего тарифа по России. Затраты на 1 тонну котельно-печного топлива превышают средние по России в 1,8 раза.

Вместе с тем, Президентская программа помогла в определенной степени добиться решения отдельных проблем, но существенно изменить ситуацию не смогла. Регион не получил планируемого импульса от принятой в 1996 г. Президентской программы развития Дальнего Востока и Забайкалья до 2005 года.

Говоря о приоритетах, В.И. Ишаев отметил: «Программа не имеет абсолютно никакого приоритета, хотя мы утверждали и утверждаем, что эта программа не есть программа развития отдельно взятого региона, это не экономическая политика для региона. Это стратегия развития России на Тихом океане, это важнейший элемент глобальной стратегии России в новом веке. Причем финансирование ее выглядит удручающим и явно не соответствует логике целей развития региона»⁵.

В то же время, от полного краха социально-экономическая система Дальнего Востока была удержана только за счет вынужденной переориентации экономических связей региона на внешние рынки Азиатско-Тихоокеанского бассейна. В целом цена при этом была уплачена и Дальним Востоком, и Россией чрезмерная – почти полный паралич экономических взаимосвязей между регионом и остальной частью страны, практическая автаркизация социально-экономической системы Дальнего Востока.

Тем не менее, региональная политика выживания способствовала некоторому улучшению структуры промышленного производства. Во-первых, после длительного застоя в связи с отсутствием оборонного заказа стало восстанавливаться машиностроение. Во-вторых, в 1999-2001 гг. повысилась эффективность ряда отраслей, особенно цветной металлургии и лесной промышленности.

Из вышеизложенного можно сделать вывод о том, что экономическое развитие региона проходило вне связи с программными усилиями или какими-либо управленческими новациями. Экономика региона развивалась практически автономно в соответствии с внутренними и внешними импульсами рынка. Регион в связи с недостаточным финансированием к 2002 году стал терять свои позиции и по экономическим, и по социальным параметрам.

19 марта 2002 года Правительством РФ утверждена новая редакция Программы экономического и социального развития Дальнего Востока и Забайкалья, теперь уже до 2010 г. и не Президентская. Помимо ее в то время уже было принято 7 территориальных программ. Необходимость принятия этой новой редакции программы обусловлена тем, что в конце 90-х годов в развитии региона накопился ряд диспропорций и негативных моментов, о которых мы упомянули выше. Однако цели и задачи практически остались без изменения, так как предыдущая Программа не справилась с их решением. При этом на достижение этих целей и задач предстоящие 9 лет (2002-2010 гг.) в соответствии с постановлением Правительства

⁵ См.: Ишаев В.И. Доклад «Дальний Восток и Забайкалье – Западное побережье США» 17 сентября 2002 г. Текущий архив Губернатора и Правительства Хабаровского края. Ф. 811. Оп п/х Д. 4. 1.2. С. 16.

должно быть направлено за счет всех источников финансирования практически ровно столько же средств, сколько фактически составили инвестиции в экономику Дальнего Востока и Забайкалья за 1996–2000 гг. в соответствии с прежней «неудавшейся Программой». С 1990 года на территории Дальневосточного федерального округа производство стали сократилось в 2 раза, цемента – в 3 раза, сельхозпродуктов – в 4 раза, пиломатериалов – в 5 раз, кирпича – в 6 раз. Более того, численность работающих в 70 крупнейших компаниях Дальнего Востока за 18 лет уменьшилась в 4 раза, половина этих предприятий прекратила существование. С 1992 по 2005 год Дальний Восток потерял около 1,5 млн. человек, или 17 процентов населения.

Между тем, самостоятельность субъектов Федерации постоянно и последовательно ограничивается. Эти ограничения не дают возможность проводить конструктивную и активную экономическую политику. Регионы постепенно теряют свою доходную часть бюджетов. К примеру, если в 1995 году федеральный бюджет аккумулировал 51,8% доходов, то в 2000 году – 55,9%. В то время как доля совокупных расходов для федерального бюджета оставалась без изменения – 47,9%. А для региональных бюджетов доля расходов осталась на уровне – 52,1%, при этом доля доходов сократилась с 48,2% до 44,1%⁶.

Мы считаем, что желание федерального бюджета создавать и контролировать величину «бюджетного навеса» на уровне 7–8% объяснимо, но достигать этого следует не посредством чрезмерной централизации бюджетной системы страны, а в ходе наращивания доходной базы консолидированного бюджета за счет выполнения региональными бюджетами большего объема бюджетных обязательств. Субъекты должны иметь стимул для того, чтобы работать лучше, чтобы становиться самостоятельными.

Важнейшим приоритетом любой программы социально-экономического развития региона является решение социальных проблем. Известно, что заселение и освоение дальневосточного региона шло одновременно, тем самым решалась геостратегическая задача государства закрепления населения и создание достойных условий жизни дальневосточников. Однако в Программе, утвержденной 19 марта 2002 года, на эти цели было выделено лишь 0,77% всех затрат, в том числе из федерального бюджета – 3,2%, а из бюджетов субъектов Федерации лишь 5,9%. Таким образом, документ объективно ориентирует сами субъекты на то, что вышеозначенный приоритет на самом деле не важен⁷.

В дальнейшем Программа развития региона корректировалась неоднократно, последние изменения были внесены Постановлением Правительства РФ №15 от 10 января 2010 г. с целью повышения эффективности использования потенциала Дальнего Востока и Забайкалья и определения наиболее перспективных территорий для создания опорных центров развития. Среди основных направлений – вовлечение региона в мировое хозяйство через экономическое сотрудничество со странами Азиатско-Тихоокеанского региона.

История последних двух столетий свидетельствует, что любые попытки российской политики действовать, склоняясь в одну сторону, будь то в сторону Европы или Востока, неизбежно ведут к раскачке базиса общества и подрывают основы его идентичности. Постепенное выправление этого тяжелого одностороннего крена началось с кратковременного премьерства Е.М. Примакова. Затем выправление политической линии получило постепенное развитие в течение восьми лет президентства В.В. Путина. Позитивные итоги этого курса – укрепление внутренней стабильности в России и ее международного положения – наглядное свидетельство конструктивного характера евразийской ориентации. В ноябре 2000 г. президент Российской Федерации В.В. Путин отметил: «Россия всегда ощущала себя евроазиатской страной. Ду-

⁶ Текущий Архив Губернатора и Правительства Хабаровского края Ф. 813. Оп п/х Д. 3.3.8. С. 24.

⁷ Текущий архив Губернатора и Правительства Хабаровского края Ф. 746. Оп 1 Д. 2-2, 2-3. С. 10.

маю, пришло время нам вместе со странами, входящими в Азиатско-Тихоокеанский регион, переходить от слов к делу – наращивать экономические, политические и другие связи. Все возможности для этого в сегодняшней России есть»⁸ В этих словах не только ретроспективный взгляд на прошлое, но и обращение к задачам будущего по определению роли и места нашей страны в азиатском сообществе.

По мнению М.Л. Титаренко, «воспрянувшая демократическая Россия представит не жалким слепком Запада, а солидным, заслуживающим уважения партнером других стран, будь то Европа или Азия, Африка или Америка»⁹. Прошедшие годы подтвердили обоснованность его мыслей. В своей речи на XII Петербургском международном экономическом форуме 7 июня 2008 г. Д.А. Медведев отметил, что «Россия сегодня – глобальный игрок. И, понимая свою ответственность за судьбы мира, мы хотим участвовать и в формировании новых правил игры, причем не из-за пресловутых «имперских амбиций», а именно потому, что обладаем и соответствующими публичными возможностями и соответствующими ресурсами»¹⁰.

Нынешний этап глобализации привел во многом к непредвиденной ситуации. Она характеризуется взрывным ростом производительных сил в тех регионах мира, которые прежде веками пребывали в отсталости, в доиндустриальной фазе развития. Развивающиеся страны, которые прежде были поставщиком сырья и дешевой рабочей силы, превращаются теперь в мировые фабрики и становятся крупными потребителями энергетических и продовольственных ресурсов.

В настоящее время АТР превращается в самый мощный центр мирового экономического и культурного развития, где сосредоточены самые крупные в мире финансовые ресурсы, что открывает возможность их использования для ускорения экономического и социального развития российского Дальнего Востока, взаимовыгодного его сораствления с соседними странами Восточной Азии.

Вместе с тем, определяя место РФ в АТР, необходимо учитывать еще одну ее «двойственность», а именно исторически сложившуюся двухуровневость российской экономики. В связи с тем, что в ходе взаимодействия России со странами Восточной Азии на авансцену выходят ее дальневосточные районы, при определении государственной политики РФ в отношении государств этого региона представляется крайне важным сочетать общероссийские интересы и интересы субъектов РФ в Дальневосточном регионе. Термин «государственная (англ. national) политика» позволяет преодолеть идею разделения политики государства на «внутреннюю» и «внешнюю». Взаимодействие этих двух частей общей национальной политики требует, чтобы мы рассматривали их в единой связке. В конечном счете, и внутренняя, и внешняя политика направлены на обеспечение безопасности и благосостояния¹¹.

Таким образом, в результате недофинансирования программ развития региона, неоднократного внесения изменений и дополнений потенциал роста не был реализован. Само же экономическое оживление не являлось в действительности результатом созидательной управленческой работы. Не проведена модернизация изношенной инфраструктуры и производственного аппарата. Сложилась практика необязательности исполнения государственных программ развития Дальнего Востока и Забайкалья. Мы полагаем, что выход в принятии федерального закона о развитии ДВЗ (Дальнего Востока и Забайкалья), как особо важного в геостратегическом и глобально-экономическом отношении макрорегиона России. При формулировании и претворении в жизнь политики РФ в отношении стран АТР, в частности в области экономических связей, необходимо принимать во внимание специфику исторического опыта становления России в качестве евроазиатского государства, не допуская «от-

⁸ Вызовы безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Владивосток, 2006. С. 17.

⁹ См.: Титаренко М.Л. Геополитическое значение Дальнего Востока М., 2008. С. 120-122.

¹⁰ Выступление Д.А. Медведева на XII Международном экономическом форуме в Санкт-Петербурге 6-8 июня 2008 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru>

¹¹ См.: Смоляков В.А. Проблема взаимосвязей и соотношения внутренней и внешней политики. Теоретико-методологический аспект. Владивосток, 2004. С. 124.

ставания» азиатского вектора внешней политики от европейского «собрата», обеспечивая сбалансированную «бинаправленность» – европейскую и азиатскую – внешней политики нашей страны. Только видение Российского государства в евразийском контексте дает необходимую методологическую основу для разработки геополитически и геоэкономически сбалансированной реалистичной стратегии развития.

STATE POLICY OF DEVELOPMENT OF THE FAR EAST AND TRANSBAIKALIA DURING THE POST-SOVIET PERIOD: THE PURPOSES AND RESULTS

S.A. SIDOROV

*Khabarovsk Border Institute
of FSS of Russia*

e-mail: sidorov1061@yandex.ru

In article the analysis of performance of government programs of development of the Far East and Transbaikalia is presented. The author comes to conclusion, that insufficient financing of the program of development of region leads to negative tendencies: to reduction of industrial potential, the population, and preservation raw an economy orientation. Exit from a situation in equation of the Asian and European vectors of policy of Russia.

Key words: policy, the development program, crisis, Far East, Transbaikalia.

УДК 323.22/.28(470+571)

ПРОБЛЕМА ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО УЧАСТИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ПЕРСПЕКТИВ РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

О.Ю. ШМЕЛЕВА

*Нижегородский
государственный
университет
им. Н.И. Лобачевского*

e-mail: O_Shmeleva1977@mail.ru

В данной статье рассматривается понятие «политическое участие» в контексте политико-культурной специфики России, его виды и формы, механизмы функционирования. Анализируются кризисные тенденции и противоречия в сфере развития гражданского общества, практики создания властью искусственных препятствий для реального вовлечения общества в политический процесс.

Ключевые слова: политическое участие, институциональное политическое участие, кризис политического участия, гражданское общество, институциональный барьер, политическая культура.

Реализация на практике популяризируемой властью идеи построения в России гражданского общества наталкивается на ряд трудностей и ограничений в виде устойчивых стереотипов массового сознания (этатизм, патернализм, правовой нигилизм), аполитичности, низкого уровня гражданской активности у подавляющей части населения. В этой связи выработка механизмов оптимизации процесса политического участия, создание условий для реального легитимного вовлечения населения политический процесс является необходимой предпосылкой обеспечения стабильности государственной системы и успешной реализации поставленной цели.

Существующая проблема актуализируется официальными лицами страны и находится в фокусе их внимания. Так, В.В. Путин неоднократно останавливался на проблеме развития гражданского общества в России, от констатации факта его неразвитости в стране до определения методов и механизмов строительства последнего¹. Д.А. Медведев в обращении к Федеральному Собранию 5 ноября 2008 года сформулировал конкретные предложения по развитию гражданского общества в РФ. Последние предусматривают обеспечение широкого участия граждан, политических партий и других общественных институтов в политическом процессе; делегирование всё большего числа социальных и политических функций гражданам, органам самоуправления; расширение гарантий представительства сторонников малых политических партий в парламенте путём предоставления им 1-2 депутатских мандатов; отмену процедуры сбора подписей; усиление контроля представительных органов местного самоуправления за деятельностью руководителей муниципалитетов и др.² Идеи расширения диалога между властью и обществом, апелляции чиновников к мнению народа в решении вопросов государственного управления получили продолжение в выступлении Д.А. Медведева на заседании Госсовета 22 января 2010 г.³

Теоретические положения и идеи политиков находят отражение в практической плоскости. В частности, в целях повышения эффективности функционирования системы взаимодействия власти и общества за последние годы заметно расширился вариативный ряд технологий в сфере коммуникаций. Среди них – Интернет-коммуникации, отчёты первых лиц страны, расширение сети общественных приём-

¹ Послание Президента РФ Федеральному собранию 2000, 2003 гг. // Россия – XXI век: взгляд В.В. Путина. Курск, 2005. С. 58, 70-71; Послание президента РФ Федеральному собранию // Российская газета. 2002. № 71 (2939). С. 1.

² Планы Президента Д. Медведева. Ценности и цели первого Послания. Сборник / Сост. Г.О. Павловский, В.Л. Глазычев. М., 2009. С. 67, 73, 75, 76-77, 84.

³ Стенографический отчёт о заседании государственного совета по вопросам развития политической системы России. 22 января 2010 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://news.kremlin.ru/transcripts/6693/print>

ных Президента, депутатов, партий, внедрение в регионах практики проведения открытых слушаний по общественно значимым проблемам и др. Ещё одним практическим шагом в сфере развития в России гражданского общества стало создание в 2004 году при Президенте РФ Совета по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека⁴, а также региональных Общественных советов при полномочных представителях Президента, имеющих целью содействие развитию институтов гражданского общества, охрану прав граждан, представление и защиту их интересов и др.⁵. На базе данного института по поручению В. Путина от 20 июля 2005 г. началась работа по подготовке Государственной программы «Гражданское образование населения РФ на 2006-2010 гг.»⁶.

Исходя из вышесказанного, можно констатировать, что есть осознание проблемы, намечены механизмы её решения, формально построена система взаимодействия власти и общества, но фактически реализация идей лидеров страны сталкивается с рядом барьеров и противоречий.

В политологии различают два типа политического участия: институциональное (легитимное) и внеинституциональное. К институциональному относят общественно признаваемые действия, являющиеся законными в рамках существующей политико-правовой структуры (участие в выборах, работе общественно-политических организаций, митингах, пикетах, контакты с властными структурами посредством писем, обращений, жалоб, внесение денежных взносов и пр.) Внеинституциональные формы противоречат действующим правовым нормам (участие во внесистемных политических группах, забастовках, связанных с нарушением общественного порядка и др.). Последние являются предметом отдельного изучения, поэтому находят лишь косвенное отражение в данном исследовании.

Основополагающей формой политического участия в рамках демократической системы на сегодняшний день остаются выборы. Но в России на сегодняшний день существует ряд недостатков при организации избирательного процесса. Практически повсеместно нарушается принцип равноправия кандидатов, реальная конкуренция во время предвыборной гонки среди претендентов на власть подменяется борьбой (соперничеством) за административные ресурсы. Отражением существующих изъянов в избирательном процессе стали перманентно скептические оценки населением эффективности института выборов на протяжении 2000-х годов. В сентябре 2000 г. более половины граждан РФ сомневались в честном и свободном характере процедуры голосования, в июне 2006 г. 51% респондентов утверждали, что выборы «не могут изменить ситуацию в стране, поскольку всё равно будут сфальсифицированы»; в октябре 2007 г. 43% населения РФ считали предстоящие выборы в Государственную думу нелегитимными по причине их безальтернативности, только 17,5% – честными, большинство же признавало формальность процедуры⁷. В 2010 году оценки обществом электоральной системы существенно не изменились: так, в мае 2010 г. 52% жителей г. Перми не были уверены в её эффективности⁸.

⁴ Указ Президента РФ «О Совете при Президенте Российской Федерации по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека» № 1417 от 6 ноября 2004 г. //Собрание законодательства РФ (далее – СЗ РФ). 2004. № 46. Ст. 4511.

⁵ Положение «Об Общественном Совете по развитию институтов гражданского общества Приволжского федерального округа» № А 53-54 Р от 16 мая 2006 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.pfo.ru/?id=17472> (21.02.2010).

⁶ Государственная программа «Гражданское образование населения Российской Федерации на 2006-2010 гг.» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://schools.perm.ru/ext/cgo/god_project.htm

⁷ Путеводитель по выборам: политическая Россия – 2007 / под ред. В.В. Фёдорова. М., 2007. С. 266; Общественное мнение – 2007. Ежегодник. М., 2007. С. 99; Каждый третий россиянин убеждён, что его голос ничего не значит. Опрос ВЦИОМ (июнь 2007 г.) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=269&uid=8416>

⁸ Аналитический отчёт по результатам социологического исследования «Отношение населения г. Перми к отмене прямых выборов главы города» (6 – 17 мая 2010 г.). М., 2010. С. 8.

Другим негативным моментом следует считать сохранение значительного числа абсентеистов в обществе и рост числа граждан (с 49% в октябре 2003 до 56% в январе 2011), не интересующихся выборами (в частности, в Государственную думу РФ)⁹.

Партии рассматриваются в теории как основная структура гражданского участия населения «посредством формирования и выражения их политической воли, участия в общественных и политических акциях, в выборах», как агенты политической социализации¹⁰. Но российская политическая реальность далека от идеала, описываемого в теории. Так большинство россиян не ощущают, что способны воздействовать на политику посредством членства в данных объединениях. Результаты опросов ВЦИОМ за разные периоды времени свидетельствуют о критическом и стабильно скептическом отношении россиян к рассматриваемому институту: осенью 2000 г. 55% респондентов полагали, что партии не приносят пользы обществу; в августе 2004 г. 48% не одобряли их деятельность, 31% затруднились с оценкой¹¹. На протяжении 2007 года уровень отчуждения колебался в пределах 48-57%, в 2010 г. – от 37 до 41% и только 22 % россиян выражали доверие¹².

Причины данного феномена носят комплексный характер: во-первых, партии слабеют «изнутри» (в смысле крепости организационных структур, численности, активности низового состава) и «снаружи» (сокращение симпатий, поддержки, доверия общественного мнения). Во-вторых, всё более унифицируются партийные программы, ориентируясь на удовлетворение предвыборных запросов. Теряя опору в обществе, партии стремятся найти поддержку у государства; слабо влияют на процесс выработки важнейших политических решений (часто «идут на поводу» у правительства). Подобная тактика не способствует повышению их престижа в обществе. Политический процесс замыкается на одной партии, отсутствует реальная конкуренция между сегментами политического пространства. Дисбаланс, вызванный монополизацией партийно-политического пространства одной партией, усиливает предсказуемость выборов разных уровней. Наконец, показательна сама процедура создания партий – не «снизу», когда группа людей, объединённых общим интересом, нуждается в организационном оформлении своей структуры, а «сверху». Вышеназванные тенденции приводят к тому, что партии остаются неинтересными и безразличными Политика государства в отношении партий, особенно «малых», носит противоречивый характер, в полной мере не способствует их укреплению, реализации своих функций. С 2004 года в пять раз по сравнению первоначальной редакцией Федерального закона № 95 был повышен порог минимальной численности партии и их отделений на местах (с 10 до 50 тысяч и со 100 до 500 членов соответственно)¹³. Ужесточилась процедура проверки документации через Министерство юстиции. Дополнительным препятствием стало повышение минимального порога поданных за партию голосов для прохождения в орган законодательной власти с 5 до 7%.

Закономерным итогом стало уменьшение с 2003 г. по настоящее время в 6,8 раза количества партий, имеющих право участвовать в федеральных выборах (с 48 до 7)¹⁴.

⁹ Презентация доклада А. Гражданкина «Электоральные установки в предвыборный год» (январь 2011) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.levada.ru/press/2011040107.html> (16.04.2011); Путеводитель по выборам: политическая Россия – 2007 / под ред. В.В. Фёдорова. М., 2007. С. 265.

¹⁰ Федеральный закон РФ «О политических партиях» № 95-ФЗ от 11.07.2001 // СЗ РФ. 2001. № 29. Ст. 2950.

¹¹ Как мы думали в 2004 году: Россия на перепутье. М., 2005. С.82-83.

¹² Путеводитель по выборам: политическая Россия – 2007. М., 2007. С. 269; Одобрение деятельности общественных институтов в 2010 году (по данным опросов ВЦИОМ) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://wciom.ru/29>

¹³ Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «О политических партиях» от 20 декабря 2004 г. № 168-ФЗ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://bre.ru/laws/23107.html>

¹⁴ Предвыборная энциклопедия. Политические партии, зарегистрированные Министерством юстиции РФ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://2003/newsru.com/article/284>; Список политических партий [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rosregistr.ru/index.php?menu=3010000000>; Список зарегистрированных политических партий [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.minjust.ru/ru/activity/nko/partii/>

В силу названных выше изъянов в деятельности партий с функцией представительства интересов избирателей они справляются не в полной мере. Пока за ними можно признать только определённую роль в формировании политического дискурса в стране.

В 2005 году был создан новый институт – Общественная палата, призванная «обеспечить взаимодействие граждан РФ с федеральными органами государственной власти, органами власти субъектов РФ и органами местного самоуправления в целях учёта потребностей и интересов граждан РФ, защиты прав и свобод граждан, прав общественных объединений при формировании и реализации государственной политики»¹⁵. Теоретически данная структура формируется на основе добровольного участия в её деятельности граждан РФ, общественных объединений и объединений некоммерческих организаций. Её основная цель – согласование интересов граждан РФ, органов власти, общественных объединений для решения наиболее значимых вопросов экономического и социального развития.

С самого начала деятельности возникало сомнение в эффективности функционирования данного института. Анализ списка членов Общественной палаты позволяет говорить об узко элитарном характере данного органа, отсутствии широкого народного представительства. Она объединила в своём составе известных и достаточно обеспеченных граждан – представителей бизнес – элиты, деятелей культуры, искусства, спорта.

Согласно статье 17 ФЗ «Об Общественной палате» № 32 от 4 апреля 2005 г. «решения общественной палаты, принимаемые в форме заключений, предложений, обращений, носят рекомендательный характер», следовательно, не могут оказать радикального влияния на политику власти. Более того, данный институт материально зависим от Центра: финансирование предусмотрено из федерального бюджета, что тоже не внушает оптимизма в отношении самостоятельности принимаемых ею решений. Сам принцип формирования палаты (президент назначает первых 42-х её членов, которые затем избирают 84 коллеги от общероссийских и региональных общественных организаций) делает этот орган послушным Кремлю. Руководитель палаты, согласно закону, по согласованию с Советом палаты назначается правительством РФ и фактически будет находиться в прямой зависимости от него. В 2010 году процент респондентов, одобрявших деятельность данного института колебался в пределах 22-27%¹⁶.

Ещё одним немаловажным каналом политического участия выступает институт обращения граждан. Данный институт также не лишён недостатков, которые снижают степень эффективности, уровень доверия к нему. Среди них – отсутствие единой системы регламентации порядка приёма граждан в стране, пассивная позиция отдельных должностных лиц, различная степень заинтересованности последних в работе с населением.

Как свидетельствуют отчёты о работе с обращениями граждан губернатора Нижегородской области¹⁷, Законодательного собрания области¹⁸, основная масса обращений касалась социально-экономических, бытовых проблем, не связана с контро-

¹⁵ Федеральный закон РФ «Об общественной палате РФ» №32-ФЗ от 4 апреля 2005 г. //Российская газета. 2005. № 3739.

¹⁶ Одобрение деятельности общественных институтов в 2010 г. (по данным опросов ВЦИОМ) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://wciom.ru/29>

¹⁷ Отчёт о работе с обращениями и письмами граждан, поступившими на имя губернатора, в адрес правительства и администрации губернатора Нижегородской области в 2004 году [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.government.nnov.ru/?id=9978>

¹⁸ Отчёт о работе Законодательного собрания Нижегородской области в 2007 году [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.zsno.ru/data/objects/1505/re_files/o_rabote_ZSNO_v_2007_godu.doc (подсчёты сделаны нами).

лем за деятельностью государства, политическим участием. Аналогичная тенденция просматривается в письмах первым лицам государства¹⁹.

Приведённый выше анализ функционирования лишь некоторых из институтов политического участия в России позволяет говорить о недостаточной эффективности концепции власти по совершенствованию механизмов повышения гражданской активности. Причины такого положения вещей кроются как в объективной составляющей общественно-политического развития, так и в обстоятельствах субъективного плана, связанных с особенностями политической культуры, национального характера, менталитета россиян. Среди них – избирательный подход к усвоению демократических ценностей, своеобразное понимание назначения отдельных демократических институтов, в частности выборов (как способа выражения своей поддержки или недоверия власти), несформированность на уровне сознания идей гражданственности, ответственности, патернализм и др. Большая часть общества склонна связывать развитие демократии в России не с ростом общественной и политической активности (таких лишь 19%), а с позитивными изменениями в социально-экономической сфере, ростом благосостояния²⁰.

Важная роль в выработке определённой модели политического участия принадлежит традициям и обычаям. Применительно к России сказывается сформировавшиеся изначально под влиянием внешнеполитического, географического факторов централизм власти, гипертрофированная роль государства. Представительные институты в России (вече, Земские соборы и пр.) отличались слабостью, существенно не ограничивали центральную власть. Исторически сложившаяся политическая система России не предполагала даже минимального контроля со стороны населения за деятельностью государственных институтов.

Наряду с социально-культурными факторами нужно отметить и саму политику государства, искусственно создающего препятствия для активизации политического участия граждан. Анализ отдельных законодательных актов, касающихся рассматриваемой нами тематики за последние десять лет, позволяет выявить тенденцию, связанную с корректировкой нормативной базы под потребности политического режима (централизация, сужение партийно-политического пространства) и как следствие, – ограничение сферы политического участия населения. Нельзя не согласиться с мнением некоторых исследователей, что основная причина таких действий правящей элиты связана с её «стремлением закрепить монополию на власть, оградить себя от разного рода неожиданностей, которые несёт в себе более свободная жизнь в стране»²¹.

Стратегия федерального центра, направленная на централизацию системы управления, монополизацию партийно-политического пространства при сохраняющейся формальной роли демократических процедур проецируется на региональный уровень. Примером может стать ситуация, сложившаяся в Нижнем Новгороде в связи с изменением порядка выборов главы местного самоуправления. Подавляющее большинство участников публичных слушаний по обсуждению проекта постановления Городской думы Н. Новгорода «О внесении изменений в Устав Н. Новгорода», состоявшихся 19 октября 2009 года, в которых приняли участие 495 человек, включая представителей общественности, чиновников, высказались за прямые выборы главы города (191 человек против 32)²². Население города проявило высокую степень активности и заинтересованности к конкретному политическому событию, о чём свидетельствуют данные опросов общественного мнения, пикеты, организуемые обще-

¹⁹ Письма граждан Президенту РФ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.fedrep.ru/letter-authorities/>

²⁰ Как мы думали в 2004 году: Россия на перепутье. М., 2005. С. 48.

²¹ Путеводитель по выборам: политическая Россия – 2007. М., 2007. С. 242.

²² В администрации города прошли публичные слушания по внесению изменений в Устав города/ Лента новостей городской Думы [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gorduma.nnov.ru/news/28-01-2009/19-10-2009.htm>

ственными организациями в поддержку всенародных выборов, фактическое число участников слушаний. Но итоги этой кампании оказались противоположны общественному мнению: 25 ноября 2009 года Городская дума отвергла принцип всенародного избрания главы города, утвердив первоначальный проект, выносимый на обсуждение, предполагающий избрание мэра из числа депутатов Городской думы, введение должности Сити-менеджера и прочие нововведения²³. Подобное развитие ситуации с выборами мэра характерно для многих российских городов. В уже более чем в половине из них внесены соответствующие поправки в Уставы городов, в частности, в Перми. Это, несмотря на то, что подавляющее большинство жителей города (79%) не поддержали инициативу отмены прямых выборов главы города, только 11% высказались за целесообразность избрания мэра депутатами Городской думы²⁴. По мнению В. Булавинова, экс-мэра Н. Новгорода, «это тренд, который определяется на федеральном уровне»²⁵.

В этой связи нельзя не согласиться с мнением, что народ превращается в «электоральное прилагательное к самодостаточной власти»²⁶.

Имеющие место в политическом процессе России противоречия позволили ещё в начале 2000-х годов отечественным политологам ввести понятие «кризис политического участия», связываемое с «созданием правящей элитой искусственных препятствий к включению в активную политическую жизнь групп населения с противоречивыми интересами»²⁷. Среди причин этого одни исследователи (Петухов В.В., например) называли «разрыв между новыми формально-институциональными возможностями, правами и свободами и постоянно снижающимся уровнем освоения этих возможностей обществом», отсутствие реальных институциональных механизмов вовлечения граждан в политический процесс²⁸. Другая группа исследователей полагает, что причина кризиса кроется в системе «соревновательного элитизма», сформировавшегося на российском политическом пространстве. Разделяя идею о кризисе участия, они полагают, что это отнюдь не следствие низкого уровня политической культуры, напротив, – следствие отчётливого понимания населением того, как устроена политическая жизнь²⁹.

Выбранную современным политическим режимом тактику взаимодействия с обществом можно оправдать характером российского социума, спецификой социально-экономического развития. Исторически ему был свойственен догоняющий, модернизационный тип, сопряжённый с ломкой старых структур и стереотипов. Этим обусловлена огромная роль государственных институтов и склонность к авторитаризму. Данный тезис подтверждают слова С. Хантингтона, говорившего о том, что «обеспечение стабильности в условиях модернизирующегося авторитаризма требует ограничения роли политического участия масс, в противном случае надёжность институтов будет подорвана. В отсутствии сильных и достаточно адаптивных политических институтов взлёт участия означает нестабильность и насилие»³⁰.

Таким образом, в современном российском обществе система легитимного политического участия как элемента гражданского общества в России несовершенна. Сфера политического участия находится под патронажем государства. Допускаются и поощряются лишь те формы активности, которые могут принести дивиденды власти

²³ Политика. Дума Нижнего Новгорода отменила всенародные выборы мэра. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gzt.ru/topnews/politics/273671.html>

²⁴ Аналитический отчёт по результатам социологического исследования «Отношение населения г. Перми к отмене прямых выборов главы города» (6-17 мая 2010 г.). М., 2010. С. 9.

²⁵ Политика. Дума Нижнего Новгорода отменила всенародные выборы мэра [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gzt.ru/topnews/politics/273671.html>

²⁶ Демократия вертикали. Сборник статей / Сост. А. Верховский. М., 2006. С. 46.

²⁷ Василик М.А. Политология. Словарь-справочник. М., 2000. С. 256.

²⁸ Петухов В.В. Политическая активность и гражданское участие в современной России. М., 2005. С. 15.

²⁹ Как мы думали в 2004 году: Россия на перепутье. М., 2005. С. 48.

³⁰ Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М., 2004. С. 71.

и не затрагивают принципиальных основ политического курса. Созданные учреждения гражданского контроля превращаются в органы, контролируемые государством. А поскольку основополагающие принципы гражданского общества – участие населения в политике, подконтрольность правящих структур обществу, самоуправляемость партий – не работают, то можно поставить под сомнение возможность построения в России в ближайшее время подлинного гражданского общества.

PROBLEM OF INSTITUTIONAL POLITICAL PARTICIPATION IN MODERN RUSSIA IN THE CONTEXT OF CIVIL SOCIETY DEVELOPMENT PROSPECTS

O. YU. SHMELEVA

*Nizhni Novgorod
State University
n.a. N.I. Lobachevsky*

e-mail:

O_Shmeleva1977@mail.ru

In this article the «political participation» (its kinds and forms functioning mechanisms) is explained in the context of political specifics of Russia. Crises tendencies and contradictions in the sphere of civil society practices of artificial obstacles creation by power for involving society into the political process are under analysis.

Key words: civil society, political culture, political participation, crisis of political participation, institutional political participation.

УДК 32.019.5

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ДОВЕРИЕ В РЕГИОНАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ*

Е.В. РЕУТОВ

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

e-mail: reutovevg@mail.ru

В статье на основании эмпирических данных анализируется феномен политического доверия. В качестве базовой характеристики политического доверия в региональном пространстве рассматривается доверие политическому руководству различных уровней (национального, регионального и муниципального) и выявляются его детерминанты. К числу основных из них относятся: материальное благосостояние, нормативное межличностное доверие, тип поселения.

Ключевые слова: политическое доверие, регион, региональное пространство, детерминанты политического доверия.

Проблема социального доверия в настоящее время становится одной из наиболее часто обсуждаемых в социологическом дискурсе. Даже простое перечисление вышедших в последние несколько лет работ заняло бы несколько страниц. От констатации критериальной значимости концепта доверия для характеристики общества современного типа и интегрирующей социальной роли доверия социологи постепенно перешли к осознанию важности доверия для формирования социального капитала индивидов и социальных групп¹.

При этом доверие рассматривается и как рациональная конструкция – отношение, формирующееся как результат долговременного опыта интеракций, и как некий предрациональный (или иррациональный) ментальный феномен. Так, А. Селигмен, рассматривает доверие как следствие ролевой неопределенности, связанной со структурной непрозрачностью ролей, в ситуации, когда «системно определенные ожидания больше не жизнеспособны»². То есть доверие – это в значительной мере внерациональное отношение, хотя и опосредованное тем или иным социальным опытом. В частности, Б. Дубин, подвергая критике высокие рейтинги доверия «первым лицам» политической системы России, говорит о «передоверении» инициативы в условиях пассивной адаптации и гиперконтроля³. При этом доверие «первым лицам» лишь в минимальной степени проецируется на иные институты⁴. В культурологической концепции институционального доверия (Г. Алмонд, С. Верба, Р. Путнэм)⁵ доверие политическим институтам является, скорее, следствием определенного типа политической культуры, нежели эффективности институтов.

Н. Луман, в свою очередь, считает необходимым разделение доверия и уверенности, где первое отличается от второго тем, что не предполагает возможности разочарования в силу субъективного отсутствия риска в этих отношениях и, следова-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Министерства образования и науки РФ «Эффективность социальных сетей в региональном сообществе» (рук. – доц. Е.В. Реутов) по реализации Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. №1173.

¹ Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // *Общественные науки и современность*. 2001. №3. С. 120–139.

² Селигмен А. Проблема доверия. М., 2002. С. 21.

³ См.: Борис Дубин: Характер массовой поддержки нынешнего режима: Доклад на конференции Левада-Центра «События и тенденции 2009 года в общественном мнении» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.levada.ru/press/2010022406.print.html>

⁴ См.: Холодковский К.Г. К вопросу о политической системе современной России // *ПОЛИС*. 2009. №2. С. 9.

⁵ См.: Алмонд Г., Верба С. . Гражданская культура и стабильность демократии: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://politzone.in.ua/index.php?id=367>; Putnam R.D. Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy. Princeton, 1993.

тельно, отсутствия необходимости альтернатив, а второе – предполагает риск, связанный с необходимостью выбора⁶.

Политические коммуникации в обществе, как и всякие другие, основаны на определенных ожиданиях в отношении контрагентов. Наличие таких ожиданий, собственно, и лежит в основе доверия. Так, Ф. Фукуяма определяет доверие как возникающее у членов сообщества ожидание того, что другие его члены будут вести себя более или менее предсказуемо, честно и вниманием к нуждам окружающих, в согласии с некоторыми общими нормами⁷.

Немаловажной особенностью сферы политики и государственного управления является также то, что государственные институты, в отличие от акторов повседневных социальных коммуникаций, не нуждаются в перманентном подтверждении собственной значимости и порядочности. Государственная машина может функционировать по собственной логике, вопреки интересам массовых групп. Легитимацию государственной власти вполне может замещать ее легитимизация посредством формально-правовых механизмов, а актуальный социальный порядок – поддерживаться армией и полицией.

Политические интеракции, в отличие от многих других, организованы в вертикальном пространстве властных отношений, а их стороны, как правило, в разной степени заинтересованы в ресурсах своих контрагентов. Закрытость (в большей или меньшей степени) процесса принятия решений не способствует рационализации политической рефлексии общественного сознания. Факторы политического доверия, таким образом, еще в большей мере выходят за пределы рациональной оценки позитивного или негативного социального опыта.

В зависимости от адресата доверия, в структуре политического доверия следует выделить институциональное доверие, выраженное в отношении к политическим институтам (парламенту, правительству и т.д.), и персонализированное – в отношении к политическим лидерам.

В отечественной и зарубежной литературе, посвященной проблеме политического доверия, в настоящее время преобладают две парадигмы – экзогенного происхождения институционального доверия – через определенный тип политической культуры – и эндогенного – как результат институциональных эффектов. Вместе с тем, наблюдается интеграция исследовательских концепций, хотя и с доминированием того или иного объяснения природы институционального доверия⁸. В объяснении персонализированного доверия, по-видимому, данные концепции также могут быть плодотворны – с корректировкой институциональных эффектов на эффективность конкретного лидера, и с учетом феномена его личной харизмы. Следует отметить также огромную в современном мире роль масс-медиа в формировании образов власти, имиджа лидеров, значимости институтов.

В пространстве регионального управления политическое доверие представляется гораздо более значимым социальным феноменом, поскольку чаще отражает реальный опыт политических интеракций и эффективность власти. Региональные и местные лидеры также являются менее сакрализованными персонами, что создает основу для рационализации политической рефлексии в сообществе.

В данной работе предпринимается попытка отразить значимость некоторых статусных и ментальных характеристик населения для политического доверия. В качестве адресата политического доверия выступает политическое руководство – не-

⁶ См.: Luhman N. Familiarity, Confidence, Trust: Problems and Alternatives // Trust: Making and Breaking Cooperative Relations (electronic edition) / Ed. by D. Gambetta. Oxford, 2000. Ch. 6. P. 94-107.

⁷ См.: Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию: пер. с англ. М., 2004. С. 52.

⁸ См.: Лукин В.Н. Политическое доверие в современном гражданском обществе: культурологические и институциональные модели. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://credonew.ru/content/view/500/30/>

дифференцированный социальный актор, интегрирующий в себе как персонализированные, так и институциональные характеристики.

Эмпирической основой статьи послужило исследование «Эффективность социальных сетей в региональном сообществе» (рук. – доц. Е.В. Реутов; массовый анкетный опрос проведен в 2010 г., N=1000, отбор респондентов осуществлялся по методике квотной выборки, в качестве параметров которой выделялись возраст, пол и тип поселения).

Уровень политического доверия измерялся вопросами-индикаторами «Скажите, пожалуйста, Вы доверяете или не доверяете: руководству города (района, поселения)... руководству области... руководству страны?».

Анализ полученных данных позволяет утверждать, что местное и региональное руководство в представлениях населения, скорее всего, не дифференцировано, что и отражено в практически одинаковом уровне доверия им. Так, руководству города (района, поселения) в целом доверяют 25,0% респондентов (из них 5,4% однозначно ответили на данный вопрос, 19,6% – «скорее да, чем нет»). В целом не доверяют – 59,3% (27,3% – однозначно не доверяют, 32,0% – «скорее нет, чем да»). Затруднились с ответом 15,7% опрошенных. Итоговый индекс доверия (рассчитанный как разница между долями доверяющих и не доверяющих, где «крайним» позициям присваивался коэффициент 1, «промежуточным» – 0,5) составил (-)28,1.

Полученные в тот же период (апрель 2010 г.) данные ФОМ, касающиеся доверия главам местных администраций, показывают уровень доверия в 31% и недоверия – в 43%⁹, индекс – (-)12. Однако здесь речь идет именно о доверии главам администраций, что, в условиях персонификации власти и предпочтительности для массового сознания апелляции к конкретным властным персонажам, создает условия для большей легитимности персональных, нежели коллегиальных институтов. Последующие замеры ФОМ (в июне и июле 2010 г.) выявили небольшой рост уровня доверия главам МСУ (до 38 и 37% соответственно)¹⁰.

Руководству области в целом доверяют 24,2% респондентов (из них 6,1% однозначно ответили на данный вопрос, 18,1% – «скорее да, чем нет»). В целом не доверяют – 58,9% (28,5% – однозначно не доверяют, 30,4% – «скорее нет, чем да»). Затруднились с ответом 16,9% опрошенных. Итоговый индекс доверия составил – 28,55.

Полученные в тот же период (апрель 2010 г.) данные ФОМ, касающиеся доверия главам исполнительной власти субъектов федерации, показывают уровень доверия в 37% и недоверия – в 39%¹¹. Последующие замеры ФОМ (в мае и июле 2010 г.) выявили сначала небольшой рост, а затем снижение уровня доверия губернаторам и президентам республик (до 40 и 33% соответственно)¹².

Руководству страны, по данным нашего исследования, в целом доверяют 35,9% респондентов (из них 11,5% однозначно ответили на данный вопрос, 24,4% – «скорее да, чем нет»). В целом не доверяют – 46,6% (22,9% – однозначно не доверяют, 23,7% – «скорее нет, чем да»). Затруднились с ответом 17,5% опрошенных. Итоговый индекс доверия составил -11,05 (табл. 1).

Таким образом, население в большей степени склонно доверять руководству страны, нежели руководству города (района, поселения) и области. И индексы доверия отличаются достаточно существенно – на 17,5-17,95. Объясняется данный факт, по-видимому, традиционалистскими представлениями о моноцентрическом и пирамидальном характере власти. Ну а объективными основаниями соответствующих представлений являются пронизанные архаикой, но, тем не менее, вполне адекватные ситуации безответственности власти практики «ручного» управления, демонстрируемые Президентом и премьер-министром.

⁹ См.: Доверие институтам власти [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://bd.fom.ru/pdf/d27div10.pdf>

¹⁰ См.: Там же.

¹¹ См.: Там же.

¹² См.: Там же.

Таблица 1

Скажите, пожалуйста, Вы доверяете или не доверяете

Руководству города (района, поселения)	Да	5,4%
	Скорее да, чем нет	19,6%
	Скорее нет, чем да	32%
	Нет	27,3%
	Затрудняюсь ответить	15,7%
	Индекс	-28,1
Руководству области	Да	6,1%
	Скорее да, чем нет	18,1%
	Скорее нет, чем да	30,4%
	Нет	28,5%
	Затрудняюсь ответить	16,9%
	Индекс	-28,6
Руководству страны	Да	11,5%
	Скорее да, чем нет	24,4%
	Скорее нет, чем да	23,7%
	Нет	22,9%
	Затрудняюсь ответить	17,5%
	Индекс	-11,1

В доказательство можно также привести результаты социологического опроса, проведенного Левада-центром, где большая часть опрошенных – 36%, возлагает основную ответственность за последнее повышение цен, рост стоимости жизни (2009 год) на Правительство России, а на председателя Правительства – только 17%. В то же время, на вопрос о том, кому принадлежит основная заслуга в повышении зарплат, пенсий, пособий, подавляющее число опрошенных (52%) сообщает, что председателю Правительства России В. Путину, тогда как эту заслугу приписывают правительству только 12% опрошенных¹³.

При этом, как указывалось выше, население фактически одинаково доверяет или, скорее, не доверяет муниципальному и региональному руководству. Но даже в случае с федеральной властью, которая пользуется большим доверием населения, в сознании людей все-таки преобладает недоверие.

Достаточно предсказуемым является тренд увеличения уровня вертикального доверия от города к селу. Так, индекс доверия руководству города (района, поселения) среди респондентов города с населением свыше 100 тыс. чел. равен (-)34,3, города с населением менее 100 тыс. чел. и ПГТ – (-)33,7, сельской местности – (-)19,1.

Индекс доверия руководству области среди респондентов города с населением свыше 100 тыс. чел. составил (-)30,9, города с населением менее 100 тыс. чел. и ПГТ – (-) 34,9; в сельской местности – (-)19,6. Индексы доверия руководству страны среди респондентов города с населением свыше 100 тыс. чел. составил (-) 18,5; города с населением менее 100 тыс. чел. и ПГТ – (-)11,3; сельской местности – (-) 0,2 (табл. 2).

Сельское население, таким образом, отличается достаточной спецификой – уровень доверия политическому руководству на селе существенно выше, чем в среде городского населения, несмотря на более низкий уровень жизни. Связано это, по-видимому, как с более низкими социально-экономическими стандартами жизни, позволяющими менее критично воспринимать деятельность власти, так и с особенностями «сельской» политической культуры, гораздо в большей мере основанной на «презумпции правоты власти».

¹³ См.: Общественное мнение – 2009. М., 2009. С. 75.

Таблица 2

Скажите, пожалуйста, Вы доверяете или не доверяете / тип поселения

		в городе с населением свыше 100 тыс. чел.	в городе с населением менее 100 тыс. чел. или пгт	в сельской местности	всего
Руководству города (района, поселения)	Да	3,4%	4,5%	9,2%	5,4%
	Скорее да, чем нет	17,8%	17,8%	24,4%	19,6%
	Скорее нет, чем да	31,1%	35,7%	30,2%	32%
	Нет	27,7%	29,3%	25,4%	27,3%
	Затрудняюсь ответить	20,1%	12,7%	10,8%	15,7%
	Индекс	-34,3	-33,7	-19,1	-28,1
Руководству области	Да	2,6%	4,8%	12,2%	6,1%
	Скорее да, чем нет	19,0%	15,3%	20,3%	18,1%
	Скорее нет, чем да	28,1%	35,4%	28,8%	30,4%
	Нет	28,9%	29,6%	27,5%	28,5%
	Затрудняюсь ответить	21,4%	15,0%	11,2%	16,9%
	Индекс	-30,9	-34,9	-19,6	-28,6
Руководству страны	Да	5,7%	12,1%	18,6%	11,5%
	Скорее да, чем нет	24,0%	23,6%	26,4%	24,4%
	Скорее нет, чем да	25,0%	25,8%	20,3%	23,7%
	Нет	23,7%	23,2%	22,0%	22,9%
	Затрудняюсь ответить	21,6%	15,3%	12,5%	17,5%
	Индекс	-18,5	-11,3	-0,2	-11,1

Что касается возрастной специфики, то ситуация характеризуется наиболее высоким уровнем доверия среди людей старше 60 лет и наиболее низким – среди 30-39-летних респондентов. Аналогичная ситуация и относительно доверия руководству города (района, поселения), области и страны (табл. 3).

Таблица 3

Скажите, пожалуйста, Вы доверяете или не доверяете / возраст

		18-29 лет	30-39 лет	40-59 лет	60 лет и старше	Всего
Руководству города (района, поселения)	Да	5,9%	4,2%	4,4%	7,7%	5,4%
	Скорее да, чем нет	21,9%	12,7%	22,7%	18,9%	19,6%
	Скорее нет, чем да	32,4%	40,2%	26,8%	34,2%	32%
	Нет	25,1%	29,6%	30,7%	23,0%	27,3%
	Затрудняюсь ответить	14,6%	13,2%	15,5%	16,2%	15,7%
	Индекс	-28,6	-36,15	-28,35	-22,95	-28,1
Руководству области	Да	5,9%	4,2%	6,1%	8,1%	6,1%
	Скорее да, чем нет	18,3%	9,0%	20,9%	21,6%	18,1%
	Скорее нет, чем да	32,0%	42,9%	24,5%	28,8%	30,4%
	Нет	26,9%	29,1%	31,4%	25,7%	28,5%
	Затрудняюсь ответить	16,9%	14,8%	17,1%	15,8%	16,9%
	Индекс	-27,7	-45,85	-27,1	-21,1	-28,6
Руководству страны	Да	9,1%	7,4%	14,6%	12,6%	11,5%
	Скорее да, чем нет	24,2%	18,0%	25,6%	28,8%	24,4%
	Скорее нет, чем да	26,5%	30,7%	19,3%	23,0%	23,7%
	Нет	24,7%	24,9%	22,9%	20,3%	22,9%
	Затрудняюсь ответить	15,5%	19,0%	17,6%	15,3%	17,5%
	Индекс	-6,65	-23,85	-5,2	-4,8	-11,1

Характерно, что 30-39-летние респонденты отличаются и наибольшей когнитивной компетентностью – среди них меньше всего затруднившихся с ответом. Данная возрастная группа, по-видимому, является наиболее рефлектирующей по поводу деятельности власти и, как следствие, наиболее критично настроенной.

По гендерному признаку существенных различий в уровне политического доверия не наблюдается. Однако мужчины выказывают большую когнитивную компетентность – доля затруднившихся с ответом женщин почти в два раза больше (табл. 4).

Таблица 4

Скажите, пожалуйста, Вы доверяете или не доверяете / пол

		Мужчины	Женщины	всего
Руководству города (района, поселения)	Да	5,8%	5,2%	5,4%
	Скорее да, чем нет	21,8%	18,0%	19,6%
	Скорее нет, чем да	34,3%	30,6%	32%
	Нет	27,4%	27,6%	27,3%
	Затрудняюсь ответить	10,7%	18,6%	15,7%
	Индекс	-27,85	-28,7	-28,1
Руководству области	Да	6,2%	6,1%	6,1%
	Скорее да, чем нет	20,0%	16,8%	18,1%
	Скорее нет, чем да	32,9%	28,7%	30,4%
	Нет	29,8%	27,8%	28,5%
	Затрудняюсь ответить	11,1%	20,6%	16,9%
	Индекс	-30,05	-27,65	-28,6
Руководству страны	Да	13,1%	10,3%	11,5%
	Скорее да, чем нет	26,0%	23,4%	24,4%
	Скорее нет, чем да	24,2%	23,6%	23,7%
	Нет	24,7%	21,7%	22,9%
	Затрудняюсь ответить	12,0%	21,0%	17,5%
	Индекс	-10,7	-11,5	-11,1

Так или иначе, но в целом невысокий уровень доверия, отмеченный в ходе исследования не только в «вертикальном», но и в «горизонтальном» измерении является как следствием, так и результатом социальной атомизации и индивидуализации жизненных практик¹⁴.

Но наиболее существенной детерминантой политического доверия оказалось материальное положение респондентов. По всем уровням руководства прослеживается абсолютно четкая прямая зависимость между самооценкой материального благосостояния и уровнем доверия. Так, индекс доверия в группе самых обеспеченных респондентов превышает соответствующий показатель в группе наименее обеспеченных: в отношении муниципального руководства – на 47,5 пунктов, регионального руководства – на 39,2 пункта, руководства страны – на 34 пункта (табл. 5).

Попытка проследить взаимосвязь между политическим доверием и такой ментальной характеристикой, как нормативное межличностное доверие также дала интересный результат. Связь между данными переменными оказалась прямой и достаточно существенной.

Разница индексов политического доверия в группах респондентов, считающих, что большинству людей можно доверять, и тех, кто считает, что большинству людей доверять нельзя, составила: в отношении руководства города (района, поселения) – 38 пунктов, руководства области – 34,85 пунктов, руководства страны – 41,1 пункта (табл. 6).

¹⁴ Реутов Е.В., Колпина Л.В. Социальное доверие в региональном сообществе // Среднерусский вестник общественных наук. 2010. № 3. С. 40-48.

Таблица 5

**Скажите, пожалуйста, Вы доверяете или не доверяете /
материальное благосостояние**

		Могу ни в чем себе не отказывать	Не могу купить квартиру, машину, но в остальном нужды не испытываю	Денег хватает на продукты и одежду, иногда – на покупку бытовой техники	Денег хватает на продукты, иногда – на покупку одежды	Приходится экономить абсолютно на всем	Всего
Руководству города (района, поселения)	Да	12,9%	6,3%	5,3%	5,0%	2,8%	5,4%
	Скорее да, чем нет	37,1%	27,4%	22,7%	15,0%	8,3%	19,6%
	Скорее нет, чем да	29,0%	30,8%	37,8%	31,9%	27,6%	32,0%
	Нет	16,1%	22,6%	24,4%	28,5%	39,8%	27,3%
	Затрудняюсь ответить	4,9%	12,9%	9,8%	19,6%	21,5%	15,7%
	Индекс	0,85	-18	-26,65	-31,95	-46,65	-28,1
Руководству области	Да	16,1%	7,7%	4,9%	6,1%	3,3%	6,1%
	Скорее да, чем нет	21,0%	24,5%	21,6%	16,5%	7,2%	18,1%
	Скорее нет, чем да	37,1%	29,8%	37,5%	27,2%	24,3%	30,4%
	Нет	17,7%	22,1%	24,4%	30,3%	43,6%	28,5%
	Затрудняюсь ответить	8,1%	15,9%	11,6%	19,9%	21,6%	16,9%
	Индекс	-9,65	-17,05	-27,45	-29,55	-48,85	-28,6
Руководству страны	Да	21,0%	12,5%	11,3%	10,0%	9,4%	11,5%
	Скорее да, чем нет	29,0%	31,3%	28,3%	21,5%	14,4%	24,4%
	Скорее нет, чем да	21,0%	22,1%	27,6%	24,9%	20,4%	23,7%
	Нет	19,4%	17,8%	19,8%	23,4%	34,8%	22,9%
	Затрудняюсь ответить	9,6%	16,3%	13,0%	20,2%	21,0%	17,5%
	Индекс	5,6	-0,7	-8,15	-15,1	-28,4	-11,1

Таблица 6

**Скажите, пожалуйста, Вы доверяете или не доверяете /
можно или нельзя доверять большинству людей**

		Большинству людей можно доверять	Большинству людей нельзя доверять	Затрудняюсь ответить	всего
Руководству города (района, поселения)	Да	11,4%	2,3%	2,8%	5,4%
	Скорее да, чем нет	31,2%	13,6%	15,9%	19,6%
	Скорее нет, чем да	27,9%	35,9%	30,3%	32%
	Нет	18,3%	34,4%	22,8%	27,3%
	Затрудняюсь ответить	11,2%	13,8%	28,2%	15,7%
	Индекс	-5,25	-43,25	-27,2	-28,1
Руководству области	Да	11,1%	4,3%	2,1%	6,1%
	Скорее да, чем нет	29,1%	11,0%	18,6%	18,1%
	Скорее нет, чем да	27,9%	32,9%	29,7%	30,4%
	Нет	19,2%	35,7%	24,1%	28,5%
	Затрудняюсь ответить	12,7%	16,1%	25,5%	16,9%
	Индекс	-7,5	-42,35	-27,55	-28,6
Руководству страны	Да	17,4%	8,1%	9,7%	11,5%
	Скорее да, чем нет	35,4%	17,4%	24,8%	24,4%
	Скорее нет, чем да	18,9%	28,3%	20,7%	23,7%
	Нет	12,9%	31,0%	17,9%	22,9%
	Затрудняюсь ответить	15,4%	15,2%	26,9%	17,5%
	Индекс	12,75	-28,35	-6,15	-11,1

Таким образом, социальные настроения в региональном сообществе характеризуются преобладанием настороженного, недоверчивого отношения к политическому руководству. При этом самым низким уровнем доверия отличается как раз тот уровень руководства, от деятельности которого непосредственно зависит жизнь локальных сообществ. Наиболее высокие показатели доверия отмечаются в сельской местности, но и они имеют отрицательный характер. Высокие показатели политического доверия фиксируются в достаточно немногочисленной страте (6,2% выборки) высокообеспеченных граждан. Отмечена, вместе с тем, очевидная связь между политическим и нормативным межличностным доверием. Те, кто считает, что людям можно доверять, в значительной мере экстраполируют данное представление на политическое руководство.

В целом, невысокий уровень политического доверия пока не позволяет строить оптимистические прогнозы относительно возможности преодоления атомизации и формирования социальной солидарности. Однако в повышенной критичности по отношению к политическому руководству можно усмотреть и некоторые позитивные моменты. Такого рода недоверие может послужить основой для функционирования общественных институтов контроля за деятельностью руководства, если только порог отчуждения населения от власти не превысит критический уровень.

POLITICAL TRUST IN REGIONAL SPACE

E.V. REUTOV

*Belgorod National
Research University*

e-mail: reutovevg@mail.ru

In the article on the basis of empirical data is analyzed the phenomenon of political trust. As a basic characteristic of political confidence in the regional space, we consider trust the political leadership at various levels (national, regional and municipal) and to identify its determinants. The major ones include: material well-being, the normative type of interpersonal trust settlement.

Key words: political trust, district, regional space, the determinants of political trust.

УДК 327(470+478)

РОССИЯ И МОЛДОВА В ПОИСКЕ ОПТИМАЛЬНОГО ФОРМАТА СОТРУДНИЧЕСТВА

В. В. ОГНЕВА¹⁾
Л. А. БРЫСЯКИНА²⁾

¹⁾ Орловская региональная академия государственной службы

e-mail: ognevavv@yandex.ru

²⁾ Институт экологии и политологии Международной независимой эколого-политологической академии (г. Москва)

e-mail: brisea lu@mail.ru

Авторы аргументируют, что современное состояние российско-молдавских отношений проецируется на европейские процессы, оказывает влияние на характер региональной безопасности. Укрепление сотрудничества между Россией и Молдовой позитивно скажется на развитии политического диалога России с ЕС по вопросам энергетической политики, урегулирования региональных конфликтов. В этих условиях становится актуальной разработка стратегии политического партнерства двух стран.

Ключевые слова: Россия, Молдова, ЕС, европейская политика соседства, ориентиры стратегического партнерства Молдовы и России.

Внешняя политика современной России определяется долгосрочными национальными интересами. Национальные интересы отражают вектор развития нашего государства, выстраивают приоритеты его внешней политики, обуславливают выработку адекватного внешнеполитического курса. При этом сбалансированность интересов является отличительной чертой российской внешней политики. Это обусловлено геополитическим положением России как крупнейшей евразийской державы, требующей оптимального сочетания внешнеполитических усилий по всем направлениям. Такой подход предопределяет ответственность России за поддержание безопасности как на глобальном, так и на региональном уровне, предполагает развитие и взаимодополнение внешнеполитической деятельности на двусторонней и многосторонней основе¹.

Что касается Республики Молдова, то она находится на том этапе развития, когда требуется концептуальное обоснование внешнеполитической стратегии страны. Провозгласив основной целью курс на интеграцию с Европой, республика по-новому выстраивает приоритеты своей внешней политики. Современная ситуация, однако, осложняется тем, что национально-государственные интересы и модели политического поведения не всегда соотносятся с вектором тождественности, что создает трудности в достижении поставленных целей. Между тем, в идеале сосредоточение политико-дипломатических, военных, экономических, финансовых и иных средств на решении внешнеполитических задач должно быть соразмерно их реальному значению для национальных интересов, а масштаб участия в международных делах – адекватен фактическому вкладу в укрепление позиций страны. В результате расхождение современной ситуации с избранной моделью поведения на международной арене привело к тому, что Республика Молдова на протяжении последних лет не имеет соответствующего внешнеполитическим реалиям концептуального документа. Вместе с тем очевидно, что Молдова должна формировать свой внешнеполитический курс, опираясь на такие ориентиры, как равноправные дружеские отношения с соседними странами, воздержание от конфликтных ситуаций, своевременное реагирование на угрозы безопасности государства.

Относительно защиты интересов национальной безопасности Республики Молдова следует отметить, что она не обладает признанным силовым статусом. Поэтому данная цель может быть достигнута лишь благодаря проведению корректной внешней политики, направленной на укрепление доверия и кооперации в регионе,

¹ См.: Концепция внешней политики Российской Федерации // Российская газета. 2008. 15 июля.

продвижение демократических ценностей, благоприятствование отношениям между Западом и Востоком. В частности, безопасность Молдовы станет более надежной, если отношения между Россией – с одной стороны, и евроатлантическими организациями – с другой, утратят оттенок противостояния.

Важно подчеркнуть, что в условиях развития современной международной системы необходимым условием устойчивого экономического развития, региональной безопасности становится энергетический фактор. Ранее призрачная угроза нехватки энергоносителей ныне становится все более реальной для многих стран. А значение транзитного пути через Причерноморье в ближайшие годы и десятилетия будет возрастать по мере того, как Европа займется диверсификацией поставок и попытками смягчить последствия российской монополии на энергию².

Как известно, свой топливно-энергетический баланс Республика Молдова обеспечивает в основном за счет импорта топливных ресурсов и частично электроэнергии. Проблема энергетической безопасности возникла в Республике Молдова, также как и в других странах, с момента установления независимости государства. Устойчивое функционирование энергосистемы на предыдущем этапе, налаженная поставка топлива способствовали уверенности в том, что такое положение в энергосистеме сохранится и в дальнейшем. Но в последнее время наблюдаются негативные процессы, которые болезненно отражаются на экономике, сдерживают рост ее показателей и не благоприятствуют повышению жизненного уровня населения. Все более острыми становятся вопросы доступного и надежного энергоснабжения. Так проявляется зависимость Молдавии от российского энергообеспечения. Россия признает наличие энергетической проблемы. Однако учитывая стратегическую важность данного рынка, Россия не может строить свою политику на самопожертвовании, а должна исходить из прагматических национальных интересов³. Адекватным же ответом на диверсификацию путей поставок топлива в ЕС в обход России и политику двойных стандартов в отношении российских энергокомпаний является коррекция сложившейся асимметрии энергоэкспорта в пользу восточного и южного направлений. Но по мере того как Россия будет стремиться сохранить свои позиции, а Запад диверсифицировать поставки нефти и газа, сохранится и даже обострится соперничество не только вокруг альтернативных маршрутов транспортировки углеводородов, но и по ряду политических и экономических вопросов⁴.

В этом контексте следует учитывать, что Россия, будучи практически полностью изолирована от международных процессов после окончания биполярного противостояния, сталкивается с попытками ее «сдерживания» в рамках новой формирующейся системы безопасности: политической, экономической, гуманитарной, энергетической. Укрепление евроатлантических структур за счет расширения ЕС и НАТО, вступления в их состав стран Центральной и Юго-Восточной Европы, прибалтийских государств, в т.ч. Румынии – непосредственного соседа Молдавии привело к тому, что Североатлантический альянс вплотную подошел к юго-западным границам, укрепился в политическом и военном отношениях. Процесс расширения НАТО стал долговременным фактором мировой политики⁵. Он оказывает и будет продолжать оказывать непосредственное воздействие на безопасность России, а также на общую политическую атмосферу в Европе.

Отношение к трансформации НАТО будет зависеть от того, в каком направлении пойдет этот процесс, насколько будут соблюдаться принципы международного права на деле, а не декларативно учитываться интересы безопасности России. Пре-

² Велихов Е. П., Гагаринский А. Ю., Субботин С. А., Цибульский В. Ф. Россия в мировой энергетике XXI века. М., 2006. С. 5; Асмус Р. Евроатлантическое Причерноморье // Россия в глобальной политике. 2007. №3.

³ Каныгин П. Энергетическая безопасность Европы и интересы России // МЭМО. 2007. №5. С. 10.

⁴ См., в частности: Асмус Р. Евро-атлантическое Причерноморье // Россия в глобальной политике. 2007. №3.

⁵ Энгин М. По-настоящему единая Европа // Россия в глобальной политике. 2010. №6.

вращение НАТО из замкнутого военного блока в современную организацию, занимающуюся реальными, а не мнимыми угрозами безопасности, способствовало бы укреплению международной и европейской стабильности, поскольку при всех сегодняшних разногласиях и асимметричности экономических и политических позиций России и Запада сохраняются многие общие позиции в подходе к ключевым проблемам безопасности, имеется общий интерес в недопущении новых региональных конфликтов⁶.

В этой связи следует отметить, что в настоящий период состояние российско-молдавских отношений проецируется не только на процессы на пространстве СНГ, но и на европейские процессы, на геополитические интересы евроатлантических структур в целом. Ведь Молдавия стала ближайшим соседом Европейского Союза, а Россия является крупнейшим его партнером. У России с ЕС связаны основные интересы на европейском направлении. На мировой арене ЕС выступает в качестве второго по мощи экономического центра (83% ВВП США) и одного из основных акторов в системе международных отношений⁷. Несмотря на замедление темпов евроинтеграции, он остается мощным геополитическим фактором, который необходимо учитывать при выстраивании российской линии на европейском направлении и в международных делах в целом.

Следовательно, на современном этапе возникает потребность в обновленных подходах, ориентированных на формирование нового качества отношений. Это связано как с укреплением позиций России, так и с тем, что основные европейские и евроатлантические объединения – ЕС, СЕ, ОБСЕ, НАТО – переживают период трансформации, поиска ими своих ниш в изменившихся международных реалиях⁸. В этих условиях точкой опоры на европейском пространстве становятся двусторонние отношения. Реализация потенциала двусторонних связей, в свою очередь, должна помочь определиться со шкалой приоритетов относительно многосторонних организаций.

Среди основных перемен, появившихся на европейском континенте в 2000-е годы, следует отметить изменение формата отношений ЕС с постсоветскими государствами. ЕС все более заинтересовано в сближении с ними. Что касается России, то даже при весьма динамичном характере развития российско-европейских связей многие проблемы по-прежнему остаются нерешенными. Одна из них заключается в желании усилить влияние на постсоветском пространстве как со стороны России, так и со стороны ЕС. Приоритет во взаимоотношениях России и ЕС, безусловно, принадлежит вопросам региональной безопасности. Главной целью российской внешней политики на европейском направлении является создание стабильной и демократической системы общеевропейской безопасности и сотрудничества.

Судя по последним тенденциям, в ЕС стали более благосклонно относиться к процессам экономической интеграции на постсоветском пространстве. Вместе с тем, не стоит полагать, что страны СНГ изменят свой внешнеполитический вектор, направленный на сближение с Европейским Союзом. Для подобных шагов, по нашему мнению, Россия прежде всего должна стать в большей степени привлекательна для государств постсоветского пространства. Поэтому повышение авторитета России на международной арене требует, прежде всего, целенаправленных реформ.

Что касается ЕС, то здесь подобные реформы носят планомерный характер. Диалог между постсоветскими государствами и странами Евросоюза приобрел новое измерение в связи с реализацией политики нового соседства, начатой в 2004 году. Главная ее задача – разделить преимущества расширения ЕС с ближайшими государствами-соседями, для которых в обозримом будущем нет перспектив на вступле-

⁶ Бар Э. Стратегическое партнерство с Российской Федерацией // Современная Европа. 2010. №3. С. 5-13.

⁷ Борко Ю. А. Свет и тени европейской интеграции // Россия в глобальной политике. 2007. №1.

⁸ Обзор внешней политики Российской Федерации (413-27-03-2007). [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.mid.ru/brp_4.nsf.

ние в ЕС. Данная политика задумана таким образом, чтобы не допустить появления разделительных линий между расширенной Европой и ее новыми соседями, а также углубить политическое и экономическое сотрудничество⁹. Одним из краеугольных камней соседства является принцип «обусловленности», согласно которому продвижение по пути интеграции возможно лишь в случае выполнения претендующей на более тесные отношения с Европейским Союзом страной определенных условий. В частности, степень открытости европейских рынков, благоприятность торговых и визовых режимов напрямую зависит от успехов внутреннего развития государства.

Важно отметить, что европейская политика соседства разворачивается как раз в тот момент, когда Россия все больше стремится к консолидации своей позиции как центральной фигуры в сфере безопасности, а также в экономических и политических структурах на постсоветском пространстве¹⁰. Молдавия же в период своей независимости, по большей части, балансировала между СНГ и ЕС, находясь в зоне «геополитической неопределенности»¹¹. Такая позиция во многом объяснялась аргументами исторического и экономического характера. Впервые относительно четкий выбор в пользу Европы обозначился в 2003 году. В начале второго десятилетия европейский вектор внешней политики Молдовы стал ее главным приоритетом. Таким образом, Молдавия обрела новую историческую перспективу, сформировав внешние критерии поведения, которые базируются на согласии основных политических сил страны, а задачи внешней политики отражают стремление республики к европейской интеграции¹².

Следует подчеркнуть, что целью новой политики соседства ЕС не является членство новых соседей в этой организации в ближайшем будущем. ЕС подчеркивает дифференцированность подхода к каждой из стран-соседей вследствие различного уровня двусторонних отношений и степени стремления к углублению сотрудничества между Европейским Союзом и каждой из стран. Политика соседства в отношении новых независимых государств предполагает разноуровневое и разноскоростное сотрудничество в зависимости от достигнутых результатов¹³.

Что касается России, то стремление быть равноправными партнерами объясняет отказ России считать себя как объектом, так и субъектом политики соседства Евросоюза, что обусловлено отношением к статусу «соседства» как к более низкому, чем статус «партнерства». Россия придерживается позиции, что для тех стран, которые готовы воспользоваться инструментами концепции «Широкая Европа – новое соседство», она призвана играть роль связующего звена во взаимном усилении интеграционных процессов поверх внешней границы Евросоюза, что может вполне эффективно реализоваться на межгосударственном уровне¹⁴.

Если же рассматривать политику Республики Молдова в контексте отношений Европейский Союз – Россия, то сближение Российской Федерации и Европейского Союза может отразиться на положении Молдавии и на состоянии российско-молдавских отношений с позитивной стороны. Будущее Европы невозможно без России, без ее участия в происходящих на континенте процессах. А это, в свою очередь, способно снять существующее на современном этапе противоречие между Российской Федерацией и Республикой Молдова, возникшее по причине первоначального

⁹ План действий Европейский Союз – Республика Молдова: Справочник. Кишинев, 2006. С. 21.

¹⁰ Потемкина О. Европейский Союз и Россия – стратегические партнеры или добрые соседи? // Вестник Мирового общественного форума «Диалог цивилизаций». 2006. №1. С. 110.

¹¹ Заостровцев А. СССР после распада. Молдова: возвращение из ниоткуда // Дело. СПб. 2006. 10 апреля.

¹² Программа деятельности Правительства Республики Молдова на 2005-2009 гг. «Модернизация страны – благосостояние народа». Кишинев, 2005. С. 38.

¹³ Достанко Е. Политика соседства ЕС: инструменты сотрудничества для Украины, Молдовы, Беларуси // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 2004. №3. С. 34; Стрелков А.А. Европейская политика соседства: непоследовательное движение к цели // Современная Европа. 2009. №3. С. 119-126.

¹⁴ Гелла Т. Н. Россия, СНГ и Европейский Союз в едином социально-экономическом и политическом пространстве // Региональное развитие: опыт России и зарубежных стран. Орел, 2006. С. 28.

«безоглядного» стремления к европейской интеграции Молдавии. В целом это должно соответствовать проводимой как Россией, так и Молдавией политике многовекторности, интересам безопасности и стабильности в регионе. Таким образом, дальнейшее укрепление российско-молдавских отношений означает не отход от Европы и европейских ценностей, а сближение с ней – в этом заключается взаимовыгодный и взаимопризнанный стратегический курс обеих стран. К тому же надо иметь в виду, что согласно социологическим опросам, за продвижение Молдовы по пути евроинтеграции высказались 61% опрошенных, 72% считают также необходимым сохранение стабильных отношений с Россией, прежде всего в экономической сфере. Немаловажно то обстоятельство, что 1/6 часть населения Молдовы считает себя русскими¹⁵.

В этих условиях важным фактором для преодоления существующих противоречий является то, что Россия и Молдавия имеют глубокие и долгосрочные национальные интересы в Европе, а партнерство с данным регионом считают стратегически важным. В Концепции внешней политики Российской Федерации Европе отведено центральное место среди внешнеполитических приоритетов государства, наряду со странами СНГ¹⁶. Во многом сходные задачи стоят перед Россией и в организации межгосударственных отношений с ее европейскими партнерами, входящими в Содружество Независимых Государств. Надо признать, что в двусторонних российско-молдавских отношениях сделано пока меньше, чем предстоит сделать. Однако именно Россия должна взять на себя роль скрепляющего пространство в регионе, так как обладает геополитическим потенциалом в виде совокупности православно-славянской цивилизации и ядра евразийского пространства.

Но существует и другой аспект. Основываясь на мнении, в частности, бывшего посла Российской Федерации в Республике Молдова Н. Рябова, следует отметить, что Россия никогда не выступала против стремления стран, некогда входивших в СССР, в европейское пространство, в том числе и Молдавии, ибо выбор Молдавии – ее законное, суверенное право. Проблема заключается в другом, – а именно в восприятии европейского выбора как альтернативы сотрудничеству с Россией. Это служит причиной немалых проблем в двусторонних отношениях России и Молдавии. Предстоит осознание двусторонней выгоды благоприятных, плодотворных, дружеских отношений, которые не ущемляют национальные интересы обоих государств.

Как известно, залог процветания народов на постсоветском пространстве лежит в синхронизации общеправовых стандартов и максимальном ценностном сближении двух интеграций – Запада и Востока. Любой асимметричный путь развития снижает возможности народов, а односторонний путь создает новые разделительные линии, выстраивает новые непреодолимые завесы¹⁷. Таким образом, на современном этапе после сложных перипетий формирования собственных внешнеполитических стратегий, Россия и Молдова находятся на пути строительства двусторонних отношений, основанных на взаимном доверии, уважении законных интересов друг друга, то есть тех характеристик, на которые привыкли ориентироваться народы двух стран на протяжении многих лет. И, несмотря на то, что анализ отношений между Россией и Молдавией, по крайней мере, на данном этапе, не подтверждает в достаточной мере тезис о доминировании российской составляющей в молдавской внешнеполитической деятельности, объективные факторы несомненно повлияют на коррективы в стратегии внешней политики Молдавии.

¹⁵ См.: Назария С. М. Многовекторность внешней политики Республики Молдова и необходимость ее научного прогнозирования // *Moldoscopie* (Проблемы политического анализа). Кишинев, 2003. № XXII. С. 86; Язькова А.А. Цена пропуска в Европу // *Независимая газета*. 2011. 28 февраля.

¹⁶ Концепция внешней политики Российской Федерации // *Российская газета*. 2008. 15 июля.

¹⁷ Выступление Президента Молдовы В. Воронина на 28-м пленарном заседании Межпарламентской ассамблеи государств-участников СНГ (31.05.2007). [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.president.md.

RUSSIA AND MOLDOVA IN SEARCH FOR OPTIMAL FORMAT OF COLLABORATION

V.V. OGNEVA¹⁾
L.A. BRYSSIAKINA²⁾

*¹⁾ Oryol Regional Academy
of Management*

e-mail: ognevavv@yandex.ru

*²⁾ Institute of Ecology and Political Science
of International Independent
Ekologo-Politological Academy (Moscow)*

e-mail: brisea lu@mail.ru

The authors argue that the current state of Russian-Moldavian relations projects on European processes, has an influence upon a character of regional security. The consolidation of collaboration between Russia & Moldova will have a positive impact on the development of the political dialogue between Russia & EU concerning issues of energy policy, settlement of regional conflicts. Under these conditions a strategy designing of political partnership between 2 countries gets urgent.

Key words: Russia, Moldova, European policy of neighborhood, possibilities for a strategic partnership between Russia and Moldova.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Белоножко Е.П.** – заведующая кафедрой теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор исторических наук, профессор
- Болгов Н.Н.** – заведующий кафедрой российской и всеобщей истории Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор исторических наук
- Болгова А.М.** – доцент кафедры педагогики Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат педагогических наук
- Болховитина Т.С.** – заведующая кафедрой политологии, государственного и муниципального управления Брянского филиала Орловской региональной академии государственной службы, кандидат политических наук, доцент
- Боровикова А.А.** – аспирант кафедры теории и истории международных отношений факультета международных отношений Санкт-Петербургского университета
- Брысякина Л.А.** – старший преподаватель отделения политологии Института экологии и политологии Международной независимой эколого-политологической академии, кандидат политических наук (г. Москва)
- Великанова Е.Н.** – старший преподаватель кафедры всеобщей истории Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, кандидат исторических наук
- Войтеховская М.П.** – заведующая кафедрой отечественной истории и культурологии Томского государственного педагогического университета, кандидат исторических наук, доцент
- Володина Н.Н.** – аспирант кафедры истории древнего мира и средних веков Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
- Грингоф С.А.** – аспирант кафедры всеобщей истории и археологии Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого
- Гусев А.В.** – доцент кафедры защиты в чрезвычайных ситуациях Костромского государственного технологического университета, кандидат исторических наук
- Данилов Е.С.** – ассистент кафедры всеобщей истории Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, кандидат исторических наук
- Дежкин И.Б.** – старший преподаватель кафедры всеобщей истории Липецкого государственного педагогического университета
- Дмитриев В.А.** – доцент кафедры всеобщей истории и регионоведения Псковского государственного педагогического

- университета им. С.М. Кирова, кандидат исторических наук
- Дудка А.И.** – доцент кафедры российской и всеобщей истории Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат исторических наук
- Зайцева И.В.** – аспирант кафедры российской и всеобщей истории Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Замулин В.В.** – студент исторического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Замулин В.Н.** – старший научный сотрудник управления научно-исследовательской работы Курского государственного университета
- Кльишнюк Н.А.** – аспирант кафедры российской и всеобщей истории Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Махциева Н.С.** – доцент кафедры новейшей истории и политики России Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова, кандидат исторических наук
- Огнева В.В.** – профессор кафедры политологии, государственного и муниципального управления Орловской региональной академии государственной службы, доктор политических наук
- Папков А.И.** – декан исторического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат исторических наук, доцент
- Пенская Т.М.** – доцент кафедры отечественной истории и политологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат исторических наук
- Пожилков И.Е.** – доцент кафедры всеобщей истории Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина, кандидат исторических наук
- Реутов Е.В.** – доцент кафедры социальных технологий Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат социологических наук
- Рожина А.В.** – аспирант кафедры истории России, этнографии и археологии Сыктывкарского государственного университета
- Рянский Л.М.** – доцент кафедры истории России Курского государственного университета, кандидат исторических наук
- Рянский Р.Л.** – докторант кафедры истории Отечества Курского государственного университета, кандидат исторических наук
- Сеелев И.В.** – аспирант кафедры истории Тольяттинского государственного университета

- Семичева Е.А.** – доцент кафедры российской и всеобщей истории Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат исторических наук
- Сергеев С.Г.** – доцент кафедры конституционного права Поволжской академии государственной службы им. П.А. Столыпина, кандидат политических наук
- Сергиенко М.А.** – старший преподаватель кафедры российской и всеобщей истории Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат исторических наук
- Сидоров С.А.** – старший преподаватель кафедры общеправовых дисциплин Хабаровского пограничного института ФСБ России, кандидат политических наук
- Скобелкин О.В.** – доцент кафедры истории России Воронежского государственного университета, кандидат исторических наук
- Унжаков А.В.** – аспирант кафедры культурологии и древних языков Нижегородского государственного лингвистического университета
- Чередниченко А.Г.** – доцент кафедры теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат философских наук
- Шаповалов В.А.** – профессор кафедры российской и всеобщей истории Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор исторических наук
- Шахов В.В.** – старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Белгородского юридического института МВД России, кандидат исторических наук
- Шмелева О.Ю.** – доцент кафедры прикладной политологии Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, кандидат исторических наук
- Шорников И.П.** – аспирант Института истории, государства и права Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко (г. Тирасполь)
- Эюпова Д.Г.** – студентка исторического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Уважаемые коллеги!

Материалы необходимо высылать в двух экземплярах:

- по адресу: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85, Белгородский государственный национальный исследовательский университет;
- по электронной почте редакторам разделов: «Актуальные вопросы отечественной истории» – shatohin@bsu.edu.ru (Шатохин Иван Тихонович – заместитель главного редактора); «Актуальные вопросы всеобщей истории» – bolgov@bsu.edu.ru (Болгов Николай Николаевич); «Актуальные вопросы политологии» – Shilov@bsu.edu.ru (Шилов Владимир Николаевич – заместитель главного редактора); «Актуальные проблемы экономики» – Lomovceva@bsu.edu.ru (Ломовцева Ольга Алексеевна – заместитель главного редактора); ответственный секретарь серии журнала – vasilenko_v@bsu.edu.ru (Василенко Виктория Викторовна); сайт журнала: <http://unid.bsu.edu.ru/unid/res/pub/index.php>.

Статьи, отклоненные редколлегией, к повторному рассмотрению не принимаются. Материалы, присланные без соблюдения правил, редколлегией не рассматриваются.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ СЕРИИ «ИСТОРИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ. ЭКОНОМИКА. ИНФОРМАТИКА» ЖУРНАЛА «НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ БЕЛГУ»

В материалы включается следующая информация:

1) УДК научной статьи; 2) аннотация статьи (не более 1200 знаков); 3) ключевые слова; 4) сведения об авторах (Ф.И.О., должность с указанием места работы (без сокращений), ученая степень, ученое звание, почтовый адрес, адрес электронной почты (если имеется), контактные телефоны); 5) внешняя рецензия доктора наук (для аспирантов и кандидатов наук); 6) текст статьи; 7) ссылки.	}	<i>на русском и английском языках</i>
5) внешняя рецензия доктора наук (для аспирантов и кандидатов наук); 6) текст статьи; 7) ссылки.	}	<i>на русском языке</i>

Технические требования к оформлению текста

1. Текст набирается в Microsoft Word 2000/2003. Лист – А4, портретный. Без переносов.
2. Поля:
 - правое – 1,5 см;
 - левое – 3,0 см;
 - нижнее – 2,0 см;
 - верхнее – 2,0 см.
3. Шрифт:
 - гарнитура: текст – **Georgia**; УДК, название, ФИО автора – **Impact**;
 - размер: в тексте – **11 пт**; в таблице – **9 пт**; в названии – **14 пт**.
4. Абзац:
 - отступ 1,25 мм, выравнивание – по ширине;

- межстрочный интервал – одинарный.
5. Ссылки:
- номер ссылки размещается перед знаком препинания (перед запятой, точкой);
 - нумерация – автоматическая, сквозная;
 - текст сноски внизу каждой страницы;
 - размер шрифта – 9 пт.
6. Объем статей: до **8 страниц (Georgia, 11 пт)**.
7. Формулы набираются в «Редакторе формул» Word, допускается оформление формул только в одну строку, не принимаются формулы, выполненные в виде рисунков, формулы отделяются от текста пустой строкой.
8. Требования к оформлению статей, таблиц, рисунков приведены в прил. 1, 2, 3.

Приложение 1. Оформление статьи

УДК 65.01

КЛЮЧЕВЫЕ ВЫЗОВЫ РАЗВИТИЮ РЕГИОНА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ¹

А. В. ИВАНОВ¹**Л. Н. ПЕТРОВ²**¹⁾ *Департамент экономического развития Белгородской области*²⁾ *Белгородский государственный национальный исследовательский университет**e-mail: bor@bsu.edu.ru*

При выборе пути инновационного развития необходимо учитывать возможные риски и ограничения социально-экономического развития, продуцированные перспективами постепенного вступления России в единое мировое экономическое пространство. В работе рассмотрены ключевые вызовы развитию России и регионов на долгосрочную перспективу.

Ключевые слова: глобализация, вызовы развитию, риски и ограничения социально-экономического развития, региональная политика.

В последние годы в российском обществе обозначился явный дефицит долгосрочного (на 10-15 и более лет) видения перспектив развития национальной экономики¹.

KEY CHALLENGES TO REGION DEVELOPMENT IN CONDITIONS OF GLOBALIZATION OF THE RUSSIAN ECONOMY

A. V. IVANOV¹**L. N. PETROV²**¹⁾ *Department of Economic Development, Belgorod Region*²⁾ *Belgorod National Research University**e-mail: bo@bsu.edu.ru*

Choosing a way of innovative development it is necessary to take into account the risks and restrictions of socio-economic development, produced by prospects of the gradual introduction of Russia into the whole world economic space. There considered key challenges to development of Russia and its regions for the long-term prospect.

Key words: globalization, challenges to development, risks and restrictions of socio-economic development, regional policy.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Иванов А.В.

- кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и права Белгородского государственного университета 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85, Белгородский государственный университет;
e-mail: dizelsnab@mail.ru, тел. 33-22-44

¹ Караганов С.А. XXI век и интересы России // Современная Европа. 2004. №3. С. 6; Айналов Д.В. Эллинистические основы византийского искусства. СПб., 1900. С. 2.

Приложение 2. Оформление таблиц

1. Каждая таблица должна быть пронумерована справа, иметь заголовок, расположенный по центру.

Таблица 1

Рейтинговая оценка ЦФО за 1999-2004 гг.

Регионы	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	В среднем за	
							1999-2001 гг.	2002-2004 гг.
РФ	1,3222	1,5091	1,3470	1,4661	1,5940	1,6954	1,3928	1,5852
ЦФО	1,5028	1,9389	1,7210	1,6149	1,6888	1,6930	1,7209	1,6656

2. Таблицы не должны выходить за границы полей страницы слева и справа.

Таблица 1

Рейтинговая оценка ЦФО за 1999-2004 гг.

Регионы	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	В среднем за	
							1999-2001 гг.	2002-2004 гг.
РФ	1,3222	1,5091	1,3470	1,4661	1,5940	1,6954	1,3928	1,5852
ЦФО	1,5028	1,9389	1,7210	1,6149	1,6888	1,6930	1,7209	1,6656

3. Если таблица располагается на 2-х страницах, ее столбцы должны быть пронумерованы на каждой новой странице так же, как на первой.

Таблица 1

Рейтинговая оценка ЦФО за 1999-2004 гг.

Регионы	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	В среднем за	
							1999-2001 гг.	2002-2004 гг.
1	2	3	4	5	6	7	8	9
РФ	1,3222	1,5091	1,3470	1,4661	1,5940	1,6954	1,3928	1,5852
ЦФО	1,5028	1,9389	1,7210	1,6149	1,6888	1,6930	1,7209	1,6656

Таблица, расположенная на первой странице.

Продолжение табл. 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Белгородская область	1,2620	0,4169	2,2612	1,0176	1,2012	0,6413	1,3134	0,9534
Брянская область	0,9726	0,4817	0,5612	1,8653	0,9064	1,6898	0,6718	1,4872

Таблица, расположенная на следующей странице.

Приложение 3. Оформление графических объектов

1. Изображение каждого графического объекта должно иметь номер и заголовок, расположенные по центру рисунка.

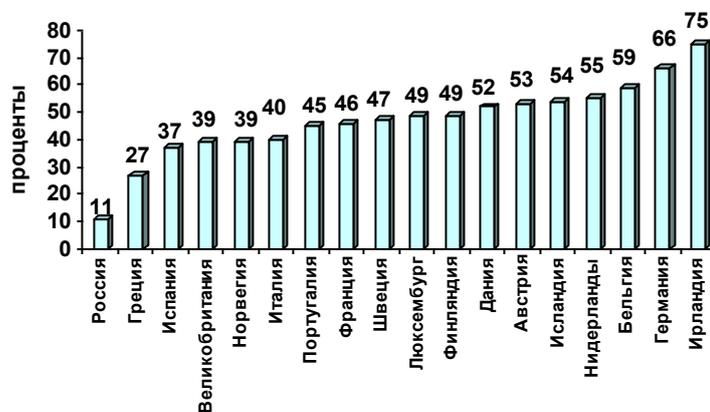

Рис. 1. Уровень инновационной активности в России, странах ЕС, Норвегии, Исландии

2. Изображение графического объекта должно быть в виде рисунка или сгруппированных объектов.

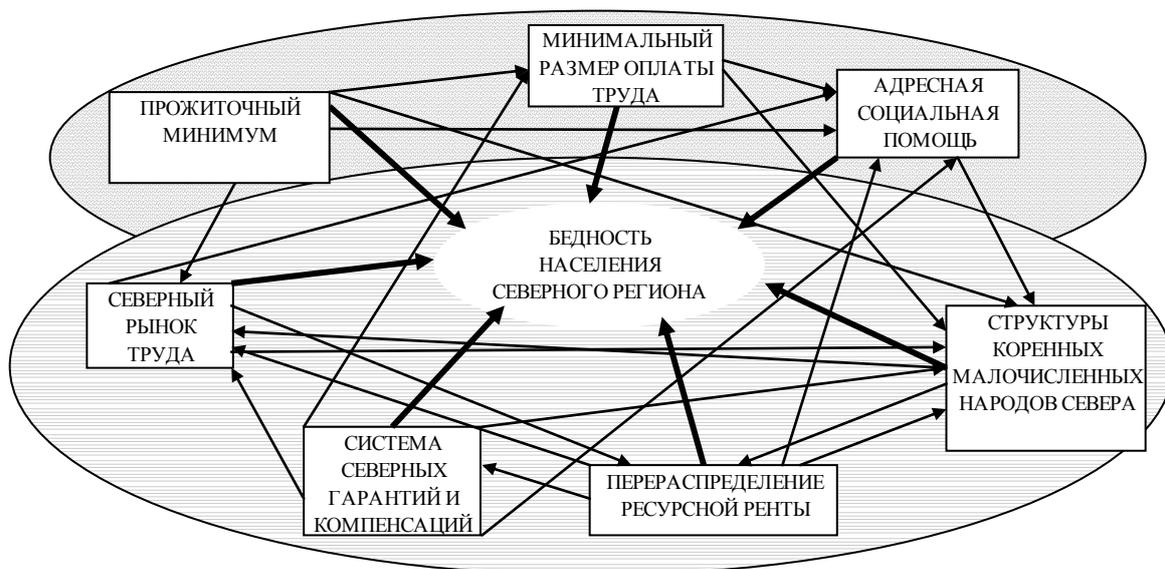

Рис. 2. Институциональная среда существования бедности населения северного региона России

3. Изображение графического объекта не должно выходить за пределы полей страницы.

4. Изображение графического объекта не должно превышать одной страницы.

За публикацию рукописи в журнале «Научные ведомости Белгородского государственного университета» плата с авторов не взимается.